

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кемеровский государственный университет

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

**КОНЦЕПТ
И КУЛЬТУРА:
ДИАЛОГОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ:
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ. ТЕКСТ. ДИСКУРС**

СБОРНИК СТАТЕЙ

**VI МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**
(Кемерово – Ялта, 25–27 сентября 2016 г.)

Кемерово – Ялта 2016

УДК 801
ББК Ш100, 3я431
К 65

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Кемеровского государственного университета*

Рецензенты:

С. Г. Проскурин, профессор, Новосибирский государственный университет.

Л. С. Зникина, профессор, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева.

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, доцент **Л. П. Прохорова**, (отв. редактор)
доктор филол. наук, профессор **Г. И. Лушникова**, (отв. редактор)
доктор филол. наук, профессор **В. А. Каменева**
канд. филол. наук, доцент **Е. Н. Ермолаева**
канд. филол. наук, доцент **С. В. Коломиец**

К 65 Концепт и культура: сборник статей (VI Международная научная конференция, Кемерово – Ялта, 25–27 сентября 2016 г.). – Кемерово – Ялта, 2016. – 638 с.

ISBN 978-5-8353-2031-8

В сборник вошли статьи VI Международной научной конференции «Концепт и культура» (Кемерово – Ялта, 25–27 сентября 2016 г.).

Издание адресовано специалистам по гуманитарным наукам: русской и зарубежной филологии, истории языка, когнитивной лингвистике, межкультурной коммуникации, переводоведению, культурологии.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16–04–14094.

ISBN 978-5-8353-2031-8

УДК 801
ББК Ш100, 3я431

© Авторы статей, 2016
© КемГУ, 2016
© ООО «Инт», 2016

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Кемеровский государственный университет»,
г. Кемерово**

Факультет романо-германской филологии

**Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» в г. Ялте**

Институт филологии, истории и искусств

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание содержит статьи, которые являются материалами VI Международной научной конференции «КОНЦЕПТ И КУЛЬТУРА: ДИАЛОГОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ: ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ. ТЕКСТ. ДИСКУРС».

Проведение данной конференции имеет свою историю – первые пять конференции проводились на базе Кемеровского государственного университета, начиная с 2003 года. По результатам каждой конференции были опубликованы сборники материалов. Первый этап шестой конференции проводился в режиме онлайн Кемерово – Ялта в октябре 2015 года в рамках договора о сотрудничестве между Кемеровским государственным университетом и Гуманитарно-педагогической академией (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Второй этап конференции наши вузы организовали и провели 25–27 сентября 2016 года в Ялте.

География участников конференции и авторов статей настоящего сборника достаточно широка – здесь представлены вузы Москвы, С.-Петербурга, Иванова, Калуги, Владимира, Калининграда, Казани, Уфы, Самары, Нижнего Новгорода, Смоленска, Липецка, Саранска, Екатеринбургa, Омска, Челябинска, Новосибирска, Барнаула, Кемерово, Красноярска, Иркутска, Якутска, Краснодара, Ставрополя, Севастополя, Симферополя, Ялты. Наши зарубежные участники – исследователи из Казахстана, Украины, Австралии, США.

Статьи сборника представляют собой результаты научных изысканий в области таких ведущих направлений филологии, как когнитивистика, дискурсология, лингвокультурология, стилистика, лингвистика текста, теория перевода, межкультурная коммуникация, лингводидактика. Анализу подвергаются различные аспекты языка и речи на материале русского, украинского, английского, немецкого, французского, испанского, ирландского, якутского и некоторых других языков.

Сборник состоит из следующих разделов: Концептуальные исследования на современном этапе; Лингвокультурологические исследования языковых процессов; Текст в коммуникативном пространстве: интерпретация и перевод; Текст, контекст, интертекст; Актуальные проблемы дискурсивных исследований; Формирование речевой компетенции в межкультурном общении; Функциональные исследования языка.

Концептуальные исследования на современном этапе представлены статьями, в которых очерчены перспективы развития лингвокультурной концептологии (С. Г. Воркачев), концептуальных исследований в дериватологии (Л. А. Нефедова, С. В. Балакин), изучаются социокультурные (С. В. Буренкова), ономаσιологические и семасиологические (Ю. Н. Зинцова, Н. Д. Кручинкина) аспекты актуализации концептов, социокультурные (С. В. Буренкова, Е. Б. Гришаева), структурно-семантические (Е. Б. Головкин, А. В. Гиря) и не-

которые другие характеристики концептов. Авторы проводят сопоставительный анализ концептов в разных языковых картинах мира (Н. Е. Максимова), выявляют специфику конкретных концептов в языковом сознании представителей разных лингвокультур (С. Е. Груенко, М. Н. Коннова, Л. И. Федянина, Ю. М. Зайцева), освещают богатую палитру художественных концептов (Т. В. Агапова, К. З. Иванова, К. И. Федорова, Е. А. Наимова, Т. П. Павлюк, Л. П. Позняк, Л. П. Прохорова, Е. Н. Инякина).

Лингвокультурологические исследования языковых процессов отражают современные проблемы лингвокультурологии (И. Ю. Колесов, Е. В. Михайлова, С. Ю. Нейман, О. В. Томберг, Т. В. Старцева), межкультурной коммуникации (Т. Н. Федуленкова, С. В. Бершадская, Л. Ю. Айснер, С. А. Золотарева, И. В. Сабирзянова), этнолингвистики (О. А. Козлова, Н. В. Дронякина), лингвогеографии (О. А. Сулейманова, А. Богданова), социоллингвистики (Т. Я. Костюченко, Д. М. Ужегова, Е. Ю. Позднякова). Согласно принципу антропоцентричности, явления языка в современной филологии рассматриваются во взаимосвязи с другими науками о человеке. Статьи данного раздела демонстрируют плодотворные исследования фактов языка, проводимые на стыке лингвистики и истории, лингвистики и этнографии, лингвистики и географии, лингвистики и культурологии, лингвистики и социологии. В ракурсе междисциплинарного подхода решаются вопросы речевой культуры (Т. Н. Трофимова), языковой интерференции (Ю. А. Топоркова, С. А. Королева), этнической стереотипизации (Т. А. Мельничук, Д. А. Андросова, Т. А. Цебровская) и некоторые другие.

Текст в коммуникативном пространстве: интерпретация и перевод – включают статьи, в которых исследуются разные типы текстов – художественный (поэтический и прозаический), тексты патентов, рекламы, веб-сайтов. В фокусе внимания оказывается интерпретация когнитивных, структурных и стилистических особенностей текстов (О. Г. Скидан, С. А. Стройков, Н. Г. Петрова), деривационных трансформаций текстов (Ю. А. Башкатова), приемов пародирования (Д. Ю. Ващенко).

Вопросы теории и практики перевода решаются с учетом прагматической и коммуникативной составляющих (Н. В. Сигарева, В. А. Разумовская, Л. Д. Сабирова).

Примечательно, что ряд авторов проводит изучение лингвистических и переводческих проблем на основе регионального Крымского языкового и литературного материала (Е.М. Вишневская, Н.А. Чекмаева, Е.Ю. Горбынко).

Текст, контекст, интертекст – посвящен изучению текста в вертикальном пространстве мировой культуры. Анализу подвергаются лексические (Л. Н. Икитян, А. А. Алехина, Л. В. Климина, Е. В. Урядникова) и синтаксические особенности текста (И. А. Герасименко, Н. А. Анушкина), типы фокализации текста (Е. В. Герасименко, Г. И. Лушникова), оценочность текста (Н. В. Сабурова). Материалом служат произведения классической и совре-

менной художественной литературы, тексты дневника, рецензии, инфографики, электронного туристического путеводителя.

Авторы рассматривают различные виды и формы интертекстуальности – гипертекстуальность, интердискурсивность, самоцитирование, ремейк, пародия, бурлеск, стилизация (Н. В. Петрова, Г. И. Лушникова, Л. Н. Синельникова, С. В. Коломиец, Е. Р. Чемезова, Р. М. Арпентьева, В. А. Байко), исследуют взаимодействие разножанровых художественных текстов разноплановых писателей (Л. Н. Икитян, С. С. Кауров, Е. В. Пономарева), а также взаимодействие и взаимовлияние тестов разных видов искусств (В. С. Мандрика, Д. С. Мокренцов).

Актуальные проблемы дискурсивных исследований – представлены работы, в которых затрагиваются проблемы взаимосвязи действительности, текста и дискурса как неразрывных составляющих структуры и содержания общения, которое всегда реализуется в конкретном коммуникативном пространстве. Диапазон рассматриваемых видов дискурса очень богат – медиадискурс (Е. А. Бармина, О. Г. Лукошус, А. А. Бузыкина), театральный (Л. А. Борботько, Т. Г. Мочалова), академический (А. А. Водяницкая), поучающий (Л. А. Дорошенко, О. А. Шутова), любовный (Л. Г. Васильев, Э. И. Котелевская), семейный (Ф. И. Карташкова, А. Б. Аббаскулиева), гастрономический (К. А. Врыганова), новостной (В. А. Каменева, Н. В. Потапова) и некоторые другие. Методы анализа того или иного дискурса и теоретические посылки его исследования также варьируют, включая интерпретативный анализ, коммуникативно и прагматически ориентированный подходы.

Формирование речевой компетенции в межкультурном общении – статьи базируются на практическом опыте преподавания иностранных языков в вузе и школе. В ряде статей акцент ставится на компетентностном подходе в развитии коммуникативных навыков и умений иноязычного общения и перевода. Это не случайно, поскольку в настоящее время компетентностный подход к построению новых учебных планов предполагает глубокие системные преобразования во всех составляющих высшего образования. Структура этих компетенций («знать», «уметь», «владеть») реализуется как высококвалифицированная, осмысленная, эффективная, творческая, практическая деятельность (Е. Н. Ермолаева, А. К. Рыбкина). Авторы решают такие вопросы лингводидактики, как развитие лингвистической компетенции будущего учителя иностранного языка (С. В. Ратовская), развитие коммуникативных умений в условиях профессионального обучения (А. А. Дроздова, Н. А. Сурова), оценивание знаний и умений студентов, изучающих иностранные языки (Т. Ю. Осадчая) и другие.

Функциональные исследования языка – охватывается широкий спектр вопросов, связанных с функционированием единиц различных языковых уровней – фонетическом (А. А. Кузьмичева), морфологическом (А. В. Агеева, Л. Р. Абдуллина), лексическом (Н. К. Иванова, Р. В. Кузьмина, О. Г. Лукошус, И. В. Матвеева). Языковая палитра анализируемого материала доста-

точно разнообразна: авторы проводят исследования на материале русского, английского, немецкого, испанского, французского языков.

Проведение конференции и публикация сборника материалов осуществлены при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда № 16-04-14094.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

КОНЦЕПТ-АНАЛИЗ СОЗНАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Т. В. Агапова

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»
(Красноярск)*

CONCEPT-ANALYSIS OF INTELLIGENTSIA CONSCIOUSNESS IN SOLZHENIZIN'S WORK "IN THE FIRST CIRCLE"

T. V. Agarova

Summary: In the article is given the concept-analysis studying the consciousness of intelligentsia and its values in Solzhenizin's work "In the first circle". The authors define the concepts and the attitude of heroes to them that allows highlighting the main characteristics of intelligentsia in Gulag.

Художественное произведение – это модель мира человека и социума, и как мир, оно многогранно. Каждое художественное произведение является частью художественной картины мира. Художественное произведение – это особый мир со своей системой ценностей, со своими нормами поведения.

Текст произведения художественной культуры является многогранным объектом исследования различных наук, составной частью текста культуры в целом. Художественный текст представляет художественную форму культуры, ее артефакт и включает в себе некоторую структурно организованную совокупность кодов, знаков, символов, смыслов, информации. Художественный текст можно рассматривать как текст многократно закодированный. Именно это свойство его имеют в виду, когда говорят о многозначности художественного слова, о невозможности пересказать поэзию прозой, художественное произведение нехудожественным языком [3, с. 69].

Внутренняя неоднородность, многозначность и символичность художественного текста позволяет ему стать источником новых смыслов. Широкий спектр возможностей вариаций смысла такого текста возникает в результате использования для интерпретации художественного произведения дополнительных кодов (исторических, стилистических, жанровых, индивидуальных и др.). В процессе создания произведения внутренние психические формы, наблюдения, осмысления, интерпретация, эмоциональные переживания автора в его сознании кодируются в виде некоего целостного образа. Содержание этого образа воплощается в материальной или нематериальной форме посредством художественных средств.

Используя язык художественных образов, автор выражает свое отношение к ценностной ориентации своего персонажа. При этом образ персонажа предстает как воплощение писательской концепции, идеи. Соотнесенность ценностных ориентаций автора и героя составляет своего рода первооснову литературных произведений, их неявный стержень. Отношение автора к герою может быть по преимуществу либо отчужденным, либо родственным, но не бывает нейтральным [5, с. 206].

Персонажи в художественных произведениях говорят как участники изображенной жизни, «с частных позиций», «их точки зрения так или иначе ограничены (они знают меньше автора)». Автор же находится «вне изображенного (и в известном смысле созданного им) мира. Он осмысливает весь этот мир с более высоких и качественно иных позиций». Однако все персонажи и их речи являются объектами авторского отношения и авторской речи, т. е. так или иначе, отображают его сознание [2, с. 314].

В качестве примера было исследовано произведение А. И. Солженицына «В круге первом» [4]. Автор описывает многомерную и правдивую картину жизни в «шарашке» на рубеже 40-х – 50-х годов. «Шарашка Марфино», где находились заключенные, и почти все ее обитатели – это реальные люди. Мысли основных героев-интеллигентов были подвержены концепт-анализу (таблица).

А. И. Солженицын берет в качестве главных героев Льва Рубина, Глеба Нержина и Дмитрия Сологодина. Эти люди разные, как и разные их мысли, чувства, поступки. Каждый из героев являет какие-то свои черты сознания.

Филолог-германист Лев Рубин принадлежит к основному числу представителей интеллигенции середины XX века. Он по-настоящему верит в коммунизм и считает основой мироздания социализм. Основные ценности для него – это нравственные ценности социализма, а истина – исторический материализм. Он свято верит в то, что Россия идет по правильному пути.

Именно Рубин помог определить голос человека, звонившего в американское посольство и сообщившего о получении советским агентом в Нью-Йорке важные технологические детали производства атомной бомбы. И делал он это не потому, что хотел получить досрочное освобождение, чистый паспорт или прочное положение на «шарашке», он считал, что «не имеет морального права обойти такой телефонный разговор», что звонивший «стал на пути социализма – и его надо убрать». Это особый тип интеллигента, фанатика своей веры.

Математик Глеб Нержин тоже принадлежит к числу интеллигенции, однако к ее диссидентской части. Концепт-анализ раскрывает философскую природу его характера (таблица). Счастье для него – это «собственное душевное богатство, обмен свободными мыслями без боязни», а «счастье полного насыщения, непрерывных побед, триумфального исполнения желаний – есть страдание, душевная гибель». В душе Нержин – философ, он живет в постижении себя, своей сущности. «Для чего же жить всю жизнь? Жить, чтобы

жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела? Милое благополучие! Зачем – ты, если ничего, кроме тебя?..» [4, с. 417].

Для Нержина чужд социализм: «Ведь весь и всякий социализм – это какая-то карикатура на Евангелие. Социализм обещает нам только равенство и сытость, и то принудительным путем». В своих размышлениях о России он пишет: «Для математика в истории 17 года нет ничего неожиданного. Ведь тангенс при девяноста градусах, взмыв к бесконечности, тут же и рушится в пропасть минус бесконечности. Так и Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, сейчас же и тут же оборвалась в худшую из тираний». И только справедливость для него – это «глава угла, основа мироздания». «Мы родились со справедливостью в душе, нам жить без нее не хочется и не нужно!».

Любовь для Глеба Нержина – это прежде всего страсть, но не страсть к женщине, а к любимому делу. «Все сбылось и исполнилось, но за этим – не осталось Нержину ни науки, ни времени, ни жизни, ни даже – любви к жене. Ему казалось – лучшей жены не может быть для него на всей земле, и вместе с тем – вряд ли он любил ее. Одна большая страсть, занявши раз нашу душу, жестоко измещает все остальное. Двум страстям нет места в нас».

Конструктор Дмитрий Сологдин – самая противоречивая из всех троих личность. Сологдин происходил из дворянской семьи. Юношей он долго колебался, не понимая, как же ему относиться к революции: «Он ненавидел ее как бунт раззадоренной завистливой черни, но в ее беспощадной прямолинейности и неустояющей энергии он чувствовал себе родное. С древнерусским пыланием глаз он молился в угасающих московских часовенках. В юнгштурмовке, как все носили, с пролетарски расстегнутым воротом поступал в комсомольскую ячейку ...он был искренне набожен и захваченно тщеславен. Он был жертвенен, но и сребролюбив». Будучи верующим человеком, Сологдин разделял убеждение безбожника Демокрита: «Счастлив тот, кто имеет состояние и ум» [4, с. 417].

Противоречие в характере Сологодина проявляется не только в этом. Ценности для него – это не только материальные (Сологдин положил себе как первую несомненную задачу: приобрести миллион), но и духовные (вера в Бога). Но и к тому, и к другому у Сологодина двойственное отношение: стремление к миллиону для него – это ни богатство, и ни свободные средства, а экзамен на делового человека, доказательство, «что ты не пустой фантазер, а дальше можно ставить себе следующие деловые задачи». Нержин так охарактеризовал двойственность Сологодина: «В тебе все-таки свет истины и проституция есть нравственное благо».

Исследуя произведение «В круге первом», был определен ряд концептов и отношение героев к этим концептам. Данные исследования представлены в таблице.

Таблица

Концепты	Лев Рубин	Глеб Нержин	Дмитрий Сологдин
Счастье.	Недостижимо или иллюзорно.	Собственное душевное богатство; обмен свободными мыслями без боязни; счастье полного насыщения, непрерывных побед, триумфального исполнения желаний – есть страдание, душевная гибель.	Разделение убеждения Демокрита: «Счастлив тот, кто имеет состояние и ум».
Любовь.	Страсть.	Страсть.	Страсть.
Истина.	Исторический материализм.	Философия.	Бог.
Вера.	В научное знание, в коммунизм.	Усугубленное неверие в Бога, скептицизм.	В Бога.
Основа мироздания.	Социализм.	Справедливость.	Вера.
Основные ценности.	Нравственные идеалы социализма.	Неприкосновенность личности.	Материальные (найти путь к миллиону через какое-нибудь ослепительное изобретение); духовные (вера в Бога).
Народ.	Вымышленное понятие.	Не выше, не стойче, не предусмотрительней, не тверже духом, чем интеллигенция, но слепей и доверчивей к стукачам и падче на грубые обманы начальства.	Общее обозначение совокупности серых, грубых существ, беспросветно тянущих упряжку.
Власть.	Социалистическая.	Демократическая.	Императорская.
Россия.	Страна, идущая по правильному пути.	Взлетев к невиданной свободе, оборвалась в худшую из тираний.	Косопузая страна, страна рабов.
Задачи мыслительной деятельности.	Победа Социализма.	Размышления о судьбе России, о революции.	Тайно разработанная конструкция абсолютного шифратора.

Анализ произведения «В круге первом» позволяет выделить ряд характерных черт, присущих интеллигенции ГУЛага. Эти люди находятся в особом положении, и это накладывает отпечаток на все их поведение и мысли:

1) отделение своих интересов от государственных, но только в тайных мыслях и в узком кругу, а на деле часто – верная государственная служба (анализ концепта «мыслительная деятельность» показал тайное увлечение каким-то своим делом: тайно написанные размышления о судьбе России и о революции у Глеба Нержина, тайно разработанная конструкция абсолютного шифратора у Дмитрия Сологодина, а на самом деле – помощь властям в раскодировке голосов). Высказывания о России тоже только среди «своих» или в тайных записках (Нержин в своих размышлениях пишет: «Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, сейчас же и тут же оборвалась в худшую из тираний», Сологдин охарактеризовал Россию как «косопузую страну, страну рабов»);

2) различное отношение к вере (анализ концепта «вера» дал следующие результаты: вера в научное знание и коммунизм у Льва Рубина; усугубленное неверие, скептицизм у Нержина; вера в Бога у Сологодина);

3) различное отношение к концепту счастья (для Рубина счастье недостижимо и иллюзорно, для Нержина – это собственное душевное богатство, для Сологодина – состояние и ум);

4) присущее чувство стремления к истине, которая у каждого своя (исторический материализм у Рубина, философия у Нержина, Бог у Сологодина);

5) основные ценности для Рубина – нравственные идеалы социализма; для Нержина – неприкосновенность личности; для Сологодина – материальные и духовные ценности;

6) негативное отношение к народу;

7) отсутствие стремления к личному богатству (для Сологодина стремление к миллиону – это не богатство, а «экзамен на делового человека»);

Все три героя Солженицына (Лев Рубин, Глеб Нержин, Дмитрий Сологдин) – представители разных типов интеллигенции. Однако автор через своих героев выразил и свое представление о жизни, о вере, о России, отобразив свои взгляды в большей степени в образе Глеба Нержина, который представил диссидентское крыло интеллигенции.

Литература:

1. Агапова, Т. В. Ценностно-смысловое содержание духовной культуры интеллигенции: дис. канд. культурологии / Т. В. Агапова. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – 163 с.

2. Бахтин, М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.

3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Понятие текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб: Искусство, 1998. – 704 с., ил.

4. Солженицын, А. И. В круге первом: роман / А. И. Солженицын. – М.: Кн. палата, 1990. – 592 с. – (Попул. б-ка)

5. Теория литературы: учебник / В. Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.

**ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
В ДИНАМИКЕ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ КУЛЬТУРЫ
(на примере немецкого концепта SICHERHEIT)**

С. В. Буренкова

ФГБОУ ВО «Омский университет дизайна и технологий» (Омск)

**REFLECTION OF SOCIAL AND CULTURAL TRANSFORMATIONS
IN THE DYNAMICS OF KEY CULTURAL CONCEPTS
(on example of the German concept SICHERHEIT)**

S. V. Burenkova

Summary. The object of study in this article are substantial changes in the concept SICHERHEIT as one of the key concepts of contemporary German linguistic culture. Based on the analysis of semantics and functional features of the nominations, which correlate with the concept SICHERHEIT, the author reveals the new elements of its content, reflected social and cultural transformations in German society.

Любое общественное явление, к каковым относятся и язык, и культура, представляет собой сложное, многомерное образование, а потому использование в изучении подобных феноменов самых разнообразных методов исследования, в том числе и языковых, вполне оправданно и целесообразно. Результаты лингвистических исследований подтверждают, что и факты языка дают ключ к познанию культуры.

В качестве опорного элемента для сопоставления национальных менталитетов, культурных норм и ценностей в современной науке о языке предлагается понятие *концепт*. В содержании концептов, соотносимых со значимыми (ключевыми) для культуры словами, видят отражение мировоззрения человека, которое обусловлено контекстом культуры и времени, образом жизни людей, базовыми ценностями культуры, и во многих случаях проецируют такое содержание на языковую картину мира, подчёркивая её национальную специфику, и на выражение особенностей сознания языковой личности [3].

В современной лингвистике накоплен достаточно большой опыт познания культуры посредством изучения способов вербализации национально-специфичных концептов. Вместе с тем, в силу отсутствия единой методики описания концепта, актуальность и перспективность концептуальных иссле-

дований очевидны. Кроме того, ученые акцентируют внимание на изменчивости концептов: «Концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификации» [2, с. 91]. Концепт трактуется как «величина динамичная, в огромной степени зависимая от состояния общества, общественной ситуации» [4, с. 115].

Каждое современное общество сталкивается, особенно сегодня, с массой новых проблем, требующих этических решений, пересмотра существующей системы моральных норм и ценностей. Глубинными причинами возникающих конфликтов являются разные интерпретации устоявшихся традиций, ценностных представлений. Переосмысливание системы ценностей является неизбежным процессом, тесно связанным с разного рода трансформациями в обществе. Несмотря на присущую стабильность система национальных ценностей и норм характеризуется синхронической и диахронической изменчивостью, что постепенно находит отражение и в способах вербализации соответствующих концептов.

В современной Германии, где соблюдение порядка всегда считалось основным жизненным принципом, отмечается в последнее время небрежность в отношении установленных норм и правил, что связывают, в первую очередь, с влиянием других культур. Наведение порядка во всех сферах жизни всегда выступало необходимым условием защищенности, безопасного существования и уверенной жизнедеятельности. Именно поэтому «концепт *Sicherheit*, как бы соединяющий идеи ‘уверенности’, ‘безопасности’ и ‘защищенности’, часто рассматривается как ключевая немецкая ценность» [1, с. 110].

Какой же смысл вкладывают современные немцы в понятие *SICHERHEIT* в условиях, когда вера в Бога и правителя, подкрепляемая страхом, сменяется недоверием к властям и окружающим людям, пропагандирующим или исповедующим порой иные нравственные принципы? Открытость всему миру внезапно вызвала у немцев чувство собственной незащищенности. В немецком мультикультурном обществе возникли значительные разногласия: достаточно упомянуть сторонников и противников движения *PEGIDA* = *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes* (Патриотические европейцы против исламизации Запада (Старого света)), созданного в декабре 2014 года в Дрездене. Злободневными проблемами являются сегодня отчуждение (*Verfremdung*) и одиночество (*Einsamkeit*), приоритет потребления (*Konsum*) и самореализации любой ценой (ср.: *Ellbogengesellschaft*) – все это дает социологам повод говорить о появлении аномии (*Anomie*).

Не ставя задачи исследовать в рамках данной статьи глубинные причины социокультурных изменений в современном германском обществе, остановимся лишь на языковых проявлениях данных трансформаций. Для этого сравним лексикографическое описание концепта *SICHERHEIT* в двух авторитетных словарях идеографического типа на материале немецкого языка. Необходимо подчеркнуть, что при помощи тематической организации еди-

ниц такого словаря пользователь получает обзор фактов нужной ему предметной области, перед ним открывается все содержание концепта, весь пакет информации, стоящий за определенным словом-стимулом и выраженный лексикой соответствующей тематической группы.

К наиболее известным идеографическим словарям немецкого языка относится словарь Ф. Дорнзайффа: F. Dornseiff. *Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen*. Восьмое издание словаря, полностью переработанное, вышло в свет в 2004 году. Новшества коснулись в основном словника, в который было включено более 30 % новых слов и групп слов. В синопсис словаря добавлены новые тематические разделы, отражающие развитие лексикона в таких сферах, как биржа, компьютер, медицина, спорт и пр. Концепт SICHERHEIT представлен в словаре в виде отдельной тематической группы, а также связано с такими концептами, как ENTSCLOSSEN, VERLEIHEN, SICHERHEITSLISTUNG и RELIGIOSITÄT [5].

Лексикографическое описание концепта *Sicherheit* включает прежде всего лексические единицы со значением «охрана»: *Wachdienst, Geleit, Leibwache, Streife, Wache* и др. С безопасностью сопряжены всякого рода знаки, указатели: *Schild, Hinweiszeichen, Warnzeichen, Signal, Licht* и т.д. Защищенность, безопасность – это гарантия, ср.: *Garantie, Gewähr, Gewährleistung*, защита, ср.: *Verteidigung, Schutz, Sicherheit*, отсутствие опасности, ср.: *Gefahrlosigkeit, Unverletzlichkeit*.

Понятие защищенности относится к страхованию (*Versicherung*), охране природы (*Naturschutz*), защите данных (*Computersicherheit, Datenschutz*), профилактике (*Prävention*).

Словарная статья *Sicherheit* содержит множество именованных лиц, обеспечивающих безопасность, осуществляющих присмотр, например: *Anwalt, Aufseher, Begleiter, Lebensretter, Rechtsvertreter, Rettungsschwimmer, Kavalier, Verteidiger, Vormund, Ordner, Babysitter, Kindermädchen* и т. д. Нетрудно видеть, что каждая из единиц обладает нюансами семантики, к примеру, *Ordner* – это тот, кто обеспечивает надлежащее проведение чего-либо, например мероприятия. В то время как лексемы *Anwalt, Rechtsvertreter* и др. часто используются в юридической практике. Примечательно, что лексема *Gott* в данной словарной статье отсутствует, хотя «небесные защитники» все же представлены в словарных единицах *Schützengel, Schützheiliger*.

Палитра прилагательных, причастий и наречий, вербализующих рассматриваемый концепт, отличается наличием слов с суффиксами *-fest*: *bombenfest, feuerfest, stichfest*, *-dicht*: *wasserdicht*, указывающими на невосприимчивость к чему-либо, защищенность от чего-либо; с суффиксом *-los*: *gefahrlos, harmlos*; с отрицательной приставкой un- (кроме прочего, в словах с суффиксом *-bar*): *unempfindlich, unverletzlich, unzerstörbar, unantastbar, unangreifbar, unannehmbar, unbedroht, unbeschädigt* и т. д.

Глаголы исследуемой тематической группы обнаруживают некоторую семантическую общность: семантическими прототипами их лексико-семанти-

ческих вариантов со значением «защищать, оберегать» являются ситуации «прикрывать, закрывать чем-либо»: *behüten, hüten* (> Hut), *beschirmen, schirmen* (> Schirm), *verschanzen* (> Schanze), *decken* (> etwas Bedeckendes). Обращает на себя внимание стилистическая окраска отдельных глаголов: *beschirmen, schirmen* (geh.), *verwahren* (geh. veralt).

Небезынтересно, что устойчивые выражения, репрезентирующие концепт, имеют в своем компонентном составе именованная жилища или его частей, ср.: *nach Hause bringen* (geh.), *Obdach gewähren, unter Dach und Fach bringen* (althochdeutsch *fah* = Mauer).

Сравним лексикографическую презентацию концепта SICHERHEIT в Корпусе лексики, разрабатываемом в Лейпцигском университете с 1998 г. по 2016 г. [6]. Как у любого электронного словаря, у Корпуса гораздо больше функциональных возможностей, чем у печатных изданий: кроме мгновенного поиска нужного слова/массивов слов и функции автоматического копирования информации необходимо назвать определение семантических связей слов, их узуальных коллокаций, выполнение поиска по другим словарным базам и текстовым корпусам и пр. Информационно-поисковая система предоставляет доступ к самым разным характеристикам слова, начиная с его морфологии и заканчивая многочисленными примерами словоупотребления.

Разумеется, каждый словарь нацелен на решение конкретных лексикографических задач, поэтому несопоставим с другим словарем, тем не менее выбор словаря Дорнзайффа и Корпуса лексики для данного исследования не случаен. Оба представляют собой достаточно полные тезаурусы лексики современного немецкого языка. Как Корпус лексики, так и новый Дорнзайфф базируются на огромном количестве текстов, а потому состав словника сформирован по критерию частотности единицы в корпусе текстов. Словарь Дорнзайффа относится, пожалуй, к самым известным словарям немецкого языка идеографического типа, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что и Корпус лексики ссылается на этот словарь. Корпус лексики Лейпцигского университета отличается, кроме прочего, полнотой и перманентной новизной словника, что немаловажно для изучения динамической стороны концепта.

Среди синонимов концепта SICHERHEIT в Корпусе лексики немецкого языка обращают на себя внимание такие слова, как *Selbstbewußtsein, Selbstgefühl, Selbstsicherheit, Selbstvertrauen, Selbstwertgefühl*, первый компонент которых указывает на значимость самосознания, веры в себя самого, чувства собственного достоинства. Если Дорнзайфф отсылает к статье *Entschlossen*, которая также включает данные лексические единицы, то в Корпусе лексики они являются синонимами, которые поисковая система автоматически находит из тщательно отобранных общедоступных источников и в первую очередь предлагает пользователю.

Отличает синонимический ряд данного словаря и наличие таких лексических единиц, как *Durchsetzungsvermögen* – *способность добиваться своего*;

Kenntnis – знание, *Klarheit* – ясность, *Korrektheit*, *Richtigkeit* – правильность, *Überzeugung* – убеждение; *Stolz* – гордость; *Verantwortung* – ответственность, *Verpflichtung* – обязанность; *Wahrheit* – правда; *Wirklichkeit* – действительность; *Zuverlässigkeit* – надежность. Нетрудно видеть, что в языковой реализации концепта отражается жизненная необходимость современного человека надеяться на себя, свои силы, знания и убеждения. Вместе с тем присутствие среди синонимов концепта лексем *verantwortung* и *pflicht* можно интерпретировать двояко: как требование к самому себе или как требование к власти, государству обеспечить, гарантировать безопасность и защищенность. В пользу последней трактовки выступают такие синонимы концепта, как *Obhut*, *Pfand*, *Garantie*, *Behütetsein* и др.

К гипонимам SICHERHEIT Корпус лексики относит множество композитов, компонентом каждого из которых выступает сам гипероним, ср.: *Unsicherheit*, *Verkehrssicherheit*, *Rechtssicherheit*, *Staatssicherheit*, *Planungssicherheit*, *Lebensmittelsicherheit*, *Versorgungssicherheit*, *Treffsicherheit*, *Datensicherheit*, *Selbstsicherheit*, *Innere Sicherheit*, *IT-Sicherheit*, *Flugsicherheit*, *Energiesicherheit*, *Arbeitssicherheit*, *Standssicherheit*, *Rechtsunsicherheit*, *Ernährungssicherheit*, *Reaktorsicherheit* и мн. др. Следует подчеркнуть начальную позицию лексемы *Unsicherheit* – неуверенность, незащищенность в перечне, а также единичный, но примечательный случай её использования в качестве компонента в составе композита *Rechtsunsicherheit*, который входит в список наряду со своим антонимом *Rechtssicherheit*.

Даже поверхностный анализ гипонимов позволяет констатировать отраженное единицами языка присутствие (или необходимость обеспечения) защищенности, безопасности во многих областях человеческой жизнедеятельности: в сфере транспорта, в области права, в отношении государства, информационной, энергетической безопасности и мн. др. Амбивалентная кодификация правовой безопасности в словнике говорит сама за себя.

Среди семантически значимых коокуррентов (слов, встречающихся в текстах в сочетании с данной лексемой) концепта SICHERHEIT следует назвать: *sorgen*, *gewährleisten*, *gebracht*, *bringen*, *gewährleistet*, *innere*, *nationale*, *grenzender*, *garantieren*, *OSZE*, *Ordnung*, *Stabilität*, *mehr*, *Informationstechnik*, *öffentliche*, *Frieden*, *soziale*, *ziemlicher*, *Freiheit*, *Organisation*, *erhöhen*, *Zusammenarbeit*, *Komfort*, *BSI*, *Priorität*, *Bürger*, *gefährdet*, *gefährden*, *Thema*, *Europa*, *Sauberkeit*, *Menschen*, *Bedrohung*, *Bewohner* [6].

Судя по типичной сочетаемости, можно и сегодня утверждать наличие взаимосвязи между концептами SICHERHEIT и ORDNUNG, вместе с тем изменения в общественно-политической жизни внесли в содержание исследуемого концепта новые элементы, выраженные такими лексемами, как *национальная*, *внутренняя*, *социальная*, *угроза*, *тема*, *Европа*, *ОБСЕ* и пр.

Таким образом, сложившиеся в обществе нормы поведения находят непосредственное отражение в языке и речи, которые, как и нормы, обладают предельной устойчивостью, но вместе с тем поддаются варьированию и спо-

собны отражать изменения в отношении стандартов и стереотипов. Вследствие этого лингвистическое исследование динамики содержания национально-специфичных концептов будет способствовать более глубокому познанию особенностей общественного развития в стране изучаемого языка. Представленное в статье краткое сравнение словарных трудов, разделяемых всего лишь десятилетием, позволяет постулировать тезис о содержательной динамике ключевого для немецкой лингвокультуры концепта SICHERHEIT, обусловленной социокультурными изменениями в германском обществе.

Литература:

1. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер. с англ. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Кубрякова, Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 90–93.
3. Кузнецов, А. М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики // Этнокультурная специфика речевой деятельности. Сб. обзоров РАН, ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания / редкол.: Н. Н. Трошина (отв. ред.) и др. – М.: РАН, ИНИОН, 2000. – С. 8–22.
4. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. – 315 с.
5. Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / F. Dornseiff. – Auflage. Berl.; N. Y.: W. de Gruyter, 2004. – 933 S.
6. Wortschatz Universität Leipzig. – Режим доступа: <http://wortschatz.uni-leipzig.de> (08.06.2016).

РОССИЙСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА À LA RUSSE

С. Г. Воркачев

ФБГОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет» (Краснодар)

Summary. Content and peculiarities of the Russian branch of anthropological linguistics as well as its basic term are studied. It is established that linguocultural concept possesses a set of differential features most important of which is presence of various different components reflecting interdisciplinary character of this discipline in its semantics. Disciplinary status of the Russian linguocultural conceptology is proved by the fact of possessing its own terminological system

which includes both general linguistics terms and special terms, and its expansion in language teaching.

«Антропологический поворот» в науке о языке, начавшийся во второй половине прошлого века, отмечен выходом лингвистики за собственные границы в культуру, психологию, философию, логику и социологию. В контексте антропологической ориентации в начале 90-х годов этого века в России возникло достаточно специфическое дисциплинарное направление лингвокультурной концептологии (см.: [6, с. 64–65]).

Можно предполагать, что взгляды на язык как на сущностную характеристику *homo sapiens* в «эмбриональном виде» присутствовали в лингвистической теории всегда, так же, как, впрочем, и представления о языке как системе «чистых противопоставлений» – вещи в себе и для себя, а лингвистическая мысль постоянно совершает челночные движения между доминантными точками структурной и антропологической парадигм. Вместе с тем в наши дни всплеск интереса к антропологической лингвистике – это еще и реакция на экспансию политико-экономической глобализации в область культурно-языковых отношений, и тем самым это научное направление выполняет функции инструмента лингвокультурной экологии, в задачи которой входит сохранение много- и своеобразия национально-этнических языков и культур.

К числу непосредственных предшественников, внесших определяющий вклад в становление этого ответвления антропологической лингвистики, можно, прежде всего, причислить Анну Вежбицкую, давшую первое определение лингвокультурного концепта и проанализировавшую «культуроспецифичные» концепты «дружба» и «свобода» (см.: [3, с. 203–499]), Н. Д. Арутюнову, проведшую лингвокультурологическое исследование концепта «истина/правда» и определившую лингвокультурные концепты как обыденные аналоги мировоззренческих терминов, закрепленные в лексике естественных языков (см.: [2, с. 617–631]), и Ю. С. Степанова, автора российского лингвоконцептологического словаря (см.: [13]).

На фоне многочисленных лингвистических школ и направлений, учитывающих и исследующих связь языка с культурой в форме изучения тематических полей, семантических классов слов, установления зависимости языковых фактов и явлений от социальных и культурных факторов и т. п., лингвокультурная концептология выделяется своим комплексным и систематизированным подходом к предмету исследования и, может быть, в первую очередь – разработанностью своих исследовательских методик.

«Внутренняя форма» имени российской разновидности антропологической лингвистики вполне прозрачна и не требует этимологизации: её название задано именем её базового термина – «лингвокультурного концепта», утвердившегося в таком качестве в ходе достаточно напряженной борьбы с такими конкурирующими именами, как «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема» и пр.

Лингвоконцептология – продолжение и развитие классической структурной и функциональной семантики (см.: [8, с. 93]), обогащенной данными многих смежных дисциплин: культурологии, когнитологии, социологии, истории и пр. Междисциплинарный характер этого ответвления антропологической лингвистики, объединившего предметные области нескольких достаточно разнородных научных направлений, вызвал к жизни потребность в новом понятии и новом термине, и, закономерно, такой термин появился: лингвокультурный концепт через свои составляющие «вобрал в себя» в «снятом виде» сущностные характеристики смежных дисциплин.

Как эвристическая категория – инструмент исследования – лингвокультурный концепт обладает набором отличительных признаков, в число которых входят (см. подробнее: [5, с. 14]) эмоциональная переживаемость, семиотическая плотность – представленность в плане выражения целым рядом языковых единиц и синонимизированных символов; ориентированность на план выражения – включенность имени концепта в ассоциативные связи, сложившиеся в лексической системе языка, и обладание специфической языковой метафорикой. И, пожалуй, главный отличительный признак лингвокультурного концепта – многомерность семантического состава, проявляющаяся в присутствии в его семантике нескольких качественно отличных составляющих (слоев, измерений, страт, секторов и пр.): понятийной, образной, ценностной и значимостной (см.: [6, с. 67–68]).

Лингвокультурный концепт, как представляется, выступает в качестве синтезного ментально-вербального образования в аспектах которого – в его составляющих – отражаются предметные области наполняющих этот концепт основных дисциплин: понятийная составляющая отражает дискурсивность и рациональность представления смысла, идущие от логики, образная – метафоричность и эмотивность этого представления, идущие от психологии, значимостная – его вербальность, определяемую знаковой системой конкретного естественного языка, ценностная – аксиологичность такого представления, идущую от философии.

Конечная, в достаточной степени утилитарная и отдаленная, цель лингвоконцептологии состоит в разработке единой универсальной системы лингвоконцептов через изучение отдельных ментально-вербальных единиц и отдельных национальных концептосфер. В то же самое время у лингвоконцептологии есть и «сверхзадача», обусловленная её междисциплинарным характером: установление структуры этнического менталитета носителей определенной лингвокультуры и его концептуального наполнения.

Можно предполагать, что состоятельность и зрелость какого-либо научного направления диагностируются по нескольким признакам и определяются на основе нескольких критериев, как прямых, так и косвенных.

Здесь, помимо существования отдельных ученых-лингвоконцептологов, и наличие сформировавшихся научных школ, объединяемых общностью понимания предмета исследования, связи между участниками которых носят

неформальный характер. Эти школы образуют своего рода «незримый колледж» (Д. Д. де Сола Прайс), у которого, в свою очередь, есть свой неформальный «печатный орган» – продолжающаяся «Антология концептов» (см.: [1]), где собраны около двух сотен работ лингвоконцептологической направленности и представлены концепты самых разнообразных типов и уровней. При всем разбросе мнений относительно широты предметной области лингвоконцептологии – в число лингвокультурных концептов включаются семантические объекты от матрешки, водки и мата до Бога, ангела и смысла жизни – лингвоконцептологи практически едины в понимании своего базового термина как многомерного и многопризнакового ментального образования, отмеченного этнокультурной спецификой и находящего выражение в языке (см.: [4, с. 70]).

Еще одним косвенным признаком, подтверждающим зрелость какой-либо научной дисциплины, выступает появление учебных курсов и пособий (см.: [Карасик и др. 2014]) и её выход в лингводидактику – применение результатов в практике обучения языку (см.: [10]). Здесь же можно указать на выход лингвоконцептологии в лексикографическую практику – появление словарей концептов (см.: [13; 12]).

Прямым же, непосредственным свидетельством состоятельности научного направления, однако, выступает наличие у него своей собственной терминологической системы (см.: [7, с. 16–18]), которая может быть представлена как теория, в которой отражается предметная область этого научного направления. Общеотраслевая терминология, представленная в названиях и вводных разделах диссертаций и монографий лингвокультурологической направленности, включает такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(национальная, этническая, лингвокультурная) концептосфера», «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс». Узкоотраслевую, собственно дисциплинарную часть терминосистемы лингвоконцептологии образует прежде всего сам лингвокультурный концепт и его терминологические аналоги, а затем его видовые номинации и номинации его составляющих.

Внутри этих родовых, дефиниционных границ по самым различным признакам выделяются разнообразные виды лингвокультурных концептов (см.: [6, с. 66–67]), как разноимённые («культурная доминанта», «ключевая идея», «лингвокультурный типаж»), так и образованные путём адъективного расширения базового термина («телеономные, эмоциональные, иллюкутивные, регулятивные, параметрические и пр. концепты»).

Выстраиваемый терминологический ряд открыт, его члены образуют довольно стройную, хотя и не жёсткую систему, в которой они связаны отношениями включения, выводимости и смежности, где составляющие складываются в лингвокультурный концепт, который может выступать организующим началом дискурса и который сам входит в состав какой-либо концепту-

альной области, входящей в состав национальной концептосферы, выделяемой, в свою очередь, из языковой картины мира, в то время как языковая личность – носитель языкового менталитета – представляется субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы, а концептуализация – формой вербализации какого-либо понятийного содержания.

Естественно, у лингвокультурной концептологии имеются свои слабые места, превращающие её в объект конструктивной и неконструктивной критики. Так, например, «врожденным пороком» лингвокультурной концептологии является идиоэтничность её базового термина: имя «концепт» представляет собой своего рода скрытую семантическую кальку «понятия» и при попытке передачи на языки, в лексической системе которых присутствует соответствующий производящий латинский этимон (*conceptus/um*) оно утрачивает свою терминологическую «значимость», основанную на с таким трудом созданной противопоставленности «понятию», и требует описательного перевода. Кроме того, в практике сопоставительных лингвоконцептологических исследований не решена до конца проблема «тождества концепта»: являются ли смыслы, обладающие различным «телесным воплощением» в различных языках отдельными семантическими сущностями или же они представляют собой ипостасные реализации какого-то единого глубинного смысла? Опять же вполне конструктивным моментом критики лингвокультурологических исследований представляется указание на такую «болеву точку», как отсутствие четкого критерия выделения базовых, «ключевых» лингвоконцептов, в число которых включаются и массовидность стереотипов при разноуровневости средств их выражения, и распространенность в лексической системе определенных презумпций и пр. Здесь же стоит, очевидно, и неопределённость понимания культуры, которой обусловлена национальная специфика *лингвокультурного* концепта: берётся ли здесь вся культура целиком, материальная и духовная, в противостоянии природе, либо только культура духовная.

Помимо конструктивной критики, направленной на исправление недочетов и ошибок, лингвоконцептология сегодня сталкивается с идеологически мотивированной критикой «непримиримой оппозиции», отрицающей аксиоматику лингвокультурологии: этноса/нации, народа как объективной данности не существует, соответственно, объективно не существует национального самосознания, национальной идентичности, национальной специфики, национального характера и менталитета и, конечно, лингвокультурного концепта как составляющей последнего. Методологические установки лингвоконцептологии отождествляются с «сильным» вариантом гипотезы лингвистической относительности, полностью растворяющим язык в мышлении, российскую лингвокультурологию обвиняют в «пособничестве» лингвонарциссизму (см.: [11, с. 139–142]), выражающемуся в любовании родным языком и всяческом его восхвалении, в частных беседах её называют даже «лин-

гвистическим фашизмом», продолжая, очевидно, заочную полемику с неогумбольдианством в лице Лео Вайсгербера.

Позиция подобных «гонителей» лингвоконцептологии находит свое объяснение в установке Евросоюза и глобализма в целом на нивелирование сознания и «гомогенизацию» культурно-языкового «раствора» подобно созданию однородности в экономическом пространстве.

Можно также отметить, что под давлением критики лингвокультурная концептология превращается в лингвокультурную «криптоконцептологию», когда её базовый термин («лингвокультурный концепт») «умалчивается» либо заменяется на какой-либо другой, близкий по смыслу термин («семантическая константа», «семантическое единство и пр.), в то время как наработанная ею исследовательская методика сохраняется в полном объеме.

Итак. «Антропологический поворот» в науке о языке отмечен выходом лингвистики за собственные границы в культуру, психологию, философию, логику, социологию и возникновением в России специфического дисциплинарного направления – лингвокультурной концептологии, представляющей собой продолжение и развитие структурной и функциональной семантики, обогащенной данными смежных дисциплин. Междисциплинарный характер этого ответвления антропологической лингвистики, объединившего предметные области нескольких достаточно разнородных научных направлений, вызвал к жизни потребность в новом понятии и новом термине, который и появился: лингвокультурный концепт через свои составляющие «вобрал в себя» в «снятом виде» сущностные характеристики смежных дисциплин.

Лингвокультурный концепт обладает набором отличительных признаков, главным из которых является многомерность семантического состава: присутствие в его семантике нескольких качественно отличных составляющих. Лингвокультурный концепт выступает в качестве синтезного ментально-вербального образования, в составляющих которого отражаются предметные области наполняющих этот концепт основных дисциплин.

Состоятельность и зрелость какого-либо научного направления диагностируются по нескольким косвенным признакам: наличию сформировавшихся научных школ, объединяемых общностью понимания предмета исследования и базового термина, выходу в лингводидактику и в лексикографическую практику. Прямым же свидетельством состоятельности научного направления выступает обладание своей собственной терминологической системой.

При всей своей целостности терминосистема лингвокультурной концептологии остается открытой, хотя она имеет свои слабые места, превращающие её в объект критики. Помимо конструктивной критики, направленной на исправление недочетов и ошибок, лингвоконцептология сегодня сталкивается с идеологически мотивированной критикой, отрицающей её аксиоматику: само существование этноспецифичности языка и культуры.

Литература:

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Т. 1–8. – Волгоград: Парадигма, 2005–2011.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
5. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия Литератур и язык. – 2007. – Т. 66, № 2. – С. 13–22.
6. Воркачев, С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия Литература и язык. – 2011. – Т. 70, № 5. – С. 64–74.
7. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная концептология и её терминосистема (продолжение дискуссии) / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. – Вып. 3(49). – С. 12–20.
8. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
9. Карасик, В. И. Лингвокультурная концептология: учебное пособие к спецкурсу / В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2014. – 104 с.
10. Мишати́на, Н. Л. Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла, содержания и оценивания: монография / Н. Л. Мишати́на, И. П. Цыбулько. – М.: Национальное образование, 2015. – 232 с.
11. От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». – СПб.: Антология, 2013. – 352 с.
12. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – Вып. первый / И. С. Брилева и др. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
13. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА ЦВЕТ

Е. Б. Головки, А. В. Гирия

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

SEMANTIC STRUCTURE OF THE CONCEPT COLOUR

E. B. Golovko, A. V. Girya

Summary. The paper focuses on the semantic structure of the concept Colour, where its different associative meanings, connotative meanings and subjective meanings are considered.

Лексические единицы, обозначающие цвет, давно привлекают внимание лингвистов, так как они несут в себе образы, символы, культурную память языкового сообщества, а также могут вызывать различные ассоциации.

Основной чертой современного языкознания является его направленность на изучение функционирования и кодирования языковых единиц (Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Ч. Филлмор). Главной задачей такого подхода является исследование проблем вербализации информации и процесса познания окружающего нас мира (О. А. Корнилов, Р. Джекендофф), способов представления языковых единиц в сознании человека и их участия в обеспечении акта коммуникации (В. З. Демьянков, Г. С. Колшанский, С. А. Жаботинская).

Когнитивными представлениями цветов выступают цветовые концепты, как «сгустки» структурированного знания об определенных фрагментах человеческого сознания, которые составляют отдельную область концептуальной картины мира и имеют языковую репрезентацию. Большой интерес в исследовании номинации цвета обусловлен их психофизиологической и социокультурной значимостью. Изучению семантических, лингвокультурологических, этимологических, психолингвистических особенностей цветоименований посвящены работы А. Вежбицкой, Р. М. Фрумкиной, Э. Рош, Н. Б. Бахилиной, Е. В. Мишенькиной и др.

В рамках современной когнитивной семантики акцент делается на то, что со значением слов тесно связаны когнитивные сущности, которые реализуются через определенные модели представления знаний (Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Н. Н. Болдырев).

Целью данной работы является выявление и представление семантической структуры концепта Цвет.

Объектом исследования являются лексические и синтаксические функции, которые используются для вербализации концепта Цвет в испанской языковой картине мира.

Предмет исследования – семантическая репрезентация концепта Цвет средствами современного испанского языка в «желтой прессе».

Актуальность определяется общей направленностью современных лингвистических учений на изучение и описание номинативного пространства отдельных фрагментов языковой картины мира.

Материалом для исследования послужили лексические единицы, обозначающие цвет, найденные методом сплошной выборки в электронных версиях испанских журналов "Hola", "Diez Minutos", "Bravo", "Mujer Hoy", "Cosmohispano", "Diario Feminino", "Diez Minutos", "Elle" за период 2015 года.

Изучение концепта Цвет помогает приблизиться к осознанию того, как язык вербализует накопленный человеческий опыт, представленный в национальном сознании. Знания, стоящие за лингвистическим знаком, обозначающим цвет, представляют собой совокупность исторических, социальных, психологических, культурных, национальных, личностных факторов.

Концепт Цвет интересен тем, что он содержит элементы логического, образного, чувственного познания мира, а также может влиять на физические и эмоциональные состояния человека. Испанские выражения "*color cálido*" и "*color frío*" являются этому подтверждением. А. Вежбицкая писала о том, что языковая концептуализация цвета различна в разных культурах, хотя языковое восприятие является одним для всех групп людей [1, с. 238].

Рассматривая концепт Цвет, мы основываемся на том, что концепт – это «этнокультурноотмеченная вербализованная единица мыслительной деятельности человека, которая связана с коллективными знаниями и опытом». [2, с. 25] Исследуемый нами концепт можно отнести к универсальным, т. к. он находит выражение во всех языках, хотя при его вербализации в определенной этнической группе он приобретает национальные черты. Поэтому наполнение универсального концепта Цвет следует рассматривать, основываясь на общепринятых и особых, принадлежащих испанцам, признаках и отношениях.

Е. Ю. Бережных считает, что система цветоименований каждого народа имеет свои особенности, т.к. колористический язык отражает цветовые ассоциации той или иной культуры, формирующиеся в различных исторических, географических и социальных условиях. [3, с. 187] Концепт Цвет, его воспроизведение и восприятие, является частью культуры испанской национальной общности, что находит подтверждение в ее языковой картине мира.

Для того, чтобы проанализировать семантическую репрезентацию данного понятия в «желтой прессе» Испании, мы попытались создать его структуру, опираясь на исследования таких выдающихся лингвистов как Э. Рош, Р. М. Фрумкину, В. А. Маслову и др. Концепт Цвет представляет собой сложную модель, которая включает в себя понятия, образы, ассоциации и многочисленные связи с другими концептами. В исследуемом понятии мы выделяем центр ядра, ядро и периферию. [2, с. 35]

Центром ядра является определение, которое дает нам толковый словарь Испанской королевской академии: «Color – impresión que los rayos de luz reflejados por un cuerpo producen en el sensorio común por medio de la retina del

ою». [4, с. 511] Следовательно, цвет – это то ощущение, которое человек получает при попадании ему в глаза световых лучей. Значит, это чисто физическое восприятие человеком световых лучей, которые преломляясь, дают различные оттенки. Последние в языковой картине мира вербализуются лингвистическими знаками определенной этнической группой. Поэтому ядром исследуемого концепта будут значения основных цветов, которые выделил И. Ньютон, а также значения ахроматических цветов (черного и белого). Количество языковых символов, передающих данные понятия, у разных народов различно, как и различно само их количество. В настоящее время представители многих этнических групп выделяют следующие основные цветоименования: красный, синий, фиолетовый, зеленый, желтый, оранжевый, которые можно рассматривать как определенные концепты или субконцепты. Мы различаем в данном понятии значения, которые можно отнести к ближней и дальней периферии. В свою очередь, каждая из данных зон состоит из слоев, или эшелонов, которые показывают близость или отдаленность значения лексического знака от прототипа.

Выделяя ближнюю и дальнюю периферию, мы основываемся на «яркости признака в сознании носителя соответствующего концепта. Описание осуществляется как перечисление признаков от ядра к периферии по мере уменьшения яркости признаков» [5, с. 115]

Исследуемый нами концепт имеет сложную многоступенчатую структуру и характеризуется многосторонними и многообразными связями и отношениями.

Согласно дефинициям толковых словарей, прототипом для любой номинации цвета служит его аналог в физическом, материальном мире представителя определенной этнической группы. Так, например, красный цвет для носителей русского и английского языков, согласно данным Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова [6] и Оксфордского словаря английского языка (Oxford Advanced Learner's Dictionary) [7] ассоциируется с кровью, а испанского языка – с кровью и спелыми помидорами [4, с. 1806]. Это не случайно, так как для жителей Испании помидоры всегда были одним из самых употребляемых дешевых продуктов. До наших дней сохранился и проводится праздник Томатина, который заключается в бросании этих спелых овощей. Следовательно, сравнение красного цвета с цветом спелых помидор национально обусловлено.

Толковый словарь испанского языка Королевской академии выделяет его как цвет, который занимает первое место (“... que ocupa el primer lugar en el espectro luminoso”) [4, с. 511] Подтверждением этому могут служить фразеологические единицы, в которых лексическая единица “*color*” имеет значение красный, красноватый. Рассмотрим такие устойчивые выражения: *tomar color* – подрумяниться, т. е. приобрести красноватый оттенок; *tener buen color* – быть румяным, прекрасно выглядеть; *un color se le iba y otro se le venía* – он бледнел и краснел; *ponerse uno de mil colores* – бледнеть, краснеть; *sacarle a*

uno los colores a la cara – вогнать в краску, пристыдить; *salirle a alguien los colores* – покраснеть от стыда.

Производная от слова *color* – *colorado* имеет значение ярко-красный [4, с. 511]. Фразеологический оборот *ponerle a uno colorado*, который имеет значение пристыдить, вогнать в краску (покраснеть), говорит о том, что данный лексический знак в основе имеет значение красный. В устойчивом выражении "*más vale ponerse una vez colorado que ciento amarillo*" данное слово также имеет значение «красный». Данные примеры говорят о том, что лексический знак *color* (цвет) может ассоциироваться с красным цветом, что является особенностью кодирования данного значения носителями испанского языка.

Синий цвет, согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, сравнивают с небом и васильками. Для носителя русского языка васильки и ромашки имеют ассоциацию с русскими просторами и полями с пшеницей, которые характеризуют Россию. Для носителей английского и испанского языков, данный цвет ассоциируется с небом и морем в солнечный день, что для них более понятно и привычно.

Зеленый цвет – это цвет травы и листвы для россиян, свежей зелени для англичан и изумруда для испанцев. В Испании климат очень жаркий, поэтому только весной зелень имеет насыщенный зеленый цвет. Можно предположить, что цветовая гамма изумруда хорошо известна жителям, и ее восприятие имеет исторические корни. Желтый цвет – это цвет песка, золота для россиян; спелого лимона, желтка и золота для англичан; золота и желтка для испанцев. Интересно, что данные цветоименования у носителей разных языков ассоциируются с золотом, веществом, которое ценится у всех народов. Черный цвет – цвет сажи и угля для носителей русского языка, самый темный для англичан, угля и крошечной темноты для испанцев. Белый – цвет снега и мела у русских, снега и молока – для англичан и испанцев. Оранжевый цвет во всех трех языках имеет связь с апельсином, фиолетовый с фиалкой. Анализируя определения, данные толковыми словарями, мы можем заметить, что цветовые ассоциации у носителей разных языков не всегда совпадают. Это можно объяснить историческими, географическими, национальными факторами. Если рассмотреть значения лингвистических символов, которые составляют ближнюю периферию, то здесь можно выделить три эшелона, или слоя, номинативных единиц, по-разному несущих в себе признаки прототипа, т. е. более или менее приближенных к основному значению.

Значения языковых единиц, которые составляют ближнюю периферию, передают оттенки прототипа. К первому эшелону ближней периферии можно отнести значения производных и лексических единиц с добавлением интенсивности признака.

Так, красный цвет (*el color rojo*) может быть представлен как *rojizo* (красноватый), *rojal* (красноватый), *rojeto* (красноватый), *eterno rojo* (насыщенный красный), *rojo vivo* (огненно-красный).

Рассмотрим примеры:

Si tienes la piel rojiza es mejor usar un tono frío o color ceniza para que tu piel se vea mejor y por tanto tus ojeras queden disimuladas [10, www].

Así, los labios de algunas actrices se visten de colores intensos, que van del clásico y eterno rojo, a tonos burdeos, como los que eligieron Cristina Brondo o Elena Ballesteros [11, www].

Значения данных лингвистических знаков имеют наибольшее количество общих признаков с прототипом.

Во второй эшелон ближней периферии мы относим значения оттенков, вербализованные различными лингвистическим знаками.

Для красного цвета это: *rosa* (розовый), *amaranto* (красно-розовый), *escarlata* (алый), *burgundy* (бургунди), *burdeos* (бордовый), *marsala* (приглушенный бордовый).

Рассмотрим примеры:

Rachel McAdams enmendó su error de los 'Globos de Oro' con este Elie Saab Couture de tirantes en tono burgundy [10, www].

Escorpio. Energía, sensualidad, independencia, seguridad y reflexión proporcionan un cóctel de cualidades que no se ve reflejado en ningún color primario, pero sí en el burdeos [10, www].

Рассмотрев значения данных слов, мы констатируем, что они имеют меньше общих признаков с прототипом, чем рассмотренные ранее.

К третьему эшелону ближней периферии мы относим лексические единицы, которые выражают степень насыщенности оттенка основного цвета. Если взять розовый цвет, то такие лексические знаки, как *rosa cuarzo*, *rosa pastel*, *rosa intenso* будут иметь еще меньше общих черт с основным прототипом.

Рассмотрим примеры:

Rosa Cuarzo: Es el color de moda para todo el año, muy femenino, completamente lady y que va prácticamente con cualquier look y estilismo a lo largo de esta temporada [9, www].

Si usas rosas pastel en los labios, acentúa el color de tus mejillas y maquilla más los ojos. Y a la inversa, con un labial rosa intenso, mejor sombras neutras [11, www].

Значения исследуемого понятия, которые относятся к дальней периферии, также можно разделить согласно их близости и отдаленности от прототипа. Так как рассматриваемый нами концепт относится к универсальным, то ассоциативные, коннотативные значения, общие для многих языков, мы относим к первому эшелону “*la alfombra roja*”, “*el Libro Rojo*”; национально отмеченные ко второму (*el príncipe azul*, *vino verde*) и субъективные к третьему.

Если мы рассмотрим ассоциации, связанные с красным цветом, то для многих испанцев они связаны с чувствами. Это закодированная информация, передающая страсть, чувства, любовь (*estar al rojo* – разгорячиться, распалиться).

Rojo. Del amor al odio, es el color de todas las pasiones. [8, www].

Празднование Святого Валентина, столь популярного в последнее время, ассоциируется с красными сердечками, с красными розами, то есть с красным цветом, что подтверждается в следующем примере.

Amor, pasión, sensualidad... El rojo es, sin duda, el color rey en San Valentín y se convierte en el gran protagonista de esta fecha tan señalada [11, www].

Красный цвет также ассоциируется с жизненной силой и энергией. Если человек бледный, то он нездоров, если румяный, красный, то крепок и здоров. Рассмотрим следующий пример.

El rojo es muy atractivo y expresa vitalidad y fuerza pero puede que nuestro interlocutor lo interprete como arrogancia o agresividad [8, www].

Следующие устойчивые выражения испанского языка подтверждают насколько прочны данные ассоциации: *tener buen color* (быть румяным/прекрасно выглядеть); *tener mal color* (быть бледным, плохо выглядеть); *caído de color* (бледный, поблекший); *cambiar de color* (измениться, перемениться в лице). Данное понятие также ассоциируется у многих народов с беспокойством, тревогой, бедой, войной, смертью (*alerta roja*).

Úsalo si quieres llamar la atención: ópticamente el rojo se sitúa siempre por delante del resto de colores [9, www].

Коннотативные значения, связанные с национальным менталитетом, выражаются в восприятии красного цвета как символа роскоши, торжественности, праздника. Рассмотрим следующий пример, подтверждающий это значение:

Rojo. ¿Quieres dar imagen de lujo? Es tu color. Desde la época de Carlomagno se asocia a exclusividad y nobleza (la famosa suela roja de Louboutin... ¡ya la usaban en la corte de Luis XVI!) [9, www].

Если посмотреть на праздничные национальные костюмы испанских женщин, то преобладание красных цветов очевидно, как и красный цветок в их прическах. Коррида, национальный праздник – символ Испании, ассоциируется с красным: кровь, борьба, смерть, красные атрибуты матадора. К национальным особенностям восприятия данного концепта также можно отнести выражение *colores nacionales* (национальный флаг), в котором выделяется красный цвет.

В последнее время появился новый фразеологизм *la prensa rosa* («розовая пресса»), что обозначает «гламурные» и относится к «глянцевым» журналам. Рассмотрим пример с данным выражением:

La prensa rosa la sigue y está más que alerta de sus escarceos amorosos [9, www].

На страницах «желтой прессы» можно встретить такие устойчивые выражения: *una infancia gris* (безрадостное детство), *de punta en blanco* – (нарядный), *el príncipe azul* (прекрасный принц), *la sangre azul* (голубая кровь), *vino verde* (молодое вино), *sueño dorado* (золотая мечта) и другие, которые отражают особенности национального менталитета при кодировании информации, связанной с концептом Цвет. К третьему эшелону дальней периферии,

как упоминалось ранее, мы относим субъективное личностное восприятие данного понятия.

Rojo. Los sueños en rojo están llenos de pasión, de acción, de fuerza, impulsividad y coraje. Pero también de peligro, de agresividad, de violencia, de vergüenza y de sangre [9, www].

Проведя статистический анализ употребления лексических единиц со значением красного цвета, мы выделяем, что они самые употребляемые в «желтой прессе» и составляют 19,8 %; 22,1 % приходится на его оттенки; со значением черного – 19,8 %, на его оттенки – 13,2 %; белого – 22,2 %, на его оттенки – 13,2 %. синего – 16 %, на его оттенки – 22 %; фиолетового – 2,1 %, на его оттенки – 7,7 %; зеленого – 5 %, на его оттенки – 10 %; желтого – 6,8 %, на его оттенки – 7,9 %, оранжевого – 8 %, на его оттенки – 8 %.

Проведя данное исследование, можно сделать вывод о том, что анализируемый концепт – это сложное понятие, которое включает в себя различные объективные, субъективные, коннотативные, национально-окрашенные, культурные элементы. В его семантической структуре мы выделяем центр ядра, которым является определение, фиксируемое толковыми словарями, ядро, которым являются субконцепты (красный, синий, зеленый, желтый, оранжевый, фиолетовый, белый и черный), ближнюю периферию, которая представлена тремя эшелонами и которая включает оттенки основного понятия, и дальнюю периферию, которая также представлена тремя эшелонами и которая включает субъективные, ассоциативные, коннотативные, национально-отмеченные значения.

Литература:

1. Вежбицкая, А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. Восприятие цвета. М.: Русские словари, 1996. – С. 231–290.
2. Головки, О. Б. Концепт рух в лінгвокогнітивному висвітленні (на матеріалі іспанської мови): дис. .. на здобуття наук. ступ. кандидата філол. наук: 10.02.05 / Головки Олена Борисівна. – К., 2008. – 207 арк.
3. Бережных, Е. Ю. Лингвоцветовая картина мира как часть языковой картины мира (на материале испанского и русского языков) / Е. Ю. Бережных // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2008. – № 4. – С. 184–187.
4. Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. – [21.ª ed.] – Madrid: UNIGRAF: S. L., 1997.
5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова]. – М.: Русский язык, 1975. – 843 с.
7. Hornby, A. S. Oxford advanced learner's dictionary / A. S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 1428 p.

8. Bravo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bravoporti.com/>
 9. Cosmohispano [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cosmohispano.com/>
 10. Diario Femenino [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.diariofe-menino.com/>
 11. Elle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elle.es/>

**КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
 КОНЦЕПТА ‘BUSH’ В ЯЗЫКЕ, СОЗНАНИИ И
 КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ АВСТРАЛИЙЦЕВ**

Е. Б. Гришаева

ФГАОУ «Сибирский федеральный университет» (Красноярск)

**CULTURE-CENTRED CONCEPT ‘BUSH’ IN LANGUAGE,
 MENTALITY AND COMMUNICATIVE BEHAVIOURAL PATTERNS
 OF THE AUSTRALIAN NATION**

E. B. Grishaeva

Summary. The paper envisages the semantic development of a landscape term “the bush” in Australian English referring to Australian culture. Anthropocentric principle makes possible investigation of languages and cultures using the Natural Semantic Metalanguage approach. Semantic analysis of the endemic terms evidences that the concept “The Bush” is one of the key words for Australian culture and human geography.

Размышляя об «образе языка» в науке, обобщая эволюцию взглядов на язык, Ю. С. Степанов конкретизировал тезис выдающегося философа XX в. М. Хайдеггера и определил язык как «дом бытия духа». Другой разновидностью того же определения является характеристика языка как «пространства мысли». Она соотносится с достижениями современной когнитологии – науки о мыслительных операциях, связанных с обработкой знаний. Так, «образ языка» постепенно приобретает черты «образа пространства», во всех смыслах – пространства реального, видимого, духовного, ментального; это одна из самых характерных примет лингвофилософских размышлений над языком в наши дни» [1, с. 33].

Территориальные варианты полицентричного английского языка отражают историю и культуру соответствующей культурно-языковой общности. На новых землях британским колонистам пришлось приспособливаться к новым географическим и природным условиям. Жизнь вдали от Британии постепенно меняла английский язык, в который проникали специфические термины, так называемая безэквивалентная, коннотативная, фоновая лексика, от-

ражающая особенности природно-географической среды, в которой живет народ-носитель языка.

Словарь *Australian National Dictionary* содержит 10 000 австралианизмов, слов, заимствованных из языков аборигенов. Как правило, названия эндемиков и широко распространенных животных и растений становятся названиями-символами. К таким символам, характерным исключительно для природного ландшафта Австралии, относится слово *bush*, которое сначала означало природно-ландшафтную зону, а впоследствии получило дальнейшее семантическое развитие. Для австралийцев *bush* – «это одно из ключевых понятий культуры, отражающих сложные взаимодействия между языком и культурой первых европейских поселенцев, а также их отношение к окружающему природному миру на Зеленом континенте» [2, p. 445].

Итак, объектом нашего исследования является концепт *bush* в австралийской лингвокультуре. В качестве предмета анализа рассмотрим культурно-специфические характеристики этого концепта в языковом сознании и коммуникативном поведении носителей австралийского варианта полицентричного английского языка.

По свидетельству Б. Мура, использование термина *bush* явилось попыткой поселенцев отразить в языке новые географические особенности [5, p. 28]. В начале XIX века, этот термин пришел на смену слову *woods*; им стали обозначать просторы, покрытые густой растительностью. Со временем данное понятие получило значение, имевшее непосредственное отношение к культуре и географии Австралии.

Как правило, культурно обусловленные концепты отражают передаваемые значения, заключенные в символах, в системе унаследованных концептов, выражающихся в символических формах, с помощью которых взаимодействуют люди, закрепляют и сохраняют навсегда знания и свое отношение к жизни [8, p. 20–21].

В австралийском варианте английского языка буш рассматривается как биологическая зона (*the bush*), как часть австралийского ландшафта. В брошюре австралийского правительства “Australian Citizenship: our common bond”, предназначенной для иммигрантов, буш представлен как исключительно австралийский концепт.

Характерно, что человек не живет в буше. Там ему одиноко. В нем можно заблудиться. С ранних колониальных периодов в головах австралийцев укрепилось представление о буше, как о месте, где пропадают дети. Данный троп отражает беспокойство первых поселенцев, которые рассматривали буш как нечто враждебное и опасное. Синонимом выражения «заблудиться» является словосочетание “*to be bushed*”. Еще одним символическим проявлением особенностей австралийской жизни является борьба населения с лесными пожарами – *bushfires*; оказание помощи жертвам пожаров [4].

С течением времени изменилось отношение австралийцев к понятию *the bush*. Буш сегодня – это место, где можно отдохнуть, его все еще можно от-

крывать для себя и изучать. «Прогулки в буше стали для горожан наиболее популярным способом изучения буша. Все более широкие слои населения: от фермеров до городских жителей испытывают чувство привязанности и причастности к бушу». Экологические движения и создание Национальных парков и Национальных заповедных зон также свидетельствует о глубоком уважении буша. Когда-то, освобождая и расчищая буш, переселенцы получили место для жизни. Сейчас одной из ключевых ценностей для австралийцев стала защита буша от пагубного влияния человеческой деятельности.

Буш всегда служил для австралийцев источником эстетического наслаждения. В конце XIX века в моду вошли туристические прогулки по бушу (*bushwalking*). Бушу были посвящены поэтические строки поэтов А. Б. «Банджо» Патерсона, романтизовавшего буш, и Г. Лоусона, который изображал *the bush* как суровое место. Парадоксально, но многим авторам казалось, что буш своей красотой обязан именно враждебному окружающему пространству.

В 1867 г. из-под пера поэта Маркуса Кларка вышли строки, которыми он описывал австралийский ландшафт, делая упор на «тонком шарме этой фантастической сюрреалистичной земли» (*the subtle charm of this fantastic land of monstrosities*) и «красоте одиночества» (*the beauty of loneliness*) [3, p. 46].

Невозможно также переоценить значение буша как *социального пространства*. Данный термин применяется к тем людям, которые живут за пределами городов, недалеко от буша. Физические условия существования этих людей способствовали формированию уникального стиля жизни и, как следствие, менталитета. Следует уточнить, что данный концепт “*the bush*” выступает, по сути, архетипом и во многом имеет отношение к прошлым ситуациям. Тем не менее, обозначенный концепт буша очень важен для понимания австралийской истории и сформированного образа.

Чаще всего значение этого образа раскрывается в сложных выражениях: *bush balladeer, bush ballad, bush telegraph, bush poetry and bush carpenter*. Следует отметить, что под бушем понимается место, уклад которого заметно отличается от жизни в городе. Население буша занято физическим трудом на земле: занимаются фермерством, предотвращают природные катаклизмы. “*We had a small cattle property...I was chipping out a lot of weed on the farm.... I had ponies.... And we went to a lot of race meetings... Ferguson enjoyed the bush life from the age 10 to 17*” (У нас была небольшая скотоводческая ферма...Я занимался прополкойУ меня были пони... Жизнь в буше приносила Фергюсону в его подростковые годы удовольствие) [7].

Смит писал, что в язык вошло выражение “*boys of the bush*”, с которым ассоциировались образы трудных, грубых, но преимущественно добродушных персонажей [6, p. 126]. Понятие “*bush character*” и образ бушмена сформировались в XIX веке, когда в Австралию прибывали британские поселенцы. Им приходилось селиться на глухих австралийских землях и вести тяжелую жизнь. Начиная с XIX века, образ бушмена был мифологизирован в

литературе. Уже в 1958 г. автор неоднозначной книги “The Australian Legend” представлял бушмена типичным, хотя и не среднестатистическим австралийцем: “...*a practical man, rough and ready in his manners, and quick to decry affectation...He is a great improviser...willing to “have a go” at anything, but ...content with a task done in a way which is “near enough”. Though capable of great exertion in an emergency, he normally feels no impulse to work hard...He swears hard and consistently, gambles heavily and often, and drinks deeply on occasion...*” (человек-трудяга, грубый, с готовностью осуждающий притворство...Большой импровизатор...готовый к неожиданным поворотам и желающий по любому поводу принимать решение...но довольный тем, что у него есть определенное задание, которое близится к завершению. Несмотря на то, что он готов приложить определенные усилия в случае крайней необходимости, все же не отличается постоянным трудолюбием...Он страшно сквернословит, постоянно занят азартными играми, часто по случаю много пьет [7, р. 1–2]).

Другой пример: “*Vida Furber has the quiet determination and the indomitable spirit of survival as many of Australia’s early pioneering women: this hardy woman of the bush runs Hidden Valley Station...*” (Подобно многим первым женщинам-поселенкам в Австралии, Вида Фурбер обладала смиренным нравом и непреклонным чувством выживания. Эта выносливая женщина из буша руководила станцией Хидден Валлей).

Одно из наиболее распространенных стереотипных описаний бушмена состоит в описании его как заядлого выпивохи. Примером может служить фильм “Sunday Too Far Away”: “...*our finest film about the bush, affectionate ode to the shearer, a story of dysfunctional love, male competition and alcoholic excess*” (...наш замечательный фильм о буше – восторженная ода стригалям, мужской состязательности и чрезмерной любви к спиртному) [2, р. 458].

Невероятно, но в качестве одной из австралийских ценностей выступает *bush character* – характер жителя буша: тяготеющий к равноправию и находящийся всегда в оппозиции к классовому неравенству. Примером может служить фрагмент из критического обзора к фильму *Dad and Dave* о жизни борющейся за существование семьи и ее зажиточных соседей: “...*affectionate retelling of the Aussie bush legends created by Steel Rudd. It’s the bush battler against the Establishment figure...*” (...Стил Радд создал задушевный рассказ об австралийских легендах о буше. Это рассказ о человеке, который много и тяжело работает в противоположность властвующей элите...).

Слово *bush* часто выступает как определитель в значении сельский, грубый, топорный или простецкий. Оно входит в состав многосложных слов, например, *bush lawyer* (сельский юрист) *bush carpenter* (плотник, работающий в буше). Последнее выражение может означать также плотника, который выполняет элементарную плотницкую работу, не имея квалификации.

“...*the knockabout bush carpenter who loved a punt on the horses and brewing his own beer...*” (...неквалифицированный плотник, любящий ставить на лошадь на скачках и варить домашнее пиво...).

Выражения *bush balladeer* (исполнитель песен буша), *bush ballad* (баллада), *bush poetry* (поэзия буша) также помогают раскрыть значение буша для австралийца.

“*It wouldn't be Australia Day without some bush poetry so, of course, there is plenty of that*”. (Не может быть празднования дня Австралии без стихов буша. Разумеется, в этот день звучит поэзия).

Поэзия буша – это своеобразная арт-форма, основанная на устном исполнении. Стихи рассказывают о жизни австралийцев в буше, на земле. В стихах, с присущей им долей романтизации тяжелого физического труда, прославлялись жители буша. Стихи полны юмора, в них много просторечных слов и выражений. Они рассказывают о лесных бродягах, погонщиках и продавцах скота, мужской дружбе и солидарности и о трудностях, которые необходимо было преодолеть, живя на малознакомой, засушливой земле. В какой-то мере поэзия метафоризирует своеобразный материальный натюрморт национального сознания. Наиболее известной и любимой балладой является “*Waltzing Matilda*” (Танцующая Матильда) А. Б. «Банджо» Патерсона. Произведение было написано в 1895 г. и с тех пор считается неофициальным гимном Австралии. Это трагическая история свэгмена, человека, скитавшегося по стране, перебивавшегося случайными заработками, все пожитки которого умещались в скатанном одеяле, который, не желая сдать полицию, предпочел утопиться.

Труд простых людей по крупице создавал австралийскую национальную идентичность; «австралийский дух» тесно связан с бушем... [7, р. 1]. Фраза “*battling bush people*” означает борющихся за существование рабочих буша. Следует заметить, что слово *battler* имеет позитивную коннотацию в австралийском варианте английского языка. Им обычно называют человека, который много и тяжело работает, живет в тяжелых условиях. Изначально этим словом называли свэгмена, который жил и работал в буше. Хотя его и можно применить для обозначения рабочего класса австралийских городов, он все же имеет больше ассоциаций с бушем. Типичное референтное значение данной единицы связано с англо-кельтскими потомками. Описание тяжелой работы с целью вести приличествующий образ жизни в трудных условиях, с легкостью можно применить к переселенцам и мигрантам неанглийского происхождения. Однако их не называют баттлерами.

Тем не менее для современного австралийского общества характерно сложившееся с годами стереотипное восприятие буша: там трудно жить и работать, стричь овец и заниматься деятельностью, которая описана в поэзии, произведениях искусства и поп культуре. Буш показан как трудное для жизни место, довольно опасное, где могут случиться неприятные ситуации, вызванные отнюдь не человеком, а, скорее, природными катаклизмами: засу-

хой, пожарами, суровыми климатическими условиями или укусами змей. Все эти обстоятельства заставляют жителей копить ресурсы и учиться справляться с подобными проблемами. Многие из коннотаций, имеющих отношение к понятию «буш», обусловлены такими свойствами обитателя буша, истинного баттлера, как упорство, физическая сила, моральная стойкость, товарищество и братская солидарность в кризисных условиях.

Литература:

1. Степанов, Ю. С. Константы / Ю. С. Степанов // Словарь русской культуры. – М., 1997.
2. Bromhead, H. The Bush in Australian English / H. Bromhead // Australian Journal of Linguistics. – 2011. – №4. – Vol. 31.
3. Clarke, M. A. H. Preface to Adam Lindsay Gordon's Sea Spray and Smoke Drift / M. A. H. // M. Ackland (ed.) The Penguin Book of the 19th Century Australian Literature. – Ringwood Vic: Penguin Books, 1993. – P. 43–46.
4. Collins, P. Burn: the epic story of bushfire in Australia Crows Nest / P. Collins. – NSW: Allen& Unwin, 2006.
5. Moore B. Speaking Our Language: the story of Australian English South Melbourne / B. Moore. – Vic: Oxford University Press, 2008.
6. Smith, G. Singing Australian: a history of folk and country music / G. Smith. – Melbourne: Pluto press, 2005.
7. Ward, R. B. The Australian Legend / R.B. Ward. – Melbourne: Oxford University Press, 1974 [1958].
8. Wierzbicka, A. Understanding Cultures Trough Their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese / A. Wierzbicka. – New York: Oxford University Press, 1997.

КОНЦЕПТ «МОДА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

С. Е. Груенко

ФГБОУ ВО «Омский университет дизайна и технологий» (Омск)

CONCEPT "FASHION" IN THE GERMAN CONSCIOUSNESS

S. E. Gruenko

Summary. The article researches the content of the concept "FASHION" and its constituents in the contemporary German language. The analysis of various lexicographic research studies corresponds to defining the essence of this phenomenon in the German linguistic culture.

Мода неоднократно выступала в качестве объекта исследования разных отраслей знаний: философии, социологии, культурологии, психологии, ис-

кусствоведения и др. Всё это можно объяснить многогранностью и неоднозначностью моды, влияющей на разные стороны жизни человека. Процесс заимствования, как одна из форм развития моды и обогащения языка, не всегда оправдан, но практически всегда является следствием воздействия различных причин. Одной из таких причин можно считать заимствование модных тенденций, сопровождающихся изменениями языка. Изучение концепта «Мода» и его составляющих в немецком языке не-возможно без упоминания тесных исторических отношений Германии и Франции, а также без рассмотрения импорта концептов из французского языка в немецкую лингвокультуру. Язык очень близок миру моды, он помогает осуществлять переход от мира идей в мир вещей, считывая и интерпретируя модные стандарты и модные объекты.

Слово *мода* пришло во французский язык из латинского в XV, в немецкий язык данное слово заимствуется в XVII веке в составе словосочетания *à la mode* „nach der (gegenwärtig bevorzugten) Art“ и употребляется первоначально в отношении одежды [3, с. 625]. Возможно, что немецкий язык нуждался в заимствовании лишь данной семемы. Таким образом, в процессе заимствования происходит сначала сужение значения иностранного слова, – явление, типичное для процессов заимствования. Вместе с тем появление слова *Mode* обусловило целый ряд заимствований и новообразований в немецком языке моды, что привело к генерализации значения названного слова [3, с. 625].

Необходимо отметить, что расширение семантического объёма лексемы *Mode* происходило опять же под влиянием французского языка и культуры. Об этом можно судить по материалам авторитетного французского словаря Larousse издания 1874 года, сравните: *Mode*: 1. Индивидуальная манера жить, думать, действовать; 2. Временный (скоротечный) обычай, который определяет формы материальных вещей, и особенно мебели, одежды и украшений; 3. Известность, проходящее увлечение, опыт, обычай, которому следуют: *A la mode – manière actuelle de se vetir, de se meubler* [4, с. 356–358].

Современное издание словаря Larousse и его электронный аналог, а также словарь Petit Robert сохраняют первое значение слова *mode*: общественный (коллективный) способ жить, думать, характерный для определённой эпохи, страны, места. Вторая часть дефиниции в словарных статьях определяет моду в более узком смысле, как соответствующую времени манеру вести себя, мыслить, чувствовать, считающуюся хорошим тоном в каком-либо месте или определённом промежутке времени: *La mode des vacances à la ferme. La mode des cheveux courts. Suivre la mode.*

И только в третьем значении лексемы *mode* отражается знакомое многим содержание данного слова: соответствующая времени манера одеваться: *Mode masculine, féminine. Changements saisonniers de la mode. Ce genre de manteau est à la mode de cette année* [6, с. 1211]. Электронная версия данного словаря рассматривает *mode* ещё и как характерный внешний вид одежды,

относящейся к определённому периоду, или предмет, имеющий характерные черты: *Mode de printemps. Journal de mode* [5].

В современном французском языке слово *mode* имеет большое количество синонимов: как образ жизни: *coutume, habitude, mœurs, pratique, tradition, us*; как манера поведения, образ мыслей: *engouement, épidémie, folie, fureur, passion, snobisme, vogue* [5].

Согласно различным словарям, понятие *мода* вербализуется посредством многих лексем, раскрывающих его содержание: стиль, образ жизни: *vogue, style, goût, succès, manière, façon, genre, système, engouement, fantasie, méthode, pratique, convenance, haute couture, stylisation, modèle, art, création artistique styliser, actualité, , coutume, fashion, feveur, folie, formule, moyen, nouveauté, passion*; вкус, воспитание, манера поведения: *de bon goût, de mauvais goût, civil, bien élevé, courtois, gentil, poli, élégant, appréciation, jugement, élégance, chic, frivolité, goût du jour*; характеристики модного: *qualité, ton, tradition, toilette, vent, vêtement, volonté, beauté physique, chose nouvelle, fabrication de vêtements* [7].

Современный авторитетный словарь немецкого языка Дуден определяет моду как соответствующие времени и предпочитаемые в определённый период времени способ, манеру одеваться, причёсываться, снаряжаться, ср.: *die neueste, herrschende Mode, jede Mode mitmachen, etw. ist (ganz) aus der Mode (gekommen), etwas ist (in) Mode*. Форма множественного числа лексемы *Mode* (1.b) используется для обозначения элегантных предметов одежды, изготовленных по новейшей, господствующей моде, ср.: *die neuesten Moden tragen*. Во втором значении данная лексическая единица обозначает что-то, что соответствует господствующему, предпочитаемому в данный момент вкусу, духу времени; то, что соответствует распространённому, обусловленному временем интересу, предпочтению, отношению, ср.: *diese Sportarten sind jetzt (große) Mode; was sind denn das für neue Moden (ugs.)* [2].

Примечательно, что слово *Mode* входит, согласно данным веб-сайта редакции Дуден [www.duden.de], в корпус 10 000 самых употребительных слов немецкого языка. В качестве синонимов словарь приводит лексемы *Look, Moderichtung, (Mode)trend, Publikumsgeschmack, Zeiterscheinung, Zeitgeschmack*. Семантические связи данной лексемы, в частности её сочетаемость с существительными, прилагательными и глаголами немецкого языка, свидетельствуют о её практически полной ассимиляции, сравните наиболее типичные сочетания по данным указанного сайта, генерированные компьютером (приведены в порядке убывания): *Mode – neu, aktuell, damals, tragbar, kurzlebig, Pariser, zeitgenössisch, herrschend; kommen, entwerfen, machen, unterwerfen, kleiden, interessieren, scheinen, entsprechen; Design, Kunst, Musik, Trend, Kosmetik, Schmuck, Sport, Stil* [2].

Нетрудно видеть, что немецкая мода по-прежнему подвержена французскому влиянию: *Pariser Mode*. Кроме того, в круг сочетаемости данной лексемы входят всё те же заимствования из французского или опосредованные

французским языком, заимствованные через французский слова других языков: *Kosmetik, Design*.

Пониманию концептуального содержания понятия *Mode* в немецком языке способствует анализ словарей идеографического типа, в которых слова дефинируются посредством суммы названий полей, в которые они последовательно включаются.

В широко известном и пережившем восемь изданий ономаσιологическом словаре Dornseiff понятие *Mode* представлено в виде отдельной словарной статьи, тематическая группа *Mode* входит в тематический раздел «Экономика, финансы». Вместе с тем словарь содержит отсылки к статьям «Вкус, понимание искусства», «Экспонирование», «Одежда».

Тематическая группа «*Мода*» включает лексемы, именующие стиль, образ жизни, дух времени, ср.: *Stil, Brauch, Gewohnheit, Lebensweise, Zeitgeschmack* и т. д., нормы поведения, приличия, этикет, вежливость, ср.: *Benahmen, Anstand, Etikette, Geschmack, Höflichkeit, Manieren, Ton, Usus* и т. д., образование, воспитание, общую культуру, ср.: *Bildung, Erziehung, Schliff*, роскошь, ср.: *Mode, Gepränge, Outfit* и т. д. В состав группы входят номинации, характеризующие людей, которые соответствуют моде, следят за ней, ср.: *Dame von Welt, Filmstar, Grande Dame, Publikumsliebbling, Weltmann* и т. д., отдельную подгруппу в составе данной группы образуют лексемы, выражающие критическое, нередко отрицательное отношение к «модникам» – людям, которые во всём следуют моде, ср.: *Affe, Dandy, feiner Pinkel, Geck, Paradiesvogel, Snob* и т. д. Тематическая группа включает также наименования лиц, занимающихся модой в силу своей профессии, ср.: *Dressman, Mannequin, Model, Modemacher, Topmodel, Trendsetter* и т. д.

Кроме этого, значение понятия «*Мода*» определяется посредством прилагательных схожей с существительными семантики, ср.: *modern, elegant, anständig, chic, fein, gebildet, höfisch, salonfähig, tiptop, vornehm, wohlerzogen, neumodisch* и т. д. Глаголы единичны, характеризуют прежде всего процесс появления чего-либо модного, ср.: *in die Mode bringen, einführen, kreieren*. К периферии тематической группы относятся устойчивые выражения с общей семантикой – «придерживаться моды, следовать моде», ср.: *auf der Höhe sein, die erste Geige spielen, mit der Mode gehen, den Ton angeben* [1, с. 387–388].

Важно отметить, что слово *Mode* является, в свою очередь, конститuentом других тематических групп, таких, как «Привычка», «Современность» (*Gewohnheit, Gegenwart*), а также входит в качестве компонента сложных слов (*Modefirma, Modegeschäft, Modehaus, Modemacher, Modeschmuck, Modeunternehmen, Modewort, Modezar* etc.) в состав тематических групп «Промышленность», «Торговля», «Украшение», «Подражание», «Обозначение», «Новый» (*Industrie, Handel, Verzierung, Nachahmen, Bezeichnung, Neu*) [1, с. 726–727].

Несколько иным образом понятие *Mode* представлено в идеографическом словаре, авторами которого являются Х. Верле и Х. Эггерс: [8]. Словарь не содержит отдельной тематической группы с данным именем, вместе с тем в его алфавитной части указываются многочисленные словарные статьи, в которые входит слово *Mode* и его производные *Modeartikel*, *Modebeilage*, *Modekönig*, *Modenarr*, *modisch*, *Modistin* и др. Среди отсылок чаще всего упоминается тематическая группа «Общий вкус» (*Allgemeingeschmack*), которая включает номинации массового вкуса (*Publikumsgeschmack*), слепого подражания (*Nachäfferei*, *Herdentrieb*), стиля, традиции (*Stil*, *Zeitsitte*), вежливости (*Umgangsform*, *Äußerlichkeit*, *Etikette*), наименования последователей или представителей общего вкуса (*Elite*, *Publikumsliebling*, *Filmheld* etc.).

Многие глагольные словосочетания и прилагательные названной группы имеют в своем составе лексему *Mode* либо являются ее однокоренными словами: *in Mode*, *modern sein*, *mit der Mode gehen*, *der Mode folgen* etc.; *neumodisch*, *nach der Mode*. Завершает словарную статью поговорка *Man tut, macht, trägt es heute so*. Следует учитывать, однако, что данная тематическая группа опосредованно характеризует моду, как проявление массового увлечения чем-либо.

Среди других тематических групп анализируемого словаря, в составе которых упоминаются лексема *Mode* либо ее производные, следует назвать группы «Оформление» (*Gestaltung*), «Новизна» (*Neuheit*), «Несоответствие» (*Nichtanpassung*), «Общность» (*Allgemeinheit*), «Привычка» (*Gewohnheit*), «Необычность» (*Ungewohnheit*), «Неиспользование» (*Unbenutzung*), «Товар» (*Ware*), «Форма» (*Form*) и некоторые другие.

Отсутствие отдельной словарной статьи, возможно, обусловлено объективными факторами, а именно – функционированием моды как явления в самых разнообразных сферах человеческой жизнедеятельности. Данный феномен обладает широким значением, ассоциируется и соотносится со многими понятиями. Не случайно перечисленные выше тематические группы принадлежат разным подразделам и разделам словаря: «Порядок» (*Ordnung*), «Эстетические чувства» (*Ästhetische Gefühle*), «Сила воли» (*Willenskräfte*), «Время» (*Zeit*), «Изменение» (*Wechsel*), «Средство общения» (*Verständigungsmittel*) и др. Лексема *Mode* и её производные встречаются практически в каждом понятийном блоке словаря (их всего 7), ср.: «Пространство» (*Raum*), «Духовная жизнь» (*Geistesleben*), «Область воли» (*Gebiet des Wollens*), «Эмоциональная жизнь» (*Gefühlsleben*).

Обзор разножанровых словарей показал, что толкование слова *Moda* и соответствующего феномена обусловлено задачами лексикографического издания и, не в последнюю очередь, позицией лексикографа. Вместе с тем разноплановость характеристик способствует выявлению значимых для языкового сознания признаков изучаемого явления.

Проведённый анализ словарей немецкого языка в отношении лексикографического описания понятия *Mode* способствовал установлению концептуальных составляющих данного феномена в немецкой лингвокультуре.

Выявление концептуального содержания изучаемого феномена позволит определить те области моды, которые подвержены влиянию французской лингвокультуры, что, в свою очередь, поможет понять причины заимствования, оценить функциональный потенциал заимствованной лексики, а также установить степень освоения тех или иных заимствований.

Итак, в соответствии с основными характеристиками моды в словарях можно выделить следующие признаки данного понятия и говорить о составляющих изучаемой концептосферы. *Мода/Mode* для немецкого языкового сознания представляет соответствующие духу времени:

- *внешний вид человека, его одежду, обувь, причёску, косметику, аксессуары;*
- *поведение человека с точки зрения существующих норм этикета;*
- *убранство жилища человека;*
- *культуру питания;*
- *вкус, стиль жизни как отдельного индивида, так и общества;*
- *направление в развитии искусства (архитектуры, живописи, литературы и т. д.);*
- *проектирование, производство, распространение вещей.*

Таким образом, мода представляет собой явление, проникающее во все сферы жизнедеятельности немецкого гражданина и общества, представляющее значимую часть национальной концептосферы. Концептосфера «Мода» объединяет целый комплекс концептов («Внешний вид», «Поведение», «Питание», «Стили» и т. д. и т. п.), аккумулирующих знания носителей языка о разнообразных предметах, явлениях, сферах. Мода является неотъемлемой характеристикой нового, популярного на любом участке национальной картины мира. Именно поэтому данный феномен следует рассматривать как концептосферу – совокупность культурных концептов.

Вместе с тем правомерно полагать, что наряду с универсальными чертами концептосфера «Мода» в немецком языке обладает определённой спецификой, что обусловлено не в последнюю очередь близким соседством Германии с Францией, которая как и прежде остаётся законодательницей высокой моды, а также признанным авторитетом в искусстве кулинарии. Как упоминалось ранее, многовековые контакты двух государств, лидерство Франции в области моды обусловили проникновение французских заимствований в немецкий язык.

Литература:

1. Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachruppen / F. Dornseiff. – 8. Auflage. – Berl.; N. Y.: W. de Gruyter, 2004. – 933 S.

2. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. [CD-Version]: Hrsg. von dem Bibl. Institut & F.A. Brockhaus AG, Mannheim, 2006.

3. Kluge Etimologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Hamburg: Farnschländer&Mahlstedt, 2002. – 1023 S.

4. LAROUSSE. Grand Dictionnaire universel du XIX siècle / par Pierre Larousse. Tome onzième. – Paris, 1874. – 1641 p.

5. LAROUSSE. – Режим доступа: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/> (дата обращения: 20.12.2011).

6. Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française / par Paul Robert, rédaction dirigée par A.Rey et J.Rey-Debove. – Paris: Société du nouveau livre, 1979. – 2171 p.

7. Sensagent. – Режим доступа: <http://dictionnaire.sensagent.com/mode/fr-fr> (дата обращения: 12.01.2012).

8. Wehrle, H. Deutscher Wortschatz: ein Wegweiser zum treffenden Ausdruck / H. Wehrle, H. Eggers. – Stuttgart; Dresden: Klett Verl. für Wissen und Bildung, 1993. – 821 S.

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ю. Н. Зинцова

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова» (Нижний Новгород)

TOWARDS CONCEPTUAL RESEARCH: ONOMASIOLOGICAL AND SEMASIOLOGICAL APPROACHES

Y. N. Zintsova

Summary. The present article throws light upon the key approaches to the terms “world outlook”, “concept”, “conceptual space”; ways of studying conceptual systems are analyzed from the point of view of onomasiological and semasiological aspects.

В современном языкознании всегда существовал интерес к проблеме изучения картины мира, ментального опыта человечества [4]. Выбор теории концептов в качестве основного направления исследования обусловлен необходимостью изучения языковых явлений в их корреляции с глубинными когнитивными структурами, организующими человеческий опыт и знания, ведь концепт – это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний [13, с. 40–41], который сопровождает то или иное явление или слово.

В семантике существуют два подхода к изучению лексики: семасиологический и ономасиологический. При семасиологическом подходе «исследователь, отталкиваясь от формы, идет к установлению ее содержания», при оно-

масиологическом – исходным является содержание, а конечным – «способы формального выражения этого содержания» [6, с. 124].

С точки зрения ономасиологического подхода, основой изучения является понятие, которое реализуется в значении всех единиц, входящих в ту или иную систему. Исследование концепта, его структуры осуществляется «путем анализа значений и употреблений слов, имеющихся в языке, анализа их сочетаемости, а также путем логического анализа их денотатов» [12, с. 69]. Путем концептуального анализа возможно исследовать в полной мере такие категории, которые ранее довольно сложно было подвергнуть комплексному обобщению и описанию, как, к примеру, модально-эмоциональные коннотации, под которыми понимается «сопутствующее значение языковой единицы, включающее дополнительные семантические и стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка» и которые охватывают всю гамму реально существующих в языке субъективно-эмоциональных оттенков отношения говорящего к сообщаемому [7, с. 32]

Системные описания показывают, что необходимо различать понятие системы языка и знание о ней конкретным говорящим. Другими словами, появилась необходимость решения проблем, связанных с процессами кодирования и декодирования. [2]. Эти процессы нашли свое отражение в концептуальных исследованиях. Так, считается, что в тексте существуют слова, отмеченные особым смыслом, расшифровка которого предполагает когнитивно-креативный процесс со стороны реципиента, и, такие слова предоставляют закодированные смыслы, заложенные в языковых единицах, выражающих понятийную категорию, декодирование которых сопряжено с когнитивной деятельностью адресата [8, с. 54].

Семантическая область языка наиболее четко выступает отражением концептуальных характеристик, выделяемых носителями языка при номинации определенных фрагментов реальной действительности [11]. Концептуальное пространство структурируется когнитивными моделями, которые «являются результатом обобщения целого ряда однотипных регулярных ассоциаций» и для выделения которых необходим анализ не одного слова, а всей группы слов близкой семантики [9, 10].

В этой связи языковой репрезентацией концепта как структурированного конструкта является лексико-семантическое поле, содержащее лексемы, с помощью которых осуществляется вербализация данного концепта. На парадигматическом уровне поля представлены различные признаки и стороны концепта, закрепленные в значении лексем. Таким образом, лексико-семантическое поле дает информацию о структуре и содержании концепта.

Говоря о лексике как системе и о полевым методе как наиболее приемлемом для изучения системных организаций слов, нужно отметить, что единая лексическая система языка в современных условиях фактически существует

в виде двух связанных друг с другом систем: обыденной («языковой картины мира») и научной («научной картины мира») [3, с. 121].

Подсистемами этих двух систем являются первые крупные деления классификационных сеток идеографических словарей. Классификационные рубрики таких словарей могут иметь разное лексическое наполнение и на уровне научного сознания, и на уровне обыденного сознания. Классификационные сетки научных словарей-тезаурусов отражают в своих рубриках терминов эти лексические подсистемы на уровне научного сознания.

Более низкие «этажи» деления как обычных идеографических словарей, так и научно-технических тезаурусов и рассматриваются, как правило, как аналоги семантических полей. Все подсистемы делятся на обширные семантические поля, которые, в свою очередь, тоже делятся на семантические поля разной степени сложности. Многочисленные исследования показывают плодотворность полевой модели языковой системы, которая представляет систему языка как непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер. Исследуемое в настоящей работе поле обозначений жидкости является одной из частей более обширных семантических областей, выявление признаков и свойств которого и отношений в нем становится нашей задачей.

Возможность описания лексических систем также реализуется с помощью концепта как «интегрирующей операционной единицы и соответствующих методов ее идентификации и описания» [2]. Так, к примеру, для полного и точного понимания сущности феномена «жидкость» на материале немецкого языка [5], привлекались данные различных словарей: терминологических, энциклопедических, толковых. Исходным описанием феномена «жидкость» является его терминологическое значение. В физике и химии жидкостями называются тела в жидком состоянии, которые имеют определенный объем, но не имеют упругости формы. Сохраняя отдельные черты как твердого тела, так и газа, жидкость обладает, однако, рядом только ей присущих особенностей, из которых наиболее характерная – текучесть. Подобно твердому телу, жидкость сохраняет свой объем, имеет свободную поверхность, обладает определенной прочностью на разрыв при всестороннем растяжении и т. д. С другой стороны, взятая в достаточном количестве жидкость принимает форму сосуда, в котором находится. Принципиальная возможность непрерывного перехода жидкости в газ при определенных условиях также свидетельствует о близости жидкого и газообразного состояний [1].

Тела в жидком состоянии характеризуются текучестью, подвижностью частиц, они мало сжимаемы. Жидкость отличается идеальным структурным строением (капля жидкости принимает, например, форму шара, имеет способность растекаться равномерно в разные стороны и др.). Отсутствие четко фиксированной формы достигается таким физическим свойством жидкости, как радиальная функция распределения. Радиальная функция распределения характеризует идущее в виде радиусов (лучей), распределение частиц вокруг

одной из них (центральной), т. е. движущийся объект (например, «Вода растекалась») перестает находиться в заданных ему собственных границах: вода растекается, разливается, так что то, что было «внутри», оказывается «снаружи» [14].

Данные словарей позволили выявить следующие концептуальные признаки научного понятия «жидкость»: «вещество», «агрегатное состояние между твердым и газообразным», «текучесть», «однородность», «изотропность», «сохранение объема», «свободная поверхность», «прочность при всестороннем растяжении», «несжимаемость», «подвижность», «отсутствие упругости формы», «способность изменять свою форму под воздействием внешних сил», «способность изменять свою форму под воздействием температурных условий», «непрерывный переход в газ», «испарение», «конденсация», «кипение», «смачивание», «диффузия», «кристаллизация», «дистилляция», «плавление».

На материале немецкоязычных словарей возможно также выделить ряд значений в структуре слов *Flüssigkeit*, *flüssig*, *fliessen* «жидкость, жидкий, течь», и выделить следующие концептуальные признаки этого феномена: *Stoff in flüssigem Zustand* «вещество в жидком состоянии», *die Eigenschaft besitzend, fliessen zu können* «имеющий свойство течь», *ohne feste Form* «не имеющий твердой формы», *weder fest noch gasförmig* «ни твердое тело, ни газ», *flüssig, liquid, fliessbar* «текучий, способный течь», (*von flüssigen Stoffen, besonders Wasser*) *sich gleichmässig und ohne Stocken fortbewegen; strömend irgendwohin gelangen* «(о жидких веществах, особенно о воде) двигаться равномерно, беспрепятственно» [15]. Выделенные признаки жидкости как вещества, переведенные в семантическую плоскость, позволяют высветить наиболее стабильные семы единиц, обеспечивающих вхождение их в изучаемую семантическую область.

Таким образом, концепт является универсальной многомерной языковой константой, вследствие чего языкознание последовательно изучает концептуальные схемы, на которых основывается исконная языковая «картина мира», соответствующая уровню обыденного сознания.

Литература:

1. Большая Российская Энциклопедия – режим доступа: <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/group/179/> (дата обращения: 10.06.2016).
2. Бухаров, В. М. Концепт в лингвистическом аспекте / В. М. Бухаров. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/01.php (дата обращения: 07.06.2016).
3. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. – М.: Рус. яз., 1993. – 344 с.
4. Дьяченко, Т. Д. Семантико-синтаксические особенности лексических единиц английского языка, активизирующих фрейм «потребление пищи и

жидкости»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Д. Дьяченко. – Белгород, 2004. – 22 с.

5. Зинцова, Ю. Н. Лексико-семантическое поле «жидкость» в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Зинцова. – Н. Новгород, 2002. – 22 с.

6. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учебник. – Изд. 4-е. – М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.

7. Кузьмичева, А. А. Тональный компонент высказывания как просодическое средство реализации иронии в немецком языке / А. А. Кузьмичева, Н. В. Жарёнова, С. Н. Саможенов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2015. – № 31. – С. 31–41.

8. Матвеева, И. В. «Миры» лица в современном немецком языке / И. В. Матвеева // Вестник Челябинского университета. – 2007. – № 8. – С. 54–59.

9. Нурова, Л. Р. Синонимические ряды в сниженной лексике (на материале лексических единиц, объединенных значением «интеллектуально несостоятельный человек»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Р. Нурова. – Н. Новгород, 2002. – 18 с.

10. Плисов, Е. В. Конфессиональная дифференциация христианской лексики в толковом словаре (на материале немецкого языка) / Е. В. Плисов // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2006. – № 1. – С. 43–54.

11. Прокопьева, Н. Н. Оценочный потенциал немецких фразеологизмов и паремий, вербализующих концепт «возраст» / Н. Н. Прокопьева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2010. – № 12. – С. 99–106.

12. Стернин, И. А. Концепт и языковая семантика / И. А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект: межвуз. сборник науч. тр. – Тамбов, 1999. – С. 69–72.

13. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

14. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.

15. Duden. Universalwörterbuch. – Режим доступа: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 10.06.2016).

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА АЙЫЛҔА В ЯКУТСКОЙ
ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «ЭЛЭС БООТУР»**

К. З. Иванова, К. И. Федорова

*ФГБОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова» (Якутск)*

**IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT AYILGA IN YAKUT EPIC
POEM ELES BOOTUR**

K. Z. Ivanova, K. I. Fedorova

FBSEI HE Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov

Summary. The paper focuses on the implementation of concept *ayilga* (*nature*) in the Sakha epic poem *Eles Bootur*. Concept *ayilga* is one of the key concepts in the language picture of Sakha culture. The article considers language units that form an imaginative component of concept *ayilga* which is aimed at creating images with the help of epithets, metaphors.

Основной единицей когнитивной лингвистики является понятие концепта как «обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, единицы моделирования и описания национальной концептосферы».[2, с. 22].

Концепт «айылҔа» (природа) является одним из ключевых концептов языковой картины мира народа саха (якутов). Природа играет большую роль в его жизни, природные объекты и явления всегда входили в его культурный мир, обретая новый смысл, выражая видение, оценку человека, его поступков и т. д.

Рассмотрим языковые средства, участвующие в формировании концепта айылҔа на материале якутской поэмы П. В. Оготоева «Элэс Боотур» [4].

Основным методом при исследовании концептов является концептуальный анализ, который позволяет проникнуть внутрь текста в его когнитивные и эмоциональные слои. Концепт является ключом для адекватного восприятия содержательной стороны произведения и его эмоционально-оценочной части за счет содержащегося в концепте этнокультурно обусловленного смыслового кода.

В эпической поэме «Элэс Боотур» концепт «айылҔа» является одним из базовых. Он относится к этноспецифическим концептам-регулятивам, поскольку несет этнокультурную специфику, занимая особое положение в якутском мировоззрении.

Анализ текстового материала эпической поэмы «Элэс Боотур» позволил отобрать методом сплошной выборки 226 лексем, выражающих концептуальные признаки «небесные светила», «время суток», «небо», «стороны све-

та», «природные явления», «растительный мир», «животный мир», «водное пространство», «земля (земная поверхность, ландшафт)» концепта «айылҕа».

Следует отметить, что структура концепта айылҕа многослойна и состоит, по мнению В. И. Карасика, из понятийного, образного и ценностного компонентов [1, с. 118].

Понятийный концептуальный признак «небесные светила» концепта "айылҕа» вербализируется такими лексемами, как: сулус (звезда), күн (солнце), ый (луна). Образный концептуальный признак реализуется через метафоры и сравнения. В поэме «Элэс Боотур» небесные светила сравниваются с живыми существами, которые мерцают, улыбаются, указывают дорогу, являются добрыми: *Дьиримниир, мичинниир утуйар уоттаах сулустаах* (мерцающими, улыбающимися, с зовущими яркими звездами), *Мунаары гыммыты өрүһүйэр мунаа манан ыйдаах* (с указывающей дорогу заплутавшему путнику доброй белолицой луной), *Ойон тахсар уоттаах күннээх* (с неожиданно появляющимся ярким солнцем), *Ойо болоон устар улуу тунал ыйдаах* (с выплывающей сбоку белоснежной луной). Использование метафор *дьиримниир, мичинниир, өрүһүйэ, ойон тахсар, устар* создает дополнительные семантические оттенки, придающие описанию небесных тел положительную коннотацию. В традиционном космологическом представлении якутов мироздание состоит из трех уровней. На верхнем уровне находятся силы и боги добра, на середине – люди, а на нижнем уровне – злые силы. Поэтому при описании нижнего мира, мира злых духов и абааһы, можно наблюдать изменение коннотации определений при описании луны и солнца: *Кэлтэбэй күннээх-ыйдаах* (с кривыми солнцем и луной). Отрицательная коннотация возникает за счет использования эпитета *кэлтэбэй*. Прилагательное *кэлтэбэй* в понимании якутов обозначает ущербный, жалкий, поэтому солнце и луна для нижнего мира не светят ярко, не греют, то есть являются лишь подобием светил.

Понятийная составляющая концепта «айылҕа» «время суток» вербализуется в лексемах түүн (ночь), күн (день, утро), халлаан (небо).

Образная составляющая рассматриваемого концепта реализуется с помощью метафоры. Ночь предстает перед нами в образе женщины, в образе матушки-ночи: *Түүн ийэ төгүрүйэ көтөн кэлэн түүлээх суорҕанынан тумнары сабан* (Матушка-ночь укрыла непроницаемым мягким покрывалом все – живое и неживое).

Понятийный компонент концепта «айылҕа» «небо» представлен лексемой *халлаан*. Образный компонент реализуется через эпитеты, выражающие бескрайность, величие, высшую степень признака цвета, звуковой образ, структуру. Например, *Улаҕата биллибэт улуу халлаан* (бескрайнее великое

небо), *кыырай манан халлаан* (высокое белое небо), *сытыы манан халлаан* (пронзительное белое небо), *кинжиниир* (гулко звенящее, высокое), *улуу добун* (великое), *килбиэннээх* (сверкающее), *Үс хартыгастаах өндөл манан* (трехъярусное белое), *күндүл күөх* (светлое голубое). *Халлаан* (небо) изображается в поэме чистым, светлым, голубым, бескрайним, величественным, безмятежным, не предвещающим ничего плохого. Образный компонент, реализованный глаголами в метафорической функции *киртийдэ*, *быланыйда*, *ыыстыйда* предвещает надвигающуюся беду. Например, *Килбиэннээх халлааннара киртийдэ*, (сверкающее небо загрязнилось), *Ыраас халлаанаара ыыстыйда* (чистое небо закоптилось), *Манан халлааннара быланыйда* (белое небо помутнело), *Добун халлааннара тордо бурда* (высокое небо почернело).

Интересна реализация образного компонента концепта «айылҕа» в эпической поэме при описании сторон света. В традиционной культуре якутов восточная сторона света является исходной. Она соотносится с верхним миром небожителей, дарующим людям среднего мира блага. Поэтому при описании южной и западной сторон неба эпитеты *содуомнаах соххор холорук*, *арҕаанны аргыардаах* создают образ беспокойного, опасного, мутного неба. Именно в западной стороне находится нижний ярус, нижний мир, и именно оттуда пришло в срединный мир злое существо *абааһы*, который украл сестер главного героя Элэс Боотура. Например, *Собурууну содуомнаах соххор холорук халлаан* (южное шумное кривое, словно вихрь, небо), *арҕаанны аргыардаах арылы манан халлаан* (западное беспокойное туманное белое небо).

Понятийный компонент концептуального признака «природные явления» представлен 17 лексемами: этин (гром), чабылхан (молния), самыыр (ливень), буурҕа (метель), салгын (воздух), тыал (ветер), холорук (вихрь), силлиэ (буря), былыт (облако), ардах (дождь), тон муус тобурах (град), хаар (снег), тонот (мороз), туман (туман), буруо (дым), быдылҕан (темень), хахсаат (пурга).

Образная составляющая концептуального признака «природные явления» реализуется при описании среднего мира, в котором проживают люди. В срединном мире стоит тихая ясная погода, безмятежность которой не нарушает даже непогода. Так, например, гром не несет страх и разрушения, а напротив, выступает защитником, с плетью из молний, которые не разят без причины: *Дохсун этин арчылаах* (с защитником громом), *Тоһуттар чабылхан кымньыылаах* (с плетью из разящих молний), *Толон самыыр илгэлээх* (с благодатными дождями). Но тем не менее наступает момент, когда описание природных явлений несет отрицательную коннотацию. Разбушевавшиеся природные явления являются не только предупреждением, но и мороккой, посылаемой абааһы. Для изображения разбушевавшейся непогоды с синонимами – названиями явлений природы (поток воздуха, ветер,

пурга, вихрь, метель) используются эпитеты, выражающие интенсивность непогоды с различной степенью градации. Это усиливает постепенно нарастающее напряжение: *Күүстээх салгын салгыйда* (сильный поток воздуха), *тыйыс тыал тыалырда* (пронзительный ветер подул), *хабыс хахсаат хаһыырда* (завыла пурга свирепая), *дохсун холорук тобу ытыллан түстэ* (вихрь неудержимый обрушился сверху), *улуу буурба улуйа оонньоото* (заиграла воющая метель). Эпитеты *күүстээх, тыйыс, хабыс, дохсун, улуу* передают силу, постепенно доходящую до разрушительности. Для изображения молний используются различные синонимы и эпитеты: *күөх төлөһнөр күлүмнэстилэр* (голубые огоньки заплясали), *Сындыыс уоттар сырыстылар* (засверкали быстрые огни), *Садара кыымнар сардырбастылар* (многоязыковое пламя затрещало), *Тоһуттар чабылхан тобута курбуулаата* (ломаной линией молния ударила оземь, все вокруг круша), *Сарадах чабылхан самнарыта саайталаата* (искрящаяся молния стала ударять по земле), *Уот субурбан чабылхан сунтурута сүүрдэ* (хвостатая огненная молния пронзила все насквозь).

Литература:

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Попова, З. Ф. Когнитивная лингвистика / З. Ф. Попова, И. А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 106 с.
3. Толковый словарь якутского языка. – Т. 1 / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.
4. Элэс Боотур: Олонхо / Петр Оготовев, И. Пестряков уруһуйа. Эпоһы харыстыыр, үөрэтэр, турбатар Олонхо Фондата. – Дьокуускай, 2002. – 228 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕТАФОР

М. Н. Коннова

*ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»
(Калининград)*

CONCEPTUALIZATION OF TIME: ECONOMIC METAPHORS

M. N. Konnova

Summary. The article focuses upon cognitive foundations underlying metaphoric conceptualization of time in the Anglo-American Weltanschauung. Special emphasis is put on basic image schemata underlying the so called “economic” time perception and verbalization in the Middle English and Early Modern English pe-

riods. Lexicographic and textual data are drawn to exemplify cognitive shifts that bring about gradual transformation of the conceptual structure of time metaphors in the Modern English period.

Время, сущность которого до сих пор представляет собой область неизвестного, не может быть ословлено «буквально» [3, с. 87]. Лингвистическое, философское и психологическое изучение темпорального опыта во многом основывается на исследовании метафорических моделей [5, с. 7]. От обширного класса метафорически интерпретируемых понятий время отличается тем, что метафоры – это едва ли не единственный способ описать его значение, поскольку в обыденной картине мира для него не существует естественного таксономического класса [2, с. 160].

В настоящей статье рассматриваются особенности возникновения в англоязычной картине мира экономической метафорической модели времени, отождествляемого с материальной ценностью, уподобляемого ресурсу, товару или деньгам.

Языковые метафоры, эксплицирующие мысль о бережном отношении к времени как темпоральному измерению бытия впервые появляются в английском языке в конце древнеанглийского периода. Ср. следующий фрагмент гомилии XII в., отображающий словесную норму более раннего времени:

(1) *Uten we beon carfulle that ure time mid idelnysse us ne losige* / Будем осторожны, чтобы наше время в лености не потерять (a1150 Vsp. D. Nom. 33 / 34) [4].

В приведенном примере призыв к осторожной и внимательной жизни (“*Uten we beon carfulle...*”) непосредственно связан с опасением провести время бытия в праздности (“*idelnysse*”) – метафорически – утратить, потерять его (“*losige*”). Время предстает здесь синкретично «слитым» с жизнью, не отделимым и не отделяемым от человеческого бытия.

В среднеанглийский период происходит дальнейшее словесное оформление концептуальной модели времени как драгоценного достояния, находящегося в распоряжении человека в период его земного существования.

К середине XIII в. на языковом уровне – посредством глагольного сочетания *to have time* (букв. «иметь время») – закрепляется идея «обладания» временем, которая оказывается теснейшим образом связана с концептом «распоряжения» временем. Время здесь воспринимается не как автономная личная «собственность», но как «залог» или «талант», полученный в пользование. Ср. следующий пример начала XIV в., с отчетливо выраженной мыслью о необходимости дать отчет (“*giue acuntis*”) о прожитом из года в год (“*fram yer to yere*”) времени:

(2) *Ye sulle we giue acuntis of al that we habbith ibe here .. of al thi time fram yer to yere* / Дадим мы отчет обо всем что мы совершили ... обо всем времени из года в год (a 1325, The grace of godde) [4].

В аксиологическом контексте вечности происходит кристаллизация деятельностного и, шире, телеологического наполнения земного времени, восприятие которого проходит сквозь призму конечной цели бытия – спасения в вечности. Ср. следующий пример конца XIV – нач. XV вв., в котором апеллятивное значение призыва «избрать благую часть» (“*chese the good part*”) усиливается посредством акцентирования идеи «предела» времени, выраженного обстоятельственным союзом “*while*” («пока»):

(3) *Chese the good part while thou hast tyme* / Избери благую часть, пока ты имеешь время (с 1400 7 Gift HG 154) [4].

Концепция свободного распоряжения временем не всегда разворачивается в аксиологических рамках добра и зла. Среди возникающих в XIV в. Темпоральных метафор присутствует ряд нейтрально-маркированных выражений, позволяющих уподобить время вещи или субстанции, которую можно по своему усмотрению «удерживать» (*kepen time*), «искать» и «находить» (*fynden time and space*), «давать» (*give time*) или «выигрывать» (*wynne tyme*). В этот же период в языке находит свое отражение идея самовольного «ускорения» движения времени, передаваемая датируемыми второй половиной XIV в. сочетаниями *driven awei (forth) the time* («проводить время», букв. «прогонять время»).

В конце среднеанглийского периода усиливается процесс постепенного абстрагирования времени от категории бытия. Немалую роль в стимулировании этого когнитивного процесса сыграло всё более широкое распространение в XIV–XV вв. института ростовщичества, сердцевиной которого было «обращение» со временем, своеобразное «взимание платы» за время пользования заемными денежными средствами или товарами. В подобной языковой ситуации кредитору присваивается статус «распорядителя» времени, что на словесном уровне фиксируют конструкции с производными от глагола *setten* («устанавливать») – *time settere* («кредитор»), *time settinge* («продление кредита»), напр.:

(4) *Thet wors is the time-zettere ontrewē, huanne he yzigh the uolk mest nyeduol*/ Худшим является заимодавец несправедливый, когда он использует людей самых нуждающихся (1340 *Ayenb.* [Arun 57] 36/6) [4].

«Экономически» ориентированное восприятие времени окончательно закрепляется в англоязычной картине мира в ранненовоанглийский период. Великие географические открытия, развитие мануфактурного производства, становление нового типа экономических отношений, равно как и другие социально-экономические факторы, сопровождавшие переход от эпохи Средневековья к Новому времени, оказывают непосредственное влияние на формирование новой концепции темпоральности. Человек учится ценить время и переживает его «как нечто такое, что можно потратить, или как-то, с помощью чего-то можно нечто приобрести» [1, с. 92]. Абстрагируясь от категории бытия, время становится «уже не только Божественным, но и личным достоянием» [1, с. 93].

Ярким языковым свидетельством нового восприятия времени являются произведения У. Шекспира, в которых метафоры «монетарной» семантики отличаются устойчивостью и значительным разнообразием языкового оформления.

В текстах У. Шекспира время нередко уподобляется «частной собственности», которая тратится человеком по собственному усмотрению; ср. следующие стихи Сонета 58, в котором идея безраздельной принадлежности времени адресату подчеркивается эмфатической глагольной конструкцией “*to you doth it belong*” (букв. «ведь Вам оно принадлежит»):

(5) *Be where you list, your charter is so strong, / That you your self may privilege your time / To what you will, to you it doth belong...* (Sonnet 58, 1609) [6].

Идея свободного распоряжения временем, намеченная в приведенных стихах глагольным сочетанием “*you your self may privilege your time*”, широко представлена в драматических произведениях У. Шекспира. Способность «разделять» время и планомерно его расходовать осмысливается как основа и фундамент жизненного благополучия. Ср. следующий фрагмент монолога короля Генриха VI в одноименной исторической драме, в котором посредством семикратного повтора темпоральной конструкции “*So many hours (days, weeks, years)*” очерчивается образ идеального устройства земного бытия:

(6) *O God! methinks it were a happy life
To be no better than a homely swain;
To sit upon a hill, as I do now,
To carve out dials quaintly, point by point,
Thereby to see the minutes how they run-
How many makes the hour full complete,
How many hours brings about the day,
How many days will finish up the year,
How many years a mortal man may live.
When this is known, then to divide the times-
So many hours must I tend my flock;
So many hours must I take my rest;
So many hours must I contemplate;
So many hours must I sport myself;
So many days my ewes have been with young;
So many weeks ere the poor fools will can;
So many years ere I shall shear the fleece:
So minutes, hours, days, months, and years,
Pass'd over to the end they were created,
Would bring white hairs unto a quiet grave.*

Ah, what a life were this! how sweet! how lovely! (“The Third Part of King Henry the Sixth”, 1591; Act II, Sc. V) [6].

В рассматриваемую эпоху ключевую роль в упорядочивании темпорального пространства бытия, в рационализации использования времени начина-

ют играть механические часы. Ср. следующее высказывание в «Двенадцатой ночи», где именно часы напоминают – метафорически «бранят» – о бездумной трате времени:

(7) [Clock strikes.] OLIVIA. The clock upbraids me with the *waste of time* (“Twelfth Night; or What You Will”, 1602; Act III, Sc. I) [6].

Становясь собственностью человека, время в какой-то мере утрачивает свою автономность, самостоятельность. «Овеществленное», «опредмеченное» время легче поддается манипулированию. Ср. следующие авторские темпоральные метафоры, эксплицирующие идею самовольного «воздействия» на время, которое произвольно подвергается «вытягиванию» (*to eke [the time]*, *to draw [the time] out in length*), «оттягиванию» (*to peize the time*), «делению» (*to divide a minute into a thousand parts*):

(8) I speak too long, but 'tis *to peize the time*, / *To eke it*, and *to draw it out in length*, / To stay you from election (“The Merchant of Venice”, 1597; Act III, Sc. II) [6]/ рус.: «Я слишком много говорю; но это, / Чтоб, время задержав и протянув, / Замедлить выбор ваш» (пер. Т. Щепкиной-Куперник);

(9) Break an hour's promise in love! He that will *divide a minute into a thousand parts*, and *break but a part of the thousand part of a minute* in the affairs of love, it may be said of him that Cupid hath clapp'd him o' th' shoulder, but I'll warrant him heart-whole (“As You Like it”, 1601; Act IV, Sc. I) [6] / рус.: «Влюбленный – и опоздать на час? Да *раздели он минуту на тысячу частей* и опоздай хотя бы на частицу этой одной тысячной – и ясно, что Амур тронул его за плечо, но сердца даже не коснулся» (пер. О. Сороки).

Идея «опредмечивания» темпоральной ткани бытия находит своеобразное преломление в метафорическом уподоблении времени товару, который потенциально может быть куплен или продан. Ср. следующий фрагмент «Виндзорских насмешниц», в которой говорящий пытается склонить адресата к оказанию ему услуги за определенную плату и просит «обменять» время на деньги:

(10) Believe it, for you know it. There is money; spend it, spend it; spend more; spend all I have; only *give me so much of your time in exchange of it* [букв. дайте мне столько Вашего времени в обмен на мои деньги, сколько ...] as to lay an amiable siege to the honesty of this Ford's wife (“The Merry Wives of Windsor”, 1601; Act II, Sc. II) [6].

«Экономическая» модель может получать неожиданную «обратную» трактовку, когда денежные отношения становятся основой для создания персонифицированного образа времени. Ср. следующий диалог в «Комедии ошибок», в котором время метафорически именуется «банкротом»:

(11) Dromio of Syracuse. No, no, the bell; 'tis time that I were gone. It was two ere I left him, and now the clock strikes one.

Adriana. The hours come back! That did I never hear.

Dromio of Syracuse. O yes. If any hour meet a sergeant, 'a turns back for very fear.

Adriana. As if *Time were in debt!* How fondly dost thou reason!

Dromio of Syracuse. *Time is a very bankrupt*, and owes more than *he's worth to season.* / Nay, he's a thief too: have you not heard men say / That Time comes stealing on by night and day? / If 'a be in debt and theft, and a sergeant in the way, / Hath he not reason to turn back an hour in a day? (“The Comedy of Errors”, 1593; Act IV, Sc. II) [6]/ рус.: «Дромио Сиракузский. Да нет, часов! Скорей, прошу я Вас: я шел, так было два; а вот уж бьет и час. Адриана. Часы бегут назад? О, что ты говоришь! Дромио Сиракузский. От пристава назад невольно побежишь! Адриана. *Но время не должник*: зачем ему бежать? Дромио Сиракузский. *Оно банкрот: не может долга мгновению отдать.* / Оно и вор к тому же: случилось вам слышать, / Как говорят, что время подкралось, словно тать? / Если так и если пристав попадет на пути, / Как же тут не постараться хоть на час назад уйти?» (пер. А. Некора).

С другой стороны, «монетарный» образ времени может получать и предельно высокое ценностное переосмысление. Ср. контекст функционирования метафоры *to sell hours* (букв. «продавать часы») в Сонете 146, где лирический герой, обращаясь к своей душе, призывает её посредством скоротечных часов земной жизни (“*hours of dross*”) приобрести Божественную вечность (“*Buy terms divine*”):

(12) Poor soul the centre of my sinful earth,
My sinful earth these rebel powers array,
Why dost thou pine within and suffer dearth
Painting thy outward walls so costly gay?
Why so large cost having so short a lease,
Dost thou upon thy fading mansion spend?
Shall worms inheritors of this excess
Eat up thy charge? is this thy body's end?
Then soul live thou upon thy servant's loss,
And let that pine to aggravate thy store;

Buy terms divine in selling hours of dross [букв. Покупай вечные сроки, продавая часы хлама];

Within be fed, without be rich no more,
So shall thou feed on death, that feeds on men,
And death once dead, there's no more dying then (Sonnet 146) [6].

В общем контексте произведения эта яркая авторская метафора напоминает о евангельском призыве «приобретать себе друзей богатством неправедным» (Лк. 16: 9): “Make to yourselves friends of the mammon of unrighteousness; that, whe ye fail, they may receive you into everlasting habitations” (St. Luke 16: 9)/ рус.: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк. 16: 9).

«Экономический» образ «овеществленного» времени, сформировавшийся в ранненовоанглийский период, в XVII–XX вв. не претерпевает существен-

ных концептуальных сдвигов. Языковые реализации данной модели становятся при этом всё более разнообразными, детально отображая всевозможные способы «обращения» со временем как с собственностью.

Литература:

1. Найденова, Л. П. Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и источникам права) / Л. П. Найденова. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2003. – 208 с.
2. Плунгян, В. А. Время и времена: к вопросу о категории числа / В. А. Плунгян // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 158–169
3. Hillis Miller, J. Time in Literature/ J. Hillis Miller // Daedalus. – Vol. 132, No. 2, On Time (Spring 2003). – PP. 86–97.
4. Middle English Dictionary [сайт]. – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/> (дата обращения: 3.11.2015).
5. Phillips, I. Time perception without metaphors, or Down the stream of consciousness without a saddle/ I. Phillips // Procedia. Social and Behavioral Sciences. – Vol. 126 (2014). – PP. 7–8.
6. Shakespeare, W. The Complete Works of William Shakespeare / W. Shakespeare // Project Gutenberg [Сайт]. – Режим доступа: www.gutenberg.org.

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПУТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ ФРАНЦУЗСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Н. Д. Кручинкина

*ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва» (Саранск)*

SEMASIOLOGICAL WAY TO STUDY OF THE CONCEPTS OF THE FRENCH CONCEPTUAL AREA

N. D. Kruchinkina

Summary. Using semasiological approach to the lexical-semantic level description refers to the direction from the lexeme to the referent. In ethnical linguistics it allows us to study ethnical paradigm of concepts of language consciousness, language mentality, based on the signifying of the language sign at the level of lexeme.

Ф. де Соссюр, определяя сущность знака как неразделимого единства формы (означающего) и содержания (означаемого), графически показал два

возможных направления его описания: от формы к содержанию или от содержания к форме [16, с. 99]. Наиболее естественным и логически оправданным при описании знаковой системы языка на лексико-семантическом уровне является путь от материализованной в языковых формах содержательной стороны языка. Такой подход своей конечной целью имеет объективированное в языковом оформлении содержание – значение. Поэтому такой подход был назван семасиологическим.

Семасиологический путь описания лексико-семантической подсистемы языка имеет свои преимущества. Они были использованы в отечественной и зарубежной лингвистике, в частности при исследовании лексических систем языков. Через полученные результаты впоследствии, когда наука о языке вышла за границы внутренней лингвистики, полученные результаты стали использоваться для установления ментальности различных этносоциумов, их этнокультурных ценностей в их концептуализации этносознанием [1; 9; 10; 11, с. 5–18; 17, с. 373–441]. Этот путь исследования и изучения может быть весьма эффективно использован также в лингводидактических целях – при обучении как родному, так и иностранным языкам [13].

Лингвистов всегда интересовал вопрос о репрезентативной функции языка, а, значит, связи языка и мышления, языка и культуры. Г. В. Колшанский указывал на важнейшее свойство языка: не только просто информировать через знаковую систему – в ее означаемом, а формировать общественное сознание в качестве его первичной основы [3, с. 29]. Тем самым лингвист и философ языка Г. В. Колшанский подтверждает самую тесную связь языка в его знаковости с внешним по отношению к внутренней системе языка референтом – внеязыковым субстратом, каким является реальная действительность, отражаемая в языковых формах.

К. Бэйлон утверждает, что в социолингвистическом плане существует двусторонняя связь между внутренними лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Понимание мира зависит не только от реализации языковых структур для выражения мыслей. Сам поиск форм выражения исходит и от реальности, которую создают участники коммуникативного процесса, представляющие определенный социум [12, с. 223–230]. Эти факторы считаются также активными в создании картины мира.

Когда говорят о связи языка и культуры, неизменно речь заходит о теории лингвистической относительности, связанной с так называемой гипотезой Сепира-Уорфа [15, с. 127–148]. Как известно, согласно этой теории, картина мира для реципиента зависит от языка реципиента. Иначе говоря, языковое сознание воспринимает действительность через призму «грамматики языка». Это видение связи между концептуализацией мира языковым сознанием и объективной действительностью ведет свое начало от В. фон Гумбольдта, который считал, что именно язык реципиента определяет его образ мира [2, с. 34–298].

Французский язык, в котором зафиксированы следы многовековой культуры формирующегося этносоциума, может быть исследован в рамках концептуализации в лексической системе специфики содержательной стороны самих особенностей бытия этноса и его этнической концептосферы.

Французский этнос, его бытие, его культура, его ментальность с давних пор вызывают интерес. Для исследователя французского языка важно получение ответов на многочисленные вопросы о том, как это зафиксировано в языковом сознании этноса, т. е. в означаемом его понятийных языковых единиц – лексем.

Вывод о степени значимости того или иного явления, события, той или иной субстанции в жизни этноса можно сделать на основе разных языковых проявлений.

Одним из таких проявлений является частотность употребления отдельной лексемы или лексем как конституента лексико-семантического поля. В этом плане можно отметить высокую частотность употребления лексем, относящихся к лексико-семантическому полю концепта *repas*.

При чтении французской художественной литературы встречаем такие гипонимы архисемы *repas* как *petit déjeuner, déjeuner, dîner, souper*. Это лексем, характеризующие архисему в плане временного аспекта процесса приема пищи. Соответственно, в таких текстах находим ассоциативную лексическую репрезентацию лексико-семантического поля концепта *repas*: место приема пищи – *salle à manger, café, restaurant, brasserie, bistrot*; самого процесса – *consommation du repas*; гиперонимов – обозначения гиперонимами содержимого процесса приема пищи – *plats, mets, nourriture, boissons*; обозначение социальной среды, в которой происходит потребление пищи – *famille, invités, amis*; номинация события, с которым связаны ритуальные особенности приема пищи – *Noël, Pâques, mariage; réception; soirée* [5, с. 164]. Это соответствует тем характеристикам, которые дает французский писатель П. Данинос в произведении «Les carnets du major Thompson», в котором в ироничной манере сравнивает французов и англичан в этом плане, показывая, какую важную роль в повседневной жизни французов играет гастрономическая сторона их жизни [14, с. 95–106].

Другим показателем важности для этносоциума явления, события, конкретной субстанции является объем значения той или иной лексемы. Многозначность лексемы является признаком высокой частотности ее употребления. Уже сама частая встречаемость лексемы в текстах, которые в той или иной мере отражают саму реальную действительность, показывает ее востребованность для номинации отражаемой в лексике концептуализации фрагментов действительности или представлений о них.

Одним из примеров частой встречаемости во французских текстах является лексема *café* в ее разных лексико-семантических вариантах значений. Наиболее употребительными являются лексико-семантические варианты значения ‘напиток’ (*‘boisson’*) и ‘заведение, где можно выпить неалькоголь-

ные и алкогольные напитки' ('*établissement ou on peut consommer des boissons alcoolisées ou non*') [7, с. 59; 4, с. 120–123]: *Anne... servit le café aux deux jeunes hommes...* (Troyat). *Daniel prend le thé le matin... Jamais le café au lait. Encore moins le chocolat* (Bazin). *Il ... il y a au moins un café par immeuble* (Le Clézio). *J'entrai au café de Bordeaux* (Mauriac). *Elle alla s'asseoir dans un café des Champs-Élysées* (Triolet). *Il se lia, très jeune, au café Brébant avec un groupe de journalistes du Matin* (Modiano).

В своем первичном значении лексема *café* обозначает зерна растения: *Pense à acheter un paquet de café, il n'y en a plus* (20). *Dis-moi dans quels pays on cultive le café?* (20). При дальнейшем развитии лексико-семантической парадигмы значения лексемы действует метонимический алгоритм «материал – продукт»: лексема *café* приобретает вариант значения напитка, приготовленного из смолотых зерен растения: *Tu veux bien nous faire du café?* (20).

Вариантное значение лексемы реализуется в лексическом контексте: в номинанте *Pense à acheter un paquet de café, il n'y en a plus* лексема *café* реализует значение 'зерна кофейного дерева' в дистрибуции с лексемой *paquet*, так как лексема *paquet* содержит функциональную сему 'для неожиданных субстанций'. В сочетаемости с глаголами *servir*, *faire* и *prendre* лексема *café* получает значение напитка: *Servez-nous deux cafés* (22). *Tu veux bien nous faire du café?* (20). *Je ne supporte pas le café au lait, alors le matin, je prends une tasse de café noir* (20). Следующий вариант значения лексемы *café* – 'заведение' ('*établissement*') снова актуализируется в соответствии с принципом аналогии деятельности языкового сознания по метонимическому алгоритму «содержимое – содержащее»: *Tous les jours, ils prennent l'apéritif au café du coin* (19).

Семасиологический подход может быть использован также для определения объема значения, аксиологического аспекта концептов, обозначенных определенными лексемами. Такая концептуализация какого-то явления общественной жизни того или иного этносоциума может быть адекватно воспринята путем анализа семантической структуры значения на базе в первую очередь энциклопедических словарей, дополнительно при помощи одноязычных словарей – анализа словарных дефиниций лексем.

Семасиологический подход может быть применен для объективированного анализа смысловой структуры социальных концептов. В настоящее время в международном социальном пространстве много говорится о толерантности. Для того, чтобы адекватно воспринимать этот концепт лингвисту следует обратиться к описанию самой лексемы *толерантность*. Сравнительный анализ смысловой структуры концепта во французской и русской концептосфере показывает их различие. Остановимся на смысловой структуре концепта *tolérance*, означенного во французском языке идентичной лексемой.

Толерантность относится к общим принципам межличностного, межгосударственного и межкультурного общения. Монтескье уже в 1721 году своей знаменитой фразой «И как только можно быть персом?» («*Comment peut-on être Persan?*») в «Персидских письмах» поставил на повестку дня проблему

толерантности и связал ее с проблемой знания и понимания внутренней формы иной культуры [8].

Лексема *tolérance* переводится на русский язык как *терпение*, *терпимость*, однако этот перевод не отражает истинной семантической структуры содержания значения лексемы. Анализ семантической структуры лексемы *tolérance* нами проводился по словарным дефинициям во французских энциклопедических и одноязычных толковых словарях. Французский энциклопедический словарь Ларусс [21] и толковые словари французского языка [18; 22; 24] определяют толерантность, во-первых, как уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических, философских и религиозных взглядов [18, с. 1892; 21; 22, с. 1973–1974; 24]: «Attitude de quelqu'un qui admet chez les autres des manières de penser et de vivre différentes des siennes propres» [21]; «Respect de la liberté d'autrui en matière d'opinions et de croyances» [24]; «Respect de la liberté d'autrui, de ses manières de penser et de vivre, de ses opinions religieuses» [19, с. 1022].

В русской этнокультуре концепт *толерантность* включает в качестве основной составляющей конститuent *терпимость* [8, с. 237–240], который диссонирует с базовым конститuentами *respect* и *liberté* в смысловой структуре концепта, означаемого во французском языке лексемой *tolerance*.

Анализ концепта *толерантность* во французской концептосфере и в русской позволяет понять, что концептуальная структура концепта, которая тесно связана с этносоциокультурой, может дифференцироваться от одной этносоциокультуры к другой.

Литература:

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 224 с.
2. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 34–298.
3. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
4. Кручинкина, Н. Д. Знаковая репрезентация развития значений лексем / Н. Д. Кручинкина // Лингвокультурология. Научное издание. – 8(2014). – Екатеринбург, 2014. – С. 120–123.
5. Кручинкина Н.Д. Концепт *repas* во французской концептосфере / Н. Д. Кручинкина // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. – С.163–165.
6. Кручинкина, Н. Д. Обучение межкультурной коммуникации при обучении языковому общению / Н. Д. Кручинкина // Проблемы межкультурных коммуникаций в содержании социогуманитарного образования:

состояние, тенденции, перспективы. – Казань: КГУКИ, 2008. – В 2 ч. – Ч. 1. – С. 237–240.

7. Кручинкина, Н. Д. // Пропозитивный контекст как способ актуализации значения конститuentов / Н. Д. Кручинкина // Информативная динамика текста в коммуникации. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999. – С. 56–59.

8. Кручинкина, Н. Д. Традиция французской толерантности в когнитивной и межкультурной значимости // Н. Д. Кручинкина. Лики традиционной культуры: прошлое, настоящее, будущее: в 2 ч.; ред. проф. Н. Г. Апухтина. – Челябинск: Чел. гос. академия культуры и искусств, 2008. – В 2 ч. – Ч.2. – С. 32–36.

9. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

10. Мельникова, А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности / А. А. Мельникова. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с.

11. Сорокин, Ю. А. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 5–18.

12. Baylon, Ch. Sociolinguistique. Société, langue et discours / Ch. Baylon. – P.: Armand Colin, 2002. – 305 p.

13. Byram, M. Investigating Cultural Studies in Foreign Language Teaching: A Book for Teachers / M. Byram and V. Esarte-Sarries. – Clevedon / Philadelphia: Multilingual Matters Ltd, 1991. – 219/ 239 p.

14. Daninos, P. Les carnets du major Thompson / P. Daninos. – P.: Hachette, 1954. – 243 p.

15. Goddard, C. Language, culture and meaning: Cross-cultural semantics / C. Goddard and A. Wierzbicka // Cognitive Exploration of Language and Linguistics. – Vol. 1. – Amsterdam / Philadelphia, 2004. – P. 127–148.

16. Saussure, F. de. Cours de linguistique générale / F. de Saussure. – P.: Payot, 1997. – P. 523.

17. Wierzbicka, A. Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations / A. Wierzbicka. – NY: Oxford University Press, Inc. 1992. – P. 486/495.

Словарные источники

18. Dictionnaire de la langue française. Lexis. – P.: Larousse, 1994. – 2109 p.

19. Dictionnaire de français. 35 000 mots / Sous la dir. de J. Dubois. – P.: Larousse, 1994. – 1096 p.

20. Dictionnaire du français langue étrangère. – Niveau 2 / Sous la direction de J. Dubois. – Paris: Larousse, 1979.

21. Dictionnaire Larousse [Ressource électronique]. – Режим доступа: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/tolerance/78312?q=Tolerance#77389>

(дата обращения: 09.06.2015).

22. Le Petit Robert 1. Dictionnaire de la langue française. – P.: Le Robert, 1992. – 2175 p.

23. Le Robert Méthodique. Dictionnaire méthodique du français actuel. – P.: Le Robert, 1983. – 1553 p.

24. Trésor de la langue française. [Ressource électronique]. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr/definition/tolerance> (дата обращения: 09.06.2015).

КУЛЬТУРА АССОЦИИРОВАНИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ БАЗА КОНТЕКСТНОГО МЫШЛЕНИЯ

Н. В. Максимова

*ГАУ ДПО НСО «Новосибирский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования» (Новосибирск)*

ASSOCIATING CULTURE AS A FRAMEWORK CONTEXT THINKING

N. V. Maksimova

Summary. The article develops the concept of “context thinking”. This concept is brought by the author of the article. Any linguistic persona can overpass linearity of text and comprehend “vertical” internal textual ties. It brings to modeling of sensual holiness and understanding of text conception. One way to form “context thinking” is developing culture of association. The article consider questions bond to specifics of associative actions. Also there found the ways to enlarge associative field of speaker. And this enlarging is the base for formatting of conceptual ties in mental horizon of persona.

Одной из важнейших составляющих понимания текста и так называемой текстовой компетенции является *развитое контекстное мышление*. Контекстное мышление – это своего рода горизонт чтения, охватывающий вертикальные связи текста и преодолевающий линейность чтения «от слова к слову». Это способность воспринимать знак или фрагмент текста на основе его обусловленности данным конкретным контекстом и компонентами коммуникативной ситуации (*кто, что, кому, зачем и почему говорит*) – и на этой основе образовывать смысл, воспринимать концепцию текста. В приведённом определении контекстного мышления важно обратить внимание на ориентировку в отношениях «часть – целое»: часть – это словесный знак (слово, сочетание слов, фрагмент, деталь и под.), а целое – это понимаемый смысл. Подробнее см. [3, с. 4–5]. Смысл текста не выводим из его частей, и в то же время именно эти части являются следами зашифрованного смысла, который надо понять, распознать, опираясь не только на ткань текста с его смысловым

и формальным устройством, но и на собственный жизненный опыт, его рефлексии, на собственную читательскую интуицию, мысль, чувство, синтез читательских и речевых умений.

Обучающие филологические программы часто ориентированы на готовые интерпретации, а не на живое понимание, оставляя читателя (и будущего исследователя) несколько беспомощным перед задачей свободного понимания. Результаты диагностики понимания текста обнаруживают необходимость развития контекстного мышления с опорой на формирование коммуникативной способности, при этом важны два типа организации диалога: 1) «автор – читатель», 2) «читатель-1 – читатель-2». В результате специальной работы меняется тип восприятия смысловой организации текста: новое качество должно обнаруживаться не на уровне лингвистического анализа средств связности, а на уровне целостности смыслового понимания текста, подробнее см. работу [5]. Одним из способов формирования восприятия концепции текста и развития контекстного мышления выступает зрелое индивидуальное ассоциирование. Известно, что модели ассоциирования связаны с моделями текстообразования. Можно сказать, что культура ассоциирования (включая рефлексию и интерпретацию как индивидуальных ассоциаций, так и ассоциаций, выявляемых в коллективном языковом сознании того или иного социокультурного хронотопа) составляет основу способности понимать текст, контекст, интертекст.

Ассоциативные связи неотъемлемы от процессов развёртывания текста. Ассоциация – явление психическое, субъективное; в данном случае мы говорим о вербальных ассоциациях – то есть о словах-реакциях, которые возникают в ответ на определённое слово-стимул у тех или иных людей. Например, вот ассоциативные реакции, данные разными людьми на одни и те же слова-стимулы (ассоциации приведены по Русскому ассоциативному словарю (далее – РАС) – [7, с. 14, 31]:

встреча – в кино, друзей, долгожданная, на Эльбе, неожиданная, разлука, с другом, радость, свидание;

бабушка – дедушка, старушка, моя, старая, добрая, любимая, внук, платок, рядышком с дедушкой.

Ассоциации, представленные в коллективной памяти говорящих на русском языке, и внутритекстовые связи находятся в отношениях изоморфизма, то есть имеют взаимные проекции: как мы ассоциируем, так мы и строим текст, высказывание, и, наоборот, при построении текста задействуются ассоциативные связи как база смыслопорождения и текстообразования.

Составители РАС отмечают, что ассоциативно-вербальная сеть, отражённая в словаре, формирует представление о том или ином фрагменте образа мира. Обнаруженные ассоциации – «инструмент изучения процессов восприятия текстов», который может служить основой для выявления и прогнозирования тенденций в развитии читательских вкусов [7, с. 5–8].

Зрелая ассоциативная реакция, свободное ассоциирование – признак общей развитости языковой способности. Нарращивание ассоциативных действий, их обогащение – одно из звеньев становления текстовой компетенции. Однако это звено несколько недооценивается при организации текстовой деятельности. Преобладают анализ, интерпретация текста. Тогда как косвенные способы, к коим относится и ассоциирование, играют важную, свою собственную роль. Необходим своего рода ассоциативный тренинг как компонент развития способности к свободной вербальной ассоциации, механизм которой прямо связан с умением строить и воспринимать текст. Подобный тренинг заключается в том, чтобы в «ассоциативной разминке» включились все основные стороны речевого действия говорящего, все базовые языковые связи. Среди таких связей важнейшими являются следующие: лексические (*встреча - разлука, свидание*), синтаксические (*встреча – в кино, бабушка – моя, добрая...*), фонетические (когда подбираются созвучные формы, рифмы типа *встреча – лечо*), морфологические (*встреча – встречать, бабушка – бабуля, баба*), метаречевые (*встреча – существительное, брифинг – что это?* и под.), интертекстуальные (их ещё можно назвать фразеологизированными: *встреча – на Эльбе, слон – и Моська, лес – в лесу родилась ёлочка, камень – вода камень точит*), а также индивидуально-авторские – демонстрирующие оригинальность, нестандартность ассоциирования.

У каждого говорящего, согласно его индивидуальной природе и естественно складывающемуся опыту речевого общения, вырабатывается (и постепенно укореняется) свой собственный способ обращения со словом. Складывающееся отношение к слову может быть очень различным. Одни воспринимают слово преимущественно со стороны его звукового образа, фонической оболочки. Другие – со стороны грамматики. Третьи вообще глядят как бы «за слово» и воспринимают прежде всего предмет, обозначенный словом. При этом доминирующий тип восприятия слова довольно жёстко предопределяет характер складывающихся индивидуальных отношений человека со словом, обуславливает индивидуальные способы связывания слов, их ассоциирования, запоминания и хранения в памяти, характер речевого поведения человека. (В понимании языковой способности, репрезентируемой ассоциативно-вербальной сетью, мы исходим из исследования её специфики, представленной в следующих работах [1, 2, 6]). При ассоциировании эти доминанты речевого поведения представлены сочетанием тех или иных типов слов-реакций.

Важно выявить и нарастить эти реакции, восполнить лакуны и задать точки роста. Для этого можно использовать следующие пути ассоциирования – как при формировании контекстного мышления, так и вообще в ходе развития языковой способности, особенно в случаях необходимости корректировки языкового развития, формирования свободы речевого действия.

1. Ассоциирование слова в свободном режиме. Обмен типами ассоциаций, интерпретация: почему возникла ассоциативная связь. Определение типа ас-

социации (фонетического, синтаксического... комбинированного и др.). Слова для ассоциирования предлагаются как в начальной, так и в косвенной форме. Список слов для ассоциативной разминки такого рода должен включать не более 9 слов, например: а) *газета, дорогой, люблю, много, деньги, листьями, крик, старинный, прятаться*; б) *ель, новая, пляшем, окно, чудесный, лошадь, беру, взлететь, актриса*; в) *спектакль, юный, бумеранг, плакать, легко, сплю, очки, Чехов, около*. При этом слова-стимулы могут предлагаться как устной, так и в письменной форме. Поиск слова-реакции происходит в индивидуальном режиме, а обсуждение начинается только тогда, когда каждый зафиксировал своё слово-реакцию. Допускаются отдельные пропуски реакций, если не получается подобрать ассоциацию в конкретном случае.

2. Ассоциирование в направленном режиме. Слова-стимулы подбираются так, чтобы выявить у говорящего наличие или отсутствие того или иного типа ассоциативной реакции. Сложилось следующее представление о том, какими характеристиками должен обладать корпус слов-стимулов, чтобы быть репрезентативным с этой точки зрения. В список слов-стимулов с обязательностью должны входить как минимум пять следующих типов слов: 1) общеупотребительные слова в начальной форме; 2) слова знаменательные не в начальной форме: *стеной, играем, новую* (такие слова провоцируют реакцию морфологического типа, позволяют нацеливать на грамматические действия со словом, оценивать степень сформированности у говорящего этого типа восприятия слова); 3) слова незнаменательные – провокаторы морфологической, метаречевой ассоциативной реакции; 4) слова, малоизвестные с точки зрения лексического значения, провоцирующие реакцию фонетического, метаречевого, грамматического типов; 5) слова с выразительной фоникой (фонетическая провокация).

Правильно сформированный корпус слов-стимулов даёт предельно результативный набор слов-реакций, провоцируя говорящего создавать максимально разнообразные ассоциативные ряды, расширяя свободу ассоциирования и открывая саму возможность обогащения ассоциативного опыта. Приведём примеры таких рядов слов-стимулов: а) *пламя, чадо, пчелой, сорбент, кукушка, плачу, кумыс, бы, после*; б) *я, по дороге, у, чичероне, синица, и, марьяж, лисица, отвлечь*; в) *успеем, какую, без, дети, лицом, каравелла, сочиняю, королевский, жужжелица*.

Можно выделить несколько типов ассоциирования, важных с точки зрения развития общей языковой способности и осуществления на этой основе текстовой деятельности. Прежде всего, это **развитая словесная реакция**, которая характеризуется стабильным предъявлением реакций лексического, морфологического, синтаксического типов, а также отдельными реакциями метаречевого, фонетического и интертекстуального типов; богатством и разнообразием реакций, включающих индивидуально-авторские, нестандартные варианты. Разновидности развитой словесной реакции – выделяющиеся доминанты той или иной ассоциативной реакции: фонетического типа («поэти-

ческий» взгляд на слово), морфологического типа (грамматико-аналитический взгляд на слово), синтаксического типа (характерно для людей, легко и много говорящих в обычных речевых ситуациях) и др.

Для текстовой деятельности все эти типы очень важны, так как они строятся на базе стабильного и многообразного ассоциирования. Тревожной является неразвитая словесная реакция, которая характеризуется тем, что 1) говорящий ассоциирует слово во многом через предметный ряд (*бабушка – платок*), 2) варьирование слова бедное, примитивное, касается простых грамматических изменений по какому-либо одному признаку: *пчела – пчёлы, бабушка – бабушки* и под., 3) частотны отказы от предъявления слова-реакции либо повторы слова-стимула в качестве слов-реакций, 4) использование в качестве слова-реакции одного и того же слова (как правило, это нейтрально-обобщённые слова, например: *красивый, человек* и под.) – в качестве повторяющегося слова-реакции к нескольким разным словам. Более подробно данные типы словесной реакции представлены в нашей статье.

3. Интересно сравнить свои ассоциации к слову и ассоциативный ореол слова, представленный в РАС разных периодов. При этом необходимо составить текст-миниатюру на основе ассоциаций словаря с обязательным включением своего слова-реакции (например, этюды «О минуте», «Шутка» и др.), а также отметить в тексте те слова, которые оказались задействованными из словарной статьи.

4. Важно прогнозировать ассоциативную реакцию: предположите самые частотные ассоциации к слову. Сравниваем свои предположения и индекс частотности слов-реакций из РАС. В такой работе расширяется диапазон ассоциирования, что влияет на расширение угла текстового зрения, контекстного мышления.

5. Целесообразно осмыслить и обратный путь – «от реакции к стимулу». Предлагается понять, в ответ на какое слово-стимул получены следующие слова-реакции. Материалом служит РАС, с обязательностью указывается период, в который зафиксированы данные ассоциации. Например:

? – весёлая, музыка, хорошая, льётся, звонкая, любимая, стихи, петь, громкая, о любви, танец, народная, о родине, длинная, задушевная, без слов <...> (Ключ: ПЕСНЯ).

? – театр, интересный, хороший, сцена, плохой, окончен, в театре, кино, премьера, представление, прекрасный, концерт, начался, пьеса, закончился, идёт, скучный, смотреть, жизнь, игра, отличный <...> (Ключ: СПЕКТАКЛЬ).

6. В качестве динамического ассоциирования можно строить кластер какого-либо концепта, выделяя разные приросты ассоциирования, происходящие по мере понимания текста и организации других этапов и способов репрезентации того или иного концепта. В этом процессе необходимо, чтобы параллельно с ним осваивались такие действия, как *чтение информационной справки о словарях ассоциативного типа; ориентировка в основных типах ассоциативных реакций и их признаках; проведение локального ассоциатив-*

ного эксперимента и интерпретация его результатов; сравнение ассоциаций к какому-либо слову-стимулу из РАС и тех ассоциаций, которые получены в результате локального ассоциативного эксперимента; анализ текста с таким ключевым концептом, который включён в РАС в качестве слова-стимула: сопоставление того, как словарная статья и текст соотносятся друг с другом; придумывание игры в вербальные ассоциации, наблюдение за способами действий играющих; понимание того, что развивает ассоциирование в языковой способности человека.

Литература:

1. Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – М.: Русский язык, 1993. – 263 с.
2. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
3. Максимова, Н. В. Принцип «понимай текст, действуя с ним» как основа текстовой компетенции / Н. В. Максимова // Понять автора: учимся смысловому чтению. – Новосибирск: Изд-во НИПКИПРО, 2015. – 198 с. – С. 4–32.
4. Максимова, Н. В. Детские представления о слове: что делает ребёнок со словом? / Н. В. Максимова, Е. В. Демина и др. // Дискурс. – 2002. – № 10. – С. 143–150.
5. Максимова, Н. В. Целостность vs. связность: к проблеме понимания текста / Н. В. Максимова, Ю. Л. Троицкий // Критика и семиотика – 2014. – № 1. – С. 91–102.
6. Овчинникова, И. Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика / И. Г. Овчинникова. – Пермь: Перм. ун-т, 1994. – 142 с.
7. Русский ассоциативный словарь (РАС). – Часть 1. / сост. Ю. Н. Караулов и др. – М.: Помовский и партнёры, 1994. – 224 с.

КОНЦЕПТ «ДРУЖБА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ

Н. Е. Максимова

*ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова» (Якутск)*

THE CONCEPT OF «FRIENDSHIP» IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF GERMAN, ENGLISH AND YAKUT SPEAKERS

N. E. Maximova

Summary. The paper focuses on the conception of language consciousness. German, English and Yakut native speakers took a part in our research. They were students from Austria, England and Yakutia and they gave us associations to our

questionnaire. In conclusion we defined a differences and similarities the concept of «friendship» in language consciousness of German, English and Yakut speakers.

Концепт «Дружба» в языковом сознании носителей немецкого, английского и якутского языков проявляется по-разному. Так как определение, данное Ю. С. Степановым, трактует, что концепт имеет «слоистое» строение, в котором каждый из «слоев» является результатом культурной и по этимологии, и по времени формирования, и по значению, а также концепт – это ментальные образования, представляющие собой «сгусток культуры в человеческом сознании», которые являются результатом жизни разных эпох в каждой культуре. Таким образом, концепты отражают и формируют языковое сознание носителей каждой культуры [3, с. 40–76]. Именно поэтому мы выбрали данную тему для исследования и определения различий понятия концепта «Дружба» в языковом сознании носителей немецкого, английского и якутского языков, в котором участвует аудитория в возрасте от 18–27 лет.

Методом нашего исследования был использован свободный ассоциативный эксперимент среди носителей немецкого, английского и якутского языков, а также для выявления ядра и периферий концепта был использован метод Ю. Н. Караулова «семантический гештальт». А также метод сопоставительного анализа для выявления сходств и различий восприятия в трех культурах. Местом для проведения данного эксперимента был Альпийско-Адриатический университет Клагенфурта в Австрии и Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова в г. Якутске. Словесные реакции участниками эксперимента давались на родном языке, в нашем случае это были австрийцы, англичане и якуты. Общее количество испытуемых составляло по 70 человек в каждой культуре.

Далее нами были выделены слова-стимулы из словарных статей в итоге анализа словарных дефиниций по методу А. Вежбицкой, которые были использованы для ассоциативного анкетирования: **die Staat-state-государство, die Beziehung-relationship-сибээс/отношение, freundschaft-friendship-доордоһуу/дружба, der Freund-friend-доор/друг, das Vertrauen-trust-итээйи/вера, die Menschen-people-дьон/люди, das Verhältnis-attitude-сыһыан/отношение, der Kamerad-associate-табаарыс/товарищ, die Familie-family-дьиэ-кэргэн/семья, die Treue-attachment-бэриниилээх буолуу/верность** [1, с. 299–331].

Ассоциативный эксперимент состоял в том, что испытуемому предлагалось выдавать, записав в бланк, ассоциации на определенный стимул, в анкетировании было всего 30 слов, из которых 10 слов являлись нашими словами-стимулами. Далее, проанализировав полученные реакции у носителей немецкого, английского и якутского языков с помощью метода Ю. Н. Караулова «семантический гештальт», мы выявили ядро и периферии концепта «Дружба» в языковом сознании носителей немецкого, английского и якутского языков [2, с. 191–206].

Ядром концепта «**die Freundschaft/Дружба**» в языковом сознании носителей немецкого языка является признак «**Государство**», сюда вошли такие реакции, как *die Regierung/правительство/18, das Geld/деньги/10, das Parlament /парламент/9, die Politik/политика/7, das Gesetz/закон/6, die Polizei/полиция/6, die Monarchie/монархия/5, das Recht/право/3, das Problem/ /проблема/37, die Nationalität/национальность/6, die Sprache/язык/4, die Ordnung/ порядок, das Rathaus/ратуша, das Land/страна/9, gebundenheit /ограничение, das Geheimnis /тайна/21, die Situation/обстановка/4, die Kraft/сила/11, das Studium/учеба/2, die Kraft/сила = 162.*

Ближнюю периферию концепта представляет признак «**Отношение**»: *die Bekanntschaft/знакомство/1, das Interesse/интерес/4, die Freundschaft/дружба/5, die Gerechtigkeit/справедливость/3, das Kompromiss//компромисс/17, die Liebe/любовь/33, die Sympathie/симпатия/8, partnerschaft/партнерство/2, die Beziehung/отношения/8, die Interaktion/взаимодействие/8, die Verbindung/связь/12, die Relation/отношение/6, die Freundschaft/дружба/2, das Vertrauen/доверие/25, die Treue /верность/12 = 145.*

Дальнюю периферию концепта представляют признаки «**Человек**»: *der Menschen/люди/6, der Ausländer/иностранец/5, der Mann/человек/13, die Masse /масса/1, die Menge/толпа/5, die Armee/армия/13, der Trupp/группа/8, die Polizei/полиция/1, der Gesprächspartner/собеседник/10, die Leute/люди/1, die Gesellschaft/общество, der Intellektuelle/интеллектуал/5, der Freund/друг/7, die Familie/семья/16, die Mutter/мама/1, das Kind/ребенок/2 = 76; «**Личность**» *der Charakter/характер/35, die Eigenschaft/качество/16, die Beschaffenheit/ свойство, die Ehrlichkeit/честность/1 = 53.**

Крайнюю периферию концепта представляют признаки «**Действие**»: *eilen/спешить/9, sprechen/говорить/9, vertrauen/доверять/13, lieben/любить/5 = 36; «**Общение**»: *das Gespräch/разговор/8, die Wahrheit/истина/7, der Schwindel/ложь 3, der Rat/совет/13 = 31.**

Из этого следует, что концепт «Дружба» для австрийцев больше всего ассоциируется, как «**Государство**», это показывает нейтральную политику, которую ведет Австрия с 1955 года, и этим самым создает благие условия для жизни своих граждан, он не ведет войну на своей территории и не подписывает военные договоры, что и доказывает самые частотные реакции, которые вошли в этот признак.

Ядром концепта «**Friendship/Дружба**» в языковом сознании носителей английского языка является признак «**Человек**». Сюда вошли такие реакции, как *companion/товарищ/16, partner/коллега/4, people/люди/37, community/ сообщество/13, neighbour/сосед/2, colleague/коллега/13, membership/членство/7, nation/народ/6, friend/друг/4, police/полиция/1, person/человек/22 = 125.*

Ближнюю периферию концепта представляет признак «**Чувство**»: *weakness/слабость/6, love/любовь/25, emotion/эмоция/8, hope/надежда/8, belief/вера/11, reliance/доверие/13, faith/вера/17, joy/счастье/10, confidence /доверие/6 = 104.*

Дальнюю периферию концепта представляют признаки «Государство»: *politics/полиция*13, *federation/объединение*/9, *money/деньги*/2, *strength/сила*/5, *medicine/медицина*/6, *law/закон*/15, *quality/качество*, *connection/связь*/11, *decision/решение*/3, *rule/правило*/4, *war/война*/6, *country/9*, *problem/проблема*, *work/труд*/4, *situation/5*, *strong/сильный* = 95, «Отношение»: *important/важный*/14, *interesting/интересный*/5, *helpful/полезный*/2, *cheery/веселый*/7, *intimate/близкий*/6, *international/международный*/1, *individual/особенный*/8, *cheerful веселый*/7 = 50.

Крайнюю периферию концепта представляют признаки «Семья»: *parents/родители*/10, *spouse/супруг/а*/5, *relative/родственник*/6, *darling/любимая*/9, *family/семья*/7, *children/дети*/3 = 40; «Действие»: *principle/принцип*/2, *behaviour/поведение*/2, *mind/разум*/12, *experience/опыт*/7, *choice/выбор*/2 = 25.

Из этого следует, что для англичан концепт «Дружба» это прежде всего «Человек», а это может быть и товарищ по работе или по учению, а также сообщества, в котором люди состоят из-за общих целей, интересов. Или же сосед, который живет рядом.

Ядром концепта «*Доордоһуу/Дружба*» в языковом сознании для носителей якутского языка является признак «Любовь». Сюда вошли такие реакции, как *таптал/любовь*/47, *үөрүү/радость* 8, *дьол/счастье*/13, *мичэ-эр/улыбка* = 69.

Ближнюю периферию концепта представляет признак «Друзья»: *табаарыс/друг*/17, *доор/друг*/16, *атаас/приятель*/32 = 65.

Дальнюю периферию концепта представляют признаки «Отношение»: *сыһыан/отношение*/22, *доордоһуу/дружба*/16, *этиһии/ссора*/1, *ойдоһуу/взаимопонимание*/7, *табаарыстаныы/дружба*/1, *мэлдьи бииргэ/всегда вместе*/1, *убаастабыл/уважение*/1, *бэринии/верность*/10 = 59; «Семья»: *убай/старший брат*, *аймах/родственники*/12, *ыал/семья*/6, *оо/ребенок*/6, *дьиэ кэргэн/семья* 3, *быраат/младший брат*, *ийэ/мама*/14, *аа/папа*/6, *тороппунт/родитель*/8 = 57.

Крайнюю периферию концепта представляют признаки «Государство»: *политика*/4, *сокуон/закон*/6, *сир/земля*/5, *былаах/флаг*/1, *былаас/власть*/9, *харчы/деньги*/3, *сэриш/война*/1, *государство*/3, *Республика*/1, *хаарты/карта* /1, *эйэ/мир*/2, *кыхах/способность*/3, *куус/сила*/8 = 45; «Человек»: *киһи/человек*/21, *ыччат/молодёжь*/4, *дьон/люди*/7, *норуот/народ*/12 = 44.

Из этого следует, что концепт «Дружба» для якутов прежде всего обозначает «Любовь», и это доказывает то, что лишь тонкая грань отделяет любовь и дружбу.

Далее мы сделали сопоставительный анализ ядер и периферий концепта «Дружба» в языковом сознании носителей немецкого, английского и якутского языков.

Ядром концепта «*Die Freundschaft/Дружба*» в языковом сознании носителей немецкого языка является признак «Государство», ближнюю периферию

концепта представляет признак «Отношение», дальнюю периферию концепта представляют признаки «Человек» и «Личность», а крайнюю периферию структуры концепта представляют признаки «**Действие**», «Общение».

Ядром концепта «**Friendship/Дружба**» в языковом сознании носителей английского языка признак «Человек». Ближнюю периферию концепта представляет признак «Чувство», дальнюю периферию концепта представляют признаки «Государство», «**Отношение**», а крайнюю периферию концепта представляют признаки «Семья», «**Действие**».

Ядром концепта «**Doordohуу/Дружба**» в языковом сознании для носителей якутского языка является «Любовь». Ближнюю периферию концепта представляет признак «Друзья», дальнюю периферию концепта представляют признаки «**Отношение**» и «Семья», а крайнюю периферию концепта представляют признаки «Государство», «Человек».

В итоге рассмотрения ядер и периферий концепта, мы можем утверждать, что сходства найдены только в перифериях, а не в ядрах, которые выделены жирным шрифтом. Это доказывает то, что концепт «Дружба» в языковом сознании носителей немецкого, английского и якутского языков проявляется по-разному, но встречаются сходства в словах-реакциях, а далее – в перифериях.

Из всего этого можно сделать вывод, что австрийцы, англичане и якуты воспринимают и интерпретируют то или иное слово по-разному, это зависит от того в какой стране они живут, от политики, которую ведут их страны, историческими датами, которые повлияли на восприятие одинаковых слов по-разному, от контекста, в котором слово используется, потому что одно слово может иметь несколько значений в одном языке. А также это зависит от культуры, языка и истории каждого народа. Но мы можем утверждать, что сходства тоже встречаются, так как результаты исследования показали нам как сходства, так и различия в восприятии и интерпретации того или иного слова.

Литература:

1. Вежбицкая, А. Язык, культура, познание / А. Вежбицкая. – М., 1996. – 410 с.
2. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцева – М., 2000. – С. 191–206.
3. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

КОНЦЕПТ «БОГ» КАК ФРАГМЕНТ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА О. ХАЙЯМА

Е. А. Наимова

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Ялта)*

THE «GOD» CONCEPT AS INDIVIDUAL O. HAYAM'S POETIC WORLD DESCRIPTION FRAGMENT

H. A. Naimova

Summary. The «God» concept as individual O. Hayam's poetic world description fragment is investigated in this article. It is defined «God» concept valuable meanings and evaluative characteristics for O. Hayam's poetical discourse in accordance to this author's spiritual development reflection.

Поэтическое наследие персидского поэта Омара Хайяма вот уже на протяжении девяти столетий будоражит умы не только ученых, но и простых обывателей. «Хаким» – мудрец, так величали его в персидской традиции современники. Ученый-энциклопедист, математик, философ, астроном, астролог, поэт! Его можно сравнить с титанами мысли эпохи Возрождения. Жил в XI–XII вв. Мы, живущие в XXI в., знаем О. Хайяма как яркого, самобытного автора, дерзкого нарушителя тогдашней поэтики, непревзойденного мастера рубаи.

Рубаят, философские трактаты – богатый материал для суждения о мировоззрении Хайяма, но с давних пор поэта трактовали то как вольнодумного мыслителя, то как религиозную натуру, то как мистика.

Мы в нашем исследовании попытаемся взглянуть на данную проблему через призму языковой личности. Комплексный подход к изучению языковой личности как творца, по мнению Караулова, заложен на базе дискурса и заключается в анализе философско-мировоззренческих предпосылок, этнонациональных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков [1, с. 6].

Уникальным источником материала для реконструкции концепта «Бог» как фрагмента индивидуального сознания великого О. Хайяма являются его рубаи. Поэтический мир, созданный О. Хайямом, кровно связан с эпохой средневековья, где каждый человек рождался с верой в Бога и с нею умирал. Религия пронизывала все сферы жизни. Абсолютный детерминизм Бога в исламской религии «Даже волос с головы человека не упадет без воли Аллаха» – непререкаемая истина, одна из важнейших мусульманских догм.

Однако автор четверостиший был прежде всего ученым-естественником, точным наблюдателем, изучающим природу, не принимающим ничего на веру, философом аристотелианского толка, стремившегося познать жизнь и ее законы. Иран того времени был перекрестком мировых торговых и культур-

ных путей и поэтому отличался большей, чем арабские страны, веротерпимостью. На родине поэта продолжали уживаться с мусульманством и древние, исконно персидские, звездопоклонничество и огнепоклонничество (зороастризм), иудейская вера, христианство, древнеиндийские мистические учения, что само по себе являлось богатым материалом для духовных религиозных исканий.

Спор с Богом проходит через весь «Рубаят». Взаимоотношения Хайяма с Богом сложны и противоречивы, что связано с духовными исканиями поэта. Они постоянно развиваются, претерпевая своеобразные качественные метаморфозы от восторженной «хвалы» до «хулы», и отражают жизненные этапы автора, обусловленные особенностями интерпретации событий, переживаний, происходящих в молодости, в зрелые годы и в старости.

Цель данного исследования – установить значимые смыслы и оценочные характеристики концепта «Бог» в поэтическом дискурсе О. Хайяма, отражающем его духовную эволюцию.

В ментально-языковом пространстве понятие «Бог» по религиозно-мистическим представлениям: верховное существо, управляемое миром.

В поэтическом дискурсе О. Хайяма языковая схема концепта «Бог» развивается в нескольких направлениях:

Бог все сущее на земле: «Бог есть, и все есть Бог! Вот средоточье знания, Почерпнутого мной из Книги мироздания...» [6, с. 78]; «...И здесь и там – Творец, Он занял оба мира, Он всюду и всегда...» [6, с. 183]; «... А в глубине души – Творца узрел бы я. Его сокрытый свет, взглядишь – и ты увидишь, Сияет из любой частицы Бытия» [6, с. 96]; «...Мы такие, какими нас создал Аллах!» [2, с. 105].

Отец вселенной: «О! Подперевший высь длиной и шириной, Из нет извлекши да, создавший мир земной!..» [6, с. 10]; «У мертвых и живых один владыка – Ты. Кто небо завертел над нами дико? Ты. Я тварь греховная, а Ты создатель мира» [6, с. 137].

Любовь: «Войдя в страну Любви, с пути свернуть нельзя, По воле собственной прервать свой путь нельзя...» [6, с. 88]. Суфийская поэтическая символика группируется вокруг слов «любовь» и «вино»: первое передает взаимоотношения души с Богом, второе связано с восприятием уроков наставника и воздействием суфийских религиозных обрядов «Если знания вина сможешь в разум впитать, То молчи – тайн великих не смей продавать...» [5, с. 110].

Мерило поступков, судья: «Лукавствуй и хитри. Но есть Мудрец Небесный, Вникающий в любой поступок твой бесчестный...» [6, с. 92].

Кукловод: «...Мчись вперед, торопись под удар, на убой! Хо́да этой игры не изменишь мольбой. Знает правила Тот, Кто играет с тобой» [3, с. 234].

Убийца, Пожиратель жизней: «Тебя я в этот миг на площади Суда Поймаю за полу: «Так Ты – убийца! Да?!» [6, с. 45]; «...Сегодня ты заснешь,

упившись беспробудно, А завтра Он простит истлевший твой костяк [6, с. 165].

В составе индивидуального ассоциативного поля «Бог», представленного в переводах О. Румера, Г. Плисецкого, Э. И. Тхоржевского, И. Голубева, может быть выделено ядро – группа словосочетаний и словоформ, находящихся с именем поля в синонимических отношениях: Аллах, Бог, Творец, Создатель, Мудрец Небесный, Отец Вселенной, Владыка, Подперевший высь, Гончар, Властелин Вселенной, Единый, Тот, Кто, Всевышний, Художник, Ткач: «Когда глину творенья **Аллах** замесил, Он меня о желаньях моих не спросил...» [3, с. 251], «...Не нужны всемогущему **Господу Богу**, Ни усы твои, друг, ни твоя борода!» [3, с. 137]; «...Превращает нас в пепел небесное пламя, Даже дыма не видно – **владыка** жесток.» [5, с. 62]; «Мы – послушные куклы в руках у **Творца!** Это сказано мною не ради словца. Нас по сцене **Всевышний** на ниточках водит И пихает в сундук, доведя до конца» [3, с. 123]; «Лукавствуй и хитри. Но есть **Мудрец Небесный**, Вникающий в любой поступок твой бесчестный...» [6, с. 92]; «Лепящий черепа таинственный **гончар** Особый проявил к сему искусству дар...» [3, с. 308]; «...Еще диковинней, о **Властелин Вселенной**: От жажды мучаюсь, а предо мной родник» [6, с. 108]; «Все они, как во сне, над разверзнутой бездной, А **Единый** над ними не спит в вышине!» [6, с. 221]; Хо́да этой игры не изменишь мольбой. Знает правила **Тот, Кто** играет с тобой [3, с. 234]; Грешник нужен Всевышнему – чтобы прощать!» [3, с. 231]; «...Минутные цветы в тараб-ханэ столетий, На что мы, не пойму, **Художнику** сдались?» [6, с. 114]; «...Мы слепо мечемся, а небо возглашает: «Сплетается **Ткачом** задуманный узор» [6, с. 119] «О, **Зодчий!** Звездный храм никто постичь не смог...» [6, с. 156].

Представлена в ассоциативном поле и своеобразная градационная шкала антиподов: **Я – Ты**: «Я тварь греховная, а Ты создатель мира» [6, с. 137]; **Хозяин – раб**: «Однако ж, если раб раскаялся, обычай Велит хозяину беднягу приласкать» [6, с. 156]. **Гончар – глина**: «...Но брошен оземь он Небесным Гончаром, Что вылепил его, – и глиной стал он снова» [6, с. 350]; «...Приглядитесь внимательней: мастер – безумен, Ибо это не глина, а месиво тел!» [3, с. 120]; **Фигурки – игрок**: «**Фигурки** – ты да я, а небеса – **игрок**; И в этом истина, таков наш общий рок... [6, с. 125]; **Творец – куклы**: Мы – послушные куклы в руках у **Творца!** [3, с. 123]; «Мы у Бога – игрушки творения все...» [5, с. 44]; **Птицелов – стайка – жертва**: «Предвечный Птицелов подсыпал нам зерна, И стайка поймана, «людьми» наречена. Сам из добра и зла связал Он сеть вселенной, А жертве говорит: себя винить должна» [6, с. 179].

Особое место в рассматриваемом ассоциативном поле занимает метафора, или метафорический способ представления концепта. Явление это отнюдь не случайное. Метафора, представленная в ассоциативном тезаурусе О. Хайяма, – «сгусток» мысли, требующий разгадки. Наиболее устойчивым способом метафоризации в ассоциативном поле оказывается уподобление лицам, занимающимся конкретным трудом, создающим предметы быта, привычные для

того времени, благодаря чему актуализируются такие свойства Бога как творца, создателя бытия. Но поэт также замечает, что не только созидание, но и разрушение характеризует Всевышнего. **Бог – гончар**: «Ваятель чудных чаш... Как не сказать о том, Каким ваятель наш владеет мастерством...» [6, с. 181]; «Тот гончар, что слепил чаши наших голов, превзошёл в своём деле любых мастеров...» [5, с. 42]; «...А безумный **гончар** столь изящную чашу, Создает – и об землю без жалости бьет» [2, с. 146]; **Бог – зодчий**: «О, Зодчий! Звездный храм никто постичь не смог. Грешить и каяться?.. Едва ли в этом прок...» [6, с. 156]; **Бог – ткач**: «...Мы слепо мечемся, а небо возглашает: «Сплетается Ткачом задуманный узор» [6, с. 158]; **Бог – птицелов**: «Предвечный Птицелов подсыпал нам зерна, И стайка поймана, «людьми» наречены...» [6, с. 179]; **Бог – художник**: «Минутные цветы в тараб-ханэ столетий, На что мы, не пойму, Художнику сдались?» [6, с. 114].

Языковой образ Аллаха расширяется в ментальном пространстве поэта за счет адекватных парадигм, репрезентирующих признаковые свойства. «Ты не очень-то щедр, **всемогущий** Творец: Сколько в мире тобою разбитых сердец...» [3, с. 128], «Двери в рай **всемогущий** Господь затворил...» [3, с. 133], «Лукавствуй и хитри. Но есть Мудрец **Небесный** [6, с. 92]; «И днем и ночью ты взываешь к небесам, К далекому Творцу, укрывшемуся там» [6, с. 92]; «Лепящий черепа **таинственный гончар** Особый проявил к сему искусству дар...» [3, с. 308]; «**Вознаграждающий** за все страданья – Ты... Все тайны знающий – всей мерой знанья – Ты» [6, с. 80]; «О жестокое небо, **безжалостный** Бог! Ты еще никогда никому не помог...» [3, с. 231].

Бог относится в индивидуальном языковом сознании О. Хайяма к разряду жизненно важных чувств, определяющих смысл человеческого существования поэта, что отражается в экспликации взаимной соотнесенности концептов «**Бог**» и «**жизнь**»: «Тобой создан был венец вселенной – я!.. Но создан был Тобой! ..Отец вселенной – Ты» [6, с. 77]. «**Бог**» и «**любовь**»: «Создатель предписал, и я явился в срок; Про веру и любовь был первый мой урок...» [6, с. 82]; «Пытаться совместить Любовь и тишь да гладь – Как веру правую и ложную равнять» [6, с. 85]. «**Бог**» и «**пространство**»: И днем и ночью ты взываешь к небесам, К далекому Творцу, укрывшемуся там. Примолкни хоть на миг, ответ Его услышишь: «Я не вдали, Я здесь, Я – это ты же сам» [6, с. 92]; «...Миры полны Тобой, но Ты – вовне миров» [6, с. 108]. «**Бог**» и «**время**»: Создатель предписал, и я явился в срок; Про веру и любовь был первый мой урок...» [6, с. 82]. «**Бог**» и «**смерть**»: «Отчего Всемогущий Творец наших тел Даровать нам бессмертия не захотел? Если мы совершенны – зачем умираем? Если несовершенны – то кто бракодел?» [3, с. 132]. Находящаяся на периферии смыслового пространства и не отражаемая современными толковыми словарями взаимная соотнесенность концептов «**вино**», «**Бог**», «**религия**» отчетливо проявляется в ассоциативном тезаурусе поэта: «Наливай нам вина, хоть болит голова. Хмель дарует нам равные с Богом права...» [3, с. 176]; «Я в злобный рок не верю, коль мне Творцом дано Из

рук прекрасной пери волшебное вино...» [4, с. 74], «Я за один глоток вина отдам сокровища Китая. И сто религий – за хрусталь хмельного кубка в час рассветный...» [4, с. 107].

Создатель в поэтическом дискурсе рассматривается как источник самых разнообразных эмоций и состояний автора, как положительных, так и отрицательных, отражающих этапы духовного развития:

В юности: восторг перед создателем, вера в абсолютную детерминированность, безграничная любовь. «Бог есть, и все есть Бог! Вот средоточье знания, Почерпнутого мной из Книги мироздания. Сиянье Истины увидел сердцем я, И мрак безбожия сгорел до основанья» [6, с. 78].

В молодости, переходящей в зрелость: ропот, сомнения, жалобы: «Я – возмущенный раб: Твое вниманье – где? Когда на сердце ночь, Твое сиянье – где?..» [6, с. 201]; «Зато причинами для бед и кутерьмы, Хвала Всевышнему, всегда богаты мы...» [6, с. 202].

В зрелости и старости: насмешки, откровенные проклятия, издевательства: «Ты, Всевышний, по-моему, жаден и стар, ты наносишь рабу за ударом удар» [3, с. 236]; «Неужто б я возвел хулу на Божество! Здесь не было сердец вернее моего. Но если даже я дошел до богохульства – Нет мусульманина! Нигде! Ни одного!» [6, с. 213]; «Живым и мертвецам, всем досаждаешь Ты Не мирозданье – хлам нагромождаешь Ты. Порочен я, Твой раб, так принуждаешь – Ты На людях нет вины! Грех порождает – Ты» [6, с. 214].

Нарастающий конфликт отражает все пройденные ступени взаимоотношений поэта с Богом: от мольбы к ироническим советам и откровенным упрекам, насмешкам и, наконец, к гневу и проклятиям, а в завершении к обвинению в убийстве человечества «...Так Ты – убийца! Да?!» [6, с.45].

Таков путь духовных исканий Хайяма, итогом которых являются следующие строки: «Быть целью Бытия и мироздания – нам Всевидящим умом, лучом познания – нам. Пойми же, человек, что круг Вселенной – перстень, Где суждено сверкнуть алмазной гранью нам!» [6, с. 380].

Литература:

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: ЛКИ: УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
2. Лирика. Из персидско-таджикской поэзии / Рудаки, Ибн Сина, Насир-Хосров и др. – М.: Художественная литература, 1987. – 462 с.
3. Омар, Хайям. Рубаят. Трактаты / Омар Хайям. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.
4. Омар, Хайям. Сад истин. Рубаи / Омар Хайям. – М.: Эксмо, 2007. – 400 с.
5. Омар, Хайям. Чаша мудрости / Омар Хайям. – Симферополь: Реноме, 2001. – 368 с.

6. Омар, Хайям. Четверостишия / Омар Хайям. – Смоленск: Русич, 2006. – 512 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДЕРИВАТОЛОГИИ

Л. А. Неведова

С. В. Балакин

*ФБГОУ ВО «Челябинский государственный университет» (Челябинск)
ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»
(Екатеринбург)*

CONCEPTUAL STUDIES IN WORD FORMATION: RESEARCH PERSPECTIVE

L. A. Nefedova

S. V. Balakin

Summary. This paper reports on the study of conceptual foundation of morphological derivation in synthetic languages. Key derivational elements used in prefixation are adjuncts, which possess the ontological conceptual characteristics. Statistical analysis performed as part of the study shows the conceptual characteristics dominant in the Russian and French linguocultures.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00455-а «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности».

В настоящее время актуальность исследования деривационных процессов определяется необходимостью интеграции междисциплинарных подходов, так как происходящие языковые изменения являются прежде всего отображением перестроек, происходящих в концептуальном пространстве лингвокреативной деятельности языковой личности и могут исследоваться в рамках нескольких дисциплин. Деривационный потенциал языковой системы реализуется не автономно, а в постоянном взаимодействии с концептуальным уровнем. Поэтому деривационный потенциал рассматривается не просто как способность языковых единиц к изменениям, а как неотъемлемое свойство стоящей за этими языковыми единицами концептуальной структуры. Поэтому, изучая когнитивные основы языковых изменений, их типы и особенности можно предложить пропозиционально-фреймовую методологию исследования деривационных изменений посредством ввода понятия «деривационный узел». Деривационный узел мы понимаем, вслед за С. В. Балакиным, как особую точку роста, в которой создаются наиболее благоприятные условия для дальнейших деривационных процессов [2, с. 8]. Основными и универсальными концептуальными характеристиками, формирующими деривационные

узлы, являются: «локативность», «фазовость», «контрарность», «социативность», «бенефактивность», «реверность», «отрицание», «партитивность», «негативная привативность», «положительная привативность», «контейнер», «аттенюация», «интенсивность», «тотальность», «активное начало», «область деятельности», «функция», «свойство», «предикативность», «посессивность».

На основе концептуально-таксономического и когнитивно-матричного методов мы доказываем, что существуют четыре универсальных вида деривации в структуре различных макроконцептов: расширение, сужение, детализация и углубление. Деривация по типу расширения приводит к появлению новых элементов в структуре концептов. Обратный процесс, приводящий к уменьшению объема концепта, мы называем сужением. Детализация – процесс, при котором различные концептуальные признаки концептов формируют устойчивые конфигурации в структуре концептов на основе когнитивных механизмов метонимии и сравнения. Углубляясь, концепты и их структура осложняются за счет новых концептуальных характеристик при их наследовании от других концептов (концептуальных областей). Как правило, результатом процесса углубления становится формирование концептуальных областей гибридного характера [3, с. 194].

Перспективным является рассмотрение семантической и синтетической деривации в раскрытии универсальных и национально-специфических особенностей языковых изменений в различных лингвокультурах. Поэтому мы попытаемся более детально рассмотреть свойства элементов пропозиционального фрейма при деривационных процессах на материале русского и французского языков.

Деривационный потенциал концептуальной системы языка рассматривается нами как ее способность к развитию и/или перестройке концептуальных характеристик.

Анализ аффиксального фонда русского и французского языков позволил выявить деривационные онтологические концептуальные характеристики, входящие в состав сирконстантов и формирующие деривационные узлы. Соответственно, сирконстанты объективируются в одном из аффиксов.

Рассмотрим каждую характеристику по категориям. Сирконстант «локативность» указывает на кинематические свойства субъекта или объекта и связан прежде всего с глаголами движения. Можно выделить следующие сирконстанты, входящие в данную категорию: движение субъекта/объекта из точки А в точку Б; движение субъекта по поверхности/через объект, удаление, движение впереди объекта, положение над объектом.

Локативность в первую очередь тесно связана с предикатами движения, категория которых сильно развита в исследуемых лингвокультурах. Количественное соотношение концептуальной характеристики в исследуемых языках примерно одинаковое.

Локативность включает также крупную характеристику «контейнер», обозначающую факт попадания субъекта внутрь объекта при помощи глагола. Многие объекты не только физические, но и абстрактные воспринимаются человеческим мышлением как закрытое пространство. Например, выражение «быть в игре» обозначает попадание субъекта внутрь игры, имеет временные границы, которые воспринимаются как закрытое пространство.

Следующая концептуальная характеристика – «фазовость» – отражает различные отрезки времени и можно выделить начало, продолжение, конец, повторность, временные отрезки разной протяженности и др. По словам Л. В. Бабиной, время – это не просто непрерывный поток, это прежде всего совокупность стадий, этапов и переходов, находящихся отражение в сознании человека [1, с. 100]. Поэтому создается общая деривационная пропозиция: субъект – предикат – объект – фазовость.

Как показало исследование языкового материала, для русского языка важной оказывается и концептуальная характеристика «фазовость». Романские языки, несмотря на большое количество фазовых префиксов (*pré-, ante-, ex-, de-, dé-, des-, dés-, dis-, re-*), вербализуют данный сирконстант в большей степени посредством лексических компонентов, что делает пропозицию более развернутой.

В русском языке фазовость довольно активно сворачивается до словообразовательных элементов, что приводит к формированию грамматической категории «аспектуальность» и выражается, например, префиксами: *за-, пере-, с-*.

Концептуальная характеристика «фазовость (повтор)» количественно преобладает во французской лингвокультуре.

Фазовость «конец» близка к концептуальной характеристике «результативность», отражающей результат действия, которое исполняли над объектом. В результате влияния грамматической категории «аспектуальность» наблюдается большое преобладание данной характеристики в русском языке.

Как показало проведенное исследование, концептуальные характеристики в некоторых случаях имеют решающее значение, а глагольная основа служит определением к частеречной принадлежности; на языковом уровне формирование подобных глаголов подвергается деривации мутационного типа.

Во французском языке сирконстанты в меньшей степени влияют на перестройку фреймовых структур и, как правило, актуализируются лексико-синтаксическим способом. Для него в большей степени характерна самодостаточность фреймовой структуры, которая наиболее ярко проявляется при переходе стоящей за ней языковой единицы из одной части речи в другую. При этом задействуется когнитивный механизм частеречной преемственности, который сохраняет большее количество концептуальных характеристик во французском языке, нежели в русском. С другой стороны, фреймовые структуры французских языковых единиц характеризуются более тесной связью как с ближними, так и с дальними, находящимися на перифериях эле-

ментами. В результате на языковом уровне возникает языковая связь с большой степенью полисемантической в парадигматическом плане, снимаемая на синтагматическом.

Такие количественно-качественные концептуальные характеристики, как «социативность», «партитивность» «интенсивность», «квантитативность» и «аттенюация» в рассматриваемых лингвокультурах, также неравномерно представлены в свернутом виде. Если «социативность» находится примерно в одинаковых пропорциях, то «квантитативность», «аттенюация», «партитивность» и «интенсивность» явно доминируют в русской лингвокультуре.

Категория «социативность», включающая также дополнительную характеристику «сопутствие», и указывает, что объект за счет предиката сопровождает действие субъекта, обозначающие взаимное действие (кооперацию) как субъектов, так и объектов. Фреймовая структура профилирует этот сирконстант, когда необходимо указать на сопутствующее или параллельное действие. В результате предикат носит как бы двойную сущность, так как подвергается не только объектноориентируемому влиянию, но во многих случаях и субъектноориентируемому. В различных языках социативность проявляется по-разному и при переводе на другой язык иногда теряется.

Такие концептуальные характеристики – «аттенюация / интенсивность», «привативность / бенефактивность» – антонимичны и реверсны по отношению друг к другу. Если тотальность и аттенюация являются антонимичными концептуальными характеристиками, то бенефактивность и привативность – не только антонимами, но и конверсивами. В первую очередь, они присутствуют во фреймах, отображающих ситуацию получения-передачи каких-либо благ. С этой точки зрения конверсивная ситуация характеризуется настройкой внимания на одном из участников. Поэтому стоит говорить, что конверсивная ситуация может быть бенефактивно-привативной (ср.: Продавец продал мальчику сломанную игрушку) или бенефактивно-бенефактивной (ср.: Продавец продал мальчику игрушку)¹.

Как было сказано выше, для французских глаголов характерно образование суффиксальных глагольных дериватов при актуализации деривационного узла «аттенюация», причем нередко в сопровождении с дополнительной концептуальной характеристикой «оценочность». Можно сказать, что в пропозиционно-фреймовой структуре французского языка сформирован мощный деривационный узел посредством концептуальной деривации по типу детализации, а именно: «аттенюация + оценочность».

Сирконстант «аттенюация» в данном случае может проходить этап концептуальной деривации по типу детализации, так как приобретает дополнительную концептуальную характеристику «оценочность». А. Н. Быков, исследуя португальские оценочные суффиксы, отмечает два вида суффиксальных глагольных дериватов: а) слова только с оценочным значением; б) дерив-

¹ К. Леклер, исследуя так называемые привативные дательные глаголы [les verbes datifs privatifs], называет участников бенефактивно-привативной ситуации бенефициантом и жертвой [bénéficiaire/victime] [6, С. 67].

ваты с нулевой оценочной маркированностью, то есть стилистически нейтральные. При определении вида суффиксального деривата автор настоящего исследования предлагает учитывать роль социального и стилистического контекста [4, с. 8–9].

Категория «интенсивность» – противоположная аттенюации – обозначает усиленный характер действия для концептуализации действия, при котором объект задействуется в полном объеме; эта категория может включать дополнительную характеристику «квантитативность».

Следующая широко представленная концептуальная характеристика – «привативность» – отображает ситуацию нанесения субъекту ущерба, потерю объекта. В данном случае субъект получает статус привадианта. Например, во фразе «Il a perdu au loto» – «Он проиграл в лото», субъект «il» – «он» является привадиантом, потому что глагол-сказуемое обозначает проигрыш/потерю.

Концептуальная «привативность» представлена в языках примерно в одинаковом количестве с небольшим численным превосходством во французском языке (36 %).

Бенефактивность, напротив, концептуализирует действия (точнее его результат), при котором субъект имеет выгоду от объекта, или сам объект является выгодой для субъекта. Данная характеристика мало представлена в свернутом виде в изучаемых лингвокультурах.

Категория «партитивность», реализуется во французском языке при помощи суффиксов {раз-, de-, dé-, des-, dés-, dis-} – характеристика, обозначающая, что субъект в результате воздействия глагола-сказуемого разделяет объект на составные части. Например: *il a déchiré le papier en quelques petits morceaux.* – Он порвал лист бумаги на мелкие кусочки. Численно данная характеристика доминирует во французской лингвокультуре (56 % от общего числа проанализированных примеров).

Следующая концептуальная характеристика «отрицание» в качестве деривационного узла в большей степени характерна для русской лингвокультуры (по сравнению с исследуемым романским языком). Из всего проанализированного материала с данной концептуальной характеристикой в русском языке она представлена 51 %, а во французском – 24 %.

Концептуальная характеристика «контрарность», близкая к отрицанию, выражает действие, противоположное основному и в большей степени представлена во французской лингвокультуре (47 % от общего числа), что подтверждается статистическими данными. Ср.: 10 % в русском языке и 47 % – во французском.

Характеристика «контрарность» указывает на противопоставление предиката другому предикату либо на его отрицание. Она выражает действие, противоположное действию, выраженному мотивирующим глаголом. Характеристика «контрарность» концептуализирует действие, противоположное другому. В данном случае отмечается противоположность в выполнении любого

действия или совершения в движении <...> [5, с. 262]. В качестве итога является факт придания объекту новой или прежней формы, состояния.

Итак, одним из свойств глагольной пропозиция является обогащение ее структуры за счет вновь поступивших концептуальных характеристик префиксальной единицы. Таким образом, при формировании префиксального глагольного деривата происходит наращивание пропозициональной системы дополнительными сирконстантами, что ведет за собой усложнение пропозиции, а сами сирконстанты, несмотря на свой факультативный статус, оказывают решающее значение при формировании префиксатов. Основными сирконстантами, влияющими на префиксацию, можно назвать: условие, фазовость, локативность и контрарность.

Количественно каждая из представленных характеристик при деривационных процессах представлена неравномерно. Статистический анализ показал доминирование одной концептуальной характеристики над другой, что (в совокупности с методом сравнения различных лингвокультур) отражает особенности концептуализации внеязыковой действительности в национальном сознании говорящих на том или иной языке.

Литература:

1. Бабина, Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография / Л. В. Бабина. – Тамбов; М.: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. – 246 с.
2. Балакин, С. В. Деривационный потенциал концепта «игра» и его языковая реализация: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Балакин Сергей Владимирович. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2008. – 210 с.
3. Балакин, С. В. Деривационные процессы детализации и углубления в структуре макроконцептов / С. В. Балакин // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований. – 2015. – С. 193–195.
4. Быков, А. Н. Вариативность употребления суффиксов оценки в португальском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Быков Александр Николаевич. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2005. – 164 с.
5. Полюжин, М. М. Диахронно-семантический аспект префиксального словообразования в английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Полюжин Михаил Михайлович. – Ужгород; М.: Институт языкознания РАН, 1993. – 416 с.
6. Leclère, Ch. Sur une classe de verbes privatifs / Ch. Leclère // Langue française. Etudes de syntaxe française. – 1978. – № 39. – P. 66–75.

КОНЦЕПТ 'Я' В СРАВНЕНИЯХ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

Т. П. Павлюк

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАО ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
(Ялта)*

CONCEPT 'ME' IN COMPARISONS OF UKRAINIAN POETRY OF THE SIXTIES

T. P. Pavliuk

Summary. The paper focuses on the main cognitive signs of the concept 'Me', revealed by the comparative turn of the Ukrainian poetic text of the sixties. The macrostructure of the concept 'Me' is built, based on methods of cognitive analysis suggested by I. Sternin and Z. Popova. Also paper describes field organization and classification signs of concept 'Me'.

В последние десятилетия в лингвистике происходит смещение научных интересов от формально-грамматического анализа языковых явлений к функционально-коммуникативному, что обусловлено ростом внимания к изучению речевого акта как сферы реализации коммуникативного взаимодействия. Сосредоточение усилий лингвистов на исследовании реального коммуникативного акта стало причиной формирования новых направлений в лингвистике, характерной чертой которых является антропоцентризм – перенесение в центр внимания речевой деятельности человека. Фундаментальными в этой области являются труды Э. Рош, Дж. Лакоффа, А. Вежбицкой, Е. Кубряковой, Ю. Серебренникова, Н. Болдырева, С. Воркачова, З. Поповой, И. Стернина, В. Колесова и др., в которых разработана методология современной когнитивной лингвистики [1; 2; 3; 5], определен характер отношений между понятиями «концепт», «слово», «значение», «смысл» [1; 4], сформированы принципы и приемы лингвокогнитивного и лингвокультурологического описаний концептов [4; 5].

Концепт 'Я' занимает видное место в концептуальном поле сравнения украинского поэтического текста, что обусловлено его присутствием в каждом речевом акте говорящего в большей или меньшей степени. Он отражает осознание автором самого себя, содержит самооценку и отражает определенную корреляцию самости с внешним миром. Этот концепт является психологически нагруженным: часто содержит противоречивое представление говорящего о себе, что является контаминацией философских, моральных, социальных, этических убеждений и т. д.

Цель статьи – сформировать макроструктуру и полевую организацию концепта 'Я', представленного сравнительными оборотами украинского поэтического текста шестидесятников. Для формирования содержания концеп-

та использована методика лингвокогнитивного анализа, предложенная З. Поповой и И. Стерниным [4]. Объектом исследования избраны сравнительные конструкции, что обусловлено их важной ролью в познавательной деятельности человека. Сравнение всегда является носителем определенной когнитивного признака, который присущ таким ментальным, базовым образованиям человеческого мышления, как концепты.

Номинативно концепт 'Я' представлен личными местоимениями «я» и «ты» – в случае обращения говорящего к самому себе: *брав я слід, як пес* (В. Герасим'юк), *як вітряк, я руками повітря хапав* (В. Стус), *а ти смичком вимахував зухвало, немов студей, що полишивши бурсу, граматику на мандри поміняв* (В. Стус), *ти, перевантажений гріхом, ніби ніж, в своїх застряглий ребрах* (В. Стус), падежными формами «меня», «себя»: *зупини мене в натовпі, мов годину на вежі* (М. Ковалик), *сам себе переглядаєш, як старий поетичний збірник* (В. Стус), творительным падежом сравнения: *часом приходитиму в твої сни зозулею кувати* (Б. Матіяш), *я вже себе побачила будинком* (О. Забужко), а также односоставными определено-личными предложениями, в которых предикативный компонент четко указывает на определенное лицо – говорящего: *Все б'юся об тверді камінні мури як нищий раб* (В. Стус), *блукаю нею [кімнатою], вражий син, неначе кінь муругий* (В. Стус). Характерно, что концепт 'Я' был исследован в основном на материале так называемой «мужской» поэтической речи. Авторы-женщины тоже обращаются к концепту собственного 'Я', однако он не является определяющим в их сравнительных оборотах.

С помощью логических приемов сравнения говорящие стремятся создать собственное представление о себе, для чего выделяют существенные признаки предмета или явления, с которыми себя сравнивают, выявляя то общее, что им присуще. Сравняя свою самость, авторы используют личные местоимения «я» и «ты», которые выполняют смысловозначительную функцию. Принятые на обозначения одного и того же лица, местоимения указывают на разные плоскости психопространства, в которых говорящие маркируют себя конкретными или абстрактными существительными. Шифтер «я» указывает непосредственно на личность говорящего, вектор сравнения направленный изнутри наружу со значением «я есть теперь», «я – такой»: *я стою, мов осінь посеред* (В. Стус), *я...холодний, ніби лід* (В. Стус). Шифтер «ты» смещает вектор восприятия: авторы отстраняются от себя, видят себя как потенциального собеседника, в их воображении возникает не только образ-компаратор, а и сам он, образ-компаратив – происходит своеобразное раздвоение личности поэта.

Имена существительные, сопровождающие исследуемый концепт в сравнительной конструкции, четко разделены по лексико-грамматической группе «одушевленное/неодушевленное», которая, в свою очередь, разделена на такие микросемантические группы, как предметные номинативы: *трикутник, пила, бубон, кораблик, сльоза, зерно, перло, дім, одіж, перст, шлюз, баржа,*

смик, губка, ніж, церква, діжа, вітряк, гостинець, зірка, збірник, тістечко, дим, пружина, фігурка, ікона и т. д.; зоонимы: коршак, равлик, звір, мавпа, пес, риба, щеня, комаха, птах, вуж, кузочка, бджола, перепілка, кінь, лялечка, зозуля и т. д.; названия человека: раб, гість, вершник, людина без храму, диктор, злодій, студей, турист, тать, блазень, божевільний, князенко, водолаз и т. д.; названия природных и абстрактных явлений: осінь, грім, хмарка, роса, висока вода, дощ, вогонь, потік, весна, ліс, дух, кавалок муки, тінь, закоркованість, втеча, година, відвага боягуза, мана, музика; названия мифических и литературных существ: чорт, вампір, Петро, Одіссей, Русалочка, Саваоф, Крузо и номинативы-вещества: лід, ртуть.

Именно предметные и зоонимные названия являются доминантными в номинативном поле концепта 'Я'. По нашему мнению, им отдано предпочтение в связи с широкой вариативностью и функциональной яркой образностью, облегчающей субъектам выбор самоидентификации. С другой стороны, конечно, под словосочетанием «зоонимные характеристики» мы понимаем образы агрессивности, инстинктивности, грозности. В упомянутых образах сравнительных конструкций находим гиперболизированное уменьшения мужской силы, отчаяние и сознательное унижение собственной сущности, например: *в ногах чийхось часом, як щеня, заскімлиш* (В. Герасим'юк), *мов пес здичавілий, піду в твоїй крок* (В. Стус), *а ти на ній – мов кузочка мала* (В. Стус), *надвечір у будинку свого рамку вповзаєш, як бджола, що загубила вміння любити мед* (І. Малкович), *комахою я розчинявся в ньому* (В. Виноградов) и т. д.

Лексическое выражение самости говорящих в сравнительных оборотах осуществлено с помощью зрительных, слуховых и тактильных ощущений. Превалируют разнообразные зрительные объекты, среди которых особое внимание привлекают образы, выраженные цветом и размером. Так, цветовая палитра включает черную, белую и бронзовую составляющие: *витаю, мов дух чорний* (В. Стус), *ти – зчорнілий, наче пень* (В. Стус), *а ти білів трикутником надії* (В. Стус), *я був об фотографований, наче бронзовий вершник* (Л. Чередниченко), *я почорнів, як дерево жалобне, в чужій землі усохлий кипарис!* (Л. Костенко). Частотность употребления черного цвета логично совпадает с приведенной интерпретацией концепта 'Я', в которой имеются мотивы самокритики, жалости и отрицательной эмоциональной оценки. Зрительные образы на обозначение размера делятся на «маленькие» и «большие». Субъекты речи используют больше лексем на обозначения небольших форм своего существования для достижения очевидной цели – вызвать сочувствие у адресата.

Говорящие воспринимают себя в полном спектре органов чувств, хотя среди слуховых образов почти отсутствует лексико-семантическая группа «говорение», за исключением единичного употребления глагола «шептал»: *ти вночі, в корметурі, як листя, про це шепотів* (В. Герасим'юк). Преимущественно представлены звуки природы и предметные звуки, созвучные с

номинативными единицами анализируемого концепта: *звіром вити* (В. Стус), *і тільки дух мій ярим громом бухне* (В. Стус), *шумів, як ліс, про неї [жінку]* (В. Герасим'юк), *об мене торохкотять як об гостинець град* (В. Симоненко), *живу у дзвоні, наче у гесні* (Є. Гуцало), *часом приходитиму в твої сні зозулею куватиму* (Б. Матіяш).

Менше всего применяются тактильные образы, которые свидетельствуют о негативном контактом опыте общения с окружающим миром, а следовательно, – перенесение этого опыта на себя: *я холодний, ніби лід* (В. Стус), *все б'юся об тверді камінні мури, як нищий раб* (В. Стус), *й опиняюся на твердому – хитаючись, мов водолаз, який замість перлів нагрів по підводою – мідій* (О. Забужко), *я – кипарис, мій шпиль – мов гостре вістря* (Л. Костенко), *я ніби закоркований* (В. Стус). Тактильный опыт авторов сведен к признакам «холодный», «твердый» и «острый», но не в смысле твердости духа, рассудительности и уравновешенности, а на обозначение оцепенения, «закупоренности», физической невосприимчивости.

Заслуживает внимания и морфологическое выражение компонентов сравнительных конструкций. Образы в основном представлены существительными и небольшим количеством глаголов, однако основа сравнения преимущественно глагольная: *а ти білів трикутником надії, корабликом, загубленим між хвиль*. Это свидетельствует об осознании говорящими самих себя в движении, динамике, действии. Адъективные признаки представляют противоречивые характеристики, которыми говорящие обозначают самих себя. Здесь присутствуют лексемы, обозначающие глубокие душевные переживания, которые преобладают в анализируемой выборке (*мов божевільний, я летів у зрілі роки* (В. Гдаль), *і так живу, мов непотрібний пес, давно од біглий власної домівки* (В. Стус), *ти весь присмоктаний до туги, ніби равлик* (В. Стус), *часто я самотній, ніби Крузо* (В. Симоненко), *і як тут зможеш вибитись на шлях, коли ти сам, мов дерево, котрому верхів'я зрізане* (В. Стус). Адъективная дистрибуция анализируемого концепта свидетельствует, что говорящие больше обращаются к сравнению своего внутреннего, душевного состояния, нежели внешнего. Несмотря на его болезненность, ясно ощутимо позитивное отношение авторов к своим страданиям – они не стремятся от них избавиться, а скорее умиляются ими: *ти, перевантажений гріхом, ніби ніж, в своїх застряглий ребрах* (В. Стус), *і от сиджу, як тінь себе самого – такий кінець життя мого земного* (Л. Костенко), *живу у дзвоні, наче у гесні* (Є. Гуцало), *задихаюсь і рвусь, як натягнений смик* (І. Калинець). Явно выраженное саможаление, благодаря насыщенным иносказательным образам, воспринимается реципиентом как эстетическая категория, а не как проявление минутной слабости говорящих.

В анализируемых языковых единицах представлены такие классификационные когнитивные признаки концепта 'Я' как «субъект действия» сравнения и «объект действия» сравнения. Как субъект концепт 'Я' демонстрирует способность к большому количеству действий, а особенно к движению: *я*

тобі – як коршак, надлетів і розтанув; я лечу, як той зловісний птах, що кружляє над полеглим військом; я знов спливу високою водою, яка не знає мулу каяття.

Как «объект действия» концепт 'Я' в сравнительных оборотах выступает нечасто (11 %) и также преимущественно с семантикой движения, действия, восприятия (*дивились (прикордонники), як повільно тебе розвертала течія, ніби церкву – головою на Схід* (С. Жадан); *об мене торохкотять як об гостиниць град* (В. Симоненко) и т. д. Итак, концепт 'Я' не только является активным субъектом существования, но и может испытывать на себе внешние действия, которые несут важную эмоционально-негативную оценку.

Род денотатов, использованных для обозначения концепта 'Я', неоднородно и неравномерно распределен по трем проявлениям – мужскому, женскому и среднему родам. Большинство составляет мужской род (52 %: *дух, пень, коршак, чорт, вампір, гість, птах, турист, водолаз, вуж, смик, тать, пес* и т. д. – динамика движения или действия), наличие других родов свидетельствует о необходимости выражения статических признаков концепта (9 %: *зерня, перло, щеня, яблуко, дерево, листя, тістечко, тіло* тощо – статичність, поодинокість, частина цілого) и женского начала (30 %: *ртуть, осінь, тінь, закоркованість, лоза, пилина, сльоза, зірка, весна, хмарка, зозуля, година, роса, пружина, фігурка, русалочка, вода, ікона* – повторяемость, естественность, таинственность, слабость), сквозь призму которого говорящие понимают внутренние поиски и собственную слабость.

Таким образом, концепт 'Я' имеет следующие содержательные компоненты: 1. Образное содержание: представлен зрительными образами предметных и природных явлений. 2. Информационное содержание: активным компонентом концепта 'Я' является компонент «Я – быть», который выражает различные признаки осознания говорящими самих себя; познание себя происходит с помощью основных органов чувств, а также психических и мыслительных процессов. 3. Интерпретационное содержание: зона оценки – однородно положительно-сострадательная; энциклопедическая зона – говорящие постоянно находятся в состоянии самооценки, они взвешивают свои поступки и внутреннее душевное состояние ради достижения согласия с самими собой, корреляции себя с окружающим миром; также характерно восприятие себя как говорящего и собеседника одновременно; регулятивная зона – концепт характерен максимальной концентрацией внимания на себе, тщательным психологическим исследованием; социально-культурная зона – концепт изображен в национальной, христианской и античной традициях, что свидетельствует о языческом мировоззрении говорящих; среди ролевых характеристик присутствуют профессиональные, отсутствуют социально-бытовые; паремнологическая зона не представлена. 4. Когнитивные классификационные признаки, концептуализирующие денотат концепта 'Я', организованы и обобщены такими параметрами (приводим в порядке убывания яркости последних): 1. Предметность. 2. Зооморфность. 3. Антропологичность. 4. Есте-

ственность / Мифичность. 5. Субъектность / Объектность действия. 5. Полевая структура: ядро – концепт ‘Я’ проявляет перманентную активность то в реальных действиях, то во внутреннем анализе мотива этих действий, ближняя периферия – концепт ‘Я’ представляет эмоциональную, чувственную, психологически несвободную личность, дальнюю периферию составляет античная и христианская специфика концепта, представленная образами-объектами сравнений *Одисей, Парнас, Саваоф, чорт*. Итак, концепт ‘Я’, занимающий видное место в концептуальном поле украинского сравнительного оборота поэзии шестидесятников, представляет собой сложное ментальное образование, в создании которого задействован весь спектр чувственно-интеллектуальных ресурсов говорящих.

Литература:

1. Болдирев, Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдирев // Методические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под редакцией И. А. Стернина. – Воронежский государственный университет, 2001. – С. 25–36.
2. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Елена Самойловна Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
3. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12–51.
4. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с. [6] с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
5. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Борис Александрович Серебренников, [и др.]; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 215 с.

К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА

Л. П. Позняк

*ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
Евразийский лингвистический институт (филиал в г. Иркутске)
(Иркутск)*

ON THE PROBLEM OF A FICTION CONCEPT

L. P. Poznyak

Summary. The article deals with the description of different points of view of linguists and literary scholars on the problem of a fiction concept. This kind of concept is verbalized in the imagery, the symbolism of the text, permeates its entire structure and goes beyond it, linking a certain literary text with other works of the writer, with literature and cultural constants of the nation. The phenomenon of a fiction concept has a complex nature, which causes the need for its comprehensive study with the use of linguistic and literary techniques.

Языковая личность формируется под влиянием концептов, т. е. ментальных образований, выраженных средствами языка и речи и сводящих воедино принципиально важные для человека знания о мире. Академик Ю. С. Степанов называет концепт сгустком культуры в сознании человека, в виде которого она «входит в ментальный мир человека» [17, с. 40] и является медиатором между человеком и культурой.

В лингвистике в течение последних десятилетий проблема концепта была и остаётся одной из самых активно разрабатываемых. На сегодняшний момент существует множество классификаций концептов, основанных на разных принципах: структурная [18], социологическая [22], коммуникативная [10], дискурсивная [9 и другие]. В дискурсивной классификации выделяют познавательные (научные), бытовые и художественные концепты [13].

Термин «художественный концепт» впервые был использован С. А. Аскольдовым, который сформулировал его отличие от концепта познавательного, представляющего собой общность, в то время как художественный концепт является индивидуальным, авторским. По мнению ученого, «к концептам познания не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное. Художественный концепт чаще всего есть комплекс того и другого, т. е. сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений» [2, с. 274].

Область функционирования художественных концептов – произведения художественной литературы. Художественный концепт связывают с авторским сознанием, воплощенным в художественном произведении, называя его «ментальным образованием сознания писателя, реализующим своё смысловое значение в семантико-ассоциативном контексте литературного произведе-

дения» [6, с. 52]. Подобную мысль встречаем и у Л. А. Петровой, считающей, что художественный концепт – это «вербализованная в художественном произведении ценностно значимая ментальная единица индивидуально-авторской картины мира, представляющая, с одной стороны, общепринятые знания, а с другой – отражающая субъективный авторский опыт переживания действительности» [15]. Как отмечает Н. В. Александрович, «совокупность концептов как единиц индивидуального сознания складывается в концептосферу, или модель картины мира автора, и воплощается в художественном произведении» [1, с. 7]. По мнению Д. С. Лихачева, известные, популярные писатели, носители фольклора, люди отдельных профессий способны обогащать «концептосферу национального языка» [11, с. 284]. Поэтому изучение индивидуального когнитивного опыта таких людей представляется ценным и с точки зрения изучения культуры человеческого общества в целом. Художественный текст, автором которого является широко известный за пределами своего лингвокультурного сообщества писатель, является достоянием человечества. Писатель передает свой взгляд на сущность человеческих характеров, закономерности их взаимоотношений и, в конечном итоге, на современный ему образ мира [5; 6], на действительность. Изучение индивидуального, авторского концепта, определяемого как художественный концепт, способно пролить свет на эмоционально-психологическую, социально-поведенческую, нравственную стороны всего общества.

В настоящее время лингвисты отмечают малую степень изученности понятия художественный концепт и признают, что он все еще находится в стадии разработки. В работах последних десятилетий художественные концепты рассматривались с точки зрения их иконичности [12], эстетической значимости [4], функционирования в качестве семантических доминант [14], в качестве индивидуальных ментальных образований, которые могут быть объединены в определенные типы [19]. В. С. Машошина считает, что «осмысление художественного концепта зависит не только от структурных и содержательных особенностей текста, но и от процесса его восприятия и интерпретации» [13, с. 18–19].

Существует два основных направления исследования художественного концепта.

С одной стороны, художественный концепт рассматривается как индивидуально-авторское психическое образование, которое содержит в себе универсальный опыт литературной личности, ее мировоззрение, систему ценностей и способствует формированию новых художественных смыслов [8]; как «единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [3, с. 6]; как единица концептосферы автора, вербализованная в «едином тексте его творчества» [20, с. 51]. В некоторых исследованиях высказывается мысль о том, что художественный концепт есть продолжение познава-

тельного концепта, поскольку «в художественном тексте конвенциональное значение концепта деформируется, видоизменяется под воздействием личностных интерпретаций» [13, с. 34]. Подобное понимание художественного концепта сближает лингвостилистические исследования в русле когнитивной поэтики [13], коммуникативной стилистики [4] и психолингвистики [16].

С другой стороны, художественный концепт понимается как элемент национальной художественной традиции, национальной художественной картины мира, как частная реализация концепта культуры [14; 23]. Данный подход имеет точки соприкосновения с литературоведческим направлением изучения концепта, согласно которому художественный концепт – такой образ, символ или мотив, который имеет «выход» на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [7, с. 14]. Схожую мысль высказывает и Л. В. Миллер, считая, что художественный концепт принадлежит «не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсального художественного опыта, зафиксированного в культурной памяти и способного выступать в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [14, с. 42]. Однако «концепты национальной культуры и одноименные художественные концепты не всегда совпадают по своему содержанию и ценностному компоненту. Явление их расхождения позволяет говорить о дискурсивном варьировании культурных концептов» [20, с. 144]. Одна из точек соприкосновения лингвистических и литературоведческих исследований, по мнению И. А. Тарасовой, – интерпретация концептов в контексте культуры и понимание их как единиц коллективного сознания. «Индивидуально-авторская картина мира – часть общеязыковой в той мере, в какой творческое сознание является частью общенародного сознания; способы отражения мира и индивидуально-субъективны, и обобщенно-объективны одновременно» [20, с. 10]. Художественный концепт вербализуется в художественном образе, символике, пронизывает всю структуру произведения, выходит за его пределы, связывая определенный художественный текст с другими произведениями писателя, художественной литературы, культурными константами нации [6]. В таком случае художественный концепт может являться средством создания внутренних интертекстуальных связей между произведениями одного автора и внешних интертекстуальных связей между произведениями разных авторов, объединенных общностью тематики, символики и т. п.

Отметим, что, несмотря на активное исследование художественного концепта, единой методики его описания пока не существует. Одним из методов, используемых лингвистами для его изучения, является концептуальный анализ. На данный момент в разных лингвистических школах выделяются следующие этапы концептуального анализа: этимологический анализ слова имени с целью выявить исходное содержание концепта, выраженное этим

именем; дефиниционный анализ ключевых лексем, выражающих концепт; построение синонимического ряда лексем, выражающих концепт; деривационный анализ, позволяющий объединить разные части речи; анализ синтагматических и парадигматических связей слова; сопоставительный анализ в концептосферах разных народов.

Наряду с концептуальным существует используемый литературоведами так называемый концептный анализ, который предполагает «исследование реализации (воплощения) концепта в тексте и моделирование его содержания, выявление индивидуально-авторского наполнения концепта» [24, с. 5]. Концептный анализ предполагает исследование воплощения концепта на разных уровнях текста (тематическом, сюжетно-композиционном, мотивно-образном) [6]. Данный метод пересекается с положениями лингвистики текста.

Исходным этапом концептного анализа является установление имени концепта или ключевого слова – репрезентанта концепта в произведении, что имеет точки соприкосновения с концептуальным анализом.

Применительно к художественному концепту лингвистами были выделены такие устойчивые слои его структуры, как предметный, понятийный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный [20, с. 75]. Н. С. Болотнова отмечает, что некоторые из выделенных слоев «находятся в отношениях включения и пересечения» [4, с. 74].

Все вышесказанное свидетельствует о сложности исследуемого феномена и необходимости использовать комплекс методов исследования концепта в художественном тексте.

Литература:

1. Александрович, Н. В. Концептосфера художественного произведения в оригинале и переводе (на материале романа Ф. С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2010. – 194 с.
2. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
3. Беспалова, О. Е. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. Е. Беспалова. – Санкт-Петербург, 2002. – 24 с.
4. Болотнова, Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. – Серия Гуманитарные науки (Филология), 2007. – № 2 (65). – С. 74–79.
5. Гончарова, Е. А. Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном тексте / Е. А. Гончарова // Лингвистические исследования структуры художественного текста. – Л., 1983. – С. 85–88.

6. Васильева, Т. А. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта / Т. А. Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 7 (18). – Ч 1. – С. 51–54.

7. Зусман, В. Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка / В. Г. Зусман. – Н. Новгород, 2001. – 168 с.

8. Колесникова, В. В. Художественный концепт «душа» и его особенности (на материале произведений Б. Пастернака) / В. В. Колесникова. – Режим доступа: http://teoria-ractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2007/1/kolesnikova.pdf (дата обращения: 25.04.2016).

9. Красавский, Н. А. Концепт «печаль» (опыт лингвокультурологического анализа русских и немецких пословиц) / Н. А. Красавский // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. – Волгоград: Колледж, 2002. – С. 10–23.

10. Крючкова, Н. В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Н. В. Крючкова. – Саратов, 2009. – 46 с.

11. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–287.

12. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Флинта, 2004. – 256 с.

13. Машошина, В. С. Способы языковой объективации абстрактных концептов в американской художественной литературе (на материале романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. С. Машошина. – М., 2015. – 195 с.

14. Миллер, Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – № 4. – 2000. – С. 39–45.

15. Петрова, Л. А. Художественный концепт в современной лингвокогнитологии / Л. А. Петрова. – Режим доступа: <http://www.station-line.org.ua/filologiya/52/7070-xudozhestvennyj-koncept-v-sovremennoj-lingvo-kognitologii.html> (дата обращения: 20.04.2016).

16. Пищальникова, В. А. Психопоэтика / В. А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. – 176 с.

17. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

18. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2001. – С. 58–65.

19. Тарасова, И. А. Художественный концепт: Диалог лингвистики и литературоведения / И. А. Тарасова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 742–745.

20. Тарасова, И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте [Текст] / И. А. Тарасова. – М.: Флинта. – 2-е издание, 2012. – 196 с.

21. Ткаченко, И. Г. Методы изучения концептов как средства доступа к авторскому сознанию / И. Г. Ткаченко. – Режим доступа: http://www.rus-nauka.com/16_ADEN_2011/Philosophia/4_88297.doc.htm (дата обращения: 03.05.2016).

22. Токарев, Г. В. К вопросу о культурном слое концепта / Г. В. Токарев // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. – Волгоград: Колледж, 2001. – С. 16–21.

23. Чесноков, И. И. Концепт «месть» в лингвокультурном аспекте // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / И. И. Чесноков; отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 29. – С. 22–33.

24. Цуркан, В. В. Антология художественных концептов русской литературы XX века / В. В. Цуркан, Н. Л. Карпичева, Т. И. Васильева. – М.: Флинта, 2014. – 440 с.

**КОНЦЕПТ «СИБИРЯК» В ПОВЕСТИ Р. Э. КЕННЕЛ
«COMRADE ONE CRUTCH»**

Л. П. Прохорова, Е. Н. Инякина

ФБГОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

**CONCEPT «SIBERIAN» IN THE NOVEL «COMRADE ONE CRUTCH»
BY R. E. KENNEL**

L. P. Prokhorova, E. N. Inyakina

Kemerovo State University

Summary. The article analyzes verbalization of the concept "Siberian" in the novel «Comrade One Crutch» by the American writer R. E. Kennel. The characteristic features of Siberian people are identified by comparison of Russian and American cultures through the eyes of the main character – American boy David. The concept «Siberian» embraces appearance, character and behavioral characteristics of the Siberians.

В связи с активным развитием средств массовой коммуникации, а также произошедшими в последние годы социальными, политическими и экономическими изменениями, обращение к проблеме взаимодействия культур становится чрезвычайно важным и актуальным.

В этом отношении особый интерес представляют художественные произведения, посвящённые описанию другой культуры, позволяющие проанализировать

зировать особенности восприятия представителей одной культуры представителями другой.

Данная статья посвящена анализу средств вербализации концепта «Сибиряк» в произведении американской писательницы Рут Эпперсон Кеннел «Comrade One Crutch». Действие происходит в 1932 году, когда более шестисот колонистов из Европы и Америки приехали в Кемерово, чтобы построить современный индустриальный центр. В дальнейшем это легло в основу сюжета повести Рут Эпперсон, одной из колонистов АИК. Произведение интересно тем, что показывает весь спектр непростых взаимоотношений американцев и русских в период индустриализации Сибири.

Охватывая сразу несколько научных областей (лингвокультурология, семантика, когнитивистика), термин «концепт» имеет много определений. Д. Попова и И. А. Стернин, определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [2, с. 24]. Концепты в сознании носителей «активируются» знаками языка. А. Вежбицкая отмечает, что «изучение культурных концептов – это движение от психических, социально-культурных образований в сторону их фиксации в языке. Культурологически ориентированная лингвистика осмысляет специфическую фиксацию культурно значимых явлений и характеристик бытия в форме языковых знаков». [1, с. 40].

В отрывках, приведённых ниже, рассматриваются особенности вербализации концепта «сибиряк». Он складывается из таких компонентов как: внешний облик, быт, характер и особенности поведения.

Тема бедности сибиряков в период индустриализации Кемерово проходит красной чертой через всё повествование. В следующем отрывке автор подчеркивает простоту сибирского быта, граничащую с нищетой и убогостью. Благодаря образному сравнению избышки с ведьминым логовом, достигается ощущение изолированности этого далёкого и забытого цивилизацией места.

«The people lived here in primitive simplicity. On the steps of a house, which lurched to one side like a witch's hut » [3].

Одежда людей отличается тусклостью и однообразием. Тяжёлые условия жизни сибиряков подчеркиваются с помощью ряда лексических единиц, относящихся к семантическому полю бедности.

«It was drizzling; the place was like a pigpen and was strangely empty of ragged, people who were already an accepted part of the local scenery» [3].

«"Why do they live like that?" "Because they are so poor, darling. And the conditions of life here are very primitive"» [3].

«At that moment one of the primitive conveyances came in view. The straw-upholstered basket tied to long birch runners was filled to overflowing with a peasant family.

В описании сибирского народа прослеживается преобладание серого цвета, который ассоциируется с нищетой. В данном случае серый цвет отображает образ жизни людей, которые воспринимаются как сплошная серая масса. (*drab* – бесцветный, желтовато-серый).

«The corridors were crowded with men, women, and children wearing the scant, drab, homespun clothing characteristic of the Siberians» [3].

Цвет одежды сибиряков ассоциируется с их подавленным эмоциональным состоянием. *«On their faces was the patient look of people who have endured much».*

Отличительные черты русского человека раскрываются благодаря контрасту, который возникает в ситуациях расхождения взглядов американцев и русских. Смирение с тяготами жизни, инертность и лень сибиряков неоднократно подчеркивается американской писательницей в противопоставление энергичным, инициативным и предприимчивым американцам.

«The American engineers, in an effort to preserve the woods, placed the dwellings so that as few trees as possible had to be sacrificed. Work proceeded very slowly, at what was called Russian tempo» [3].

Невежество сибиряков, их сопротивление новому акцентируется автором в следующем примере.

«You people would go on for the next hundred years never thinking there might be a more scientific type of construction. I'll show you what I mean...» [3].

В повести неоднократно подчеркивается коллективный характер быта сибиряков, привыкших все делать вместе, сообща.

«The whole population was promenading along the cliff» [3].

«A number of men and women were talking in loud tones in the kitchen, where they were cooking and eating» [3].

Несмотря на неустроенность быта сибиряков, их суровый нрав и «неотёсанность», в их поступках отчетливо проявляются такие качества, как взаимовыручка, добросердечность и гостеприимство.

«Hardly had the door closed before another knock came. This time a fair girl, barefooted, stood in the doorway, a shy smile on her broad countenance. "Mweelo, daitye mweelo" she begged, timidly. Mrs. Plummer went to the suitcase and brought another cake of toilet soap. The girl beamed showing large white teeth, and disappeared."You'd better cut your soap supply into smaller pieces," Plummer advised. With a groan he responded to another knock at the door. The same girl stood holding a plate containing three dark, heavy-looking rolls stuffed with cottage cheese which she had just taken out of the oven. Mrs. Plummer was touched by the gift. These people are very kind and hospitable," she said. "I think I'm going to like the Russians. I declare!"» [3].

В заключение отметим, что концепт «сибиряк» формируется на страницах повести через призму мировосприятия представителя другой страны благодаря контрасту, который проявляется при взаимодействии различных культур – русской и американской. Полярность взглядов на ведение быта, различные ценностные ориентиры и менталитет находят выражение в обширном спектре эмоций, переживаемых американцами, приехавшими в Сибирь – от открытого неприятия до восхищения. Переживая «взлёты и падения», русские и американцы все же находят точки соприкосновения. Одной из таких «точек» становится Человечность, которая ценится в любой культуре.

Литература:

1. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. – С. 24.
2. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка/ З. Д. Попова, И. А. Стернин . – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с. – С. 24.
3. Kennel, R. E. Comrade one crutch / R. E. Kennel. – New York; London: Harper & Brothers Publishers, 1932. – 286 p.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКИХ СМИ)

Л. И. Федянина, Ю. М. Зайцева

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

CONCEPTUALIZATION OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN MEDIA)

L. I. Fedyanina, Y. M. Zaitseva

Summary. The article is devoted to the description of Russia as it is represented in modern German mass-media sources. In linguistic and cognitive aspects, Russia in the era of the global crisis characterized mostly by anthropomorphic metaphors by the German mass media.

В начале XXI столетия лингвистика, наряду с другими науками, изучает инфраструктуру человеческого разума, приобретает новый образ, обусловленный когнитивной направленностью. Для современной лингвистики характерно обращение к проблеме человеческого фактора в языке. Учёные, работающие в области когнитивной лингвистики, обратили внимание на то, что язык, по своей сути, антропоцентричен, то есть описывает фрагменты мира через их восприятие человеком. Изучение отдельных фрагментов рассматривается как ключ к процессам, происходящим в сознании людей и

формирующим целостную картину мира [9, с. 3]. Как отмечает И. Ю. Колесов, «окружающий мир в сознании репрезентирован его концептуализацией, результаты которой – ментальные репрезентации, образы и т. п. – получают лингвоспецифическую «обработку и упаковку» [7, с. 30].

Развитие когнитивной лингвистики продолжает интересовать как отечественных, так и зарубежных исследователей к феномену употребления метафор в различных текстах. По мнению Р. Д. Керимова, метафорическое моделирование – это отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности [7, с. 79]. Отечественные и зарубежные исследователи (Керимов Р. Д., Федянина Л. И. (2012, 2014), Пименов, Е. А., Пименова, М. В. (2005), Телия В. Н. (1988), Чудинов А. П. (2001), Varanov A. N. (2004), Köller W. (2005), Musolff A. (2000) и др.) подчёркивают, что только при сопоставлении метафорических картин мира, которые представлены в различных языках и культурах, можно глубже осознать специфику национальной метафорической картины мира. Когнитивное моделирование в полной мере позволяет сконструировать в языке знание о том или ином слове, дать исчерпывающую информацию о стране, народе [подробнее об этом см., например: 2, 3, 5, 8, 10–13].

Когнитивные модели могут репрезентироваться как в прямом значении лексической единицы, рассматриваемой в качестве концепта, так и в переносном (метафорическом, метонимическом, а также в составе фразеологических единиц, пословиц и поговорок [подробнее об этом см., например: 4, 6].

С одной стороны, такая тема, как образ России и русскоговорящих в немецкой прессе не является новой. Государства, которые постоянно меняются в сфере политики, экономики и исторически развиваются, всегда являются хорошим материалом для критики, как в отечестве, так и за рубежом. В этом смысле Россия была и остается предметом обсуждения в мировых средствах массовой информации. С другой стороны, восприятие России и русских в Германии – тема, которая всегда остается популярной.

Целью данной статьи является описание антропоморфного образа России, представленного в современных немецких СМИ.

Материалом для данного исследования послужил электронный корпус языковых единиц: www.corpora.ids-mannheim.de.

Как и у любого человека, у России имеются части тела, органы с их функциями, посредством которых она может не только осязать, дышать, ощущать, двигаться, но и воспринимать, анализировать различные раздражения, которые организм страны получает из внутренней и внешней среды, передавать информацию в центральную нервную систему, реагировать на эти раздражители, действовать. Поэтому неслучайно, что в предложении Россия чаще всего выступает в роли агенса, демонстрируя все свои человеческие способности, ср., например: *Selbst jenseits ihrer Grenzen sieht Russland der Strategie der Energieherrschaft zu. Russland ist klüger, als man denkt.*

В следующем примере России приписывается характеристика политика-наблюдателя как за тем, что происходит во всём мире, так и за тем, что наблюдается в отдельно взятой стране – Америке, ср.: *Russland sieht, was Obama macht*. Россия «следит» за всеми, потому что у нее есть «большие глаза», ср., например: *Jetzt sind die Augen von Russland sehr gross*.

Наделяя Россию мыслительными способностями, в немецких СМИ Россия ассоциируется с политиками, политическими группами, которые ревностно относятся к конкурентам, «нервно реагируя на их появление», ср., например: *Russland reagiert gegen Oppositionelle überaus nervös*. Подчёркивая непредсказуемость России в действиях и поступках, в немецких СМИ акцентируется внимание на том, что эту великую державу нельзя понять, потому что она сама запретила себя понимать, ср., например: *Russland kann man nicht verstehen, weil es sich selbst verboten hat, verstanden zu werden*.

Россия предстаёт в образе человека с хорошо накачанными мышцами, который, как только представляется случай, сразу их показывает, демонстрируя при этом свою силу и превосходство над другими, ср., например: *Muskelspielen Russland kommt und macht alles, was sie. Warum zeigt Russland Muskeln nicht. Russland und die Nato: Muskelspiele am Rande des Abgrunds*.

Среди номинаций частей человеческого тела, метафорически концептуализирующих Россию, чаще всего встречается рука, с помощью которой может осуществляться единоличное владение, руководство экономикой в глобальном масштабе, ср., например: *In Russlands Hand liegt das Schicksal der weltweiten Ölindustrie*.

Россия протягивает также руку помощи, грозит кулаками, пальцами указывает на других. С помощью руки человек может совершать различные движения, по которым можно оценить поведение человека. Так и Россия может «держат что-либо на своих руках», «захватить что-либо или кого-либо в свои руки», «указывать пальцем на что-либо», «умывать руки», ср., например: *Als verlängter Arm von Russland macht Gazprom mit Preisdiktaten Außenpolitik. Russland zog auf Krim mit dem Finger, wir bemerkten nicht. Russland wäscht die Hände in Unschuld nicht. Russland zeigt wieder seine Finger. Russland ist nicht das gute Reich, das mit harter Hand die Herrschaft des Rechts durchsetzt, wie es mancher westliche Beobachter glauben wollte*.

Наличие улыбки при приветствии друзей добавляет описываемому образу неповторимое обаяние, а её отсутствие – настороженное отношение к незнакомцам, ср., например: *Sogar Obama sieht, wie Russland lächelt. Wenn Russland Unbekannte sieht, zeigt kein Lächeln*.

Нервная система является структурой, которая пронизывает весь организм и обеспечивает саморегуляцию его жизнедеятельности. Благодаря нервной системе, у организма появляется способность реагировать на внутренние и внешние воздействия. Нервы являются регуляторами положительных и отрицательных эмоций человека. По мнению немецких журналистов, Россия

предстаёт часто в возбужденном и раздраженном состоянии, ср., например: *Russland ist sehr oft nervös*.

Метафоры, концептуализирующие «рост» России как физический, так и духовный, указывают на увеличение организма или отдельных органов в процессе развития, а именно – на усиление и укрепление активности страны, а также совершенствование различных процессов развития. Примеры картотеки исследования позволяют констатировать, что Россия, по мнению представителей прессы Германии, не только растет физически, но и развивает свои умственные способности, ср., например: *In diesem Jahr wächst Russland. In diesem Fall zeigt Russland die Weisheit*. Малое количество маргинальных метафор в нашем исследовании приводит к выводам, что Россия не является больным человеком, наоборот, она полна сил – «*das mächtige Russland*», «*das gesunde Russland*», «*mit frischen Kräften Russlands*».

Метафора родства, родственных и близких отношений в немецких СМИ представлена следующими составляющими: мать, сосед, друг, партнер, ср., например: *Russland ist unser Freund. Unser lieber Nachbar Russland. Russland ist moderne Volksmutter. Russland ist und bleibt ein guter Partner*.

«Родственные» взаимоотношения могут складываться по-разному, и человек переживает всю гамму эмоций – от любви до ненависти, от счастья до горя и от восторга до отвращения. В немецких СМИ эмоциональный облик России описывается метафорами как положительной, так и отрицательной направленности: «*böses Russland*», «*freundliches Russland*», «*ruhes Russland*» и т. д.

Итак, как показало исследование, журналисты германских средств массовой информации, представляя образ России, часто используют антропоморфные метафоры, посредством которых она приобретает своеобразную концептуализацию.

Литература:

1. Керимов, Р. Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации: монография / Р. Д. Керимов; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2015. – 339 с.
2. Керимов, Р. Д. Сравнительное исследование социальных концептов (на примере немецких концептосфер «политика» и «деньги») / Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4 (52). – Т. 3. – С. 250–254.
3. Керимов, Р. Д. Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ / Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 157–170.
4. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты: монография: в 2 ч. / О. Н. Лагута. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – Ч. 1. – 114 с.
5. Пименов, Е. А. Образная часть структур концептов РАДОСТЬ И FREUDE / Е. А. Пименов, М. В. Пименова // Грамматика. Семантика. Кон-

цептология: сб. науч. трудов / Е.А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2005. – С. 120–135.

6. Пименова, М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека / М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с.

7. Проблемы функционально-когнитивного анализа языка: коллективная монография / Л. А. Козлова, И. Ю. Колесов, В. Д. Максимов и др.; под ред. И. Ю. Колесова. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. – 171 с.

8. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.

9. Федянина, Л. И. Концепт Geld в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: уч. пособие / Л. И. Федянина; КемГУ. – Кемерово, 2008. – 160 с.

10. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.

11. Baranov, A. N. Metasprache der Beschreibung von Metaphern im öffentlichen Diskurs / A. N. Baranov // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 2004 / Hrsg. von M. Vollstedt. – Moskau: DAAD, 2004. – S. 13–44.

12. Köller, W. Semiotik und Metapher: Untersuchung zur grammatischen Struktur und kommunikativen Funktion von Metaphern / W. Köller. – Stuttgart: Metzler, 2005. – 388 S.

13. Musolff, A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany / A. Musolff. – München: IUDICIUM Verlag, 2000. – 254 p.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Н. В. Шестеркина

*Мордовский государственный национальный исследовательский
университет им. Н. П. Огарева 9 (Саранск)*

A MYTHOLOGICAL CONCEPT AS A UNIT OF LINGUOCULTUROLOGY

N. V. Shesterkina

Summary. Mythology is a world outlook system, a special way of ideology, a special character of a realistic perusal. A mental idea of a myth is realized as mythological concepts, which appear as structure-building elements of mythological view of the world and they are complex structural formation. The content of a mythological concept is still discussed. A theoretical shearing adduced here shows

at the strongest heterogeneity in an understanding of a mythological concept and at the difference in its definitions.

Любое восприятие древних включалось в мистический комплекс, любой образ, рисунок, любая форма имели мистические свойства, присущие и слову [14, с. 70]. Для сакральных текстов типичен мистический комплекс *явление – образ – слово*, для которого характерны одновременность, нерасчлененность познания мифоритуальной интерпретации мира и его образов [11, с. 209]. Поэтому в качестве единицы анализа иногда выбирают *мифоконцепт* (далее МК), т. к. религиозный образ при его «примитивной абстракции питался мифологическими представлениями» [35, с. 286]. Новые системы сознания открывали новые интерпретации реального мира; но материал и принципы построения систем оставались прежними [35, с. 285].

Мифологизированная форма обыденного знания выступает в языке в виде мифологем, играющих роль индикаторов способов мышления. Понятие *мифологема* включает в себя мифологические сюжеты, сцены, образы, характеризующиеся глобальностью, универсальностью, распространенностью в мире. По К. Леви-Стросу, «элементы мифологической рефлексии всегда расположены на полпути между перцептами и концептами» [16, с. 127]. С. А. Кошарная пишет о концептуализации мифа и его мыслительном представлении в виде *мифоконцептов* (МК), которые выступают «структурообразующими элементами мифологической картины бытия» [12, с. 86]. Ученые по-разному рассматривают природу МК. По Н. С. Поповой, МК появляется как метафора, отражающая когнитивные способности индивида к познанию мира через улавливание сходств деятельности человека и явлений природы [25, с. 36]. По В. Н. Топорову, «метафорическое слово становилось поводом для обнаружения более глубокого смысла, чем первичной, и для актуализации 'поэтической' функции языка» [33, с. 34].

По К. Леви-Стросу, составляющие миф единицы «наиболее сложные из всех» [15, с. 187], он называет их *мифемами*, они представляют собой пучки отношений, а искать их следует на уровне фразы. По О. И. Быковой и О. Н. Ракитиной, мифема – лексическая единица особого мифического содержания, она является результатом деятельности мифомышления по структурированию мира и обладает теми же сущностными признаками, что и миф. Мифема выполняет номинативную функцию, но «ее денотативный компонент образован сдвигом сем» [6, с. 133]. В мифологическом тексте мифема функционирует в своем первичном значении, но в обычном тексте выступает как результат «поэтического мышления» [А. А. Потебня], как явление вторичной номинации – символ, образ, метафора. По А. П. Бабушкину, мифемы – своеобразные таксономические родо-видовые отношения, нетипичные для естественного языка. Фантастические образы создаются в результате переосмысления элементов образов, уже существующих, или мыслительных образов, включающих рационально-логические и чувственно-наглядные компо-

ненты. Это – «идеальные образы, не отягощенные отношением связи “вне нас” с существующим предметом и его репрезентацией “внутри нас”» [3, с. 47]. Е. Е. Петрова назвала МК *фантазийным* концептом, отражающим что-то необычное, сверхъестественное, аномальное [20, с. 151].

По С. А. Кошарной, МК, особым образом репрезентирующий представления индивида о реальности, является укоренившимся в сознании этноса четко структурированным элементом мифологической когнитивной парадигмы [12, с. 87]. Специфику МК С. А. Кошарная видит в том, что его синэйдос (С) фактически является мифологемой (МГ): $МК = \{П + МГ + Оз\}$, где П – понятие, С / МГ – синэйдос (от греч. *Syn* – «вместе» и *eidos* – «вид, образ», т. е. общий для носителей одной культуры комплекс представлений, который соотносится с коллективным знанием), МГ – мифологема, Оз – ментальный образ знака [12, с. 46, 87]. Под МГ автор понимает «инвариантный комплекс представлений, связанных с определенным сценарием, с “восприятием” важного персонажа, ситуации», переходящих из мифа в миф. Поэтому МГ – необходимая составная часть МК, где означаемое МГ может иметь различную протяженность – от текста до слова. Подобные сценарии, формируя синэйдос МК, в силу своей устойчивости способствуют межпоколенной трансляции фактов культуры [12, с. 87–88].

По поводу определения мифологемы существует много часто не совпадающих мнений. По Т. В. Тритенко, МГ – ментальная репрезентация, определяющая связи вещей связаны между собой и способ их категоризации. «Мифологема вневременна как миф, но... характеризуется подвижностью, изменчивостью, востребованностью в современных языковых лексиконах...» [34, с. 339]. По А. А. Батуевой, МГ – совокупность нескольких понятий, которые в магическом мышлении древнего человека неотделимы друг от друга, и все древние символы, относящиеся к этим понятиям [5, с. 6]. Для некоторых лингвистов понятия МК и МГ тождественны. Например, А. Колесник и Н. Н. Сафина называют данный конструкт *концептом-мифологемой* [10, с. 87, 28], но позже Н. Н. Сафина переходит на термин ‘мифологема’ [29]. По С. А. Питиной, МГ – дискретная единица коллективного сознания, концепт, отражающий объекты возможных миров, представленные в национальной памяти народа в вербальной форме [22, с. 18–19]. С другой стороны, МГ, для С. А. Питиной – не имеющее денотата имя [21, с. 35–36]. О. А. Черепанова считает МГ *единицей лексической системы* [37]. О. В. Абыякая пользуется термином *слово-мифологема* [1], Е. Е. Левкиевская – *мифологический персонаж*; а Е. В. Матвиенко – *мифологическая лексика* [19].

По А. Л. Топоркову, «мифологема – единица мифологической системы, имеющая самостоятельную семантику». Автор подчеркивает, что МГ по форме иногда совпадает с *мотивом*, но мотив продолжает быть таковым, утратив самостоятельную семантику, мифологема существует только при ее сохранении [32, с. 154]. По А. К. Байбуруну, МГ – «термин с неустоявшимся

содержанием», используемый для обозначения единиц мифологического нарратива. В мифе МГ означает примерно то же, что мотив в фольклорном тексте. МГ, в отличие от мотива, более крупная единица, она обладает более высоким таксономическим рангом [4, с. 78]. Т. Г. Иванова рекомендует использовать термин *мифологема*, когда речь идет о верованиях, явлениях народной культуры, где эстетическое начало еще не стало доминирующим: это представления о низшем демонологическом мире (леший, колдун, покойник и т. д.) и христианского плана (святые Егорий, Илья и т. д.). Автор относит *мотив* к сфере фольклора, к жанрам с преобладанием эстетической функции (сказки, былины и т. д.). Учитывается и генетический аспект МГ: «мифологема (как верование) предшествует мотиву (как воплощающемуся в художественных формах)». Мотив всегда воплощен в *вербальном* коде. Мифологема, кроме слова, может быть выражена и *акционально-предметным* кодом, например, «договор человека с персонажем из иного мира». В основе этих форм лежит *мифологема договора* [9, с. 8–10]. Н. А. Криничная выделяет типовые компоненты сюжетов мифологических рассказов, называя их *мотифемами* (инвариантами мотивов), они обеспечивают возможность их соотнесения с аналогичными составляющими в других текстах [13, с. 13].

По Т. Г. Ивановой, МГ отражает *фольклористическое* сознание (т. е. научное); мотив же – реалия *фольклорного* сознания. Мотив является конкретно-образным выражением той или иной МГ, она не существует вне мотива. Архаическое сознание выражало ту или иную идею только в конкретных образах, например *богохульного русского мужика в медведя* и т. д. «Базовой» МГ она считает МГ «своего» и «иного» мира [9, с. 8–10]. Т. Г. Иванова пишет о взаимоотношении МГ и мотива: «Мифологема – единица мифологической системы, характеризующаяся категорией “вера”, выраженная вербальным, вербально-музыкальным, акциональным и предметным кодом в народной традиции, выделенная на абстрактном уровне научным сознанием и воплощенная в народной культуре конкретно-образными средствами во множестве мотивов» [9, с. 13]. Б. Н. Путилов предлагает механизмы воплощения, сводя их к сочетанию: *субъект – действие (состояние) – объект*» [26, с. 79].

В других дефинициях повторяются термины «ситуация», «событие», «важный персонаж». Для В. А. Масловой, МГ – «важный для мифа персонаж или ситуация, это как бы “главный герой” мифа, который может переходить из мифа в миф» [18, с. 38]. Мифологема *головы* – «солнце», «Бог, главное, важное» и т. д. [18, с. 132]. По И. М. Дьяконову, мифологема – персонажи и ситуации, определяющие содержание сюжета мифа, способные повторяться в семантических однородных рядах [8, с. 191].

По И. Б. Руберт, МГ – сюжетно-понятийная структура, имплицитно содержащая в себе нарратив о событии, имеющее мифологические корреляты, эксплицированные грамматически или лингвистически. МГ в плане выражения сопрягает несколько пластов содержания, один из них соотносен с персонажирующим мифологическим именем, обозначающим лицо, а другой –

с сущностью в символическом смысле. Мифологическое имя (*мифоним*) – сложный знак, где одно означаемое имеет два понятия, в этом случае по закону тождества нераздельны не только денотат и означаемое, но и большее количество означающих (мифоним Эос включает представление о богине зари, о заре как наблюдаемом явлении и о соответствующем времени суток) [27, с. 151] (Ср. понятие МГ у Н. И. Коноваловой – «свернутый сакральный текст» [11]).

У Н. Ф. Алефиренко, МГ – смыслорепрезентирующий персонаж или ситуация. МГ – это «своего рода основной этноэдемический элемент (квинт-эссенция, стихия) [ср. с синэйдосом у С. Кошарной] мифа, кочующий из одного мифа в другой как его архетип (устойчивый образ, фиксирующий в себе “коллективное бессознательное”, по К. Юнгу)» [2, с. 289]. По С. М. Телегину, такие образы часто называют ‘*архетипами*’ (в психологии) или ‘*мифологемами*’. Они первообразы, первичные мотивы и темы «заложены как в самой культуре, так и в подсознании человека в невыявленной форме, являются составной частью психики человека» [31, с. 10, 16] (*нациологема* коня у Некрасова, Достоевского – «забитость, кротость, безответность и непосильный, убивающий труд» [31, с. 11–13]).

Сравнивая МГ с трехкомпонентной структурой (фактуальный, образный и ценностный элементы) лингвокультурного концепта, М. В. Димитренко отмечает ее двухчастную структуру [7, с. 61]. Бинарность МГ проявляется в синтезе «содержания, реалистически, адекватно отображающего объект... и неадекватного для этого объекта содержания, заимствованного из посторонней для него концептуальной системы» [17, с. 101]. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин подчеркивают первостепенность *аксиологической* характеристики лингвокультурного концепта. Ценностность концепта – его имманентное свойство, а для МГ это частная, иногда факультативная характеристика. О. А. Плахова считает МК разновидностью лингвокультурного концепта, где выделяют понятийную, ценностную и образно-перцептивную стороны [23, с. 29] и отмечает важность образной составляющей МК, обусловленной особенностями мифологического мышления, основанного на ритуале [24; 21, с. 15].

По дифференциальному признаку МГ – свернутой сюжетности – ее сопоставляют с *фреймом*. Но фрейм предполагает возможную включенность субъекта в концептуальную схему, а в МГ субъекты деятельности накладываются друг на друга, объединяя прототипического и актуального участников мифоситуации [6, с. 62]. Сравнив МГ с другими единицами языка и сознания, М. В. Димитренко определяет МГ как бинарную ментальную структуру, состоящую из генетического и актуального компонентов, а ее прецедентом является миф или его фрагмент [6, с. 62]. Исходя из того, что концепт может быть представлен в виде фрейма, Е. С. Степанова объединяет сюжет художественного текста со структурой мифа, которая содержит накопленные знания о мире, называя полученную единицу *мифологическим фреймом* и считая,

что данная структура есть специфическая модифицированная модель представления знаний, хранящихся в памяти людей [30, с. 3–4]. Д. А. Холина представляет МГ «путь» в форме *полевой модели как фрейма* [36].

Литература:

1. Абыякая О. В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: дис. ... канд. филол. Наук / О. В. Абыякая. – СПб., 2004. – 195 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
3. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. Наук / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1998. – 420 с.
4. Байбурин, А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей / А. К. Байбурин // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., 1989. – С. 63–88.
5. Батуева, А. А. Мифологема добра и зла в индоевропейских языках: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / А. А. Батуева. – М.: Военный университет, 2008. – 20 с.
6. Быкова, О. И. Мифологема как культурный концепт / О. И. Быкова, О. Н. Ракитина // III-и Житниковские чтения: динамический аспект лингвистических исследований. – Челябинск, 1999. – Ч. 1. – С. 133–140.
7. Димитренко, М. В. Мифологема в ряду ментальных единиц: когнитивная структура и особенности вербализации / М. В. Димитренко // Язык и межкультурная коммуникация. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – С. 61–62.
8. Дьяконов, И. М. Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. – М., 2009. – 248 с.
9. Иванова, Т. Г. Мифологема и мотив (к вопросу о фольклористической терминологии) / Т. Г. Иванова // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология. – Архангельск: Поморский ун-т, 2004. – С. 5–14.
10. Колесник, А. С. Сопоставление средств вербализации мифологических пространств в аспекте лингвосемиотики / А. С. Колесник // Филология и культура. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. – С. 86–89.
11. Коновалова, Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст / Н. И. Коновалова // Политическая лингвистика. – № 4 (46). – 2013. – С. 209–215.
12. Кошарная, С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород, 2002. – 288 с.

13. Криничная, Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера / Н. А. Криничная. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. – 632 с.
14. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика Пресс, 1994. – 608 с.
15. Леви-Строс, К. Структура мифов / К. Леви-Строс // Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – С. 183–207.
16. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М., 1999. – 392 с.
17. Майданов, А. С. Миф как источник знания / А. С. Майданов // Вопросы философии. – 2004. – № 9. – С. 91–106.
18. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
19. Матвиенко, Е. В. Языковая репрезентация образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Матвиенко. – М., 2010. – 16 с.
20. Петрова, Е. Е. Эмоциональные характеристики фантазийных концептов (на материале английских волшебных сказок) / Е. Е. Петрова // Известия Росс. гос. педагог. ун-та им. А. И. Герцена. – 2011. – № 127. – С. 150–154.
21. Питина, С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира: дис. ... д-ра филол. наук / С. А. Питина. – Челябинск, 2002. – 364 с.
22. Питина, С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира / С. А. Питина. – Челябинск, 2002(а). – 192 с.
23. Плахова, О. А. Мифологический концепт как разновидность лингвокультурного концепта / О. А. Плахова // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2012. – № 6 (70). – С. 29–32.
24. Плахова, О. А. Роль образной составляющей в структуре мифологического концепта / О. А. Плахова // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012(а). – Т. 10. – Вып. 1. – С. 83–88.
25. Попова, Н. С. Мифопоэтический концепт как вид когнитивной метафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Попова. – Воронеж, 2001. – 23 с.
26. Путилов, Б. Н. Веселовский и проблемы фольклорного мотива / Б. Н. Путилов // Наследие А. Веселовского. – СПб., 1992. – С. 74–86.
27. Руберт, И. Б. Мифологема как знак языка и посредник культур / И. Б. Руберт // Гуманитарные науки и гуманитарное образование. – СПб., 2003. – С. 151–155.
28. Сафина, Н. Н. Вербализация концепта-мифологема 'witch' (на материале прозы Дж. К. Роулинг) / Н. Н. Сафина // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2010. – № 17 (198). Филология. Искусствоведение. – Вып. 44. – С. 97–103.

29. Сафина, Н. Н. Концептуальная структура мифологемы [wizard] в прозе Дж. К. Роулинг vs Концептуальная структура мифологемы [magician] в прозе К. С. Льюиса / Н. Н. Сафина // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 7. – № 3. – С. 97–106.

30. Степанова, Е. С. Мифологический фрейм и его языковое выражение в философских романах А. Мердок / Е. С. Степанова. – Самара, 2007. – 19 с.

31. Телегин, С. М. Словарь мифологических терминов / С. М. Телегин. – М., 2004. – 100 с.

32. Топорков, А. Л. Мифологема / А. Л. Топорков // Восточнославянский фольклор: словарь научной и народной терминологии. – Минск, 1993. – С. 154.

33. Топоров, В. Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции / В. Н. Топоров. – М.: Издат. центр Росс. гос. ун-та, 1998. – 318 с.

34. Тритенко, Т. В. Репрезентация мифологических знаний (на материале терминов клинической психологии) / Т. В. Тритенко // Когнитивные исследования языка. – Вып. 3. – М.; Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2008. – С. 338–343.

35. Фрейденберг, О. М. Введение в теорию античного фольклора (лекции) / Фрейденберг О. М. // Миф и литература древности. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – С. 5–287.

36. Холина, Д. А. Языковая репрезентация мифологемы «путь» в индивидуально-авторской картине мира У. Б. Йейтса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Холина. – Воронеж, 2013. – 18 с.

37. Черепанова, О. А. Мифологическая лексика русского языка: дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Черепанова. – Л., 1983. – 435 с.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ ВО ФРАЗЕЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

К. Ю. Щербаков

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

EMOTIONAL CONCEPTS IN PHRASEOLOGY OF MODERN ENGLISH

K. Y. Shcherbakov

Summary. The article deals with emotive lexis of modern English, which discloses universal features of human verbal abilities, culturally determined differences in its organization and functioning, linguistic reflection of correlation of emotions and psychophysiological condition of human body. The ethnic and socio-cultural factor is revealed in particular way the final thought is formed and conveyed.

Эмоции – особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний процесс и результаты собственной деятельности и взаимоотношений с окружающим миром. Оценка человеком окружающего мира основывается на системе ценностей, принятой данным обществом.

Наше сознание хранит знания об окружающем мире во всем многообразии его проявлений, включая представления о различных предметах и связях между ними. Конечно, наборы знаний и представлений несут во многом индивидуальный характер и могут значительно различаться. Однако ядро таких наборов всегда носит обобщённый характер, ведь изолированный индивид – не более чем абстракция. И поскольку дух народа живет в индивидуальных личностях, закономерности его возникновения, расцвета и упадка могут быть познаны лишь тогда, когда главным объектом психолингвистического изучения становится этнос как таковой [1, с. 28].

Одной из главных причин расхождения в семантических системах разных языков является неодинаковое отражение объективной действительности в сознании соответствующих носителей языка в ходе познавательной деятельности. Окружающая нас действительность представляет собой некоторый непрерывный ряд или, как иногда говорят, континуум, т. е. в действительности мы не имеем четких переходов, здесь все взаимосвязано, и трудно сказать, где кончается одно явление и начинается другое. В то же время лексическая система языка состоит из конечного, пусть и чрезвычайно большого числа элементов. Таким образом, отражая в своем сознании явления действительности, человеку приходится устанавливать соответствие между непрерывным рядом действительности и конечным числом дискретных языковых единиц. В результате континуум, существующий в природе, оказывается сегментированным в языке. Таким образом, жизнь общества, восприятие окружающего мира не может не сказываться на национально-лингвальных комплексах [5, с. 56]. Этническая принадлежность не может не сказываться и на коммуникативном аспекте общения. Этническое своеобразие проявляется, в частности, в манере излагать информацию.

В психологии эмоции определяются как переживание человеком своего отношения к чему-либо (к настоящей или будущей ситуации, к другим людям, к самому себе и т. д.). Все поступки человека связаны с ощущениями самого себя и своего отношения к окружающему миру. Переживание этого отношения человека к окружающему составляет сферу эмоций. Человек как субъект практической и теоретической деятельности, который познает и изменяет мир, не является ни бесстрастным созерцателем того, что происходит вокруг него, ни таким же бесстрастным автоматом, производящим те или иные действия наподобие хорошо слаженной машины. Как определил С. Л. Рубинштейн, эмоции выражают состояние субъекта и его отношение к объекту [2, с. 69]. Они позволяют каждому живому существу надежно оцени-

вать свое состояние и воздействие факторов окружающей среды, а также предвидеть эти воздействия.

Часть эмоций принято относить к группе основных (гнев, страх, печаль и др.). Противопоставляют также положительные эмоции (например, радость) и отрицательные (гнев, горе, страх). Изучение эмоций представляют собой исключительную важность для понимания самого широкого круга проблем индивидуального опыта и человеческой деятельности в целом. Фундаментальным исследованиям вербально-понятийного множества эмоций уделяется большое внимание и в современной лингвистике. Однако, несмотря на то, что проблема эмотивности (проявления эмоциональности в языке) рассматривается в лингвистике уже сравнительно долго, наука о языке еще не готова представить полное описание этой категории [3, с. 57].

Эмотивная лексика весьма активно исследуется лингвистами [4, с. 33]. Экспрессивность (выразительность) относится к функциональной категории воздействия. Нас интересует такая лексика, которая связана именно с конкретными эмоциями и позволяет пролить свет на природу этих эмоций, дополняя данные психологии, физиологии и других наук.

Функционирование эмоций – это сложный процесс, имеющий наследственный и эволюционный аспекты. Все эмоции с их взаимодействием составляют эмоциональную систему – важнейшую определяющую систему личности. Основные эмоции и эмоциональная система в целом определяют систему мотиваций человека, придавая смысл его жизни. В числе эмоций, чаще других относимых к группе «основных», оказываются радость, горе (или грусть), гнев, страх, презрение и удивление. Эти эмоции не только существуют в реальных жизненных ситуациях, но и могут быть определены и использованы в качестве переменных в различных поведенческих построениях. Каждая из них включает ясно выраженные компоненты, взаимодействие которых и определяет эмоцию.

Основные эмоции характерны для человеческого поведения и, как показывают некоторые исследования, являются универсальными. Известно, что и сами основные эмоции и соответствующие им выражения лица суть результат эволюционных, генетических процессов, универсальных для большинства народов европейской цивилизации. Проанализировав имевшуюся в нашем распоряжении информацию, мы остановились на следующих шести основных эмоциях: *joy, grief, anger, contempt, fear, surprise*.

Итак, в соответствии с поставленной задачей из всего множества слов мы стали отбирать лишь те, которые были так или иначе связаны с функционированием организма. Такие ответы можно было свести в две группы. В одной группе оказались слова, прямо называющие те или иные внешние части тела. В другую группу вошли слова и словосочетания, которые характеризуют функциональное состояние организма, указывают на внутренние органы и их состояние.

Чтобы сделать обозримым имеющийся в нашем распоряжении материал,

мы отобрали для дальнейшего анализа только те слова и словосочетания, которые могли быть однозначно отнесены к следующим категориям:

- 1) содержат упоминание головы, лица и их частей (глаза, лоб, уши, щеки, шея и т. п.);
- 2) содержат упоминание частей тела (руки, ноги, грудь, спина и т. д.);
- 3) связаны с деятельностью сердца и кровообращением;
- 4) называют разного рода выделения (слезы, пот);
- 5) указывают на изменения в температуре;
- 6) указывают на цвет;
- 7) указывают на функциональные изменения в организме.

Уточним содержание каждой категории. Во-первых, говоря о частях тела, мы одновременно имеем в виду и функции этих частей. Соответственно в категорию «глаза» попадают не только такие реакции, как *wide eyes, a feast for eyes*, и т. п., но и *surprised look, before you could blink*; в категорию «лицо» – как слова *a long face, show your teeth*, так и *my heart is in my mouth, it paralyzed my tongue, smile from ear to ear*; в категорию «тело» – наряду с *cry on sb's shoulder, stab sb in the back* помещены и *kick in the stomach, have your guts for garters* и т. д.

Теперь представим полученные результаты в виде сводной таблицы.

Сводная таблица эмоций, зафиксированных в английских фразеологизмах

Части тела/состояние организма	Эмоции						Всего
	grief	joy	anger	contempt	fear	surprise	
Голова (лицо, глаза, рот).	18	3	18	7	20	29	95
Части тела (конечности, грудь, спина).	10	31 0	6	13	33	7	49
Сердце и кровообращение.	10	44	9	1	44	4	32
Выделения организма (слезы, пот).	6	21	2	–	22	–	11
Температура организма.	3	33	15	1	44	–	26
Цвет кожи.	4	55	3	2	55	2	21
Функциональные изменения организма.	13	78	1	–	55	14	43

Таким образом, если рассматривать антропоморфные характеристики фразеологизмов, передающих эмоциональное значение, то на первом месте, поч-

ти с двукратным отрывом, находится категория «Голова (лицо, глаза, рот)». При рассмотрении шести основных эмоций, в плане их зафиксированности в пласте фразеологии современного английского языка, то на лидирующих местах находятся такие эмоции, как *grief* и *surprise*.

В итоге были получены обширные данные по лексическим способам вербализации эмоций. Из всего множества данных непосредственно к анализу были привлечены слова, так или иначе связанные с функционированием организма, включая упоминание частей тела, состояние организма и слова, связанные с температурой и цветом.

Если говорить о частях тела, то самым «выразительным» оказывается лицо. *Удивление* лучше всего передается глазами, а *страх* – туловищем и конечностями. Для передачи эмоции *презрения* у англоговорящих ведущей частью тела являются конечности. При описании состояния *гнева* существенно упоминание слез и пота. Особый интерес для нас представляли слова, которые связаны с изменением температуры тела и цвета кожи. Заметим, что оба показателя напрямую связаны с движением крови. Известно, что гнев вызывает прилив крови и, как следствие, резкое повышение температуры, а страх – напротив, отток крови, слабость и понижение температуры тела. Движение крови приводит не только к колебаниям температуры, но и к изменению цвета кожи. «Горячие» эмоции по преимуществу сочетаются с цветами, которые принято считать «теплыми». Человек, охваченный чувством гнева, имеет повышенную температуру тела, проявляющуюся в общем ощущении тепла.

Описание вербальных знаков, выступающих в качестве носителей определенных концептов культуры, выявление универсальных свойств и этнических особенностей имеет большое теоретическое и прикладное значение для выявления сущности генерирования, развития и функционирования эмоциональной стороны языковой картины мира.

Литература:

1. Падучева, Е. В. Феномен Анны Вежбицкой [Текст] / Е. В. Падучева // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
2. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – СПб., 2002.
3. Чернец, О. Я. Проблемы эмотивности и коннотации [Текст] / О. Я. Чернец // Некоторые вопросы общего и частного языкознания. Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск, 2001.
4. Шаховский, В. И. Эмоции и коммуникативное пространство языка [Текст] / В. И. Шаховский // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003.
5. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю [Текст] / А. Д. Шмелев // Языки славянской культуры. – М., 2002.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

БАРЬЕРЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. В. Бершадская, Л. Ю. Айснер

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»
(Красноярск)*

INDIVIDUAL BARRIERS TO CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

S. V. Bershadskaia, L. Yu. Aisner

Summary. The objective of this article is to consider cross-cultural communication as a process of transfer and perceiving of information and barriers to cross-cultural communication. The article makes special reference to cultural background that affects our personal ability to communicate with others.

Key words. Cross-cultural communication, individual, society, barriers

As society becomes more globally connected the ability to maintain cross-cultural communication has gained increasing importance. Without the desire and ability to communicate and understand each other, there would be complete disorder and confusion. If we look at the communicative process as a process of transfer and perceiving of information, it is obvious that there are many points in the process where the communicative process can easily go wrong and even collapse. Being able to maintain cross-cultural communication is a key skill for lots of people.

Communication is necessary for us to express ourselves, to transfer our ideas and knowledge and to fulfill our basic needs. Communicative process begins with input when the first participant of the process says something that is perceived by another participant. The process becomes successful in case this “another” finds ways to display that he or she comprehends what is/was being communicated.

Successful communicative process leads to a continuous transfer of information. This dialogue becomes an opportunity for the participants to ask questions and get answers in case the transfer of information is not blocked. The dialogue is an opportunity to reduce or even eliminate any misunderstanding. Thus, successful communicative process assumes time and efforts and as all communication is cultural and interactive, so our interrelation with others is of uppermost importance for its efficacy.

Each individual makes quite different meaning of the world, his or her place in it, and his or her relationships with others. When individuals are able to exchange ideas and communicate in an open society everyone benefits. The same holds true not only for human beings but for organizations, businesses, governments, and countries. In an open society the ability to communicate and to communicate effectively can be a real challenge. The challenge is that even with all the good will,

failure to communicate adequately is likely to occur, especially when there exist essential cultural differences between those who participate in a communicative process which block information transfer. Communicative collapse may lead to conflict, or intensify existing conflict.

In the process of cross-cultural communication even in the case when the participants of communicative process share a common language, communication can go wrong and misunderstandings due to ethic and cultural differences are likely to happen. Successful communication in general and cross-cultural communication in particular depends crucially on the desire and the ability of the participants of the communicative process to understand ethic and cultural differences and on their desire and ability to come to the common ground. "Communication that is based on cultural understanding is more apt to prevent misunderstandings caused by personal biases and prejudices." [1] Since each culture has its own set of values individuals tend to regard the values of their own culture as absolute ones.

Cross-cultural communication research frequently focuses on understanding how our personal ability to communicate with others is affected by individual cultural differences. Our personal cultural background influences the way we become aware of the actions of others. "Since most individuals grow up within a single culture the necessity to maintain communication with others from a different culture or background can represent a challenge. Individuals that have experienced different cultures are more cognizant of how to alter their communication style so that others understand the information they are trying to transfer." [2]

There exist a vast majority of individual barriers to cross-cultural communication. Time is among those factors that affect cross-cultural communication to the degree that information transfer is blocked. Attitude of the participants of the communicative process towards time is one of the most central differences that separate the participants. In Western cultures, time tends to be seen as measured in units and reflects progressive development. Time is logical, it moves from past through present toward future. This linear approach could be called monochronic. Thus, for the participants of the communicative process with Western cultural background one conversation in a moment is considered to be appropriate. Conversations when participants speak simultaneously are characteristic for Eastern cultures which favour polychronic attitude toward time. In Eastern cultures, time tends to be seen as unlimited continuity, the universe is unlimited continuity and human beings continue through it and thus they may attend many things happening at once – many conversations in a moment are quite appropriate. Therefore differences over time perception dramatically affect communicative process or conflict-resolution process.

Another important factor which affects cross-cultural communication, which is important for understanding the roots of cultural conflict and which is closely connected with the previous one is individual responsibility. The way and the degree to which we understand things and ideas, we see ourselves and others are affected

by an individual moral obligation to behave correctly in respect of other individuals.

Cross-cultural communication depends on a communicative situation in which the communication is set. Even for the participants of the communicative process of the same cultural background it is difficult to understand the communicative situation identically. The ways to overcome individual barriers to cross-cultural communication depend on the degree of information the participants of the communicative process share in common.

Another important cross-cultural factor relates to authority. Maintaining authority, which includes power and status, is important across cultures though ways to do it differ as different are the views on the distribution of authority in different societies.

Verbal and non-verbal behaviour is a further barrier to cross-cultural communication, as the participants of cross-cultural communicative process attribute different degrees of significance to this. Verbal factor of cross-cultural communication is the use of different languages. Non-verbal factor of cross-cultural communication varies from culture to culture though some elements of non-verbal behaviour are consistent across cultures. “Even though some facial expressions may be similar across cultures, their interpretations remain culture-specific. It is important to understand something about cultural starting-points and values in order to interpret emotions expressed in cross-cultural interactions.” [1]

Each of the above mentioned individual barriers to cross-cultural communication are much more intricate than it is possible to impart. Each of them affects the communicative process and even leads to miscommunication. Since each culture favours its own set of values working to understand those values and ways of communication across cultures and applying understandings would promote relationship in spite of differences and barriers.

Литература:

1. Lowell, C. Matthews and Bharat S. Thakkar. The Impact of Globalization on Cross-Cultural Communication / C. Lowell Matthews and Bharat S. Thakkar. – Режим доступа: <http://www.intechopen.com/books/globalization-education-and-management-agendas/the-impact-of-globalization-on-cross-cultural-communication#B17> (дата обращения: 06.06.2016).

2. Michelle, LeBaron. Cross-Cultural Communication / Michelle LeBaron. – Режим доступа: <http://www.beyondintractability.org/contributors/michelle-lebaron> (дата обращения: 07.06.2016).

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СМОЛЕНСКОГО КРАЯ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЯМИ СТОЛИЦЫ

Н. В. Бубнова

*ФГК ВОУ ВО «Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооружённых Сил Российской Федерации
имени Маршала Советского Союза А.М.Василевского» (Смоленск)*

HISTORICAL AND CULTURAL SPACE OF THE SMOLENSK REGION IN THE PERCEPTION OF THE RESIDENTS OF THE CAPITAL

N. V. Bubnova

Summary. This article describes the features of associative and cultural background of the toponym Smolensk region in his perception of the students of Moscow universities. Proposed in the work approach can be used to study cognitive capacity of other regional capital onyms, with a view to objective descriptions of national cultural space (in particular, onomastic space).

Исследование историко-культурного пространства регионов представляет собой одно из наиболее актуальных и востребованных направлений современной междисциплинарной гуманитарной науки. Именно в регионах, главным образом, сохранена национально-культурная специфика народоносителя языка, особый интерес к изучению и описанию которой значительно возрос на фоне стремительных общеглобалистских процессов начала XXI века.

Смоленский край с его более чем тысячелетней историей занимает особое место в общенациональном историко-культурном пространстве. Для того чтобы доказать / опровергнуть данное суждение, нами был проведён масштабный ассоциативный эксперимент, целью которого стало выявление ассоциативно-культурного фона (далее АКФ) [2, с. 166] топонима *Смоленщина* в его восприятии студентами разнопрофильных московских вузов (общее количество респондентов – 826). Вначале испытуемые заполняли анонимную анкету, затем в течение одной минуты записывали любые ассоциации на стимул *Смоленщина*.

Полученный материал был обработан посредством создания электронной Базы данных, включающей 1140 реакций (3101 употребление). К числу наиболее частотных (с индексом частотности (далее ИЧ) ≥ 50) относятся семь реакций (для каждой реакции в скобках указан ИЧ; здесь и далее графическое оформление ответов респондентами полностью сохранено): *Смоленск* (136); *город* (107); *смола* (84); *деревня* (82); *война, город-герой* (по 67); *Россия* (56).

В целом полученный нами материал (от самых частотных до единичных реакций) был классифицирован по разным основаниям. Так, в частности, с точки зрения когнитивного статуса, мы выделяем общезначимые, индивиду-

альные реакции (типа *бывший молодой человек, хорошие выходные*; 76 реакций; 6,6 %) и реакции с неясной мотивационной основой (типа *кукла Барби, медведи на велосипеде*; 69 реакций; 6 %).

Из числа общезначимых реакций мы выделяем следующие типы (для каждой группы указано количество реакций / употреблений):

1) информативные (825 / 2671; 72 %);

2) оценочные, выражающие так положительную, как и отрицательную коннотацию (80 / 120; 7 %);

3) формальные, основанные на звуковом сходстве, например: *деревенщина, обломовщина* и т. п. (41 / 73; 3,5 %);

4) ошибочные (34 / 47; 2,9 %);

5) «пустые», типа *нет ассоциаций, неизвестно* и т. п. (15 / 18; 1,3 %).

Как видим, абсолютное большинство реакций являются информативными для описания АКФ топонима *Смоленщина*. При анализе материала было выявлено, что информативные реакции могут быть представлены в виде 25 смысловых групп. Первые десять групп описаны нами в статье для журнала «Язык и культура», которая в настоящее время находится в печати; в данной работе приведём состав тематических групп с 11 по 25 (без нумерации групп; в скобках для каждой группы указано количество формирующих её реакций / количество употреблений; группы расположены по убыванию общего количества повторяющихся реакций):

Реакции, называющие / характеризующие жителей Смоленского края (33 / 71): человек 21; бабушка 9; народ 5; житель 3; жители Смоленска, население, простые люди, старики 2; бурановские бабушки; великие люди; где живут люди; горожане; есть люди; жители Смоленской области; знаменитые люди; люди, живущие в Смоленске; маленькое население; местные жители; мужики; народ, освобождавший от немцев; небольшое население; общество; объединение людей; пожилые люди; приезжие; простой народ; простонародье; рабочие люди; рабочий; смолянка; странные люди; человек с деревни; человек, живущий в Смоленске 1.

Реакции, называющие продукты питания (33 / 53):

1. Продукты, которые производятся на Смоленщине 13 / 23:

1.1. *Масло 8; молочная продукция 2* (в т.ч. *молочка 1*); *молоко, сгущёнка, сливочное масло, Смоленское масло 1.*

1.2. *Хлеб 3; печенье, пряник, сушки, хлебобулочные изделия 1.*

1.3. *Колбаса, смоленская колбаса 1.*

2. Другие 18 / 30 (состав данных реакций приводить не будем, поскольку они не релевантны для описания АКФ топонима *Смоленщина*).

Реакции-имена известных людей, связанных со Смоленским краем (24 / 52):

1. Великие люди, родившиеся на Смоленской земле 5 / 13: *Гагарин 5* (*Юрий Гагарин 1*), *Твардовский 4; Глинка 2; П.Нахимов, Фёдор Конь 1.*

2. Политические и общественные деятели, связанные со Смоленщиной (в том числе однократно / многократно посещавшие её) **11 / 23**: *Иван Грозный 7; Ленин 4; Волков, Лжедмитрий, Мстислав (Мстислав Великий), Сталин 2; Алексей Романов, Екатерина II, Павлов Е. А., Пётр I 1.*

3. Воеводы и полководцы, служившие на Смоленской земле **2 / 7**: *Кутузов 6; воевода Шейн 1.*

4. Имена литераторов, ассоциируемых со Смоленщиной по их произведениям **4 / 6**: *Симонов, Толстой Л. Н. 2; Гоголь Н. В., Некрасов 1.*

5. Имена, имеющие связь со Смоленщиной только по названию местных урбанонимов **2 / 3**: *Пушкин 2; Зоя Космодемьянская 1.*

Реакции, отражающие самобытность Смоленского края и его культуры (30 / 42):

1. Особенности языка **8 / 14**: *говор 4; акцент, диалект, язык 2; «смесь рязанского с нижегородским», диалектизм, диалектология, просторечие 1.*

2. Особенности культуры и образа жизни смолян **22 / 28**:

2.1. *Культура Смоленщины, смоленские песни 3; культурный центр Руси, рок-фестиваль «Сафоний» 2; архитектура Смоленщины, культура, культурный центр России, культурное наследие, литература Смоленщины, смоленское искусство 1.*

2.2. *Колорит, менталитет; образ жизни, свойственный жителям г. Смоленска; обычаи народа Смоленска, патриархальная самобытность, поведение самобытное, простой быт, самобытность, смоленские нравы, староверие, этнический (самобытный), этнографически интересное место 1.*

Реакции, описывающие связь Смоленской земли и других государств (административных территорий) (20 / 40):

1. Монгольская империя **3 / 3**: *монголо-татарское иго, монгольское иго, татаро-монгольское иго 1.*

2. Польские земли **14 / 34**:

2.1. *Польша 9; Речь Посполитая 4; Катынь, поляки 3; интервенция, смута 2; заговор (смута), принадлежал Речи Посполитой, смутное время 1.*

2.2. *Авиакатастрофа 3; крушение самолёта 2; авиакатастрофа с Лехом Качинским; авиакатастрофа с польским президентом; самолёт Леха Качинского, который потерпел крушение под Смоленском 1.*

3. Литовские земли **1 / 1**: *княжество Литовское 1.*

4. Украинские земли **1 / 1**: *Украина 1.*

5. Реакция, безотносительная к конкретной территории **1 / 1**: *иноземный писец 1.*

Реакции-названия «смоленских» объектов Москвы и России (13 / 40):

1. «Смоленские» объекты столицы **9 / 34**: *станция метро 8; площадь 7; вокзал 6; Смоленская площадь 4; слобода 3; метро, Смоленский вокзал 2; метро «Смоленская», пассаж 1.*

2. Подводный крейсер «Смоленск» **4 / 6**: *корабль 3; военная база, военная часть, военно-морская база 1.*

Реакции, называющие времена года и явления природы (14 / 32):

1. Реакции, показательные для Смоленщины **2 / 6**: *дождь 3; пасмурно 3* (в т. ч. *пасмурный 1*).

2. Другие реакции **12 / 26** (состав данных реакций также опустим, т. к. они малоинформативны для описания АКФ топонима *Смоленщина*).

Реакции-названия общественных учреждений и организаций Смоленщины (23 / 30):

1. Производственные предприятия **8 / 14**: *завод 4; производство, работа (производственная) 2; авиационный завод, атомная станция, заводы с редким производством, лён, промышленность 1*.

2. Учебные заведения **5 / 6**: *СмолГУ 2; мед. вуз, медицинский университет, мед. университет, Смоленский военный университет 1*.

3. Магазины **3 / 3**: *Базар на Колхозке, магазины, Юнона 1*.

4. Оздоровительные учреждения **2 / 2**: *Областная больница, оздоровительные комплексы 1*.

5. Другие **5 / 5**: *аэродром, зелёный вокзал, клуб «GOLD», Рославльский конслатер; Смоленский банк, который лишили лицензии*.

Реакции, связанные с селом Смоленщина Иркутской области (9 / 18): *Иркутск 7; Иркутская область 3; село в Иркутской области 2; Бечаснов, Култукский тракт (М55), на берегу реки Иркут село в Иркутском районе, Сибирь, поселение в Иркутской области 1*.

Реакции-названия административных центров Смоленской области (7 / 17): *Вязьма 7; Ярцево 3; Красный, Рославль 2; Гагарин (город, родина Ю.Гагарина), г. Гагарин, Сафоново 1*.

Реакции, характеризующие отражение Смоленского края в литературе и культуре (15 / 16):

1. *«Война и мир» 2; Василий Тёркин, военная поэзия, древнерусское произведение, исторический Тёркин, книга «Война и мир», «Кому на Руси жить хорошо?», литературное произведение, роман Толстого «Пётр Первый», художественная литература 1*.

2. *Кино, киновед, телепередача (фильм), фильмы документальные 1*.

3. *Название газеты 1*.

Реакции, называющие и описывающие городские объекты / реалии административного центра (11 / 16):

1. *Площадь Победы 3; какая-то часть города, парк 1*.

2. *Улица 2* (в т.ч. *улучки*); *название улицы, тропинки (узкие улицы), ул. Ленина 1*.

2.1. *Машина 3; ВАЗ, дешёвые маршрутки, трамваи 1*.

Реакции-названия смоленской команды КВН (7 / 11): *команда КВН «Триод и Диод» 3; КВН, команда КВН 2; команда, команда «Триод и Диод», команда КВН из Смоленска, «Триод и Диод» 1*.

Реакции, представляющие собой языковые характеристики стимула (10 / 10): *грубое слово; если в шутку, то это слово напоминает название*

подсолнечного масла)))»; *классный слог ШЦИ*; *название, слово общего рода, слово, странное слово, суффикс; честно говоря, слово странное; языкознание 1.*

Реакции-названия населённых пунктов Смоленщины (9 / 9):

1. *Богородицкое, Жорновка, Козино, Мерлино, Селифоново, Смокино, Смолюково, Хмелита 1.*

2. *Деревня, расположенная рядом с г. Смоленском (точно название не помню) 1.*

В результате анализа материалов эксперимента нами были сделаны следующие выводы:

1. Топоним *Смоленщина* входит в состав фоновых знаний культурного наследия (термин Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова) языковой личности начала XXI века на общенациональном уровне.

2. С точки зрения информативной ценности, полученные реакции могут быть отнесены к одному из двух типов: 1) реакции, информативные для описания АКФ топонима *Смоленщина* и языковой личности респондентов; 2) реакции, характеризующие только коллективный речевой портрет испытуемых.

3. К группам реакций, характеризующих коллективный речевой портрет испытуемых, относятся индивидуальные реакции и реакции с неопределённой мотивационной основой, а также оценочные, формальные, ошибочные и «пустые» реакции. Индивидуальные реакции можно назвать реакциями дискурсивного типа, поскольку они воспроизводят целый фрагмент картины мира респондентов о Смоленщине, в основе формирования которого лежат личные эмоционально значимые события и впечатления. Реакции с неопределённой мотивирующей основой определяются ассоциативными связями, актуальными для конкретной языковой личности и не понятными для других. Ошибочные и «пустые» реакции являются показателем незнания респондентами состава АКФ топонима *Смоленщина*, а оценочные и формальные реакции отражают отношение респондентов к заданному стимулу.

4. Из числа информативных реакций не имеют отношения к Смоленской земле только реакции, связанные с селом Смоленское Иркутской области: считают, что в названии выражено занятие населения этого села смолокурением (в прошлом). Здесь жили смоляги – люди, занимающиеся варкой смолы, и местность называлась Смоляга, а затем – Смоленщина. Но в исторических источниках встречается имя ссыльного Митки Смоленского, сосланного в Иркутский острог в 70–х гг. XVII в. На карте С. Ремезова значится зимовье Смоленских. Он, возможно, был смолягом и основал Смоленщину [3]. Интересно, что со словом *смола* некоторые исследователи связывают и этимологию Смоленска как центра Смоленского края. Так, в частности, в крупнейшем этимологическом словаре М. Фасмера отмечено, что от слова *смола* «произведён др.-русс. гидроним *Смольня*, откуда название города *Смоленск*, др.-русс. *Смольньскъ* <...> назван так потому, что там смолили суда» [4, с. 690].

Кроме того, территориально не принадлежат Смоленскому краю названия «смоленских» объектов Москвы и России. Приведение респондентами в качестве реакций наименований «смоленских» объектов Москвы объясняется тем, что участниками эксперимента стали студенты московских вузов. Каждое такое наименование имеет своё происхождение, что подробно описано нами [см. 1]. Также респондентами было приведено наименование атомного подводного крейсера «Смоленск», спущенного на воду в начале 1990 г. и получившего своё название в 1993 г. в честь города-героя Смоленска. В целом выявление и описание «смоленских» объектов других городов способствует «расширению географии» смоленских имён и определению роли Смоленского края в истории России.

5. Абсолютное большинство полученных реакций являются информативными; это свидетельствует о том, что значительная часть смоленских региональных фоновых знаний принадлежит общенациональному уровню, образуя значимую часть национального культурного пространства.

Информативные для описания АКФ топонима *Смоленщина* реакции называют имена, объекты, реалии и характеристики, так или иначе связанные со Смоленским краем и позволяющие эксплицировать большой объём историко-культурологической информации, обогащающей состав АКФ исследуемого онима. Ввиду необходимости соблюдения объёма публикации и требований к жанру научной статьи, эта многоплановая информация (а также некоторые комментарии к классификации) не представлены в тексте настоящей работы. В перспективе эта информация может найти отражение в различных антропоориентированных словарях (краеведческих, лингвокультурологических, ассоциативных).

Литература:

1. Бубнова, Н. В. «Смоленский» ономастический компонент Национального корпуса русского языка / Н. В. Бубнова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров: ВятГГУ, 2014. – № 10. – 226 с. – С. 123–132.
2. Максимчук, Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х частях. – Часть 1 / Н. А. Максимчук. – Смоленск: СГПУ, 2002. – 184 с.
3. Мельхеев, М. Н. Географические названия Восточной Сибири (1969) / М. Н. Мельхеев. – Режим доступа: [http:// mirknig.com](http://mirknig.com) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. – Т. 3. (Муза – Сят) / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.

ВИДЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СЛОВЕСНО-ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В АФРО-АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Н. В. Дронякина

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
(Ялта)*

KINDS OF ETHNIC AND CULTURAL VERBAL POETIC IMAGES IN THE TEXTS OF AFRICAN AMERICAN POETRY

N. V. Dronyakina

Summary. This article highlights the linguistic and cognitive aspects of forming the endostereotypical verbal poetic images in the texts of Afro-American poetry. It is revealed that the stereotypical schemas underlie the endostereotypical verbal poetic images and reflect the ethnic peculiarities of conceptualization of the world's picture.

Key words: stereotype, endostereotyped, exostereotyped verbal poetic images, conceptual metaphor.

Долгое время американскую культуру определяли как плавильный котел наций, в котором растворяются самобытность, ценности, достижения разных этносов, стирается культурная разница между общностями [4; 7, с. 14]. Тем не менее афро-американская художественная проза, особенно поэзия, свидетельствуют о стремлении темнокожего этноса выразить свою неповторимость, колоритность, доказать свое право на этническую самобытность, свою значимость в американском обществе, быть достойным уважения и права внести вклад в обогащение общенациональной культуры. Получение афро-американскими поэтами нобелевских и пулицерских премий по литературе служит доказательством официального признания темнокожего этноса. Их поэзия изобилует мифопоэтическими образами, воплощающие активированные в этносознании архетипы коллективного бессознательного, хранящие память афро-американского народа о своем культурно-историческом прошлом [8, с. 37; 11, с. 103].

Афро-американская поэзия представляет собой часть литературно-культурного наследия США. Начало и традицию афро-американской литературы США было заложено рассказами рабов-беглецов о своей судьбе [9, с. 2; 12, с. 31]. Поэтому в ней содержится так называемая «эстетическая хроника» расовой борьбы, отражающая коллективный опыт афро-американского этноса [10, с. 1]. Афро-американские поэты экспериментируют с формами стихотворных текстов, а также способами кодирования значимой информации [6, с. 38–40]. Тексты афро-американской поэзии основываются на ритмико-музыкальной традиции темнокожего населения [8, с. 32]. Они выступают некой тканью, в которую вплетён опыт афро-американского этноса. Поэтому

каждый языковой знак как нитка в полотне содержит культурно значимую информацию и становится неотъемлемой частью семиотического пространства американской культуры [13, с. 44].

Интерпретационно-текстовый анализ словесно-поэтических образов афро-американской поэзии позволил выявить этноспецифические словесно-поэтические образы, в которых стереотипизированы этнокультурные представления о темнокожем и белом человеке, характере их взаимоотношений в обществе. Так, например, в словесно-поэтическом образе: «*You made me a scapegoat, / one black man against the mistah massa race*» (Ai ESEAА, 247), – выражены оценки людей, принадлежащих к разным расам (белой и черной). Номинативная единица *the mistah massa race* передает этнокультурное стереотипное представление афро-американского этноса о социальном статусе белого человека – *раса господ*. Негативная оценка белой расы, сложившаяся в сознании темнокожего населения в результате культурно-исторического развития американского общества, усиливается в текстах благодаря использованию смысла библеизма *козел отпущения*, объективированного номинативной единицей *You made me a scapegoat*.

Развивая взгляды Л. И. Белеховой на стереотипные словесно-поэтические образы [1, с. 322–337], предлагаем дальнейшую классификацию стереотипных словесно-поэтических образов на материале афро-американской поэзии. В контексте нашего исследования культурно-специфические стереотипные словесно-поэтические образы подразделяются на *эндостереотипные* и *экзостереотипные*, отображающие этнокультурное осмысление человека, его оценку, социальный статус и роль в мире.

Эндостереотипные словесно-поэтические образы трактуем как такие, в которых отображено представление темнокожего человека о своём этносе и его оценка. Так, например, в словесно-поэтическом образе: «*I am a victim of the white press, / but I have the antidote for all your poison*» (Ai SP, 246), – лексическая единица *victim* (*жертва*) отображает стереотипное представление афро-американского сообщества о своём социальном положении в американском обществе. Вместо прямой номинации американских журналистов белой расы используется метонимия *the white press*. Негативная коннотация достигается за счёт антонимической ассоциации единиц *victim* (*жертва*), *poison* (*яд*) с единицами со значением «агрессор», действия которого направлены на унижение и полное уничтожение темнокожего человека. Смысловым ядром анализируемого примера выступает культурема «противостояние», объективированная номинативной единицей *the antidote for all your poison*. Культурно нагруженным выступает слово *antidote*, смысл которого заключается в способности темнокожего этноса противостоять американской масс-медии. Реконструкция концептуальных метафор, лежащих в основе этого образа: **АМЕРИКАНСКАЯ МАСС-МЕДИА – ЭТО ОТРАВА, АФРО-АМЕРИКАНЕЦ – ЭТО УГНЕТЕНИЕ**, способствует вычленению смысла анализируемого словесно-поэтического образа.

Экзостереотипными словесно-поэтическими образами называем образы, в которых отображены представления белого человека о представителях темнокожей расы и их оценка. Спектр этнокультурных смыслов может быть выявлен путем анализа поэтических текстов, написанных поэтами англосаксонской культуры.

В основе экзостереотипных словесно-поэтических образов лежит этнокультурема «взгляд человека белой расы» (термин С. Клоуз – «white gaze» [10, с. 332]), выполняющая функцию «фильтра», через который часто рассматриваются поступки, убеждения и особенности афро-американцев. «Взгляд человека белой расы» служит средством толкования поступков афро-американцев белым читателем и демонстрирует социальную «мертвую зону», которая позволяет белым американцам считать себя прогрессивными [там же].

В русле когнитивной теории образности словесно-поэтический образ толкуется как лингвокогнитивный конструкт, инкорпорирующий три стороны: передконцептуальную, концептуальную и вербальную. Так, на концептуальном уровне стереотипные словесно-поэтические образы построены на концептуальных схемах, совпадающих с выявленными и обобщенными Дж. Лакоффом и М. Тернером схемами в виде «Великой цепи Бытия» (The Great Chain of Being) в их работе «More Than Cool Reason» [16]. «Великая цепь Бытия» служит универсальным культурным кодом, который корнями уходит в античность и включает набор базовых концептуальных метафор, посредством которых осмысливается бытие.

Концептуальный анализ эндостереотипных словесно-поэтических образов в афро-американской поэзии выявил диапазон и спектр метафор. Спектр концептуальных метафор, посредством которых формируется впечатление о темнокожем американце, включает группу метафор, в которых референт (ТЕМНОКОЖИЙ АМЕРИКАНЕЦ / BLACK AMERICAN) осмысливается в терминах разных коррелятов (доменов, актуализирующих в текстах сферы физической, интеллектуальной деятельности, эмоций и чувств, места обитания). В качестве референтов концепта АФРО-АМЕРИКАНЕЦ / BLACK AMERICAN выступают домены, единицы которых служат результатом метонимической проекции части на целое. Иными словами, в качестве референта, под которым подразумевают афро-американца, выступают глаза, цвет кожи, тело, сердце. Таким образом, диапазон метафор, описывающих темнокожего человека, не слишком широк, в отличие от спектра.

В текстах афро-американской поэзии стереотипными выступают словесно-поэтические образы, характеризующие особенности внешнего облика темнокожего человека, выраженные номинативными единицами *black, Negro, nigger, dark, tan, colored, brown, spider, dusky folk, chocolate, pools of ink*. Общим семантическим компонентом приведённых выше единиц для обозначения цвета кожи афро-американца выступает колоратив *dark – темный* [17],

обретая стереотипность в текстах афро-американской поэзии в виде словосочетания: «*nation of darkness*» (Clifton SP, 158).

Специфика афро-американской поэзии проявляется в стереотипном осмыслении одного и того же понятия о темнокожем человеке, выраженного разными лексическими единицами. Выясним характер воплощения концептуальных метафор в текстах афро-американской поэзии. Поскольку объём статьи ограничен, приведём лишь примеры на один домен.

Домен «**Физическая сфера**». В эндостереотипных словесно-поэтических образах: «*She is **Black** and glossy like **coal***» (Brooks SP, 46), «*spider people*», – лексические единицы *coal* – уголь и *spider* – паук выступают метафорами с семантическим компонентом *чёрный*. Архетипный анализ номинативной единицы *spider* позволяют говорить о наличии более глубокого смысла в эндостереотипном словесно-поэтическом образе: «*spider people*». В мифах африканского народа паук представлен как творец вселенной, темнокожих людей в том числе [5, с. 128–130; 19, с. 411]. Такая информация позволяет утверждать о том, что в анализируемом примере афро-американский этнос иносказательно представлен как народ с африканскими корнями. Частое употребление в текстах афро-американской поэзии лексемы *spider* со значением «африканский народ» свидетельствует о наличии лингвокультурного процесса **интерполяции** – перенесения архетипного образа африканской культуры в афро-американскую поэзию [3, с. 151]. Так, например, в словесно-поэтическом образе: «*How still the **spiderless** city*» (Sanchez ESEAA, 110) – «какой всё ещё спокойный беспаяковый город», – культурный архетип АРАХНА активизируется символом африканского происхождения, выраженного зоонимом *spider* – паук, который объективирует мифологему «сотворение мира» [19; 21]. Нарушение лексической валетности, реализуемое сочетанием суффикса *-less* с лексемой *spider*, отображает этнокультурное видение той местности, в которой живет афро-американец: без паука, т. е. африканского Бога-творца, праотца. Номинативная единица *spiderless city* характеризует США как страну, в которой отсутствуют верования, почтения Бога по африканским традициям. Концептуальными импликациями архетипного символа, вербализированного номинативной единицей *spiderless city*, оказываются смыслы: *чужой, неродной, враждебный*.

Образ непривлекательного человека выражен метафорами: «*black pudding*», «*dark meat*», «*brown bread*», «*nursing the tough skins of figs*». Колоративы *black, dark, brown, the tough skins of figs* эксплицируют атрибутивные характеристики, приписываемые афро-американцам. Пейоративные значения «*непривлекательность*», «*низкий сорт*», «*некачественное производство*», актуализируемые колоративами, выступают семантическими составляющими переосмысленных универсальных гастронимов *pudding* (традиционно светлый), *meat* (оттенок цвета свидетельствует о качестве продукта), *bread* (цвет соответствует сорту), *figs* (сморщенность шкуры по природе). Основой приведённых выше словесно-поэтических образов лежат концептуальные мета-

форы *ТЕМНОКОЖИЙ ЧЕЛОВЕК – ЭТО НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ТОВАР, ОБЪЕКТ*.

В метафорическом словесно-поэтическом образе: «*You wet brown bag of a woman*» (Clifton SP, 150), – темнокожий человек уподобляется промышленному коричневому бумажному пакету для упаковывания низкого по качеству товара. В рассматриваемом примере прилагательное *wet* содержит подтекстовую информацию: непригодность темнокожего человека для общества, испорченность, объект утилизации. Считаем, что основой приведённого выше словесно-поэтического образа является концептуальная метафора *ТЕМНОКОЖИЙ ЧЕЛОВЕК – ЭТО НЕПРИГОДНОСТЬ, НЕНУЖНОСТЬ* для общества.

Поскольку внешность темнокожего человека приметна, то его кожа осмысливается через разные сферы человеческой жизни. Ограниченные возможности темнокожего этноса обусловлены цветом его кожи, свойства которой переосмысливаются в словесно-поэтическом образе: «*your skin is your passport*» (Komunyakaа NV, 14), – в основе которого лежит концептуальная метафора *КОЖА – ЭТО ДОКУМЕНТ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ*

Таким образом, в стереотипных словесно-поэтических образах в афро-американской поэзии этнокультурные смыслы отображают колоритное, своеобразное видение темнокожего и белого человека. Распространенным эндостереотипным словесно-поэтическим образом выступает тот, что отображает цвет кожи этноса – черный. Но в сознании афро-американского народа этот цвет имеет позитивную коннотацию, поскольку истоками восходит к мифопоэтическому осознанию значения главного африканского символа паука как творца мира, бога. Более того, ночь как темное время суток тоже наделена позитивными характеристиками: ночь как время зарождения новой жизни, размышлений, защита от опасности благодаря слиянию с темнотой и т. д.

Лингвокогнитивный анализ словесно-поэтических образов, описывающих темнокожего американца, выявил широкий спектр и узкий диапазон концептуальных метафор. Как оказалось, в основе эндостереотипных словесно-поэтических образов в текстах афро-американской поэзии лежат концептуальные схемы, отображающие симбиоз этнокультурных и мифопоэтических значений, приобретённое в течение истории становления американской нации представление и отголоски мифопоэтического сознания об иерархии людей в первобытном обществе.

Литература:

1. Белехова, Л. І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект: дис. ... доктора філол. наук: 10.02.04 / Белехова Лариса Іванівна. – К., 2002. – 516 с.
2. Белехова, Л. І. Глосарій з когнітивної поетики : науково-методичний посібник / Л. І. Белехова. – Херсон: Айлант, 2004. – 124 с.

3. Воробей, Н. В. Етнокультурна картина світу в афро-американській поезії: лінгвокогнітивний та лінгвокультурологічний аспекти: дис. канд. філол. наук: 10.02.04 / Воробей Надія Володимирівна. – Херсон, 2011. – 260 с.

4. Зверев, А. М. Модернизм в літературе США / А. М. Зверев. – М.: Наука, 1979. – 318 с.

5. Петрухин, В. Я. Мифы о сотворении мира / В. Я. Петрухин. – М.: Астрель: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 464 с.: ил. – (Мифы народов мира).

6. Стулов, Ю. Руйнування канону: афро-американська література в 1980–1990 рр. = Subverting the canon: African American fiction in the 1980 – 90's / Ю. Стулов // Американська література після середини ХХ століття: матеріали міжнар. конф. (Київ, 25–27 трав. 1999 р.). – К.: Довіра, 2000. – С. 52–64, (на англ. яз. – Р. 37–51).

7. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики / С. Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ : Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.

8. Bell, B. W. The Folk Roots of Contemporary Afro-American Poetry / B. W. Bell. – Detroit: BROADSIDE PRESS, 1974. – 80 p.

9. Brown, F. P. Performing the Word: African-American Poetry as Vernacular Culture / F. P. Brown. – New Brunswick; NJ: Rutgers University Press, 1999. – 174 p.

10. Close, S. Interrupting the «White Gaze»: A Noble Failure in Hemingway's Ethnic Characters / S. Close // 20th Century American Literature after Midcentury: International Conference Proceedings (Kyiv, 25–27 May, 1999) / The Public Affairs Section, Embassy of the United States of America in Kyiv, Taras Shevchenko Institute of Literature, National Academy of Sciences, Kyiv national Taras Shevchenko University, Institute of International Relations. – Kyiv: Dovira, 2000. – P. 322–328.

11. The Furious Flowering of African American Poetry / ed. by J. V. Gabbin. – Charlottesville: The University Press of Virginia, 1999. – 330 p.

12. Henderson, S. E. Understanding the New Black Poetry: Black Speech and Black Music as Poetic References / S. E. Henderson. – New York: William Morrow Company: Inc., 1973. – 394 p.

13. Johnson, E. P. Appropriating Blackness: Performance and the Politics of Authenticity / E. P. Johnson. – Durham: Duke University Press, 2003. – 384 p.

14. Joyce, J. A. Bantu, Nkodi, Ndungu, and Nganda: Language, Politics, Music, and Religion in African American Poetry / J. A. Joyce // The Furious Flowering of African American Poetry / ed. by Joanne V. Gabbin. – Charlottesville: The University Press of Virginia, 1999. – P. 99–117.

15. Kövecses, Z. The Scope of Metaphor / Z. Kövecses // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter. – 2000. – P. 79–93.

16. Lakoff, G. *More than Cool Reason: a field guide to poetic metaphor* / George Lakoff and Mark Turner. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

Справочники

17. Большой оксфордский толковый словарь английского языка: 45 000 слов и выражений / под ред. А. Делаханты и Ф. Макдональда. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – VIII, 807 с.

18. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

19. Полная энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. – 515 с. [5] с.: ил.

20. Селіванова, О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля–К, 2006. – 716 с.

21. Словарь символов и знаков / авт.-сост. В. В. Адамчик. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. – 240 с.

Источники иллюстративного материала

22. Ai SP – Ai. *Selected Poems* / Ai // *Every Shut Eye Ain't Asleep: An Anthology of Poetry by African Americans Since 1945* / ed. by: Michael S. Harper and Anthony Walton. – Boston: Little, Brown and Company, 1994. – P. 243–249.

23. Brooks SP – Brooks, G. *Selected Poems* / G. Brooks. – N.Y.: Harper Perennial, 1963. – 127 p.

24. Clifton SP – Clifton, L. *Selected Poems* / L. Clifton // *Every Shut Eye Ain't Asleep: An Anthology of Poetry by African Americans Since 1945* / ed. by: Michael S. Harper and Anthony Walton. – Boston: Little, Brown and Company, 1994. – P. 150–160.

25. Komunyakaa NV – Komunyakaa, Y. *Neon Vernacular: new and selected poems* / Y. Komunyakaa. – Hanover: University Press of New England, 1993. – 178 p.

26. Sanchez ESEAA – Sanchez, S. *Selected poems* / S. Sanchez // *Every Shut Eye Ain't Asleep: An Anthology of Poetry by African Americans Since 1945* / ed. by: Michael S. Harper and Anthony Walton. – Boston: Little, Brown and Company, 1994. – P. 102–110.

НАУЧНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНА «ЖЕЛЕЗО» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В. В. Ерёмин, Е. С. Ивлева

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

SCIENTIFIC AND LINGUOCULTURAL CHARACTERISTICS OF THE TERM «IRON» IN GERMAN

V. V. Eremin, E. S. Ivleva

Summary. The paper focuses on the conception «Iron» in German in different points of view. It is described in the beginning the etymology of the subject matter. On the basis of studying German-language texts are educed two characteristics for the use of the term «Iron»: scientific and linguocultural. The scientific characteristic includes physicochemical properties and medical value. The linguocultural characteristic comprises some sense group. Among these groups are toponyms, designation of professions and spheres of activities, phraseological locutions.

Железо является одним из самых известных и популярных материалов, широко используемых в самых разных сферах жизни людей. Люди научились получать его много тысячелетий назад, и с тех пор оно стало необходимым материалом, без которого уже невозможно представить себе огромное количество вещей.

В начале исследования мы решили выяснить историю появления самого слова в немецком языке, то есть его этимологию, а также его общеязыковое определение. Для этого мы обратились к словарю немецкого языка Duden, в котором приводится следующее определение: «*silberweißes, in feuchter Luft leicht rostendes Schwermetall (chemisches Element; Zeichen: Fe; vgl. Ferrum)*». В переводе на русский язык это означает: «серебристо-белый, легко подвергающийся коррозии на влажном воздухе тяжелый металл (химический элемент; символ: Fe; ср. Ferrum)» [3, с. 418].

Что касается этимологии слова «*das Eisen*», то по данным исследований Юлиуса Покорни оно представляет собой измененное со временем название древневерхнемецкого слова *ísarn*, которое было заимствовано из кельтского языка в форме *ísarnon* вследствие того, что именно кельты научили древних германцев обращаться с железом [2, с. 292].

Этимология названий железа на древних языках отражает, по сути, историю знакомства людей с этим металлом. Точно так же кельтское происхождение имеет и английское слово «*iron*», поскольку представители древних германских племен англов и саксов, переселившиеся в Британию, также научились у кельтов обращаться с железом. В обоих терминах отражены кельтские названия рек (*Isarno, Isarkos, Eisack*), которые затем трансформировались (*isarn, eisarn*) и превратились в *Eisen*. Существует, впрочем, и другая

точка зрения, что немецкое слово «das Eisen» образовано от кельтского *isara*, означающего «крепкий, сильный».

У славянских народов железо называется по «функциональному» признаку. Русское железо (южнославянское – зализо) имеет корень «лез» или «рез» (от слова «лезно» – лезвие). Такое словообразование прямо указывает на функцию предметов, изготовлявшихся из железа, – режущих инструментов и оружия. Приставка «же», по-видимому, является смягчением более древнего «зе» или «за»; она сохранилась в начальном виде в некоторых славянских языках. Так, в чешском языке это слово имеет форму «zelezo».

Ставшее международным, латинское название Ferrum принято у романских народов. Оно, вероятно, связано с греколатинским *fars* (быть твердым), которое происходит от санскритского *bhars* (твердеть). Возможно сопоставление и с *ferreus*, означающим "нечувствительный, непреклонный, крепкий, твердый, тяжкий", а также с *ferre* (носить).

Во всех языках, будь это латинский, славянские или германские языки, название «железо» произошло от слов, связанных с режущими и твердыми предметами, которые соответствуют характерным признакам железа.

Изучение немецкоязычных текстов позволило нам выявить две особенности употребления термина «das Eisen»: научную (химия, физика, медицина) и лингвокультурную.

Физико-химические свойства железа в немецкой научной традиции определяются следующим образом: «Das durchschnittliche Eisen-Atom hat etwa die 56-fache Masse eines Wasserstoff-Atoms. Der Atomkern des Eisenisotops ^{56}Fe weist einen der größten Massendefekte und damit eine der höchsten Bindungsenergien pro Nukleon aller Atomkerne auf. Deshalb wird es als Endstufe bei der Energieerzeugung durch Kernfusion in den Sternen betrachtet. Bei Raumtemperatur ist die allotrope Modifikation des reinen Eisens das Ferrit oder α -Eisen. Diese Modifikation weist ein kubisch raumzentriertes Kristallgitter auf, das unterhalb 911 °C vorliegt». В русском переводе данное определение звучит так: «Средний атом железа имеет примерно 56-кратную массу атома водорода. Ядро атома изотопа железа ^{56}Fe проявляет один из наибольших дефектов массы и, таким образом, одной из наибольших энергий соединения всех ядер атома на нуклон. Поэтому оно рассматривается как последняя ступень при выработке энергии в ходе синтеза ядер в звездах. При комнатной температуре аллотропной модификацией чистого железа является феррит или α -железо. Модификация проявляет кубическую объемно-центрированную кристаллическую решетку, существующую ниже 911 °C» [4].

Исходя из данного определения, можно выделить следующие *критерии* для описания физико-химических свойств железа: «die Masse» – масса, «die Temperatur» – температура, «das Kristallgitter» – кристаллическая решетка. Также можно отметить некоторые *особенности свойств* железа: «der Massendefekt» – дефект массы, «die Bindungsenergie» – энергия соединения, «die Modifikation» – модификация.

Значение железа в медицине представлено так: «Eisen ist ein essentielles Spurenelement für fast alle Lebewesen, vor allem für die Blutbildung. Im Körper liegt es oxidiert als Eisen(II) und Eisen(III) vor. Als Zentralatom des Kofaktors Häm in Hämoglobin und Myoglobin ist es bei vielen Tieren und beim Menschen für Sauerstofftransport und -speicherung verantwortlich. Weiter ist Eisen Bestandteil von Eisen-Schwefel-Komplexen in vielen Enzymen, beispielsweise Nitrogenasen, Hydrogenasen oder den Komplexen der Atmungskette. Als dritte wichtige Klasse der Eisenenzyme sind die so genannten Nicht-Häm-Eisenenzyme zu nennen, beispielsweise die Methan-Monooxygenase, Ribonukleotid-Reduktase und das Hämyerythrin. Diese Proteine nehmen in verschiedenen Organismen Aufgaben der Sauerstoffaktivierung, Sauerstofftransport, Redoxreaktionen und Hydrolysen wahr» [4].

На русский язык данное определение можно перевести следующим образом: «Железо является основным микроэлементом для всех живых существ, прежде всего для кроветворения. В теле оно присутствует в окисленном виде как железо(II) и железо (III). Будучи центральным атомом кофактора гемма в гемоглобине и миоглобине оно отвечает за доставку и хранение кислорода у многих животных и у человека. Кроме этого, железо является составной частью комплексного соединения железа и серы во многих ферментах, например в нитрогеназах или комплексных соединениях дыхательной цепи. В качестве третьего важного класса ферментов железа следует назвать так называемые ферменты железа, не содержащие гемма, например, метановый монооксигенезис, рибонуклеотидная редуктаза и гемеритрин. Данные белки выполняют в различных организмах задачи активизации кислорода, доставки кислорода, окислительно-восстановительной реакции и гидролиза».

По медицинским показаниям, если исходить из представленного выше определения, железо обладает следующими *характеристиками*: «das Spurenelement» – микроэлемент, «oxidiert» – в окисленном виде, «der Komplex» – комплексное соединение, «das Enzym» – фермент. Также можно отметить *функции железа* по медицинским представлениям: «die Blutbildung» – кроветворение, «der Sauerstofftransport» – доставка кислорода, «die Sauerstoffspeicherung» – хранение кислорода, «die Sauerstoffaktivierung» – активизация кислорода, «die Redoxreaktion» – окислительно-восстановительная реакция, «die Hydrolyse» – гидролиз.

Не будет преувеличением сказать, что железо, за столь длительное время его существования, стало частью культуры и истории народов, которые его традиционно используют в своей жизни. Немцев и русских по праву можно отнести к таким народам. Более того, есть целые регионы, которые ассоциируются с железом. В связи с этим вызывает интерес не только использование железа в жизнедеятельности конкретного народа, но также развитие и употребление самого слова. В ходе изучения лингвокультурных особенностей употребления слова мы выделили ряд групп.

Первая группа представляет собой **топонимы**. В Германии есть территория в Саксонии на границе с чешской Богемией под названием Erzgebirge (в русском переводе «Рудные Горы»). В федеральной земле Саар находится высокогорный район населенного пункта общины Хохфельден с названием Eisen (буквально «Железо»). Название восходит к 14–15 векам и связано с находившимися здесь залежами руды. В Баварии близ города Мемминген расположена деревня Eisenburg. Название этого населенного пункта объясняется его местоположением на горе, которая содержит железо, а также железосодержащие родники.

Ко второй группе можно отнести название **профессий и сфер деятельности**. В немецкой культуре с давних времен известна профессия «der Schmied» (кузнец). Поскольку в прежние времена лошадь служила основной вспомогательной рабочей силой и транспортным средством, то существовала отдельная специальность кузнеца для обслуживания животных: «der Hufschmied» или «der Beschlagschmied» (ковочный кузнец). Синонимом служит также слово «der Beschlagmeister». Существует еще диалектный вариант названию профессии кузнеца: «der Rußige», что буквально переводится как «человек, покрытый копотью». Сегодня актуальны следующие профессии, связанные с железом и обработкой металла: «der Metallgießer» (литейщик), «der Former» (формовщик). От названий профессий в немецком языке образуются, как правило, названия сфер деятельности: «die Schmiede» или «die Eisenschmiede» (кузница), «die Gießerei» (литейная), «die Formerei» (формовочный цех).

К третьей группе мы отнесли **фразеологические обороты**. Немецкий язык богат разными изречениями в виде пословиц и поговорок, в которых используется слово *железо*. Главным отличием пословицы от поговорки, если исходить из определений Толкового словаря русского языка под редакцией С. И. Ожегова, является то, что пословица всегда представляет собой законченное, самостоятельное предложение с назидательным содержанием. Поговорка же представляет собой краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания [1, с. 520, 558].

У каждого народа есть свои собственные пословицы и поговорки, которые составляют важную часть национального культурного наследия. Многие пословицы в русском и немецком языке имеют одинаковую суть, которая, однако, может передаваться совершенно разными словами ввиду того, что в основе пословицы лежат разные ассоциации. В связи с этим не у всех существующих пословиц имеются точные или близкие соответствия в двух языках, поскольку история развития каждого народа индивидуальна. Тем не менее пословица про железо звучит идентично как в русском, так и в немецком языках: «Man muss das Eisen schmieden, solange es heiss ist» – «Куй железо, пока горячо!». Очевидно, что в обоих языках эта пословица имеет один и тот же назидательный смысл – нужно доводить начатое дело до конца, если про-

медление сведет все старания на нет. Эффект данного назидания заключается в наглядном примере физико-химических свойств железа, в его способности подвергаться обработке только при поддержании определенной температуры.

Кроме пословицы, слово «das Eisen» (железо) представлено в ряде других фразеологических единиц, которые можно распределить на следующие *тематические группы*:

Конфликтные ситуации:

Bei jemandem auf **Eisen** beißen – встретить решительный отпор, потерпеть неудачу.

Miteinander im **Eisen** liegen – быть на ножах друг с другом.

Hauen wie kalt **Eisen** – нещадно бить, избивать кого-либо.

Гибель:

Am kalten **Eisen** stecken – погибнуть на плахе.

Физическая сила:

Von **Eisen** sein – обладать железным здоровьем, обладать железной волей.

Ограниченное время:

Ein **Eisen** im Feuer haben – торопиться выполнить какое-либо важное дело, иметь неотложное дело.

Инструменты, средства:

Mehrere **Eisen** im Feuer haben – иметь про запас несколько средств или возможностей для достижения цели (букв. Иметь несколько железных предметов в огне).

Zum alten **Eisen** werfen – вывести из употребления, выбросить на свалку, сдать в архив (букв. Бросить к старому железу).

Zum alten **Eisen** zählen (или gehören) – отжить свой век (букв. Относиться (или быть причисленным) к старому железу).

В заключение можно сказать, что термин «железо», будучи одним из древнейших слов в живых языках, прошло, пожалуй, вместе с людьми все этапы развития цивилизации. Сначала оно было тесно связано с ремесленным производством, затем с промышленностью. Параллельно на основе профессионального опыта и наблюдений сформировались научные знания о железе. Об этом свидетельствуют описанные нами физико-химические свойства и медицинские знания о железе. В то же время добыча, обработка железа и производство различных предметов из него оказало большое влияние на развитие различных сфер жизни людей, на традиции производства, которые нашли свое отражение в названиях профессий и мастерских. Еще один важный вывод, который следует из результатов нашего исследования, заключается в том, что через профессиональные традиции представления о железе проникли в культуру в широком смысле в виде устойчивых фразеологических единиц.

Литература:

1. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН.; Российский фонд культуры. – 3-е изд., стереотипное – М. : АЗЪ, 1996. – 928 с.
2. Pokorny, J. Herkunft und Etymologie des Wortes Eisen. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen / J. Pokorny. – 46. Bd., 3. H. (1914). Pp. 292–294.
3. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. u. bearb. Vom Wiss. Rat u.d. Mitarb. D. Dudenred. Unter Leitung von Günther Drosdowski. – 2., völlig neu bearb. u. stark. erw. Aufl. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 1989.
4. Die CHEMIE.DE Information Service GmbH – Online-Informationsanbieter für naturwissenschaftliche Online-Fachportale. – Режим доступа: <http://www.chemie.de/lexikon/Eisen.html#Eigenschaften> (дата обращения: 15.03.2016).

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. А. Золотарева

*ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры»
(Кемерово)*

PRECEDENTIAL FORMS OF SOCIO-CULTURAL INFORMATION TRANSMITTING IN THE CONTEXT OF INTER-CULTURAL COMMUNICATION

S. A. Zolotareva

Summary: The paper reveals the peculiar significance of precedential culture codes for the modern culture, which have the ability to represent social and cultural values and goals in a personal-precedent way in the process of inter-cultural communication, making a certain contribution into forming the conceptual schematics of an acculturized person, which leads to the change in their conceptual scheme.

На современном этапе развития общества, когда процессы глобализации охватили все сферы человеческой деятельности, особенно остро стоят вопросы социального взаимовлияния и взаимопроникновения различных культур. Наблюдаемые трансформационные процессы в глобальном сообществе вызывают также вопрос о способах передачи культурнозначимой информации и средствах ее трансляции, одними из важнейших, как представляется, являются прецедентные культурные коды. Под прецедентными культурными кодами в данной работе понимаются имена собственные реальных либо вымыш-

ленных личностей, имеющих известность и значимость для носителей культуры и отражающих их культурные и нравственные ориентации, ценности, установки, условно называемые «персоналиями». Изучение знаков культуры позволяет выявить отраженные в данной единице национально-специфические ценностные установки, присутствующие в концептосфере носителей культуры, а также универсальные элементы, актуальные для большинства культур. Таким образом, проблема исследования заключается в том, чтобы выяснить, какое именно значение передают прецедентные культурные коды и как они способствуют изменению моральных и ценностных приоритетов при их использовании в сфере межкультурной коммуникации.

Необходимость обмена интеллектуальным, социальным и эмоциональным опытом является врожденной потребностью человеческого существа, что обуславливает возможность данного процесса в условиях социальных, культурных, возрастных, половых и иных различий между представителями социума. Существование подобной необходимости является причиной стремления выработать максимально универсальные средства передачи различной информации. Поскольку доминирующее положение английского языка в общении между нациями и народами не подлежит сомнению, представляется правомерным предположить, что взаимодействие между культурами различных этносов происходит по синтезированной модели, а именно – коммуникационно-трансляционной. Специфика такого пути состоит в превалировании воздействия одной из сторон, участвующих в общении, и слабо выраженном влиянии другой стороны. Кроме того, необходимо учитывать социальные детерминанты взаимодействия различных этнокультурных сообществ в условиях сосуществования в период глобализации и определить, насколько универсальным средством трансляции социально-культурного опыта являются прецедентные единицы.

Важность информации, передаваемой именами собственными, признается представителями различных наук, а исследование данных единиц имеет достаточно долгую научную традицию. Несмотря на то, что философами и культурологами были введены в оборот различные сходные понятия, такие как, символ, образ, архетип, симулякр, существует необходимость рассматривать персоналию как особый вид культурного кода, т. е. единицу, которая «иносказательно выражает определенное содержание, которое составляет существо ценностей, норм и идеалов конкретной культуры» [1, с. 326]. Каждой персоналии, как единице языка культуры, соответствует определенная «совокупность семантических признаков», т. е. содержание понятия данной единицы, и в этой совокупности присутствуют характеризующие признаки двух типов. Одни отражают фактические данные, связанные с именем, другие несут информацию о приоритетах социальной деятельности индивидов по созданию универсальных ценностей. Последние соотносятся с определенными идеонациональными концептами, таким образом, персоналия приобретает

статус единицы языка культуры, значение которой заключается в способности репрезентировать мировоззренческие установки.

Тем не менее в процессе употребления реализуется, как правило, не весь комплекс семантических признаков, а лишь те из них, которые имеют приоритетное значение для конкретных коммуникативных целей, таким образом, можно объединить некоторое количество персоналий в определенную категорию по доминантному признаку. Такого рода обобщения, например, возможно наблюдать в тех случаях, когда речь идет о получивших широкое распространение рейтингах популярности, основанных на разнообразных критериях. В частности, из встречающихся в современных периодических изданиях и на Интернет-сайтах рейтингов можно выделить следующие категории: влиятельные, популярные, сексуальные, известные, узнаваемые, хорошо одевающиеся, а также некоторые другие, так или иначе соответствующие перечисленным категориям. Мы полагаем, что персоналии ассоциированы с определенными концептами посредством содержащихся в их понятиях характеризующих признаков. Принимая за основу трактовку концепта Ю. С. Степанова, а именно: «Концепт – явление того же порядка, что и понятие. Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово. В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [2, с. 40], Характеризующие признаки образуют понятийные конфигурации, сопоставимые с конфигурациями концептов. В персоналиях находят свое отражение такие концепты как: Коллективизм и Индивидуализм, Ориентация на отношения и Стремление преуспеть, Традиция и Новизна, Красота и Польза, причем все они, в основе своей, являются репрезентацией социально обусловленных ценностей.

С понятием «ценность» тесно связано понятие «идеал», т. е. представления о должном. Следовательно, функция идеала состоит прежде всего в том, чтобы направлять человека к определенным достижениям, устанавливать жизненные ориентиры. Идеал – это эталон, по которому можно сверять свою жизнь, свои помыслы и поступки, результаты своего труда. Однако, как показала практика, исследование ценностей представляет собой довольно сложную процедуру из-за многообразия оснований его проведения. Кроме того, современная культура характеризуется разнообразием и размытостью идеалов и ценностей. Причиной этого процесса некоторые исследователи называют нарастающую неопределенность социокультурной идентификации личности в результате взаимовлияния и взаимопроникновения культур.

Большое количество наблюдений и исследований в области межкультурной коммуникации позволяет сделать вывод, что ее содержание и результаты

также во многом зависят от господствующих в какой-либо культуре ценностей, норм поведения, установок и т. д. Во взаимосвязи культуры и коммуникации происходит их взаимное влияние друг на друга.

Изменения в навыках общения (т. е. в сфере коммуникативной компетенции) и в ценностном отношении к коммуникации (т. е. в коммуникативной концептосфере) происходят параллельно. Между культурами существуют значительные различия в том, как и какие средства коммуникации используются при общении с представителями других культур. Так, представители индивидуалистских западных культур больше внимания обращают на содержание сообщения, на то, что сказано, а не на то, как сказано. Поэтому их коммуникация в слабой степени зависит от контекста. Для таких культур характерен когнитивный стиль обмена информацией, при котором значительные требования предъявляются беглости речи, точности использования понятий и логике высказываний. Представители подобных культур стремятся развивать свои речевые навыки. Такой тип коммуникации характерен для американской культуры. Индивидуализм американской культуры заставляет их высказываться ясно и четко, выдвигать сразу свои аргументы, чтобы вызвать ответную реакцию оппонента. И, напротив, в коллективистских культурах восточного типа при передаче информации люди склонны в большей степени обращать внимание на контекст сообщения, на то, с кем и при какой ситуации происходит общение. Эта особенность проявляется в придании особой значимости форме сообщения, тому, как сказано, а не тому, что сказано. На этом основании коммуникация в условиях восточных культур характеризуется расплывчатостью и неконкретностью речи, избытком приблизительных форм высказывания.

Но при этом неизбежно возникает проблема «свой-чужой», т. к. раскрытие смыслов и значений явлений другой культуры зачастую происходит в соответствии со стандартами и нормами своей собственной культуры. В обыденном сознании свои культурные ценности рассматриваются как лучшие и более понятные.

Самая серьезная проблема коммуникации заключена в переводе смыслов с одного языка на другой, это проблема эффективности культурного диалога как на «вертикали», т. е. между культурами разных эпох, так и по «горизонтали», т. е. диалога разных культур, существующих одновременно. Это проблема понимания, которая обусловлена тем, что восприятие и поведение детерминированы стереотипами – идеологическими, национальными, сословными, половыми, сформированными у человека с детства. Новый опыт включается в систему знания, уже имеющегося, на этой основе происходит отбор, обогащение и классификация материала.

Персоналия, хотя и представляет собой имя собственное, всегда уникальна, т. е. имеет лишь один референт, обозначение которого тем не менее не является основной ее функцией. Имена, принадлежащие к данной категории, не столько указывают на их носителей, сколько на те свойства, обладание ко-

торами принесло общественное признание, известность и знаменитость их обладателям. Способность персоналий символизировать определенные качества свидетельствует о закреплении в составе значения некоторых компонентов, выбор которых обусловлен приоритетами социума. Другими словами, они позволяют судить о востребованности отдельных качеств личности в обществе и стремлении к их развитию в личности.

Помимо определения специфики значения персоналии в культуре, важно также рассмотреть, какое воздействие оказывает этот знак при социокультурной коммуникации на ее участников и каким образом это происходит. Отталкиваясь от того, что возможность референции определяется некоторым уровнем знания об объекте, мы приходим к выводу, что существует взаимозависимость между персоналией и концептуальной схемой носителя культуры, которая проявляется в ее корректировке в соответствии с ценностными, мировоззренческими и идеологическими установками сообщества. Понятие «концептуальная схема» разрабатывалось такими исследователями, как У. Куайн, Д. Дэвидсон, П. Стросон, М. Лебедев. Последний, систематизировав имеющиеся точки зрения, определяет данный термин как «совокупность широко распространенных мировоззренческих установок и элементов знания, т. е. некоторая (научная) картина мира» [3]. Далее автор отмечает, что могут существовать два контекстуально обусловленных варианта невозможности идентификации референта по дефиниторной дескрипции. В первом случае ситуация обусловлена тем, что знания, которыми обладает реципиент, недостаточно качественные, неполные или не отвечают требованию истинности.

В ситуации недостаточности знания контекст может быть прояснен при помощи координирования индивидуальной концептуальной схемы реципиента и схемы, общеразделяемой всеми участниками коммуникативного сообщества. В данном случае общепринятая концептуальная схема представляет собой некоторый минимально допустимый объем знания, и согласование в таком случае будет заключаться в приведении в соответствие с ним наличного объема знаний реципиента путем получения недостающей информации. Таким образом, индивидуальная концептуальная схема реципиента может быть скорректирована согласно общеразделяемому образцу – стандартной схеме. С другой стороны, большинство предъявляемых персоналий хотя и являются личностями, совершившими открытия или изобретения общемирового значения, тем не менее обнаруживают свою принадлежность к западной, точнее даже англоязычной, культуре. Таким образом, корректировка концептуальной схемы происходит с позиции носителей культуры, отличной от культуры реципиента.

В то же время, если речь идет о личностях, изначально представлявших определенную национальную социокультурную общность, они тем не менее позиционируются как принадлежащие общемировой культуре. Например, судя по фактам, представленным студентам младшего возраста для написа-

ния биографии Рудольфа Нуриева, в России этот танцор вырос и учился, но успех, которого он достиг, переехав в Европу, сделал его звездой мирового масштаба, а его достижения – частью всеобщего культурного наследия.

Исходя из того, что персоналии представляют собой знаковую систему, являющуюся, наряду с другими системами, упорядоченным комплексом средств передачи социально-культурного опыта, представляется возможным предположить, что значение указанной единицы формируется в результате социально-коммуникативной деятельности субъектов и отражает ценностные установки этой деятельности. Кроме того, значение персоналии должно быть детерминировано социумом в целом, поскольку информация, воспринимаемая в процессе трансляции, отражает установки, наиболее значимые для большинства представителей социокультурной общности. Однако ведущую роль все же играет индивид как субъект восприятия со своей врожденной и усвоенной системами ценностей и опытом. Чем больше вовлеченность той или иной сущности или явления в сферу опыта человека, тем больше у нее шансов выступать в роли знака, т. е. становится формой, вмещающей некоторое содержание, понимание которого обусловлено опытом интерпретатора. Эти сущности и явления могут стать знаками, а могут и не стать, и зависит это от того, наделяет ли их человек значимостью. Эта значимость может в значительной степени социализироваться в результате взаимодействий людей с отдельными типами сущностей или явлений, но индивидуальный аспект никогда не исчезает до конца.

При изучении персоналии как функционального кода в условиях всемирной глобализации и интеграции культур необходимо учитывать тот факт, что английский язык играет ведущую роль в межнациональном общении, а западная культура, в особенности американская, доминирует и влияет на все остальные. И если тенденция к унификации форм экономического развития, связанных со стандартизацией материальной предметно-вещественной сферы образа жизни по западным образцам в целом не вызывает негативного отношения со стороны незападных государств (при условии, что эти процессы не ведут к прямой экономической экспансии со стороны развитых стран), то совершенно другая реакция возникает, когда дело касается области культуры, национальных традиций, коммуникативного взаимодействия и духовной преемственности. Именно поэтому многие исследователи, а также деятели науки и искусства выступают против повсеместного распространения английского языка, считая, что доминирующие позиции языка неизбежно влекут за собой доминирование культуры.

Таким образом, персоналии, ассоциированные с соответствующими ценностями в сознании носителей культуры, являются личностно-прецедентной формой выражения социокультурных установок западного мира, они аккумулируют в себе информацию об идеальном в культуре, например быть полезным для общества, либо быть известным и влиятельным за счет денег, внешности или нестандартного поведения. В результате исследования значе-

ния персоналий было выяснено, что при перенесении на почву иных культур персоналии способствуют трансляции культурнозначимой информации и изменению содержания основных культурных концептов. С учетом того, что значение персоналии формируется в основном при помощи системы образования и средств массовой коммуникации, причем средства массовой информации влияют на содержание образования, а также являются преимущественно сферой англоязычной культуры, есть основания предположить, что таким образом происходит корректировка концептуальной схемы не-носителей англоязычной культуры и замещение их собственных ценностей заимствованными.

Литература:

1. Современная западная философия: словарь [Текст] / отв. ред. В. С. Малахов, В. П. Филатов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ТОН-Остожье, 1998. – 542 с.
2. Степанов, Ю. С. Концепты. Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М., 2001. – С. 40.
3. Лебедев, М. В. Семантика перехода от описания к объяснению [Электронный ресурс] / М. В. Лебедев // Что значит знать?. – Режим доступа: http://ru.philosophy.kiev.ua/library/kn_book/00.html
4. Золотарева, С. А. Персоналия как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии / Золотарева Светлана Александровна. – Кемерово, 2009. – 18 с.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ РАКУРСЕ

Л. А. Козлова

*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»
(Барнаул)*

TYPOLOGICAL SPECIFICITY OF A LANGUAGE IN THE ETHNOCULTURAL ASPECT

L. A. Kozlova

Summary. The paper considers the possibility and effectiveness of analyzing the typological peculiarities of a language in the ethnocultural aspect, which enables to explain them on the basis of cultural specificity and cultural values characteristic of a certain linguocultural society. Analyzing the preference of the English syntax to use the personal subject as opposed to the use of impersonal subject in the Russian syntax, the author explains this specificity by the great role of AGENCY concept in the English culture which belongs to the *doing cultures*.

Сегодня все большее число лингвистов разделяют мнение о том, что всякая новая парадигма в лингвистике, как правило, зарождается в недрах предшествующей, что позволяет говорить о значимости принципа преемственности в лингвистических исследованиях. Есть все основания считать, что зерна когнитивной парадигмы, в основе которой лежит принцип антропоцентризма, предполагающий активное сотрудничество лингвистики со всеми науками, объектом которых является человек во всех его ипостасях, были заложены в трудах многих представителей системоцентрической парадигмы. Так, Э. Сепир, определяя природу языка как способа хранения всех «мыслимых разновидностей нашего опыта», а культуру как «то, что данное общество делает и думает», отмечал тот факт, что язык приобретает все большую и большую значимость для изучения культуры, поскольку система культурных ценностей и культурных стереотипов в значительной степени упорядочивается с помощью языка, а потому он может служить «символическим руководством к пониманию культуры» [7, с. 261–262]. Говоря о будущем лингвистики в начале прошлого века, Э. Сепир писал: «Особенно важно подчеркнуть, что лингвисты, которых часто и справедливо обвиняют в неспособности выйти за пределы милых их сердцу моделей основного предмета их исследований, должны осознать, какое значение их наука может иметь для интерпретации человеческого поведения в целом. Хотят они того или нет, им придется все более и более заниматься теми проблемами антропологии, социологии и физиологии, которые вторгаются в область языка» [7, с. 265].

Сегодняшние исследования в области лингвистики полностью подтверждают предвидение Э. Сепира. Так, на значимость культурологического фактора в лингвистических исследованиях указывает и В. З Демьянков, подчеркивая, что «даже сосредоточившись на чисто процедурных аспектах, лингвистам отвлекаться от культурной обусловленности человеческой когниции невозможно: предметно исследовать язык и его употребление можно только в рамках конкретных культур» [3, с. 33].

Изменения, происходящие в лингвистике, не могли не сказаться на типологических исследованиях. Сегодня лингвисты, работающие в области сравнительной типологии, говоря о типологических сходствах и различиях сопоставляемых языков, стремятся не только констатировать наличие этих различий, но объяснить их причины с учетом культурологических и этнолингвистических факторов, что способствует повышению экспланаторного потенциала типологических исследований.

Существующие типологические классификации языков разработаны в системоцентрической парадигме и отражают существенные признаки языков в области звукового состава, способов выражения грамматических значений, особенностей синтаксического строения предложения, преобладание которых формирует тот или иной языковой тип. Поскольку при описании языковых типов в фокусе внимания исследователей находились особенности внут-

ренней структуры языков, вопросы отражения в ней особенностей мировосприятия этноса занимали периферийное положение. Вместе с тем полное и глубокое описание типологических особенностей языков неминуемо выводит исследователя на специфику мировосприятия и мышления. Так, описывая типологические особенности языков банту, В. А. Виноградов отмечает, что когнитивной основой этой классификации является этнокультурная категоризация мира [1, с. 420]. Совершенно очевидно, что утверждение об этнокультурной основе категоризации мира и ее отражении в классификации языков справедливо не только в отношении отдельной группы языков, в которых следы этнокультурной специфики мировосприятия прослеживаются более отчетливо, но и в отношении тех языков, в которых эти следы прослеживаются менее отчетливо, так как многие грамматические факты языка могли «технизироваться», т. е. стать частью языковой системы языка и утратить признаки этнокультурной специфики (о чем говорил в свое время В. И. Абаев).

Уже в работах основоположника морфологической классификации языков В. фон Гумбольдта мы находим мысль о том, что различия в морфологическом строении языка несут на себе печать, являются результатом различий мировосприятия, которые запечатлелись в грамматическом оформлении мысли. Именно особенности мировосприятия, характер нации, по мнению В. фон Гумбольдта, коренятся в глубине языков и определяют строение каждого языка. Так, говоря о характере языков, лежащем в основе выделения языковых типов, Гумбольдт пишет: «Грамматическим строем, который мы до сих пор рассматривали в общем и целом, и внешней структурой (Structur) сущность языка, однако, еще далеко не исчерпывается; его более своеобразный и подлинный характер покоится на чем-то гораздо более тонком, сокровенном и менее доступным для анализа (подчеркнуто нами – Л. К.). <...> В соответствии с индивидуальной неповторимостью того способа, каким дух выражает себя через язык, последний получает окраску и характер. <...> Образ мысли и мироощущение народа, придающие <...> окраску и характер его языку, с самого начала действуют на этот последний. <...> Царство форм – не единственная область, которую предстоит осмыслить языковеду; он не должен, по крайней мере, упускать из виду, что в языке есть нечто более высокое и самобытное, что надо хотя бы почувствовать, если невозможно понять» [2, с. 162–163]. Представляется, что именно в этих словах великого ученого содержится программа действий для будущих исследований этнолингвистического направления, направленных на то, чтобы попытаться выявить причины этнокультурного характера, которые обусловили появление тех или иных грамматических форм и их дальнейшее развитие в национальном языке.

К сожалению, и в работах самого Гумбольдта, и особенно у его последователей, лингвистов XX столетия, идеи взаимосвязи языка и мышления получили несколько иное развитие. Исходя из совершенно справедливого тезиса о взаимозависимости языка и мышления, Гумбольдт пытался описать за-

висимость между языком и мышлением в терминах оценочной иерархии типов, считая флективный тип более совершенным по сравнению с другими и таким образом разделяя языки на совершенные, к которым он относил языки флективного строя, и несовершенные, в которых грамматические значения передаются иными способами, и утверждая, на этой основе, что уровень развития мышления нации определяется степенью развития грамматического строя языка («в полном соответствии с развитием идей пребывают только языки с развитым грамматическим строем») [2, с. 347]. Именно этот тезис получил развитие в трудах неогумбольдтианцев и подвергался справедливой критике.

В противоположность Гумбольдту, Э. Сепир и другие американские этнографы и лингвисты при разработке вопросов типологической классификации языков не устанавливали оценочной иерархии языковых типов и не относили языки, не имеющие развитой системы флексий, к неразвитым, или менее совершенным. Так, Э. Сепир считал, что «когда речь идет о языковой форме, Платон шагает рядом с македонским свинопасом, а Конфуций – с охотящимся за головами дикарем из Ассамы» (*“When it comes to linguistic form, Plato walks with the Macedonian swineherd, Confucius with the headhunting savage of Assam”*) (цит. по [9, p. 49]).

Развивая тезис В. Гумбольдта о том, что существующие в настоящее время языковые типы несут на себе следы мировосприятия этноса, можно предположить, что в т.н. инкорпорирующих языках, представляющих собой «тесное сплочение предложения в единую форму», запечатлено в языковой форме особое восприятие мира данными этносами как цельного, нерасчлененного целого. Эту же мысль высказывает Е. Я. Режабек, рассматривая вопрос о вписанности грамматических категорий в эволюцию культуры. Он говорит о том, что палеоазиатский инкорпорируемый комплекс «волко-олене-убивание» отражает когницию особого рода, а именно когницию холистического восприятия мира [6, с. 29].

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что некоторые данные, полученные при проведении классификации языков в рамках т.н. внутренней лингвистики, могут быть дополнены и получить дальнейшее объяснение при их рассмотрении в этнокультурном ракурсе. Приведем один пример. Описывая особенности английского синтаксиса с позиций лингвистической характеристики, В. Матезиус выделил такую особенность синтаксической организации английского предложения, как предпочтение личного подлежащего безличному. Давая объяснение этим фактам, В. Матезиус связывает эту характерологическую особенность английского языка с особенностями актуального членения, а именно с тенденцией к тематическому представлению подлежащего, т. е. с тем фактом, что подлежащее, выраженное личным местоимением, указывающим на одушевленное лицо, наиболее приспособлено для выполнения тематической роли в предложении [5, с. 18–26].

Вполне разделяя точку зрения В. Матезиуса на то, что подлежащее, обозначающее одушевленное лицо, является наилучшим кандидатом для выполнения тематической функции в рамках актуального членения предложения, мы считаем, что этому можно также дать объяснение с учетом этнокультурного фактора. Можно полагать, что подобная специализация подлежащего обусловлена не только актуальным членением предложения, но также спецификой мировосприятия и типом культуры. Поясним сказанное. В культурах бытия (*cultures of being*) человек осмысливается не как активный творец, а как часть мироздания, а потому свойством активности, воздействия могут наделяться не только люди, но и неодушевленные предметы, магические силы и т. д. В этом смысле культуры бытия оказываются ближе к т. н. архетипам культуры, в которых свойством активности наделяется все сущее в мире. В культурах деятельностного типа, как мы уже отмечали [4, с. 128–134], человеку отводится роль активного начала, творца, что и находит свое отражение в языке, в частности, в четко выраженной тенденции употреблять в роли подлежащего прежде всего существительные или местоимения, указывающие на одушевленное лицо. Как показывает анализ синтаксиса английских предложений в данном ракурсе, наиболее частотными в английском языке являются предложения, в которых присутствует указание на лицо как агенса действия или объект, воспринимающий действие, что позволяет сделать вывод о значимости концепта агентивности в языковом сознании носителей английского языка.

В подобных предложениях находит свою реализацию принцип, который получил название “*me-first-orientation*”. Согласно этому принципу, концептуальной точкой отсчета является человек, что, в свою очередь, является отражением деятельностного типа культуры, в основе которой лежит ориентация на деятельностное начало человеческой природы, убеждение в том, что человек является центром природы, ее активным творцом.

Можно полагать, что следствием доминирования принципа агентивности в синтаксической структуре английского предложения и в языковом сознании носителей английского языка является и тот факт, что свойством агентивности наделяются не только одушевленные, но и неодушевленные сущности, что находит отражение в том, что позицию подлежащего в английском предложении могут занимать существительные, обозначающие средства передвижения, явления природы, климат, географическую местность, болезни, время суток, части тела и т. д. Данное явление получило название «анимизма», т. е. одушевления неодушевленного [8, с. 31]. Приведем примеры подобных употреблений.

The past 30 years have witnessed a dramatic increase in the so called natural and human-made disasters (www. redcrosscom); The assault troops finally arrived with a deafening clatter while the morning was still hesitating between dawn and daylight (P. Mayle). The tickets got us inside the door. No farther (E. Bombeck).

При этом обращает на себя внимание тот факт, что при переводе агентивных предложений с английского языка на русский упоминание об агенте действия нередко устраняется. Например: *Here modern men have built concrete stairs with an iron railing (J. Updike) – Здесь построена бетонная лестница с железными перилами* (пример заимствован из [8, с. 30–31]). Данный факт может служить косвенным подтверждением того, что агентивность является этноспецифической чертой английского синтаксиса, отличающей его от русского, что необходимо учитывать при обучении переводу.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что типологические особенности языка могут нести на себе следы этнокультурной специфики мировосприятия, а потому привлечение данных этнокультурного характера при исследовании типологических особенностей языка способствует повышению экспланаторности таких исследований.

Литература:

1. Виноградов, В. А. Классификационные типы в движении / В. А. Виноградов // *Res Linguistica: сборник статей к 60-летию профессора В. П. Нерознака*. – М.: Academia, 1999. – 600 с. – С. 420–423.
2. Гумбольдт, фон В. Избранные труды по языкознанию. / В. фон Гумбольдт; пер. с нем; под ред. и с предисл. д-ра филол. н., проф. Г. В. Рамишвили. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
3. Демьянков, В. З. Цивилизационные параметры когниции: лингвистика – эстетика – этика – психология – логика / В. З. Демьянков // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2013. – № 1. – С. 32–47.
4. Козлова, Л. А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего: монография / Л. А. Козлова. – Изд 2-е, исправл. и дополн. – Барнаул: АлтГПА, 2012. – 203 с.
5. Матезиус, В. О лингвистической характерологии / В. Матезиус // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика / сост. В. П. Нерознак, В. Г. Гак. – М.: Прогресс, 1989. – 438 с. – С. 18–27.
6. Режабек, Е. Я. Культурные границы языкового сознания. О вписанности грамматических категорий в эволюцию культуры / Е. Я. Режабек // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2006. – № 3. – С. 28–43.
7. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; переводы с англ. – М.: Универс, 1993. – 656 с.
8. Хайруллин, В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Хайруллин. – М., 1995. – 46 с.
9. Chafe, W. *Discourse, Consciousness, and Time* / W. Chafe. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1994. – 327 p.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В РАКУРСЕ КУЛЬТУРЫ

И. Ю. Колесов

*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»
(Барнаул)*

SPACE COGNITION IN LANGUAGE AS A CULTURAL NOTION

I. Yu. Kolesov

Summary. The paper focuses on the conception of lingual representation of spatial relations analyzed in cognitive linguistics as an issue of culture in broad sense – as the way space relations are conceived in Russian and English.

Благодаря значимым результатам, полученным в ходе интерпретации сущности языка в рамках когнитивно-дискурсивного, функционально-когнитивного, лингвокультурологического подходов, трудно опровергнуть идею о когнитивной мотивированности языка: в нем осмысление получает только то, что «остановило внимание человека» [5, с. 8]. Соответственно, язык является «окном», проникая сквозь которое в сознании человека говорящего, взгляд исследователя имеет возможность проанализировать его когнитивную деятельность, связанную с языком.

В каждом языке картина мира фиксируется так, а не иначе благодаря тому, что говорящие на нем люди способны воспринимать, переживать и объяснять себе окружающий мир, а впоследствии и мир внутри себя. Это происходит в силу развития ментальности данного этноса, значимости тех или иных объектов в социально-экономическом бытии людей, их мифолого-культурным традициям, особенностям наивной категоризации мира, развитию культуры и других социальных институтов и т. п. Именно поэтому выделяют как универсальные компоненты концептуальных картин мира, так и этноспецифические.

С одной стороны, языковая картина мира сочленена с системой языка как семиотической системой для вербальной коммуникации, а с другой стороны, в ней достаточно много «навеяно» наивными представлениями, знаниями, полученными в предыдущих поколениях людей. Собственно говоря, еще не удалось извлечь полной картины мира из какого-либо языка, и в работах, которые направлены на ее изучение, реконструируются ее участки по данным языка в ходе анализа концептуализации и категоризации мира в языке. В таком анализе не участвует полностью и вся система языка – оказываются важными не собственно элементы языка, а то, какие из них, в какой мере, реализуя какую функцию, при каких условиях актуализации (в прямой или метафорической номинативной деятельности) и т. п. задействованы в семиотической репрезентации окружающего мира.

В ходе научного познания исследователь почти никогда не удовлетворен тем, что знает, нас ведет вперед мысль о том, что за уже присвоенным знанием скрывается еще что-то. Г. Гийому принадлежит тезис, который мог бы стать основополагающим принципом теории познания: «Наука основана на интуитивном понимании того, что видимый мир говорит о скрытых вещах, которые он отражает, но на которые не похож» [2, с. 7]. Говоря о когнитивной мотивированности языковой деятельности и языковых форм, мы всякий раз имеем в виду ту невидимую трансформацию ментальных структур, которая осуществляется в направлении от содержательного замысла к уровню языковой актуализации: *образ* → *высказывание*, и в обратном направлении – при интерпретации высказывания и моделировании концепта в сознании адресата: *высказывание* → *образ*. В данных переходах участвуют такие виды содержания языковых единиц, как **концепт** (в качестве результата концептуализации), **смысл** как прагматически ориентированное понятие (т. е. как результат осмысления некоторой ситуации) и **языковое значение**, которое интерпретирует данное содержание мысли имеющимися в языке ресурсами его семантической организации.

Соответственно, доступ к концептуальной структуре возможен в обратном порядке: от семантического анализа языковых единиц и выявления их прагматически ориентированного смысла в функционировании языковых знаков, к концептуальной основе данного смыслового содержания и к фрагменту концептуальной структуры как модели мира, т. е. к знанию, которое «стоит за языковыми формами и структурами» – то есть ими репрезентировано.

В теории психосемантики, развивающей традиции психологии и нейропсихологии, развитие сознания трактуется в тесной связи с языком, и значение понимается как обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности [8, с. 10–11]. В русле этой концепции человеку приписываются два мира: мир непосредственных образов отражаемых предметов, и мир объектов, отношений и качеств, обозначенных словами («двойной мир», по высказыванию А. Р. Лурии [6, с. 37]). При этом структуры сознания как отражение отражения в некоей знаковой форме не просто изоморфно дублируют исходное содержащее, а дополняют, обобщают его, вводя в новые связи и отношения. Сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности [8, с. 6]. Трудно представить данную когнитивную функцию языка как знаковой системы вне ее функционирования – дискурсивной деятельности. Дискурс укоренен именно в субъектных позициях – становясь субъектами деятельности, участники социального взаимодействия видят и интерпретируют окружающую действительность в формах образов, символов, метафор, ценностей, сюжетных линий и социально-культурных концептов, которые им становятся доступными в пределах данного дискурса

[11; 13]. С помощью конвенциональных семиотических механизмов вербальный язык «объективизирует» индивидуальный опыт, обеспечивая описание мира и коммуникацию, соединяет объекты внешнего мира с нейрофизиологическими феноменами [9, с. 28]. По мысли Е. С. Кубряковой, вся дискурсивная деятельность «культурноспецифична»: «Найти в языке нечто вне семиотического пространства или же вне культуры кажется неправомерным»: <...> «в языке нет ни единиц, ни категорий, не маркированных культурологически» [4, с. 26].

В языке осуществляется сложная «механика» интеграции процессов **интерпретации, семиозиса и вербализации знания** (его репрезентации). По Э. Бенвенисту, говорящий своей речью вновь актуализирует событие и связанный с ним опыт: «Язык воспроизводит мир, но подчиняя его при этом своей собственной организации. < ... > Передаваемое содержание (или, если угодно, “мысль”) расчленяется в соответствии с языковой схемой. “Форма” мысли придается ей структурой языка» [1, с. 27]. И как заметила В. Ю. Апресян, языковые и научные репрезентации мира значительно отличаются, и если ментальные (биологические) репрезентации могут демонстрировать некоторый кросскультурный универсализм в том, как в языках «портретируются», например, пространство, память, эмоции, то в языковых репрезентациях наблюдаются значительные расхождения: соотношение того, что происходит в мозгу, что люди осознают, и что «пропускается» в язык – т. е. находит тот или иной путь вербализации, актуализации, репрезентации – это соотношение в разных языках и культурах может варьировать [10, с. 20]. Известная проблема лакуарности в лексике языков при их сопоставительном изучении является ярким примером «избирательности языков» в сфере лексикализации тех или иных концептов.

Способы и особенности языковой репрезентации пространственных образов, являющихся результатом восприятия и осмысления пространственных отношений, могут быть выявлены при исследовании языковых способов репрезентации знания о таких пространственных параметрах окружающего мира, как *форма, границы, протяженность, удаленность, движение, перспектива* и др., которые получают актуализацию в языковых номинативных и пропозитивных структурах. Здесь следует обратить внимание на «внутренние» концептуальные рамки, которые обрамляют специфические для каждого языка средства актуализации знания о наблюдаемом (воспринимаемом) пространстве. В таком качестве выступают пространственные признаки **расположения, формы и движения / направления**. Изучение ментальных репрезентаций пространственных сцен приводит к выводу о том, что в языковых выражениях о воспринимаемом пространстве репрезентируются не только пространственные связи предметов внешнего мира, но и способы познания «положения дел», которые в сознании человека использованы для картирования и моделирования мира, т. е. имеют и вторичную эпистемическую функцию. Воспринимая пространство вокруг себя и выделяя значимые для

жизнедеятельности параметры, люди научились его структурировать: фон-фигура, верх-низ, правый-левый, впереди-сзади, далеко-близко, приближаться-отдаляться.

Говоря о лексикализации концепта 'Форма', обнаруживаем, что для номинации самых различных прототипических и нестандартных форм предметов, которые созданы как природой, так и руками человека, в языках используется уже готовый лексический и словообразовательный материал: например, *кардиоида* – плоская линия, которая своими очертаниями напоминает изображение сердца на плоскости, в английском языке названа *heart-shaped curve*. Элементом концепта-признака, указывающим на отнесенность признака к форме, выступает полуаффикс *-shaped*. В той же функции обрамления концепта первого ранга, которым выступает наименование предмета, с формой которого осуществляется сравнение, выступают английские полуаффиксы *-form*, *-like* (*egg-shaped*, *disk-shaped*, *bottle-shaped*, *arciform*, *oviform*, *pisiform*, *cruciform*, *vermiform*) и русские полуаффиксы *-подобн-*, *-видн-*, *-образн-* (*стреловидный*, *медведеподобный*, *крестообразный*).

В данном случае наблюдается общая техника: как в русском, так и в английском языке используются словообразовательные морфемы с общим для каждого языка типом значения. В английском языке – это указание на форму, а в русском – на воспринимаемость, видимость подобия.

Такое свойство *пространства*, как его *включенность в жизнедеятельность*, в английском языке представлено типами существительных, в которых проведена соответствующая категоризация, о ней свидетельствуют концепты, связанные с человеческой жизнедеятельностью (*-field*, *-path*, *-land*, *-scape*): *cornfield*, *warpath*, *farmland*, *cityscape* [3]. Естественное природное пространство, на которое воздействие человека не было направлено, названо типами имен с первыми элементами-мотиваторами, исключаящими человека либо созданные им артефакты: *highland*, *snowscape*, *hillside*, *hinterland*, *lowland*, *tableland*. Категоризация разновидностей пространства сигнализируется в составных словах такими словообразовательными мотиваторами, как *-scape*, *-land*, *-side*, *-field*, *-line*, *-path*, *-yard*, причем один и тот же словообразовательный элемент может относить лексические единицы к обеим сферам пространства – освоенного и неосвоенного в человеческой деятельности, например, *farmland* – *highland*, *seascape* – *cityscape*, *streetscape*. И напротив, все слова с элементом *-yard* сопряжены с человеческой жизнедеятельностью (*backyard*, *barnyard*, *churchyard*, *farmyard*, etc.). В содержании подобных слов выделяются концепты первого и второго порядка: основной концепт и сопровождающий его концепт-мотиватор, модифицирующий первый при их интеграции в лексическое значение слова. Морфемы *-scape*, *-land*, *-side*, *-field*, *-line*, *-path*, *-yard* неодинаковы (все, за исключением *-scape* могут быть самостоятельными знаками, *-scape* является осколочной частью своего этимологического источника *landscape*), но имеют одну общую функцию категоризации «земельного» пространства как освоенного либо неосвоенного челове-

ком. Языковая картина мира позволяет выравнивать реальные различия референтов, подводя их образы под одну концептуальную категорию «land» в английском языке. В русском же языке в аналогичной группе лексики затруднительно выделить словообразовательную категорию: имена существительные *равнина, низменность, возвышенность, нагорье*, и т. п., с одной стороны, и *пашня, поле, огород, угодья* и т. п. не имеют «управляющего» концепта-мотиватора.

Пользуясь известными метафорами, можно сказать, что язык «раскраивает», «нарезает», «разрезает» концептуальное пространство знания и опыта, делая дискретными отдельные области и элементы концептосферы, существующие в единстве многомерных связей и ассоциаций. В результате схематизации, дискретизации, «разнесения» концептуальной информации по категориям и парадигмам и т. д., выражения языка неизбежно понижают уровень эксплицитной информативности до-языковых репрезентаций ради обеспечения эффективности коммуникации [12, с. 66], выводя часть информации в импликацию и зоны инференции и сокращая ее до необходимого и достаточного объема. В этом процессе задействованы типологические факторы и языковые универсалии: сообщения на вербальном коде имеют детализацию, необходимую для конструирования слушающим адекватной когнитивной сцены. Так, в русском языке непременным условием при передаче ситуации *перемещения* является обозначение способа (либо средства) движения (*ползти, тащиться, идти, ехать, сплавляться, лететь (на самолете), но плыть на лодке / вразмашку, ехать автобусом / поездом*). В английском языке это условие не настолько обязательно при наличии гипонимического глагола *go* (*go by plane / train / bus / on foot / on a raft, etc.*). Для сравнения также обратим внимание на различия *пространственных образов*, представленных английскими лексемами *shore, bank* и русской *берег*. В английских именах передается информация о типе объекта, имеющего берег, как релевантная – берег кодируется либо как замкнутая линия, окружающая большой водоем (берег озера или моря), либо это берег (возвышающийся) с одной стороны водоема – один из двух берегов, ограничивающих водоем справа и слева (берег реки, канала, ручья или даже канавы), или берег небольшого водоема (пруда), противоположный берег которого в пределах видимости, что свидетельствует о релевантности перцептивного признака в данной когнитивной сцене (ниже в примерах речь о ручье, канаве, озере / пруде):

They eased along the dark and weedy creek bed for two hundred yards, then climbed the other bank <...>. He held her hand and helped her down the ditch bank (J. Grisham). The three of them had walked down to Lake Davis, their satiric name for the little pond a mile from Thad's house in Bergenfield. He was the first out of his clothes and into his bathing suit, hence the first into the water. He simply cannonballed in from the bank ... (S. King).

В актуальной ситуации восприятия реки (т. е. когда берега видимы) когнитивная сцена может включать оба берега, что возможно также в случае не-

большого озера или пруда, но невозможно в случае моря или очень больших озер типа Байкала, озера Верхнего и т. п. по причине большого расстояния между противоположными берегами (в действительности – частями одного берега). В более абстрактной репрезентации – в концепте озера-прототипа могут быть одновременно представлены четыре сегмента берега озера / моря.

Информационные процессы, имеющие место при восприятии мира и обуславливающие пути его концептуализации (и внутреннее содержание когнитивной модели), составляют существо «эпистемического мира» [7, с. 27]. Описание мира составляет «мир семантический», состоящий, по замечанию К. А. Переверзева, из отдельных выражений, принадлежащих разным аспектам структуры высказывания, или множества таких выражений, гармонизированных между собой в системе или дискурсе. Задача современных исследований – установить, как соотносены эпистемический и семантический миры.

Литература:

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
2. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
3. Казачинина, А. В. К вопросу об интерпретации пространства (освоенного и неосвоенного человеком) в английской лексике / А. В. Казачинина // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I Международной научной конференции 5–7 октября 2011 г. – Барнаул: АлтГПА, 2012. – С. 60–62.
4. Кубрякова, Е. С. О соотношении языка и культуры / Е. С. Кубрякова // Филология и культура: материалы VI Междунар. науч. конф. 17–19 октября 2007 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. – С. 25–27.
5. Кубрякова, Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура. – Ч. III. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – С. 6–13.
6. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
7. Переверзев, К. А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка / К. А. Переверзев // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 24–52.
8. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М.: Издательство МГУ, 1988. – 208 с.
9. Черниговская, Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание / Т. В. Черниговская. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 448 с.

10. Apresjan, V. Scientific and Linguistic Worldviews: Overlaps and Discrepances [Текст] / V. Apresjan // Четвертая Междунар. конф. по ко-гнитивной науке: тез. докл.: в 2 т. – Томск: Томский гос. ун-т, 2010. – Т. 1. – С. 20–22.

11. Davies, B. Positioning: The social construction of selves / B. Davies, R. Harre // Journal for the Theory of Social Behaviour. – 1990. – Vol. 20. – P. 43–63.

12. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar: in 2 vls. – Vol. 1. – Theoretical prerequisites / R. W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 540 p.

13. Tirado, F. Positioning theory and discourse analysis: Some tools for social interaction analysis / F. Tirado, A. Galvez // Forum: Qualitative Social Research. – 2007. – Vol. 8 (2), Art. 31.

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НОМИНАЦИЙ XXI ВЕКА)

Е. А. Кольцова

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина» (Иваново)

LINGUISTIC PORTRAIT OF CONTEMPORARY ENGLISH SOCIETY BASED ON 21ST CENTURY NOMINATIVE UNITS

E. A. Koltsova

Summary. Linguistic personality and its national and cultural peculiarities have become quite popular in modern language studies. The article focuses on general / collective and individual types of the phenomenon analysing new words in the English language. Lexis belongs to the most movable language stratum and reflects events and changes that occur in people's life by verbalizing new objects, activities, facts and actions, thus transforming linguistic personality.

Лингвистическая наука на современном этапе тяготеет к антропоцентрическому подходу при исследовании языковых явлений. Одним из центральных в современной науке о языке является феномен языковой личности, популярности которого во многом способствовала антропоцентрическая направленность лингвистики нашего времени. Именно языковая личность выступает объектом настоящей статьи, основная цель которой заключается в попытке нарисовать языковой портрет современной английской личности на примере одного фрагмента языковой картины мира, а именно – новых номинативных единиц, активно вошедших в английский лексикон за последние несколько лет.

Прежде всего остановимся подробнее на ключевом для данной статьи понятии – понятии языковой личности. Его появление относится учеными к 30-м гг. XX века, когда почти одновременно начинает употребляться в работах сразу двух выдающихся лингвистов Й. Л. Вайсгербера и В. В. Виноградова.

В наши дни термин «языковая личность» прочно вошел в лингвистический аппарат. Однако неоднозначность интерпретации и его многоплановость привели к возникновению большого количества толкований и споров среди лингвистов. Подобную ситуацию можно объяснить сложностью и многомерностью самого объекта, стоящего за данным обозначением, разными представлениями о нем исходя из целей и задач исследователя, степени абстрагирования в процессе изучения названного феномена и различных аспектах его рассмотрения.

Несмотря на многочисленные попытки ученых дать четкое однозначное определение понятию «языковая личность», оно по-прежнему сохраняет вариативность семантического наполнения.

Большой вклад в становление означенного понятия внес выдающийся российский лингвист Ю. Н. Караулов. Исследователь выделяет несколько уровней абстракции при изучении языковой личности, связывая его не только с индивидом, реальным носителем языка, но и с типовым представителем некоего языкового коллектива, сущностью моделируемой, являющейся, по сути, научной абстракцией. При этом ученый трактует языковую личность как глубоко национальный феномен, подчеркивая, что «национальное» пронизывает все уровни организации языковой личности как базовый, инвариантный уровень, так и вариативную часть структуры личности [2, с. 42]. Данное замечание значимо в рамках настоящей статьи, фокусирующей внимание на английской национальной специфике языковой личности.

По наблюдению Е. В. Иванцовой, подробно исследовавшей проблемы трактовки термина «языковая личность» и различные варианты его понимания в трудах лингвистов, противопоставление двух форм существования данного феномена признается авторами многих современных работ. Широкое распространение получили термины «коллективная языковая личность», или «типовая языковая личность», и «индивидуальная языковая личность» [1].

Интересен, с нашей точки зрения, подход Е. В. Шириной, которая рассматривает понятие «языковая личность» как категорию обобщенную, отвлеченную от конкретного исполнителя. Исследователь высказывает мнение, что «языковая личность – это не паспортизация конкретного лица, а модель совокупной речевой деятельности группы лиц» [4, с. 276], конкретные же характеристики индивида Е. В. Ширина соотносит с понятием «языкового портрета».

В рамках проводимого в данной статье исследования предлагаемое Е. В. Шириной разграничение имеет важное значение. Типовая языковая личность характеризуется такими свойствами, как абстрактность, собира-

тельность и безличность. В каждом конкретном случае типовая модель реализуется в виде индивидуальной языковой личности, совпадающей с типовой в базовых характеристиках, но в то же время имеющей свои особенности. На примере ряда английских неологизмов мы постараемся продемонстрировать как типовую модель английской языковой личности, так и конкретную реализацию этой модели, то есть, используя терминологию Е. В. Шириной, языковой портрет индивидуальных представителей английского социума, выявив общие и контрастирующие черты.

Исследование, исходя из вышеозначенных цели и задач, включало два этапа: аналитический, состоящий из отбора и лексико-семантического анализа новых слов, и интерактивный, заключающийся в опросе информантов.

Материалом послужили неологизмы, включенные в оксфордский онлайн словарь, начиная с 2010 года. Общий объем анализируемых слов и выражений составил 77. Слова отбирались по принципу, как представлялось на начальном этапе изучения, наиболее частотного употребления носителями языка. Так, большая часть рассматриваемых лексических единиц была включена в списки слов года оксфордского словаря, которые формируются на основании статистических данных об их популярности (частоте использования) в том или ином году.

Изложение результатов проведенного исследования начнем с лексико-семантического анализа новых номинативных единиц. В рассматриваемую группу слов вошли 58 % существительных, 25 % глаголов, 13 % прилагательных и 4 % аббревиатур, за которыми стоят более развернутые словосочетания. Частеречный анализ демонстрирует доминирующее количество существительных, что в свою очередь может свидетельствовать о большей необходимости носителей языка именовать появившиеся явления или ситуации.

В семантическом плане можно выделить 5 обобщенных лексико-семантических групп:

- общественная и повседневная жизнь, включающая названия различных недавно возникших явлений, привычек, вошедших в обиход предметов и т. д. (39 %): *wine o'clock, cidery, to binge-watch, fandom, showrooming, omnishambles, sodcasting, showmance, nom nommy*;

- компьютерные технологии и социальные сети (21 %): *selfie, to rangequit, AFK (away from the keyboard), second screening, webisode, to pocket-dial, hate-reading*;

- социально-экономическая сфера (12 %): *bedroom tax, Eurogeddon, squeezed middle, crowdsourcing*;

- общественно-политическая лексика (9 %): *Brexit, to occupy, hacktivism, slacktivism, indyref*;

- антропоцентрические характеризующие номинации, описывающие людей и их потребности, умственные качества, взгляды и убеждения, стиль и т. д. (19 %): *moblivious, sapiosexual, adorkable, hangry, on fleek, normcore, lumbersexual*.

Мы признаем условность данного деления по группам и названия самих лексико-семантических групп. Это вызвано рядом причин и прежде всего наличием в одном слове сем, позволяющих отнести его сразу к нескольким смысловым группам.

В процентном соотношении самой продуктивной по образованию неологизмов является сфера общественной и повседневной жизни – 39 %, за которой следует бурно развивающаяся область новых технологий, Интернет и социальных сетей – 21 % и далее довольно разнородная группа, которую мы обозначили как антропоцентрические номинации, характеризующие людей и их потребности, способности, манеры и стиль и т. д., занимающую 19 % от общего числа анализируемых слов.

Факт включения рассматриваемых слов в оксфордский онлайн словарь и попадание большей их части в списки слов года с 2010, свидетельствует, на наш взгляд, о стремительно возросшей популярности данных лексем и их активном использовании носителями языка. Подобное заключение базируется на данных современных лексикографических источников и позволяет говорить о характеристиках типизированной модели английской языковой личности. Индивидуальные языковые личности могут в значительной степени отличаться от выявленной типизированной модели. Поэтому вторая часть анализа заключалась в опросе информантов – носителей языка, проживающих на территории Великобритании, для построения более индивидуализированного портрета современной английской языковой личности.

Предваряя результаты анализа, стоит сделать оговорку, что в проведенном опросе принимали участие жители южных графств Англии – Хемпшира, Суррей и Западного Сассекса и унитарных административных единиц Брайтон, Портсмут и Саутгемптон. Данный факт мог повлиять на результаты опроса, так как, возможно, в других частях и графствах Великобритании языковые тенденции несколько иные.

В ходе опроса информантам предлагалось ответить на несколько вопросов, в частности о значении слова, частоте его употребления, возможных синонимах и прогнозах относительно потенциального закрепления лексемы в словарном составе языка. Группа информантов в возрасте от 25 до 45 лет определила значение лишь 36 % слов. Однако когда слова были представлены уже в контексте, информанты смогли понять значение 90% приведенных слов. Информанты возрастной группы 20–25 лет сообщили, что слышали либо встречали 50 % слов, узнав их вне контекста. Однако активно, по мнению опрошенных, используются только 15–20 % новых слов, которые отбирались для анализа. В основном это лексические единицы из сферы повседневной жизни, новых технологий и политико-экономических блоков.

Следует сказать, что отношение информантов к подавляющему большинству неологизмов достаточно негативное. Они были охарактеризованы как «глупые», «ненужные» и не способные надолго закрепиться в английском

языке. Такое мнение выразила большая часть принимавших участие в опросе носителей языка, вся возрастная группа от 25 до 45 лет.

В этой связи хотелось бы отметить, что эмоциональная отрицательная реакция носителей языка на новые и зачастую непонятные слова и их потенциал не отражает объективной языковой картины. Так, проанализировав значение всех предложенных для опроса лексем, можно с уверенностью констатировать, что 90 % слов появились либо развили новые значения для обозначения новых реалий, не существовавших в языковой картине мира ранее. Слова, без которых, на первый взгляд, можно было бы обойтись и которые могли бы иллюстрировать избыточность языковых средств выражения, составляют приблизительно 10 %. Это языковые единицы, возникшие в молодежном сленге и вошедшие в современный английский язык некоторых социальных и возрастных групп. Однако, по точному наблюдению известного отечественного лингвиста И. Б. Левонтиной, новые слова появляются, потому что в языке существуют смысловые лакуны, и есть фрагменты языковой картины мира, не описанные языком или описанные так, как это не устраивает носителей языка на данном этапе развития. Так, например, новое слово может появиться не для называния нового объекта или новой реалии, а с целью имплицитного выражения той новой эмоциональной составляющей, которая отсутствует в других близких по смыслу лексемах языка [3].

Полученные результаты служат очевидным доказательством того, что типовая языковая личность отдельной нации, являясь образцом собирательным и обезличенным, не может являться показателем текущей реально существующей языковой ситуации, очерчивая лишь определенные языковые тенденции на современном этапе. Следует, однако, признать, что данный вывод сделан исключительно на основании одного небольшого и довольно специфичного фрагмента языковой картины мира.

В заключение хотелось бы подчеркнуть перспективность и значимость изучения национального своеобразия языковых личностей на материале различных языков, что в конечном итоге позволит приблизиться к более полному и целостному пониманию современного поликультурного и многонационального мира и осуществлять эффективный диалог культур.

Литература:

1. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник томского государственного университета. – Томск, 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М., 2010. – 264 с.
3. Левонтина, И. Б. Язык как инструмент эволюции [видеозапись лекции И. Левонтиной] / И. Б. Левонтина // YouTube 1 сентября 2015 г. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=dfzCehnmHf8>

4. Ширина, Е. В. К характеристике понятий «личность», «языковая личность» и «языковой портрет» / Е. В. Ширина // Речевая деятельность. Текст. – Таганрог, 2002. – С. 274–280.

МНОГОМЕРНОСТЬ ОБРАЗА МИРА

Т. Я. Костюченко, Д. М. Ужегова

*ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)
The University of Melbourne, Victoria, Australia*

MULTIDIMENSIONALITY OF THE WORLD IMAGE

T. Ya. Kostyuchenko, D. M. Uzhegova

Summary. The interpretation of another culture can be maintained through the analysis of plenty of its aspects. The real world is reflected in the form of multi-level system of a person's notions about himself and the world around. The specificity of Japanese nation is accounted for by its historically and spatially formed culture as well as peculiar social bonds. Eclecticism in religious approaches had an impact on ethic and aesthetic principles.

Проблема единства человеческой культуры всегда остается для исследователей стимулом к поиску модели, как объясняющей сходство и различие культур, исходя из особенностей культурно-детерминированного поведения человека, так и дающей представление о взаимодействии определенных культурных элементов.

Основатель профессиональной американской антропологической школы Ф. Боас в работе «Некоторые проблемы методологии общественных наук», обосновывал необходимость целостного подхода в антропологии, подчеркивая, что «понимание чужой культуры достигается лишь через анализ множества ее аспектов. К тому же каждый ее элемент несет на себе отчетливые следы изменений, совершившихся во времени и вызванных действием внутренних сил или влиянием иных культур» [3].

Говоря о неповторимости и непохожести этнических культур и разделяя точку зрения Е. С. Маркаряна, можно отметить, что эта неповторимость есть результат особой, свойственной лишь данной культуре системы организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур [8].

А. А. Леонтьев подчеркивал, что «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видения мира одними народом нельзя простым „перекодированием“ перевести на язык культуры другого народа» [7].

Реальный мир отражается в сознании человека как образ мира в виде многоуровневой системы наших представлений о мире, других людях, себе и своей деятельности. Образ мира предстает таким же многомерным, как и сам мир.

Вариант образа мира – это индивидуально-личностное «видение» мира конкретным человеком через призму личностных смыслов, установок и других компонентов структуры личности. Мир представляется человеку через систему предметных значений, как бы наложенных на восприятие мира [14].

С самого начала образ мира развивается и функционирует как некоторое целое, а не складывается из образов отдельных явлений и предметов. Это значит, что любой образ есть не что иное, как элемент образа мира [12].

Как достояние индивида образ многообразен, являясь продуктом переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании знания и переживания и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию.

Это сложная иерархическая система, характеризующаяся целостностью, системностью, актуальностью, субъективностью, неполной экспликацией, континуальностью, динамичностью и недоступностью полному восприятию [14].

Наличные условия могут объективно познаваться лишь в их историческом контексте. Но объяснить поведение общества можно лишь при полном знании всего биологического, географического и культурного контекста при самом детальном знакомстве с различными типами реакций всего общественного организма и отдельных его членов.

Говоря о реальных особенностях японской нации, нельзя не признать своеобразие ее исторически и пространственно сформированной культуры, специфический характер социальных связей, объединяющих общество. Эта культура стала принципиально отличаться от всех остальных, пройдя через глубокую трансформацию своих социальных и духовных структур за относительно большой исторический период.

Вместе с внешним влиянием материковой культуры и прежде всего буддизма и конфуцианства, основными факторами естественного развития, способствовавшими становлению японской культуры, помимо определяющего идеологического влияния синтоизма, отечественные востоковеды, вслед за японскими учеными, подчеркивают влияние следующих историко-природных факторов:

- островное положение страны, приведшее и к изолированности, и к дистанцированности от остальных очагов культуры; и эта дистанция служила своеобразным «фильтром», через который проходило внешнее влияние, породила способность национального самосознания как впитывать так и отторгать то, что для японской культуры было неорганично и губительно;

- молодость народа-нации, рождение которой пришлось на период, когда находившиеся по соседству очаги цивилизации существовали уже в полном

расцвете и поэтому могли служить благодатным источником для заимствований [5].

В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, которые определяют этничность национального сознания как отдельного индивида, так и общества в целом. Поэтому этноязыковое сознание как культурно обусловленный ин/вариантный образ мира может быть соотнесен с особенностями национальной культуры и национальной психологии и может существовать как в общественной, так и в индивидуальной формах.

Этноязыковое сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их варибельность от одной культуры к другой [11].

Исходя из видения языка как семиотической системы, системы значений, которые существуют в предметной и вербальной форме, языковое сознание определяется как сознание, опосредованное значениями, что можно сопоставить с психологическим понятием образа мира.

Семиотическое значение концепции культуры, целью которой является расширение границ человеческого дискурса, обозначил К. Гирц, один из создателей интерпретативной антропологии, в своей работе «Интерпретация культур» «культура каждого народа – это ансамбль текстов», которые исследователь усиленно старается прочесть. Можно двигаться в разных направлениях, но направляющий принцип тот же самый: «общества, как и жизни, содержат свои собственные интерпретации. Необходимо только научиться получить к ним доступ».

Гирц подчеркивал, что культура того или иного народа с большей четкостью проявляется в ее специфических чертах. Разнообразные формы, которые принимают эти понятия, созданы особым историческим опытом обществ, в которых они проявляются. Поэтому ее анализ должен быть наукой не экспериментальной в поисках закономерностей, а интерпретативной в поисках значения [15].

Для каждой нации характерно создание единого семиотического поля - системы общеизвестных всем ее представителям знаковых средств (язык, традиционные формы поведения, символика – бытовая, художественная, политическая и пр.), которые обеспечивают их взаимопонимание и повседневное взаимодействие.

Японская культура является неповторимым самобытным явлением не только в контексте общемировой культуры, но и в ряду других восточных культур. Она непрерывно развивалась, начиная с X–XI веков. С XVII и до середины XIX века Япония была практически закрыта для иностранцев (связи сохранялись только с Нидерландами и Китаем). В период этой изоляции в Японии получило творческое развитие национальное своеобразие. И когда по прошествии нескольких веков перед миром открылась богатейшая

традиционная культура Японии, она оказала сильное влияние на последующее развитие европейской живописи, театра и литературы.

Японская цивилизация формировалась в результате сложных и разновременных этнических контактов. Японская культура, в отличие от индийской и китайской, на рубеже средних веков только зарождалась, поэтому ей был присущ повышенный динамизм и чуткость к восприятию чужеземных влияний.

Три важнейшие религиозно-философские доктрины определили традиционное мировоззрение обитателей Страны Восходящего Солнца, – синтоизм, конфуцианство и буддизм, заняли своё место в общественном сознании японцев и образовали своеобразное сочетание, которое на Западе называют эклектичным, а в Японии – гармоничным религиозным чувством.

Почитание природы как Божественного начала вылилось в древнюю национальную религию японцев – синто, «путь Богов».

Конфуцианство, как и буддизм, пришло в Японию из Китая. Под конфуцианством обычно понимается традиционная древнекитайская религиозно-философская доктрина, возводившая этические принципы в разряд вселенских законов. Согласно конфуцианским канонам, управляющим принципом вселенной, служит Небо, источник гармонии и порядка [9].

Рассматривая традиционную японскую культуру как самобытное культурное пространство, невозможно не видеть своеобразный синтез внутреннего, веками воспитанного умения восхищаться и наслаждаться радостями жизни и красотой бытия, с одной стороны, и внешнее стремление к строгости и самоограничению – с другой, что и породило своеобразную эстетику, умение найти скрытую красоту во всем, везде и всегда.

Советский и российский востоковед – японист Т. П. Григорьева в своем труде «Японская художественная традиция» рассказывает о том, что одно из наиболее ранних в японской литературе определений прекрасного *моно-но аварэ* – «очарование вещей», связано с синтоистской верой в то, что в каждой вещи заключено своё божество – *ками*, в каждой вещи – своё неповторимое очарование.

Моно – все то, что может вызвать аварэ, – чувство взволнованности, замороженности красотой, но с оттенком беспричинной грусти (*At that moment, beauty itself struck me as a kind of painful melancholy* – [16]). По определению толкового словаря японского языка «Кодзиэн», «моно-но аварэ – ощущение гармонии мира, вызываемое слиянием субъективного чувства (аварэ) с объектом (моно). Оно может означать изящное, утонченное, спокойное – то, что открывается в момент созерцания.

Время ощущается как отдельные мгновения, а отдельные мгновения – как уникальный миг вечности. Миг несет на себе печать вечности, единое вырывается в единичном. Моно-но аварэ – выражение Единого в единичном [4].

Секрет знаменитого «сада камней» Рёандзи в том и состоит, что, сосредоточившись на неподвижном, ощущаешь движение, космический ритм. Здесь нет намерения, но найдена гармония – не та, которую конструирует человеческий разум, а та, что заключена в самой природе. Камни спокойно лежат поодаль друг от друга, своим бесстрашием снимают напряжение, возвращают утраченное равновесие.

Ясунари Кавабата – японский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе в своей нобелевской речи дважды возвращается к стихотворению Догэна, японского мыслителя, патриарха дзэн, «Изначальный образ»:

«Цветы – весной.

Кукушка – летом.

Осенью – луна.

Чистый и холодный снег –

Зимой.

Хотя эти эти строки мало похожи на стихи, они дожили до XX в. и продолжают волновать. Одни и те же слова, переходящие из века в век, должны повторяться, чтобы не нарушилась связь времен. Слова, сопричастные вечности, не должны отвлекать внимание на самих себя, потому что истина – за пределами слов [6].

Не могло не сказаться на понимании прекрасного и традиционное ощущение неповторимости каждой вещи. Лишь тогда красота может быть выражена, когда она воплощается в индивидуальном образе, будь то образ цветка или женщины. (*Black swans glided across the pond with a bearing so proud they made me feel ashamed to be such an ungainly creature as a human being*) [16].

У японцев не могло появиться понятия безобразного как антипода прекрасного, так же, как оно не могло не появиться при дуальной модели мира, при склонности сознания разделять все на противоположности. Представление о красоте отражает представление о мире. И если сознание допускало существование части и целого, то и красота должна была восприниматься подобным же образом.

Японцы понимали красоту «недуально»: красота и есть добро. Красота неотъемлема от истины. Недуальная модель не могла не сказаться на понимании прекрасного. Истина должна быть красивой. Только красивая вещь может быть истинной. Красота – закон не только искусства, но и жизни. (*He was like a song I'd heard once in fragments but had been singing in my mind ever since*). [16]

Японцы настолько привыкли к иносказанию, что воспринимали пейзаж не просто как пейзаж, а как воплощение Пути. Белая яшма для них – не просто белая яшма, а олицетворение чего-то чистого, непорочного, той красоты, которая для всех одина и у каждого своя. Кукушка олицетворяет разлуку и печаль, хризантема – символ искренности и простоты. Хризантема не только сама по себе радует глаз японца, она вызывает ассоциации, потому что хризантема – не только цветок, но и символ воплощения затаенного.

«Случается, что люди называют одно и то же разными именами. Слова несхожи, а смысл один. Речь буддийского монаха. Речь мужчины. Речь женщины. Немногословие прекрасно». Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья [13].

В мире продолжают сосуществовать совершенно различные, в значительной мере обособленные культурные пространства со своими, не похожими на других основополагающими архетипами сознания, определяющими отношение к миру, роль личности и тип мышления. Очевидно, что все языки и всякая культура уникальны по-своему.

Для японского мировосприятия характерно детерминирование языковых факторов факторами природными или социальными [5].

Богата лексика, связанная с погодой, с сезонами года, весьма дифференцированы названия рельефа и морских просторов. Вообще, много слов (значение которых часто трудно передать по-русски или по-английски), связанных с водой (морской, речной, дождевой) и влагой: есть особые слова для горячей (yu) и холодной (mizu) воды, много лексем, обозначающих промокание и отсыревание. Лексика со значением ощущений довольно бедна: по-японски трудно передать разницу между словами твердый и жесткий. Зато богата лексика, связанная с психологическими состояниями: русскому грустный или английскому sad соответствуют четыре не синонимичных слова, различие между которыми по-русски или по-английски трудно передать [1].

Им интереснее находиться внутри своего небольшого обустроенного мира, где всё знакомо и предсказуемо. Эта особенность мировосприятия стала важной составляющей национального японского характера. Ощущение внутреннего комфорта и спокойствия, которое дает существование в ограниченном коллективе или пространстве, присутствует в японском менталитете и сегодня.

Японские поэты и писатели часто передают своё восхищение природой через одну-единственную деталь, причем не саму по себе, а через восприятие этой детали человеком. Концентрация внимания на ближайшем жизненном пространстве стала традицией и отличительной чертой японского мировосприятия [10].

Реальные факты и явления окружающего мира всегда интересовали японцев больше, чем фантазии и выдумки, а простые понятия привлекали больше, чем сложные. (*Go along at constant pace when you can, taking little steps to keep the bottom of your kimono fluttering. When a woman walks, she should give the impression of waves rippling over a sandbar*) [16].

Известный американский антрополог Бенедикт Рут в своей книге *Хризантема и меч. Модели японской культуры* подчеркивала, что, независимо от странности поступка или суждения человека, его образ чувствования или мышления имел некую связь с опытом его жизни. «Поэтому, чем больше меня что-то смущало в поведении японцев, тем с большим основанием я предполагала, что где-то в японской жизни есть нечто ординарное, что

является причиной этой странности. Если поиск приводил меня к самым заурядным деталям повседневного общения, тем было лучше.»[2]

Общечеловеческое выражается через неповторимую форму национального, а еще точнее – через неповторимую форму индивидуального, так же, как общие свойства людей выражаются через разнообразие индивидуальных судеб.

«Что останется после меня? Цветы – весной,
Кукушка – в горах, Осенью – листья клена».

Простейшие образы, обыкновенные слова незамысловато, даже подчеркнуто просто, поставлены рядом, но, чередуясь, они передают сокровенную суть Японии» [6].

Приверженность к национальной культуре с ее духовной и материальной независимостью, демонстрирующей связь идентичности личной и социальной, объясняет притягательность унаследованного из прошлого ценностного ядра японской культуры, которая всегда выделяла Японию из других сообществ.

Литература:

1. Алпатов, В. М. О языковой картине мира японцев / В. М. Алпатов // Историческая психология и социология истории. – № 1 (1). – 2008.
2. Бенедикт, Рут. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Рут Бенедикт // М.: РОССПЭН, 2004. – 256 с.
3. Боас, Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук / Ф. Боас // Антология исследований культуры. – СПб., 1997. – С. 503.
4. Григорьева, Т. П. Японская художественная традиция / Т. П. Григорьева. – М.: Наука, Институт востоковедения Академии наук СССР, 1979. – 370 с.
5. Гуревич, Т. М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира / Т. М. Гуревич: автореферат дис. ... д-ра культурологических наук: 24.00.01. – Москва, 2006. – 330 с.
6. Кавабата, Ясунари. Красотой Японии рожденный. Нобелевская речь 1968 / Ясунари Кавабата. – М.: Панорама, 1993.
7. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания, 1993. – 174 с. – С. 16–21.
8. Маркарян, Е. С. Очерки теории культуры / Е. С. Маркарян. – Ереван, 1969. – 228 с. – С. 68.
9. Мещеряков, А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений / А. Н. Мещеряков. – М.: Рипол Классик, 2007. – 592 с.
10. Прасол, А. Ф. Япония. лики времени / А. Ф. Прасол. – М.: Наталис, 2011. – 360 с.

11. Привалова, И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность / И. В. Привалова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Москва, 2006.

12. Смирнов, С. Д. Психология образа: проблемы активности психического отражения / С. Д. Смирнов. – М., 1985. – С. 144–149.

13. Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / Сэй-Сёнагон. – М.: Худож. лит., 1975. – 368 с.

14. Тамерьян, Т. Ю. Концепция образа мира / Т. Ю. Тамерьян. – Режим доступа: <http://svarkhipov.narod.ru/vipu/tame.htm>

15. Geertz, C. The Interpretation of Cultures. Selected Essays / C. Geertz. – New York, 2000. – 479 p. – P. 5, 12, 33-54, 452–453.

16. Golden, A. Memoirs of Geisha / Arthur Golden. – New York: Vintage Books, 1997. – 434 p. – P.157, 185, 197, 245.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В XIX СТОЛЕТИИ

П. В. Ломанов

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»
(Красноярск)

ISSUES IN RUSSIAN CULTUROLOGICAL TRADITION OF XIX CENTURY

P. V. Lomanov

Summary. XIX century in history of the Russian culturological tradition is of the great importance. In the XIX century Russian science acquired the concept “culture” and theoretical research of culture began. But the second half XIX century was marked by cultural and philosophical concepts of N. Ya. Danilevsky, K. N. Leontev, N. I. Kareev which are notable for their independence, originality and deep content. It is connected with historical development of Russia in the XIX century and peculiarities of reception of the concept “culture” in Russian tradition.

Исследования культуры (как чисто эмпирические направления, связанные с предметными областями филологии, этнографии, археологии, истории, так и теоретическое, философское осмысление) имеют особое значение для российской научной и философской традиции XIX века. Пожалуй, в отечественном социальном и гуманитарном знании, нет другого направления, которое так же обогатило бы и российскую и мировую науку и философию. Прежде всего, речь, конечно же, идет об историософской концепции Н. Я. Данилевского, которая легла в основание цивилизационного подхода в социальном знании, оказала огромное влияние на концепции О. Шпенглера, А. Дж. Тойн-

би и других западных мыслителей и исследователей культуры. Историки западной науки о культуре придают огромное значение учению Данилевского. Здесь уместно, как пример, привести цитату А. Л. Кребера из работы «Style and Civilizations» 1957 года: «Теорию Данилевского называли сухой, прозаической, и в известном смысле она действительно такова. Но в этом и заключается ее сила; а уж внутри заданных ею рамок Шпенглер, Тойнби, Сорокин и мы, все прочие, можем возводить, детально разрабатывать или расширять специальные надстройки» [5, с. 879]. Но концепцией Н. Я. Данилевского не исчерпываются культурфилософские построения в отечественной мысли указанного периода. Последняя четверть XIX века и первые два десятилетия XX дали еще ряд замечательных концепций, идей, построений культурологического направления. Это и во многом написанные под влиянием идей Данилевского культурфилософские по своей сути работы К. Н. Леонтьева (прежде всего статья «Византизм и славянство» 1875 года), и многочисленные исторические, историографические, социологические и историософские работы Н. И. Кареева, написанные в период с середины 1870-х по 1920-е годы (прежде всего «Философия культурной и социальной истории Нового времени» 1893 года), в которых предпринята детальная разработка проблемы духовной культуры как определяющего фактора социального развития, ее отношения с реалиями экономики, политики, социальной организации, культурных групп и принципов их организации. И особенно необходимо отметить творчество Андрея Белого (в данном случае философское), в котором постановка проблемы культуры, выработка определения понятия «культура», развитие задач научного и философского анализа культуры, по сути, предвосхищают очень многие тенденции науки и философии всего XX века и дают право называть мыслителя первым российским культурологом.

Само понятие «культура» впервые было использовано в российской научной и философской традиции в 1836 году философом - шеллингианцем и физиологом Д. М. Велланским, который определял его следующим образом: «Природа – возделанная духом человеческим, есть Культура, соответствующая Nature так, как понятие сообразно вещи. Предмет Культуры составляют идеальные вещи, а предмет Nature суть реальные понятия. Деяния в Culture производятся с сосвещением, произведения в Nature происходят без сосвещения. Посему Культура есть идеального свойства, Nature имеет реальное качество. – Обе, по их содержанию, находятся параллельными; и три царства Nature: ископаемое, растительное и животное, соответствуют областям Культуры, заключающим в себе предметы Искусств, Наук и Нравственного Образования» [2, с. 196–197]. В данном определении существенно влияние немецких основателей культурфилософии И. К. Аделунга и И. Г. Гердера (прежде всего в антропологической, основанной на деятельностном подходе к культуре позиции) и объективного идеализма Шеллинга. Но широкого распространения понятие «культура» до второй половины XIX столетия не получило. Однако культурфилософская мысль в России развивалась и не усво-

ив самого понятия. «Просвещение» стало термином, определившим тот круг явлений, который, в наше время обычно связывается с культурой. В публицистике А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского в том значении, в котором позже используется слово «культура», фигурирует именно этот термин [6]. Следует отметить, что обозначение культуры как «просвещения» укладывается в ту парадигму европейской историософской мысли, которая связывается обычно с французским просвещением и гегельянством, для которой характерно представление (европоцентристское по своей сути) о едином центре развития мировой цивилизации, о культуре как о сумме «положительных достижений», о том, что «подлинную культуру» творят «исторические» народы, а культура народов «периферийных» не стоит внимания исследователей. Авторы, такие как, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский творили в тот период, когда русская мысль находилась под сильным влиянием как французского просвещения, так и немецкой классической философии. Но в тот же исторический период (речь идет о 1830-х – 1850-х годах) в России осуществляются попытки создать иную философию истории, не основанную на европоцентристских схемах. Определенным толчком для этого направления мысли стал тот комплекс идей, который И. Берлин охарактеризовал как «контрпросвещение» [1].

Те европейские мыслители, которых И. Берлин связал с данным направлением (Дж. Вико, Ж. де Местр, И. Г. Гердер), во многом отрицали тезис о едином центре в развитии культуры, отстаивали идею «культурного плюрализма». Интересно, что и де Местр (живший в России в качестве посланника Сардинского королевства в 1803–1817 годах), и Гердер, труды которого были широко известны в России XIX века, оказали заметное влияние на развитие русской мысли [3]. Также, конечно же, в России было сильно влияние немецкого романтизма, с его повышенным интересом к национальной культуре с ее уникальностью, самобытностью.

В развитии этой историософской линии можно выделить две стороны, безусловно, связанные между собой.

Во первых, «философское» и «богословское» направление, представленное прежде всего П. Я. Чаадаевым, славянофилами (главным образом А. С. Хомяковым, а также К. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариним), отдельными философскими разработками Н. В. Гоголя. Позже близки к этому направлению были Ф. М. Достоевский (выразивший целый комплекс культурфилософских взглядов и установок в своей «Пушкинской речи»), Н. Н. Страхов и многие другие мыслители.

Во вторых, движение, связанное с эмпирическими исследованиями российских этнографов, историков, филологов (А. Н. Пыпин, А. Ф. Гильфердинг, В. И. Ламанский, А. Н. Веселовский, С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. О. Ключевский и др.). Социальные и гуманитарные исследования, связанные с русской и мировой историей, традиционной культурой различ-

ных народов (особенный интерес вызывали славяне), национальной литературной традицией способствовали разработке теоретических вопросов.

В своих историографических работах В. О. Ключевский особо выделил это «культурологическое» направление в русской исторической науке: «Задача исторического исследования раздвоилась: для одних предметом его сделались преимущественно генезис и развитие политических форм и социальных отношений, политика и право, для других – рост национальных преданий и обычаев, дух и быт народа. Это раздвоение по существу своему не давало повода к антагонизму обоим направлениям в исторической науке: оно, собственно, было не более как простым разделением труда в работе над одним и тем же предметом» [4, с. 309].

Можно говорить, что усилиями нескольких поколений российских философов, ученых, литераторов (от основоположников русской историософской мысли, таких, как П. Я. Чаадаев, старшие славянофилы, до историков, этнографов, философов конца XIX века) исследования культуры в России выделились в отдельное направление. Крупнейшими представителями этого направления стали Н. Я. Данилевский и Н. И. Кареев, теоретические разработки которых во многом опередили свое время и предопределили многие направления (особенно концепция Н. Я. Данилевского) исследований культуры в XX веке.

Литература:

1. Берлин, И. Противники просвещения / И. Берлин // Исая Берлин. Философия свободы. Европа. – М., 2001. – С. 299–332.
2. Велланский, Д. М Основные начертания общей и частной физиологии или физики органического мира / Д. М. Велланский. – СПб., 1836.
3. Жукова Е.П. Гердер и философско-культурологическая мысль в России: автореф. дис. ... канд. культурол. / Е. П. Жукова. – М., 2000.
4. Ключевский, В. О. Соловьев С. М. / В. О. Ключевский // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 томах. – М., 1989. – Т. 7. – С. 309.
5. Кребер, А. Л. Стиль и цивилизации / А. Л. Кребер // Кребер А. Л. Избранное: Природа культуры. – М.: РОССПЭН, 2004.
6. Сугай, Л. А. Термины "культура", "цивилизация" и "просвещение" в России XIX – начала XX века / Л. А. Сугай // Труды ГАСК. – Вып. II. Мир культуры. – М.: ГАСК, 2000. – С. 39–53.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПОЛЕ (УЧИТЕЛЬ ИЛИ ПРОФЕССОР?)

М. В. Межова, Осам Бадави

*ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры»
(Кемерово)*

LEXICAL CULTURAL UNITS IN TRANSLATION SPACE

M. Mezхова, Osama Badawy

Summary: The paper concerns the cultural and national specifics of the words which are included in basic national fund of the Russian and English languages. The lexical unit *teacher* is considered in comparison of English and Russian linguacultures. The semantic analysis of the lexeme *teacher* in two linguacultures shows that in the Russian language picture of the world this lexical unit is recorded in literary works and *teacher* represents a fragment of the Russian language picture of the world. In the English linguaculture a lexeme the *teacher* doesn't has context which it has in the Russian linguaculture. The paper presents a number of examples from literary works where the deep cultural background of a lexeme *teacher* in the Russian language picture of the world is designated. Distinctions of two linguacultures about these or those objects, the phenomena in the form of their opposition in a sociocultural context, background language, cultural and historical knowledge are distinguished. On the basis of the analysis the lexeme *teacher* is considered as a fragment of a language picture of the world in the Russian linguaculture.

В статье обсуждается проблема культурно-национальной детерминированности семантики и функционирования лексических единиц, составляющих базовый национальный фонд русского и английского языков. Лексическая единица *учитель* рассматривается в сопоставлении английской и русской лингвокультур. На основе анализа семантики и функционирования лексемы *учитель* в двух лингвокультурах доказывається, что в русской языковой картине мира эта лексическая единица зафиксирована в художественных произведениях и представляет фрагмент русской языковой картины мира. В английской лингвокультуре лексема *учитель* не является репрезентантом именно в том контексте, в котором она существует в русской лингвокультуре. Приводится ряд примеров из художественных произведений, где обозначен глубокий культурный фон, лежащий за лексемой *учитель* в русской языковой картине мира. Выделяются различия у представителей двух лингвокультур о тех или иных предметах, явлениях в виде их противопоставления в социокультурном контексте, фоновых языковых, культурных и исторических знаний. На основе анализа функционирования лексемы *учитель* делается вывод о мультисемантической основе единиц сознания, являющихся фрагментом языковой картины мира русской лингвокультуры.

Ключевые слова: *лингвокультура, переводоведение, культурная картина мира, языковая картина мира, лексическая единица, учитель.*

Key words: *lingua culture, translation, culture world picture, language world picture, lexicological unit, teacher.*

Являясь национально специфическим компонентом культуры, язык не существует вне ее. Каждый язык делит мир по лингвокультурному принципу и выделяет свою собственную локативную языковую семантику, которая дает представления об окружающем мире, о своих представителях и о представителях другой культуры. Содержание лексических единиц в том или ином языке в полной степени соотносится с национальной культурой, равно как и подчиняет себе некоторые представления и организует восприятие мира его носителями.

Такое представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры, восходит к идеям Гумбольдта, получившим свое крайнее выражение в гипотезе Сепира-Уорфа: «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают, они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [11, с. 157].

Поскольку каждый носитель языка является и носителем культуры, то языковые единицы служат средством, выразителем этой культуры. Именно поэтому язык способен отражать культурно-национальную ментальность его носителей. Каждая культура имеет специфическую как культурную, так и языковую картину мира. И именно в языке вербализуется культурная картина мира. В этом случае лексические единицы, пропускаемые через призму культурной картины мира, не только представляют собой названия предметов и явлений, но и являются отображением всей культурной насыщенности, которая присуща только данной культуре. Таким образом, с культурологической точки зрения, «язык является специфическим средством хранения и передачи информации, а также управления человеческим поведением» [8, с. 63].

Таким образом, слово как единица языка различным образом соотносится с обозначаемым предметом или явлением в разных культурах в силу различий как между предметами и явлениями, так и культурными представлениями о них. В последнее время специалисты в области лингвистических наук уделяют большое внимание проблеме несоответствий (в том числе переводческих несоответствий) между культурными представлениями разных народов о тех или иных предметах и явлениях реальности (которые имеют эквивалентные обозначения) в разных культурах (языках). Соответственно, слово должно рассматриваться не только как лексическая единица номинативного

характера, но и как отражение национальной картины мира носителей ее языка: «...реально употребление слов в речи, реальное речепроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива» [4, с. 29].

Так, например, английское понятие «house – where someone lives», существенно отличается от русского «дом». Longman Dictionary of Contemporary English определяет «house» как «building that someone lives, especially that has more than one level» [5, p. 790]. Мультисемантическое количество значений лексемы *дом*, зафиксированное в словаре (дом – ‘здание’, ‘дом – компания’, дом – ‘место проживания’ и т. д.), не раскрывает значения этой лексемы в понимании представителя русской культуры. т. е., эти денотаты являются неэквивалентными в разных культурах не на уровне перевода, а на уровне смысла данной языковой единицы. Так, например, для русских единица *дом* используется и для обозначения здания, и для места проживания: *Какой красивый и большой дом! / Я дома.* Для обозначения дома как места проживания в английской лингвокультуре употребляется слово *home* – ‘place where you live’. Кроме того, словарная мультисемантичность слова определяет эту языковую единицу как *home* – ‘the place you came from’, ‘home – is your country’, ‘home is your family’, т. е. дом – это место, откуда ты родом; дом – это МЕСТО, где живут твои родители, дом – это твоя страна) [5, p. 778]. Различие представлений об одном и том же денотате у носителей различных культур доказывает, что данные о том или ином явлении и предмете отсутствуют в их языковом сознании. Существует множество таких лексических единиц (это могут быть и ключевые слова той или иной культуры, слова ассоциации, концепты, фразеологические единицы, лакуны, реалии, безэквивалентная лексика, слова-репрезентанты культуры и т. д.). В русском языке такими единицами могут быть *воля, дружба, тоска, душа, дорога, путь* и т. д. [4]. Наличие в языке национально и культурно обусловленной лексики подчеркивает необходимость интерпретации языковых средств и глубокого анализа процессов адаптации при переводе чужого слова в языке, соответствии этого слова культурной ментальности носителей языка и ассимиляции этого слова в понятийном пространстве языка. Опираясь на эти параметры (культурологический, лексический, понятийный, семантический), представляется возможным выявить совокупность признаков, которые лежат в основе различий репрезентации той или иной лексической единицы в кросскультурной сообразности (межкультурном пространстве).

Практической основой для данного лингвокультурологического исследования послужила лексическая единица *учитель*. Выбор данной лексемы обусловлен множеством факторов, в числе которых выделяется культурный, семантический, лингвистический, понятийный, стереотипный. Прежде всего следует отметить, что слово *teacher* (учитель) в английской лингвокультуре употребляется лишь в случае, когда речь идет о начальном школьном образовании: *history teacher, language teacher, math teacher, college teacher, private*

teacher (учитель истории, учитель языка, учитель математики, учитель колледжа, частный учитель (репетитор). Опираясь на исследования лингвистического, литературоведческого, культурологического и общегуманитарного характера, посвященных истории и культуре Великобритании [2; 5; 9; 12], уже в XII в., в Англии существовали грамматические школы (*grammar schools*), в которых основными предметами были: латинский язык, музыка, астрономия, стихосложение, математика и ряд других классических языков. Это были в основном небольшие школы, прикрепленные к храмам и монастырям, и которые составляли основу школьной системы страны на протяжении многих веков. В ходе реформации (VII век), многие школы были переданы в городские управления. Впоследствии эти грамматические школы (*grammar schools*) получили название «общеобразовательные», и в XIX веке их стали обозначать «классическими гимназиями» (обычно там обучаются до 14 лет), что также соответствует русскому названию «образовательная/средняя школа». Известно, что огромную роль в сфере массового образования в Англии в XIX в. играла религия. Основные цели просветительской деятельности евангелистов были религиозные, и они имели большое значение в образовании населения. Создавались воскресные школы, где преподавали религию, детей кормили, одевали, давали некоторые практические навыки жизни и в меньшей степени, чем в обычных школах, учили основам чтения и письма. Многие будущие педагоги начинали свою деятельность в качестве учителей именно в этих школах. Этимология лексической единицы *teacher* (учитель) в английском языке ограничивается лишь понятием, включающим в себя *учительство* как *деятельность*. Так, например, Толковый словарь современного английского языка Longman Dictionary of Contemporary English определяет единицу *учитель* как ‘teacher – someone whose job is to teach, especially in a school (primary school teacher)’ [13, p. 1701]. В этом же поле обозначены такие лексические единицы, как *professor, lecturer, tutor, instructor, coach, trainer, educator* (профессор, лектор, тьютор, инструктор, тренер, ведущий мастер-классы, специалист, работающий в сфере образования/педагог). В Англии нет такого понятия, как педагогический университет. Чтобы стать учителем, нужно окончить университет по тому предмету, который собираешься преподавать, а потом двухгодичные курсы, на которых учат педагогическим наукам. В английских школах также нет такого понятия, как классное руководство. Эту функцию выполняет отдельный учитель, который не занят преподаванием, уроки проводятся учителем с помощником: первый – обучает, второй – следит за дисциплиной [1].

Лексическая единица *teacher* (учитель) в английской лингвокультуре практически не имеет своего закрепления в художественной литературе и соответственно не происходит прославления учителя как личности и популяризации профессии учителя как воспитателя, как наставника, как это закреплено в художественной литературе русской лингвокультуры.

При отборе книг, необходимых для исследования, весь контент (исходя из названий и предисловий) книг сводился лишь к методическому направлению, либо к отношению учителя к ребенку, например: «*No Child Left Behind? The True Story of a Teacher's Quest*» («Никакой ребенок не остался без внимания? Настоящая история одного учителя»), «*The Missing Heart: Chronicles of an Educator*» («Тоскующее сердце: хроника одного педагога»), «*Inside Mrs. B.'s Classroom: Courage, Hope, and Learning*» («В классе мистера Б.: Храбрость, Надежда и Обучение»), «*It's a Teacher's Life!: A Collection of Poems Set in a Girl's Private School*» («Это и есть жизнь учителя!: поэзия женской частной школы»).

Как показывают исследования по истории учительства в России [3; 9], учительство в России берет свое начало с 988 г. и связывается с именем князя Владимира, принесшего на Русь христианство. Важным историческим фактом является то, что первыми учителями были русские священники и монахи. Затем появилось и учительское сословие (учительные люди). Во времена Екатерины II учитель должен был не только учить, но и воспитывать. Воспитание являлось неотъемлемой частью образования. Подбору хорошего учителя или педагога-наставника уделялось большое значение. Учителей в 1800 году насчитывалось всего 790 человек. До конца XVIII века в России вовсе не было педагогических учебных заведений. К концу XIX века профессия учителя становится уважаемой, получает признание в обществе. В 1870-е годы в России создаётся сеть учебных заведений по подготовке учительских кадров. В 1874 году был введён экзамен на звание народного учителя, что повысило престиж профессии. Для осуществления педагогической деятельности в России, необходимо иметь именно педагогическое образование (педагогический колледж – для работы в дошкольных учреждениях, педагогический вуз – для работы в школах, вузах). Профессия учителя в России интегрирует в себе двойственную направленность: обучение и воспитание. Так, например, если проанализировать русские художественные произведения об учительстве, можно очевидно выявить, что на первом плане этой профессии стоит воспитательная функция, а затем обучающая.

В результате анализа контента художественных произведений русской культуры, представляется возможным сделать вывод, что существует огромный пласт лингвокультурных и национальных признаков, которые репрезентированы в языковой единице *учитель* и составляют отдельный фрагмент русской языковой картины мира. Лексическими репрезентантами в семантическом поле *учитель* в русской культуре выступают следующие единицы: призвание – *учитель*, *хороший учитель*, *добрый учитель*, *учитель с большой буквы*, *великий учитель*, *заслуженный учитель*, *народный учитель*, *имя гордое – учитель* (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма», А. П. Платонов «Песчаная учительница», В. А. Алексеев «Открытый урок», В. Г. Распутин «Уроки французского», Ю. М. Нагибин «Зимний дуб», Г. И. Полонский «Дождивем до понедельника», А. Гайдар «Школа» и многие другие). Русская ли-

тература является хранителем и транслятором культурной информации, накопленного опыта для передачи следующим поколениям. Все эти и многие другие произведения фиксируют представления, отношение к учительству, к личности учителя и составляют тот культурный фон, который определяет русскую лингвокультуру.

В английской лингвокультуре лексема *учитель* не является репрезентантом именно в том контексте, в котором она существует в русской культуре, а соответственно имеет другую смысловую, культурологическую и семантическую функцию в английской языковой картине мира. Поэтому представления носителей разных лингвокультур о тех или иных предметах, явлениях различны и зависят от того социокультурного контекста, фоновых культурных и исторических знаний, которые определяют их культурное и языковое сознание.

Анализ и описание таких лексем, как *учитель*, основывается не только на языковых данных, но и имеет мультисемантическую основу единиц сознания, являющихся фрагментом языковой картины мира русской лингвокультуры. Вместе с тем анализ их содержания в межкультурном лингвистическом поле служит достоверным культуросообразным материалом для познания и понимания той или иной лингвокультуры. Результаты этого и подобных исследований окажутся чрезвычайно значимыми при переводе текстов, поскольку для адекватного перевода необходимо учитывать национально-культурный фон ключевых лексем.

Литература:

1. Аврамова, В. Языковой код культуры / В. Аврамова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.). В 15 т. – Т. 6. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 13–17.
2. Воевода, Е. В. Великобритания: история и культура / Е. В. Воевода. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 221 с.
3. Гуркина, Н. К. Г 24. История образования в России (X–XX века): учеб. пособие / Н. К. Гуркина. – СПб.: СПбГУАП, 2001. – 64 с.
4. Зализняк, А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
5. Ильющенко, Н. С. Discovering Britain. – 2-е изд. доп. / Н. С. Ильющенко. – М.: КДУ, 2011. – 324 с.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; Российская академия наук. Институт им. В. В. Виноградова. – 4 изд., доп. – М.: ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.

8. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация / А. П. Садохин. – М.: Альфа-М; Инфра-М, 2004. – 288 с.
9. Салимова, К. Педагогика народов мира: история и современность / К. Салимова, Н. Додде. – М.: Педагогическое общество России, 2001. – 576 с.
10. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
11. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 157–202.
12. Филиппова, М. М. Английский национальный характер / М. М. Филиппова. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 382 с.
13. Longman Dictionary of Contemporary English, Person Education Limited. – Great Britain, 2003. – 1950 p.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОМ АФРОАМЕРИКАНСКОМ ЮМОРЕ В ЖАНРЕ СТЕНДАП

Т. А. Мельничук, Д. А. Андросова

*ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова» (Якутск)*

VERBALIZATION OF AFRICAN AMERICAN STEREOTYPES IN CONTEMPORARY BLACK STAND-UP COMEDY

T. A. Melnichuk, D. A. Androsova

Summary. The purpose of this research is to identify semantic and linguistic features of Black stereotypes represented in contemporary African American stand-up comedy. Historical and modern Black stereotypes are compared and major semantic shifts identified. Language means of expressing ethnic stereotypes are analyzed.

Говоря об этническом компоненте в американской культуре, необходимо помнить две вещи: с одной стороны, американское общество с самого начала своей истории является *полиэтническим*; с другой стороны, США сегодня испытывают кризис *мультикультурализма*. Межэтнические трения существовали в стране всегда, однако со второй половины 20 века, на фоне успешной борьбы за гражданские права, американское общество было охвачено оптимистической идеей равноправного сосуществования различных культур. Время показало, что оптимизм был преждевременным и расовая сегрегация в США не была побеждена, а лишь претерпела некоторые внешние изменения [1, с. 2]. Такое явление, как расовая дискриминация, по-прежнему существует, в первую очередь в форме культурно-этнических стереотипов [5, с. 79].

Стереотип – это недостоверное обобщение о группе людей, основанное на приписывании данной группе каких-либо характеристик. Стереотипы существуют в пределах определенной культуры и являются внутри данной культуры предрассудками одной группы людей по отношению к другой группе [2, с. 252]. Язык отражает стереотипы и предрассудки, являясь средством их речевого выражения, но одновременно и способствует их существованию в обществе, создавая необходимый языковой и речевой инструментарий.

Истоки стереотипов об афроамериканцах кроются в эпохе рабовладения, которая началась с первых лет колонизации Северной Америки и официально завершилась с отменой рабства в середине 19 века. Традиционно выделяют следующие основные архетипы чернокожего американца, которые активно популяризировались в американской культуре: Tom (Том – покорный глупый раб с покладистым характером), Coon («Негр-пройдоха» – ленивый и хитрый раб), Tragic Mulatto («Печальный мулат», не способный найти свое место между «белым» и «черным» мирами), Mammy («Няня» – крупная хозяйственная женщина, добродушная прислуга), Black Brute / Savage («Черный дикарь» – склонный к физическому насилию афроамериканец) [3, с. 26-27]. Разумеется, отмена рабства не повлекла за собой автоматической перемены в отношении к чернокожим в американском обществе. Понадобилось еще сто лет, чтобы общественное сознание начало меняться и отказалось от дискриминации по этническому признаку. В 1970-е гг., в результате успешного Движения за гражданские права, возникла необходимость в новом политкорректном языке, с помощью которого стало бы возможным отказаться от стереотипов при описании новой реальности, например, использовать определение *African-American*, вместо *Negro*. Несмотря на изменения в языке, стереотипы в обществе все ещё сильны, однако наблюдаются значительные изменения. Стереотипы, когда-то созданные доминирующей прослойкой белых потомков европейцев, теперь обыгрываются самими афроамериканцами. Соответственно, в стереотипах и том, как они выражаются в языке, происходят некоторые семантические сдвиги.

Одной из сфер проявления стереотипов в языке является юмор. В качестве материала для данного исследования были использованы выступления афроамериканских комиков в жанре стендап (stand-up). Данный комедийный жанр в форме монологического высказывания перед аудиторией находится в самом центре американского юмористического дискурса, особенно в 20 и 21 веках. Для жанра стендап характерно непосредственное взаимодействие комедийного артиста и публики, иронические и сатирические комментарии в адрес аудитории и общества в целом, критика и самокритика. В своем выступлении артист сочетает вербальные и невербальные способы передачи сообщения таким образом, что шутка часто не может быть понята без учета сопровождающей семантически значимой жестикуляции [6, с. 73].

В ходе работы были проанализированы следующие выступления в жанре стендап: «Dysfunktional family» (2003) и «You can tell'em I said it» (2011) Эд-

ди Гриффина, «Never scared» (2004) Криса Рока, «For what it's worth» (2005) Дэйва Шапелла. С помощью методов лингво-стилистического, лексико-семантического и прагматического анализа удалось выделить в текстах выступлений ключевые темы и наиболее распространенные ситуативные контексты, связанные со стереотипами об афроамериканцах, а также охарактеризовать лексико-грамматические особенности языковой реализации стереотипов. Проведенное исследование позволило: а) разделить современные стереотипы на две группы в зависимости от оценочности (отрицательные, положительные) и тематические подгруппы (физические и умственные характеристики, манера поведения и образ жизни, взаимоотношение с другими этническими группами); б) проследить связь современных стереотипов с историческими архетипами и выявить некоторые изменения в оценочности и ситуативно-тематическом наполнении стереотипов, произошедшие в 20 веке; в) выделить доминирующие лексико-грамматические средства языковой репрезентации стереотипов об афроамериканцах в жанре стендап. Рассмотрим подробнее, как изменилась интерпретация стереотипов в современном афроамериканском юморе.

1. Отрицательные стереотипы. Ранее физические и умственные характеристики были неременной составляющей отрицательных стереотипов об афроамериканцах: недалекого ума, однако обладающий большой физической силой, – вот типичный архетип чернокожего американца в период до Движения за гражданские права. Манера поведения и образ жизни характеризовались, в основном, либо как иждивенческие (в силу своей глупости, чернокожий раб/бывший раб не способен самостоятельно поддерживать свое существование), либо как безуспешные попытки подражать образу жизни белых людей (бескультурный дикарь хочет быть похожим на цивилизованного человека). Соответственно, этнические группы «черные» и «белые» рассматривались как находящиеся на противоположных полюсах культурно-социального пространства.

Главные семантические сдвиги, произошедшие в использовании отрицательных стереотипов в современном юморе в жанре стендап:

1) Отрицательные стереотипы становятся ситуативно-обусловленными, т. е. в основе негативного образа афроамериканца теперь лежат не якобы биологически мотивированные черты, но условия, в которые его ставит американское общество. Следовательно, в шутках отражается определенный набор типичных тематик: наркотики (drugs), отношения с законом (police), гетто (ghetto). Отрицательные стереотипы в основном относятся к подгруппе, описывающей манеру поведения и образ жизни.

2) Оппозиция «черный»-«белый» (black-white) по-прежнему активно используется, однако не приравнивается к противопоставлению «плохой – хороший», скорее наоборот, что видно в следующем примере из выступления Криса Рока:

White man makes guns. Nobody gives a damn. White man makes guns, kids shoot up each other in school, nobody gives a damn. White man makes guns, no problem. Black rapper says, "gun," Congressional hearing, like, Oh, my God, THAT NIGGER SAID 'GUN!' That's why people hate America, the hypocrisy about democracy.

Тема необъективного отношения органов власти к афроамериканцам выражена через гиперболизированную ситуацию с огнестрельным оружием: белые люди производят оружие, совершают убийства и это никого не беспокоит, но стоит чернокожему произнести слово «оружие», как в правительстве начинается паника. Кроме того, в антитезе «white man» – «nigger» используется прием иронического принижения, когда вместо стилистически равнозначной фразы «black man» для обозначения чернокожего человека используется оскорбительное именование «nigger», которое, нужно отметить, в афроамериканском варианте английского языка теряет негативный оттенок и становится вариантом языковой нормы, когда используется внутри афроамериканской субкультуры. В данном случае, слово «nigger» подчеркивает презрительно-предвзятое отношение властей США к афроамериканцам.

В следующем примере из монолога Дэйва Шапелла также отражены оба семантических сдвига:

I've stopped smoking weed with black people. <...> Every time I smoke weed with my black friends all you talk about is your trials and tribulations. I'm sick of that shit. I got my own problems. <...> I'm smoking weed to run away from my problems, not take away yours. From now on, I smoke weed exclusively with white people. <...> All white people talk about when they get high is other times that they got high.

Данная шутка, на первый взгляд, посвящена теме употребления наркотиков и проблем с законом. Тем не менее текстообразующим стилистическим приемом здесь вновь является антитеза «black people» - «white people»: «Every time I smoke weed with my black friends all you talk about is your trials and tribulations <...> All white people talk about when they get high is other times that they got high». В этом случае противопоставляются беззаботная жизнь белых и полная проблем жизнь черных.

2. Положительные стереотипы. Данная категория имеет гораздо менее долгую историю, нежели отрицательные стереотипы об афроамериканцах. Нельзя не отметить, что термин «положительный» в данном случае является неоднозначным, поскольку даже такие стереотипы могут лежать в основе предвзятого отношения и оказывать отрицательный эффект на восприятие этнических групп обществом [4, с. 291]. Среди основных семантических черт положительных стереотипов можно выделить следующие:

1) Происходит оценочный сдвиг в тематической подгруппе «физические и умственные характеристики» – ранее такие компоненты, как физическая сила и уровень интеллектуального развития присутствовали исключительно в от-

рицательных стереотипах. Теперь же физическая сила становится положительным стереотипом.

2) Возникают новые компоненты стереотипов, которые отсутствовали ранее, например – музыкальная и спортивная одаренность афроамериканцев.

В качестве примера стереотипа о музыкальности афроамериканцев можно привести отрывок из монолога Эдди Гриффина 2003 года:

Brothers and sisters, if you ever feeling down do what I do. When I have a bad day I go white people watching. Niggers, just driving in the neighborhood watching them walk [демонстрирует быструю походку белого человека выпрямив спину и наклонившись вперед]. <...> *Brothers, we walk with a rhythm! Everything we do we still have heartbeat. You can damn hear a music playing watching the nigger walking* [ходит вразвалку под ритм сердцебиения].

Здесь посредством антитезы «white people»-«brothers/we/the nigger», демонстрируются такие черты чернокожих, как чувство ритма («we walk with rhythm», «we still have heartbeat») и музыкальность («can hear a music playing watching the nigger walking»).

Физическое превосходство афроамериканцев отражено в примере из выступления Криса Рока:

Black people dominate sports in the United States: 20% of the population and 90 % of the Final Four.

Речь идет о «Финале четырех» – заключительном этапе чемпионата США по баскетболу. Согласно шутке, афроамериканцы составляют 90 % лучших игроков в баскетбол, в то время как их доля в населении США не превышает 20 %. В данной шутке противопоставление «черные»-«белые» не выражено, однако имплицитно присутствует антитеза «черные»-«другие этнические группы».

Заключение. Этнические стереотипы в выступлениях афроамериканских комиков в жанре стендап отражают существующие в обществе противоречия. Исторические стереотипы о чернокожем американце меняются вместе с положением этнических меньшинств в США, в связи с чем наблюдаются значительные семантические сдвиги в современных стереотипах:

а) биологическая обусловленность характеристик стереотипичного афроамериканца уступает место ситуативной обусловленности;

б) оппозиция «белый»-«черный» не используется в значении «хороший»-«плохой», но активно употребляется как прием антитезы с целью выявления существующего в социуме предвзятого отношения к афроамериканцам;

в) в стереотипах об афроамериканцах появляются новые компоненты (например, превосходные музыкальные и физические способности), которые теперь рассматриваются как положительные качества.

Среди лингвистических особенностей выражения положительных и отрицательных стереотипов наиболее примечательными являются следующие:

1) Распространено употребление сленга (напр.: weed – наркотики, hood – гетто, projects – трущобы), сниженной и обценной лексики (напр.: fuck up –

потерпеть неудачу, ugly ass – некрасивая девушка, fuck that – черт с ним), эксплетивов (damn, the fuck).

2) Сниженная и бранная лексика (nigger, mothefucker, damn, shit и др.) применяется в положительном контексте похвалы, восхищения, солидарности и т. д.

3) Нарушение языковой нормы используется как средство идентификации с «черной» субкультурой.

4) Наиболее часто употребляемые стилистические приемы: эксплицитная и имплицитная антитеза, гипербола, сравнение, ироническое принижение.

5) Имеет место большее разнообразие лексики для обозначения афроамериканцев, чем для белых американцев. Ср.: nigger, nigga, negro, black, rapper, brother, sister, black people/man, но white, white people/man/guy/girl.

6) Ключевыми темами, в рамках которых обыгрываются стереотипы, являются: предвзятость полиции и других органов власти, наркотики, оружие, жизнь в гетто, взаимоотношения с противоположным полом, взаимоотношения в семье, спорт.

Вышеперечисленные особенности выражения стереотипов характерны для афроамериканского юмора, являющегося частью афро- и общеамериканской культуры. В нем, как и во всей современной афроамериканской культуре, проявляется процесс поиска собственной идентичности. Языковые средства реализации стереотипов отражают этот сложный процесс во всей его полноте и противоречивости.

Литература:

1. Alexander, M. The new Jim Crow: Mass incarceration in the age of color-blindness / M. Alexander. – The New Press, 2012. – 312 с.
2. Blum, L. Stereotypes and stereotyping: A moral analysis / L. Blum // Philosophical papers. – 2004. – Т. 33. – №. 3. – С. 251–289.
3. Johnson, T. T. The Impact of Negative Stereotypes & Representations of African-Americans in the Media and African-American Incarceration. Master's thesis / T. T. Johnson. – 2012.
4. Kay, A. C. The insidious (and ironic) effects of positive stereotypes / A. C. Kay // Journal of Experimental Social Psychology. – 2013. – Т. 49. – №. 2. – С. 287–291.
5. Lentin, A. The crises of multiculturalism: Racism in a neoliberal age / A. Lentin, G. Titley. – Zed Books: Ltd, 2011. – 212 с.
6. Mintz, L. E. Standup comedy as social and cultural mediation / L. E. Mintz // American Quarterly. – 1985. – Т. 37. – №. 1. – С. 71–80.

**ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(на материале англо- и испаноязычных версий Библии)**

Е. В. Михайлова

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

**FEATURES OF THE MONETARY UNITS VERBALIZATION
IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT**

(based on the English and Spanish Bible Versions)

Ye. V. Mikhailova

Summary. The paper deals with the linguocultural research of the language units indicating the names of the monetary units and the sums of the monetary units in the texts of the English and Spanish Bible Versions. The types of substitution of the money units and the sums of money in the modern Versions are defined and the extralinguistic and linguistic factors influencing on them are revealed. Substitutions take place, mainly, under the influence of the extralinguistic factors: formation of nationhood, the change of the political power, the economic changes. These changes are reflected in the language and, consequently, in different Scriptus Versions.

Библия является одним из основных культуросозидающих текстов в истории европейской и мировой цивилизации. Она оказала значительное влияние на формирование мироощущения и языкового сознания разных народов мира. Библейские тексты являются ключевыми пунктами в интертекстуальном пространстве современной культуры, поскольку пронизаны множеством культурных кодов.

Тексты Библии хранят информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, все то, что составляет содержание культуры. Поскольку в англоязычных версиях Библии содержится вся эта информация относительно народов не только библейских времен, но и английского народа времен, когда создавались эти версии [1, с. 9], то, скорее всего, в библейских текстах, переведенных на различные народные языки, также можно обнаружить сведения о культуре этих народов.

В жизни любого современного общества деньги служат одной из основ материального благополучия и экономической независимости нации. Информация об истории возникновения и использования денежных единиц в том или ином государстве, а также о денежных отношениях, безусловно, позволяет получить достаточное представление о ценностях того или иного социума.

За последние годы возрос интерес к изучению библейских текстов и библейской лексики в лингвокультурологическом аспекте: проводился анализ

зоонимов на материале украинско- и англоязычных версий Библии [2], изучались особенности модификаций библейских контекстуальных фразеологизмов на материале англо- и франкоязычных версий Библии [3], рассматривались особенности субституций лексики бытовой тематики и фитонимической лексики в англоязычных библейских текстах [4; 5]. В рамках когнитивного подхода занимались описанием концепта MONEY и его структуры в синхронии и диахронии, а также в аспекте сопоставления его с другими европейскими языками и особенностями его объективации средствами современного английского языка [7].

Анализ современной научной литературы показал, что исследование особенностей номинации денежных единиц и их сопоставление в различных переводах Библии на европейских языках практически не осуществлялось, что и делает данную работу **актуальной**.

Цель данной работы заключается в выявлении закономерностей субституций названий денежных единиц в библейских текстах англоязычных версий в сопоставлении с испаноязычными под влиянием экстралингвальных факторов.

Поставленная цель определила конкретные **задачи** исследования: охарактеризовать денежные единицы библейских времен; определить виды и особенности субституций названий этих единиц в англоязычных версиях Библии в сравнении с испанскими версиями Библии; выяснить культурологические факторы, влияющие на субституции лексики данной тематики.

Объектом исследования выступают лексические единицы и словосочетания, функционирующие в англоязычных версиях Библии: King James Version (1611, далее – KJV), Today's New International Version (2002, TNIV), а также испаноязычных версиях Библии: Biblia del Oso (1569, BO), Biblia Reina-Valera (1960, BRV).

Предметом анализа являются лингвокультурологические особенности вербализации (субституции и трансформации) денежных единиц в библейских текстах, в зависимости от культурного наследия народов Великобритании и Испании.

В новозаветное время в Палестине в качестве денежной меры существовал как вес ценного металла, так и чеканные монеты; в основном имели хождение монеты греческие и римские. В книгах Ветхого и Нового Завета упоминается десять видов монет (одна монета иудейской чеканки, пять – греческой и четыре – римской) [6, с. 103–104]. Некоторые современные страны своим национальным валютам дали библейские названия: *драхма* (в Греции до введения евро), *динар* (в десяти странах), *шекель* в Израиле.

В англоязычных версиях библейские монеты, денежные единицы и суммы, представлены следующими лексическими единицами: Иудеи – *shekel* – «сикль» (Jer. 32:9); Греции – *mite* – «лепта», (Mk. 12:42), *talent* – «талант» (Mtth. 25:15), *drachma* – «драхма» (Mtth. 17:27), *stater* – «статир» (Mtth. 17:27); Римской империи – *denarius* – «денарий» (Mk. 6:37), *assarious* – «ас-

сарий» (Mtth. 10:29), *quadrans* – «кодрант» (Mtth. 5:26), *mina* – «мина» (Lk. 19:13). Испанские переводчики использовали в библейских текстах следующие слова: *dinero, siclo, talento, dracmas, denario* и др.

При сопоставлении лексем, обозначающих денежные единицы в англо- и испаноязычных версиях Библии можно обнаружить определенные расхождения. Интересным представляется определить характер расхождения и функционирования языковых единиц в разных версиях в лингвокультурологическом аспекте и попытаться найти им соответствующие объяснения.

Римская богиня Юнона имела титул Монета, что в переводе с латыни означает «предостерегающая» или «советница». Возле храма Юноны на Капитолии находились мастерские, где чеканили металлические деньги, называемые именно поэтому монетами. В английском языке от этого титула произошло общее название денег – *money*.

Слово *money*, используемое в канонической версии KJV, заменяется словом *coin* в современной версии TNIV. Словом *money* вводится понятие, под которым подразумеваются все виды денежных единиц. Слово *coin* означает монету. Произошла субституция слова с расширенным денотатом на слово с узким вещественным содержанием. Таким образом, в поздних американских версиях происходит субституция понятия в сторону его сужения (“деньги” – “монета”):

KJV: *Show me the tribute money.*

TNIV: *Show me **the coin** used for paying the tax.*

BO: *Mostradme la moneda del tributo. Y ellos le presentaron un **denario**.*

BRV: *Mostradme la moneda del tributo. Y ellos le presentaron un **denario**.*
/Mtth.22:19/

Причиной такой субституции, с одной стороны, служит тот факт, что в современном обществе деньги представлены, как правило, не монетами, и чтобы подчеркнуть, что в те времена использовали именно металлические деньги, используется лексическая единица *coin*.

В испаноязычных версиях Библии BO и BRV в данном примере используется слово-историзм *denario*, которое обозначает серебряную монету, которая по весу и ценности приравнивалась к греческой драхме или половине сикеля (шекеля). Во времена Иисуса она имела меньшую ценность. На лицевой стороне монеты изображался царствующий император.

Динарий составлял ежедневную плату римскому воину, как драхма – ежедневную плату афинским воинам. Он же составлял обычную поденную плату рабочим (Mtth. 20:2). Динарию же равнялась поголовная подать, которую иудеи обязаны были платить римлянам (Mtth. 22:19). Динарий разделялся на десять, а позднее – на шестнадцать ассариев или асов (Mtth. 10:29). Это была медная монета. В сегодняшнем сравнении это было бы приблизительно 100 долларов.

В канонической англоязычной версии KJV для обозначения другой денежной единицы используется слово *farthing* – монета достоинством

меньше пенни в четыре раза, в Великобритании вошла в обиход в XIII веке. В современной версии TNIV слово *farthing* заменяется языковой единицей *penny*, являющейся синонимом в значении самой мелкой монеты. Слово *penny* обозначает мелкую британскую медную монету, по ценности приравненную к американскому центу. Поскольку в контексте подразумевается очень мелкая монета, то в данном случае происходит только субституция слова, обозначающего денежное достоинство определенной монеты в определенной стране, с сохранением понятия: KJV: ... *till thou hast paid the uttermost farthing*

TNIV: ... *until you have paid the last penny*

BO: ...*hasta que pagues el último cuadrante...*

BRV: ...*hasta que pagues el último cuadrante...* / Mtth.5:26/.

В испанских версиях Библии BO и BRV переводчики используют такую лексическую единицу, как *cuadrante*, являющейся историзмом. Кодрант – самая мелкая, равная двум лептам, римская монета. Если в англоязычных версиях Библии, между созданиями которых насчитывается четыреста лет, происходят замены названий денежных единиц, то в испаноязычных версиях, с таким же диапазоном по времени их издания, субституций не наблюдается, более того, сохраняются традиционные названия денежных единиц библейских времен.

Лексическая единица *pence*, функционирующая в англоязычной версии KJV, является формой множественного числа слова *penny* и определяет наименьшую денежную ценность данной монеты. В современной версии TNIV происходит замена на языковую единицу *dollar*, обозначающую современную американскую денежную единицу более весомую, нежели пенни. В данном случае создатели современной версии, стремясь сделать текст понятным для современников, используют слово, обозначающее валюту, которая находится в экономическом обороте многих стран, при этом учитывая уровень инфляции. Таким образом, происходит субституция слова – названия денежной единицы – (*penny – dollar*) и изменение количественной характеристики денежной суммы в сторону ее увеличения (от сотни до нескольких сотен):

KJV: *But the same servant went out, and found one of his fellow servants, which owed him an hundred pence.*

TNIV: *But when that servant went out, he found one of his fellow servants who owed him a few hundred dollars.*

BO: ...*que le debía cien denarios...*

BRV: ...*que le debía cien denarios...* /Mtth. 18:28/.

В испаноязычных же версиях Библии BO и BRV для обозначения данной денежной единицы используется историзм *denario* с сохранением денежной суммы римской эпохи – сто динариев. Динарий – название римской серебряной монеты времён Республики и первых двух веков Империи, одной из наиболее распространённых монет на территориях, находившихся под властью или влиянием Рима. Динарий стал самой распространённой монетой и в пе-

реводах Библии на некоторые европейские языки получил названия, соответствующие денежной единице страны, к примеру, в Англии таким названием стало название монеты – *penny*. В обоих испаноязычных библейских текстах сохраняется слово *denario* для передачи колорита Римской Империи I века с использованием римской денежной системы.

Сопоставительный анализ денежных единиц, функционирующих в английских версиях Библии KJV и TNIV, показал, что произошли следующие виды субституций: субституция историзма описательным словосочетанием с расчлененным понятием (*pence – silver coins; talent – bag of gold; mite – copper coin*); субституция слова историзмом с сохранением понятия (*pound – mina; penny – denarius*); субституция названия британской денежной единицы на название американской с увеличением стоимостного значения (*an hundred pence – a few hundred dollars*); субституции слова и понятия в сторону его сужения (*money – coin*), синонимичная субституция с сохранением понятия (*farthing – penny*).

Лингвокультурологический подход при сопоставительном анализе слов, обозначающих названия денежных единиц, позволил выявить следующую тенденцию: названия британских денежных единиц, используемые в канонической англоязычной версии KJV, подверглись субституции в современной версии TNIV. В зависимости от контекста используются как названия римских монет, так и названия американских денежных единиц и реже названия британских денежных единиц. Данный факт объясняется стремительным развитием денежных систем Англии и Америки.

В испаноязычных версиях сохраняются названия денежных единиц, характерные для древнееврейской, древнегреческой и римской культур. Названия денежных единиц библейских времен – историзмы – (*dinero, siclo, talento, dract, denario, maneda, centavo, mina*) остаются почти неизменными в двух испаноязычных версиях Библии в связи со стремлением создателей версий передать исторический колорит того времени. Дальнейшее исследование особенностей функционирования денежных единиц на примере разноязычных версий Библии представляется интересным.

Литература:

1. Михайлова, Е. В. Язык Нового Завета и время: англоязычные версии Библии: монография / Е. В. Михайлова. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2009. – 188 с.
2. Михайлова, Е. В. Лингвокультурологический анализ зоонимов (на материале украинско- и англоязычных версий Библии) / Е. В. Михайлова, Е. В. Никитина // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2014. – № 65. – С. 20–25.
3. Михайлова, Е. В. Особенности модификаций библейских фразеологизмов (на материале англо- и франкоязычных версий Библии) / Е. В. Михайло-

ва // Наукові записки Національного університету «Острозька Академія». Серія «Філологічна»: збірник наукових праць / укладачі: І. В. Ковальчук, Л. М. Коцюк, С. В. Новоселецька. – Острог : Видавництво Національного університету «Острозька Академія», 2014. – Вип. 43. – С. 181–184.

4. Михайлова, Е. В. Лингвокультурологические особенности лексики бытовой тематики в текстах англоязычных версий Библии / Е. В. Михайлова // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.В. Цурикова. – Вып. 6. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. – 301 с.– С. 229–244.

5. Михайлова, Е. В. Лингвокультурологический анализ фитонимической лексики (на материале текстов англоязычных версий Библии) / Е. В. Михайлова // IX Международные севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. науч. статей. – Севастополь; Москва: Перо, 2016. – С. 180–189.

6. Нюстрем, Э. Библейский энциклопедический словарь: пер. со швед. / Э. Нюстрем; под ред. И. С. Свенсона. – СПб.: Библия для всех, 2001. – 523 с.

7. Слободян, М. В. Об'єктивація концепту MONEY засобами розмовної англійської мови / М. В. Слободян // Нова Філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2010. – № 37. – С. 64–68.

8. Biblia del Oso. – Basel, 1569. – 2600 p.

9. Biblia Reina Valera. – Sociedades Bíblicas en América Latina, 1960. – 1584 p.

10. New Testament. King James Version. – New York: American Bible Society, 1945. – 264 p.

11. Today's New International Version (The New Testament). – 2002. – 371 p.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

С. Ю. Нейман

ФГБОУ ВО «Омский университет дизайна и технологий» (Омск)

LANGUAGE & CULTURAL PROCESSES AS THE RESULTS OF GLOBALISM

S. Yu. Neiman

Summary. The paper focuses on the processes developed in the modern state of languages under global tendencies in the world, namely what standard forms of World English as the main communicative means we should follow; whether we should recognize the New Englishes phenomenon de facto, what “cultural feedback” could be traced in the processes of language globalization.

Глобализация является объективной тенденцией современного мирового развития. Из всех рассуждений на тему глобализации нам больше всего imponируют размышления немецкого философа Карла Кайзера [4]. Он вместе с другими исследователями воспринимает глобализацию как отход от территориально фиксированного понимания общества и даже цитирует призыв Бека распрощаться с идеей существования ясно определяемых культур, носителем которых является народ, живущий на территории одного государства [там же, с. 40]. Не вдаваясь в интереснейшие наблюдения Кайзера над экономическим евразийским пространством, лишь отметим, что, по его мнению, полностью глобализованный мир – это мир, в котором события в каждой точке Земли сразу же прямо влияют на события в любом другом месте [там же, с. 51]. Географические аспекты, такие как например, расстояние от одного государства до другого, больше не играют никакой роли, это только континуум между противоположными полюсами. Решающим «инструментом» процесса глобализации является развитие инфраструктуры, которая меняет значение пространств, пространственной разделенности посредством «коммуникативной доступности» [2, с. 78], то есть возможностей перемещения всех товаров, людей и услуг в любое место. Толчком для таких внезапных изменений является в большинстве случаев техническое развитие элементов инфраструктуры, как, например, сети Интернет.

Благодаря этим глобальным проявлениям, возникли процессы социальной интеграции, которые изменили повседневные культурные образцы поведения современного общества. Стало необходимым приспособляться к возрастающей культурной неоднородности. Для все большего числа людей и групп отдельные географические места благодаря их физической или виртуальной мобильности теряют свое значение первичной и исключительной основы идентичности и повседневной жизни и заменяются мульти- и транслокальными социальными Союдами и формами организации. Виртуальные и массмедийные сети и объединения образуют новое глобальное измерение. Эти социальные и культурные процессы, например, в Евразии, стали следствием рыночной экспансии и распада Советского Союза. На всей территории современной России, Европы и Азии устанавливаются торговые связи, и уже сформировался постсоветский рынок товаров. Кайзер заключает, «Евразия» стала инновационной средой, в которой образуются новые формы социальной жизни и новые культурные образцы и структуры. Это означает не исчезновение локального непосредственного жизненного мира, в котором на самом деле протекает повседневная жизнь, находят место чувственный опыт, социальное действие и «социальное конструирование реальности» [4, с. 56]. Напротив, именно локальное становится ареной, на которой концентрируется многообразие глобально опосредованных влияний, воплощаясь – через активное воспроизведение в социальной практике, – в новой комбинации глобальной и локальной, европейской и азиатской культур.

За последнее время геолингвистическая ситуация в мире также существенно изменилась: активизация процессов культурного самоопределения и резкое возрастание интенсивности коммуникативных отношений обусловили выход на историческую арену множества языков и культур. С другой стороны, впервые в истории земная цивилизация, по мнению профессора В. В. Кабакчи, получила глобальное средство межкультурного общения – английский язык. У большинства народов мира возникла необходимость использовать английский в качестве вторичного средства своего культурного самовыражения [3, с. 11]. Отсюда возникает необходимость осмысления этого феномена, изучения закономерностей функционирования английского языка в качестве глобального способа вербализации земной цивилизации

Наблюдения за самим английским языком позволяет увидеть и осознать те лингвистические процессы, которые в нем происходят, когда этот язык уже широко функционирует как мировой язык-посредник, и какие более глубокие культурные процессы за этим стоят.

Первая значимая проблема в этом смысле вызывает ожесточенные дискуссии: на каком английском языке говорит весь мир, используя его только в качестве лингва-франка или распространяя его в достаточно сложном лингвистическом контексте, характеризующемся противоречивыми и разнородными тенденциями. Действительно, уже никто не отрицает появление множества разновидностей английского языка, не укладывающихся в рамки традиционных американского, британского, австралийского, канадского и новозеландского вариантов.

В работах З. Г. Прошиной, например, можно прочитать о китайском варианте английского [7, с. 16–17]. Известный лингвист Дэвид Кристал приводит свой пример – ситуацию, когда премьер-министр Индии Индира Ганди, посещая международную встречу, не сумела понять выступления своих соотечественников, говорящих по-английски (английский язык – второй государственный язык Индии) [10]. Он констатирует, что, начиная с 1980-х годов прошлого века, не затихает полемика, что такое Стандартный английский и Мировой стандартный английский, если таковой все же существует? [там же] С другой стороны, в реальности такие международные организации, как ЕС вырабатывают единые европейские стандарты владения английским языком. Т. В. Андрюхина в своей статье приводит примеры выдвигаемых предложений по упрощению грамматики и фонетики английского языка в целях большей адаптации к потребностям многонационального рынка труда [1]. И это не только призыв к толерантности при нарушении ударения и произношения гласных или потеря окончания -s в третьем лице единственного числа настоящего времени глагола, но и покушение на структурные скрижали английского языка, как то: порядок слов, неправильные формы глаголов или смыслоразличительные функции артиклей. В итоге придется все-таки отвечать на вопрос, становятся ли эти явления следствием активных языковых

процессов перестройки и демократизация языковых норм и какие культурные факторы влияют на данные процессы?

Как доказывает З. Г. Прошина, любой вариант английского языка отличается от другого варианта прежде всего своим культурным основанием, обуславливающим различия в менталитете, а также определенной степенью трансференции лингвистических черт родного языка, которые уменьшаются в зависимости от повышения лектального уровня пользователей (минимум черт на акролектном уровне; максимум – на базилектном уровне). Это значит, что в основе изучения международного английского языка лежат разные культуры, и в первую очередь, своя собственная [7, с. 15]. Правда, стоит признать, что у этой точки зрения есть противники, утверждающие, что международный английский – это денационализированный вариант языка, лишенный культурной специфики, отражающий только то, что объединяет всех говорящих на нем людей. Противники аккультурации английского языка, т. е. признания его приспособления к выражению новой для него культуры, вместе с тем попадают в лингвокультурологическую ловушку, на которую в свое время указал Б. Качру [5], поскольку «нейтральный» английский все-таки выражает ценности западного христианского общества, а не поликонфессионального азиатского с его богатым культурным наследием, с его специфической прагматикой, которая становится явно заметной при интракультурном общении на английском языке его пользователей. Вместе с тем заимствования из восточных языков и культур составляют значительную долю в современном английском языке, способном выражать не только христианские ценности Запада, но и культурное многообразие мира [8].

Эта же проблематика, но уже на уровне практического опыта, звучит в статье одного из ведущих в современном мире специалистов в области преподавания английского языка как иностранного Ларри Э. Смита. Он считает, что даже носители английского языка также нуждаются в определенном обучении с целью международного общения, если они намереваются успешно взаимодействовать с людьми, для которых английский язык не является родным, а также с другими носителями английского языка, которые разговаривают на другом его национальном варианте, ведь способы выражения мыслей и модели языкового общения различны в различных странах. Для американцев английский является родным языком, тем не менее они не всегда смогут верно истолковать, что сказал австралиец, несмотря на то, что он также является носителем английского языка. На конференции в Гонолулу возник вопрос, насколько такое деление надлежащим образом связано с прагматическими фактами использования языка, например, пренебрегая (или негласно принимая) традиционно установленными связями между стандартами английского языка в тех странах, где он является родным языком, и в тех странах, где он не является родным. Стандарты английского языка в группе, где английский имеет уникальные функции, связаны исключительно с социальным, культурным и промышленным контекстом тех стран, где английский

язык не является родным. Следовательно, на повестке конференции остро стоял вопрос о новых требованиях, которые предъявляются к английскому языку в качестве языка для межгосударственной и внутригосударственной коммуникации, а также переориентации языковых различий, что далеко выходит за рамки исключительно академических интересов. Данное разграничение позволяет признать тот факт, что в то время как обучение английскому языку всегда должно отражать социокультурные контексты и методы, принятые в сфере образования определенной страны, необходимо установить различие между (а) теми странами (например Таиланд), требования которых концентрируются на способности понимания на международном уровне и (б) теми странами (например Сингапур), которые должны учитывать то, что английский язык также используется и для их внутренних целей [9, с. 31].

Признавая безусловную правоту приведённых выше суждений, нельзя не отметить, что в настоящее время при осуществлении межкультурной коммуникации, особенно в молодежной среде в сети Интернет, английский язык очень часто не является ни для кого из участников этой коммуникации родным или вторым языком, количественно понижен его обязательный словарный запас, изъята культурная специфика, а потому предлагается свобода неологизаций и калькирования. Однако в итоге коммуникация осуществляется вполне успешно, несмотря на то, что подобное языковое смешение ведет к усреднению и даже к определенной пиджинизации языка.

В начале статьи мы заявили о дихотомии глобального и локального. И здесь мы видим еще одну лингвистическую проблему, связанную, хотя и опосредованно, с предшествующими наблюдениями. Это проблема влияния английского на национальные языки. Проблема, безусловно, не новая и имеет свой арсенал научных исследований. Но влияние современных тенденций глобализации мы усматриваем в характере англоязычных вкраплений в текстах локальной рекламы и местных средств массовой информации. Каких-то 20–30 лет назад предъявлялись жесткие требования к использованию иностранного языка в национальном корпусе текстов, в данном случае – русском. Вопрос шел о переводных соответствиях на основе жестких стандартов. В настоящее время русскоязычные тексты различных СМИ процессируют собой мозаику русской и английской графики, где зачастую даже русские слова записаны английскими буквами, с одной стороны, и значительное количество транслитераций, транскрипций, гибридных образований, элементов языковой игры средствами английского и русского языков (BARSUK; VetraNet; DOSKI; Pushkin Pub&Club; ТопЛайн; ДЕРZZАЙ; Флора таун; Фикси Шоу; Холди дискаунтер; Сладkoff; Ловись FISHка большая и маленькая) – с другой [6]. Этот процесс, по нашему мнению, имеет тенденцию расширять сферу влияния на другие области функционирования русского языка, и нам представляется, что эта проблема достаточно актуальна и ждет своего всестороннего анализа с позиций глобальных языковых и культурных процессов.

Литература:

1. Андрюхина, В. Т. New Englishes, World Standard English и преподавание делового английского / В. Т. Андрюхина // Пути повышения конкурентоспособности экономики России в условиях глобализации: научная конференция к 50-летию МГМО МИД РФ, 2009. – Режим доступа: [//www.old.mgimo.ru](http://www.old.mgimo.ru)
2. Бессарабова, И. С. Глобализация в современном мире / И. С. Бессарабова. – СПб.: Библиотека, 2003. (лингвистический аспект) // Успехи современного естествознания. – 2005. – № 3. – С. 78–79.
3. Кабакчи, В. В. Введение в интерлингвокультурологию / В. В. Кабакчи // Язык и межкультурная коммуникация. Материалы Второй Междунар. научно-практ. конференции 19–20 мая 2011. – Том I. – Великий Новгород, 2011. – С. 11–19.
4. Кайзер, М. Евразия: социальная реальность или миф? / М. Кайзер // Ярославский педагогический вестник. – Том II (Психолого-педагогические науки). – № 4, 2012. – С. 40–57.
5. Качру, Б. Модели вариантов английского языка, неродного для его пользователей / Б. Качру // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – Вып. 1 (№ 53–54). – С. 175–196.
6. Нейман, С. Ю. Функционирование англоязычных вкраплений в текстах местных рекламных объявлений и городских рекламных вывесок и щитов / С. Ю. Нейман // Роль Сибири в поликультурном и многоязычном мире современного евразийского пространства: материалы Международной научной конференции, 23–25 октября 2015 г. В 2-х частях. – Ч. 1. – Омск: Омский государственный институт сервиса, 2015. – С. 120–133.
7. Прошина, З. Г. Глобальность и локальность английского языка в образовательных системах азиатских стран / З. Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – № 3 (35), 2012. – С. 14–20.
8. Прошина, З. Г. Английский язык и культура Восточной Азии / З. Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 476 с.
9. Смит, Л. Э. Мой долг перед АСЕАН как специалиста в области преподавания английского языка / Л. Э. Смит // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – № 3 (35), 2012. – С. 26–35.
10. Crystal, D. What is Standard English?. – Режим доступа: www.davidcrystal.com/?fileid=-4008.

КОГНИТИВНОЕ ОСВОЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Е. Ю. Позднякова

*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова» (Барнаул)*

THE COGNITIVE PERCEPTION OF URBAN SPACE

Y. Y. Pozdnyakova

Summary. The article deals with the problem of cognitive perception of urban space. Discovering the urban space a person builds the virtual map in his consciousness. The urban space research begins with the city center and occurs gradually, thus the nominations of city objects play an important role in this process.

Проблема восприятия географического пространства и его репрезентации в языке попала в поле зрения исследователей в конце XX-начале XXI века. Категория пространства является универсальной категорией внеязыковой действительности, базовым компонентом жизни и сознания человека. В период становления данной категории, в период античности, древнегреческие философы ввели понятие хорос (пространство). И. Кант понимал географию как особую науку о «пустом» пространстве (трехмерном, геометрическом или евклидовом), которое можно измерить. А. Геттнер, основной теоретик и основатель хорологической научной школы, обобщил на теоретическом уровне и подкрепил большим количеством фактического материала представления своих предшественников о пространстве, им сформулирована хорологическая концепция о «заполненном пространстве» взаимодействующих предметов и явлений. Значимым в современных лингвистических исследованиях (Е. С. Кубрякова, Е. С. Яковлева) признается выделение пространства «ньютоновского», отвлеченного от человека-наблюдателя, и «лейбницевского» – одушевленного присутствием человека [см. 5, 12]. Н. Г. Брагина подчеркивает, что «"обжитое"(лейбницевское) пространство описывается в языке как имеющее границы и как предметное (в нем существуют вещи» [3, с. 99]. А. А. Ухтомский предложил понятие «хронотоп», говоря о неразрывно спаянном пространстве-времени [8].

Важный поворот в изучении данной проблемы был связан с включением человека как субъекта восприятия в сферу исследований географического пространства, со сменой традиционной системоцентристской парадигмы на антропоцентрическую, причем не только в лингвистических исследованиях, но и в других областях научного знания, в частности, в географии и истории. Новый взгляд привел к возникновению междисциплинарных исследований, в которых проблема восприятия географического пространства рассматривается с точки зрения разных научных дисциплин, однако же, объединенных единым комплексным антропоцентрическим и лингвокультурологическим подходами.

В настоящее время исследованиям пространства посвящены работы, выполненные в рамках различных наук гуманитарного блока, в частности, категорию пространства в языке изучают Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, А. Е. Кибрик, А. Д. Кошелев, Е. С. Кубрякова, Г. И. Кустова, Л. Б. Лебедева, Ли Тоан Тханг, Ю. М. Лотман, Е. В. Падучева, В. И. Подлеская, Е. В. Рахилина, Т. В. Цивьян и др.; языковую концептологию и языковую картину мира, специфику языкового сознания носителей языка исследуют Г. А. Брутян, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, И. Б. Левонтина, Е. С. Никитина, А. Д. Шмелев; модели мифологического пространства разрабатывают Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров и др.; коммерческую эргонию как составляющую языкового пространства города изучают Н. В. Шимкевич, Е. Ю. Позднякова, А. М. Емельянова, Т. В. Щербакова, Ю. В. Вайрах и др.; вопросам номинации в городском и региональном пространстве посвящены работы О. С. Ахмановой, Е. Л. Березович, Л. А. Капанадзе, О. Б. Сиротининой, Т. В. Шмелёвой, Н. А. Прокуровской, Л. З. Подберёзкиной, Д. А. Яловец-Коноваловой, М. В. Голомидовой, Р. И. Козлова, М. В. Китайгородской, М. Э. Рут, Е. С. Яковлевой и др.

В указанных работах поднимаются вопросы разграничения искусственной и естественной номинации (М. В. Голомидова), описывается региональный ономастикон (М. Ю. Беляева), изучаются отдельные подсистемы городского ономастикона: городская эргонимия (А. М. Емельянова, Н. В. Шимкевич, Т. В. Щербакова), городская эргоурбонимия (Р. И. Козлов, Ю. В. Вайрах), ойкодомонимы (названия учреждений культуры, бытового обслуживания и торговли) (И. А. Астафьева) и др. Большинство из них выполнено на региональном языковом материале разных городов России: Волгограда, Екатеринбурга, Ижевска, Красноярска, Канска, Новосибирска, Москвы, Омска, Санкт-Петербурга, Саратова, Ставрополя, Тюмени, Улан-Удэ, Ульяновска, Уфы, Челябинска, Иркутска и др. Вопросам концептуализации пространства посвящены сборники «Логический анализ языка. Языки пространств» (2000) и «Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка» (2003). В работах А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева поднимаются вопросы о национальной специфике пространственной лексики русского языка. Реконструкция народных представлений о пространстве на материале русской топонимии проводится в монографии Е. Л. Березович «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек» [2]. В последней работе затрагивается проблема, находящаяся и в фокусе нашего внимания, а именно: проблема восприятия и когнитивного освоения географического пространства человеком.

Однако при всем многообразии проведенных исследований, до сих пор не были сформулированы методологические принципы изучения городского пространства, которые могли бы представить некий обобщающий взгляд на данный феномен и интегрировать усилия ученых, освещающих проблему когнитивного освоения городского пространства.

Среди вопросов, оставшихся нерешенными, можно обозначить следующие:

1. Как человек осваивает географическое пространство, в частности пространство города, происходит ли освоение городского пространства и ориентация в нем по правой, либо по левой стороне?

2. Зависит ли освоение городского пространства от особенностей планировки города (концентрическая или квадратно-гнездовая застройка), и строит ли человек некое подобие карты города в своем сознании? Влияют ли на восприятие городского пространства особенности рельефа местности?

3. Какие городские объекты фиксируются человеком в качестве ориентиров и какую роль в процессе когнитивного освоения городского пространства играют их наименования?

4. Влияет ли на формирование ментального образа города городская история и мифология?

Попробуем обозначить основные моменты, позволяющие приблизиться к решению данных проблемных вопросов.

1. Существующие теории освоения городского пространства можно свести к двум основным вариантам: 1) человек в своем сознании создает координатную сетку города по заметным ориентирам (небоскреbam, домам, зданиям), при этом точкой отсчета при навигации служит дом человека; 2) человек запоминает, параллельно какой улице необходимо двигаться и дальнейшая ориентация происходит в соответствии с основным направлением. Как отмечает Е. Л. Березович, человек, осваивая городское пространство, создает некое «субъективное представление о пространстве, эксплицируемое по языковым данным» [2, с. 83]. Это субъективное представление выступает своего рода «картой» города. На этой «карте» есть как освоенные места, так и «белые пятна» – неосвоенные территории.

Человек выстраивает городское пространство вокруг себя, поэтому основным свойством языкового пространства города, существующего в языковом сознании горожан, является антропоцентричность. На антропоцентричность пространства указывают многие ученые-лингвисты, так, например, В. Г. Гак пишет: «Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса» [4, с. 670]. Ю. Д. Апресян указывает на то, что дейктическая лексика эгоцентрична, при этом «фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства» [1, с. 631]. Т. В. Цивьян также отмечает антропоцентричность «по относительным критериям, когда за точку отсчета берется не имманентное пространство и время, а положение человека в пространстве» [10, с. 75]. При этом антропоцентричность понимается как «присвоение субъектом пространства» [9, с. 14], а «язык описывает уже это “обжитое” человеком пространство» [12, с. 49]. Языковое пространство – пространство обжитое, релятивизированное позицией говорящего субъекта.

Говорящий же в такой парадигме понимается как тот, кто осуществляет языковой выбор, использует анализируемое слово, то есть является носителем языкового сознания. По мнению Л. Б. Лебедевой, «пространство является данностью, вне которой человек себя не мыслит, и в своих отношениях с пространством человеку требуются как минимум две опоры. Это, во-первых, субъект сознания – “я”, всегда помещающий себя в центре идеального пространства, и противостоящая субъекту граница, или границы, которые замыкают пространство вокруг него» [6, с. 93].

2. Согласимся также, что освоение городского пространства и построение его образа в сознании человека зависит от особенностей застройки города и рельефа местности. Данные, полученные в результате проведенного нами психолингвистического эксперимента, в ходе которого респондентам предлагалось нарисовать карту города Барнаула, обозначив на ней себя, свой дом, места отдыха, любимые места, при этом запрещалось пользоваться картографическими источниками, справочником ДубльГИС и пр., указывают на то, что освоение города происходит постепенно и имеет комплексный характер [см. 7]. На первоначальном этапе у человека формируется общее представление о городском пространстве, связанное с особенностями планировки города и его ландшафта, затем на этот обобщенный образ накладывается координатная сетка, которая сначала фиксирует лишь наиболее значимые для человека объекты-ориентиры, расположенные на маршруте его регулярного движения, последним этапом является создание трехмерной карты города в сознании человека. В дальнейшем эта карта дополняется новыми объектами, а зоны освоенного человеком пространства расширяются.

3. Отвечая на третий вопрос, отметим, что в процессе когнитивного освоения городского пространства и выстраивания образа города в языковом сознании человека важную роль играют пространственные номинации, включающие в себя, в том числе, наименования городских объектов. Данные наименования служат, с одной стороны, маркерами городского пространства, обуславливают его специфику, отличие от пространства других городов, а с другой стороны, позволяют человеку ориентироваться в городе. В соответствии с результатами эксперимента, такими маркерами являются названия магазинов, торговых центров, учебных заведений и др. (всего на картах респондентами зафиксировано 236 номинаций точечных объектов); названия улиц, проспектов, мостов и др. (90 номинаций линейных объектов); наименования площадей, районов, микрорайонов города и других частей городского пространства (51 номинация планарных объектов). Таким образом, субъективный образ городского пространства представляет собой некую карту, на которой в качестве ориентиров задействованы городские объекты и их номинации.

4. Городская история и мифология, несомненно, влияет на формирование ментального образа города. Так, при восприятии городского пространства мы

имеем дело с субъективными моделями пространства и времени, зафиксированными в рассказах жителей города, в воспоминаниях, в городских мифах и легендах. Временной план тесно сплетается с пространственным, образуя единый городской хронотоп, в котором события оказываются погруженными не только в определенный временной контекст, но и связаны с конкретными пространственными координатами. К примеру, в воспоминаниях барнаульцев стихийно возникают картины городского пространства, истории отдельных мест города: *«И вот приехали мы в Барнаул, нашли квартиру, подле выемки вот там, вот такой был **Копай-Город**, землянки настроены»* (жен., 80 л.). В рассказах горожан отражается своеобразный субъективный, перцептуальный образ города: *«Вот так я впервые увидел Барнаул: дороги, конечно, булыжником – это в лучшем случае, были уложены, а так – песок и, конечно, **Барнаул деревянный**»* (муж., 80 л.). Заметим, что при этом довольно отчетливо прослеживаются маркеры городского пространства – отдельные, «точечные» объекты, служащие ориентирами для горожан, например: *«Вот **Небоскрёб**, его называют, тут был в Барнауле, это было самое большое, и почти не было зданий»* (муж., 80 л.).

Т. В. Цивьян указывает на то, что «в любом городе могут быть семиотически отмеченные “хронотопические” локусы», по мнению исследователя, город говорит – своими улицами, переулками, площадями, домами, «во всем комплексе значений, включенных в это говорит, есть один несомненный: называет. <...> название становится характеристикой объекта, его смысловой сигнатурой» [11, с. 74]. Городские мифы и предания преимущественно связаны с историческим центром города, причем мифологизации подвергаются в основном точечные объекты – дома, церкви, отдельные архитектурные сооружения (памятники, скульптуры и др.); в меньшей мере мифологизируются планарные объекты (площади, парки и др.) и линейные объекты (мосты, улицы и др.). Такие объекты становятся своеобразными «генераторами» мифотворчества, а городская мифология «объясняет» городское пространство.

Итак, все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что когнитивное освоение городского пространства человеком происходит постепенно, при этом большое значение имеют номинации городских объектов, выступающие в качестве маркеров, служащих ориентирами для горожан. В языковом сознании выстраивается некое подобие карты города, включающей как освоенные территории, так и «белые пятна». В городском пространстве существуют места, служащие источниками городских мифов и легенд и образующие городской мифологизированный хронотоп. На формирование ментального образа города большое влияние оказывает городская история и мифология, которая не только тесно связана с городской топонимией, но и вплетена в языковое и культурное пространство города.

Литература:

1. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Том II. – 767 с.
2. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е. Л. Березович. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 328 с.
3. Брагина, Н. Г. Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
4. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
5. Кубрякова, Е. С. О понятии места, предмета, пространства / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Наука, 2000. – С. 84–92.
6. Лебедева, Л. Б. Семантика «ограничивающих» слов / Л. Б. Лебедева // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Наука, 2000. – С. 93–97.
7. Позднякова, Е. Ю. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан / Е. Ю. Позднякова // Филология и человек. Научный журнал. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014, № 2. – С. 76–86.
8. Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
9. Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
10. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – М.: УРСС, 2005. – 280 с.
11. Цивьян, Т. В. Семиотические путешествия / Т. В. Цивьян. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – 248 с.
12. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 343 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И. В. Сабирзянова

ГОУ ВПО «Донецкий государственный университет управления» (Донецк)

PERSPECTIV'S OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

I. V. Sabirzyanova

Summary. The problems and prospects of cross-cultural dialogue are analyzed in the article. The author comes to the conclusion on the need of forming the adequate tolerant interstate policy and strategy reasonably combining both consideration of national peculiarities and stereotypes and the most successful versions of solving cross-cultural interaction problems.

Современные глобальные вызовы обуславливают актуальность межкультурного взаимодействия, акцентуированного как диалог цивилизаций, ибо нынешний миропорядок как способ целерациональной организации международных отношений – это процесс формирования глобального институционального пространства, предполагающего координацию противоречивых интересов международных субъектов на основе общепринятой системы ценностей, норм и правил взаимодействия – будь-то экономические, правовые или этические системы. Данный процесс постисторического развития человечества сопряжен с актуализацией конфронтационных тенденций, неразрешимых противоречий во всех сферах, причем все чаще трансформационные процессы затрагивают не столько область экономических интересов, сколько – сферу политическую. «Конец истории» ознаменовался общей мировой в эпоху глобализации тенденцией утраты национальными государствами своих позиций как субъектов мирового исторического процесса; сделав их границы «прозрачными» для реализации стратегий транснациональных корпораций и объединений.

Именно в глобальной перспективе формирования полицентрического миропорядка актуализируется проблема поиска стратегии межкультурного диалога отдельных народов и этнических общностей, проблема поиска способов сосуществования в едином мировом пространстве в условиях процесса взаимопроникновения и взаимного обогащения культур, с одной стороны, а с другой – постоянного состязания культур, в пространстве которого мы наблюдаем межнациональные, религиозные конфликты культурно-исторических общностей как на межгосударственном уровне, так и внутри полиэтнических государств. В любом полиэтническом государстве, как и в межгосударственном пространстве, возникает проблема поиска, формирования и реализации такой адекватной политики, которая отвечала бы интересам общества и способствовала созданию гармоничной модели этнополитического развития.

Подобная модель необходимо должна строиться на основе приоритетов межкультурного диалога, в условиях верховенства права и общечеловеческих ценностей.

Современная философия, интерпретируя основной вопрос как единство мышления и бытия, формирует представление о ценностно-смысловом универсуме как предметном поле фундаментальной философской проблематики. Именно здесь может быть решен вопрос об идентификации той части природы, которая была задействована в процессе возникновения жизни, человека, сознания. Культура представляет собой ценностно-смысловую реальность, определенное аксиологическое пространство – культурный континуум бытия человека и людских сообществ. Передаваясь из поколения в поколение, эта культура как единство материальных вещей и их идеального содержания являла собой иерархическую систему символов, которые обеспечивают регуляторную, мотивационную и генерализирующую практический опыт систему. Историческая эволюция рода *Homo sapiens* некоторые символы закрепила в памяти поколений, придавая им статус абсолютных ценностей человеческого бытия. Они институализировались в качестве принципов культуры – ценностных универсалий, аккумулирующих гранично-значимый социальный опыт адаптации в освоении человеком мира.

Глобальные изменения второй половины XX века обусловили парадигмальную трансформацию всей традиционной системы общественных ценностей, предполагающую утверждение, как культурного плюрализма, так и принципа индивидуальной автономии. Представители постмодернизма указали на факты деформаций ценностей и ценностных ориентаций в современном мире, где трагическое самосознание утрачивает существенную актуальность, сменяясь ироническим пессимизмом, пронизывающим творчество. А гиперреальность, по мнению Ж. Бодрийера, будучи совокупностью симулякров, провоцирует такое обилие истолкований, которое делает практически невозможным сугубо личностный взгляд на мир. На первый план выдвигаются этические, эстетические и религиозные эксперименты, ибо постмодерновый человек предпочитает игру безопасного бытия, не отягощенного таинством сакрального.

Проблемы кросс-культурного диалога, реализации языковой политики, этнорегионизации, характеристики языковых и этнокультурных различий находят отражение как в работах отечественных, так и зарубежных авторов (Р. Агранофф, У. Алльтерматт, Ж. Зиллер, И. Илишева, С. Максименко); изучение стереотипов языкового общения (Ю. Прохоров), соотношение речевых и поведенческих стереотипов (М. Китайгородская, Н. Розанова), национальные стереотипы, их особенности (А. Сергеева), специфика коммуникативной культуры этносов (И. Стернин), язык нации, национальные архетипы (С. Крымский), институализация понятия стереотип и его место в системе наук (В. Липман), типология стереотипов (В. Красных) и др.

Выступая составной частью любой национальной культуры, ее национально-специфическим компонентом язык, как один из видов человеческой деятельности, способствует тому, что культура может выступать как средством общения (интеграции), так и способом дезинтеграции людей. В содержательной составляющей языка закрепляется на уровне архетипов ментальная картина этноса или нации, народа, которая и выступает фундаментом всех ставных представлений культуры – стереотипов. «Язык – это путеводитель в «социальной действительности»... Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе... В действительности же «реальный мир», в значительной мере, неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [6, с. 130–131].

Язык создает нас такими, каковы мы есть, причем не столько в особых случаях употребления языка, сколько в постоянно действующих общих законах и повседневной оценке им тех или иных явлений [7, с. 158].

Определяя стереотип как «...схематичный и односторонний образ в голове человека, какого-либо явления, личности, вещи и одновременно – мысль о нем, усвоенную из окружающей среды еще до познания самого объекта» [3, с. 409], поместим его в контекст социального взаимодействия. Здесь стереотип рассматривается как некая «модель» действия, которая связана с выбором той или иной стратегии и тактики поведения в определенной ситуации – это так называемые языково-поведенческие стереотипы.

Стереотипы обладают ментальной специфичностью и соотносятся с повседневной картиной мира. С одной стороны, стереотипы облегчают процесс коммуникации, но с другой – социальные, национальные, расовые, профессиональные, идеологические – могут выполнять и деструктивную функцию в процессе общения, приводя к интолерантности коммуникаций [4, с. 67]. Они также выступают как основания оценочной деятельности, причем достаточно схематичной. Стойкость, повторяемость, упрощенность, обобщенность, образность, схематичность, эмоциональность являются основными характеристиками стереотипов. Функции стереотипа могут быть определены исходя из психологической или социологической трактовки феномена. Следует также обратить внимание на психологическую функцию стереотипа как экономию усилий в познании мира, и общественную, как защиту общественной позиции [3, с. 211–212]. Безусловно, общественная функция может быть охарактеризована как стабилизирующая, потому, что дает человеку ощущение безопасности и защищенности, приспособления к действительности.

Анализ коммуникативного поведения разных народов позволяет выявить совокупность коммуникативных признаков (правил, норм), которые могут быть соотнесены с принципами толерантности в общении, или, наоборот, будут свидетельствовать о не толерантном коммуникативном поведении.

Эволюция общественного сознания способствовала переосмыслению понятия толерантности, расширив значение данной категории, придав ей модус глобальности. Толерантность – это диспозиция, расположенная между добродетелью, равнодушием и скрытым макиавеллизмом [5, с. 161]. Ее позитивная сторона состоит в том, что она позволяет свободно циркулировать в обществе различным точкам зрения. Толерантность в отношениях между народами приобретает новую окраску – желание понять чужую культуру, обычаи, отнестись к ним с уважением. В то же время по мере ускорения темпов глобализации стали все заметнее проявляться и негативные стороны этого процесса. Основными проблемами сегодня становятся нетерпимость, агрессия, ксенофобия. Отставание в экономическом развитии, разнообразие религий, культур, этносов становится источником проявления интолерантности. Необходимо отметить, что важным фактором, влияющим на уровень толерантности, является тип культуры: агрессивно-нетерпимая или толерантная, которые могут быть соотнесены со степенью социальной удовлетворенности. Ее высокий уровень способствует проявлению толерантности, низкий – препятствует. К сожалению, отношения между людьми, общественными группами, национально-государственными общностями не становятся более справедливыми и не стимулируют рост культуры толерантности в глобализующемся мире [2, с. 145–148]. Показавшаяся первоначально эффективной формой противодействия указанной тенденции в последние годы идея и практика мультикультурализма, предполагающая возможность, и даже необходимость сосуществования этнических общин, представляющих различные культуры, в действительности оказалась «миной замедленного действия» в процессе «мягкой» ассимиляции европейского социального пространства этническими меньшинствами.

Вопрос лингвистической политики относится к главенствующим в этнонациональной стратегии и перспективах развития многонациональных государств. Исторический опыт европейских демократий доказывает, что жизнеспособной является такая толерантная государственность, которая не требует от своих граждан диктата единого языка. Одним из наиболее интересных является пример Бельгии. В этой стране, начиная со второй половины девятнадцатого века, языковой вопрос становится приоритетным. Если Бельгийская конституция 1831 года не наделяет ни один из языков статусом единственного государственного – французский, фламандский и немецкий используются в зависимости от ситуации, причем предпочтение отдается французскому, то лишь государственные реформы 1970–1990-х годов закрепляют за Бельгией статус федерального союзного государства с тремя равноправными языками: французским, немецким и фламандским. Современная Бельгия объединяет несколько лингвистических и культурных групп, имеющих свои собственные институты, обеспечивающие гарантии осуществления их прав и способствующих сохранению собственного языка, своей религии, своих культурных ценностей, возможности организовывать автономную систему образования

отдельным этническим общностям. Опыт решения языкового вопроса в восьми коммунах Бельгии, где введен режим языкового содействия, безусловно, заслуживает внимания и изучения, особенно полиэтническими странами и регионами, переживающими острые, порой непримиримые противоречия на языковой почве [3, с. 98–105].

Не менее показательным в этом отношении является и пример Испании, где официальным государственным языком признан кастильский, тем не менее автономные сообщества законодательно сохраняют право устанавливать официальные языки отдельных областей. Богатство лингвистических особенностей разных регионов признается культурным наследием Испании, законодательно закреплено статьями Конституции, которая в свою очередь регламентирует правовой статус иноязычных групп населения. В уставах испанских областей закрепляется возможность свободного изучения и использования языков: государственного – кастильского и любого из региональных: баскского (Устав Страны Басков), каталонского (Устав Каталонии), астурийского диалекта – бабле (Устав Астурии), языков Балеарских островов, Галисии, Валенсии [1, с. 114–126]. Никто также не может быть дискредитирован по языковому принципу.

Финляндия предоставляет максимальные права языку меньшинства, например этнических шведов, которые составляют всего 6 % граждан страны. Шведский язык получил статус второго государственного, а в Хельсинки и других крупных городах установлен билингвизм [7, с. 164].

Итак, еще свежи и болезненны последствия пренебрежения, нетолерантного отношения к решению вопросов мультилингвизма в новейшей истории стран, европейский вектор развития которых, в силу своей избирательности, не счел возможным учесть исторический опыт тех же европейских демократий, доказывающих, что жизнеспособной является такая толерантная государственность, которая не требует от своих граждан диктата единого языка (например, опыт Бельгии, Испании, Финляндии).

Все вышеперечисленные примеры свидетельствуют о понимании того, что возрастающий уровень экономической, социальной и культурной интеграции государств в современных условиях, характеризующихся наличием острых кризисных тенденций в международных отношениях, необходимо должен сопровождаться расширением возможностей кросс-культурного диалога в целях противодействия глобальным цивилизационным вызовам и угрозам. Не далекой перспективой, а насущной необходимостью становится формирование адекватной толерантной политики и стратегии, разумно сочетающей как учет национальных особенностей и стереотипов, так и наиболее успешные варианты решения вопросов межнациональной коммуникации. Формирование конструктивных этностратегий, широкая культурно-просветительская деятельность на сегодняшний день должны стать важнейшими составляющими программ государственного управления.

Литература:

1. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. – 367 с.
2. Асмолов, А. Г. На пути к толерантному сознанию / А. Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2000. – 255 с.
3. Дербишайр, Д. Политические системы мира: пер. с англ. / Д. Дербишайр, Я. Дербишайр. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – Т. 1. – 512 с.
4. Илишев, И. Г. Язык и политика в многонациональном государстве (политологические очерки) / И. Г. Илишев. – Уфа: Китап, 2000. – 272 с.
5. Марсель, Г. Опыт конкретной философии / Г. Марсель. – М.: Республика, 2004. – 367 с.
6. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир: пер. с англ. В. Н. Перцова // Языки как образ мира / сост. К. Королев. – М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 127–138.
7. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф: пер. с англ. Л. Н. Натан, Е. С. Турковой // Языки как образ мира / сост. К. Королев. – М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 157–201.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРЕМИЙ (на материале английского языка)

Н. С. Соколова, Е. Н. Ермолаева

ФБГОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

COGNITIVE MECHANISMS OF PROVERBIAL TRANSFORMATION

N. S. Sokolova, E. N. Ermolaeva

Summary. The paper focuses on an attempt of cognitive interpretation of transformed proverbs derived from the same prototype. The transformational processes observed in the outer structure of proverbs reflect changes in the cognitive (inner) processes of the world's conceptualization in speakers' mind. The analysis represented in the paper allows to reveal the interaction between linguistic and mental categories in the process of proverbial modification.

Любой естественный язык является саморегулирующейся и постоянно развивающейся системой, живо реагирующей на изменения окружающей действительности. Лексика языка способна адаптироваться к изменяющимся условиям человеческой коммуникации, культурным и другим нуждам носителя языка, т. е. лексический состав языка является адаптивной системой. Говорящий выбирает из огромного количества слов именно те, которые, по его

мнению, наиболее адекватно выражают его мысли и чувства в определенной ситуации, а в случае отсутствия таковых создает новые слова на базе уже имеющихся в языке форм и значений или видоизменяет последние. Такое «языкотворчество» отмечается многими исследователями как наиболее яркий и интересный лингвистический тренд последнего времени, вызванный в значительной степени и стремительным развитием и влиянием средств массовой информации, особенно Интернета, ставшего главной площадкой проявления креативности и словотворчества его активных пользователей. Все традиционное переосмысливается и трансформируется в новые формы и смыслы, что приводит лингвистов к закономерному вопросу о сущности и механизмах данного процесса.

Очевидно, что трансформационные механизмы, наблюдаемые в традиционных языковых единицах, не являются лишь поверхностными преобразованиями структуры и семантики прототипов: для того, чтобы такие преобразования произошли, необходимы и глубинные преобразования концептуальных структур, стоящих за ними. В этой связи можно утверждать, что трансформация – процесс не только лингвистический, но и когнитивный, ведь общеизвестно, что «языковые конструкторы представляют собой рефлексы глубинных когнитивных категорий, управляющих мышлением человека» [1, с. 5].

Обнаружить связь поверхностного и глубинного уровня трансформации языковых единиц позволяет методика когнитивного анализа, нацеленная на выявление когнитивных структур, определяющих функционирование языковых единиц и получивших в лингвистике многочисленные терминологические наименования (фреймы, сценарии, образ-схемы, ментальные модели и т. д.). В данной работе предпринимается попытка такого анализа наиболее традиционных языковых конструкторов – пословиц (паремий), поскольку именно они, по мнению ряда исследователей, наиболее часто и активно подвергаются разнообразным трансформациям в современном медиапространстве. Для обозначения данного явления появилось немало терминов – «антипословицы», «квазипословицы», «пословичные трансформы», «провербиальные трансформы», «кукизмы» и т. д. Такая модификационная активность в области паремиологического фонда языка объясняется тем, что пословицы служат «мощным источником интерпретации», в котором в сентенционной форме отражены все категории и установки жизненной философии народа – носителя языка [3, с. 241]. Инкорпорируя общечеловеческое и специфичное для данной лингвокультурной общности, паремии выступают в роли прецедентных текстов, выражающих прескрипции – стереотипы народного самосознания.

Предложенная А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским методика когнитивного анализа фразеологических единиц заключается в выявлении концептуальных преобразований, участвующих в процессе семантической деривации идиоматического значения. По мнению исследователей, источником формирования идиоматического значения выступают не значения слов-

компонентов, а связанные с ними фреймы или сценарии, т.е. знания о типичных ситуациях, объектах и способах поведения. Соответственно, значение идиом, а также и паремий, можно представить как результата концептуальных преобразований над фреймами (в данном случае сценариями) и составляющими их слотами [1, с. 3]. Типология элементарных преобразований над слотами и их содержимым предполагает: замену содержания слота на нехарактерное, в некотором смысле противоположное; введение нехарактерного (ранее отсутствующего) слота со свойственным ему содержанием; перенесение концептуального содержания слота одного фрейма в другой; интеграцию концептуального содержания исходного фрейма в одноименный слот результирующего фрейма; элиминацию слота или подслота; свертывание фрейма в один слот либо подслот. Подобные элементарные преобразования приводят к более сложным преобразованиям, в результате которых происходит модификация фреймов / сценариев и их структур [1, с. 9].

Подобный анализ интересен тем, что фреймы (сценарии) позволяют представить как поверхностную, так и глубинную структуру отдельных единиц в рамках единой схемы, допуская гибкое описание системных связей внутри языкового фонда.

Рассмотрение пословиц как непосредственной составляющей фразеологического фонда языка позволяет нам прийти к выводу, что процедуры, используемые для определения семантической деривации идиоматического значения фразеологизма вполне применимы для анализа трансформированных паремий.

Предложенные различными авторами классификации трансформированных фразеологизмов в целом предполагают следующие их виды: семантические, лексические, синтаксические, морфологические, структурно-семантические трансформации [2, с. 47; 4, с.150–154].

Семантическая трансформация заключается в получении фразеологической единицей нового значения при сохраненной лексико-грамматической форме. В случае лексической трансформации фразеологическая единица приобретает новое значение в результате изменений в первоначальном составе. При этом синтаксическая структура остается без изменений. В свою очередь синтаксическая трансформация включает в себя приемы контаминации, парцелляции и редукции. Кроме того, выделяются случаи изменения последовательности слов при сохранении синтаксической структуры. Морфологическая трансформация предполагает изменение грамматического значения фразеологической единицы, что в свою очередь ведет к преобразованию ее семантики. Изменения грамматического значения касаются категории числа имени существительного, степени сравнения прилагательного, временных форм глагола. В ходе структурно-семантической трансформации происходит преобразование как грамматической формы, так и лексического содержания фразеологизма.

В основе всех явлений семантической деривации значения лежат правила преобразования исходной семантической структуры – прототипа. Обратимся к одной из наиболее продуктивных пословиц *Where there is a will, there is a way* (“used to mean that if you are determined enough, you can find a way to achieve what you want, even if it is very difficult”; ‘if you are determined to solve a problem by trying often and hard to find a solution, you will find a way to solve the problem’), послужившей прототипом для целого ряда трансформированных паремий: *Where there’s a Will, there’s a future for the monarchy*, *Where there’s a Will, there’s a better way*, *Where there’s a Will, there’s a dollar*, *Where there’s a Will, there’s a wait*, *Where there’s a bill, there’s a way*, *Where there’s a swill, there’s a spray*, *Where there’s a swill, there’s a way*, *Where there’s a will, there’s a lawsuit*, *Where there’s a will, there’re relatives*, *Where there’s smoke, there’s bound to be ire*, *Where there is a will...*, *Where there’s a will, there’s a way*. *Go train* и т. д.

Паремии *Where there’s a Will, there’s a future for the monarchy*, *Where there’s a Will, there’s a better way*, *Where there’s a Will, there’s a dollar* сохраняют исходную структуру и объединены посредством двойной лексической трансформации. Указанные паремии связаны с именем наследника английского престола принца Уильяма. На концептуальном уровне субституция содержания слотов “will” и “way”. Первый слот получает нехарактерное наполнение – “Will”, эксплицитно выраженное именем собственным, второй – “future for the monarchy”, “better way” либо “dollar”. В результате подобных модификаций в каждом случае достигается определенный семантический эффект, опосредованный тем, что, по мнению большинства представителей Содружества наций, молодой и прогрессивно настроенный герцог Кембриджский – будущее монархии, лучший на сегодняшний день продолжатель королевской династии. Кроме того, помолвка и свадьба принца Уильяма и Кейт Мидлтон, рождение их детей неизбежно влекут за собой длительное увеличение объема продаж глянцевого журнала.

Аналогичная процедура применима при моделировании когнитивного значения паремии *Where there’s a Will there’s a wait*, в основе которой лежит экстралингвистическое знание о том, что на протяжении нескольких лет боксер Уилл Томпсон ждал боя с Дэнни Гриммом с целью доказать свой титул чемпиона мира в легком весе.

В статье под заголовком *Where there’s a bill, there’s a way* речь идет об обсуждении и принятии законопроекта об увеличении в Сиднее числа автомагистралей. При сохранении синтаксической структуры в указанной паремии, также подвергшейся лексической трансформации, очевидны модификации исходного сценария, обусловленные субституцией слотов: “will” → “bill” (“a formal statement of a planned new law that is discussed before being voted on”), что в дальнейшем приводит к актуализации слота «обсуждаемый вопрос», заполненный концептуальным содержанием “way” (“a route, direction, or

path”). Несмотря на однообразие эксплицитного выражения, концептуальное наполнение слота также подвергается “way” изменению.

Паремия-трансформ *Where there's a swill, there's a spray* – название короткометражной кинокомедии (1913 г., режиссер Чарли Калверт) о том, как съемочная группа пытается заснять новый пожарный рукав. В данном случае субституция слота “will” на “swill” (“the movement of liquid over or around something, often in order to clean it”) приводит к актуализации потенциального слота “spray” (“a liquid that is forced out of a special container under pressure so that it becomes a mass of small liquid drops like a cloud”).

Трансформированная паремия *Where there's a swill, there's a way* служит заголовком ряда статей с различным содержанием. В одной речь идет о том, что зачастую фермеры откармливают поросят, которые могли бы потреблять пищевые отходы, высококачественным зерном, в то время как почти миллиард людей на планете умирает от голода. Во второй статье описывается ситуация на Шанхайском продуктовом рынке, где недобросовестные рестораторы нелегально продают переработанное масло для готовки другим таким же недобросовестным рестораторам для повторного использования. В третьей говорится о том, что Михаил Саакашвили, будучи президентом Грузии, поблагодарил российского президента на наложенное эмбарго в отношении грузинского вина, что помогло только улучшить его качество.

Несмотря на одинаковое эксплицитное выражение, данная паремия в каждом случае актуализирует несколько различающееся концептуальное наполнение. В результирующем сценарии очевидна произошедшая субституция: слот “will” заменен на “swill”. В первом случае слот “swill” имеет концептуальное наполнение “waste human food that is fed to pigs”, во втором и третьем – “food that is very bad”. Во всех трех случаях концептуальное наполнение слота “way” в исходном и результирующем сценариях совпадают – “a particular choice, opinion, belief, or action, especially from among several possibilities”.

Факт неоднократного использования данной трансформированной паремии в качестве заголовка для статей с различным содержанием, говорит о том, что наиболее удачные трансформы могут закрепляться в устоявшемся паремиологическом фонде языка и активно использоваться его носителями.

Паремии-трансформы *Where there's a will, there's a lawsuit* и *Where there's a will there're relatives* представляют собой результат семантической трансформации. Концептуальное значение слота “will” (“intent or volition”; “the mental power used to control and direct your thoughts and actions, or a determination to do something, despite any difficulties or opposition”) расширяется, приобретая концептуальное наполнение “a legal document that states who is to receive a person's estate and asserts after their death”. Данное расширение влечет за собой актуализацию компонентов исходного сценария, что в свою очередь служит причиной актуализации потенциально существующих слотов / подслотов – «судебный процесс» (“lawsuit”) и «наследники» (“relatives”).

В статье под заголовком *Where there's smoke, there's bound to be ire*, речь идет об обсуждении законопроекта относительно ввода пошлины на ввоз сигарет в Австралию. Указанная поговорка является результатом структурно-семантического преобразования, поскольку изменения затронули как лексический, так и грамматический уровни. Концептуальное структурирование позволяет увидеть, что в исходном сценарии рассматриваемой поговорки происходит замена слота "will" в результирующем сценарии на слот "smoke" с концептуальным наполнением "the act of smoking a cigarette", что влечет за собой актуализацию потенциального слота «(возможные) последствия» ("to be bound to be ire" – "certain or extremely likely to cause anger").

Следующие поговорки представляют собой разновидности синтаксической трансформации. Поговорка *Where there is a will...* представляет собой усеченный вариант прототипа. На концептуальном уровне происходит элиминация части слотов. В итоге достигается определенный семантический эффект – «при наличии желания / было бы желание...».

Поговорка *Where there's a will, there's a way. Go train* – расширенный вариант прототипа. В данном случае имеет место интеграция двух сценариев в один. Помимо перенесения концептуального содержания слотов исходного сценария в результирующий вводится новый слот с соответствующим содержанием – «способ достижения желаемого результата».

Таким образом, анализ концептуальных преобразований, проведенный на примере трансформированных поговорок с общим прототипом, позволил рассмотреть взаимосвязь языковых и когнитивных категорий, позволяющую представить механизм взаимодействия лингвистических и экстралингвистических знаний, индуцируемых в памяти носителя языка при актуализации компонентного состава поговорки.

Литература:

1. Баранов, А. Н. Концептуальная модель значения идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Когнитивные аспекты лексики. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1991. – С. 3–13.
2. Внук, Т. В. Особенности окказиональных модификаций фразеологизмов в текстах немецкой коммерческой рекламы / Т. В. Внук // Вестник МГЛУ. – Сер. 1. Филология. – № 3. – 2008. – С. 74–85.
3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
4. Burger, H. Handbuch der Phraseologie / H. Burger, A. Buhofer, A. Sialm. – Berlin; New York: de Gruyter, 1982. – 433 S.

**НАИМЕНОВАНИЯ ИРЛАНДСКИХ СЕТОВЫХ ТАНЦЕВ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Т. В. Старцева

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

**IRISH SET DANCE NAMES: COMPARATIVE
AND LINGUOCULTURAL ANALYSIS**

T. V. Startseva

Summary. The paper focuses on comparative and linguocultural analysis of Irish set dance names. Structural and lexical issues are foregrounded as basic principles of analysis. Irish dance is regarded as cultural code possessing special features due to bilingualism of Irish culture. Thus, the idea of set dance reflected in its name can be expressed in a particular way in English and Irish languages.

Ирландия – страна, получившая известность благодаря своей уникальной культуре. Танец – ее неотъемлемая часть, казалось, никак не связанная с лингвистическими науками, тем не менее может раскрыть механизмы отражения культурных реалий в языке. В данной статье проводится лингвокультурологический и сравнительный анализ наименований ирландских сетовых танцев. Эта разновидность танцев исполняется под традиционные мелодии, некоторые из которых являются авторскими, а для некоторых восстановление авторства не представляется уже возможным.

Поскольку Ирландия обладает статусом билингвального государства, имеет смысл сопоставить структурные характеристики наименований в ирландском и английском языках, а также провести лингвокультурологический анализ языковых единиц, выступающих в качестве наименований мелодий и, соответственно, сетовых танцев. Исследуя проблемы билингвизма, Е. К. Черничкина отмечает закономерность процессов диффузии, интерференции, трансформации при попеременном использовании двух лингвокультурных кодов как результат встречи двух языков в одном когнитивно-коммуникативном пространстве [1, с. 10]. Таким образом, мы можем предположить, что определенные языковые единицы, отражая ряд культурных реалий, будут иметь своеобразных двойников, бытующих в общем когнитивно-коммуникативном пространстве. Этот факт позволяет говорить об амбивалентной природе такого пространства, о возможности сохранения в нем как элементов, присущих разным лингвокультурам, но употребляемым в одной сфере, так и элементов, вытеснивших аналог иноязычной культуры.

Для рассмотрения языковых наименований в сфере ирландских танцев нам представляется возможным выделить следующие этапы анализа практического материала: структурное сопоставление фразовых единств; анализ

лексики; анализ лингвокультурной специфики номинаций в ирландском и английском языках.

Структурный анализ. С точки зрения структуры наименований традиционных ирландских сетов, выделяется ряд категорий: структуры номинирующие объект или качество объекта, структуры номинирующие действие объекта, вопросительные структуры, директивные структуры. Рассмотрим подробно каждую категорию.

Структуры, номинирующие объект или качество объекта, как правило, представляют собой в английском языке отдельное существительное (The Blackbird, The Piper, The Storyteller) или следующие сочетания прил.+ сущ. (The White Blanket), сущ. в Род. п.+ сущ. (Rodney's Glory), сущ.+ of+ сущ. (Garden of Daisies), числит.+ [прил.] +сущ. (The Three Sea Captains).

В ирландских вариантах названий танцевальных сетов также сохраняется структура сочетания прилагательного и существительного, но с позиционным отличием определяющего компонента – прилагательное находится в постпозиции. Ср.: The **Orange** Rogue / An Rógair **Buí**. Определяющий элемент, выраженный существительным в родительном падеже в ирландском языке, также как и в английском языке, находится в постпозиции, однако в силу флективного характера ирландского языка падежные отношения принадлежности будут выражены при помощи соответствующих окончаний, а не предлога. Ср.: Rí na Síog / King of the Fairies. Но также следует отметить, что при наличии имени собственного в английском языке используется его притяжательная форма, структурно совпадающая с аналогичным наименованием в ирландском языке: Lá Fhéile Pádraig / St. Patrick's Day.

В ряде случаев мы можем наблюдать отсутствие прямого аналога названия сета в одном из языков. Так, например, название The Charlady в ирландском языке имеет эквивалент, структурно представляющий собой словосочетание – Bean an Ghlantacháin (ср. англ.: woman of cleaning).

Структуры, номинирующие действие объекта в английском языке представлены сочетаниями прич. наст. времени + сущ. (The Vanishing Lake), а также эллиптическими структурами, в которых причастие, номинирующее действие опущено, но присутствует группа зависимых элементов, обозначающих место действия (The Fiddler Around The Fairy Tree; Jockey To The Fair). В ирландском языке отсутствует форма причастия настоящего времени, поэтому функцию наименования действия выполняет отглагольное существительное в форме родительного падежа, образующее сочетание, которое функционально совпадает с предыдущей группой названий сетов, соотносимых с качеством объекта: An Ceoltóir Fáin, Na Buachallí Báire.

Директивные структуры грамматически эквивалентны в ирландском и в английском языках и содержат глагол в форме повелительного наклонения с дополнением. Ср.: **Cuimil** an Mála / **Rub** The Bag. Вопросительные структуры в наименованиях сетов являют собой полноценные предложения с предикативной парой. Ср.: **Bhuil** an Fear Mór Istigh? / Is the Big Man Within? Однако в

ирландском языке присутствует эллипсис вопросительной частицы “an”, таким образом, вопрос формируется только при помощи косвенной формы глагола.

Лексический анализ. Исходя из анализа лексического состава наименований ирландских традиционных сетов, мы можем выделить тематические категории, объединяющие названия в соответствии с теми реалиями, которые в них содержатся. Таким образом, выделяется категория наименований, связанных с историческими событиями или лицами; категория, связанная с бытовыми ситуациями или предметами быта; категория, соотносимая с элементами фольклора.

Рассмотрим категорию наименований, связанных с историческими событиями. В плане семантического наполнения данные наименования совпадают в ирландском и английском языках, поскольку связаны либо с именем собственным, либо с географическим названием. Ср.: Titim Páras / The Downfall of Paris; Madame Bonaparte / Madame Bonaparte. В ряде случаев отсылка на историческую личность может быть завуалирована. Так, например, танцевальный сет “Blackbird” был назван так в честь Карла Стюарта, политического деятеля, одного из претендентов на английский и шотландский престолы, чье прозвище было «дрозд». Особо следует упомянуть наименования сетов, содержащих географические названия. Семантически они не обязательно могут быть связанными с каким-либо событием исторического характера. Это могут быть аллюзии на мероприятия, традиционные для ирландской культуры, проводимые в той или иной местности (Kilkenny Races / Rásaí Chill Choinnigh).

Категория наименований, связанная с бытовыми ситуациями или предметами быта является наиболее многочисленной, поскольку ирландские танцы, в первую очередь, носят социальный характер. Крайне любопытна двусмысленность некоторых наименований, возникающая при сопоставлении ирландского и английского вариантов. Так, например сет “The Lodge road” в ирландском языке имеет название “Bóthar an Lóiste”. Английский вариант названия соотносим с топонимом, либо с местностью, где можно найти ночлег путешественнику, однако ирландский вариант дает возможность двойного толкования этого наименования. Согласно словарю О’Донелла [2], лексема “lóiste” выступает как эквивалент “lodge” (жилище), но при этом “lóiste” это один из вариантов написания слова “leoiste”, эквивалентом которого в английском языке является слово “idler” (бездельник). Совпадение у данных слов форм именительного и родительного падежа в единственном числе дает возможность рассматривать это название и как топоним, и как словосочетание, в котором каждый элемент имеет свое семантическое наполнение. Это также позволяет предположить первичность ирландского наименования, поскольку в английском языке двойственность смысла не сохраняется, слово “lodge” не имеет значение «бездельник».

Слова с подобной отрицательной коннотацией – очень характерные элементы названий танцевальных сетов. Условно их можно отнести к семантическому полю «мошенничество», например: *An Réice Fáin / The Rambling Rake*, *Cladhaire na Súile Gorma / The Blue-eyed Rascal*, *An Rógair Buí / The Orange Rogue*. Некоторые наименования обретают сему «мошенник» только в английском варианте. Так, наименование танца “*Jockey to the Fair*” / “*An Marcach chuig na Aonach*” в ирландском и английском языках объединены общей семьей «всадник», однако в английском языке лексема “*jockey*” также имеет значение «обманщик, плут», не присущее ирландскому эквиваленту “*marcach*”.

Любопытным представляется наименование “*An Rógair Buí*” / “*The Orange Rogue*”. В данном случае цветное обозначение связано с символикой оранжистов – протестантской партии, противостоящей католикам. В исходном названии представителя такой партии *Fear Buí / Orangeman* главный компонент *fear / man* был заменен на слово с негативной коннотацией – *rógair / rogue* (негодяй). Таким образом, мы можем отметить проникновение социально-политических аспектов жизни в сферу танца в Ирландии.

Для названий ирландских танцевальных сетов также характерна соотнесенность с семантическим полем «бродяжничество». Это необязательно предполагает негативный оценочный компонент образа, заложенного в названии. Большинство наименований связано с профессиями, представители которых путешествовали из одного населенного пункта в другой, выполняя определенные виды работ. Так, например, ирландская лексема “*fán*” (блуждание) в английском языке передается при помощи ряда эквивалентов (“*wandering*”, “*roving*”, “*rambling*”). Ср.: *An Ceoltóir Fáin / The Wandering Musician*, *An Mangaire Fáin / The Roving Pedlar*, *An Réice Fáin / The Rambling Rake*.

В названиях сетов слова, называющие профессии, могут соотноситься с разными сферами деятельности, что в целом позволяет составить общую картину традиционных для Ирландии видов занятости, обретших элемент символизма в названиях танцевальных сетов: *Bean an Ghlantacháin / The Charlady*, *An Píobaire / The Piper*, *Na Triúir Captaein Mara / The Three Sea Captains*, *An Gaueger Meisceach / The Drunken Gauger*.

Ряд наименований сетов соотносится с фольклором и культурными традициями Ирландии. Так, например, танцевальный сет “*Lá Fhéile Pádraig*” / “*St. Patrick’s Day*” является традиционным для празднования Дня Святого Патрика – святого покровителя Ирландии. Наименование сета “*Rí na Síog*” / “*King of the Fairies*” связывает танец с мифическим народом Ирландии – ситами, обладающими магическими способностями. Название “*An Bheidhleadóir ag an Crann Sí*” / “*The Fiddler around the Fairy Tree*” также содержит аллюзию на волшебный народ сидов и их возможности манипулировать человеком, неоднократно описываемые в сказаниях и мифах Ирландии.

Являясь значимой частью культуры любого народа, танец раскрывает его специфику, традиции, верования и ценности, социальный уклад. Анализ на-

именований ирландских танцевальных сетов показал достаточно обширный тематический состав, связывающий танец как с историческими событиями или фольклорными сказаниями, так и с бытовыми ситуациями повседневной жизни. Сопоставление английского и ирландского эквивалентов наименований показало практически полное совпадение смыслов, но в ряде случаев структура наименования и лексическое наполнение в ирландском языке предполагало двойственность значений, в то время как английский эквивалент отражал лишь один из возможных вариантов. Данный факт с учетом билингвального характера ирландской культуры позволяет говорить о первичности ирландских наименований.

Литература:

1. Черничкина, Е. К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.19 / Е. К. Черничкина. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2007. – 32 с.
2. Ó Dónaill Foclóir Gaeilge-Béarla / Ó Dónaill. – Режим доступа: <http://www.teanglann.ie/ga/fgb/> (дата обращения: 15.06.2016).

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГОРОДА: ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ИНДИВИДА

О. А. Сулейманова, А. Богданова

ГАОУ ВО «Московский городской университет» (Москва)

LINGUISTIC-GEOGEOGRAPHIC CITY IMAGING: SAFE ENVIRONMENT

O. A. Suleimanova, A. Bogdanova

Summary. The paper focuses on the means of linguistic representation of the city navigation system and the analysis of the principles that are to provide linguistic support of the safe environment in a megapolis. The requirements the warning street signs are to meet are outlined, the discrepancies between culturally and linguistically different societies that are to be taken into account are analysed.

Современный человек в пространстве мегаполиса окружен огромным количеством знаков, образующих различные знаковые системы, которые в максимальной степени определяют и регулируют функционирование социальных систем. Именно знаковые системы обеспечивают безопасность индивида, диктуют нормы социального взаимодействия, разъясняют, как действовать в пределах каждой данной социальной системы. Однако в условиях активно развивающегося в последние годы процесса глобализации знаковые

системы, обслуживающие ту или иную лингвокультуру, не «успевают» за потребностями глобализации, согласно которым лингвокультуры должны преодолевать известную изолированность и становиться более проницаемыми для носителей других языков. На сегодняшний день мы не можем говорить о том, что в рамках российского городского ландшафта обеспечено комфортное существование и перемещение в пространстве города человека, не говорящего на русском языке.

Неслучайно поэтому в последние годы особенно востребованными становятся исследования, ориентированные на изучение городского коммуникативного пространства, причем не только в рамках лингвистики, но и в социологии, культурологии и истории. За последние годы появились исследования, в которых предпринимается попытка моделировать коммуникативное пространство города [1; 2; 3; 4] с целью оптимизации городской среды, в которой гарантирована безопасность индивида, в том числе для неносителей русского языка в крупных городах России. В связи с этим актуальную исследовательскую задачу составляет анализ международного опыта создания навигационных систем мегаполиса, а также систем лингвистического обеспечения безопасности индивида, ориентированных на иноязычного пользователя, в том числе в области информирующих и предупреждающих знаков. Разработка такой билингвальной системы для г. Москвы важна как никогда в силу привлекательности этого города для иностранных туристов, равно как и для представителей зарубежных компаний, работающих на российском рынке.

Научно-обоснованная и экспериментально подтвержденная концепция лингвистического мультикультурного сопровождения человека и обеспечения его безопасности в мегаполисе предполагает широкомасштабный полевой анализ положения дел в области российской и международной практики передачи наименований улиц города и его объектов; изучение сложившихся принципов транслитерации и соответствующих систем ГОСТов, а также возможностей существующих систем транслитерации, применяемых в международной практике (в частности, в сети Интернет), и оценку их адекватности. Особое внимание при этом должно уделяться, во-первых, созданию единой нормативной базы как в области *графики*, так и *орфографии* знаков навигации на родном языке; во-вторых, разработке принципов передачи городских навигационных указателей на некоем лингва франка, понятном для иноязычного пользователя (см. об оптимизации системы навигации в г. Москве исследование [5, с. 98]), а также принципов корректировки и перевода информационных и предупреждающих знаков.

Рассмотрим положение дел в системе лингвистической поддержки обеспечения безопасности человека.

Согласно определению ГОСТ Р 1.0-92, безопасность – это «отсутствие недопустимого риска, связанного с возможностью нанесения ущерба» [ГОСТ Р 1.0-92]. Обычно рассматривается с целью достижения оптимального баланса ряда факторов, включая такой нетехнический фактор, как поведение челове-

ка. Подобного рода баланс позволяет свести риск, связанный с возможностью нанесения ущерба здоровью людей и сохранности имущества, до приемлемого уровня.

Безопасность человека в любой ситуации обеспечивается типом поведения, когда риск поражения опасными факторами сведен к минимуму при данном стечении естественных обстоятельств. Безопасность человека в любом случае не может быть абсолютно гарантирована.

Обеспечить безопасность индивида в урбанистическом пространстве можно либо через недопущения возникновения тех или иных опасных факторов, либо через формирование такой формы поведения, когда воздействия опасного фактора можно избежать.

Информационный компонент обеспечения безопасности направлен на то, чтобы воздействовать на людей через донесение до них нужных посылов и сведений, добиваясь адекватной поведенческой реакции. Для этого необходимо создание инфраструктуры обеспечения безопасности, которая включает прежде всего материальные средства-носители, позволяющие донести информационный посыл до человека, которому он предназначен. Безопасность важна не только с точки зрения сохранения человеческого здоровья и жизни в целом, но также и для того, чтобы избежать возможного экономического или морального ущерба. К инфраструктуре обеспечения безопасности может быть отнесены, например, такие предупреждающие знаки, как *Осторожно, окрашено!* или *Не кантовать. Хрупкий груз*.

Безопасность обеспечивается информационными компонентами, а также техническими средствами, препятствующими физическому выполнению нежелательных действий. Последнее особенно важно и экономически целесообразно в поликультурном сообществе, отдельные группы которого могут различным образом трактовать тот или иной информационный посыл.

Предупредительные и запрещающие знаки могут быть графическими (наиболее распространенный тип), выполнены в виде других форм (аудио- и видеопредупреждений, надписей шрифтом Брайля (рельефно-точечный тактильный шрифт, предназначенный для письма и чтения незрячим людям) или других осязательных знаков, в виде запаховых сигналов – при добавлении одорантов в природный газ и опасные токсические соединения.

Глобализационные процессы во многом стандартизировали подходы к общим принципам создания графических и иных предупреждающих знаков урбанистической среды: ср. пиктографические способы передачи, которые часто дополняют вербальные знаки. Рассмотрим следующие изображения.

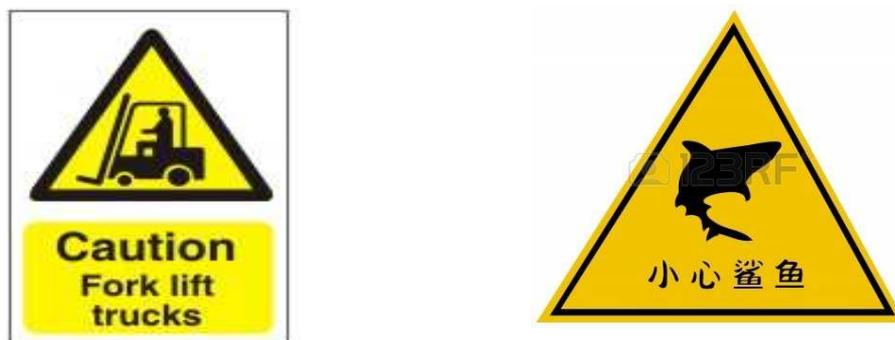

Рис. 1. Знаки, предупреждающие о возможном передвижении погрузочной техники Осторожно! Погрузчики! и о возможном появлении акул

Как видно из рис. 1, на пиктограммах изображен объект, который в данном случае несет угрозу, в обоих случаях он размещен на контрастном фоне и внутри треугольника. Внизу следует фразовое сопровождение на том языке, для носителей которого преимущественно знак предназначен.

Существуют знаки, в которых схожая знаковая семантика передается различным образом. На знаке, установленном в одном из парков России (рис. 2), акцент делается на преимущественно лингвистическое восприятие и стилистическую экспрессию, а графическая экспрессия выражена за счет выбора шрифта и его цвета, что определяется русской картиной мира, в отличие от знака в Германии – для немецкой картины мира пиктографический способ выражения семантики на предупреждающих и запрещающих знаках имеет большее значение, как в целом и для всего западноевропейского культурного пространства. Это объясняется не только тем, что западное пространство является в большей степени мультикультурным, но и тем, что здесь присутствует другое отношение в ценностной шкале «взрослый-ребенок». Для современной западноевропейской культуры восприятие инфантилизма как культурного явления имеет нейтральную или положительную коннотацию, и элементы подростковой и даже детской модели поведения взрослых воспринимаются нормально: увлечение человека преклонного возраста, например катанием на роликовых коньках в парке или чтение комиксов, вызывает скорее положительную социальную реакцию.

Рис. 2. Знак, запрещающий кормление птиц в одном из парков РФ и в одном из парков Германии (Хлеб для уток – смерть для уток)

Для русского восприятия инфантилизм имеет скорее негативную коннотацию – «незрелости», «несерьёзности», «несолидности», а предупреждающие знаки в инфантильной стилистике (преобладание пиктографического способа выражения семантики, яркая и привлекательная расцветка) может иметь негативные последствия – знаки не будут восприниматься с достаточной мерой серьёзности. Все это должно быть учтено в оформлении различных элементов системы безопасности.

Заимствование элементов оформления системы информационной безопасности урбанистического пространства из одной культуры в другую может быть эффективным лишь в том случае, если разница восприятия на ментальном уровне не является критической, а вследствие долговременного общения элементы культурных кодов становятся универсальными (рис. 1).

Необходимо также учитывать особенности строя языка: при построении сообщений в рамках аналитических языков (английский, китайский и др.) значение имеет порядок слов и, благодаря графическому оформлению данных слов, легко расставляются нужные акценты. Носители аналитических языков склонны воспринимать целостный контекст, не вникая в подробности внутренних связей между семантическими элементами. Синтетические языки (русский, немецкий, латынь и т. д.) формируют иную структуру восприятия текста. Внутренние связи между семантическими элементами здесь приобретают особую значимость, и в процессе восприятия происходит своеобразная внутренняя расшифровка семантики текста.

Эти особенности аналитических и синтетических языков влияют на скорость восприятия знаков, точность и однозначность их трактовки. При переводе между аналитическим и синтетическим языками важно избегать появления внутренних семантических связей, которые отсутствуют в языке-оригинале. Например, английскую надпись *No pets* нельзя перевести как *Нет домашним любимцам!*, так как это меняет семантику неузнаваемо, и надпись переводится как *С животными вход воспрещен!*

Отметим одну особенность в оформлении знаков урбанистического пространства разных культурно-цивилизационных ареалов (при общности языка): в Великобритании, с одной стороны, и США и Канады – с другой. Англичане делают упор на оформлении знаков пространства через систему символов, аргументируя тем, что восприятие символа, особенно общеизвестного для проживающих на данной территории, требует меньше времени на восприятие. За океаном предпочитают надписи, считая, что они более конкретны, а текстовые знаки не оставляют нарушителям пространства для манёвра в суде, если они захотят оспорить штраф. Так, знак ограничения скорости представляет собой белый прямоугольник, на котором чёрными буквами написано: *Speed Limit 50 (Ограничение скорости 80 км/ч)*.

В случае представления дорожных знаков в виде пиктограмм они часто дополняются текстовым контентом во избежание разногласий в прочтении.

Так, знак *Въезд запрещен* выглядит в США почти так же, как и в России, однако на его белой полосе добавлена надпись *Do Not Enter* (*Не въезжать!*).

Существуют различия в оформлении одних и тех же дорожных знаков в разных штатах. Так, знак *Разрешено движение только направо* в штате Делавер представлен в виде текстового контента (*Right turn only*). Этот же знак в штате Пенсильвания имеет вид иконографии с текстовым дополнением *Only*.

Анализ предупреждающих знаков показывает, что их перевод на иные языки, что актуально в условиях развития межнационального взаимодействия и интенсивной глобализации, требует всестороннего учета сложившихся лингвокультурных практик.

Литература:

1. Бутакова, Е. С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города / Е. С. Бутакова. – Томск, 2013. – 26 с.
2. Кадоло, Т. А. Анализ культурных смыслов в наименованиях торговых объектов города Абакана / Т. А. Кадоло. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2013. – 172 с.
3. Человек в городе и город в человеке: социолингвистическое исследование: коллективная монография / под ред. А. С. Черноусовой. – Пермь: Пермская государственная академия искусства и культуры, 2013. – 267 с.
4. Кашкабаш, Т. В. Городское визуальное коммуникативное пространство как фактор социальной интеграции (на примере г. Москвы): монография / Т. В. Кашкабаш, А. К. Мамедов. – М.: МАКС Пресс, 2014. – 124 с.
5. Сулейманова О. А. Система городской навигации города Москвы как проблема мультикультурного моделирования лингвистического образа города / О. А. Сулейманова, Д. Д. Холодова // *English Studies at NBU*. – Vol. 1. – Issue 1. – P. 97–115.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

О. В. Томберг

*ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург)*

LINGUOCULTURAL HIGHLIGHTS OF FEMALE IMAGE IN ANGLO-SAXON POETIC TRADITION

O. V. Tomberg

Summary. The paper offers results of research into linguocultural specifics of female image in Anglo-Saxon poetic tradition. The female image as an

imagological entity is represented by very few female characters and they are predominantly anonymous. Stylistically their characteristic features are not neutral – they are either highly positive or vice versa. Conceptual space of the female image is represented by a number of concepts such as ‘thought’, ‘care’, ‘servant’, ‘widow’, ‘grief’, ‘war’, ‘soul’, ‘sword’, etc.. The paper argues that these concepts are a key to understand a role of women in Anglo-Saxon society and culture.

Изучение системы художественных образов того или иного периода развития национальной литературы способствует выявлению целого ряда не только поэтических, но и культурных доминант эпохи. Понимая художественный образ как процесс и результат динамического, исторически обусловленного взаимоотношения с окружающей исторической действительностью, подчеркнем такие его конститутивные особенности как культуроспецифичность, аксиологичность и динамичность. Образ соотносится с персонажем как общее и частное: в структурном отношении образ представляет собой сумму персонажных репрезентаций концептуально сходного типа.

Женщина в англосаксонской поэтической традиции представлена преимущественно макрообразом – или имагологическим типом (типажом). Определяя понятие типажа, вслед за В. И. Карасиком, как «обобщенного типа личности, выделяемый по социально-значимым параметрам в рамках определенного социально-этнического сообщества» [1, с.103], считаем целесообразным подчеркнуть, что тип представляет собой достаточно высокую степень абстракции. Тот факт, что женские образы типизированы, свидетельствует об их меньшей персонажной разработанности по сравнению с мужскими образами, при этом они либо анонимны (например образ плакальщицы), либо немногочисленны по своей персонажной репрезентации, например образ королевы.

Квантитативная асимметрия наблюдается также в номинативном аспекте – при изучении номинативных вариаций мужских и женских образов в англосаксонской поэтической лингвокультуре. Маскулинные номинативные варианты представлены в гораздо большем количестве, основными из которых являются следующие: *Pēoden*, *beorn*, *secg*, *rinc*, *wiga*, *brim-wīsa*, *ēorodman*, *lādtēow*, *hyse*, *cyning*, *here-wōsa*, *gūþ-weard*, *here-toga*, *stēor-mann*, *fyrð-rinc*, *sempan*, *hæleþ*, *wigend*, *flot-man*. Каждый из этих вариантов подчеркивает тот или иной аспект макрообраза: героизм, воинство, принадлежность к королевской крови, мореходство, смелость. Номинативные варианты женских образов - *ides*, *meówle*, *iú-meówle*, *wif*, *bryd*, *cwen*, *þír*, *widuwe* – в содержательном аспекте, помимо номинаций, восходящих к обозначению девушки, женщины (*ides*, *meówle*, *iú-meówle*, *þír*, *mægð*) в древнеанглийском языке, подчеркивают идеи вдовства (*widuwe*), королевской власти (*cwen*), семейного положения (*wif*).

На стилистическом уровне можно выделить два, резко противоположных коннотативных фона при раскрытии образа женщины. Прежде всего, это

тропы с положительной коннотацией: *æðelan cwen, þa leoflic wif, sio rice cwen* (Elena 286, 411), *gleaw on geðonce, ides ælfscinu, torhtan mægð, snude ða snoteran idese, beorhtan idese, ides ellenrof gleawhydig wif, beorhtan idese ageafon gearoþoncolre* (Judith 13, 14, 43, 55, 109, 148, 340 – 341) и т.д.. С другой стороны, можно выявить резко противоположные характерологические особенности женщины: *Mod þryðo, firen ondrysne, Nænig þæt dorste deor* (Beowulf 1931, 1932, 1933). Квинтэссенцией противопоставления положительных и отрицательных черт женщины в англосаксонскую эпоху может быть следующий отрывок:

*Ne bið swylc cwenlic þeaw
ides to efnanne, þeah ðe hio ænlicu sy,
þætte freoðuwebbe feores onsæce*

æfter ligetorne leofne mannan! (Beowulf, 1940–1943). (No queenly way for woman to practise, though peerless she, that the weaver-of-peace from warrior dear by wrath and lying his life should reave – Translated by S.Heaney)

При изучении концептуального пространства образа женщины в англосаксонской поэтической лингвокультуре, можно сделать следующие выводы:

– ядро образа образуют концепты «мысль» (*Hygd*), «слуга» (*Wealtheow*), «господин», «забота» (*Freawaru*), «сила» (*Modþryþ*);

– для анализа околядерной зоны выделены следующие номинации, каждая из которых подчеркивает тот или иной аспект данного образа: *ides, meówle, iú-meówle, wif, bryd, cwen, þír, wíduwe, freoþuwebbe*. На основе изучения этимологии и семантики данных номинаций можно заключить, что они являются репрезентантами концептов «королевская власть», «вдовство», «юность, невинность», «замужество», «мир»;

– периферию концептуального пространства образа женщины конституируют концепты «горе» (*geomor*), сердце (*heorte*), «душа, внутренний человек» (*mod*), «разлука» (*to-dælan*), «песня» (*giedd*), «изгнание» (*wraeclást*), «судьба» (*wyrd*), «ценности» (*máðum*), «верность» (*fælre*), «Бог» (*Metod, Dryht*), «меч» (*sweord*), «ум» (*snotor, gleawe*).

Данные особенности контрастируют с концептуальным наполнением мужских образов. Ядро образа женщины представлено немногочисленно в силу большого количества анонимных персонажей, а также универсальных имен (Elena, Judith). Подобная антропонимическая недифференцированность может свидетельствовать о меньшей значимости женских образов в англосаксонской поэтической лингвокультуре по сравнению с мужскими образами. Персонажные репрезентации мужских образов в основном антропонимически отмечены, а их имена представляют собой значимые концепты: «война» (*Guðere, Sigferth, Guðulf, Herebeald, Wiglaf, Sigemund*), «доспехи» (*Æscferth, Ordlaf, Garulfe, Wulfgar*), «странствие» (*Widsith*), «волк» (*Wulf, Wulfgar, Wulfstan, Wulfmaer*), «смелость» (*Byrhtnoth*). Исходя из концепции исключительной значимости имени собственного в архаичной картине мира, «отражении в ономастике наиболее престижных понятий» [2, с. 9], можно

предположить, что эти концепты являются ключевыми аксиологически значимыми в контексте всей культуры.

Во-вторых, в центральном фокусе осмысления женщины находятся преимущественно концепты, не характеризующие ее внутренний мир, а подчеркивающий социальный статус – жена, вдова, королева, либо характеризующие женщину с внешней стороны (например, *wif wundēn locc* – Elena, 23). При анализе маскулинных образов, например образа воина, в ядерной и околоядерной зонах выявлены концепты, раскрывающие внутренний мир персонажей: «внутренний человек», «родство», «любовь», «предательство», «мудрость», «горе». Такое смещение акцентов и раскрытие женщины через внешние, статусные показатели подчеркивают ее орнаментальную, подчиненную по отношению к мужчине функцию в англосаксонской культуре, что подтверждается сюжетным и мотивным анализом контекстов: Вальтхеов, например, появляется на пирах ненадолго, участвует в церемониале раздачи даров и удаляется в свои покои до окончания пира.

В-третьих, доминантной темой в раскрытии образа женщины является тема горя. Это подтверждается номинативной плотностью данной концептуальной группы: концепт «горе» представлен лексемами «*geomore*», «*sorg*», «*reotig*», «*uhtcearu*», «*weapearf*», «*hygegeomor*», «*modcearu*», «*breostcearu*», «*sinsorg*». Данная эмоциональная тональность образа женщины наиболее иллюстративно раскрывается в следующей поэтической формуле: *þæt wæs geomuru ides!* (Beowulf 1075) Содержательный аспект данной формулы контрастирует с подобной формулой для характеристики мужского образа – образа короля: *þæt wæs god cyning!* (Beowulf 11). По мнению Дж. Хилла, обе формулы отражают мужской и женский стереотипы в англосаксонском обществе. При этом маскулинная формула в концентрированном виде выражает сущность и предназначение короля, фемининная формула выражает сущность женщины как носительницы героической трагедии [3, с. 161].

В-третьих, женщина также ассоциируется с темой смерти и насилия в англосаксонской культуре: в разработке ее образа участвуют концепты «смерть (*deap*)», «насилие (*þryþ*)», «убийство (*cwealm*)», «меч (*sceaden - mæl; mece*)», «война (*gub*)». Данные выводы достаточно неожиданные, особенно принимая во внимание тот факт, что наиболее частотной характеристикой женщины в этот период является кеннинг “*freaþu-webbe*” (пряжа мира). Для объяснения появления темы смерти и насилия в образе женщины можно обратиться к близкой англосаксам на рассматриваемом этапе культуре викингов, в которой рунические поэмы и наскальные рисунки нередко интерпретируют женщину в контексте сеяния распрей. По мнению Дж. Джеш, это характерно для военного типа культуры – «...женщина, олицетворяющая дух войны, снимала ответственность за насилие с самих воинов» [4, с. 130].

Таким образом, данные изучения имагологической семантики на основе лексического, концептуального и стилистического анализов способствуют уточнению роли и места мужчины и женщины в пространстве англосаксон-

ской поэтической лингвокультуры и культуры в целом. Гендерная асимметрия системы художественных образов свидетельствует о том, что данная культура представляет собой маскулинный тип с ярко выраженным героическим вектором. Роль женщины при этом ограничена определенными концептуальными областями: мир чувств и эмоций, служение мужу и господину, участие в характерных для культуры церемониальных видах деятельности, а также стереотипное восприятие женщины как причины раздора и войн.

Литература:

1. Карасик, В. И. Иная ментальность / В. И. Карасик и др. – Москва: Гнозис, 2005. – 352 с.
2. Топорова, Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные / Т. В. Топорова. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 253 с.
3. Hill, J. “þæt Wæs Geomoru Ides! A Female Stereotype Examined / J. Hill. – NY; London: Norton & Company. – 2002. – 200 p.
4. Jesch, J. Women in the Viking Age / J. Jesch. – The Boydell Press, NY, USA. – 2001. – 315 p.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В МУЛЬТИЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ю. А. Топоркова

С. А. Королёва

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

THE PROBLEM OF LINGUAL INTERFERENCE IN THE MULTILINGUAL ASPECT

Yu. A. Toporkova

S. A. Korolyova

Summary. The paper focuses on the problem of lingual interference in the multilingual aspect. The peculiarities of intralingual and interlingual interference are shown. The steps of studying the second foreign language on the basis of primary linguistic knowledge are presented. The difficulties of forming the multilingual skills of students are described. The teaching techniques and methods used while working with lingual interference are provided.

Сегодня в процессе изучения межъязыковой коммуникации вопросы многоязычия имеют все большую актуальность. В современных научных исследованиях термин «многоязычие» или «мультилингвизм» («полилингвизм»,

«плюрилингвизм») понимают как использование нескольких языков в пределах одной социальной группы или отдельно взятым говорящим (индивидуумом). Особый интерес, на наш взгляд, проблема мультилингвизма и билингвизма (как его разновидности), приобретает в контексте овладения двумя иностранными языками.

Вопросы мультилингвистической компетенции поднимаются в трудах И. И. Китросской, Л.А. Чубаровой, Т.Ю. Жихаревой, А. И. Куприяновой, Е. А. Логиновой, Н. П. Турченко, Е. В. Чмыревой; проблеме мультилингвизма в современном коммуникативном пространстве посвящены работы А. М. Шибаевой, И. Е. Беляковой, Н. Г. Кантышевой.

Целью данной статьи является рассмотреть особенности языковой интерференции в мультилингвистическом аспекте. Задачи нашей работы состоят в изучении особенностей явления межъязыковой и внутриязыковой интерференции в процессе овладения вторым иностранным языком.

Как известно, процесс обучения второму иностранному языку в вузе на базе родного и первого иностранного имеет свои особенности и выделяется в особое направление методики обучения иностранным языкам. В частности, Б.А. Лapidус указывает на то, что при изучении не первого, а второго и последующих иностранных языков формируются и проявляются качественно новые связи между сознанием и речевой деятельностью, между речью и мышлением [2].

Основываясь на трудах А. В. Щепиловой, можно утверждать, что в развитии процессов, определяющих особенность овладения вторым иностранным языком, существуют такие направления, как формирование металингвистического сознания личности и перенос (как вид лингвопсихологического механизма). Металингвистическое сознание – это особая форма языкового сознания человека, отличающая плюриязычного человека от монолингва и проявляющаяся как способность к абстрактно-логическим операциям с несколькими языковыми системами (сопоставление, обобщение, интерпретация) [5]. В ходе формирования металингвистического сознания задействовано множество психических свойств говорящего: мышление, внимание, память, мотивация. Такие механизмы психической деятельности и, как следствие, лингвистические умения свойственны «естественным» билингам – людям, с детства говорящим на двух или более языках. Таким образом, в процессе овладения вторым иностранным языком совершенствуются вербальные навыки, навыки решения лингвистических и познавательных проблем; активизируются абстрактное мышление, способность к звукоподражанию, аудиоассоциации, языковая догадка.

«Перенос – это сложное явление психики, скрытый механизм которого позволяет человеку использовать в своей деятельности (в том числе речевой) то, что ему известно, при новых или относительно новых обстоятельствах. Это объективный психолингвистический процесс, возникающий и существующий независимо от воли и желания человека. Положительный перенос

знаний, умений и навыков в область нового иностранного языка обеспечивает ускорение процесса его изучения. Происходит быстрое осознание особенностей нового лингвистического явления или быстрое формирование навыка»[4, с. 27].

Таким образом, обучающиеся, уже владеющие одним языком, обладают рядом преимуществ, к которым можно отнести: опыт изучения неродного языка и перенос приобретенных знаний с одного иностранного языка на другой; возможность переключаться с одной системы языка на другую с большей легкостью по сравнению с лицами, не владеющими иностранным языком; сформированность определенных необходимых навыков и умений; выработанный механизм догадки; более развитое лингвистическое мышление; способность к рефлексии, самоанализу и самооценке [1, с. 84]. В данном случае речь идет не просто о формировании коммуникативной, а мультилингвистической компетенции, которая характеризуется общеобразовательной, практической, развивающей направленностью в соответствии с современными целями методики преподавания иностранных языков.

Принимая во внимание индивидуальные особенности обучающегося, можно говорить в целом о таких константных составляющих мультилингвистической (плюрилингвистической) компетенции, как: общелингвистические, кросскультурные знания; владение иностранными языками на рецептивном (аудирование), интерактивном (диалог), продуктивном (устная и письменная речь), медиативном (косвенная речь) уровнях [4].

При изучении второго иностранного языка на базе первого деятельность учащегося по формированию знаний характеризуется большей осознанностью, интенсивностью, активностью и самостоятельностью. Помимо этого, на стадии изучения второго иностранного языка в большей степени, по сравнению с первым, проявляются индивидуальные особенности обучающегося, что в целом может влиять на формируемые языковые знания, умения и навыки. С другой стороны, следует учитывать и тот факт, что уровень владения первым иностранным языком может значительно отличаться от уровня владения вторым иностранным языком.

Безусловно, в процессе изучения второго иностранного языка обучающийся может сталкиваться и с определенными сложностями, связанными с языковой интерференцией. Причем процесс интерференции затрагивает не только родной и первый иностранный язык (межъязыковая интерференция) или два иностранных языка (внутриязыковая интерференция), а происходит уже на трех уровнях: родной язык – первый иностранный язык – второй иностранный язык.

В зависимости от формы проявления языковая интерференция может быть явной или скрытой, в зависимости от результата – затрудняющей, нарушающей или разрушающей. Она также может проявляться на фонетическом, графическом, орфографическом, лексическом, стилистическом, лингвострановедческом и культурном уровнях [3].

Рассмотрим механизм изучения второго иностранного языка как когнитивного процесса, с учетом фактора интерференции. Как было отмечено ранее, освоение вторым иностранным языком происходит на основе уже сформировавшейся системы первичных лингвистических знаний фонетики, морфологии, синтаксиса как родного, так и первого иностранного языков. Студент имеет представление о функции грамматических времен, особенностях словарного состава языка, грамматических категориях, а также владеет определенным набором коммуникативных умений и навыков, который автоматически переносится на новый языковой материал. Как любой познавательный процесс, процесс формирования лингвистических знаний в области второго иностранного языка охватывает следующие этапы:

- этап концептуализации знаний, а именно: выявление нового, привлечение уже имеющихся знаний в данной области, понимание значения, функции конкретного лингвистического явления и формирование первичного представления о нем;

- этап экспериментальной проверки;

- этап дальнейшей корректировки полученных знаний.

Естественно, задачей преподавателя является обеспечить максимально «комфортное» прохождение учащимися данных стадий посредством изучения и устранения ошибок со стороны интерферирующего влияния родного и первого иностранного языков. При этом важно, чтобы при изучении второго иностранного языка межъязыковая и внутриязыковая интерференция выступала не препятствием для адекватного усвоения учебного материала, а важным фактором успешного овладения языком. В этой связи возникает необходимость прибегать к системе специальных приемов и методов, направленных на преодоление интерференции. На устранение внутриязыковой и межъязыковой интерференции могут быть направлены межъязыковые сопоставления – сравнения двух и более языков для выявления общих явлений и отличий.

Выделяют языковое сопоставление, при котором сопоставительной основой выступает какой-то один язык (например, родной при изучении первого и второго иностранных языков) и признаковое сопоставление, когда основанием сопоставления избирается какое-либо явление определенного языка, признаки этого явления (например, система глагольных времен, принцип спряжения глагола, наклонение). Уже с первых занятий обучения языку сопоставление может осуществляться на основе общего для большинства европейских языков латинского алфавита, заимствований, слов латинского и греческого происхождения. Языковому сопоставлению также способствует владение графическими навыками, знание транскрипционных знаков, базовые знания теоретической фонетики. На последующих этапах обучения второму иностранному языку, в процессе объяснения нового грамматического материала при совпадении или схожести грамматических явлений преподаватель может активно применять метод обратной связи в работе со студентами, которые способны не только узнавать материал, но и активно участвовать в са-

мом процессе объяснения. Тем самым студенты развивают свои когнитивные способности и умения, процесс приобретения знаний становится осознанным. Соответственно, автоматизация навыков при овладении вторым иностранным языком также происходит гораздо быстрее, чем в случае с первым.

В процессе работы преподаватель также может использовать межъязыковые контрастирующие упражнения, в ходе которых достигается навык распознавания различий использования того или иного языкового явления в сопоставляемых языках. Подобные упражнения могут служить для отработки и усвоения лексического материала. В частности, при изучении интернациональных слов (слов, совпадающих по своей внешней форме с полностью или частично совпадающим смыслом в разных языках) процесс интерференции неизбежен. В таком случае целесообразно обратиться к упражнениям на выявление сходств и различий в значении интернациональных слов.

Переводные упражнения с элементами лингво-переводческого комментария также могут быть направлены на снятие определенных смысловых трудностей при работе с несколькими языками.

В случае, когда нельзя прибегнуть к использованию межъязыковых сопоставлений, а также в случае сложности или уникальности изучаемого языкового явления преподаватель прибегает к объяснению и описанию.

Как следствие, учет внутри- и межъязыковой интерференции, а также использование во время занятий по второму иностранному языку вышперечисленных приемов, методов, упражнений, позволяет значительно сэкономить время занятия при прохождении нового языкового материала и облегчает его усвоение учащимися. Благодаря обратной связи, рефлексии в процессе объяснения происходит повторение и закрепление тем не только второго иностранного языка, но и первого. Таким образом, на этапах изучения второго иностранного языка, благодаря опоре на уже сформированные учебные и когнитивные умения сопоставлять, обобщать, систематизировать, студенты лучше запоминают новую информацию. Такой подход к обучению не только развивает способности студентов, увеличивает их познавательный потенциал и самостоятельность, но и повышает качество учебного процесса. За счет опоры на родной и первый иностранный язык, привлечения имеющихся лингвистических и экстралингвистических знаний, речевых умений, овладение последующими языками выходит на качественно новый уровень.

Проблема языковой интерференции, влияния одного языка на другой не изучена полностью, однако, способствуя развитию мультилингвистических навыков студентов, она играет важнейшую роль в интенсификации обучения иностранным языкам и в оптимизации учебного процесса в целом.

Литература:

1. Королёва С. А. Повышение качества преподавания испанского языка как второго иностранного в ВУЗе / С. А. Королёва, Ю. А. Топоркова // Инновационная наука: Международный научный журнал. – № 2-2016. – Ч. 5. – Уфа: АЭТЭРНА, 2016. – 198 с. – С. 83–85.
2. Лapidус, В. А. Обучение второму иностранному языку как специальности: учебное пособие / В. А. Лapidус. – М., 2001. – 148 с.
3. Сагдеева Ф. К. К вопросу об изучении проблемы интерференции / Ф. К. Сагдеева // Двужычие: типология и функционирование: сб. АН СССР. – Казань: ИЯЛИ, 1990. – С. 52–59.
4. Чубарова, Л. А. Особенности формирования плюрилингвистической компетенции студентов в процессе иноязычного образования в вузе / Л. А. Чубарова // Плюрилингвизм и мультилингвизм: проблемы и стратегии развития: материалы Международного научного семинара; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Н. Белозеровой. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. – 411 с. – С. 25–32.
5. Щепилова, А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному / А. В. Щепилова. – М.: Владос, 2005. – 248 с.

СЛОВО В РЕЧИ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Т. Н. Трофимова

ГАОУ СПО РК «Ялтинский медицинский колледж» (Ялта)

A WORD IS ONE OF THE ELEMENTS IN THE FIELD OF FORMATION IN THE INTERNATIONAL ASPECT

T. N. Trofimova

Summary. The article is devoted to the role of the Russian word in the formation of speech culture in the international space. A word is the element in the field of communication in the whole world. Analysis of recent publications and research shows that many scientists devoted their work to the problem of communication of the Russian language. The purpose of our article is to consider the problem of linguistic communication through the interpenetration of culture.

Во время развития глобальных процессов, происходящих в обществе, особенно педагогам необходимо решать сложную задачу – формирование грамотной личности, современного выпускника вуза. Эта задача может быть решена только при помощи образования, которое сегодня и есть главной парадигмой происходящих в обществе процессов. Однако, несмотря на

развитие новых технологий, немаловажная роль отводится гуманитарному образованию, особенно изучению русского языка. Об этом говорится в Федеральном законе от 1.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Настоящий закон направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации и языковой культуры.

В законе п. 2 также говорится о том, что русский язык как язык РФ предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определяющих настоящий федеральный закон и Законом Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языке Российской Федерации» и иными нормативными правовыми документами и актами РФ в его защиту и поддержку, а также обеспечение права граждан РФ на пользование государственным языком [1].

В статье 5 Федерального закона говорится, что защита и поддержка русского языка способствует приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации. О положении использования русского языка говорится в Законодательном проекте «Об усиленных государственных гарантиях поддержки и защиты русского языка в Российской Федерации». В программе ЮНЕСКО в разделе «Теория и практика» говорится: «Русский язык – это язык мира, один из рабочих языков ООН» [2].

Русский язык является важнейшей составной составляющей целостного взгляда на системную задачу оптимизации социального здоровья общества. Важное значение имеет эффективное содружество, позволяющее эффективно распределять ресурсы в интересах социального и устойчивого развития.

Анализ последних публикаций и исследований показывает, что проблеме общения посвящены работы многих учёных ещё с давних пор. Однако проблеме языкового общения через формирование культур авторы не уделяют внимания, поэтому целью нашей статьи является рассмотрение проблемы решения языкового общения через взаимопроникновение формирования культур.

Так, например, М. В. Ломоносов в работе «Российская грамматика» говорит о русском языке как языке общения. А.С. Шишков в работе «Рассуждения о новом и старом слоге русского языка» указывает на недостаток выражений. Н. М. Карамзин в работе «Письма русского путешественника» говорит о превосходствах русского языка, подчёркивая его достоинство перед французским. Автор подчёркивает гражданственность языка и его важность для патриота своей Родины. В. К. Тредиаковский в статье «Слово о богатом, различном и искусном русском языке» указывает на культуру поведения человека и культуру разговорной речи.

Велика роль в развитии русского языка, сделанная А. С. Пушкиным. Он говорил о соразмерности и сообразности русского языка. Н. В. Гоголь восхищался красотой русского литературного языка. Говорил о работе над

словом и призывал к бережному обращению с ним. Об этом автор писал в работе «О русском языке». Н. А. Некрасов в работе «Из письма Л. Н. Толстому от 18.05.1857» говорил о правильности выражения мысли и что её правильность зависит от слова. В. Г. Белинский говорил о красоте русского языка, что это один из богатейших языков в мире. Красотой языка восхищался А. И. Герцен. Работой над русским словом и языком посвятил ряд своих работ А. П. Чехов. Им гордился Г. Р. Державин. Красоту языка и его достоинство перед другими языками оценивал Н. А. Добролюбов. Много работ посвятил русскому языку Л. Н. Толстой.

Известно, что русский язык стал популярен и за рубежом. Ему посвятили ряд работ многие зарубежные учёные. Так С. Джонсон оценивал русский язык как «одежду мыслей», Ш. Сорама писал, что русский язык гораздо богаче латинского. Д. Реру считал русский язык одним из великих языков мира.

Эта проблема находит и сегодня отклик среди современных учёных. Проблема русского языка и русского слова отражена в работах таких авторов, как Л. А. Введенской, В. В. Виноградова, К. Н. Гулик, В. В. Путина, И. Н. Махраковой, В. В. Фадеева и др. Проблема информационной пространственности русского языка отражена в диссертационных работах В. В. Фадеевой, Д. В. Мороз, Л. В. Золотовой, В. П. Попкова, Т. Фашера, Л. В. Вербицкой, С. В. Хватова, Н. Г. Шиллер и др. Так, например, Л. А. Введенская в работе «Русский язык и культура речи» говорит о современных свойствах русского языка, рассматривает различные аспекты речевой культуры, эффективность речевой коммуникации. В. В. Виноградов в работе «Основные этапы развития русского языка» определяет его дальнейшее развитие на международном пространстве, говорит о широком развитии за рубежом.

И. Н. Махракова в работе «Роль русского языка в современном мире» пишет о роли русского языка в его мировом значении и говорит, что наш народ творец и носитель языка. Автор подчёркивает в работе и международное значение и пишет об этом также.

В. В. Фадеев в работе «Политико-правовые основы функционирования русского языка на постсоветском пространстве» говорит о состоянии русского языка в России на современном этапе. Он подчёркивает, что под руководством органов власти общество подошло к осознанию того, что необходимо проводить серьёзную работу в различных сферах с деятельностью и функцией русского языка. Л. В. Золотова в диссертации «Государственная политика по поддержке русского языка диаспор на постсоветском пространстве» говорит о поддержке русского языка как в странах СНГ, так и в дальнем зарубежье. В. П. Попков в работе «Кросс-граничное русскоязычное пространство и подходы к его пониманию» подчёркивает роль русского языка в других странах и роль русского языка как языка международного общения». Автор говорит о том, что это одна из необходимых характеристик в повседневном образовании. С. А. Хватов в работе «Русский язык делового общения

в современном культурном и образовательном пространстве» раскрывает вопрос о коммуникационных целях в области жизнедеятельности, развивающейся в русском ареоле и подчёркивает, что это возможно при помощи русского языка. А. В. Калинин в «Культуре русского слова» говорит о правильности речи, о научности преподавания русского языка студентам-иностранцам, об осторожности употребления тех или иных выражений и словосочетаний [3].

Немецкий автор Т. Фашер в работе «Трансгосударственная политика русского языка» подчёркивает роль русского языка для европейского образования и говорит о языковой культуре как системе ориентаций в языковом поле деятельности. Л. В. Вербицкая в диссертации «Сохранение русского языка и культуры – основа государственности» подчёркивает, что проблема сохранения языка в любой стране способствует безопасности нашей Родины. Сохранение языка и культуры – основа государственности.

В заключение отметим, что являясь важнейшей составной составляющей целостного взгляда на системную задачу оптимизации социального здоровья общества, русский язык является языком международного общения.

Литература:

1. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 12.03.2014) "О языках народов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/
2. Международная программа «ЯЗЫКИ ЮНЕСКО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-skno.com/sites/default/files/МП%20_ЯЗЫКИ%20ЮНЕСКО_%20теория%20и%20практика.pdf
3. Калинин, А. В. Культура русского слова: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 329 с.

CROSS-CULTURAL AWARENESS OF PHRASEOLOGY IN ESP LEARNING

T. N. Fedulenkova

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет» (Владимир)

Summary. The paper focuses on the conception that phraseological units present the mirror of the native speakers' culture. They accumulate much cultural and sociolinguistic information to turn into inexhaustible sources of domain-specific knowledge and a reliable path to intercultural understanding. By means of their components they enable the ESP learner to enter the cultural space of the native speaker, which helps him/ her to perceive the cultural code and the tints of the phraseological meaning.

Phraseological units, and idioms in particular, accumulate and retain so much cultural and sociolinguistic information that they are at the same time inexhaustible sources of domain-specific knowledge and a reliable path to intercultural understanding [3, p. 449]. While studying phraseological units students not only enrich their stock of vocabulary but they also come to know many interesting and unknown facts about the history, literature, political and cultural life of the native speakers of English and this enables them to adequately use the language they are learning.

In fact, phraseological units (PUs) deserve special attention in higher education, as phraseology is one of the most complicated layers of vocabulary. Even the native speakers do not always realize the meaning of some phraseological units. A case in point is the idiom *baker's dozen*, which occurs in modern English in the meaning of *thirteen*:

*There were twelve occupants of the Maud Long Medical Ward (aged people, female). The ward sister called them **Baker's Dozen**, not knowing that this is thirteen, but having only heard the phrase.* (Spark, Memento Mori).

It is evident from the quotation that the ward sister misused the idiom ignorantly. It makes it more important for Russian students of English to find out the origin of the idiom, which dates back to the old English custom of punishing bakers if they sold loaves of bread below a lawful weight. To each dozen loaves that were sold, therefore, an extra loaf was added free, to keep the weight above the legal standard [5, p. 15]. ESP teaching experience has shown that once they having received that information about the origin of the PU, the students never fail to recognize its meaning and are enabled to use it correctly in speech.

A number of other old **customs and traditions** have given rise to phraseological units, e.g.: *to blow one's own trumpet* – 'praise oneself, boast about oneself, one's achievements' (Cowie 1984: 72); *to cut somebody off with a shilling* – 'to leave or to arrange to leave a person, especially a member of one's family, little or no money when one dies' (Urdang 1996: 293); *to sit above/ below the salt* – '(humorous) to be in favour/ out of favour with one's host or hostess' (Gulland 1994: 162); *to beat the air* – 'to make efforts that are in vain' (Seidl 1983: 195); *to dance attendance on somebody* – 'to give much attention to a person or thing, esp. in an effort to please' (Urdang 1996: 11), etc. The students' acquaintance with old English customs and traditions enables them to understand metaphoric transference of meaning in the variable word combinations that have turned, in the course of time, into phraseological units, and to grasp the meaning of the native English speaker or author, as in the play by G.B. Shaw:

*Frank: ...even if Bessie and Georgina marry millionaires and the governor dies after **cutting them off with a shilling**, I shall have only four hundred a year.* (Shaw, Mrs. Warren's Profession).

And for Russian learners of English it is very important to know that **beliefs and legends** play a role in the etymology of phraseological units, which enables

them to identify the features of the idioms under study and thereby clarify their meaning. For example, semantic decipherment of the idiom *off to Gretna Green* is to be found in the fact that in the past the couples who were under age in English law would run away together to get married at Gretna Green, a small town on the English-Scottish border. The conditions for marrying under Scottish law being less strict than under English, this was a favourite device for couples who had not obtained the consent of their parents [4, p. 185]. Once they know this, the students of course infer the current meaning, 'to get married secretly', and so they resolve all ambiguity in reading:

... a girl who runs away with Jack to Gretna Green, constantly runs away with Tom to Switzerland afterwards. (Thackeray, Pendennis).

The reputation that the inhabitants of East Anglia have for not being very clever gave rise to the idiom *a Norfolk dumpling*, meaning 'a person who is dull and stupid' (Gulland 1994: 185).

One more legend of Irish origin tells the story of a stone in the castle wall of Blarney, (near Cork in Ireland) to persuade, praise or deceive other people by charming talk. So it becomes quite evident why the idiom *to kiss the Blarney Stone* has the meaning 'to have the ability or intention to flatter, persuade or deceive people with one's talk' [1, p. 334]. If they know this legend, Russian students will make the correct inference when reading works of fiction, e.g.:

'Go on wid ye! 'Tis the blarney stone ye been kissin'!' 'Tis no stone I'd be wastin' my kisses on.' 'Ye're gettin' bold, Mister Smith'. (Sinclair, King Coal)

Besides, **historical events** have undoubtedly made their contribution to the development of English phraseology. Thus, the idiom *to send to Coventry* finds its origin in the Civil War between King Charles I and Parliament in 1642-1646. In his *History of the Great Rebellion and Civil Wars in England* (Volume 2, VI) E. Clarendon says that Royalist prisoners captured at Birmingham were sent to Coventry, a Parliamentary stronghold, where some of them were beheaded; hence the association of 'sending to Coventry' with the punishment of disloyalty, which later took the form of not speaking to the offender. Thus the meaning of the idiom today is 'to punish someone for disloyalty to his companions or workmates by refusing to speak to him' and 'sending to Coventry', by the way, is a common practice in schools and trade unions in England (Gulland 1994: 185).

The idiom *a hue and cry* having the meaning 'general outcry and alarm, often with shouting, searching, chasing' (Cowie 1984: 291) is originally connected with the fact that the hue and cry was a system for the pursuit and arrest of criminals in which all citizens were obliged to take part, e.g.:

The only thing now was to sit down and wait till the hue and cry had died down and the murderers thought the affair was forgotten. (Maugham, Footprints in the Jungle).

Modern English phraseology is a rich source of information not only about events in Great Britain itself but also about its interrelations with neighbouring countries and other countries of the world. An important piece of information for a

foreign student is, for example, that the negative connotation of a number of idioms containing the component 'Dutch' is explained by the unpleasant associations of certain historical events, namely, by the English-Dutch wars and rivalry at sea in the seventeenth century: *a Dutch party* – 'a party to which each guest contributes some food or drink' (Gulland 1994: 189); *a Dutch treat* – 'an outing, entertainment, social gathering, etc. where each person pays his own share of expenses' (Cowie 1984: 160); *in Dutch* – 'in trouble' (Benson 1990: 81); *Dutch courage* – 'courage obtained from drinking alcohol' (Urdang 1996: 66); *double Dutch* – 'meaningless sounds or words' (Cowie 1984: 154); *a Dutch auction* – 'an auction at which the starting price is pitched high and then slowly reduced until a bid is made' (Gulland 1994: 189); *to talk to someone like a Dutch uncle* – 'to lecture, admonish, talk seriously and reprovingly' (Cowie 1984: 538), etc. The phraseologisms with the component 'Dutch' are rather frequent not only in modern English and American literature but also in business communication [2, p. 69].

ESP foreign learners are often struck by the variety of proper names occurring in English phraseology and which require the reader or hearer to possess specific background knowledge if the meaning is to be successfully decoded. Of especial interest are **names of people** who actually existed and whose behaviour was so extraordinary that it has resulted in idioms being coined, e.g.: *the Vicar of Bray* – 'anyone who changes his views for profit' (Gulland 1994: 227), originally from a song about a sixteenth-century vicar who changed his views in accordance with the views of each new government and twice was a catholic and twice a protestant; *Hobson's choice* – 'no choice at all, esp. because one has to choose between what one is offered or nothing at all' (Urdang 1996: 165), referring to Tobias Hobson, a seventeenth-century Cambridge carrier, who hired out horses to the undergraduates of the university and never allowed his customers to choose a horse but insisted on their taking the horse nearest to the stable door, so that they had no choice at all; *a Florence Nightingale* – 'a devoted nurse' (Cowie 1984: 192), after the famous English nurse (1820-1910) who served in the military hospital at Scutari during the Crimean War in 1854-1856.

A lot of other English idioms came about both in Great Britain and abroad as a result of the actions or ideas of named individuals, e.g.: *Occam's razor* – 'the ruthless analysis of a problem which eliminates all superfluous factors' (Gulland 1994: 198); *Kerner-Tregoe method* – strategies and facilities that are used in training managers, *on a Napoleonic scale* – 'on a huge, ambitious scale' (Gulland 1994: 197), etc.

Much information about the cultural background is seen in the phraseological units which origin is closely connected with **belles-lettres**. Many English writers have coined a series of idioms or have introduced everyday expressions into general literary use. William Shakespeare alone enriched the English vocabulary with more than one hundred idioms, the most popular of them being the following: *cakes and ale* – 'material comforts, merry-making etc. in contrast to a severe or ascetic style of life' (Cowie 1984: 88); *to have an itching palm* – 'to accept bribes

eagerly' (Gulland 1994: 97); *to wear one's heart on one's sleeve* – 'to allow other people to know what one is feeling, show one's emotions' (Urdang 1996: 159); *to lay it on with a trowel* – 'to flatter grossly, to exaggerate one's praise' (Gulland 1994: 213); *one's salad days* – 'when one is young, innocent, inexperienced etc., when an institution, adventure is new' (Cowie 1984: 488), etc.

Numerous phraseologisms that are now in common use have been introduced by other famous English writers. Examples include: *to make a virtue of necessity* by G. Chaucer – 'to turn an unwanted obligation into a positive advantage' (Gulland 1994: 119); *the British Lion* by J. Dreiden – 'the symbol of Great Britain' (Gulland 1994: 64); *Tweddledum and Tweddledee* by J. Byrom – 'contestants, disputants, rivals, representatives of equal (un)importance and scarcely distinguishable from each other' (Cowie 1984: 569); *be under someone's thumb* by S. Richardson – 'under the control or influence of someone' (Urdang 1996: 338); *a sight for sore eyes* by J. Swift – 'an object of outstanding beauty, capable of inspiring the most jaded observer' (Gulland 1994: 128); *prunes and prism(s)* by Ch. Dickens – 'affected gentility and precise enunciation, genteel and narrowly correct behaviour' (Cowie 1984: 468); *a far cry from sth* by W. Scott – 'very different from sth' (Cowie 1984: 179); *Dr Jekyll and Mr Hyde* by R.L. Stevenson – 'sb who has or seems to have a dual personality, who shows two apparently contradictory aspects of his character' (Cowie 1984: 324); *a skeleton in the closet/ cupboard* by W.M. Thackeray – 'a source of embarrassment and shame to a family, which is kept secret from strangers' (Gulland 1994: 109); *corridors of power* by C.P. Snow – 'the higher level of government, administration etc. where men (either for reasons of personal ambition, or to further a cause or their convictions) compete and intrigue for power and position' (Cowie 1984: 117), and many others.

Many authorial phraseologisms are rather puzzling for a foreigner and their sources must be closely studied to achieve their complete understanding. It is generally important to know the original situation in which they were used to understand what the idiom is alluding to. For example, the word combination *Lady Bountiful* means nothing to a foreign student until he consults the dictionary to learn that it originated from the name of a character in George Farquhar's play "The Beaux' Stratagem" (1678–1707) and is now used in the meaning 'a woman, or source of supply personified as such, who dispenses charity, gifts, favours etc., the implication often being, in the case of individuals, a condescending patronage' (Cowie 1984: 339). Illustrating the usage of the idiom, Daphne M. Gulland writes in the dictionary:

*I am not going to play **Lady Bountiful** with tax-payers' money, was said by Mrs Thatcher soon after becoming Prime Minister.* (Gulland 1994: 193).

The idiom *one's King Charles's head* is also a phraseological fusion with a complete transference of meaning. One must know its origin to understand it correctly: 'an obsession, a fact or topic constantly referred to whether really relevant or not' (Cowie 1984: 334). The head of this executed monarch kept intruding into the thoughts, conversation and writing of Mr Dick, an amiable eccentric in *David*

Copperfield by Charles Dickens. A second example occurs in Shaw's *London Music in 1888–89*:

*I am afraid I shall have to drag in the subject of music rather often in this column. I know that it is **my King Charles's head**...*

ESP foreign students do not find it a simple thing, for instance, to guess the meaning of the PU (*to play*) *Box and Cox* and, consequently, to seek out its Russian equivalent without knowing the farce by J.M. Morton – also the theme of a short Gilbert and Sullivan opera – of two lodgers named John Box and James Cox who shared the same room unbeknown to each other, one occupying it by day, the other by night. On consulting the dictionary the student learns that the meaning of the idiom under analysis is as follows: 'two people who keep failing to meet, to be in one place at the same time, alternate in one's use of a house, room etc. or in providing a service etc.' (Cowie 1984: 75). Read the context:

*Did you know I was your fellow victim, Jon? We've **been playing box and cox**.* (Galsworthy, Swan Song).

Quite a set of phraseological units have entered into common usage in English from **the field of sports**. The idioms have come from football: *to keep the ball rolling* – 'to keep the conversation, the action etc. going without stopping' (Seidl 1983: 186); from cricket: *to bat on a sticky wicket* – 'to be in a situation that is difficult to defend against attack or criticism' (Urdang 1996: 367); from golf: *to be stymied* – 'to be obstructed or hindered' (Gulland 1994: 249); from skating: *to get one's skates on* – 'to hurry up' (Gulland 1994: 250); from rowing: *to pull one's weight* – 'to do one's fair share of the work' (Seidl 1983: 190); from archery: *to overshoot the mark* – 'to exceed the permitted limits in a contest, to do sth inaccurately or with poor judgement or taste' (Cowie 1984: 446); from cycling: *to ride in tandem with* – 'to work in perfect harmony with' (Gulland 1994: 251); from riding: *in the saddle* – 'in a position of power and control' (Urdang 1996: 282), etc.

These idioms require constant attention if the foreign student is to avoid misunderstanding on the one hand and broken English on the other. Students need to refer to the origin of the phraseological unit to be sure of the metaphoric meaning of an unfamiliar phrase. It is highly unlikely, for instance, that a foreign student of English would be aware that the word combination *an Aunt Sally* stands for a target for abuse, criticism or ridicule, meaning 'an object of ridicule whose policies have failed or become unpopular' (Gulland 1994: 133). So the unknown word combination has to be looked up and when this is done the dictionary provides the following information: 'an Aunt Sally was originally a female effigy stuck on the end of a pole at which sticks and stones were thrown with the object of knocking the pipe out of its mouth, hence an object of derision', e.g.:

*Well, you've set us both up as figures of fun, haven't you? A couple of **Aunt Sallies**?* (Johnson, *The Survival of the Fittest*)

The spheres of English **education** and **culture** are also to be studied with the view of better understanding some phraseological units that have originated in fields such as: a) geometry: *to fly off at a tangent* – 'to leave the subject of discus-

sion or what one is doing and suddenly move to something completely different' (Urdang 1996: 330); b) geography: *to put a place on the map* – 'to bring a place to the attention of the public, to make a place well-known' (Gulland 1994: 223); c) art: *to keep/ maintain a low profile* – 'not to allow oneself to be often seen or noticed, behave in a way that does not attract attention' (Urdang 1996: 264); d) school education: *to blot one's copybook* – 'to do sth that spoils one's previous good record or reputation' (Cowie 1984: 71); *an object lesson* – 'a very clear example' (Urdang 1996: 238), etc.

Thus phraseological units, by means of their components, enable the ESP learner to enter the cultural space of the native speaker, which helps him/ her to perceive the cultural code and the tints of the phraseological meaning.

References:

1. Cowie, A. P. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. – Vol. 2: Phrase, Clause and Sentence Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Oxford: Oxford University Press, 1984. – 685 p.
2. Fedulenkova, T. Idioms as an Effective Means in Intercultural Approach / T. Fedulenkova // Approaches to Teaching English in an Intercultural Context / Meta Grosman (ed.). – Ljubljana: University of Ljubljana, 1997. – P. 67-74.
3. Fedulenkova, T. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. By Anita Naciscione. – Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2010. P. 292 / T. Fedulenkova // Proverbium. – Vermont: The University of Vermont, 2013. – № 30. – Pp. 447-450.
4. Gulland, D. M. The Penguin Dictionary of English Idioms / D. M. Gulland, D. G. Hinds-Howell. – Harmondsworth: Penguin, 1994. – 305 p.
5. Longman Dictionary of English Idioms. – Harlow and London: Longman Group UK Ltd, 1996. – 388 p.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕДВЗЯТОСТЬ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Т. А. Цебровская

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского» (Симферополь)*

ETHNIC BIAS AND LINGUOCULTUROLOGY

T. A. Tsebrovskaya

Summary. The paper focuses on the conceptions of ethnic bias and ethnocentrism, their interrelation with linguoculturology and grounds of the necessity of their close study together. Ethnic bias has urged new colloquial culture forming either positive or negative image for both a separate personality and an ethno-racial group in general.

Во втором десятилетии XXI века проблемы кросс-культурных коммуникаций, а в особенности вопросы этно-расовых отношений, являясь предметом изучения лингвокультурологии, приобретают особую актуальность. Этническая предвзятость порождает новую речевую культуру, формируя положительный либо отрицательный образ, как отдельной личности, так и этно-расовой группы в целом. Использование этнических предубеждений, а также отношение к ним в обществе, зависят от взаимодействия этнических групп в кросс-культурном аспекте. Именно межэтнические и социальные установки определяют позицию личности и группы в дихотомии «Свой-Чужой».

По мнению В. А. Масловой, основа концепции В. фон Гумбольдта зиждется на следующих положениях:

1. Язык – отражение материальной и духовной культуры.
2. Культура имеет национальный характер, который воплощается в языке вследствие специфического видения мира; всякий язык имеет внутреннюю форму.
3. «Народный дух» и культурные особенности народа отражены во внутренней форме языка.
4. Язык выступает связующим звеном между человеком и внешним миром [3, с. 58].

Акцентируя внимание на значимости анализа языка и культуры в тесном переплетении, Э. Сепир утверждал: «Язык – путеводитель, приобретающий все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [4, с. 123].

А. Н. Леонтьев определяет человека как существо «социальное по своей природе, человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры» [2, с. 3]. Именно лингвокультурология занимается рассмотрением интралингвистических и экстралингвистических (культурных) процессов языковой личности в непосредственном взаимодействии.

Вслед за В. В. Воробьевым, придерживаемся следующего определения понятия «лингвокультурология» – это «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [1, с. 36–37].

В. А. Маслова отмечает, что картина соотношения языка и культуры имеет чрезвычайно сложную структуру, порождая споры между языковедами относительно подходов к рассмотрению данной проблемы. Она выделяет три основных способа трактовки вопроса взаимосвязи языка и культуры [3]:

1. Первый подход разработан философами С. А. Атановским, Г. А. Брутяном, Е. И. Кукушкиным, Э. С. Маркаряном. Они придерживаются позиции, что взаимосвязь языка и культуры определяет единый вектор движения. Поскольку язык отражает действительность, а культура – ее неотъемлемый компонент, то и язык – отражение культуры.

2. Второй подход существует в рамках гипотезы Сепира-Уорфа.

Неогумбольдтианцы Э. Сепир и Б. Уорф, выдвинувшие так называемую «гипотезу лингвистической относительности», обосновали определяющую функцию языка в формировании личности и взгляде на окружающий мир. Согласно Б. Уорфу, грамматика языка играет формообразующую роль в процессе мышления, программирует и руководит умственной деятельностью индивида, выступает средством анализа и синтеза переживаний [5, с. 174]. Следуя их мысли, способ мышления англоязычных и русскоговорящих людей будут существенно отличаться вследствие грамматических различий между языками; языковая картина мира также будет различаться.

Краеугольным камнем гипотезы является тезис об ограниченных возможностях познания в системе бытия вследствие особенностей данного языка. Б. Уорф утверждает, что «мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем в значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию» [5, с. 174–175].

Данная гипотеза была актуализирована, доработана и нашла отражение в трудах Л. Вайсгербера и Д. Хаймса. Кроме того, на гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа неизменно ссылаются культурологи, поскольку она помогает осознанию фактов языка, не поддающихся объяснению другими способами [3, с. 61].

3. В рамках третьего подхода предлагается рассмотрение языка как составной части более обширного явления, а именно – культуры. Итак, язык – это орудие культуры, действительность нашего духа, лик культуры, напрямую выражающий особенности национальной идентичности [3, с. 59–61].

В 1924 году Э. Сепир в статье «Культура подлинная и мнимая» предложил неожиданную трактовку сущности культуры. Красной нитью проходит в ней взволнованность относительно современного ему состояния культуры, а также явления, которое принято называть культурой, однако, по сути, не являющееся таковой [4, с. 465–493].

Э. Сепир выделяет три базисных определения культуры, функционирующих в обществе, определяя первое как «охватывающее любые социально исследуемые черты человеческой жизни, материальной и духовной» [4,

с. 466]. Поскольку данные характеристики применимы к любой социальной группе (например к диким племенам) и не содержат свойств, выражающих ценности, Сепир ставит под сомнение правомочность применения данного определения к культуре и находит его более подходящим для описания понятия «цивилизация».

Вторая общепринятая трактовка культуры, согласно ученому, основывается на «условном идеале индивидуальной благовоспитанности» [4, с. 467], который сводится к типичным знаниям и поведению, традиционно принятым в обществе. Результатом подобной «культуры» становится отделение от толпы, приводящее к цинизму в мышлении и снобизму в культуре. Характерный признак данного типа культуры – возвращение к прошлому как источнику ценностей, достойных поклонения в настоящем. Сепир определяет, что данный тип в своем классическом проявлении заимствован из Оксфорда и Кембриджа.

Согласно рассматриваемой типологии, третья концепция культуры определяется как охватывающая «общие установки, взгляды на жизнь и специфические проявления цивилизации, которые позволяют конкретному народу определить свое место в мире» [4, с. 469]. Особо важным для понимания предлагаемой позиции становится значение и функционирование культурного наследия в обществе. Именно третья концепция культуры приобретает особую актуальность и находит отражение в связи с этническими проблемами, «когда делаются попытки обнаружить в характере и в цивилизации какого-либо народа некоторое специфическое преимущество» [4, с. 470], выделяющее его среди других. Иными словами, этноцентризм пробуждает национальную культурную идентичность, выступая катализатором распространения культуры.

Согласно Э. Сепиру, специфические мышление, традиции и манера поведения становятся нормой для этнической общности на определенном этапе исторического развития, постепенно преобразуясь в некий национальный дух, «гений» народа. Ученый сравнивает национальную культуру и дух нации с рельефными оттисками матрицы, которые в совокупности представляют специфику народа, образуя национальную идентичность.

На основании положений второй и третьей концепции культуры выделяется подлинная (*genuine*) культура как сбалансированная, самодостаточная и «смелая», с равной значимостью и признанием любого из ее элементов, будь то рабство или возведение пышных храмов [4]. Здесь прослеживается аналогия с цивилизацией в XXI веке, в которой отказываются признавать наличие этнорасовых разногласий. Следуя Э. Сепиру, современная культура не может называться подлинной без признания и принятия этнорасовой вариативности и специфических характеристик каждого этноса как неотъемлемых элементов культуры.

Во втором десятилетии XXI века в англоязычных странах речь идет о создании и успешном функционировании единой системы, в которой специ-

фические свойства культуры различных этносов станут рельефными оттисками матрицы, образуя гармоничный механизм, а этнорасовые проблемы, таким образом, потеряют свою актуальность.

Таким образом, Э. Сепир и Б. Уорф обосновали определяющую роль языка в функционировании и развитии культуры. Необходимость изучения некоторых лингвистических явлений с точки зрения лингвокультурологии обоснована тем, что язык и культура – компоненты универсума, способные к эффективному существованию лишь в условиях симбиоза.

Литература:

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьев. – М., 1997. – 332 с.
2. Леонтьев, А. Н. Человек и культура / А. Н. Леонтьев. – М., 1961. – 115 с.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
4. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
5. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. 1. – С. 168–182.

ТЕКСТ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД

ТИПОЛОГИЯ ДЕРИВАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ТЕКСТОВ ПО СТЕПЕНИ ИХ СМЫСЛОВОЙ ОБЩНОСТИ/ОТДАЛЕННОСТИ

Ю. А. Башкатова

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

TYPOLOGY OF DERIVATIONAL TRANSFORMATIONS OF TEXTS ACCORDING TO THEIR SEMANTIC KINSHIP/DISTANCE

Yu. A. Bashkatova

Summary: The paper deals with the research potential of reverse machine translations on the example of measuring the semantic distances between variants of the same text). The goal of the survey includes the drawing up of a typology of derivational versions of the text.

Настоящая работа выполнена в русле дериватологии/вариантологии. В современной лингвистике термин «деривация» понимается достаточно широко. Деривационный принцип осуществляется в языке как основной способ представления нового на базе исходных единиц. Являясь центральным термином дериватологии, понятие «деривация» обозначает «сам процесс образования слов, предложений, грамматических форм слова, словосочетаний, фразеологизмов, слогов, тактов и т. д., наконец текстов, т. е. всех возможных языковых единиц, начиная с фонемы и кончая текстом» [4, с. 3].

Непрерывный деривационно-мотивационный процесс есть стержневая линия динамики языка – синхронной и диахронной в их единстве (противоречивом); она пронизывает все уровни и планы языка, образуя широкие и глубокие функционально-динамические (энергетические?) пространства: деривация единиц низких уровней органически входит в деривацию единиц более высоких уровней (например, лексическая деривация есть компонент деривации предложения и текста) [1]).

Вариативность как универсальное свойство языковых единиц является объектом изучения лингвистической вариантологии – научной теории, в рамках которой вариативность рассматривается как способ существования и функционирования единиц языка, как имманентное свойство языковой системы, основывающееся на неоднородности и дискретности элементов языка и обусловленное а) существованием каждой единицы в виде некоторого класса и б) использованием в речи всегда одного представителя класса [3, с. 12].

Актуальность данного исследования определяется, во-первых, недостаточной разработанностью вопросов лингвистической вариантологии текста, во-вторых, отсутствием в современной лингвистике работ, направленных на

описание специфики деривационных механизмов создания и функционирования текстов машинного перевода.

Целью настоящего исследования является создание типологии деривационных трансформаций текстов по степени их смысловой общности/отдаленности в процессе перевода. Материалом для исследования послужили аннотации научных статей по филологии («Язык и культура», Вестник КемГУ, «Вопросы когнитивной лингвистики» и др.), выполненные на русском и английском языках, и их обратных машинных переводов (<https://translate.yandex.ru/>, <https://translate.google.ru/>).

Выбор аннотации в качестве материала исследования вызван тем фактом, что, являясь, по сути, вторичным текстом, структура аннотации реализуется «как набор ключевых слов и семантико-синтаксических отношений между ними, воспроизводя в сжатом виде лексико-деривационную структуру исходного текста» [5, с. 128]. А сопоставление аннотаций и их переводов (тоже вторичных текстов) позволит нам выявить (межъязыковые) деривационные трансформации и составить их типологию.

В работе обосновывается гипотеза, согласно которой глубина отличия сопоставляемых текстов значительно больше в случае лексико-семантических вариантов, чем между членами синонимического ряда.

В работе используются следующие методы исследования: описательный метод, приемы компонентного и контрастивного анализа на лексическом и текстовом уровнях. Для проверки и подтверждения теоретической гипотезы используется метод лингвистического эксперимента

Теоретическая значимость данной работы состоит в том, что данное исследование способствует дальнейшему становлению вариантологии как направления лингвистических исследований, еще более расширяя ее объект исследования, включая в область ее рассмотрения деривационные трансформации текста машинного перевода. Ценность работы определяется также разработкой и апробацией алгоритма сопоставления деривационных трансформаций текстов с целью выявления их смыслового тождества и различия.

Практическая значимость результатов данного исследования связана с возможностью их использования в преподавании таких дисциплин, как «Интерпретация текста», «Теория и практика перевода», при разработке спецсеминаров и спецкурсов по русскому и английскому языкам. Материалы исследования и разработанная методика деривационного анализа могут дополнить традиционные методики лингвистического анализа и интерпретации художественного текста. Материалы диссертации могут быть полезны при составлении методических рекомендаций по аннотированию научного и делового текста, а также при переводе аннотаций на английский язык.

Анализ практического материала позволяет выявить специфику деривационных преобразований, происходящих в текстах переводов обратных машинных переводов аннотаций на русский язык.

ДВТ 1. Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования метафоры в процессах номинации естественнонаучных терминов. Английская и русская терминосистемы физики плазмы используются в качестве примера для демонстрации моделирования терминологического аппарата при помощи концептуальной метафоры. Проводится фреймовый анализ терминосистемы физики плазмы, который позволяет выделить опорные концепты логико-понятийной структуры. Выделяются основные концептуальные метафоры, участвующие в процессах порождения терминов.

Ключевые слова: концептуальная метафора; термин; физика плазмы; терминообразование [3].

ДВТ 1-1. Abstract. This paper considers the role of metaphor in the processes of natural-science term formation. English and Russian terminological systems are analyzed of how conceptual metaphors model and generate formation of the terminological units in the natural-science system. The paper also presents initial findings of the frame analysis of physics of plasma terminology, examining the key concepts of the logical conceptual structure. The main conceptual metaphors generating physics of plasma terminology are described.

Keywords: conceptual metaphor; term; physics of plasma; term formation [3].

ДВТ 1-2. Обратный машинный перевод (<https://translate.google.ru/>):

Реферат. В данной статье рассматривается роль метафоры в процессах формирования термина естественнонаучного. Английский и русский терминологические системы анализируются того, как концептуальная модель метафор и генерировать формирование терминологических единиц в системе естественнонаучного. В документе также представлены первые результаты анализа кадров физики плазмы терминологии, изучая ключевые концепции логической концептуальной структуры. Основные концептуальные метафоры, порождающие физику плазмы терминологии описаны.

Ключевые слова: концептуальная метафора; термин; физика плазмы; Продолжительность обучения [7].

Как мы видим из примера, в английском переводе текста аннотации ДВТ 1-2 вместо термина «номинация термина» было использовано выражение “term formation” (букв. – терминообразование), что вызвало мутационные изменения в тексте обратного перевода ДВТ1-2 (формирование термина, формирование терминологической системы). Еще одно изменение связано с многозначностью лексемы *frame* в английском языке (*frame*

1) а) скелет, костяк, каркас, остов...;

2) а) строение, структура, схема, система;

3) тело, телосложение;

4) кино кадр;

5) информ.; лингв. **фрейм** (структурная единица различных интеллектуальных и других объектов) [6].

Третье изменение вызвано различиями в синтаксической организации английского и русского предложений, в результате которого атрибутивное сло-

восочетание *generating physics of plasma terminology* претерпело мутационные изменения, превратившись в контаминированное выражение *порождающие физику плазмы терминологии*.

В целом, при наличии деривационных трансформаций, текст ДВТ 1-2 (обратный перевод) все же можно признать деривационным вариантом текста ДВТ 1 (аннотация на русском языке – деривационный вариант научной статьи или тезисов на русском языке).

Результаты исследования наводят нас на мысль о том, что исходный текст на русском языке (ДВТ 1) может быть преобразован таким образом, чтобы повысить степень его смысловой близости с текстом ДВТ 1-2). Данным преобразованиям будет посвящена экспериментальная часть нашей работы, представляющая некоторую научную новизну: до сих пор в лингвистике, с позиций дериватологии и вариантологии, не проводилось сопоставительного анализа переводов выполненных человеком и машинных переводов.

Литература:

1. Голев, Н. Д. Эпидигматика и деривационные процессы в речи (детерминационный аспект) / Н. Д. Голев // Проблемы деривации в системе языка и речевой деятельности: синхронное словообразование и номинация. – М., 1995.

2. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография / науч. ред. Н. Д. Голев; Кемеровский государственный университет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – 260 с.

3. Маругина, Н. И. Концептуальная метафора в процессах естественнонаучного терминообразования / Н. И. Маругина // Язык и культура. – Вып. № 2 (30). – 2015. – С. 40–50.

4. Мурзин, Л. Н. Основы дериватологии: конспект лекций / Л. Н. Мурзин. – Пермь: Перм. ун-т, 1984. – 56 с.

5. Трубникова, Ю. В. Лексико-деривационная концепция текста: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Ю. В. Трубникова. – Барнаул, 2012. – 32 с.

6. АBBYU. Lingvo. – Режим доступа: <http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/en-ru/frame> (дата обращения: 24.04.2016).

7. Google. Переводчик. – Режим доступа: <https://translate.google.ru> (дата обращения: 24.04.2016).

**ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАЗГОВОРНИК КАК ОСОБЫЙ ТИП
ТЕКСТА: ПРИЕМЫ ПАРОДИРОВАНИЯ
В «АНГЛО-ВОСТОЧНОСЛОВАЦКОМ СЛОВАРЕ»²**

Д. Ю. Ващенко

ФГБУН «Институт славяноведения РАН» (Москва)

**HUMOROUS PHRASEBOOK AS A SPECIAL TYPE OF TEXT:
PARODIZATION TECHNIQUES IN THE «ENGLISH-EAST SLOVAKIAN
DICTIONARY»**

D. Ju. Vashchenko

Institute of Slavic Studies RAS (Moscow)

The article analyzes the methods of creating a comic effect in "English-East Slovakian dictionary", posted in the Slovak segment of the Internet. The text is a parody of the phrasebook, Slavic part of the dictionary is not written in the literary language, but in dialect tagged idiom. We consider such methods as increased expressiveness, the use of pejorative language, replacement of indirect speech acts straight, a different interpretation of the initial situation. The use of these techniques reflect the ethnic and cultural stereotypes that are present in the mind of the anonymous compiler of the dictionary.

На сегодняшний момент в славяноязычном сегменте Интернета локально маркированная речь распространена достаточно широко, при этом, естественно, диалектный идиом здесь выступает в модифицированном виде: он представляет собой смешанное образование на интердиалектной основе с элементами литературного языка, разговорной и интернет-специфичной речи. При этом в сети диалект может фигурировать в различной степени и в различных формах. Это могут быть отдельные диалектизмы, реплики в форумах, страницы на диалекте – на русском материале ср. [1], на польском и словацком также [2], [3]. Кроме того, в сетевой коммуникации широко распространены метадиалектные рефлексии пользователей, когда носители пытаются осмыслить и систематизировать знания о собственном локальном идиоме. Одной из внешних форм подобное авторефлексии является окказиональный диалектный интернет-словарь. Как правило, сетевые диалектные словари устроены предельно просто и представляют собой два столбца, где один содержит диалектные слова, а другой – их литературные эквиваленты. Особую разновидность подобных словарей представляют т. н. пародийные словари, когда выражения из правого столбца являются неполными эквивалентами выражений из левого, что порождает комический эффект.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00592 «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика».

В докладе предпринимается анализ диалектного разговорника, размещенного в пространстве словацкого интернета, который в оригинале называется «anglicko-vychodňarsky slovník» (англо-восточнословацкий словарь). Словарь, состоящий из двух частей, соответственно «anglicko-vychodňarsky slovník-1» и «anglicko-vychodňarsky slovník-2», был размещен в 2008 году на портале vychodnare.webnode.sk. Спецификой текста является тот факт, что он подается анонимными составителями как несерьезный, юмористический. Тем самым его формальное предназначение является вторичным и на первый план выходит презентация Восточной Словакии как региона с определенной языковой и культурной спецификой, которую стремятся обыграть авторы. Как пишет О. А. Лушникова в исследовании, посвященном литературной пародии: «В пародии имеет место особая реализация языковых средств, основанная на специфике ресурсов конкретного языка. Система лингвостилистических средств пародии базируется на общих принципах построения по типу аналогии и контраста, интертекстуальности, а также сходной функции, заключающейся в создании юмора, комизма, эффекта обманутого ожидания» [4, с. 10]. Сказанное в полной степени применимо и к рассматриваемым словарям, которые представляют собой пародию металингвистическую, т. е. пародию на жанр собственно языкового описания, которая при этом осуществляется языковыми же средствами.

Несмотря на рубрикацию «словарь», текст представляет собой именно разговорник, между собой соотносятся не лексемы, но целые типовые фразы, которые должны способствовать успешной коммуникации в регионе. Отдельно отметим, что в данном случае имплицитно присутствует еще один языковой модус, с которым соотносятся диалектные выражения – словацкий литературный язык, и соответственно, столичные реалии.

Далее мы рассмотрим возможные расхождения между английскими фразами и их восточнословацкими эквивалентами, которые в контексте жанра являются приемами пародирования.

1. Употребление диалектно маркированной лексики. Наиболее нейтральными в плане разницы между двумя выражениями являются случаи, когда а) словацкое диалектное выражение отличается от литературного только фонетически и б) в словацкой реплике употреблена лексема, отсутствующая в литературном языке. Пародирование тем самым происходит не столько в контексте англоязычного выражения, т. к. в целом словацкие фразы им эквивалентны, сколько в контексте словацкого литературного языка, когда моделируется «речь провинциала», при этом моделирование осуществляет сам же носитель локального идиома. Далее приведем примеры, где первые три демонстрируют чисто фонетическое моделирование, следующие три – лексическое. В скобках курсивом мы для иллюстрации приводим литературный словацкий эквивалент. Обратим внимание, что в последнем примере употреблено прилагательное явно в литературной огласовке (*druhú*), при общем отсутствии долгих гласных в восточнословацком диалекте, что лишний раз под-

тверждает смешанный характер диалектно маркированного сетевого идиома – какой бы ни была его исходная основа.

- WHERE WERE YOU? - *Ta dze ši ty bul! (Kde si ty bol)*
- FINALLY, IT STOPS RAINING. - *Prestalo peršec. (Prestalo pršať)*
- What is your name? - *Jake ci meno? (Aké máš meno, ako sa voláš)*
- A PAIR OF SOCKS – *Štrimfl'e. (Ponožky)*
- SOMEWHERE HERE - *Dzeškaj tu. (Niekde tu)*
- BREAK ON TROUGH TO THE OTHER SIDE - *Predzigac še na druhú*

stranu. (Prejst' na druhú stranu)

2. Большая экспрессивность словацкого эквивалента. В этом случае уже идет речь о неполной эквивалентности между двумя выражениям, различие между которыми состоит лишь в общей модальности: нейтральные английские выражения переводятся на словацкий экспрессивными конструкциями. Ср. следующие примеры, в которых употребляются в т. ч. идиоматизированные сравнения с союзом *jak* «как».

- COME ON! - *Ta idzeme na to, ňe?*
- Can I help you? - *Co kukaš jak na ceľe na vrata?*
- Do you need glasses? - *Co nevidziš, abo ši šľepu?*
- Please, read the list carefully. - *Ňežgrap jak kocur zos labu!*

3. Отдельный случай, напрямую связанный с предыдущим, представляют собой случаи употребления в словацком варианте пейоративной лексики. Ср. примеры, в которых, помимо прочего, происходит замена косвенного речевого акта прямым.

- WHAT ARE YOU TALKING ABOUT? - *Co dristaš?*
- WHERE ARE THE TOILETS, PLEASE - *Idzem srac!*
- One moment, I'll check for you. - *Zober še a choc do zatku!*
- Please, listen carefully - *Merkuj ty bitang!*
- YOU ARE OLD FASHIONED - *Ši jak jebo z ľesa.*

4. Следующей возможностью для пародирования в описываемом словаре является придание словацким выражениям статуса наблюдаемой ситуации. См. примеры, где в первом случае компетенция в английском языке приравнивается к компетенции конкретного прецедентного лица, во втором личное местоимение заменяется указательной конструкцией, наконец, в третьем ситуация моделируется «по наблюдаемым симптомам».

- DO YOU SPEAK ENGLISH? - *Znaš rečovac jak toten Buš?*
- OH, HE IS SO HANDSOME! - *Ta bars šumny toten chlop!*
- WHAT A HOT WEATHER! - *Psy jazyky vyvaľuju.*

5. Наиболее обширной группой словацких выражений являются такие квазиэквиваленты, которые демонстрируют разницу в интерпретации одной и той же ситуации. При этом словацкий вариант отличается от английского не только общей экспрессивной модальностью, но и типовым поведением уча-

стника в конкретной ситуации. Это поведение, по мысли анонимного составителя словаря, может быть мотивировано следующими факторами:

5а) отсутствием определенных реалий – телефонного номера в доме (ср.: телефонная будка), специализированной кофейни (кофе покупают и варят дома). См. также третий пример, когда предполагается, что в Восточной Словакии отсутствует порядок резервирования столиков в пунктах общественного питания и «лишних посетителей» можно физически устранить. Во всех трех случаях косвенной речевой акт заменяется прямым:

- Can I have a contact number for you? - Naval' číslo na telefónnu bud'u.
- Where is the coffee shop? - Navar kavej!
- Can you reserve me a table for two at eight o'clock? - O druhej dakeho vyruć od stola.

5b) иными, «менее изысканными», предпочтениями жителя Восточной Словакии – вкусовыми (не люблю макароны, люблю свинину) либо эстетическими (не люблю оперу). Ср.:

- This is an excellence pasta dish. - Doñešce meso zo šviñi, ľećky ñežerem!
- It was the best concert ever! - Mušela tam tota operna špivaćka teľo grevćes?

5с) любовью к употреблению алкогольных напитков. Алкоголь как реалия также может интерпретироваться по-разному. Так, в первом примере выбор конкретного алкогольного напитка демонстрирует разницу между регионами / между культурами, во втором – степень потребления алкоголя в словацком варианте выше, нежели в английском первоисточнике. В третьем примере употребление алкогольного напитка помогает в сложной ситуации, наконец, в четвертом – распитие спиртных напитков является предметом выбора в конкретной ситуации (в оригинале направление в сауну, в словацком варианте отказ от сауны в пользу бара).

- WHERE DO YOU LIVE? - Ta co piješ?
- What's in the minibar? - No idzem šicko okoštovac.
- If you see an accident, find a first aider immediately. - Kec še dachto zdziga, daj sebe pifko a rob še, že ši toto ćudo popod nohy nešturil ty.
- For the sauna, turn left - U saune je ceplo jak u pekľe, ic do ľeva, tam je bar.

Ввиду того, что разговорники размещены в сети, они предполагают возможную публичную реакцию – реплики в дискуссиях к «словарям», как правило, представляют собой либо эмоциональные восклицания вида «bars dobre sce to preložili!» (как вы хорошо перевели!) или «ta na tomto som še narehotal jak kuľ» (я ржал над этим как лошадь), либо серьезные суждения о более корректных соответствиях: FINALLY, IT STOPS RAINING. - Prestalo perćes. – "prestalo padac" by malo być (должно было бы быть) / "abo ľabac".

Вышеизложенное демонстрирует следующие автоэтностереотипы на фоне стереотипов о носителях английского языка. В Восточной Словакии несколько другие реалии, до них в меньшей степени дошел прогресс. У восточных

словаков считается правильным говорить буквально и просто, предпочтение отдается прямым речевым актам и экспрессивной лексике. Гораздо большее значение имеет личное знакомство и непосредственное общение. Восточные словаки любят пить, специфика питья в т. ч. культурно обусловлена. Речь здесь идет скорее не о любви к алкоголю как таковому, но об иррациональном способе мышления в противовес рациональному.

Литература:

1. Алексеева, М. М. Особенности функционирования лемковских говоров в Интернете / М. М. Алексеева // Исследования по славянской диалектологии. – Вып. 18. Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016.
2. Ахметова, М. В. Лексические регионализмы и локализмы в русскоязычном Интернете: проблемы сбора материала / М. В. Ахметова // Русский язык и новые технологии / ред. М. В. Ахметова, В. И. Беликов. – М.: НЛО, 2014. – С. 155–171.
3. Ващенко, Д. Ю. Интернет как новая перспективная форма существования диалектов / Д. Ю. Ващенко // Исследования по славянской диалектологии. – Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. – М.: Институт славяноведения РАН, 2015. – С. 107–114.
4. Лушникова, Г. И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии / Г. И. Лушникова. – АДД. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2009.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ НАЗВАНИЙ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КРЫМА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ЭРГОНИМОВ Г. СЕВАСТОПОЛЯ)

Е. М. Вишневская

Н. А. Чекмаева

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва)

THE MEANS OF TRANSLATING THE NAMES OF THE CRIMEA RESORTS FROM RUSSIAN INTO ENGLISH (THE CASE STUDY OF ERGONYMS IN SEVASTOPOL)

E. M. Vishnevskaya

N. A. Chekmaeva

Summary. The paper covers the issues related to the interpreting names of the commercial enterprises. It offers a solution to a long standing problem of transliteration that can make the city tourist-friendly. The ultimate goal is to provide de-

tailed review on translating accidental gaps linked with the types of Russian resort places.

Key words: ergonym (commercial enterprises), nomination, resort, transliteration, city navigation system.

Географическое расположение г. Севастополя способствует развитию туристического бизнеса. Город располагает большим количеством оздоровительных комплексов, пансионатов, турбаз и гостиниц. В этих условиях ожесточается конкуренция, где правильный выбор названия и его адекватный перевод на иностранный язык становится преимуществом организации.

Под эргонимом понимается имя собственное любого делового объекта, независимо от его правового статуса и наличия / отсутствия места постоянной дислокации (фирмы, компании, творческого коллектива, оздоровительного комплекса или промышленного предприятия), которое искусственно создается именуемым его лицом с целью прагматического воздействия на реципиента [4, с. 74].

Названия деловых объектов (магазинов, ресторанов, промышленных предприятий, оздоровительных комплексов, форм коллективной деловой деятельности) характеризуются лингвистической спецификой, так как в минимальный текст закладывается максимальный объем информации, обработанной профессионалами, целью которых является привлечение внимания адресата, влияние на его выбор, незаметного для него самого. Грамотно выбранный эргоним завоевывает доверие людей, создавая имидж предприятию.

Работы Н. В. Шимкевича способствуют более глубокому пониманию сущности эргонима. Ключевым для определения данного термина автор считает понятие «конкуренция» как получение прибыли, и поэтому к эргонимам относятся только те деловые объекты, которые ориентированы на получение дохода и на конкуренцию с себе подобными. В этом и состоит его главное отличие от урбанонима. Необходимо отметить, что каждое название может быть в зависимости от контекста функционирования *эргонимом* (как деловой объект), *топонимом* (как указание места), *темонимом* (как название объектов, действующих в правовом пространстве) [5]. Основной задачей названия организации служит предоставление информации о предприятии, услуге или товаре. Вместе с тем эргоним должен привлекать внимание потенциального клиента, легко запоминаться, быть доступным широким слоям населения и вызывать положительные ассоциации.

В целом образы, возникающие у потребителя, могут быть разными, но они должны отражать специфику деятельности компании. Например, название пансионата *Бриз* ассоциируется с морем, то есть отвечает стремлению руководства оздоровительного комплекса сформировать устойчивую связь между названием оздоровительного комплекса и представлением об отдыхе на морском побережье.

Следует отметить, что имена собственные имеют культурную и национальную специфику. В процессе номинации городского объекта отражается мыслительная и речевая деятельность номинатора. Проведенный анализ обширного перечня названий здравниц позволил запечатлеть образ города, увидеть типическое и единичное в ономастическом пространстве города. На включенность эргонимов в городское пространство указывает их фиксация в рекламно-информационных материалах (плакаты, щиты, баннеры и т. д.).

Представляется, что при переводе названий коммерческих предприятий необходимо учитывать культурологические реалии и особенности языкового строя исходного языка и языка перевода. Основной задачей названия организации служит предоставление информации о предприятии, услуге или товаре. Вместе с тем основная сложность, связанная с переводом эргонимов, заключается в том, что зачастую в названиях предприятий не заложена информация о сфере их деятельности, а дословная передача сути именуемого объекта не отвечает сложившейся норме перевода. Таким образом, необходимо выработать стратегию перевода эргонимов.

Одним из ключевых способов передачи названий коммерческих предприятий является транслитерация, например, *Парк Победы – Park Pobedy*, однако при таком приеме перевода названий оздоровительных комплексов теряется прагматическое воздействие на адресата – ср. *санаторий «Горный воздух» – Gornyj Vozduh Resort*.

Становится ясно, что при данном способе перевода теряется эффект самовыражения и привлечения клиентов. Туристы, не знающие русский язык, не смогут декодировать сообщение. Можно предположить, что при калькировании сохранится прагматический эффект эргонимов. Как следствие, при таком способе инвариантом перевода становится форма единицы исходного языка, однако не графическая или фонетическая, а лексико-морфологическая. Вместе с тем окказиональные названия не поддаются калькированию, так как при таком способе передачи эргонимов нивелируется их необычность, например: *гостиничный комплекс «Любоморье» – the Ljubomorje Hotel*, *база отдыха «Любимовка» – the Ljubimovka Resort*, *гостиница «Джамаль» – the Dzhamal Hotel*, *база отдыха «Таврида» – the Tavrida Resort*, *отель «Фордевинд» – the Fordevind Hotel*.

В результате анализа фактического материала ведущим способом передачи названий можно определить калькирование, ср.: *санаторий «Песчаный берег» – the Sandy Coast Resort* (сохранение прагматического эффекта). Кроме этого, слова-классификаторы оздоровительных комплексов при переводе с русского на английский язык также подлежат калькированию согласно ГОСТу 7.79-2000 [1]. Необходимо отметить, что при переводе категориальных слов необходимо сопоставить сервис услуг российских здравниц с английскими, например, размещение, длительность и условия проживания, спектр предоставляемых оздоровительных процедур, затем подобрать аналог. Вместе с тем представляется уместным предлагать транслитерированные ва-

рианты для справочных изданий и карт города для улучшения навигационной системы города.

В ходе анализа категорий мест отдыха Англии было выявлено, что релевантными представляются следующие единицы: *hotels, holiday homes, resorts (resort villages)*, так как пребывание в оздоровительных центрах характеризуется длительностью, совмещением активного отдыха и лечебных процедур.

На основании вышесказанного, в результате изучения аналогов названий категорий на английском языке, можно предложить следующие переводы:

✓ оздоровительно-санаторный комплекс / санаторий / пансион / пансионат / база отдыха / курортный комплекс / турбаза – resort (*Thurnman Hall Resort, Lensbury Resort, Macdonald Resort*);

✓ отель / гостиница – hotel (*Radisson Blu Portman Hotel, The Mandeville Hotel, The Leonard Hotel*);

✓ вилла – holiday home (*Family Flourish Holiday Home, Kempe Road Holiday Home, Flying Free Holiday Home*).

Отметим особо, что в русском языке классификатор стоит перед названием объекта, тогда как при переводе на английский может потребоваться изменение позиции приложения [2, с. 105].

В качестве перспективы исследования релевантным представляется создание единого реестра перевода категорий оздоровительных комплексов на английский язык с указанием сферы оказываемых услуг, а также расширение выборки по Крыму, в частности выделение эргонимов, нуждающихся в переводе г. Ялты, так как, несмотря на то, что на данный момент в городе существует ряд отелей с названиями на английском языке (*отель Oreanda, гостевой дом Evelina, отель Rotonda* и др.), большая часть нуждается в калькировании и транслитерации – ср. *отель «Чайная горка», отельный комплекс «Поляна сказок», отель «Славянский альянс»* и др.

Литература:

- 1) ГОСТ 7.79-2000. – Минск: ИПК «Издательство стандартов», 2002. – 19 с.
- 2) Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
- 3) Моложавская, Ю. А. Способы передачи эргонимов при переводе с русского на английский язык / Ю. А. Моложавская // Мир языков: ракурс и перспектива. – Минск: БГУ, 2015. – Том IV. – С. 27–32.
- 4) Сулейманова, А. К. Топоним как лингвокультурологический феномен / А. К. Сулейманова // European Social Science Journal. – М.: АНО «Международный исследовательский институт», 2014. – С. 287–293.
- 5) Трифонова, Е. А. Название деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале английских и русских эргонимов): дисс ... кандид. филологич. наук: 10.02.19. / Е. А. Трифонова. – Волгоград, 2006. – 243 с.

б) Шимкевич, Н. В. К вопросу о прагматизме эргонимов в неконкурентной среде / Н. В. Шимкевич // Ономастика и диалектная лексика. – Вып. 4. – Екатеринбург: Урал. ун-та, 2003. – С. 131–136.

КРЫМСКИЙ МИФ В РОМАНЕ И. ШМЕЛЁВА «СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ»

Е. Ю. Горбынко

*Институт педагогического образования и менеджмента (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Армянск)*

CRIMEAN CONTEXT OF THE NOVEL IVAN SHMELEV «THE SUN OF THE DEAD»

L. Y. Gorbinko

Summary. The paper focuses on the impact on the myth of the Crimean artistic originality of the novel I. Shmelev «The Sun of the Dead». The author suggests that the writer was based on the ancient idea of the Crimean peninsula, captured more ancient Greek authors and to enshrined in the minds of people.

И. Шмелев – русский писатель-эмигрант, который оставил потомкам богатое художественное наследие, охватывающее разнообразные темы и мотивы. Ввиду нарастающего интереса к Крымскому мифу, произведения автора приобретают особую ценность, поскольку с 1918-го по 1922-й год он жил в Алуште, где впоследствии в 1993 году был основан музей. Наиболее трагичной и в то же время эпохальной крымской страницей стал роман «Солнце мёртвых», переведенный на несколько языков и покоривший европейских читателей. Центральным образом произведения является солнце, которое приобретает совершенно новые смыслы и значения.

Цель статьи – показать наличие Крымского мифа в романе-эпопее И. Шмелева «Солнце-мертвых».

Говоря о Крымском мифе, следует обратить внимание на многочисленные работы С. Курьянова, который активно изучает это явление уже несколько лет. Согласно его определению, данный термин призван объединить все представления о Крымском полуострове, которые проявились в литературе. Конечно, нельзя рассматривать то или иное произведение обособленно, поскольку все они взаимосвязаны. Обращаясь к проблеме Крымского мифа в «Солнце мёртвых», стоит указать на некую схожесть романа с поэмой М. Цветаевой «Перекоп». Исторической основой обоих произведений является время Гражданской войны (1917 – 1923 гг.). Только у поэтессы на фоне описания событий мая 1920 года на Перекопском перешейке нарисован светлый образ «святого» Перекопа, а И. Шмелёв, описывая голод 1920 – 1923 гг., осветил полуостров «солнцем мёртвых».

Солнце – это космическая мифологема. Ученые утверждают, что свет в давние времена олицетворял светлое начало, которое всегда побеждало темные силы (достаточно вспомнить народный праздник «Масленица», когда солнце побеждает зиму). Также солнце – это одно из главных Божеств любого народа вне зависимости от эпохи, которое в то же время имеет много имен-эпитетов. В дохристианскую эпоху на Руси существовало три основных Солнцегога: Дажьбог, Хорс и собственно Солнце, которое в ряде местностей сближалось с Ярилой и Колой. Данное представление о триединстве Солнца так прочно закрепилось в сознании славян, что отголоски его заметны в церковной литературе. В «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (сер. XI в.) говорится о свете Тресолнечного Божества, а в одной из богослужебных миней того же времени оно именуется Тресветлым Тресолнцем.

Интересные факты связывают Хорса с Крымом: на территории полуострова во времена Древней Руси существовал город, названный в честь этого Бога – Хорсунь (Корсунь), ныне он именуется Севастополь. Более того, крещение Руси Владимиром началось отсюда, и один из вариантов Крымского мифа – миф о святой земле – неразрывно связан с этой местностью. То есть «крымское» солнце в романе И. Шмелёва, христианского писателя, не должно было выступать в негативном образе, но это роман, впитавший в себя более древние представления о Крымском крае.

Есть возле Феодосии остатки потухшего вулкана – Карадаг, которому посвящены стихи и поэмы знаменитых русских писателей (А. Пушкина, А. Грина, М. Волошина, М. Цветаевой). Данный природный объект привлек внимание задолго до появления русской литературы, о нем писали еще античные авторы. К примеру, легендарный Гомер так описывал наши края:

*«Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь
Низкого берега, где дико растет Персифонин широкий
Лес из ракушек, свой теряющих плод, и из тополей черных,
Выдвинув на брег, под которым шумит океан водовратный,
Черный корабль свой, вступи ты в Андову мглистую область...
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их...*

*Там киммериян печальная область, покрыта вечно влажным туманом и
мглою облаков, никогда не являет*

*Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль звездами обильного сходит, к земле обращаясь,
Ночь безотрадная там искони окружает живущих» [1].*

Как видим, из представленного отрывка Киммерия – страна, окутанная туманами и мраком. Похожее описание находим и у Шмелёва: «Солнце как будто светит, но это не наше солнце... – подводный какой-то свет, бледной жести» [4]. Можно предположить, что здесь запечатлен эффект «подводного света», возникающего утром по причине повышенной влажности. Кроме этого у Шмелева, как и у Гомера, люди потеряли связь с небесным божеством,

но если Гелиос скрыт туманами и облаками, то от Солнца люди отвернулись: «Отныне мой храм?.. Неправда. У меня нет теперь храма. Бога у меня нет: синее небо пусто» [4]. Утрата духовного центра приводит к тому, что в романе реализуется миф о существовании на территории Крыма входа в Царство мертвых, упомянутого Гомером и древнегреческим географом Страбоном. Шмелев как будто нарочно населяет Алушту не людьми, а тенями: «с лицами неживыми ходят», «они – вне жизни», «уже – нездешние». В художественном пространстве параллельно существует два мира: мёртвый человеческий и мир природы, изо всех сил пытающейся выжить. Примером отчаянной борьбы за жизнь служит павлин – он часть природы и лучи света только украшают его: «Сияя голубым фиолетом в солнце».

Таким образом, в романе И. Шмелёва «Солнце мертвых» реализованы мифические представления о Крымском полуострове, как о мрачном крае, где находится вход в Царство мертвых. Вот только земля так перевернулась, что неживые люди оказались на поверхности под палящим, всепоглощающим мертвым солнцем. По словам Ивана Лукаша, книга И. Шмелева «о смерти русского солнца. О смерти всей вселенной, – когда умерла Россия – о мертвом солнце мертвых...». Иван Шмелёв – классик отечественной литературы, на долю которого выпало немало испытаний, подарил миру произведение, пропитанное собственной болью за русский народ, который потерял Бога в годы тяжелого голода 1920 – 1923 гг.

Литература:

1. Гомер. Одиссея / Гомер // Библиотека Максима Мошкова. – Режим доступа: <http://lib.ru/POEEAST/GOMER/gomer02.txt> (дата обращения: 01.05.2016).
2. Кур'янов, С. О. Кримський текст у російській літературі: генезис, структура, функціонування: автореф. дис. ... доктора філол. наук : 10.01.02 / С. О. Кур'янов. – Сімферополь, 2014. – 40 с.
3. Опарин А.А. Колесо в колесе. Археологическое исследование книги пророка Иезекииля / А.А.Опарин // Библия и наука. – Режим доступа: <http://nauka.bible.com.ua/koleso/kol2-02.htm#ss1> (дата обращения: 28.04.2016).
4. Шмелев, И. Солнце мертвых / И. Шмелев // Библиотека Максима Мошкова. – Режим доступа: http://lib.ru/RUSSLIT/SMELEW/shmelev_sun.txt (дата обращения: 03.05.2016).

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПАТЕНТНЫХ ОПИСАНИЙ

Т. Г. Клепикова

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

LEGAL ASPECT OF THE ENGLISH PATENT SPECIFICATION TEXTS

T. G. Klepikova

Summary. The paper focuses on the Legal aspects of the English patent specifications. It is known that the patent specifications contain different information such as technical, economical and specific patent rights including the right of priority. This information is placed in the different parts of the patent specification. These patent specification parts can be named as communicative blocks of the patent specification text and every communicative block reflects some legal aspect of the patent specification.

Научно-технический прогресс в каждой отдельной стране немыслим без получения информации о достижениях в других странах, при этом информация может быть представлена на иностранных языках. Источниками научно-технической информации являются различные жанры научно-технической литературы: статьи, отчеты о НИР, конструкторская документация, каталоги, документы по стандартизации, патентные описания, диссертационные исследования и монографии. Среди указанных жанров патентные документы обладают рядом преимуществ перед другими источниками научно-технической информации. К преимуществам можно отнести новизну, оперативность, достоверность, отсутствие рекламного шума и др. Следует также отметить значительный объем патентных документов. Ежегодно в мире публикуется около 1 миллиона патентных документов, которые относятся к 280000 – 3000000 изобретений, и это число увеличивается на 2–3% с каждым годом [2]. Таким образом, актуальным является рассмотрение некоторых особенностей патентных документов, связанных с правовым аспектом.

К патентным документам относятся заявочные и патентные описания, официальные бюллетени, публикуемые международными организациями и патентными ведомствами, а также вторичные публикации, такие, как рефераты, обзоры, экспресс-информация. Все эти документы содержат определенную информацию, касающуюся прав на изобретения.

Права на изобретения, оформленные патентами, называют промышленными, а сам патент является промышленной собственностью. Как и любая собственность, патент имеет меновую стоимость, его можно продать, подарить, передать какому-либо физическому или юридическому лицу, полностью или частично переуступить свои права. Так же, как и любая собствен-

ность, промышленная собственность охраняется законом от посягательств со стороны других лиц. Тем не менее исключительное право на изобретение, оформленное патентом, имеет ограничение во времени и действует только определенный законом период на территории страны патентования или в странах, имеющих подписанные соглашения о взаимном признании промышленных прав. Срок действия патента исчисляется в соответствии с существующими в каждой стране правилами и может быть продлен или, наоборот, патент может утратить силу досрочно, если, например, не уплачивается патентная пошлина или, по ряду других обстоятельств, определенных законом [2, с. 174].

Патентные описания представляют техническую, экономическую и правовую информацию. Патентное описание всегда выступает в 2-х ипостасях – как техническое описание, представляющее новое техническое решение, и как юридический документ с соответствующими определяющими официальный документ характерными чертами (ограничительная функция, защитная функция, определяющая право промышленной и интеллектуальной собственности на установленный конкретный период времени и место).

Патентное описание, являясь юридическим документом, выполняет такие функции, как:

- устанавливает приоритет и признает заявленное решение изобретением;
- защищает определенный объем прав заявителя или патентодержателя.

Юридический характер патентного описания подчеркивается четкой структурированностью документа, присущей всем документам правового характера. В тексте патентного описания выделяются определенные государственными и международными стандартами разделы и коммуникативные блоки. Прежде всего, в патентных описаниях выделяются 3 раздела: библиографический раздел, чертежи и рисунки, полное описание самого технического решения, признанного изобретением. Практически все разделы и коммуникативные блоки патентного описания в той или иной степени отражают правовой характер документа, который необходимо учитывать при переводе.

Рассмотрим основные разделы и информацию правового характера, которую они могут включать. Вся информация библиографического раздела имеет цифровые указатели, находящиеся в круглых или квадратных скобках. Эти цифровые указатели являются индексами ИСИРЕПАТ – Комитета Парижского союза по международному сотрудничеству в области обмена патентной информацией между патентными ведомствами. Начиная со второй половины XX века, все современные патентные описания имеют эти цифровые коды, что облегчает поиск необходимой информации для различных целей, особенно в случае работы с патентными описаниями, опубликованными на редких языках. Самым полным является библиографический раздел в патентных описаниях США. Библиографический раздел в патентных описаниях США содержит основную правовую информацию, а именно – номер охранного документа, страну, где действует конкретный патент, дату приоритета, имя

изобретателя и владельца патента, дату публикации, индексы международной и национальной классификаций. Кроме этого, в патентные описания США включены область поиска технических решений, аналогичных заявленному, документы, использованные при экспертизе заявки, имена экспертов и патентного поверенного, аннотация технического решения; указано количество пунктов патентной формулы и количество чертежей, а также общая схема, чертеж или рисунок изобретения.

С правовой точки зрения, даты являются весьма важным элементом патентного описания, поскольку в США срок действия патента 17 лет исчисляется с даты выдачи патента, в то время как в британских патентных описаниях срок действия 16 лет (с возможностью продления на 5–10 лет). Этот срок отсчитывается с даты подачи полного описания [2, с.174].

Библиографический раздел может включать информацию о зарубежном приоритете, которая оформляется заголовком под цифровым кодом (30) Foreign Application Priority Data и имеет следующий вид: “ Nov, 21.2012 (GB)...1220956.5. При переводе необходимо расшифровать эту строку полностью: «Приоритет Великобритании от 21 ноября 2012 года по документу (заявке) 1220956.5».

Если говорить о правах изобретателя или патентовладельца, то они могут быть переданы третьему лицу – физическому или юридическому, и объем переданных прав также может найти отражение в патентных документах. Передать можно любую часть прав или полностью. Лицо, получившее исключительное право на патент, называется правопреемник (assignee) и при переводе необходимо писать «патентовладелец», «патентообладатель» или «патентодержатель».

Как видно из вышеизложенного, библиографический раздел имеет важное правовое значение, и при переводе «шапки» патентного описания рекомендуется следующая формулировка: «Описание изобретения к патенту США (Великобритании, Австралии) №». Следует также отметить, что в британских патентных описаниях часть библиографической информации, а именно: данные об изобретателе, патентодержателе и их адреса находятся в так называемой «вычурной» фразе, с которой начинается полное описание изобретения. Это заявление патентовладельца обычно формулируется следующим образом: “ We Escher Wyss Aktiengesellschaft, a Swiss Body Corporate of Hardstrasse 319, Zurich Switzerland, do hereby declare the invention, for which we pray that a patent may be granted to us and the method by which it is to be performed to be particularly described in and by the following statement...”

Подобное заявление патентовладельца переводится полностью при судебных разбирательствах и в официальных публикациях. Для инженеров из этой вычурной фразы переводят лишь имя или название владельца патента.

Чертежи в патентных описаниях США имеют особое юридическое значение и именно поэтому находятся сразу же после библиографического разде-

ла. При судебных конфликтах чертежи и рисунки в патентных описаниях США, наряду с патентной формулой, имеют основное значение, а само описание служит для объяснения и уточнения. В других странах, наоборот, чертежи являются иллюстративным материалом.

При переводе описания следует правильно перевести название самого изобретения. Необходимо обратить внимание на предъявляемые к нему требования, в первую очередь, на то, что название не должно содержать новых признаков изобретения [2, с. 183], так как указание на эти новые признаки позволяет конкурентам перехватить идею, т. е. практически лишить патент его ценности, а конкурентам воспользоваться правом преждепользования.

Одним из основных коммуникативных блоков является указание целей изобретения. Как правило, при перечислении целей нумерация не ставится, так как это может сузить объем прав владельца патента. Обычно используются выражения: “other object”, “another object”, “more still another object” и т. д. При переводе это также необходимо учитывать.

После перечисления целей, как правило, идет краткое описание сути изобретения. Описание сути изобретения в основном совпадает с формулой изобретения. Именно патентная формула, с правовой точки зрения, является самым основным коммуникативным блоком, так как определяет новизну изобретения, суть технического решения и объем прав патентовладельца. Практически любая патентная формула состоит из двух частей – тематической и рематической. Тематическая часть формулы включает название изобретения и известные характеристики, чаще всего одного из прототипов. Перевод этой части может начинаться словом «предлагается». Вторая часть формулы – рематическая – содержит суть самого технического решения и при переводе необходимо сделать на этом акцент с помощью слов «отличающееся тем, что...» или «характеризующийся тем, что...».

С учетом правовой значимости данного коммуникативного блока формулу изобретения необходимо переводить одним предложением, каким бы длинным оно не было. Две указанные части находятся в первом пункте многозвенной формулы, все следующие пункты уточняют и объясняют технические особенности изобретения, расширяя объем прав владельца патента.

Правовой аспект патентного описания подчеркивается и усиливается за счет использования специальных расширяющих разделов и фраз расширения. Анализ текстов патентных описаний показывает, что существует три типа расширяющих разделов. Первый тип расширения, как правило, находится после перечисления целей изобретения и формулируется следующим образом: «...further objects and advantages will be apparent from the following description, reference being had to the accompanying drawing» (... другие цели и преимущества будут ясны из описания и чертежей).

Второй тип расширяющего раздела встречается достаточно редко и связан с расширением прав через расширение толкования самого термина:

“It is also to be understood that the work “ceramic” is used here in a broad sense and intended to several kinds of sintered material containing ceramics, for instance the so called “cermets” made a mixture of ceramic and metal powder”.

“Следует иметь в виду, что термин “керамический” употреблен здесь в широком смысле и охватывает все типы материалов, полученных спеканием и содержащих керамику, например, так называемые “керметы”, изготовленные из смеси керамики и металлического порошка”.

Самым распространенным является третий тип, который часто находится перед формулой изобретения в американских патентных описаниях:

Although one preferred embodiment of the invention has been described in considerable details for illustrative purposes, many modifications will occur to those skilled in the art. It is therefore desired that the protection afforded by Letter Patent be limited only by the true scope of the appended claims.

“Хотя настоящее изобретение подробно описано в его предпочтительном варианте, могут быть предложены и другие многочисленные варианты данного изобретения, очевидные для специалиста в данной области, не выходящие за пределы объема, определенного предлагаемой формулой изобретения”.

По всему тексту патентного описания встречаются различные фразы, смысл которых связан с тем, что описываемое техническое решение не ограничивается указанным примером или является одним из вариантов возможного осуществления изобретения.

Особой формулой расширяющего раздела является так называемый «омнибус-пункт», характерный только для британских патентных описаний. Омнибус-пункт – это последний пункт формулы, коммуникативная цель которого состоит в расширении прав владельца патента. Этот пункт всегда формулируется одинаково, и его перевод также представляет готовое клише: «В объем правовой защиты входит... (указывается название изобретения) в соответствии с приведенным описанием и ссылками на прилагаемые чертежи».

Помимо указанных расширяющих разделов, фраз и омнибус-пункта, юридический характер патентного описания проявляется в использовании постоянной лексики, готовых клише, употреблении терминологической лексики с более широким значением, а также архаизмов и канцеляризмов.

В результате вышеизложенного, можно отметить, что патентное описание является особым типом текста со своими специфическими задачами, которые включают в том числе аспект защиты прав патентодержателя. Правовая нагрузка находит выражение во всех разделах и коммуникативных блоках патентного описания и должна быть адекватно передана при переводе.

Литература:

1. Климзо, Б. Н. Ремесло технического переводчика / Б. Н. Климзо // Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. 2-ое изд., перераб. и доп. – М.: Р. Валент, 2006. – 508 с.

2. Патентная документация и ее особенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pereosnastka.ru/articles/patentnaya-documentatsiya-i-ee-osobennosti> (дата обращения: 21.04.2016).

РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЛАГОЛА В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ПРОЦЕССЕ ОБРАТНОГО ПЕРЕВОДА

Н. А. Константинова

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

REALIZATION OF DERIVATIONAL POTENTIAL OF VERB IN INTERLANGUAGE SPACE IN THE PROCESS OF BACK TRANSLATION

N. A. Konstantinova

Summary: The article attempts to describe the derivational potential of verb in the interlanguage space on the example of constructive Russian verb "строить" (to build) in its translation into German and back. Back translating is a source of incremented meaning, which is a form of realization of semantic derivation.

Интерес лингвистов к смысловой структуре слова обусловлен тем, что разработка семантического аспекта языка способствует глубокому пониманию его природы, закономерностей функционирования и развития, его связи с мышлением и поведением человека. В рамках когнитивной семантики значение языковой единицы рассматривается как результат определенного способа осмысления мира на основе соотнесения значения с конкретным концептом.

Деривация преобразовывает лексическое значение исходной единицы, создавая вторичную единицу, которая вплетается в соответствующие деривационные отношения. Благодаря деривации, расширяется семантический объём слова за счёт появления производных значений. Это приводит к семантическому синкретизму, который позднее распадается и возникает полисемия.

Процесс перевода с одного языка на другой предполагает анализ содержания лексической единицы, выделение в ней элементарных смыслов, семантических множителей. Это происходит путем определения дифференциального

признака, по которому содержание лексической единицы противопоставляется близкой ей по значению другой единице языка. Таким образом, возникают межъязыковые отношения, которые во многом сходны с внутриязыковыми связями при одноязычном функционировании лексических единиц.

При переводе с одного языка на другой лексическая единица как бы погружается в семантический континуум языка перевода, а обратный перевод возвращает её значение в естественную среду функционирования и свидетельствует о качественных изменениях, в случае если происходит приращение исходного смысла слова. Этот факт можно рассматривать как одну из форм воплощения семантической деривации в межъязыковом пространстве.

В данной статье анализируется перевод русского глагола *строить* на немецкий язык и обратный перевод на русский язык полученных эквивалентов с целью выявления различий в потенциале межъязыкового семантико-деривационного развития у семантических и формально-семантических дериватов указанного глагола. Основным исследовательским приёмом в работе является перевод на немецкий язык глагола *bauen* и обратный перевод немецких эквивалентов на русский язык.

Глагол *bauen* относится к лексико-семантической группе (ЛСГ) конструктивных глаголов. Понятие «конструктивность» предполагает три уровня интенсивности конструктивной семантики:

- 1) создание целостного объекта;
- 2) конструктивное видоизменение объекта;
- 3) изменение состояния объекта при конструктивном воздействии.

Согласно данной классификации, все глаголы с конструктивной семантикой могут быть разделены на три группы:

- 1) глаголы созидания: «*bauen*», «*шить*», «*ковать*» и др.;
- 2) глаголы материального созидательного видоизменения объекта: «*декорировать*», «*гримировать*» и др.;
- 3) глаголы нематериального созидательного видоизменения объекта: «*выразить*», «*оживить*» и др. [2, с. 5].

Семантика конструктивности принадлежит всему глаголу, а не концентрируется в значении отдельных морфологических элементов, что обуславливает семантическую гибкость. Гиперсемами конструктивных глаголов являются манипулятивность и креативность, которые предполагают обязательное наличие субъекта, осуществляющего воздействие, и объекта, на который данное воздействие направлено. Для глаголов созидания характерен несовершенный вид в значении продолжительного действия или постоянно повторяющегося, что делает возможным их безобъектное употребление [1, с. 7].

Глагол *bauen* относится к группе глаголов созидания, поскольку в своём значении имеет интегральный семантический признак «создавать что-либо» и актуализирует сему «создания целостного объекта».

Значение непроизводного глагола *bauen* имеет четыре лексико-семантических варианта:

- 1) создавать, возводить здания, сооружения;
- 2) мысленно создавать, намечать;
- 3) организовывать, основываясь на чем-л., составлять, сочинять что-л., отбирая и располагая определенным образом материал (словесный, художественный, научный), выражать, формулировать;
- 4) представлять, изображать из себя кого-л [4].

Из словарного толкования глагола *строить* видно, что он может употребляться как в прямом, так и в переносном значении. Появление переносного значения глагола *строить* связано с заменой объекта с конкретно-денотативным значением на объект с абстрактным значением (строить дом – строить догадки).

Прямое значение глагола *строить*, т. е. «создавать, возводить здания, сооружения» переводится на немецкий язык с помощью глаголов *bauen, erstellen, erzeugen, schaffen*. Рассмотрим обратный перевод на русский язык анализируемых немецких глаголов:

- 1) глагол *bauen* переводится на русский язык как «строить, построить, выстроить, наращивать, выстраивать»;
- 2) глагол *erstellen* переводится как «строить, создавать, составлять, разрабатывать»;
- 3) глагол *erzeugen* переводится как «создавать, формировать, производить, вырабатывать»;
- 4) глагол *schaffen* переводится как «создавать» [3].

Из приведённых примеров следует, что при переводе на русский язык немецких глаголов *bauen* и *erstellen* сохраняется исходный смысл «строить», а у глаголов *erzeugen* и *schaffen* – «создавать» [5]. Однако появляются и другие переводные эквиваленты, например: *наращивать, составлять, разрабатывать, формировать*.

Таким образом, прямое значение русского глагола *строить* при переводе обнаруживает тенденцию к расширению своей семантической валентности в немецко-русском межъязыковом пространстве.

При обратном переводе актуализируются следующие спецификации исходного значения глагола *строить*:

- 1) интенсивность глагольного действия: *наращивать*;
- 2) создание чего-либо в результате интеллектуального труда: *составлять, разрабатывать*;
- 3) создание чего-либо промышленным способом: *производить, вырабатывать*.

Лексико-семантический вариант со значением «созидать, создавать» переводится на немецкий язык глаголами *schaffen, bilden, erstellen* [3]. При обратном переводе на русский язык указанных глаголов происходит приращение смысла в сторону «образовывать, производить, устанавливать».

Лексико-семантический вариант со значением «мысленно создавать» переводится на немецкий язык описательно с помощью словосочетаний *geistig*

erstellen, in Aussicht nehmen [3]. В примере *geistig erstellen* есть глагол *erstellen* со значением «создавать интеллектуально», семантика которого полностью сохраняется при обратном переводе на русский язык. Пример *in Aussicht nehmen* представляет собой устойчивое словосочетание, которое при обратном переводе на русский язык означает «наметить перспективу».

Лексико-семантический вариант глагола со значением «организовывать, основываясь, базируясь на чем-л.» переводится на немецкий язык с помощью глагола *organisieren* и полностью сохраняется при обратном переводе. Второе созначение «составлять, сочинять что-л.; выражать, формулировать» переводится большим количеством немецких глаголов, например: *verfassen, abfassen, aufsetzen, entwerfen, aufstellen, schreiben, dichten, komponieren, schmieden, schöpfen, erfinden, erdichten, aufschneiden, flunkern, zusammenfabeln* [3]. Указанные глаголы при обратном переводе соответственно имеют большое количество русских эквивалентов, как однословных, так и представленных словосочетаниями, например: *придумывать, сочинять, составлять, создавать, фантазировать, писать прозу, сочинять стихи, музыку, набрасывать, намечать, проектировать, располагать, размещать, формировать, изобретать, придумывать, выдумывать, хвастать, врать, привирать, пускать пыль в глаза.*

Как видно из примеров, семантико-деривационное развитие в немецко-русском межъязыковом пространстве глагола *строить* обнаруживает направленность в сторону семантической конкретизации. Если в русском языке для описания ситуации «создание нематериального объекта в результате интеллектуального труда» используется преимущественно глагол «сочинять», то в немецком языке представлены глаголы в зависимости от способа действия, например: *schreiben* – создавать словесное произведение, *dichten* – создавать лирическое произведение, *komponieren* – музыкальное, *verfassen* – научное.

Также в немецком языке имеется богатый арсенал глаголов со значением мыслительной деятельности, воображения и фантазии, например: *erfinden-изобретать, придумывать, выдумывать, aufschneiden – хвастать, бахвалиться, flunkern – врать, привирать, пускать пыль в глаза, zusammenfabeln – придумывать, сочинять, фантазировать* [5]. При обратном переводе указанных глаголов на русский язык семантический спектр значения глагола *строить* значительно обогащается.

Глагол *строить* в его разговорном варианте «представлять, изображать из себя кого-л.» переводится на немецкий язык глаголами *darstellen, aufführen, spielen, nachahmen, sich stellen, heucheln, veranschaulichen*. При обратном переводе на русский язык данные глаголы дают следующие приращения смысла: *копировать, имитировать, притворяться, прикидываться, лицемерить.*

Базовый непроемный глагол *строить* имеет также производные префиксальные эквиваленты: *встраивать, выстраивать, достраивать, застра-*

ивать, перестраивать, пристраивать, надстраивать и др. Префиксы *в-, вы-, до-, за-, пере-, под- при-* конкретизируют семантику производного глагола и указывают на видоизменение объекта, а именно пространственную протяженность, и результативность. Подобные модификации значений в немецком языке передаются формальной деривацией с помощью префиксов *auf-, an-, be-, ein-, im-, hinzu-*, например: *einbauen* – *встраивать, вмонтировать, устанавливать, aufbauen* – *строить, возводить, сооружать, создавать, bebauen* – *застраивать, обрабатывать, возделывать, пахать, umbauen* – *перестраивать, anbauen* – *пристраивать, подстраивать, возделывать, выращивать, hinzubauen* – *пристраивать* и др. [5].

Обратный перевод префиксальных дериватов с немецкого языка на русский также обнаруживает незначительное семантико-деривационное приращение значения, например: *возделывать, выращивать, пахать*.

В заключение следует заметить, что русский конструктивный глагол *строить* имеет комплексную семантическую структуру и отличается генерализованностью значения. При переводе данного глагола на немецкий язык и обратно выяснилось, что внутрисловные семантические дериваты обнаруживают достаточно высокий семантико-деривационный потенциал в межъязыковом пространстве, варьируя исходный смысл глагола *строить* в различных направлениях, и расширяют круг его семантической валентности.

Литература:

1. Архипова, Л. В. Управление глагола как проявление его семантических свойств: на примере глаголов лексико-семантической группы созидания: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Архипова. – Тамбов, 2000.
2. Дзгоева, И. Г. Взаимодействие лексической и грамматической семантики (деструктивные и конструктивные глаголы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Дзгоева. – Санкт-Петербург, 1992.
3. Немецко-русский и русско-немецкий словарь. – Режим доступа: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=3&l2=2&a=0> (дата обращения: 7.06.2016).
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/34800.shtml> (дата обращения: 7.06.2016).
5. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. – Mannheim: Dudenverlag, 1989.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА

Л. А. Коняева

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

MEANS OF TRANSLATION OF YOUTH SLANG AND TRANSLATOR LANGUAGE PERSONALITY

L. A. Konyaeva

Summary. The article deals with the problems of youth slang and means of its translation. The paper focuses on the personality of translator and the importance of personal characteristics and professional competence for adequate and equivalent translation.

Современные лингвистические исследования рассматривают новую исследовательскую парадигму, в которой язык является неотъемлемой интегральной жизнью человека и общества. Интерес в этой связи представляют качественные характеристики перевода и переводческие ошибки – эрратология. В современном переводоведении эрратология перевода рассматривается с позиций следующих критериев качества перевода: адекватный, эквивалентный, равноценный, полноценный; переводческие трансформации как средство достижения адекватности перевода; проблема «ложных друзей переводчика» и ее соотношение с переводческими ошибками; предпереводческий анализ как средство предотвращения переводческих ошибок.

Изучение практики способов передачи молодёжного сленга способствует приобщению к более широкому и органичному взгляду, поскольку переводчик, владеющий профессиональной компетенцией, не может игнорировать обширные социальные, культурные, экономические, психологические связи, стоящие за языковыми единицами. Сленг является источником пополнения лексико-фразеологического состава литературного языка. Он отражает этнокультурные особенности и менталитет носителей английского языка в особой, специфической форме. Англоязычный сленг – это обширное явление, состоящее из разных образований. В сленге находят отражение все языковые проблемы, что требует от квалифицированного переводчика постоянно развивать и совершенствовать квалификацию. Живой язык пребывает в статике и динамике одновременно, чтобы успешно удовлетворять коммуникативные и эмоциональные потребности носителей языка.

Вильгельм фон Гумбольдт призывал изучать язык в динамике, изучать речь, не ставя знака равенства между языком и деятельностью, для которой язык – это средство. Социолингвистические явления присутствуют во всех современных языках. Эмоциональный, стилистически окрашенный молодежный язык отличается от нормативного языка наличием лексики с более

или менее ярко выраженной фамильярной окраской. Молодежный сленг в английском языке часто возникает как протест против словесных штампов или как желание отличиться, выгладеть оригинальным, что свойственно молодым людям. Подростки, используя молодежный сленг, стремятся выразить свое критическое или ироническое отношение к миру взрослых, показать себя более независимыми, завоевать популярность среди сверстников. Такие слова отличаются от общепринятой речевой нормы по многим лингвистическим параметрам.

В настоящее время, когда немалая часть СМИ, художественной литературы, фильмов для молодёжи изобилует сленгизмами, «background» переводчика – языковая личность, уровень владения профессиональной компетенцией и даже черты характера играют ключевую роль в процессе перевода. Для переводчика сленг представляет значительную сложность с точки зрения адекватности и эквивалентности перевода. Согласно Н. К. Грабовскому, термин «адекватное» обозначает воспроизведение в представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений действительности, т. е. исходного текста [1, с. 28]. Адекватность в переводе тесно взаимодействует с эквивалентностью или соответствием перевода текста с исходным переводом.

Одним из критериев при выборе способов передачи является привлечение внимания молодёжной аудитории. Другим критерием является мироощущение самого переводчика: образование, уровень профессиональной компетентности, умение принимать нестандартные переводческие решения, этические нормы и жизненные ценности, среда обитания, степень открытости или замкнутости в непрофессиональной жизни. Переводчик – сформированная за годы языковая личность, которая оставляет отпечаток своей индивидуальности в переводе. Лишенный индивидуальности перевод – перевод буквальный, пословный, что нежелательно при работе с художественным текстом [2, с. 53].

Язык героев произведения – одна из его отличительных и ярких черт. Следовательно, переводчикам при выборе лексических эквивалентов необходимо учитывать не только точность перевода, но и адекватность с точки зрения экспрессивной насыщенности. Рассмотрим некоторые примеры и варианты перевода из современного молодёжного американского телесериала «Supernatural».

«Okay. John Hancock right here» – пример деонимизации и межчастеричной трансформации имени собственного в английском языке. Под процессом деонимизации принято считать переход имен собственных в разряд имен нарицательных [5]. В данном случае необходимы пояснения: Джон Хэнкок – американский государственный деятель, сторонник Американской революции. В американской культуре он получил широкую известность за особо крупную подпись под «Декларацией независимости США». Именно к этому событию относится денотативное значение глагола «to John Hancock». С одной стороны, это приводит к трудностям при переводе предложения на язык перевода,

так как не все россияне знают, кто такой Джон Хэнкок и что он сделал. С другой стороны, даже при сохранении сленгизма в переводе, ничего лучше «джонхэнкокнуть; хэнкокнуть; джонкокнуть» не получится, и этот глагол не имел бы никакого смысла для российской аудитории. Именно поэтому при переводе переводчики опускают имя нарицательное, передав лишь его смысловое значение: «Так, подпиши здесь».

Ещё один пример адъективной деонимизации: «Other than the Charlie Kauffman of it all, I got nothing». Деонимические адъективы – это нарицательные имена прилагательные, образованные от имени собственного без помощи аффиксов [5]. Буквальный перевод, как и в предыдущем примере, невозможен. Чарли Кауфман – один из самых оригинальных американских сценаристов конца XX и начала XXI веков. Для американской аудитории «говорящим» является само имя, для российской аудитории оно не вызовет никаких ассоциаций. Буквальный перевод «Ничего, кроме Чарли Кауфмана, я тут не обнаружил» приведет к непониманию смысла высказывания. Переводчик должен передать сленговый неологизм путем целостного переосмысления предложения и сохранения денотативного значения деонимического адъектива, иначе это приводит к значительным смысловым расхождениям и смене коннотативного значения. Перевод: «Помимо идиотского сценария я ничего не нашел» исказил бы оценочное восприятие сленгизма. Лексический эквивалент «идиотский сценарий» имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию. Можно предположить, что переводчики именно так интерпретируют работы Кауфмана, и переносят свое видение событий на перевод. В другом переводе также прослеживается личное восприятие работ сценариста «Ничего, кроме мозговыносящего сценария». У прилагательного «мозговыносящий» есть несколько значений: головомомный, лишенный смысла. Все они содержат долю отрицательной коннотации, но Кауфман прославился благодаря созданию витиеватых сценариев, которые при первом прочтении действительно сложно понять. Оригинальный вариант перевода может быть «мозговыносящий», но никак не «идиотский».

Необходимо отметить, что художественный перевод, наполненный сленгизмами, несёт отпечаток индивидуальности переводчика. И, как выразился Отокар Фишер – «Перевод – деятельность на стыке науки и искусства». Главное в попытке качественно и красиво передать оригинальный текст, не забывать об адекватности и эквивалентности в переводе, не исказить смысл переводимого высказывания, навязывая окружающим свое восприятие мира.

Подобрать русское *соответствие* американскому сленгизму – дело не простое, иногда почти невозможное. При отсутствии аналога в русском языке приходится прибегать к описательному переводу сленгизма. Это наблюдение соответствует мнению отечественных теоретиков и практиков перевода, отмечающих, что при переводе сленга приходится либо подыскивать *аналогичный* русской сленгизм, обладающий примерно такой же экспрессивностью, или идти по пути толкования и разъяснения значения, то есть исполь-

зовать описательный приём перевода [3, с. 112]. «При переводе сленга огромную роль играет контекст, который обычно и подсказывает переводчику какой синоним из ряда возможных следует предпочесть в соответствующем случае. Отсюда следует, что для того чтобы глубже раскрыть реализуемые в тексте значения, целесообразно приводить в словаре цитаты из подлинников» [3, с. 39].

Молодежный сленг является авангардом языка и существенно зависит от реалий сегодняшнего дня – компьютеров, Интернета, других гаджетов. То, что будет модно завтра, наверняка найдет отражение в словаре молодежи. Молодежный сленг привлекает внимание прежде всего своей выразительностью, семантическим юмором, лексической игрой. По сравнению с чопорной, клишированной официальной речью сленг характерен свежей метафоричностью, раскованностью и краткостью обозначений. Особенности молодежного сленга в отличие от сленгов других типов заключаются в следующем:

- ✓ служит для общения людей одной возрастной категории, при этом сленгизмы используются в качестве синонимов к обычным словам, отличаясь от них эмоционально выразительной окраской;

- ✓ акцентирован на реалиях мира молодёжи, отделяя его от всего остального, сленговые единицы зачастую непонятны людям других возрастных категорий. Зная такой специальный язык, молодые чувствуют себя членами некой замкнутой, элитарной общности;

- ✓ сленговые лексические единицы изобилуют вульгаризмами.

Сленг – широко обсуждаемое явление в лингвистике, – это набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных человеческих объединениях [4, с. 63], что позволяет определить термин молодежный сленг, как слова, употребляющиеся только людьми определенной возрастной категории, заменяющие обыденную лексику и отличающиеся разговорной, а иногда и грубо-фамильярной окраской. Таким образом, молодежный сленг рассматривается как отдельная семантическая категория.

Перевод с одного языка на другой является сложной деятельностью, будь это литературный язык произведения, газеты, научной статьи и т. д. Сложность возрастает многократно при переводе нестандартных единиц, в частности, американского сленга. «Перевод на иностранный язык – это искусство невозможного» [4, с. 71]. К этому добавим перевод на русский язык с иностранного, что ставит перед переводчиком сложные задачи, требующие адекватного решения, большой концентрации внимания, поиска нестандартных переводческих решений, знания реалий языка перевода, т. е. глубокого владения профессиональной компетенцией, что позволит выполнить качественный, адекватный перевод.

Литература:

1. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
2. Коняева, Л. А. О некоторых трудностях научно-технического перевода. / Л. А. Коняева // Перевод и сопоставительная лингвистика: периодический научный журнал / отв. ред. М. С. Пестова; Урал. гум. ин-т. – Екатеринбург: УрГИ, 2015. – С. 50–54.
3. Крупнов, В. Н. В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: Международ. отношения, 1976. – 192 с.
4. Кузнец, М. Д, Скребнев, Ю.М., Стилистика английского языка / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. – Радуга, 1960. – 175 с.
5. Режим доступа: http://www.rfp.psu.ru/archive/6.2010/kushnina_silantjeva.pdf

СКАЗОЧНОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ДОМА Л. Н. ТОЛСТОГО

О. В. Ланская

МБОУ СОШ № 14 (Лунецк)

FANTASTIC AND TRADITIONAL IN THE SPACE OF THE HOUSE L.N. TOLSTOY

O. V. Lanskaja

Summary. In article on a material of a fairy tale of L.N.Tolstoy «Three bears» the word the house which is connected with one of the key concepts of Russian culture is investigated. The senses which refer to the given lexical unit, directly correspond with national tradition, household realities that is reflected in lexical-thematic sets "small house", "family", "furniture", etc.

Представление о традиционном и сказочном доме важно для понимания национальной картины мира. «Дом» – одно из основных понятий в русской культуре. С жилищем человека связаны «символ семейного благополучия и богатства, locus многих календарных и семейных обрядов» [5, с. 142]. Дом – это пространство, в котором формируются взгляды человека на жизнь, отношение его к окружающей действительности, возникает ощущение защищённости от внешнего мира. Дом имеет свои традиции, определённый уклад, сформированный на протяжении длительного времени под влиянием климата и пространства.

Необычен образ дома, созданный в русской народной сказке. С одной стороны, это дом традиционный в крестьянском мире; с другой – волшебный. Обязательными элементами крестьянского дома являются печь, окно, дверь,

порог, двор, ворота. В доме же сказочном могут отсутствовать окна и двери. По сути, жилище превращается в гроб, т. е. в домовину.

Дом в лесу отличается от дома крестьянского своим местоположением. Лес, как известно, пространство чужое, опасное для человека, связано с представлением о смерти (см. в Словаре В. И. Даля «*Въ чужомъ месте, что в лесе*» «*Ходить в лесу – видеть смерть на носу*» [2, т. II, с. 279]); иногда части его «представляют собой животных, <...> имеют свои имена» [6, с. 45]. Это пространство, которое «имеет характер прохода в иное царство» [6, с. 47], в потусторонний мир. Согласно поверьям, там обитает леший, который может превращаться в человека, волка, филина, вредить людям [2, т. II, с. 279]. Двор при таком доме – это место, куда может пройти не каждый, и обнесен он костями, кольями с черепами (см.: Пропп В. Я. «Исторические корни волшебной сказки», с. 46). Попасть в такой дом не просто. Герой должен пройти определенный обряд. Удача сопутствует тому, кто обладает высокими нравственными качествами: умеет трудиться, сопереживать, помогать людям, преодолевать страх, проявлять упорство и мужество при достижении цели.

Дом в сказке Л. Н. Толстого «Три медведя», с одной стороны, традиционный; с другой – сказочный. Этим определяется его своеобразие. Фактически произведение такого типа «возникло в результате древнейших рассказов, преследовавших утилитарно-бытовые цели» [1, с. 455]. Основано оно на представлении о том, что нарушение запретов влечет за собой опасные последствия. «Многие волшебные сказки говорят о запрете оставлять дом, покидать жилище, вкушать какую-либо еду или питье, прикасаться к чему-либо» [1, с. 456], т. е. учат традиционному поведению. Одновременно сказка «Три медведя» связана с представлениями людей о животных, которым приписывалась «способность думать, говорить и разумно действовать» [1, с. 448], о том, что существуют родственные связи между человеком и каким-либо животным, которого следовало почитать, т. к. «он покровительствовал роду» [1, с. 448].

Символично название произведения – «Три медведя», в котором имплицитно представлены значения 'дружная семья', 'единение', 'взаимоотношения человека и природы', 'познание мира'.

Символично число *три*, которое открывает текст. В сказке есть *три медведя, три чашки, три стула, три кровати*. Три раза девочка пробует похлёбку из трёх чашек, использует при этом три ложки. Три раза сидит на трёх стульях, три раза ложится на разные постели. По три раза возмущаются произошедшим во время их отсутствия в доме три медведя. То есть мир домика в лесу и поведение героев в тексте смоделированы с помощью традиционного в русском фольклоре числа *три*, которое, как известно, «относится к наиболее значимым элементам числового ряда. Оно символизирует завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец, и чаще всего фигурирует в предписаниях трижды совершать то или

иное магическое действие» [7, с. 489]. В то же время как число нечетное оно связано с незавершённой. «Нечётность символизирует незавершённую, непрекращающийся процесс, постоянное продолжение» [12, с. 349], что «относится к области вечного» [12, с. 349].

Сказка Л. Н. Толстого «Три медведя» начинается традиционно, как сказка бытовая, в которой лаконично обозначено место действия – лес: «Одна девочка ушла из дома в лес» [8, т. X, с. 7]. Путь героини зафиксирован по схеме «дом – дорога – домик в лесу – дорога». При этом сема 'дорога' имплицитно представлена в глаголах *ушла, заблудилась, не догнали, убежала*. Далее в тексте даётся описание дома, в который попала героиня. Противопоставляются дом, в котором жила девочка, и домик, который принадлежал семье медведя. Противопоставление «дом – домик» синонимично противопоставлениям «свой – чужой», «жизнь – смерть», так как домик находится в лесу, а лес, который, по сути, окружает иное царство, является входом в царство мертвых [6, с. 41].

Противопоставление слов *дом* и *домик* связано и с семами 'размер', 'маленький', 'небольшой', 'крохотный'. С точки зрения К. С. Аксакова, при наличии параллельных форм с суффиксами *-ик* и *-ок* (*домок, домик*) суффикс *-ик* более экспрессивен, так как в нём «слышится уже шутка, и если еще не ласка, то любезность... видно, что уменьшенный, миниатюрный предмет представляется милым» [3, с. 100].

С помощью противопоставления «дом – домик» создаётся параллельный мир, в котором по своим законам и в то же время по законам людей живут медведи. Мир животных в сказке воспринимается как «иносказательное изображение человеческого» [1, с. 449]; «перед нами мир, где все на равных правах и говорят на едином общепонятном языке» [4, с. 124], т. е. он един.

В лексико-тематическую группу «домик» входят слова, структурирующие пространство жилища. Это *комната, столовая, спальня и горница*. При этом слова *комната, горница* и *спальня* в тексте являются синонимами: «В домике было две *комнаты*: одна *столовая*, другая *спальня*»; «Медведи прошли в другую *горницу*» [X, с. 7 – 8].

Пространство столовой структурируется с помощью слов, входящих в лексико-тематическую группу «мебель» (*стол, стул, стульчик*), а также «посуда» (*чашка, чашечка*) и «столовый прибор» (*ложка, ложечка*). Пространство спальни – с помощью слов *скамеечка, постель, кроватка*. При этом каждый предмет через числительные *первый, второй, третий*, связанный с числительным три, с символикой названия произведения, индивидуализирован через использование ряда определений с семами 'размер', 'порядок предметов при счёте', 'цвет', 'принадлежность': «*Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка поменьше, была Настасьи Петровна; третья, синенькая чашечка, была Мишуткина*. Подле каждой *чашки* лежала *ложка: большая, средняя и маленькая*» [X: 7]. То, что повествователь обращает внимание на наличие ложек у каждого из героев, связано с

бытовыми реалиями. Известно, что ложка использовалась в календарных и семейных обрядах славян, «была одной из немногих личных вещей крестьянина; ложки помечали, избегали пользоваться чужими» [9, с. 284].

В тексте при описании дома повествователь использует литоту, ряд слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Это слова *синенькая, чашечка, скамеечка, кроватка, ложечка, стульчик*. Употребление данных лексических единиц связано с тем, что пространство лишается враждебности, и домик в лесу начинает восприниматься как пространство, в котором человеку ничего не угрожает. Слово *домик* приобретает сему 'гостеприимный'. Фактически в тексте реализованы поговорки «Чужая изба засидчива» и «На чужой лавке мягче сидится» [2, т. IV, с. 613]. При этом необходимо обратить внимание на то, что в доме медведей нет печи. Ритуальную функцию выполняет в данном случае стол (см.: Байбурин, А. К., Топорков, А. Л. У истоков этикета. – Л.: Наука, 1990. – С. 135), что свидетельствует об особой организации пространства.

Для русской народной сказки накрытый в пустом доме стол традиционен, свидетельствует об опасности, т. к. жилище находится в лесу и в нем отсутствует хозяин. Следует обратить внимание на традицию подачи еды, угощение гостя. То есть в быту «герой видит ... иную подачу еды, чем та, к которой он привык» [6, с. 95]. Речь идет о том, что «каждый имеет свою долю, и доли эти равны» [6, с. 95]. Здесь же «пришелец еще не имеет своей доли и ест от каждой понемножку» [6, с. 95]. В сказке «Три медведя» каждый по традиции имеет ту долю, которая соответствует его статусу в семье: самая большая чашка у отца, самая маленькая – у сына и т. д. И еда на столе традиционная для крестьянина – похлебка. Слово *похлёбка* употреблено в тексте в значении «всякая жидкая пища, которую хлебают, едят ложкою» [2, т. III, с. 367].

В лексико-тематическую группу «семья» входят слова *медвежонок, медведь, медведица, отец*, а также антропонимы *Мишутка, Михаил Иванович (Михайло Иванович), Настасья Петровна*: «Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович. <...> Другой была медведица. Она была поменьше, и звали ее Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка» [X, с. 7].

Обращает на себя внимание то, что у медведей есть имена собственные, что их уважительно зовут по имени отчеству. Это связано с тем, что медведь является одним из самых почитаемых животных у славян, что это животное наряду с некоторыми другими «считалось родоначальником – тотемом» [1, с. 448]. Вследствие этого к нему относились с величайшим уважением. Свидетельствуют об этом материалы словарей. Так, в Словаре В.И. Даля зафиксированы фамилия, имя и отчество медведя – Михайло Ивановичъ Топтыгинъ [2, т. II, с. 311]. Синонимами слова *медведь* являются также слова *мишка, мишукъ, потапычъ*. Имя собственное свидетельствует также о том, «связь познающего с познаваемой субстанцией требует от слова уплотненности» [11, с. 270], т. е. имени, обозначает это и «стремление противопоставить раз-

дробленности познание отвлеченного – единство, самозамкнутость и целостность познаваемого объекта» [11, с. 271].

Медведь у русских – это «дедушка» и «старик» [1, с. 448]. По М. Фасмеру, данная лексическая единица имеет семы 'поедатель меда', 'тот, кто ест мясо', 'едящий сладкое' [10, т. 2, с. 589]. В народе также существовали и такие словосочетания для обозначения медведя, как *сергацкій баринь*, *лесной архимандрить*, *сморгонскій студентъ* (в Серчаге и Сморгонахъ обучали медведей) [2, т. II, с. 311]. Медведицу же обычно называли *Матреной* и *Аксиньей*, *маткой* и *матухой* [2, т. II, с. 312]. Слово *матуха* обозначает медведицу с медвежатами, *мать* – родительницу и родную мать [2, т. II, с. 307]. Медведь в фольклоре весьма противоречивый образ. С одной стороны, это животное – символ добродушия, богатырской силы, нежных материнских сил; с другой – обжорства, ярости, неуклюжести, лени [12, с. 96].

В сказке медведям противостоит девочка. Важно обратить внимание на то, что у нее нет имени. Это просто девочка, которая ушла одна в лес и заблудилась. Отсутствие в тексте имени, персонального знака человека, свидетельствует о сближении точек зрения читателя и повествователя. Это знак того, что история, произошедшая с героиней, может случиться с каждым, то есть слово *девочка* приобретает не только семы 'возраст', 'маленькая', но и сему 'прошлое, приближенное к читателю'. Это означает, что события сказки, с одной стороны, принадлежат далекому прошлому; с другой – прошлому, которое можно соотнести со словом *вчера*, словосочетанием *час назад* и т. п.

Героиня сказки, которая по традиции обязательно должна была заблудиться в лесу (см.: Пропп, В. Я. «Исторические корни волшебной сказки», с. 40–41), любознательная, решительная, смелая. Заблудившись в лесу, она не теряет присутствия духа. Попав в чужой дом, ведет себя естественно. Всё вызывает у неё интерес. С одной стороны, она нарушает традиции (ушла без разрешения в лес); с другой – действует сообразно с общепринятыми тогда нормам (пробует за столом долю каждого). В частности, в тексте соблюдается последовательность, принятая в фольклоре при посещении чужого дома: поели, попили, спать положили. В то же время девочка нарушает порядок, заведённый в чужом жилище (распоряжается имуществом хозяев без их ведома), что потом приводит в ярость медведей.

Как известно, в сказке о животных важен диалог. В произведении же Л. Н. Толстого диалог заменен монологами. Каждый из медведей произносит свою реплику, которая, по сути, не имеет реального адресата, что свидетельствует в какой-то степени о незащищённости, беспомощности сказочных медведей. Больше всех пострадал во всей этой истории медвежонок: у него съели всю похлёбку и сломали его стульчик.

Итак, в сказке Л. Н. Толстого «Три медведя» создан образ дома, который напрямую соотносится с национальной традицией, бытовыми реалиями, что отражено в лексико-тематических группах «мебель», «посуда», «столовый прибор», «домик», «семья». Это пространство крестьянского дома. В то же

время в тексте представлено сказочное пространство, что определяется тем, что хозяевами жилища являются медведи.

События сказки свидетельствуют о приобщении человека к сложному и противоречивому миру природы, пространству жизни и смерти, тайнам бытия. Понять этот мир, объяснить его, отнестись к нему с величайшим сочувствием должен каждый – такова заповедь великого русского писателя Л. Н. Толстого.

Литература

1. Аникин, В. П. Русское народное творчество: учебник / В. П. Аникин. – М.: Высш. шк., 2001.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
3. Цит. по: Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972.
4. Костюхин, Е. А. Лекции по русскому фольклору: учеб. пособие для вузов / Е. А. Костюхин. – М.: Дрофа, 2004.
5. Плотникова, А. А. Дом / А. А. Дом // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002.
6. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп; составление, научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2005.
7. Толстая, С. М. Число / С. М. Толстая // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002.
8. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. – Т. X / Л. Н. Толстая. – М.: Худож. лит., 1982.
9. Топорков, А. Л. Ложка / А. Л. Топорков // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер. – М.: Астрель: АСТ, 2004.
11. Флоренский, П. Имена: сочинения / П. Флоренский. – М.: Эксмо, 2006.
12. Шейнина, Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – М.: АСТ; Харьков: Торгсинг, 2003.

**РОЛЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ РЕГУЛЯТИВНЫХ СТРУКТУР
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СИМВОЛИСТОВ**

(на материале лирики К. Д. Бальмонта и З. Н. Гиппиус)

Н. Г. Петрова

*ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический
университет» (Новосибирск)*

**THE ROLE OF THE LEXICAL REGULATIVE STRUCTURES
IN THE SYMBOLISTS' POETICAL TEXTS**

(on the basis of the lyrics by K. D. Balmont and Z. N. Gippius)

N. G. Petrova

Summary. The article is accomplished in the framework of the vigorously worked out direction of the communicative stylistics of the text – the regulativity theory. The existing classifications of the regulative units are given. It is revealed that the lexical regulative structures, based on the stylistic device of the syntactic parallelism as particular case of the repetition and being important for understanding the meaning on the level of the cluster of utterances and the whole text, very often represent conceptual information in the poetical works by K. D. Balmont and Z. N. Gippius. This fact lets the author interpret this kind of the lexical regulative units in the symbolists' lyrics as the regulative concepts.

Теория регулятивности, будучи одним из направлений коммуникативной стилистики текста (см. о ней, например: [2]), базируется на признании регулятивности системным текстовым качеством, суть которого заключается в том, что «через восприятие получателем сообщения текст определенным образом управляет его коммуникативной деятельностью» [17, с. 44].

Следует отметить, что постановка проблемы регулятивности художественного текста и разработка её теоретических основ принадлежит Н. С. Болотновой, что отражено в целом ряде работ исследователя, начиная с 90-х годов XX в. (см. об этом: [4–6] и др.).

Регулятивность художественного текста как его системное качество связана с другими системными качествами: информативностью, структурностью, интегративностью и со специфическими функциональными: предсказуемостью/непредсказуемостью, вариативностью интерпретаций, образностью, а также с системно-языковыми качествами – выразительностью, многозначностью, узуальностью/окказиональностью [4, с. 108].

Существенную роль в процессе общения автора и читателя играют регулятивы. Под *регулятивом* нами понимается микроструктура, состоящая из элементов текста, формирующих некоторую мыслительную структуру, соотносительную с определенным “микросмыслом” и прагматическим зарядом, отражающую осознаваемую читателем микроцель в рамках определённой коммуникативной стратегии автора [14, с. 8].

Рассмотрим имеющиеся типологии регулятивов. Так, Н. С. Болотнова предлагает различать регулятивные средства разных уровней (их действие проявляется на уровне элементов текста) и регулятивные структуры (регулятивы), действующие на уровне структуры текста и создающие «регулятивную макроструктуру, определяющую способность текста управлять познавательной деятельностью читателя» [5]. При этом регулятивные средства и регулятивные структуры (регулятивы) классифицируются исследователем по разным основаниям.

В частности, средства регулятивности Н. С. Болотнова дифференцирует, во-первых, по степени закреплённости в узусе (узуальные/окациональные); во-вторых, по характеру следования (близости/удаленности) в тексте (контактные/дистантные); в-третьих, по соотносённости с информативно-смысловым и прагматическим уровнями текста (информемы/прагмемы) [5]. Исследователь отмечает, что регулятивные средства чаще всего являются синкретичными, поскольку одновременно соотносятся с информативно-смысловым и прагматическим уровнями текста.

Регулятивные структуры (регулятивы) различаются Н. С. Болотновой в зависимости: 1) от соотносённости с целевой программой текста и способности выполнять регулятивную функцию (яркие/слабые); 2) от способности текстовых микроструктур актуализировать микроцель в пределах текстовых фрагментов или макроцель в рамках общей коммуникативной стратегии текста (регулятивы-локативы/регулятивы-концепты).

Нами в поэтических текстах выделяются три типа лексических регулятивов в зависимости от текстового уровня, на котором они реализуют свою регулятивную функцию: 1) заглавие, организующее познавательную деятельность читателя на уровне целого текста; 2) регулятивные цепочки, значимые для постижения смысла на уровне высказывания; 3) лексические регулятивные структуры, основанные на стилистическом приёме синтаксического параллелизма как частном случае повтора, активизирующие деятельность читателя как на уровне блока высказываний, так и целого текста (см., например: [14]).

Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть роль лексических регулятивных структур, основанных на стилистическом приёме синтаксического параллелизма как частном случае повтора в поэтических текстах двух ярких представителей символизма – К. Д. Бальмонта и З. Н. Гиппиус.

Материалом для исследования послужили сборники стихов «Горящие здания» (1900), «Будем как солнце» (1903) и «Только любовь» (1903) К. Д. Бальмонта [1] и «Собрание стихов 1889–1903» З. Н. Гиппиус [8], значимые в поэтическом творчестве каждого из признанных мастеров художественного слова.

Наблюдения показали, что поэты-символисты (К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, З. Н. Гиппиус), в отличие, например, от акмеистов (Н. С. Гумилёва, А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама), активно употребляют лексические

регулятивные структуры, основанные на стилистическом приёме синтаксического параллелизма (об этом: [12; 15]). Заметим, что данные лексические регулятивные структуры представляют собой неоднородное явление. Это объясняется, во-первых, существованием двух типов параллелизма (полного и неполного), а во-вторых, способностью членов параллели (повторяющихся высказываний или их фрагментов), образующих лексическую регулятивную структуру, располагаться в тексте как контактно, так и дистантно.

Анализ показал, что в поэтических текстах К. Д. Бальмонта и З. Н. Гиппиус лексические регулятивные структуры, основанные на стилистическом приёме синтаксического параллелизма, являясь полифункциональными, нередко выступают в качестве репрезентантов ряда ключевых концептов, отражающих поэтическую картину мира художников слова. Ср. положение, высказанное Ж. Н. Масловой: «В поэтической картине мира получает концептуальное воплощение эстетически осмысленный экзистенциальный и эмоциональный субъективный опыт, структурными единицами данной картины мира являются *поэтические концепты* и *собственно поэтические категории*» [11, с. 13]. (О типах художественных концептов в поэтических текстах см.: [3; 11; 16] и др.).

Обратимся к примерам.

Так, употребление в стихотворении «Жизнь» из сборника «Горящие здания» (1900) лексической регулятивной структурой, основанной на неполном параллелизме, с контактным расположением членов параллели позволяет К. Д. Бальмонту на небольшом текстовом пространстве дать в образной форме собственное определение понятия “жизнь”, включающее и особую форму существования материи («*царственный вымысел*», «сон» и т. д.), и окружающую реальную действительность с её антиномиями («*отражение лунного лика в воде*» / «*трепетание моря под властью луны*» и т. д.):

Жизнь

Жизнь – отражение лунного лика в воде,
Сфера, чей центр – повсюду, окружность – нигде,
Царственный вымысел, пропасть глухая без дна,
Вечность мгновения – миг красоты – тишина.

Жизнь – трепетание моря под властью луны,
Лотос чуть дышащий, бледный любимец волны,
Дымное облако, полное скрытых лучей,
Сон, создаваемый множеством, всех – и ничей.

Необходимо отметить, что концепт *жизнь* занимает важное место в поэтической концептосфере К. Д. Бальмонта. Об этом свидетельствует не только предложенное автором образное определение понятия “жизнь”, но и час-

тотность в словнике поэта лексической единицы, репрезентирующей данный концепт. (Подробнее об этом см.: [13].)

Небезынтересно, что З. Н. Гиппиус в стихотворении «Что есть грех?» использует регулятивную структуру, основанную на неполном параллелизме, для определения понятия “грех”, совмещающее черты как религиозно-христианского понимания данного феномена, так и представлений о нём лирического субъекта, соотносимого с автором. При этом неповторяющиеся части частично совпадающих контактно расположенных высказываний, образующих лексическую регулятивную структуру, служат для выражения “нового” – характеристики признака. Состоящие преимущественно из однородных именных сказуемых они по сути являются текстовой парадигмой номинатов:

Грех – маломыслие и малодержанье,
Самонелюбие – самовлюбленность,
И равнодушное саморассеянье,
И успокоенная упоённость.

Грех – легкочувствие и легкодумие,
Полупроказливость – полуволненье.
Благоразумное полубезумие,
Полувнимание – полузабвенье.

Грех – жить без дерзости и без мечтания,
Не признаваемым – и не гонимым.
Не знать ни ужаса, ни упования
И быть приемлемым, но не любимым.

К стыду и гордости – равнопрезрение...
Всему покорственный привет без битвы...
Тяжеле всех грехов – Богоубьение,
Жизнь без проклятия – и без молитвы.

Отсутствие вводных слов со значением ‘последовательность изложения, связь мыслей’ – типичного для других типов дискурсов способа оформления отношения автора к высказываемой мысли – компенсируется тем, что каждое из трёх контактно расположенных высказываний, совпадающих со строфами и образующих лексическую регулятивную структуру, основанную на неполном параллелизме, начинается с лексической единицы “грех”. Кроме того, указание на “иерархию” грехов поддерживается сочетанием “тяжеле всех грехов” в заключительной строфе, что подтверждает общую тенденцию, свойственную письменной речи – «нарастание смыслового веса высказывания к его концу» [9, с. 81].

Как известно, греховным может быть действие (или бездействие), слово, мысль, желание, чувство. По мысли же З. Н. Гиппиус, греховным оказывается не только действие, произведённое не в полную силу, но и жизнь с атрофированными чувствами.

“Нанизывание” предикативных метафор, характерное для рассмотренных стихотворений К. Д. Бальмонта и З. Н. Гиппиус, отражает общий для поэтов закон эстетически обусловленной смысловой «избыточности» (см. о нём: [2, с. 62–63]).

Из приведённых примеров видно, что лексические регулятивные структуры, основанные на неполном параллелизме, с контактным расположением параллелей, не только обладают достаточно высоким когнитивным потенциалом, но и формируют в сознании читателя/адресата представления о концептосфере текста.

Необходимо отметить, что среди регулятивных структур, основанных на дистантном повторе, выделяется регулятивная структура особого типа – *регулятивная рамка*, значимая для организации читательского восприятия на уровне блока высказываний и целого текста. В зависимости от совпадения членов параллели различаются конгруэнтная (от лат. *congruens* – совпадающий) и частично конгруэнтная регулятивные рамки. Заметим, что выделение конгруэнтной рамки в известной мере условно, так как совпадающие буквально высказывания имеют или разный смысл в пределах одного текста, или разную эмоциональную тональность.

Рассмотрим стихотворение К. Д. Бальмонта «На разных языках» из сборника «Будем как солнце» и стихотворение З. Н. Гиппиус «Другой христианин», для которых характерна как композиционная близость (наличие конгруэнтной рамки на уровне целого текста), так и тематическая (в них поднимается проблема непонимания между лирическим героем и другими людьми).

Если в первой реализации параллели, образующей в поэтическом тексте К. Д. Бальмонта «На разных языках» регулятивную рамку, имеет место констатация факта, выраженная фразеологическим оборотом – «говорить на разных языках – не понимать друг друга» [7], то во второй – утверждение. Меняется и эмоциональная тональность: от печали по поводу непонимания между лирическим героем и лирической героиней в начальном высказывании до легкой грусти от осознания невозможности да и ненужности полного понимания в конечном.

На разных языках

*Мы говорим на разных языках.
Я свет весны, а ты усталый холод.
Я златоцвет, который вечно молод,
А ты песок на мёртвых берегах.*

Прекрасна даль вскипающего моря,
Его простор играющий широк.
Но берег мёртв. Измыт волной песок.
Свистит, хрустит, с гремучей влагой споря.

А я живу. Как в сказочных веках,
Воздушный сад исполнен аромата.
Поёт пчела. Моя душа богата.
Мы говорим на разных языках.

Лирический герой стихотворения К. Бальмонта, как видно, находится в гармонии со своей душой. Он воспринимает своё эмоциональное одиночество как светлое чувство, как возможность наслаждаться красотой окружающего мира («А я живу»), которую ощущает различными органами чувств (ср.: «Воздушный сад исполнен аромата», «Поёт пчела»).

Несмотря на то, что в регулятивном единстве анализируемого текста К. Бальмонта прослеживается чёткое противопоставление *Я / Ты*, в сильных же текстовых позициях, образующих конгруэнтную регулятивную рамку, акцент делается на *Мы*. Таким образом, можно говорить о неразрывной связи в поэтической картине мира К. Д. Бальмонта таких концептов, как *одиночество* и *единство*.

В стихотворении З. Н. Гиппиус «Другой христианин» также отмечается смена эмоциональной тональности: от печали, вызванной возможным непониманием лирического героя другими людьми, неуверенности в себе (и тайного страстного желания иметь поддержку в чьём-либо лице!) в начальном высказывании, входящем в конгруэнтную рамку, до осознания невозможности понимания кем-либо (слепой уверенности в себе и своих силах) в конечном.

*Никто меня не поймёт –
и не должен никто понять.
Мне душу страдание жжёт,
И радость мешает страдать.*

Тяжелые слезы свечей
и шелест чуть слышных слов...
В сиянии лампадных лучей
поникшие стебли цветов,

рассвет несветлого дня, –
всё – тайны последней залог...
И, тайну мою храня,
один я иду за порог.

Со мною меч – мой оплот,
я крепко держу рукоять...
*Никто меня не поймет –
и не должен никто понять.*

При этом лирический герой стихотворения З. Н. Гиппиус пребывает в состоянии предельного одиночества и внутреннего дискомфорта («*Мне душу страдание жжёт, / И радость мешает страдать*»), что отражается и на восприятии им окружающего мира («*Тяжелые слезы свечей*», «*поникишие стебли цветов*», «*рассвет несветлого дня*»).

Любопытно, что входящая в заглавие лексическая единица «*другой*», будучи многозначной, создаёт в стихотворении игровое начало, поддерживаемое также свойственным З. Н. Гиппиус повествованием от мужского лица. Лишь при знакомстве со стихотворением становится понятно, что в нём актуализируется сема '*не такой, каким должен быть христианин*'.

В целом можно заключить, что лексические регулятивные структуры, основанные на полном параллелизме, образующие конгруэнтную рамку на уровне целого текста, коррелируя с фразеологическими выражениями (Н. М. Шанский) или высказываниями-сентенциями, фокусирующими художественный смысл произведений [3, с. 20], обладают как ауто-, так и гетеросуггестивным воздействием. Ср. замечание Ю. И. Левина: «Автокоммуникативный акт, сопутствующий созданию стихотворения (разговор поэта с собой), как бы проецируется в акт восприятия стихотворения, делая этот акт разговором читателя с собой» [10].

Подведём некоторые итоги.

Обращение к лирике К. Д. Бальмонта и З. Н. Гиппиус показало, что в поэтическом творчестве этих авторов лексические регулятивные структуры, основанные на стилистическом приёме синтаксического параллелизма, достаточно часто выступают в роли репрезентантов концептуальной информации, что даёт основания трактовать данный тип лексических регулятивов в качестве регулятивов-концептов. При этом, если у лексических регулятивных структур, основанных на неполном параллелизме, доминирует, как правило, когнитивное начало, то у лексических регулятивных структур, основанных на полном параллелизме и образующих конгруэнтную рамку на уровне целого текста, – суггестивное.

Литература:

1. Бальмонт, К. Д. Стихотворения / К. Д. Бальмонт. – М.: Книга, 1989. – 557 с.
2. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 384 с.

3. Болотнова, Н. С. Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте / Н. С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2005. – Вып. 3 (47). – С. 18–24.

4. Болотнова, Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста / Н. С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 108–113.

5. Болотнова, Н. С. О теории регулятивности художественного текста / Н. С. Болотнова // Stylistyka. – 1998. – Вып. VII. – С. 179–189.

6. Болотнова, Н. С. Теоретические аспекты изучения регулятивности в текстовой деятельности / Н. С. Болотнова // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллективная монография / Н. С. Болотнова [и др.]; под ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. – С. 12–42.

7. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 27.04.2016).

8. Гиппиус, З. Н. Сочинения: стихотворения; проза / З. Н. Гиппиус. – Л.: Худож. лит., 1991. – 672 с.

9. Зарубина, Н. Д. Языковые сигналы структуры связного текста и их использование в смысловом восприятии / Н. Д. Зарубина // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – С. 79–83.

10. Левин, Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения / Ю. И. Левин // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С. 464–482. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/texts/levin_lyric.htm (дата обращения: 17.05.2016).

11. Маслова, Ж. Н. Поэтическая картина мира и её репрезентация в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ж. Н. Маслова. – Тамбов, 2011. – 44 с.

12. Петрова, Н. Г. К вопросу о статусе лексического повтора в поэтическом дискурсе с позиций теории регулятивности / Н. Г. Петрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010б. – Вып. 6 (96). – С. 39–45.

13. Петрова, Н. Г. Концепт *жизнь* и его лексическое воплощение в поэзии К. Д. Бальмонта / Н. Г. Петрова // Русская речевая культура и текст: материалы VI Международной науч. конф. (25–27 марта 2010 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2010а. – С. 79–87.

14. Петрова, Н. Г. Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К. Д. Бальмонта: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Петрова. – Томск, 2000. – 23 с.

15. Петрова, Н. Г. О типах регулятивных структур в поэтическом дискурсе акмеистов / Н. Г. Петрова // Сибирский филологический журнал. – 2012. –

№ 1. – С. 187–197.

16.Сергеева, Е. В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте / Е. В. Сергеева // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 98–103.

17.Сидоров, Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. – М.: Наука, 1987. – 140 с.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «HORROR» В ТВОРЧЕСТВЕ Г. Ф. ЛАВКРАФТА

Н. В. Рабкина, Д. Е. Петрова

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

Summary. The article features the oeuvre of H.P.Lovecraft, who started the genre of the so-called “Lovecraftian horror”. It focuses on the structure of the fictional universe based on the archetype of chaos, traces some motifs typical of American culture, and specifies the language the writer uses to express «the horrible».

Творчество Г. Ф. Лавкрафта принято относить к весьма размытому жанру «weird fiction», в котором смешивается сверхъестественное, мифическое и научное. В свою очередь, короткие страшные рассказы этого автора породили свой собственный жанр – «Лавкрафтовские ужасы». Ставший популярным в России благодаря интернет-мемам, создатель Ктулху является творцом весьма своеобразного художественного универсума, находящегося, что весьма типично для историй ужасов, в состоянии динамического разрушения. Мир, который Лавкрафт приглашает своего читателя посетить, основан на бинарной оппозиции «внутренний космос – внешний хаос» и отделен от этого внешнего хаоса тонкой, местами прозрачной пленкой, которая вот-вот прорвется, а кое-где уже прорвалась. Как писал сам Лавкрафт в эссе «Supernatural Horror in Literature» [4], в литературе ужасов должна присутствовать атмосфера неизъяснимого, мертвенного ужаса, вмешательство неких необъяснимых сил, которые воплощают самое кошмарное предположение, на которое только способен человеческий мозг – что законы природы, охраняющие нас от надвигающегося хаоса и демонов неизведанных пространств, могут быть побеждены.

Лавкрафтовский ужас – это ужас неизведанного, ужас человека, понявшего, что он и все, что его окружает, всего лишь песчинка в безбрежном океане Вселенной, ужас от попытки осознания понятий бесконечности и безграничности. Модель мира лавкрафтовской прозы воплощает юнгианскую интерпретацию человеческого разума, в котором сознание – крошечный островок в океане бессознательного, в котором обитают чудовища. В своем культовом

«Зове Ктулху» Лавкрафт использует именно эту метафору: «Мы живем на тихом островке невежества посреди темного моря бесконечности, и нам вовсе не следует плавать на далекие расстояния». Как и его знаменитый последователь, «король ужасов» Стивен Кинг [2], Лавкрафт объясняет несовершенство социума влиянием неких внешних сил, пытающихся извне пробить границу реальности: пороки человечества и несчастья этого мира – «смерд гниения», расплзающийся над гибнущими городами людей» – вызваны не тем, что человек изначально плох, а тем, что «воплощение вселенской мерзости спит в глубине, ожидая своего часа» («Зов Ктулху»).

Основывая свои произведения на тех архетипах, что понятны всем и не знают «лингвокультурных» границ, Лавкрафт тем не менее остается на сто процентов американским писателем. Он возводит с нуля мифологическое пространство Новой Англии, в чем воплощается стереотипно приписываемый американской нации «психологический комплекс» перед народами, имеющими древнюю историю. (Аналогичным образом С. Кинг мифологизирует штат Мэн, намеренно создавая вымышленные «среднестатистические» городки, на чьем фоне ярче выделялся бы фантастический элемент [3]).

И, разумеется, специфически американским концептом «фронта» можно объяснить то самое стремление «плавать на далекие расстояния», против которого предостерегал Лавкрафт. Не случайно для американской культуры так важны роман «Моби Дик» Мелвилла и повесть «Сердце тьмы» Конрада – рассказы о погоне за чудовищем, обитающем в океане хаоса, и о путешествии к «центру хаоса»: в них воплощаются глубинные установки сознания, присущие Америке и «всей западной активистской культуре» [1]. Позднее популярная американская культура породила историю о Кинг Конге – своеобразный гибрид «Моби Дика» и «Сердца тьмы», дальнейшее развитие темы, что особенно четко отражено в последней экранизации этой неумирающей истории. Пафос «Кинг Конга» – в попытке победить чудовище внешнее и совершить путешествие внутрь себя, в глубины подсознательного, чтобы там, пройдя через множество приключений и испытаний, сразиться со своим внутренним чудовищем. У Лавкрафта же пространство хаоса полностью лишено какой-либо «приключенческой» привлекательности – то, что таится в нем, мерзко и отвратительно («blasphemous alienage and ineffable cosmic hideousness» – «The Thing on the Doorstep»), этих чудовищ не стоит искать, потому что их нельзя победить: как известно, если слишком долго всматриваться в бездну, бездна начнет смотреть на тебя.

Своеобразной «визитной карточкой» «Лавкрафтовских ужасов» стало перенасыщенное лексико-семантическое поле ужаса. В качестве примера мы рассмотрели короткий рассказ «The Thing on the Doorstep» (1933), сюжет которого вращается вокруг насильственного переселения душ: некий колдун при помощи черной магии перемещает сознание из своего умирающего тела в тело своей дочери, а затем и в тело зятя. На восемь страниц текста лексема **horror** и ее производные встречаются 12 раз, **terror** – 8 раз, **fear** и **fright** –

7 раз, **dread** и **panic** – 1 раз. Лексемы с семантикой ужаса главным образом представлены здесь субстантивно (50 %). Группа прилагательных с семантикой страха составляет 32 %, глаголов – 9 %, причастий – 6 % и наречий – 3 %.

Наиболее частотное проявление страха в данном рассказе выражено лексемой **horror**, которая, как правило, усиливается прилагательным, демонстрирующим крайнюю степень качества: **supreme / extreme / utter / stark**. Этот ужас обладает мифологическими характеристиками хаоса: его нельзя выразить словами (**inexplicable, forbidden**), он вытеснен вовне (**beyond life's edge**), древен (**age-old**), всеохватен (**cosmic**) и разрушителен для твердой субстанции (**liquescient**). (Примечательно, что герой «Сердца тьмы» умирает с единственным словом на устах, и слово это «The horror!»).

Даже если просто «пройтись» по заголовкам произведений Лавкрафта (включая неопубликованные и те, что созданы как результат обработки его записок другими авторами), обнаруживается, что лексемы с семантикой ужаса встречаются 7 раз, 5 из которых приходится на лексему «horror» («The Horror at Red Hook», «The Dunwich Horror», «The Horror at Martin's Beach», «The Horror in the Museum», «The Horror in the Burying-Ground», «The Lurking Fear», «The Terrible Old Man»). Представляется, что такая структура названия (сущ. horror + обстоятельство места / топоним в атрибутивной функции) типична для готического романа, для которого специфический топос – полуразрушенное поместье, древний замок с привидениями и т. д. – является жанрообразующим компонентом. Не случайно в названиях часто выносятся лексема «дом», определяющая хронотоп произведения («The Picture in the House», «The Shunned House», «The Strange High House in the Mist», «The Dreams in the Witch House», «The Haunted House»). Многие из топонимов (Ulthar, Sarnath, Red Hook, Dunwich, Innsmouth, Martin's Beach, Егун и др.) являются вымышленными. Они составляют мифологическое пространство Новой Англии – «идентичное натуральному» в бытовом плане, но совершенно трансформированное фантастическими допущениями.

В названиях произведений Лавкрафта встречаются и другие моменты, присущие готическому роману (tomb, vault, doom, evil, darkness, dark, night, moon, shadow, beast, witch, sorcery, wizard, Satan, death, chaos, madness). Отмечаются те же признаки хаоса: невозможность адекватной вербализации (thing, nameless, unnamable, unknown – причем всеотрицающая природа хаоса вычленяется уже на уровне аффиксов), безграничность (ocean), вытесненность вовне (outsider), древность (aeons). Подобным названием Лавкрафт старается открыть перед читателем ещё до начала знакомства с содержанием произведения ужас и страх неизвестного, неизведанного.

Таким образом, центральный для творчества Лавкрафта архетип хаоса вычленяется уже при анализе заголовков его произведений, который также показывает преемственность «Лавкрафтовских ужасов» готическому жанру. На материале одного короткого рассказа выясняется, что наиболее частотной

лексемой, выражающей семантику ужаса, выступает «horror». В отличие, например, от лексемы «fear», в значении которой содержится компонент отнесенности в будущее, «horror» подразумевает, что нечто неприятное или шокирующее уже случилось. В этом, казалось бы, небольшом различии кроется фатум Лавкрафтовской вселенной, ее тотальная обреченность: чудовища хаоса могут проснуться в любой момент, и поражение разума перед лицом безумия настолько неизбежно, как если бы это уже произошло.

Литература:

1. «Американский Ницше». Беседа с Б. Парамоновым / Радиопередача «Поверх барьеров – Американский час» Александра Гениса на «Радио Свобода». – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/media/tv-radio/americana/>
2. Рабкина, Н. В. Художественный концепт «Несвобода» в творчестве Стивена Кинга / Н. В. Рабкина // Вестник КемГУ. – 2012. – №4. – С.112–114.
3. Рабкина, Н. В. Художественный универсум Стивена Кинга: имена собственные как средство создания достоверной реальности / Н. В. Рабкина // Вестник КемГУ. 2015. – № 4–4 (64). – С. 204–208.
4. Lovecraft, H. P. Supernatural Horror in Literature / H. P. Lovecraft. – Режим доступа: <http://www.hplovecraft.com/writings/texts/essays/shil.aspx>

МНОГОЯЗЫЧИЕ «СИЛЬНЫХ» ТЕКСТОВ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОДОЛЖЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

В. А. Разумовская

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск)

MULTILINGUAISM OF STRONG LITERARY TEXTS: THE CONTINUED CONSTRUCTION OF THE TOWER OF BABEL

V. A. Razumovskaya

Summary. The article deals with the relations existing between an original and its translations. Particular attention is paid to the “strong” literary texts which are regular translation objects and generate numerous translation variants forming centers of translation attraction. The significance of literary translation in multilingualism overcoming is described through the symbolism of the Tower of Babel.

В известной работе В. Бенъямина «Задача переводчика» («Die Aufgabe des Übersetzers»), опубликованной практически сто лет назад (еще в 1923 году), в качестве предисловия к немецкому переводу стихов Ш. Бодлера отстаивается новаторская и соответственно оригинальная точка зрения на природу отношений, существующих между художественным оригиналом и переводом.

Немецкий мыслитель утверждает, что на самом деле перевод не служит читателю; перевод существует сам по себе, обеспечивая рост оригинала и продолжая его жизнь. В статье, ставшей в определенной мере программной для последующих поколений переводоведов, В. Беньямин пишет: «Вырастая в переводе, оригинал как бы поднимается в более высокую, более чистую атмосферу» [1]. Через несколько десятилетий Ж. Деррида, вслед за В. Беньямином, также отмечает очевидную особенность отношений между художественным оригиналом и переводом и рассуждает о примате копии (перевода) над оригиналом. Французский философ и теоретик литературы утверждает, что именно оригинал нуждается в переводе, он хочет быть переведенным, он «вымаливает» этот перевод. Данное мнение наиболее эксплицитно представлено в его работе «Вокруг вавилонских башен» («Des tours de Babel»): «Структура оригинала помечена требованием быть переведенным. <...> Оригинал – первый должник, первый проситель, он начинает с нехватки и вымаливания перевода» [3]. При таком подходе перевод понимается как обязательная форма и важнейший способ роста оригинала. «Жизнь оригинала каждый раз достигает в них < переводах > еще более полного расцвета» [1]. Сходное понимание перевода также представлено соответственно и у Ж. Деррида: «Перевод на самом деле будет моментом его < оригинала > собственного роста, он в нем пополнится – увеличиваясь» [3].

Зависимость оригинала от его перевода (или переводов) настолько сильна и очевидна, что исследователи приходят к выводу о деконструкции (по Ж. Деррида) бинарной оппозиции между оригиналом и переводом. Крайне важно, что у апологета деконструктивизма «Вавилонская башня» является не только общепризнанным в мировой культуре образом и популярной метафорой (даже метафорой метафоры по Ж. Деррида) неустранимой множественности языков мира, но и ярким символом незавершенности, невозможности завершения архитектурной конструкции. Понимание мирового литературного пространства, формируемого оригиналами художественных текстов и их переводами, как сложной архитектурной конструкции, приводит к необходимости определения принципов организации подобной конструкции. В отношении организации художественных текстов в пределах отдельной культуры плодотворной является идея одного из основателей культурологического направления в современном переводоведении, возникшего на основе теории полисистем и школы манипуляций – А. Лефевра. Переводовед выделил особый тип текстов, которые являются национальным и мировым культурным достоянием (cultural capital) и, что особенно важно, участвуют в формировании культурных решеток (cultural grid) [10]. В значительной степени понятие особых текстов у А. Лефевра соответствует понятию «сильных» текстов или текстов влияния, которые вступают в резонанс с читателями и рожают новые метатексты (вторичные речевые произведения разного стиля и жанра) [4]. Художественные тексты, являющиеся национальным и мировым культурным достоянием, формируют в пределах отдельных культур особые тек-

стовые решетки (textual grid), лежащие вне языковых плоскостей культур и определенным образом им предшествующие. Текстовые решетки, безусловно, является частью любой культуры, а также важным инструментом, сохраняющим и генерирующим культурные смыслы как во внутрикультурном, так и межкультурном пространствах. Обладая такими ингерентными свойствами, как искусственность, историчность, условность, изменчивость и непонятность, текстовые решетки усваиваются носителями культуры до такой степени, что в итоге воспринимаются как «естественные» [10, с. 5]. В пространстве культурной решетки «сильный» текст традиционно локализуется в узле, что обеспечивает ему сильную культурную позицию и делает его регулярным объектом художественного перевода.

Данное обстоятельство в отношении «сильного» текста литературы и соответственно, культуры, имеет своим прямым результатом возникновение центра переводной аттракции, имеющего полевою структуру и формируемого ядром-аттрактором (текстом оригинала – объектом художественного перевода) и полем переводимости (всеми существующими и потенциальными переводами оригинала) [6]. Именно центр переводной аттракции является одним из видов системного взаимодействия оригинала и его переводов, а также проявлением системной незавершенности архитектурной конструкции всего центра или какой-то его части. Гипотетически можно утверждать, что центр переводной аттракции никогда не будет создан до конца, поскольку количество переводов будет перманентно меняться за счет появления новых переводов и выхода из употребления созданных ранее вторичных текстов, которые устарели и утратили свою актуальность. Важно отметить, что при понимании перевода в широком смысле в центр переводческой аттракции могут быть включены не только собственно межъязыковые, но и внутриязыковые и межсемиотические переводы (по Р. Якобсона). Так, «сильные» тексты литературы продолжают свою жизнь в форме пародий, парафразов, пересказов, модернизированных вариантов, а также вторичных живописных, музыкальных, театральных и кинотекстов.

Предложенная организация центра переводной аттракции имеет явную оригиналоцентрическую структуру. Применяя идеи деконструкции Ж. Деррида к проблематике перевода [5] можно предположить вероятность существования и переводоцентрической структуры центра, что может быть темой отдельного исследования.

Интересно, что сам образ Вавилонской башни неоднократно становился объектом творческой интерпретации («перевода»). Так, в изобразительном искусстве сюжет о башне получил широкое распространение в христианской иконографии, фресках и мозаиках церквей, иллюстрациях к Библии (Г. Доре, Ю. Шнорр фон Карольсфельд). Многочисленные версии изображения башни представлены в творчестве художников Возрождения – Г. Хоренбоута, Я. Коллерта, М. ван Фалькенборха, Т. Рихеля, Т. Верхарта, Х. ванн Клева, Л. ван Фалькенборха, Одним из наиболее известных живописных «переводов»

дов» образа башни стала картина П. Брейгеля-Старшего «Вавилонская башня», датируемая 1563 годом и наиболее часто используемая для иллюстрации публикаций на тему строительства башни и различные смежные темы, а также монографий и учебников по переводоведению. Примечательно, что существует несколько авторских вариантов картины, имеющих различия в размере, сюжете и цветовой гамме (Большая и Малая Вавилонские башни). В художественной литературе библейский сюжет и аллюзии на образ башни представлены в текстах Т. Манна («Иосиф и его братья»), Ф. Кафки («Герб города»), А. Платонова («Котлован»). Существуют музыкальные тексты и театральные постановки, созданные на основе данного сюжета. Библейская башня стала архитектурным прототипом ряда культовых сооружений мира, которые были построены или только спроектированы (архитектурные ремейки Вавилонской башни): здание Европарламента в Страсбурге; памятник Третьему Интернационалу в Петрограде (проект В. Е. Татлина), задуманный как символ воссоединения человечества, разделенного при постройке Вавилонской башни; Дворец Советов в Москве (проект Б. М. Иофана); мировой культурный центр в Ниигате (Япония). Примечательно, что прототипом вторичных воплощений образа башни нередко является не только первоначальный оригинал, но и более поздние «переводы» библейского оригинала.

Обратимся к Вавилонской башне как универсальной метафоре мировой культуры, возникшей из рассказа о древнейшем человечестве в ветхозаветной книге Бытия (Быт. 11, 1–9). В христианской традиции Вавилонская башня прежде всего имеет символические смыслы гордыни и тщеславия (стремление достичь, подняться до небес и возвеличить свое имя) и неизбежности наказания за них. В определенном смысле, самое известное библейское инженерное сооружение может рассматриваться и как прототип современной технократии. В лингвистическом смысле легенда о Вавилонской башне (и о связанном с ней понятием Вавилонского столпотворения) символически объясняет многоязычие человечества, развитие современных языков из единого праязыка (языка строителей башни). Для лингвистов доминантным стал символизм башни, связанный со смешением языков и появлением языкового многообразия. Башня становится символом способности человека к овладению иностранными языками (хотя и по воле Бога), символом преодоления predeterminedных Богом для человечества границ. В результате развития лингвистического символизма у библейской башни появился и устойчивый переводческий символизм. Вавилонская башня стала регулярным символом переводческой деятельности, что отражено в названии переводоведческого журнала «Vabel», издаваемого Международной федерацией переводчиков (FIT) с 1954 года. Таким образом, Вавилон и Вавилонская башня стали для современных переводчиков символом профессии.

В проекции на всю многовековую историю перевода и «вечные» вопросы теории и практики перевода можно говорить о некоем переводческом парадоксе Вавилонской башни. С одной стороны, символика башни тесно связана

со смыслом лингвистического разделения и культурного разобщения мира, что является аллюзией теории моногенеза. С другой стороны, перевод, как важнейший вид межъязыковой и межкультурной деятельности, символом которой также является Вавилонская башня, способствовал преодолению языковых барьеров человечества и эффективному культурному взаимодействию и взаимовлиянию. У Ж. Деррида находим: «<...> дав свое имя, Бог тем самым воззвал к переводу» [3].

Таким образом, Вавилонская башня становится символом-оксюмороном лингвистического разъединения и переводческого сближения народов, а перевод – формой и инструментом «продолжения» строительства башни. Используя теорию текстовых и культурных решеток, выдвинутую А. Лефевром, можно говорить о существовании общей текстовой решетки мировой культуры, образуемой художественными оригиналами и переводами. В данном контексте, прежде всего, целесообразно говорить об оригиналах и переводах «сильных» текстов национальных литератур. «Сила» текста литературы, обусловленная его культурной ориентацией и высоким информационным потенциалом, лежит в основе потенциальной переводной множественности подобного текста [8; 9] и обеспечивает создание центра переводной аттракции. Центры переводной аттракции увеличивает плотность текстовой и культурной решеток. При этом перманентная изменчивость их состава определяет невозможность системной завершенности центров переводной аттракции как конструкторов текстовой решетки мировой культуры, что снова отсылает нас к символизму Вавилонской башни.

В соответствии с Международной базой данных переводов ЮНЕСКО Index Translationum, на настоящее время самым переводимым в мире автором являлась Агата Кристи (7233 записи в базе данных) [11]. Из русских авторов в топ-лист, включающий 50 авторов, вошли В. И. Ленин (7 позиция, 3592), Ф. М. Достоевский (16 позиция, 2342), Л. Н. Толстой (23 позиция, 2178) и А. П. Чехов (42,1477). Таким образом, в 2016 году самым переводимым русскоязычным писателем остается Ф. М. Достоевский. В верхней части обширного списка переводов произведений Ф. М. Достоевского наиболее рейтинговые позиции занимают переводы «Преступления и наказания».

Тексты из творческого наследия классика традиционно определяются как «сильные» тексты русской литературы и культуры и являются регулярными объектами художественного перевода. Неослабевающий интерес к творчеству Ф. М. Достоевского – основателя жанра философско-психологического романа, определяется проблематикой его произведений, обращением автора к важнейшим философским и нравственным темам, раскрывающим душевные искания человека, стремления найти ответы на моральные вопросы.

Произведения Ф. М. Достоевского стали известны за пределами России уже при жизни автора, но зарубежные читатели знакомы с текстами писателя преимущественно в форме русскоязычных оригиналов. После смерти автора жизнь оригинальных текстов выдающегося русского писателя про-

должилась в формах многочисленных переводов. «Последнее время, особенно начиная с 1921 года (столетие рождения Достоевского), величайший романист-мыслитель совершает поистине триумфальное шествие не только на западе, но и на Дальнем Востоке. Никого из иностранных авторов не переводят с такой тщательностью, никого не переиздают в таком огромном количестве, никого с таким жаром не читают и не изучают, как Достоевского» [2, с. 203]. Оригиналы романов и их межъязыковые полнотекстовые, сокращенные и фрагментарные вторичные тексты-переводы формируют многочисленные и обширные центры переводной аттракции. Историография переводов «Преступления и наказания» берет свое начало в год выхода в свет оригинала (1866 год). Одним из первых иноязычных переводов текста Достоевского стал перевод фрагмента текста романа на французский язык. В течение первого десятилетия после смерти писателя роман практически одновременно был переведен на большинство европейских языков. На настоящий момент известно более десяти немецких и английских переводов романа. Роман неоднократно переводился и на восточные языки. Интересно, что роман стал доступен китайским читателям только в 1945 году, когда был опубликован перевод отрывка романа под названием «Сказки Мармеладова». Тем не менее в настоящее время известно более двадцати китайских версий. Историография китайских переводов романа свидетельствует о том, что с начала 80-х годов XX века практически каждый год (а иногда и два раза в год) в Китае публикуется новый перевод «Преступления и наказания». Являясь «сильным» текстом русской культуры, роман неоднократно становился объектом и межсемиотического перевода [7]. Появление каждого нового перевода укрепляет позиции текста Достоевского в текстовой решетке мировой культуры, служит целям культурного сближения наций и народов многоязычного и поликультурного мира. Лингвистическое многообразие современного культурного пространства влияет на отношения оригинала и перевода, усиливая роль и культурную значимость перевода как в национальном, так и международном контекстах.

Литература:

1. Беньямин, В. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера / В. Беньямин. – Режим доступа: <http://wwh.nsys.by:8101/klinamen/fila10.html> (дата обращения: 17.05.2016).
2. Бережков, Ф. Достоевский на Западе (1916-1928). К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского / Ф. Бережков // Нева. – № 5. – 2011. – С. 203–229.
3. Деррида, Ж. Вокруг вавилонских башен / Ж. Деррида. – Режим доступа: <http://wwh.nsys.by:8101/klinamen/fila11.html> (дата обращения: 17.05.2016).

4. Кузьмина, Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Н. А. Кузьмина. – Омск: Изд. ОмГУ, 2009.

5. Новикова, Е. Г. Проблематика перевода в программе деконструкции Жака Деррида / Е. Г. Новикова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 3 (35). – 2015. – С. 179–188.

6. Разумовская, В. А. «Евгений Онегин» как центр переводческой аттракции: к вопросу о неисчерпаемости художественного оригинала / В. А. Разумовская // Congreso Internacional “Investigaciones comparadas ruso-españolas: aspectos teóricos y metodológicos”. Granada. 7–9 de septiembre de 2011. – Granada: Jizo Ediciones, 2011. – P. 584–589.

7. Разумовская, В. А. Название русского художественного текста как единица перевода // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы Международной научной конференции 29 апреля – 3 мая 2015 г. – М.: Изд. Московского университета, 2015. – С. 521–529.

8. Чайковский, Р. Р. Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов «Пантеры» Р. М. Рильке на 15 языков / Р. Р. Чайковский, Е. Л. Лысенкова. – Магадан: Кордис, 2001. – С. 179–198.

9. Шерстнева, Е. С. Переводная множественность как категория перевода: история, статус, тенденции / Е. С. Шерстнева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – № 73–1. – 2008. – С. 526–532.

10. Bassnett, S. Constructing Cultures. Essays on Literary Translation / S. Bassnett, A. Lefevere. – Clevedon: Multilingual Matters, 1998.

11. Index Translationum – Режим доступа: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx> (дата обращения: 05.06.2016).

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТОПОНИМОВ С ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА НА ЯЗЫК ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ В ПУБЛИЧНЫХ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ СЕРВИСАХ

Л. Д. Сабирова

ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет (Уфа)

TRANSLATION OF PLACE NAMES FROM THE ORIGINAL LANGUAGE INTO THE USER'S LANGUAGE IN THE PUBLIC MAP SERVICES

L. D. Sabirova

Summary. One of the problems when publishing web mapping services is a multi-language support for place names. The paper focuses on the translation of place names from the original language into the user's language in Bing Maps, Yandex.Maps, Google Maps and OpenStreetMap on the example of Kaliningrad

oblast and border territory, as well as a number of specific problems associated with automatic transliteration of place names on the maps.

Основным языком картографического изображения, помимо условных знаков, являются географические названия и пояснения. На сегодняшний день в результате оцифровки географической номенклатуры усилиями картографов и программистов собраны две электронные базы данных имён подавляющего большинства географических объектов планеты, и эти базы постоянно пополняются и корректируются.

Свободно распространяемая база данных имён географических объектов без ограничения по использованию данных *GEOnet Names Server (GNS)* содержит записи в виде текстовых строк, в которых описаны помимо всего прочего: широта/долгота географического объекта, его название в кодировке Unicode UTF-8 и классификационный признак типа объекта (реки, горы, населенные пункты и др.). GNS содержит порядка 4 миллионов объектов и приблизительно 5.5 миллионов имен. Ежемесячно обновляется в среднем по 20 000 записей базы. Поиск отдельных топонимов можно производить по координатам [2].

База GNS построена по избыточному принципу и названия, помещенные в базу, никогда не удаляются, за исключением очевидных повторений. Поэтому в базе присутствует большое количество вариантов имен объектов, которых на настоящий момент не существует [2].

Недостатком базы являются расхождения в географических координатах объектов до 2–3 км. Присутствует некоторое количество некорректных или просто неверных записей: некоторые места, описанные в базе GNS как принадлежащие одной стране, фактически располагаются в другой [2].

Еще одна свободно распространяемая географическая база данных имен объектов (топонимики) *GeoNames* на настоящий момент содержит более 260 тысяч точечных объектов по территории России и более чем 8 миллионов по всему миру. Помимо англоязычных названий, GeoNames собирает данные на разных языках, сведения о высоте, населении и т. п. из различных источников. Пользователи могут редактировать и добавлять новые названия с использованием вики-интерфейса [2].

Существующие базы данных имён географических объектов содержат автоматически переведенные с помощью транслитерации топонимы с языка оригинала на язык пользователя. Для перевода общеизвестных топонимов, таких как Москва, Россия, Азия транслитерация не подходит, но разработчики картографических сервисов широко используют транслитерацию для перевода названий улиц и малоизвестных топонимов [4, с. 461]. Это позволяет обеспечить мультязычность картографического контента – корректных наименований географических объектов (топонимов) на разных языках. Однако здесь есть особенности, которые не сразу можно обнаружить. К примеру, после официального запуска публичного картографического сервиса Bing Maps

(2009 г.) пользователи обратили внимание на неточности в переводе русских названий улиц на английский: улица Гагарина обозначалась в одних городах как Gagarina, а в других Naharina [7].

Единой согласованной базы со словарными статьями географических названий в электронном виде не существует, нет возможности сверять полученный перевод с эталонными названиями, поэтому ошибки исправляются, если пользователи указывают на них.

Задача перевода топонимов на язык пользователя на карте осложняется также тем, что ввиду исторических процессов некоторые географические объекты в двух соседних странах могут иметь совершенно разные названия, например перевод таких географических объектов как пролив Ла-Манш, Пекин, Гаага на разных языках приходится корректировать после автоматической транслитерации. Даже в одной стране у объектов могут быть два названия, как например в Татарстане: село *Высокая гора* также известно как *Биектау*.

Популярные картографические сервисы *Bing Maps*, *Яндекс.Карты*, *Google Maps*, *OpenStreetMap* и *Wikimapia* по-разному решают проблему перевода оригинальных подписей на язык пользователя.

Картографический сервис Bing Maps компании Microsoft формирует топонимы по всей карте мира на языке пользователя, допуская для частных случаев использование языка региона. [3]. Однако при детальном рассмотрении многие топонимы остаются на языке оригинала. Для примера можно рассмотреть карту Европы на границе Калининградской области и Польши, где город Гроново переведен на язык пользователя, т. е. русский, а Подлесье, Пенцишево и многие другие остались на языке страны. (рис. 1).

Рис. 1. Карта Калининградской области и приграничной территории от сервиса Bing Maps

В Яндекс.Карты и Google Maps пользователи могут видеть двойные подписи как на своем языке (главная подпись), так и на языке оригинала (подпись располагается чуть ниже) [1; 2]. На рисунке 2 показаны подписи на русском и на польском языках от Яндекс.Карты.

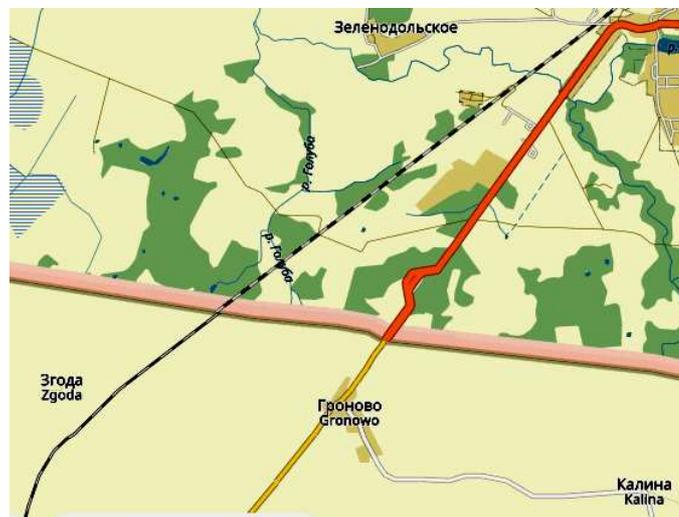

Рис. 2. Карта Калининградской области и приграничной территории от сервиса Яндекс.Карты

В отличие от вышеупомянутых сервисов подход Openstreetmap заключается в том, что пользователь видит надписи на родном языке только в границах своей страны, а подписи на территории остальных стран приводятся на языках этих стран. При создании карты используется принцип вики, когда каждый зарегистрированный пользователь может вносить изменения в карту [5]. Для сравнения тот же самый район Калининградской области описывается на русском языке, а польские населенные пункты на польском языке на карте OpenStreetMap (рис.3).

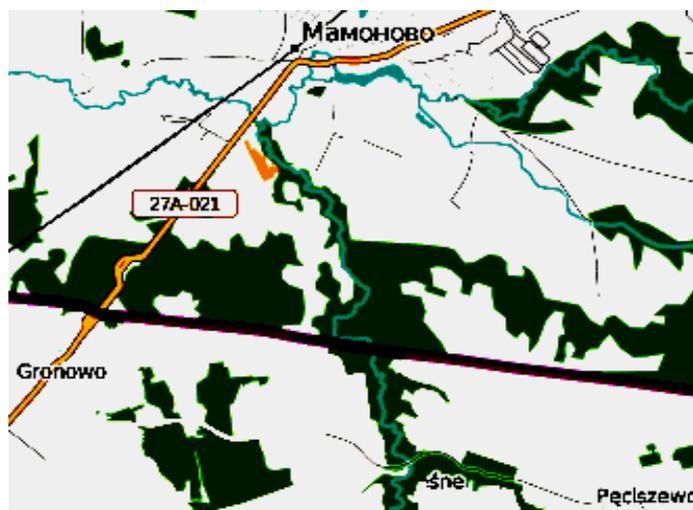

Рис. 3. Карта Калининградской области и приграничной территории от сервиса OpenStreetMap

Пользователи еще одного картографического сервиса Wikimapia вправе вносить на сайт любую информацию, которую они считают ценной согласно принципу вики. По этой причине статьи, как и в Openstreetmap, зачастую содержат субъективные мнения, личные впечатления пользователей об объектах. Такие сведения не утрачивают своей ценности и представляют отдельный интерес, позволяют точнее отображать реальное положение дел [8].

Таким образом, помимо работы над созданием адекватной, бесконфликтной географической номенклатуры, изучение существующих особенностей картографических сервисов также представляет интерес как для лингвистов, так и для разработчиков этих сервисов. Также очевидно, что больше всего претензий к точности сведений предоставляемых публичными картографическими сервисами относится к актуальности названий улиц, среди которых встречается основная масса ошибок и устаревшей информации.

Литература:

1. CNews. «Яндекс» запустил «самую подробную русскоязычную карту мира» – Режим доступа: http://www.cnews.ru/news/top/yandeks_zapustil_samuyu_podrobnuyu (дата обращения: 10.03.2016).
2. GIS-LAB. Географические информационные системы и дистанционное зондирование. – Режим доступа: <http://gis-lab.info/qa/geonames.html> (дата обращения: 24.06.2016).
3. Microsoft | Developer Network. Language Support. – Режим доступа: <https://msdn.microsoft.com/ru-ru/library/dn306047.aspx> (дата обращения: 24.06.2016).
4. Sabirova, L.D. Approaches to the Development of Multilingual Web Maps. Language and Career: сборник статей Всероссийской студенческой научно-практической конференции / колл. авт.; отв. редактор Н. Ю. Фоминых. – Севастополь: Рибэст, 2016. – 728 с.
5. Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 10.03.2016).
6. Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. – Режим доступа: <http://www.prlib.ru/news/Pages/Item.aspx?itemid=1092> (дата обращения: 24.06.2016).
7. Проекты Петербурга. Решения топонимической комиссии. – Режим доступа: <http://spb-proects.ru/forum/viewtopic.php?t=981&start=585&postdays=0&postorder=asc&highlight=&sid=05441485208cd818069e51f6cce448ad> (дата обращения: 24.06.2016).
8. ШТОСМ. Настоящая многоязычность. – Режим доступа: <http://shtosm.ru/all/nastoyaschaya-mnogoyazychnost/> (дата обращения: 24.06.2016).

ТЕКСТЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ И ПРАГМАТИКА ИХ ПЕРЕВОДА

Н. В. Сигарева

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)*

PRAGMATIC ASPECT OF TECHNICAL ADVERTISING TRANSLATION

N. V. Sigareva

Summary. The paper aims at identifying of the relevant features of the technical advertising texts concerning the pragmatic aspect of their translation . Conflicting views have been expressed by researchers concerning the problem of Technical advertising texts classification. The paper argues that the so-called field approach to the text analysis will contribute to revealing the pragmatic motivation of the original message and open the door for the readership's reception of the translation.

Не смотря на то, что реклама стала частью нашей повседневной жизни, лингвистический аспект, а также проблемы, связанные с переводом, в частности потребительской технической рекламы, представляют собой достаточно малоизученное явление.

В связи с ускорением технического прогресса, в результате которого появляются разнообразные технические новинки, возникает необходимость продвижения данных товаров на международный рынок в наиболее привлекательном виде для потенциальных потребителей, являющихся носителями различных культур. В современном глобальном пространстве успешное продвижение продукции связано с эффективностью маркетинговой коммуникации, частью которой становится адекватность перевода рекламных текстов. Современная потребительская техническая реклама развивается на основе промышленной технической рекламы, основной задачей которой, в самом широком смысле, является подробное и достоверное техническое описание изделий науки и техники. Однако современная техническая реклама перестала быть только техническим описанием. Так, заимствуя самые разнообразные средства выражения, характерные для рекламных, публицистических и художественных текстов, она представляет собой уникальное явление, характерные черты которого позволяют говорить о выделении современных текстов технической рекламы в особый тип. Исследуемые тексты целесообразно рассматривать как определенный вид маркетинговой коммуникации, поэтому изучение особенностей данного типа текста и анализ закономерностей перевода англоязычной технической рекламы на русский язык является актуальным.

Создателям современной потребительской технической рекламы важно не только дать получателю текста информацию о техническом изделии и его функциях, но и подтолкнуть его к приобретению данного изделия. В связи с этим подобные тексты отличаются высокой информативностью (техническое описание изделия), с одной стороны, и способностью останавливать и удерживать внимание реципиента (stopping power) – с другой [2, с. 25]. Последняя особенность базируется на использовании разнообразных изобразительно-выразительных средств, к числу которых в том числе относится и языковая игра (преднамеренные орфографические ошибки и другие возможные деформации текста, неологизмы, каламбуры). Таким образом, в тексте потребительской технической рекламы реализуются две основные функции: информативная и аппелятивная, а также второстепенные: эмоциональная и эстетическая, которые, в общем и целом, определяют особенности текстов технической рекламы. К ним следует отнести: информативность, логичность, объективность, номинативность, конкретность и точность, а также диалогичность, убедительность, позитивность, выразительность и образность.

На данный момент исследователи не пришли к единому мнению относительно того, к какому функциональному стилю следует относить как рекламу вообще, так и техническую рекламу в частности. По мнению М. П. Сенкевич, тексты технической рекламы относятся к научному функциональному стилю на основании следующих общих составляющих: сферы функционирования (научно-техническая среда), темы общения (новейшие технические достижения), целевой аудитории (профессионально подготовленные люди) и лексических особенностей (использование общенаучной и узкоспециальной терминологии) [6, с. 184]. Однако современный реципиент текста технической рекламы представляет собой массовую аудиторию и сфера функционирования исследуемых текстов не ограничивается научно-технической средой. Кроме того, в поле зрения данного ученого не попали такие особенности исследуемых текстов, которые, скорее, характерны для публицистического стиля (разговорная лексика, жаргонизмы и др.), чем для научного.

Так, некоторые исследователи считают рекламу разновидностью публицистического стиля на основании того, что рекламу и публицистику сближают информационная и воздействующая функции, так как коммуникативная цель подобных текстов – побуждение аудитории к действию [4, с. 68]. Тем не менее техническая реклама имеет ряд особенностей, которые не позволяют относить ее только к публицистическому стилю.

Существует также точка зрения, согласно которой рекламный стиль представляет собой отдельную функциональную разновидность языка. Например, Е. С. Кара-Мурза приводит следующие аргументы в поддержку данной точки зрения. Рекламные тексты, по мнению автора, отличаются содержательно от публицистических. Так, в публицистике обсуждается общественно значимое событие, а в коммерческой рекламе демонстрируется товар или услуга; в публицистике одинаково важны обе функции, в рекламе доминирующую

роль играет функция воздействия, поскольку главным является не сообщение информации, а побуждение к действию [3, с. 22]. Обращает на себя внимание тот факт, что способность рассматриваемых текстов технической рекламы побуждать получателя приобрести товар, зависит в основном от их содержательной, информационной составляющей, от полноты и достоверности описания инновационных преимуществ конкретного устройства. В связи с этим трактовка текстов технической рекламы, принадлежащих к так называемому функциональному рекламному стилю, не может быть достаточной для выявления особенностей данных текстов.

Наконец, ряд ученых сходятся во мнении, что реклама является многостилевым и многожанровым явлением. Такой подход позволяет исследователям объединить все многообразие рекламных текстов в гибридный функциональный стиль, причем в каждом жанре рекламы в разной степени проявляются элементы того или иного функционального стиля [1, с. 52].

Представляется, что на данный момент функционально-стилевой подход не имеет всего необходимого инструментария, чтобы описать тексты технической потребительской рекламы в предлагаемых терминах. Продуктивным, на наш взгляд, может быть полевой подход, в терминах которого целесообразно описывать разнородные явления. Составляющие элементы поля могут принадлежать к ядру, периферии или границе поля. Так, в ядре поля находятся основные признаки, специфические для данного поля, на периферии происходит ослабление, или рассредоточение основных признаков, на границе поля находятся единичные, нехарактерные для данного поля признаки. Максимальную функциональную нагрузку признаки поля имеют в центре, а у периферии происходит ее уменьшение [8, с. 79]. Все многообразие особенностей, характеризующих тексты, традиционно относящихся к тому или иному функциональному стилю, можно представить как полевую структуру, включающую в себя особенности, характерные для текстов, отличающихся по функционально-стилистической принадлежности. Подобный подход позволит рассматривать характерные черты того или иного текста в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться основные черты, а к периферии – второстепенные. Кроме того, те черты, которые вызывают некоторые трудности в вопросе принадлежности к определенному стилю, можно рассматривать как результат пересечения различных полей. Что касается текстов технической рекламы, то их уникальность можно трактовать как результат пересечения особенностей, характерных для научно-технических, публицистических, рекламных и художественных текстов. Так, в ядре находятся такие особенности текста, как информативность, точность, конкретность, логичность, объективность, номинативность и насыщенность терминологией, на периферии – диалогичность, позитивность, убедительность, употребление эмоционально-оценочной лексики, изобразительно-выразительных средств и использование средств динамического и экспрессивного синтаксиса, и, наконец, на

границе – употребление элементов разговорной речи, просторечий и жаргонизмов.

Таким образом, учитывая особенности современных текстов потребительской технической рекламы (в основе которых лежит техническое описание с целью продвижения конкретного устройства на рынке), представляется целесообразным рассматривать исследуемые тексты как особый тип текста, относящийся к маркетинговому виду коммуникации, который располагает специфическим языковым инструментарием для выполнения определенных целей и функций.

Для адекватной интерпретации и передачи прагматического потенциала текста технической рекламы переводчику необходимо вычленить характерные лингвостилистические особенности текста, оценить их воздействие на реципиента текста, а также учитывать наличие/отсутствие определенных фоновых знаний у представителей целевой аудитории. Как считает Г. В. Порческу, адекватный перевод зависит от того, насколько точно переводчику удастся спрогнозировать реакцию рядового потребителя рекламы на текст сообщения на языке перевода [5, с. 2]. Полевой подход позволяет оценить функциональную нагрузку каждой из особенностей, характерных для текстов технической рекламы, что, в свою очередь, позволит определить основную стратегию перевода и опираться на уникальность рекламного текста при решении конкретных переводческих задач.

Анализ текстов оригинала и перевода показал, что при переводе текстов технической рекламы переводчики могут, как уменьшать линейный объем текста, осуществляя реферативный перевод, так и увеличивать объем текста путем добавления информации, отсутствующей в тексте оригинала [7, с. 232]. Перечисленные выше стратегии направлены в основном на сохранение особенностей, которые относятся к ядру поля, а именно – информативность (опущение эмоциональной и эстетической информации с целью создания текста рекламы, насыщенного когнитивной информацией), а также конкретность и логичность (добавление необходимой для получателя информации для более полного понимания возможностей и особенностей технического изделия). В некоторых случаях передача только тех особенностей, которые относятся к ядру, оказывается недостаточной для привлечения потенциальных покупателей. В связи с этим в текст перевода могут вводиться дополнительные элементы (стилистические приемы и др.), которые не были использованы в тексте оригинала, тем самым для достижения необходимого прагматического эффекта, переводчик переносит центр тяжести с ядра на периферию.

Рассмотрим пример:

<p>Halogen oven RAG-240 is called universal for a reason. <i>It not only fits any container, but also makes a wide variety of dishes.</i> This product comes with a 20 recipe cookbook to help jump start your culinary imagination. This product isn't limited to the recipes in your cookbook, but can cook whatever you dream up. The convection heating technology eliminates the need for oil and grease therefore reducing the fat content of the products, <i>making it indispensable for those who want to eat healthy.</i></p> <p>Choose one of three color options which best suites your kitchen: <i>red, dark gray or beige.</i></p> <p>(http://redmond.company/uk, дата обращения: 15.10.15)</p>	<p>Аэрогриль REDMOND RAG-240 назван универсальным не просто так. <i>Он не только подходит к жаропрочной посуде совместимой с крышкой диаметром 22,5 см, но и позволяет приготовить множество разнообразных блюд в мультиварках любых брендов объемом 4, 5 и 6 литров.</i> Как минимум, те 20, рецепты которых мы включили в <i>красочно иллюстрированную книгу, идущую в комплекте.</i> Разумеется, этим ее способности не ограничиваются – придумывайте свои блюда и будьте уверены в их полезных свойствах: технология конвективного обогрева позволяет отказаться от использования масла и жира. При этом снижается жирность самих продуктов, а значит – холестерина и канцерогенов. <i>Это свойство незаметно для тех, кто стремится к идеальной фигуре и крепкому здоровью.</i></p> <p>Выберите вариант цветового решения, наиболее подходящий к интерьеру Вашей кухни или просто соответствующий Вашему характеру: <i>темпераментный красный, строгий темно-серый или сдержанный бежевый.</i></p> <p>(http://redmond.company/ru, (дата обращения: 15.10.15)</p>
---	---

В тексте оригинала дается информация о том, что описываемое устройство подходит для любой посуды (*It not only fits any container...*). Для получения необходимого прагматического эффекта, чтобы не вводить русскоязычного покупателя в заблуждение, переводчик прибегает к приему расширения: добавляется информация о том, что аэрогриль на самом деле подходит не для любой посуды, а только *к жаропрочной посуде совместимой с крышкой диаметром 22,5 см.*

Далее говорится о том, что с помощью данного устройства можно приготовить много разных блюд: *but also makes a wide variety of dishes.* В переводе появляется информация о том, что *можно приготовить множество разнообразных блюд в мультиварках любых брендов объемом 4, 5 и 6 литров.* Таким образом, если в предыдущем случае переводчик сузил смысл, но при этом текст полностью сохранил воздействующую функцию, то в данном случае сужение привело к потере части смысла. На странице оригинальной

рекламы нет информации о совместимости с мультиварками, в связи с чем можно предположить, что заказчику перевода необходимо было подчеркнуть совместимость аэрогриля с мультиварками любых брендов.

Далее при перечислении преимуществ приготовления с помощью аэрогриля автор акцентирует внимание на том, что это устройство позволяет готовить здоровую пищу: *making it indispensable for those who want to eat healthy*. Переводчик пытается убедить в том же и русскоязычного получателя текста, уточняя, что при приготовлении снижается количество *холестерина и канцерогенов*. Для устранения языковых и национально-культурных различий переводчик также добавляет, что пища будет полезна и для фигуры: *Это свойство незаменимо для тех, кто стремится к идеальной фигуре*. Данное добавление говорит о том, что переводчик стремился создать текст, который убедит реципиента, заботящегося о своем здоровье и внешнем виде, в необходимости приобретения аэрогриля.

Кроме того, получателю оригинального текста предоставляется информация о возможных цветах изделия: *red, dark gray or beige*. Как можно заметить, при переводе были добавлены эпитеты к предложенным цветам: *темпераментный красный строгий темно-серый или сдержанный бежевый*. Возможно, переводчик использовал данные эпитеты, чтобы воздействовать на эмоции реципиента.

На сегодняшний день перевод текстов технической рекламы является одним из самых востребованных и одним из самых трудных, так как требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и знаний в области рекламы, техники и маркетинговой коммуникации. Переводчику необходимо умение применять творческий подход к переводу подобного уникального типа текста для сохранения силы его прагматического воздействия и способности вызывать у потенциального потребителя ту же реакцию, что и у получателей оригинального текста.

Литература:

1. Буторина, Е. П. Евграфова С.М. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Е. П. Буторина, С. М. Евграфова. – М.: ФОРУМ, 2009. – 294с.
2. Жукова, Н. С. Проблема перевода рекламных текстов в аспекте когнитивной и прагматической лингвистик (на материале немецких и русских рекламных слоганов) / Н. с. Жукова // Язык и культура. – 2012. – № 4 (20). – 136 с. – С. 22–32.
3. Кара-Мурза, Е. С. О бедной рекламе замолвите слово / Е. С. Кара-Мурза // Журналистика и культура русской речи. – Вып. 3. – М., 1997. – С. 17–31.
4. Нелюбин, Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка: учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. / Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2007. - 128с.

5. Порческу, Г. В. Лингвистические особенности рекламных слоганов и способы их перевода [Электронный ресурс] / Г. В. Порческу. – Режим доступа: <http://www.lingvomaster.ru/files/227.pdf>

6. Сенкевич, М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. Учеб. пособие для студентов по специальности «Журналистика» / М. П. Сенкевич. – М.: Высш. школа, 1976. – 263 с.

7. Сигарева, Н. В. Тактики убеждения в научно-популярном тексте: особенности реализации и передачи с английского языка на русский / Н. В. Сигарева // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). – 015. – № XXIV. – С. 212–219.

8. Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 254 с.

О КОГНИТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

О. Г. Скидан

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

ON COGNITIVE-STYLISTIC APPROACH TO THE LITERARY TEXT ANALYSIS

O. G. Skidan

Summary. This article focuses on the theoretical background of the cognitive-stylistic approach to the literary text analysis. The specific properties exhibited by literary concept can be exposed through linguistic (stylistic) means of its manifestation and through cognitive mechanisms employed in construing this concept.

Key words: cognitive stylistics (poetics), literary concept, conceptual trope, mapping, cognitive procedure.

В современной когнитивной парадигме лингвистики происходит смещение центра внимания с изучения структуры языка на исследование языкового сознания человека, повышается интерес к анализу особенностей использования художником слова имеющих в его распоряжении средств вербализации различных концептов. Перспективными являются исследования художественных текстов, выполненные в русле новейших тенденций когнитивной поэтики, основой которой служат достижения различных направлений и школ стилистики, лингвопоэтики, а также методологический аппарат когнитивной лингвистики и теоретические основы когнитологии вообще, отражающие интерес ученых к процессам мышления человека, реализации ментальной или интеллектуальной деятельности человеческого разума. Когнитивные подходы к анализу художественного текста представлены в целом ряде работ, например: М. Фримен, Р. Цура, П. Симпсона, П. Стоквелла, Л. И. Белеховой,

О. П. Воробьёвой, Л. О. Бутаковой, Н. И. Колодиной, Е. М. Кагановской, В. Г. Никоновой, О. В. Орловой, Ж. Е. Фомичевой и многих других.

Цель анализа с позиций когнитивной поэтики (когнитивной стилистики) – раскрыть те когнитивные процессы, на основе которых происходит продуцирование, восприятие и интерпретация текста, а также объяснить, каким образом читатель достигает понимания содержания и смысла художественного текста. Когнитивная поэтика предлагает систематизированный метаязык, на котором может обсуждаться разнообразие прочтений. Она моделирует процесс, который интуитивное понимание превращает в поддающийся выражению смысл и представляет его в тех же терминах, в которых описывается и обсуждается именно такое понимание.

Используя понятия и категории когнитологии для анализа художественного дискурса, когнитивные поэтологи акцентируют внимание на лингвокогнитивных стратегиях образования и интерпретации художественных текстов, выдвигают гипотезы, которые системно объясняют соотношение между поэтическими эффектами и определенными структурными закономерностями и тенденциями, прослеживающимися в художественных текстах, изучают принципы реконструкции мировоззрения художника слова и экспликации концептуального содержания литературных произведений.

Методика поэтико-когнитивного анализа является комплексной, поскольку инкорпорирует ряд методов, например методы дескриптивного, интерпретационно-текстового, семантического, стилистического, концептуального анализа и других. Характерной чертой когнитивной поэтики является отход от традиционного взгляда на тропы как на чисто языковое явление. Особую важность приобретает изучение концептуальных тропов как способов репрезентации художественных концептов.

Когнитивный подход к стилистическому анализу художественного текста, на наш взгляд, предполагает выявление специфики воплощения художественных концептов через исследование лингвокогнитивных механизмов формирования стилистических средств, обеспечивающих актуализацию в художественном тексте исследуемых концептов. Под лингвокогнитивными механизмами мы понимаем концептуальные схемы (метафорические, метонимические или оксюморонные), которые лежат в основе образного осмысления художественных концептов, а также лингвокогнитивные операции и процедуры, задействованные в формировании стилистических средств их вербализации.

Лингвокогнитивная операция охватывает совокупность действий, направленных на формирование образных средств. Лингвокогнитивные процедуры – это ряд приемов, которые сопровождают лингвокогнитивные операции в процессе формирования тропов и фигур. Например, формирование контрастных стилистических средств сопровождается лингвокогнитивными процедурами столкновения, пересечения, наложения и отклонения [1, с. 176; 6].

В соответствии с когнитивной парадигмой художественный текст понимается как сложный знак, выражающий знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира. Именно художественный концепт характеризует авторский выбор концептуальных приоритетов и формирует индивидуально-авторскую картину мира в художественном произведении [5, с. 170]. Вводя концепт как единицу анализа художественного текста, когнитивные поэтологи получают возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть. Устойчивое значение произведения и слова перерастает при этом в подвижный, открытый, противоречивый, целостный смысл. Исследуя художественный концепт, мы получаем информацию и о культурной специфике сообщества, и о личности автора произведения.

Механизмы создания поэтических тропов и фигур всегда были в центре внимания. Однако методологический аппарат, позволивший раскрыть глубинные механизмы формирования тропеических средств, был предложен только современной когнитивной парадигмой. В когнитивной поэтике стилистические тропы и фигуры рассматриваются как текстовые образования, которые инкорпорируют три ипостаси: предконцептуальную, концептуальную и вербальную [1, с. 189].

Предконцептуальная ипостась – это смысл тропеического средства, его архетип, автоматически активируемый бессознательными когнитивными операциями [16, с. 10–13]. Когнитивное бессознательное понимается как предкатегориальная деятельность, возможность осуществления которой обусловлена наличием эмоциогенных предзнаний, связанных с эмоциональным опытом человека [1, с. 26–28; 19, с. 56–62]. Архетип является формой существования коллективного бессознательного, наполняемого содержанием в сознании через соотнесение с мифологическими образами, символами, мотивами и сюжетами [7, с. 63; 8, с. 18]. Реконструкция архетипной ипостаси подразумевает обращение к трудам культурологического, философского, психологического направлений, привлечение достижений теории архетипов, а также этимологического анализа значений слов, составляющих поэтический троп или фигуру.

Концептуальную основу поэтического тропа или фигуры представляет определенная концептуальная структура или схема (концептуальная метафора, концептуальная метонимия или концептуальный оксюморон). В концептуальной структуре поэтических тропов может наблюдаться конвергенция сразу несколько концептуальных тропов одновременно.

Вербализация или воплощение концептуальной структуры в словесной ткани художественного текста осуществляется с помощью различных лингвокогнитивных операций картирования (mapping) [14; 11; 10, с. 12–18; 12, с. 58–59; 1, с. 170–173] и лингвокогнитивных процедур, доминирование которых в формировании того или иного стилистического средства обуслови-

вает конфигурацию его концептуально-семантического пространства [11; 16; 17].

В когнитивной лингвистике картирование понимается как проецирование структур знания с одной концептосферы на другую, как аналоговое картирование признаков и свойств сущностей области источника на онтологически родственные сущности области цели [10, с. 12–18; 11]. Различные виды картирования воплощают тот или иной вид поэтического мышления. Так, в основе аналогового (атрибутивного, релятивного и ситуативного) картирования лежит аналоговое поэтическое мышление, позволяющее проецировать признаки, отношения и события одной концептосферы на другую. Субститутивное картирование понимается как замещение целого частью, одной структуры знания иной в ходе реализации ассоциативного поэтического мышления. Парадоксальное поэтическое мышление служит основой контрастивного картирования [9; 1, с. 188–190]. Нарративное картирование рассматривается как проецирование сюжета или мотива художественного произведения, исторического или обыденного события жизни на содержание поэтического образа путем их переосмысления в ходе параболического или эссеистического поэтического мышления [4, с. 77; 18, с. 289; 17; 1].

Различные виды картирования помогают выделению когнитивных ограничений, которые способствуют выявлению особенностей формирования образных средств в различных литературно-стилевых направлениях и характеристик когнитивного стиля того или иного писателя. Выявление концептуальных схем на основе аналогового картирования ведет к прототипическому прочтению текста, к пониманию авторского замысла, поскольку и автор, и читатель используют одни и те же когнитивные процессы аналогового осмысления мира и имеют общие знания о нем [12, с. 116–117; 13, с. 205–209; 15, с. 292–294, 297–300; 16, с. 555].

В процессе художественного осмысления мира, хотя художественное сознание не является чем-то противоположным обыденному, а базируется на тех же когнитивных процессах, но с другими целями – целями художественного самовыражения и эстетического воздействия [3, с. 19], базовые концептуальные метафоры могут претерпевать изменения, в основе которых лежат когнитивные механизмы поэтического переосмысления. Эти механизмы разработаны Дж. Лакоффом и М. Тернером и проиллюстрированы О. П. Воробьевой на материале рассказов В. Вульф [2; 3]. В процессе конструирования поэтически переосмысленных (так называемых окказиональных или идиотипных) метафор, формируется образно-ассоциативный слой ключевых художественных концептов, применяются приемы сужения (*restriction*), улучшения (*amelioration*), деградации (*degradation*) базовых концептуальных метафор.

Таким образом, с позиций когнитивной поэтики стилистические средства рассматриваются как текстовые конструкты, интегрирующие в себе предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси. Концептуальным фу-

ндаментом каждого поэтического тропа и фигуры является определенная концептуальная схема, а именно – концептуальная метафора, концептуальная метонимия или концептуальный оксюморон. Концептуальность тропа – это характеристика, которая предполагает его понимание как мыслительной, а не языковой операции, как способа осмысления одной сущности через призму другой.

В основе метафорического мышления лежит аналоговое осмысление картины мира, метонимического – ассоциативное, контрастивное или парадоксальное мышление является основой оксюморона. Что касается стилистических тропов, то каждый из них может иметь в своей концептуальной структуре тот или иной или даже два и более концептуальных тропа, один из которых будет доминантным.

Поэтическое мышление воплощается в стилистических средствах благодаря лингвокогнитивной операции картирования, под которой понимается концептуальное проецирование и семантическое наложение структур знаний о свойствах и признаках объектов и явлений окружающей действительности, опредметненных в номинативных единицах стилистических тропов и фигур. В зависимости от видов поэтического мышления и концептуальных тропов, которые являются когнитивной базой стилистических средств, выделяются различные виды картирования: аналоговое (атрибутивное, релятивное и ситуативное), субститутивное, контрастивное и нарративное. Картирование сопровождается различными когнитивными процедурами (например, наложение, сталкивание, пересечение, отклонение). Выявление лингвокогнитивных механизмов формирования тропов и фигур служит объяснению специфики их формирования и интерпретации.

Литература:

1. Белехова, Л. И. Образное пространство американской поэзии: лингвокогнитивный аспект: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / Л. И. Белехова. – К., 2002. – 476 с.
2. Воробьева, О. П. Художественная семантика: когнитивный сценарий / О. П. Воробьева // С любовью к языку: сб. науч. тр. посвящ. Е. С. Кубряковой. – М.; Воронеж: ИЯ РАН: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 379–384.
3. Воробьева, О. П. Вирджиния Вульф в аспекте языковой личности: когнитивный этюд / О. П. Воробьева // Языки и транснациональные проблемы: мат-лы I Междунар. науч. конф. – Т. II / отв. ред. Т. А. Фесенко. – М.; Тамбов: изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – С. 50–55.
4. Молчанова, Г. Г. Имя собственное и слияние концептов. (К основаниям когнитивной лингвистики) / Г. Г. Молчанова // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: материалы Круглого стола, апрель 2000. – М.: Институт языкознания РАН. – 2000. – С. 75–81.

5. Никонова, В. Г. Концептуальное пространство трагического в пьесах Шекспира: поэтико-когнитивный анализ: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / В. Г. Никонова. – К., 2008. – 558 с.

6. Скидан, О. Г. Контрастивные стилистические средства воплощения концепта ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ в художественных текстах У. С. Моэма: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. Г. Скидан. – Харьков, 2007. – 187 с.

7. Юнг, К.-Г. Алхимия снов. Четыре архетипа / К.-Г. Юнг. – СПб: Тимошка, 1997. – 352 с.

8. Campbell, J. The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion / J. Campbell. – N. Y.; Toronto: Harper and Row Publishers, 1988. – 286 p.

9. Gibbs, R. W. Process and products in making sense of tropes / R. W. Gibbs // Metaphor and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 252–276.

10. Grady, J. Foundation of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes: Ph.D. dissertation / J. Grady. – Berkley: University of California, 1997. – 180 p.

11. Fauconnier, J. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / J. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.

12. Freeman, M. Metaphor and metonymy as conceptual mappings / M. Freeman // 6-th International Cognitive Linguistics Conference, Sweden, 10–16 July, 1999. – Stockholm: Stockholm University Press. – 1999. – P. 58–59.

13. Johnson, M. The Body in the Mind (The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason) / M. Johnson. – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1987. – 233 p.

14. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: Chicago University Press, 1980. – 242 p.

15. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

16. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y.: Basic Books, 1999. – 624 p.

17. Turner, M. The Literary Mind: The Origin of Thought and Language / M. Turner. – N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998. – 187 p.

18. Turner, M. Conceptual integration and counterfactuals / M. Turner, J. Fauconnier // Discourse and Cognition. Bridging the Gap / Ed. by J. R. Koenig. – Stanford: CSLI Publications, 1998. – P. 285–296.

19. Tsur, R. Toward a Theory of Cognitive Poetics / R. Tsur. – Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ГИПЕРТЕКСТА ВЕБ-САЙТА ГАРВАРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С. А. Стройков

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (Самара)

STRUCTURE ANALYSIS OF HARVARD UNIVERSITY WEBSITE HYPERTEXT

S. A. Stroykov

Summary. The paper focuses on the structure analysis of Harvard University website hypertext. The author studies the macrostructure of the website from the linguosemiotic point of view. The main structural elements are information units (texts, paragraphemic elements) and hyperlinks which are considered to be the means of cohesion and coherence.

Проведенное в данной работе исследование выполнено в русле коммуникативной лингвистики и семиотики, объектом изучения которых все чаще становится электронный гипертекст, а его филологическое исследование не может не учитывать специфику современной компьютерно-опосредованной коммуникации, осуществляемой как посредством текстовой информации, так и с помощью внетекстовой графики или невербальных средств.

Целью настоящей статьи является исследование структурных характеристик гипертекста веб-сайта гарвардского университета, что позволит нам установить вербальные и невербальные структурные элементы электронного гипертекста и выявить средства реализации когезии и обеспечения когерентности.

Актуальность настоящей работы продиктована интересом современной лингвистики к изучению электронного гипертекста, а также тем, что, несмотря на уже сложившееся направление современной лингвистики – лингвoseмиотики электронного гипертекста – исследования конкретных форматов электронного гипертекста представлены все еще в небольшом количестве, а веб-сайт университета, с лингвoseмиотической точки зрения, до сих пор не получил описания.

Поскольку структура исследуемого веб-сайта представляется достаточно сложной, считаем целесообразным разделить макроструктуру и микроструктуру. В рамках данной статьи проанализируем только макроструктуру на макроуровне, в процессе описания которого мы обратимся к общим структурным характеристикам веб-сайта (его домашней странице).

Изучение макроструктуры веб-сайта Гарвардского университета, обратиться к которому каждый пользователь сети Интернет может по адресу <http://www.harvard.edu>, показало, что этот веб-сайт является достаточно современным.

Рис. 1. Меню веб-сайта Гарвардского университета

На домашней странице представлено меню сайта в верхней его части (см. рис. 1) Читателю предоставляется возможность выбрать, к какой целевой аудитории он принадлежит – Faculty (Профессорско-преподавательский состав), Staff (Служебный персонал), Students (Студенты), Alumni (Выпускники), Parents (Родители), Visitors (Посетители), Media (СМИ). Кроме этого, основное меню университета состоит из следующих разделов: О Гарварде (About Harvard), Прием и поддержка (Admissions and Aid), Школы (Schools), Территория университета (On Campus), Новости Гарвардской газеты (Gazette News), События (Events), Кампания (Harvard Campaign) и Спонсорство (Give). Данное меню позволяет читателю, например, сначала определиться, к какой читательской аудитории он относится, а затем выбрать необходимый или интересующий его пункт меню, однако в любом случае читатель сам выбирает путь чтения веб-сайта гарвардского университета.

Разделы меню – О Гарварде (About Harvard), Прием и поддержка (Admissions and Aid), Школы (Schools), Территория университета (On Campus) являются интерактивными, при наведении на них курсора мыши читателю показывается всплывающее подменю данных разделов (см. рис. 2).

Рис. 2. Всплывающее подменю

При открытии главной страницы веб-сайта <http://www.harvard.edu>, 9 его основных разделов предоставляют читателю возможность: 1) прочитать главную новость Гарвардского университета; 2) ознакомиться с основными новостями Гарвардского университета; 3) ознакомиться с основными событиями Гарвардского университета; 4) обратиться к мультимедийной инфор-

мации о Гарвардском университете; 5) ознакомиться с последними новостями Гарвардской газеты; 6) подписаться на e-mail-рассылку последних новостей Гарвардской газеты; 7) прочитать новости Гарварда; 8) обратиться к разделу сайта Social Media (Социальные медиа), где представлены последние сообщения Твиттера; 9) обратиться к футеру веб-сайта, который содержит карту сайта, основные контакты, нормативные документы и кнопки социальных сетей.

Таким образом, макроструктура изучаемого веб-сайта представляет собой информационную единицу электронного гипертекста, элементы которой представляют собой текстовые фрагменты, параграфемные элементы (изображения, аудио- и видеофайлы) и гипертекстовые ссылки.

Мы также исследовали 16 страниц веб-сайта Гарвардского университета, отобранных с помощью интерактивных пунктов меню:

<http://www.harvard.edu/about-harvard/harvard-glance>,
<http://www.harvard.edu/PRESIDENT>,
<http://www.harvard.edu/about-harvard/harvards-president-leadership>,
<http://www.harvard.edu/about-harvard/academic-experience>,
<http://www.harvard.edu/about-harvard/administrative-offices>,
<http://www.harvard.edu/about-harvard/directories>,
<http://www.harvard.edu/admissions-aid#titletop>,
<http://www.harvard.edu/admissions-aid#grad>,
<http://www.harvard.edu/admissions-aid#continue>,
<http://www.harvard.edu/admissions-aid#summer>,
<http://www.harvard.edu/on-campus/arts>,
<http://www.harvard.edu/on-campus/commencement>,
<http://www.harvard.edu/events>,
<http://www.harvard.edu/on-campus/museums>,
<http://www.harvard.edu/on-campus/research>,
<http://www.harvard.edu/on-campus/visit-harvard>.

Исследование домашней страницы и 16 страниц веб-сайта Гарвардского университета, таким образом, показало, что в качестве структурных элементов гипертекста в нашем материале исследования можно выделить: 1) отдельную информационную единицу и 2) средство, делающее возможным переход от одной единицы к другой. К отдельным информационным единицам мы отнесли: 1) отдельные текстовые фрагменты (или линейные тексты), 2) медиафайлы (аудио-файлы и информационные единицы креолизованного характера (изображения)), а в качестве средств, делающих возможным переход от одной единицы к другой служат: 1) внутренние и 2) внешние гипертекстовые ссылки.

В материале исследования гипертекстовые ссылки служат основным средством когезии и средством обеспечения когерентности. Когезия, по

И. Р. Гальперину, представляет собой особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность, темпоральную и/или пространственную взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр. [2, с. 74]. Под когерентностью О. И. Москальская понимает цельность текста, которая заключается в логико-семантической, грамматической (прежде всего синтаксической) и стилистической соотнесенности и взаимозависимости составляющих его предложений. Когерентность текста, по мнению ученого, представляет собой результат взаимодействия логико-семантического, синтаксического и стилистического видов когезии [3, с. 46].

Веб-сайт Гарвардского университета предполагает однонаправленное получение или предоставление информации. Возможность двустороннего обмена информацией обеспечивается форматами интерактивного общения (посредством электронной почты, социальных сетей и т. п.), к которым можно перейти при помощи соответствующих гиперссылок, содержащихся на веб-сайте Гарвардского университета, то есть исследуемый веб-сайт осложнен внешними ссылками, обеспечивающими переход к иным форматам, созданным этим же или другим продуцентом. Это является инкорпорированием форматов.

Анализ отобранных страниц веб-сайта Гарвардского университета позволил нам констатировать, что страницы представляют собой информационные единицы с гипертекстовыми ссылками и элементами креолизации. Так, например страница *Visit Harvard* [<http://www.harvard.edu/on-campus/visit-harvard>], содержит 58 внутренних гипертекстовых ссылок, 42 внешних гипертекстовых ссылок и 3 элемента креолизации, а именно – 2 фотографии и интерактивную карту.

Для подсчета ссылок и деления их на внутренние и внешние мы воспользовались сервисом *Link Extractor* на сайте сайта <http://pr-cy.ru> [http://pr-cy.ru/link_extractor]. Результаты анализа количества внутренних и внешних гипертекстовых ссылок, содержащихся в отобранных нами 16 статьях, представлены таблице.

Анализ приведенной таблицы позволяет нам сделать вывод, что среднее количество внутренних гипертекстовых ссылок страниц веб-сайта Гарвардского университета – 56, среднее количество внешних гипертекстовых ссылок – 77.

В пределах одной гипертекстовой ссылки мы выделяем ее источник (текстовый или графический), через активацию которого вызывается новая информационная единица, и объект ссылки – новая информационная единица, которая предлагается читателю после активации источника.

Количество внутренних и внешних гипертекстовых ссылок

№	Адрес страницы	Количество внутренних гипертекстовых ссылок	Количество внешних гипертекстовых ссылок
1	http://www.harvard.edu/about-harvard/harvard-glance	71	67
2	http://www.harvard.edu/PRESIDENT	63	41
3	http://www.harvard.edu/about-harvard/harvards-president-leadership	64	59
4	http://www.harvard.edu/about-harvard/academic-experience	81	196
5	http://www.harvard.edu/about-harvard/administrative-offices	59	71
6	http://www.harvard.edu/about-harvard/directories	59	58
7	http://www.harvard.edu/admissions-aid#titletop	48	79
8	http://www.harvard.edu/admissions-aid#grad	48	79
9	http://www.harvard.edu/admissions-aid#continue	48	79
10	http://www.harvard.edu/admissions-aid#summer	48	79
11	http://www.harvard.edu/on-campus/arts	50	64
12	http://www.harvard.edu/on-campus/commencement	60	44
13	http://www.harvard.edu/events	43	154
14	http://www.harvard.edu/on-campus/museums	50	63
15	http://www.harvard.edu/on-campus/research	51	65
16	http://www.harvard.edu/on-campus/visit-harvard	58	42

Подводя итог изучению структуры гипертекста веб-сайта Гарвардского университета, можно сделать вывод, что его макроструктура представляет собой информационную единицу электронного гипертекста, элементы которой являются текстовыми фрагментами, параграфическими элементами (изо-

бражения, аудио- и видеофайлы) и гипертекстовыми ссылками, состоит из меню и 9 основных разделов: 1) главная новость Гарвардского университета; 2) основные новости Гарвардского университета; 3) основные события Гарвардского университета; 4) мультимедийная информация о Гарвардском университете; 5) последние новости Гарвардской газеты; 6) возможность подписаться на e-mail-рассылку последних новостей Гарвардской газеты; 7) новости Гарварда; 8) раздел сайта Social Media (Социальные медиа); 9) футер веб-сайта. Различные виды информационных единиц позволяют читателю получать разностороннюю и исчерпывающую информацию о Гарвардском университете. Информационные единицы связываются между собой внешними и внутренними гипертекстовыми ссылками, которые служат основным средством когезии и средством обеспечения когерентности. Анализ ссылок с помощью сервиса Link Extractor на сайте <http://pr-cy.ru> [http://pr-cy.ru/link_extractor] позволил установить, что среднее количество внутренних гипертекстовых ссылок страниц веб-сайта Гарвардского университета – 56, среднее количество внешних гипертекстовых ссылок – 77.

Литература:

1. Веб-сайт Гарвардского университета – Режим доступа: <http://www.harvard.edu> (дата обращения: 20.04.2016).
2. Гальперин, И.Р. . Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
3. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
4. Сервис Link Extractor. – Режим доступа: http://pr-cy.ru/link_extractor (дата обращения: 20.04.2016).
5. Стройков, С. А. Лингвопрагматические характеристики англоязычного электронного лексикографического гипертекста (на материале словаря-энциклопедии «The Free Dictionary»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / С. А. Стройков. – Самара, 2008. – 23 с.
6. Стройков, С. А. Анализ элементов параграфемии англоязычного электронного гипертекста [Текст] / С. А.Стройков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3. – С. 187–192.

ТЕКСТ, КОНТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТ

РЕМЕЙК КАК ИНТЕРТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ РЕПРОДУКЦИИ И ТВОРЧЕСТВА СМЫСЛОВ

М. Р. Арпентьева

ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет» (Калуга)

Аннотация. Статья посвящена феномену ремейка. Современный ремейк – это интертекст, для которого часто типичны попытки воссоздания целостности и единства мира путем объединения смыслов разных, противоречащих и дополняющих друг друга текстов.

Ключевые слова: ремейк, интертекст, осмеяние, восстановление.

REMAKE AS INTER-TEXT: THE REPRODUCTION AND PRODUCTION OF MEANS PROBLEMS

M. R. Arpentieva

Summary. The article discusses the phenomenon of the remake. The paper focuses on the conception of the remake as a constructive and reconstructive, productive and reproductive phenomenon. . A modern remake is an intertext, this intertext recreates integrity and harmony between different text and world patch.

Keywords: remake, intertextuality, mocking, reconstruction.

Введение. Ремейк (remake – «переделка») определяется как «артистико-дизайнерский и коммерческий термин, означающий выпуск новых версий уже существующих произведений искусства с видоизменением или добавлением в них собственных характеристик». Ремейк не столько цитирует источник, сколько, по своей первичной функции, наполняет его новым, более актуальным в данной социально-политической и культурно-исторической среде, содержанием, «с большой оглядкой» на образец [3; 4; 5; 10; 11; 19; 20; 21; 22].

Анализ изучения творческой и репродуктивной функции ремейков. Одна из функций ремейка – пересмотр устоявшегося понимания человеком себя и мира, ремейк должен служить не только функции воспроизводства, но и функциям творчества, развития, выделяя, а подчас шаржированно, на грани сатиры, изображая наиболее неприглядные, часто умалчиваемые стороны действительности, призывая к нравственности и духовности, образованности и совершенствованию, красоте и гармонии. Одновременно ремейк должен утверждать вневременные, общечеловеческие ценности, помогая трансформировать привычную картину мира, превращая ее из реальности трагичной и непонятной, тупиковой и оторванной от корневых смыслов бытия, в понятную и жизнеутверждающую, раскрывающую перспективы и «истоки» бытия. Согласно теории интертекстуальности, любой текст содержит какие-либо

упоминания других текстов в виде цитат или аллюзий. В таком жанре, как литературный или театральный ремейк, они играют особую роль, поскольку сатира и ее компонент – пародия – строятся на основе воспроизводимого, в том числе пародируемого и критикуемого текста, использует его материал, сочетает его дословные и видоизменённые фрагменты. Вместе с тем ремейк – это попытка сделать «чужое» своим, процитировать «чужое» в «своем». В «чужом» для нее и «своем» для автора ремейка тексте цитата семантически видоизменяется, подвергаясь воздействию внутритекстовых отношений «чужого» текста: помимо инвариантного смысла, закреплённого в коллективном сознании, цитата претерпевает известную трансформацию смысла [1]. Встречаются ремейки, которые цитируют не один, а некоторое множество источников, что превращает ремейк в текст полиреферентного характера. При этом «Многие исследователи отмечают, что довольно сложно дифференцировать аллюзию и цитату. ... Аллюзию иногда определяют как усечённую цитату или цитату без графического маркирования». Поскольку в сатире часто вообще отсутствует графическое маркирование «чужих» слов, граница между цитатой и аллюзией становится нечеткой, размывается, само «чужое» слово видоизменено, деформировано [8; 9, с. 112–113]. Аллюзия служит «мостом» между двумя произведениями или типами произведений, двумя мирами и эпохами [9, с. 114]. При интерпретации ремейка, необходимо учитывать культурные аллюзии, имплицитно присутствующие в тексте, которые являются не столько специфическими для сравниваемых текстов, сколько давно и всем известными, общими для всех членов данного культурного сообщества. Однако понимание аллюзий даже у представителей одного социума может быть разным в зависимости от эпохи или уровня образованности: большую роль играет культурная компетенция читателя, универсальные и индивидуальные знания и умения в сфере литературно-художественного творчества, эрудиция и творческий потенциал [9, с. 112, 115]. Потому понимание текста, написанного в другой культуре, другой стране или эпохе – часто трудоёмкий процесс: чужие культурные аллюзии – включающие «третьи» лица и тексты – могут быть неизвестны читателю, а если неизвестно, что обсуждается, при этом сатира не достигает цели. Текст ремейка обязательно содержит в себе в трансформированном виде более или менее полно сохранённый первоначальный текст. При этом ремейк часто использует средства и формы других текстов, самые популярные из которых – тексты мифов и сказок, классическая литература и иные «бестселлеры», пословицы и песни, известные широкому или, напротив, узкому кругу лиц, рекламный и профессиональный сленг и дискурс. Автор любого текста, а ремейка в первую очередь, взаимодействует посредством творимого им текста с другими текстами и их авторами. Чем отдалённее культурное пространство языка прототекста от культурного пространства языка ремейка, тем труднее понимание смысла: именно поэтому современники постмодерна – молодежь – часто не видят многих функций и смыслов ремейков модерна и

ремейков людей «модерна» или «домодерна» [9; 16; 23]. «Даже внутри одного и того же культурного социума можно наблюдать, как наличие универсальных культурных аллюзий, которые понятны каждому представителю сообщества, так и аллюзий, понятных только определённой ограниченной группе людей данного сообщества», – пишет Г. И. Лушникова [8; 9]. Ведущими чертами ремейка является аналогия и контраст, поскольку ремейк повторяет «прототекст» так, чтобы он был узнан, и в то же время изменяет его, в том числе нарочито коверкает, чтобы подвергнуть осмеянию и развенчанию часть его смыслов и, напротив, выделить и подчеркнуть значимость другой части смыслов. Современный ремейк, однако, развенчивает не протекст, а вторичный текст: возникает «чернуха» «бесмыслица», «кич», – имена развенчанных «вторичных текстов» масскульт-постмодерна. В дословных цитатах и эксплицитных аллюзиях обычно осуществляется принцип аналогии, а в видоизменённых цитатах и имплицитных аллюзиях чаще всего создатели ремейков прибегают к принципу контраста. Таким образом, для адекватного понимания ремейка необходимо знание не только прототекста, но и культурных аллюзий, которые присутствуют в пародируемом и критикуемом тексте. Ремейк проактивно и активно участвует в изменении, трансформации суждений, сложившихся представлений о фактах и ценностях реальности прошлых поколений, а также к переосмыслению концептов и нормативов, существующих в той или иной культурно-исторической и политико-экономической общности [8]. Так, говоря о пародии как ремейке, В. Янкелевич, указывая на ироничный характер пародии, например, отмечал, что «пародия проходит вместе с заблуждением часть пути, чтобы мало-помалу направлять его, отводить в сторону, изменять курс его движения, преследуя все время при этом собственные цели» [23, с. 73]. В ремейке возникает или не возникает «эстетическое отношение к действительности» [1], в котором накладываются межтекстовые и интертекстовые связи: если оно возникает, возникает творческий ремейк, если не возникает – ремейк-репродукция или, более того, ремейк-обесмысливание, которыми полны современные произведения литературы, театра и кино.

Ю. Кристева называет «интертекстуальностью» такую текстуальную интеракцию, которая происходит внутри каждого самостоятельного текста, которая создает «второй» и последующие планы текста – «прецедентного текста» [25]. При этом, как отмечает Р. Барт, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, ... структур... – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [24, р.78]. В ремейке другие тексты не просто присутствуют, а являются обязательным элементом, ради высмеивания и критики которых она и создаётся. В сатирическом ремейке всегда

представлен новый взгляд на старые тексты, поскольку старые тексты критикуются, высмеиваются, «низводятся с пьедестала». Г. Г. Слышкин утверждает, что прецедентные тексты – это пародлируемые и критикуемые тексты, т. е. сам факт выбора того или иного объекта для пародирования и осмеяния уже возводит этот объект в статус прецедентного текста: «Пародирование, взятое в контексте карнавальной культуры, может служить своего рода индикатором, «лакмусом» прецедентности» [16, с. 51, 53; 54]. При этом направленное на преодоление лоскутности и аномичности, репродуктивности постмодерна «карнавальное сознание характеризуется стремлением к фамильяризации, снижению, приземлению всего, что воспринимается как значимое и серьёзное во вне карнавальной жизни, всех официальных ценностей и фетишей. Чем большую роль играет тот или иной текст в повседневном (то есть не карнавальном) дискурсе, чем более он важен (а иногда сакрален), тем сильнее будет компенсаторное стремление» сделать его объектом сатирического ремейка, чтобы подвергнуть карнавальному осмеянию особенно в наиболее актуальных для современной жизненной идеологии моментах, т. е. в том, что называют «аспектами прецедентности». Ценность ремейка в том, что он, требуя дополнительных усилий, направленных на поиск интертекстуальных связей, реминисценций, угадывание воспроизводимого и трансформируемого объекта или отношения, узнавание произведений и их авторов, расширяет эрудицию и нравственное понимание себя и мира, воспитывает и образует читателя и тем самым может доставить интеллектуальное, эстетическое и духовное страдание и удовольствие. При этом для максимально адекватного декодирования ремейка необходимо быть знакомым с первичным текстом и описываемым им объектом, его культурно-историческим фоном, а также с культурно-историческим фоном самого ремейка, а значит, выходить за пределы, трансцендентировать «лоскутность» постмодерна.

Современный ремейк постмодерна неминуемо фокусируется на центральных «болевых точках» эпохи: ее вторичности и симулятивности, аномичности и консюмеризме, стремлении к комфорту ценой развития, имитациям творчества ради саморекламы, деньгам и «шоу-бизнесу» массовой культуры ради, вместо самореализации путем самопожертвования и самотрансценденции (превосхождения самого себя) в искусстве. Ремейк повторяет, воспроизводит сюжетные ходы оригинала, типы характеров, однако пытается осмыслить их в изменившихся культурно-исторических, социально-политических условиях [6; 7; 12; 13; 14; 15]. При этом режиссёры ремейков перерабатывают оригинальный текст иногда полностью, но иногда лишь «обновляют» его, продуцируя версии, практически полностью повторяющие оригинал. При этом ремейки, произведения вторичные в западной культуре, на русской почве приобретают самостоятельную ценность «... Русские переделки – это и не переделки даже, а новые произведения, наследующие на втором плане текста социально-философские проблемы, а не только пери-

петии сюжета» [18, с. 319]. Исходя из этого, выделяют понятия п-ремейка и псевдоремейка. К последнему автор относит произведения, которые могут быть прочитаны без знания пре-текста. П-ремейк, а именно – постмодернистский ремейк, в основе которого лежит игровой подход к оригиналу, – «текст, повторяющий общую сюжетную схему первоисточника, постоянно отсылающий к первоисточнику, постоянно цитирующий первоисточник, прямо или травестийно». Таким образом, «ремейк есть цитата, но цитата переосмысленная» [20, с. 208]. В результате подобного переосмысления, создания ремейка как вторичного текста, традиционное, классическое произведение является оригинальным текстом, в котором «постмодернистская игра» с классической основой позволяет подчеркнуть вневременное звучание» традиционной проблематики, по-новому взглянуть на хрестоматийные темы, типа тем «маленького человека», «отцы и дети», «несчастливая любовь», «предательство» и т. д., «и тем самым актуализировать значение вечных, непреходящих вопросов» классических текстов [18, с. 319]. Однако далеко не всякий ремейк является «постмодернистским»: в большинстве современных «переделок» есть определенная нравственная основа, иерархия ценностей: обыгрывание «хрестоматийных» сюжетов предпринимается в большей мере для актуализации классики нежели «самовыражения», «выражение нового» и тем более пародии. Более того, классическое наследие часто выбирается в качестве критерия или «индикатора современности». «По своей природе ремейк напрямую связан с такими понятиями, как интертекстуальность... и представляет собой разноуровневые формы деконструкции, как правило, широко известного, ставшего хрестоматийным претекста, отсылка к которому четко атрибутирована» [21, с. 142]. Т. Ратабыльская и Е. Таразевич выделили тексты, в которых сюжет строится на реинтерпретации ведущего мотива первоисточника – «ремейк-мотив»; тексты, продолжающие сюжетную канву оригинала, представляющие собой ремейк-сиквел; деконструкцию претекста с целью пародии и переосмысления – ремейк-стеб; ремейк, предпринимаящий смену жанровой принадлежности, перевод оригинального текста в категории другого вида искусства – ремейк-репродукция; объединение нескольких классических сюжетов в рамках «переделки» – ремейк-контаминация. Ремейком можно назвать «художественный прием деконструкции известных классических сюжетов художественных произведений, в которых авторы по-новому воссоздают, переосмысливают, развивают или обыгрывают их на уровне жанра, сюжета, идеи, проблематики, героев» [13; 18, с. 320]. Во многом это понятие, как отмечает А. Самарин, близко понятию пастиша, которым называли сочинение, написанное в подражание и не имеющее пародийного оттенка вместе с тем ремейк может быть и пародийным [6, стлб. 724; 4]. «Постмодернистская игра с жанрово-стилевыми стереотипами и чужим словом вызвала к жизни прием сюжетно-образной перелицовки, при котором образы известного произведения или переносятся в со- временный

быт, или остаются в условном историческом времени, но окружаются отличающимися анахронизмом деталями» [15, стб.1081].

У. Эко также рассматривал соотношение понятий «инновация и повторение», он полагал вторичность имманентной характеристикой постмодернизма, предложив своеобразную типологию повторений, включающую ремейк, ретейк, интертекстуальность, серию и сагу, в целом легализовав ремейк в системе представлений постмодернизма. У. Эко рассматривает ремейк как сложный баланс повторения и новизны, противореча обвинением авторов «переделок» в плагиате, недостатке творческих способностей и неумении придумать оригинальный сюжет и др. Он не акцентирует внимание на деконструкции и редукции, использовании ремейка только в стремлении развлечь и привлечь, которые типичны для массовой культуры: ремейк рассматривается как универсальное явление, а не только фрагмент культуры [22]. П. Павис вообще считает, что дать четкую жанровую классификацию современной художественной литературе, драматургии и иным видам искусства затруднительно: причина – повышенная жанровая динамичность, жанровая синтетичность первичных и вторичных текстов, а также стремление авторов обновить «каноны», интенсивные и многонаправленные новаторские поиски [12].

Нерешенные проблемы исследований ремейка. Современное искусство, полагают ученые, находится в процессе активного жанрового творчества. Исследования больших и все увеличивающихся массивов текстов и иных результатов творчества побуждают выделить не столько формы и типы, сколько «доминантные стратегии» этого процесса – как жанрообразования»: циклизация и дециклизация, фрагментация и внешняя случайность конструирования целого при утонченном эстетическом единстве; монодрама как уже устоявшаяся жанрологическая стратегия; фрагментарный игровой диалог текстов; интерпретация текстов, созданных на основе разных родо-видовых законов; глобализация ремарок; беллетризация. Ремейк здесь выступает как результат применения этих стратегий: стремления современных авторов к актуализации классики, к деконструкции, адаптации, переделке образцов [14, с. 336–337]. Поэтому в определениях ремейка он рассматривается и как жанр, и как форма или стратегия: общая позиция пока не сложилась, поскольку не сложились критерии оценки произведений – «переделок» [3; 4; 7; 10; 11]. Ведущим критерием, на наш взгляд, является творческая и репродуктивная природа ремейка. Современный ремейк в массе своей ремейк-симулякр, лишенный творческой трансценденции, диалогичности и эстетической гармонии. Рассматривая ремейк как квазитворческий процесс, отметим, что 1) ремейк не создает новое, но создает «обновленную версию» пусть и великого, но субъективно – старого (иначе не было бы смысла в его ремейках); 2) ремейк предполагает процесс «вложения» себя и тиражирования себя на сцене, созданной другими; 3) ремейк в своей базовой ориентации не есть служение другим, но чаще всего – лишь попытка рассказать этим другим о себе, то есть, по сути, – служение себе. Крайний случай репродуктивного ремейка –

«селфи». Эстетическое постижение «другости» перекрыто фиксацией «экспонатов»: текст превращается в своеобразный «музей», коллекционирующий под видом множества одно и то же – одно «я» [17]. При этом возникает еще один интересный феномен: симуляция творчества [2, с. 282]. Ремейк может быть одной из форм творческих функций человека, а может быть почти китчевой, лишенной смысла репродукцией.

Литература:

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва.: Художественная литература, 1972. – 175 с. – С. 281.
2. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 282.
3. Бондарева, О. Є. Міф і драма у новітньому літературному контексті: поновлення структурного зв'язку через жанрове моделювання / О. Є. Бондарева. – К.: Четверта хвиля, 2006. – 512 с.
4. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
5. Гаврюшина, О. Н. Методы концептуальных исследований / О. Н. Гаврюшина, М. Р. Акимова, Л. Н. Фомина // Этнопсихоллингвистика. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 164 с. – С. 101–120.
6. Ильин, И. П. Пастиш / И. П. Ильин // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001. – Стлб. 724–725.
7. Ковалів, Ю. І. Переробка / Ю.І . Ковалів // Літературознавча енциклопедія: у 2 т. – Т. 2. – Київ: Академія, 2007. – С. 201.
8. Лушникова, Г. И. Специфика интертекстуальных отношений в литературной пародии / Г. И. Лушникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №26. – С. 86–91.
9. Лушникова, Г. И. Специфика аллюзий и цитат в литературной пародии / Г. И. Лушникова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 3 (7). – С. 110–115.
10. Михина, Е. В. Интертекстуальные элементы в медиатексте / Е. В. Михина // Медиатекст как целевой элемент журналистского образования в условиях конвергенции СМИ / под ред. Л. П. Шестеркиной. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2013. – 198 с. – С. 23–39.
11. Нефагина, Г. Русская проза конца XX века / Г. Нефагина. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 527 с. – С. 282.
12. Павис, П. Словарь театра / П. Павис. – М.: Гитис, 2003. – 516 с.
13. Ратабыльская, Т. Герменеўтыка і сучасная драматургія / Т. Ратабыльская // Спыніся, імгненне. Стар. тэатр. жыцця Беларусі 1990-х г.. – Мінск: Каўчэг, 2000. – С. 193.

14. Самарин, А. Проблемы изучения ремейка в современной русской драматургии / А. Самарин // Русская литература. Исследования. Зб. наук. праць. – Вип. XIII. – К.: Вид-во КНУ, 2009. – С. 329–340.

15. Семенов, В. Г. Травестия / В. Г. Семенов // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001. – Стлб. 1079–1081.

16. Слышкин, Г. Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 140 с. – С. 51, 53, 54.

17. Стрельникова, Л. Цифровое слабоумие / Л. Стрельникова // Химия и жизнь. – XXI век. – 2014. – № 12. – С. 42–47.

18. Таразевич, Е. Г. Ремейк в современной русской драматургии / Е. Г. Таразевич // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: сб. ст. по материалам Международной научной-практической конференции / Е. Г. Таразевич. – Пермь: Перм. гос. педагог. ун-т, 2005. – Ч. 1. – С. 318–321.

19. Таразевич, Е. Г. Интертекстуальность как текстообразующий фактор в русской и белорусской драматургии конца XX – начала XXI веков: автореф. дис. канд. филол. наук / Е. Г. Таразевич. – Минск: ИЯЛ им. Я. Коласа и Я. Купалы НАН Беларуси, 2010. – 25 с.

20. Урицкий, А. Дубль второй / А. Урицкий // Дружба народов. – 2002. – № 3. – С. 208.

21. Шлейникова, Е. Е. Ремейк // Е.Е. Шлейникова / Новый филологический вестник. – 2011. – № 2. – С.139–143.

22. Эко, У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна / У. Эко // Философия эпохи постмодерна. – Сб. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 48–73.

23. Янкелевич, В. Ирония. Прощение / Послесл. В. В. Большакова; В. Янкелевич. – М: Республика, 2004. – 335 с. – С. 73.

24. Barthes, R. Texte / R. Barthes // Encyclopaedia universalis. – Paris: Encyclopaedia Universalis France S. A. , 1973. – Vol. 15. – P. 78.

25. Kristeva, J. La revolution du langage poetique: l'avant-garde a la fin du XIX-e siècle / J. Kristeva. – P.: Seuil, 1974. – P. 443.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВНОГО ТЕКСТА

В. А. Байко

*ФБАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

INTERTEXTUALITY IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY BRITISH CRIME TEXTS

V. A. Baiko

Summary. The article deals with the problem of intertextuality as a text category. It demonstrates the specificity of intertextuality manifestations in contemporary British crime fictions. Main attention is given to examination of types and functions of allusion and to description its functionality in the text.

В данной статье предлагается рассмотреть интертекстуальность как текстовую категорию и специфику её проявления в современном британском детективном тексте.

В настоящее время в лингвистике текста нет единого мнения в понимании феномена интертекстуальности. Авторы различных концепций изначально вкладывают в это понятие разный смысл, исходя из своих идейных и методологических представлений. Так, в широком понимании интертекстуальность – это семантическое пространство взаимодействия бесконечного множества текстов. В узком прагматическом значении интертекстуальность выступает, как авторская стратегия межтекстовых взаимодействий.

В рамках теории деятельного подхода известна концепция Р. - А. де Богранда и В. Дресслера о семи критериях текстуальности: когезия, когерентность, интенциональность, воспринимаемость, информативность, ситуативность и интертекстуальность [7]. В данной концепции интертекстуальность выступает, как текстовая категория, так как выражает особое качество текста, в плане его взаимодействия с другими текстами.

В. Е. Чернявская, развивая эту тему, утверждает, что: «в соответствии с текстолингвистическим пониманием интертекстуальность выступает как текстовая категория и как особое качество определенных текстов, взаимодействующих в плане содержания и выражения с иными текстовыми целыми или их фрагментами» [8, с. 185].

Иной взгляд на природу интертекста предлагает Н. А. Фатеева. В ее диалогической модели интертекстуальности выделяются две позиции: читательская и авторская. По мнению Н. А. Фатеевой, читательская интертекстуальность – «это установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами» [6, с 12]. Авторская же интертекстуальность представлена более узким полем значений, не выходящим за границы

авторского текста, «когда непонимание разрешается за счет установления многомерных связей, порождаемых определенной циркуляцией интертекстуальных элементов внутри одного и того же текста» [6, с. 12].

Также можно говорить и о типах взаимодействия разных текстов в рамках одного произведения. Е. Ю. Муратова указывает на прямую зависимость характера межтекстовых связей с контекстной глубиной произведения: «реализация интертекстуальных смыслов очень разнообразна – от преемственности до конфронтации. Новый текст, диалогически реагирующий на предтекст, может задавать ему любую смысловую перспективу: дополнять, избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать и даже разрушать первичную смысловую систему» [3, с. 51].

Говоря о многообразии взглядов на феномен интертекстуальности, И. В. Арнольд подводит своеобразный итог: «Интертекстуальность отражает непрерывный процесс взаимодействия текстов и мировоззрений в общей цепи мировой культуры» [1, с. 392].

Таким образом, можно сделать вывод, что интертекстуальность – это видовое множество взаимопроникновений одного текста в другой, для расширения смыслового пространства.

Детективный текст – это всегда ситуация непосредственного общения автора и конкретного читателя на уровне соучастия в поиске разгадки преступления. Лингвостилистические средства и все структурные компоненты текста направлены на достижение главной цели – на актуализацию интриги расследования.

Е. А. Варлакова обращает внимание на заложенной в самой природе детективной интриги морально-оценочной функции: «Детективный сюжет основывается на конфликте «добра» и «зла», а его инвариантная схема реализуется в инвариантной системе персонажей «сыщик» – «преступник» – («жертва») и включает инвариантные сюжетные компоненты «преступление», «расследование» и «разгадку». Наличие интеллектуальной загадки отличает детектив от иных жанров приключенческой литературы» [2, с. 9].

Материалом практического исследования послужили тексты современных британских детективных романов С. Бута и П. Робинсона. В результате проведенного анализа, можно выделить аллюзию, как наиболее употребимый вид интертекстуальных включений. Под аллюзией нами вслед за К. Р. Новожиловой, понимается «риторическая фигура, которая отсылает к предметной ситуации других текстов. Аллюзия выражается скрытой, анонимной цитатой и содержит в себе намек на литературный или общекультурный факт, входящий в тезаурус и автора, и читателя» [4, с. 84].

Наиболее частотными предтекстами для интертекстуальных включений в исследуемых текстах являются:

1. ссылки на исторические факты

«Pilsbury was what they called a shrunken village. Though it claimed to date back to Anglo-Saxon times and appeared in the Domesday Book, the few present-

day houses were late-seventeenth or early-eighteenth century. It might have been a busy little spot in past centuries, he supposed» [10, p. 221].

«It seemed to be one long room, like the banquet hall of an old Viking dwelling or a school dormitory, and the torchlight picked out two rows of thin foam mattresses» [12, p. 135].

- **ссылки на библейские персонажи и мифологические сюжеты**

«Beyond the buildings the little tower that people called Solomon's Temple stood on the crest of a hill, overlooking the town of Buxton» [10, p. 304].

«Everybody believed in the urban landscape, with its no-go areas, dodgy council estates, riots, looting, terrorist hot beds, street gangs, people who would mug you as soon as look at you, and people who would kick the shit out of you if you so much as glanced at them. But this was something else. This was Arcadia» [12, p. 118].

- **ссылки на социальные оценки и стереотипы**

«He'd created a façade of elegance, with a ramshackle dereliction behind it, like a Hollywood film set. All appearance and no substance. A hollow charade» [10, p. 347].

«Creeping vegetation covered almost the entire front of the building like something from a horror movie» [12, p. 119].

- **ссылки на литературные произведения**

«Within the space of twenty-four hours, this part of Derbyshire that he'd known so well had turned into a landscape resembling **one of the nine circles of hell**» [9, p. 5].

«The rolling fields of rapeseed, which would blossom a glorious bright yellow in May, now looked brooding and threatening under a louring gunmetal sky. Very **Wuthering Heights**, Annie thought, though she knew that was miles away» [11, p. 9].

Аллюзия, как и остальные типы интертекстуальных включений выполняет в тексте детективного романа определенные функции, такие как: экспрессивную функцию – эмоциональное выделение и подчеркивание отдельных элементов текста и информативную функцию – углубление и обогащение смысла текста, функцию расширения смыслового пространства фрагмента текста, содержащего аллюзию.

И. В. Арнольд уточняет типизацию функций интертекстуальности: «функции включений во многом аналогичны функциям типов выдвижения. Они фиксируют на узловых моментах содержания, повышают экспрессивность и выполняют ряд других функций, в том числе оценочную, образную, характерологическую, пародийную, сатирическую» [1, с. 416].

Как показал анализ языкового материала, авторы используют аллюзию для усиления функций пейзажных описаний в детективном тексте.

Например: «The rolling fields of rapeseed, which would blossom a glorious bright yellow in May, now looked brooding and threatening under a louring gunmetal sky. Very **Wuthering Heights**, Annie thought, though she knew that was

miles away. Dark clouds lumbered overhead, unleashing shower after shower of rain, some heavy, some more like drizzle, and the wind whistled in the emptiness» [11, p. 9].

В данном фрагменте используется аллюзия на произведение Э. Бронте «Грозовой перевал», в котором преобладает холодный и мрачный пейзаж, создающий угнетающую, пропитанную тревогой атмосферу. Описание хмурой, дождливой погоды в романе П. Робинсона «Abbatoir Blues» обогащается за счет аллюзии на пейзаж романа «Грозовой перевал», которая представляет собой расширение функции пейзажного описания – обозначения места и времени действия.

В другом своем романе «Watching the Dark» П. Робинсон вводит аллюзию, связанную с социальными оценками и стереотипами: «The cottage he pointed to had a gate of blackened iron railings and worn steps leading up to the arched stone porch around the door. Creeping vegetation covered almost the entire front of the building like something from a **horror movie** Banks remembered seeing many years ago» [12, p. 119] – расширение функции пейзажного описания, обозначения места и времени действия – в примере достигается с помощью сравнения фасада коттеджа с аллюзией на характерное изображение старых, заброшенных домов, замков из фильмов ужасов.

«Ingleby was a beautiful village, slate roofs gleaming in the morning sunshine, still a little damp from last night's rain, limestone cottages scrubbed and rinsed clean by the wind and rain, the gardens neat and already colourful, though it was still only late April, ready to burst forth in spectacular fashion as soon as summer arrived. Smoke curled up from one or two of the chimneys, as there was still a slight nip in the air. Behind the village, the daleside rose steeply through green and sere slopes to the rocky outcrops that marked the beginnings of the moorland. A narrow track wound up the hill, then split and ran along the daleside in both directions, about halfway up. Cloud-shadows drifted slowly across the backdrop on the light breeze. But this was something else. This was **Arcadia**» [12, p. 118].

В центре развернутого описания деревни аллюзия на образ Аркадии, в греческой мифологии места обитания бога Пана, дриад, нимф и других духов природы, в античной литературе образ идеальной страны, счастливой, беззаботной жизни. В данном описании подчеркивается безмятежность, спокойное и размеренное движение жизни деревни Инглеби. Следующей после пейзажного описания цитатой автор выражает свою симпатию к таким живописным уголкам Англии, говоря о том, что многие не знают и не верят в существование подобных мест: «There were people in the cities who didn't know, or even believe, that such places existed» [12, p. 118]. В примере с помощью аллюзии выделяется такая функция пейзажа, как форма «присутствия» автора.

Также усиление данной функции пейзажных описаний аллюзией, связанной с социальными оценками и стереотипам, можно наблюдать в романе «The Corpse Bridge» С. Бута : «All the estate work seemed to have been concentrated on the front of the abbey, the façade that visitors saw. Here the trees had been left

unmanaged for years, by the look of them. It was a criminal neglect of valuable woodland. Not to mention the damage it must have done to the view from the west wing. It seemed that all the time and effort the earl had talked about had been put into those parts of the estate that were on show to the public. He'd created a façade of elegance, with a ramshackle dereliction behind it, **like a Hollywood film set**. All appearance and no substance. A hollow charade» [10, p. 347]. Сравнивая блеск фасада, обращенного к туристам, и запустение заднего фасада здания аббатства с голливудским фильмом, автор выражает свое презрительное отношение к хозяину аббатства фразой: «All appearance and no substance. A hollow charade» [10, p. 347].

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют, что специфика проявления интертекстуальности в детективном тексте заключается в том, что интертекстуальные включения в современных британских детективных текстах выражены преимущественно аллюзией.

В исследуемых текстах использованы четыре вида аллюзии: 1) исторические события и личности; 2) мифы и библеизмы; 3) социальные оценки и стереотипы; 4) литературные произведения.

Данные ссылки выполняют в тексте современного британского детективного романа определенные функции: экспрессивную функцию – эмоциональное выделение и подчеркивание отдельных элементов текста, и информативную функцию – углубление и обогащение смысла текста.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд; нуч. ред. П. Е. Бухарин. Изд. стереотип. – М.: ЛИБРОКОМ, 2014. – 452 с.
2. Варлакова, Е. А. Текстотипологические характеристики англоязычного детектива XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. А. Варлакова. – СПб., 2012. – 21 с.
3. Муратова, Е. Ю. Смыслы слова в системе поэтического языка XX века: монография / Е. Ю. Муратова. – Минск: БГУ, 2008. – 207 с.
4. Новожилова, К. Р. Стилистика повествовательного текста: Теоретические и исторические основы: учебное пособие / К. Р. Новожилова. – СПб., 2007. – 100 с.
5. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Натали Пьеге-Гро; пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 240 с.
6. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
7. Филлипов, К. А. Лингвистика текста: курс лекций / К. А. Филлипов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 336 с.
8. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуаль-

ность, интердискурсивность. Учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.

9. Booth, St. *Dead And Buried* / Stephen Booth. – London.: Little, Brown Book Group, 2012. – 384 p.

10. Booth, St. *The Corpse Bridge* / Stephen Booth. – Shere Books; First Edition, 2014. – 392 p.

11. Robinson, P. *Abattoir Blues* / Peter Robinson. – London: Hodder & Stoughton LTD, 2014. – 384 p.

12. Robinson, P. *Watching the Dark* / Peter Robinson. – London: Hodder & Stoughton, 2013. – 448 p.

СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. ПЛАТОВОЙ

И. А. Герасименко

Н. А. Анушкина

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского»(Ялта)*

DEVICES OF EXPRESSIVE SYNTAX OF V. PLATOVA'S WORKS

I. A. Gerasimenko

N. A. Anushkina

Summary. The article investigates the use of expressive syntax (parcelling) in modern detective works, shows what the language devices of expression used by writers like using syntax enhanced artistic effect works.

Творчество в детективном жанре – особая разновидность литературного творчества. Автор должен облечь факты и явления в яркую, динамичную, выразительную литературную форму. Экспрессивный синтаксис во всей своей полноте и совокупности явлений способствует эмоционально-экспрессивному насыщению текста, актуальному выделению компонента высказывания, и тем самым участвует в открытом проявлении авторского начала в рамках жанра.

Цель данной статьи – проанализировать использование парцеллированных конструкций в произведениях современной детективной прозы, рассмотреть, как автор использует синтаксическое построение текста произведений в целях усиления его выразительности.

Яркость идиостиля современной российской писательницы Виктории Платовой обусловлена умелым использованием богатейших возможностей

русского языка, в том числе приемов экспрессивного синтаксиса – усеченных и сегментированных конструкций, парцелляции, эллипсиса.

Лингвисты квалифицируют категорию экспрессивного синтаксиса по-разному. Так, Р. Р. Чайковский определяет синтаксическую экспрессивность как «свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказываний сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы» [13, с. 196]. А. Т. Панасюк оценивает данную категорию как «выражение в предложении эмоциональных проявлений и волевых усилий говорящего» [5]. Э. А. Трофимова – как «свойство синтаксических структур иметь эмоциональную направленность, а также служить средством логического усиления изобразительности, выразительности, образности» [12, с. 239]. В узком понимании экспрессивность рассматривают как «разновидность прагматической информации, связанной с понятием интенсивности (усилительности)» [10].

Важно отметить одно общее и самое значимое во всех этих характеристиках – сводимость к одному семантическому инварианту, который В. В. Виноградов определял как «заинтересованность во впечатлении» [2]. Таким образом, суть прагматического аспекта экспрессивности – в «заинтересованности говорящего (пишущего) в впечатляемости высказывания» [10, с. 233], что позволяет нам рассматривать данную категорию как одно из проявлений речевого поведения автора.

Первым серьезным исследованием проблемы парцелляции стала диссертационная работа Ю. В. Ванникова «Явление парцелляции в современном русском языке» [3], в которой автор описал парцеллированные конструкции, дал их определение, изучил некоторые структурные типы, логико-семантические и экспрессивные особенности. Этой теме посвящено множество диссертационных исследований. Существенный вклад в разработку проблемы парцелляции внесли также Е. А. Иванчикова, Т. П. Сковородников и др.

Для современных художественных текстов, в числе которых и произведения В. Платовой, наиболее употребляемыми являются синтаксические конструкции, в которых парцелляция выполняет изобразительную, характерологическую, эмоционально-выделительную и экспрессивно-грамматическую функции. Эти функции описаны А. П. Сковородниковым [10], Ю. В. Ванниковым [3] и другими лингвистами.

Нашим материалом исследования послужили романы Виктории Платовой, пронизанные приемами и элементами разговорного синтаксиса. Анализ синтаксического почерка В. Платовой показывает, что выразительный потенциал конструкций экспрессивного синтаксиса задействуется автором максимально полно. В настоящей статье рассматривается использование парцелляции в языке романов «Смерть на кончике хвоста», «В тихом омуте», «Победный ветер, ясный день», «Корабль призраков», рассмотрено, как реализуются изобразительная, характерологическая и эмоционально-выделительная функ-

пии таких конструкций, как они способствуют «изменению ритмичности повествования, оформлению особой композиции текста, обогащению письменного языка элементами живой, разговорной речи, созданию разновидностей монологического повествования» [11, с. 244].

Изобразительная функция проявляется в образной конкретизации изображаемого. «Расчлененная конструкция в отличие от других более выразительна, экспрессивна и приспособлена для передачи мыслей спонтанно» [4, с. 23]. С помощью парцелляции автор дробит (а) повествовательный текст таким образом, что последовательно протекающие действия или события подаются подобно сменяющимися друг друга кадрами. Например: *У Лели сразу же свело скулы от подобного чирикания, и он откинулся на стуле. И погрузился в свои собственные мысли* [9, с.414]; *Она готова была заплакать. Но вместо этого поднялась, побрела в прихожую и натянула сапоги. Свои собственные сапоги. И надела пальто. Свое собственное пальто. Чужая красивая жизнь кончилась. И ее собственная, возможно, тоже. Во всяком случае, с сегодняшней ночи она не будет такой безмятежной.* [9, с. 311]. Парцелляция помогает В. Платовой (б) сегментировать текст в соответствии с композиционным замыслом, выделять детали общей картины; акцентировать важное с точки зрения художественной конкретизации изображаемого. Например: *Когда он вернулся, Дарьи не было. И ключа не было. А тут еще сообщение об убийстве Радзивилла. И они запаниковали. Как паникуют мелкие неопытные шантажисты...* [9, с. 455]; *Перед самым отъездом я встретила на Кузнецком мосту капитана Лапицкого, своего демона-искусителя. Совершенно случайно* [7, с. 9]. В ряде случаев писатель с помощью парцелляции (в) создает неожиданные паузы, сбой ритма, и это усиливает экспрессию неожиданности действий. Например: *Есть она отказалась и попросила только бокал вина. А сигарет так и не вытатила* [9, с. 337]; *С ее появлением унылая, давно махнувшая на себя рукой квартира Лели волшебным образом преобразилась. Стала похожа на Безансон с его поздней готикой...* [9, с. 330]; *Он уже слышал о том, как влияет Московский физико-технический на нетвердые юношеские умы: сын лелиного приятеля по юрфаку, имевший неосторожность влезть в эту математическую мышеловку, благополучно сошел с ума в самом конце второго курса. Вместе с еще пятью такими же счастливицами с одного потока* [9, с. 251].

Наконец, В. Платова использует парцелляцию (г) и как средство усиления изобразительного контраста, если речь идет о поведении или образе персонажа. Например: *Значит, Воронов. Писатель. Ну-ну... Господин Шерлок Холмс, подайте мне скрипку! Мисс Марпл, подайте мне вязальные спицы! Агент Малдер, подайте мне пистолет-пулемет «Ингрэм»! Сейчас я разберусь с этим охамевшим горе-писателем, который даже не считает нужным отвечать на письма поклонниц. Приставлю пулемет к подбородку и воткну вязальные спицы в бок. А скрипка пусть играет «Венгерскую рапсодию» Листа* [9, с. 349]; *...На месте дежурного, откинувшись на спинку сту-*

ла, сидел человек в белом плаще. Совсем иной. Не похожий на того, кого я представила себе перед тем, как заснуть. Ласка или горностай. Небольшая аккуратная голова, очень узкое тело, которое не мог скрыть даже плащ [6, с. 406]; Аника понимала, что происходит что-то странное, она была на стороне девочки; она была слишком швейцаркой для такого нецивилизованного убийства. Да еще на палубе судна [7, с. 201]; А она уверена в себе, эта соплюшка-фотомоделка. Как может быть уверенным в себе невиновный человек. Или хорошо подготовившийся преступник [9, с. 253].

Характерологическая функция, которую выполняет парцелляция, заключается в имитации речевой манеры субъекта. В частности, парцелляция (а) выступает средством выражения присоединительной связи, характерной для устно-разговорной диалогической и монологической речи персонажей. Например: *Черт бы побрал эту квартиру, эту работу, этих убитых банкиров и шлюх-наркоманок. И эксперта Курбского заодно. Вместе с типом в жилетке и пустыми собачьими мисками!* [9, с. 348]; *У меня жалкая комнатенка в коммуналке на Петроградке. И соседи, которых я ненавижу. И которые ненавидят меня... Все это время я врала себе... Я жду настоящую хозяйку, я слежу за ее собакой, как же!.. А я просто хотела отдохнуть, поваляться в чужой кровати, поваляться в чужой пене для ванн. Элементарное желание, пусть низменное, но элементарное... А потом я нашла паспорта и просроченные билеты. Но даже это меня не насторожило... Я слушала все звонки в автоответчике, я залезла в чужую электронную почту – это казалось таким невинным, это казалось игрой. Я даже ездила на встречу с бывшим парнем хозяйки. И это тоже была игра... Своего рода. Ничего страшного. Ничего угрожающего... Но сегодня... Сегодня я нашла рубаху с пятнами крови...* [9, с. 315].

Парцелляция используется В. Платовой (б) в качестве средства внесения разговорной интонации присоединения в речь повествователя. Например: *Он в Штаты собирается на ПМЖ. Вроде работу ему предлагают. Может, уехал уже* [6, с. 139]. Также в текстах автора парцелляция (в) выступает средством создания контекстов непрямого речи, способом включения в авторскую речь элементов речевой и психологической сферы персонажа. Например: *Стоп-стоп, а почему вслепую? Я даже приподнялась от этой мысли, иглой прошившей мне сердце. Почему вслепую? Ведь можно рассказать ему – если не все, то многое. Тогда ты получишь союзника...* [6, с. 380]; *А сейчас – ей остается только сунуть пистолет обратно в рюкзак. И переключиться на что-нибудь более невинное. Более безопасное. Более приближенное к действительности, чем это почти инфернальное дитя песков* [8, с. 220]. И наконец, у В. Платовой парцелляция (г) является одним из средств изображения внутренней речи и характеристики состояния самого субъекта. Например: *Вещи мертвых людей. Меня преследовали вещи мертвых людей. Венькин браслет, сумочка Алены, паспорт Сирина, фотографии Власа...* [6, с. 345]; *Переступить порог срамного заведения ему мешала должность, но*

втайне он мечтал, что когда-нибудь, по одному из многочисленных дел у него будет проходить владелец интим-салона. Хотя бы в качестве свидетеля. [9, с. 192].

Эмоционально-выделительная функция присуща конструкциям, в которых парцелляция служит средством выражения эмоций. Например: *И это был бунт. Бунт на женской половине дома. Отказ от безропотной стирки носков и ночного переписывания от руки всех Джавиных ролей из всех пьес. И двойного наряда на помывку коммунального сортира* [9, с. 18].

Итак, данные примеры показывают, что В. Платова активно включает парцеллированные конструкции в язык своих романов с целью создания художественного, эмоционального эффекта. В целом же использование парцелляции в языке художественных произведений приобретает заметную интенсивность, что следует связать с «влиянием разговорной речи на книжный синтаксический строй» [1, с.198]. Безусловно, изучение приема парцелляции на материале этих и подобных современных художественных текстов стимулирует интерес к вопросам рассмотрения проблемы экспрессивного синтаксиса.

Литература:

1. Богоявленская, Ю. В. Парцелляция в сильных позициях медиатекста / Ю. В. Богоявленская // Политическая лингвистика, 2013. – № 1 (43). – С. 123.
2. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М., 1980.
3. Ванников, Ю. В. Явление парцелляции в современном русском языке: автореферат диссертации / Ю. В. Ванников. – М., 1965.
4. Омаева, З. Я. Синтаксические конструкции экспрессивного типа как средство выражения авторских интенций: на материале художественных произведений В. В. Набокова: автореферат диссертации / З. Я. Омаева. – Махачкала, 2006.
5. Панасюк, А. Т. К вопросу об экспрессивном значении синтаксических конструкций / А. Т. Панасюк // Современный русский язык и методика его преподавания. – Душанбе, 1972.
6. Платова, В. Е. В тихом омуте: роман / В. Е. Платова. – М.: Астрель, 2005. – 574 с.
7. Платова, В. Е. Корабль призраков: роман / В. Е. Платова. – М.: Аст, 2006. – 446 с.
8. Платова, В. Е. Победный ветер, ясный день: роман / В. Е. Платова. – М.: Эксмо, 2002. – 318 с.
9. Платова, В. Е. Смерть на кончике хвоста: роман / В. Е. Платова. – М.: Астрель, 2006. – 477 с.
10. Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка / А. П. Сковородников. – Томск, 1981.

11. Ступкина, М. О. Парцелляция в современном болгарском языке: на материале художественной прозы: автореферат диссертации / М. О. Ступкина. – М., 2008. – 269 с.

12. Трофимова, Э. А. О некоторых моделях выражения экспрессивности в английской разговорной речи / Э. А. Трофимова // Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи. – Горький, 1972.

13. Чайковский, Р. Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса / Р. Р. Чайковский // Ученые записки: МГПИЯ им. М. Тореза. Вопросы романо-германской филологии. – М., 1971.

14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОВ В ПЬЕСАХ

М. Е. САЛТЫКОВА–ЩЕДРИНА

Г. А. Горбунова

«Гуманитарно-педагогическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (филиал) (Ялта)

THE CONFLICTS IN THE PLAYS BY M. SALTYKOV-SHCHEDRIN

G. Gorbunova

Summary. The paper focuses on the conflicts in the plays by M. Saltykov-Shchedrin. The synthesis of drama and epic narrative forms, which highlights the social and moral conflict and position opposing forces leads to the formation of a special plot specifics of the plays. The combination of a concentric plot with substantial conflict shows the fruitful development of Russian dramatic tradition. Concentric stories, built around specific situation, describe the conflict that cannot be solved by the will of individuals.

Все драматические произведения сатирика можно разделить на две группы, исходя из способов сочетания конфликта и сюжета: концентрический сюжет и конфликт-казус, концентрический сюжет и субстанциальный конфликт. К первой группе относятся «Просители», «Выгодная женитьба», «Погоня за счастьем», «Недовольные», «Утро у Хрептюгина». Ко второй – «Что такое коммерция?», «Соглашение», «Смерть Пазухина», «Тени». Сочетания конфликта и сюжета в первой группе можно назвать традиционным, чего нельзя сказать о второй группе.

В «Просителях» и «Погоне за счастьем» конфликты имеют похожий характер, что обусловлено прежде всего фабулой произведения. В них идет речь о просителях, которые дожидаются начальства с целью удовлетворения своих просьб. В «Погоне за счастьем» просьба у всех одна – получить выгодное место службы, в «Просителях» – у каждого своя. У каждого просителя

есть своя причина для встречи с князем Чебылкиным или генералом Зубатовым, и волей конкретного начальника решается та или иная судьба прошения.

Конфликт этих произведений состоит в противостоянии просителей и власти и шире – бюрократической системы и общества. Представители разных слоев населения просят о помощи чиновников, однако в бюрократической системе все решают интриги и деньги. Мастерство драматурга позволило представить в этих произведениях обычную ситуацию типичной для общества того времени в целом.

В роли просителей в очерке «Утро у Хрептюгина» выступают чиновники и дворяне. Они постоянно просят богатого купца Хрептюгина пожертвовать деньги якобы на благотворительность. Хрептюгин догадывается, что его средства применяются вовсе не по назначению, но готов жертвовать дальше, чтобы таким образом купить себе должность надворного советника. Чиновники и общество в лице гонящегося за чином богатого откупщика, на первый взгляд, выгодно взаимодействуют, а на самом деле противостоят друг другу.

Конфликт комедии сходен с конфликтом «Мещанина во дворянстве» Ж.-Б. Мольера и является конфликтом-казусом. Подобно Журдену, Хрептюгин преклоняется перед дворянством, мечтает проникнуть в аристократическую среду. Но, в отличие от Мольера, который осуждал Журдена за «попытку буржуа уйти от своих собратьев и примкнуть к высшему кругу» (классовый конфликт), М. Е. Салтыков-Щедрин критикует Хрептюгина за его связь с бюрократическими верхами [3, с. 119]. Конфликт «негоцианта» Ивана Хрептюгина и аристократической верхушки больше направлен на критику системы, где все продавалось и покупалось. Эпоха перемен, усиление власти денег повлияли на русскую действительность так же, как и на нравственность людей, что и нашло свое воплощение в истории Ивана Хрептюгина.

Схожи основной конфликт «Выгодной женитьбы» и один из конфликтов «Теней». Вот их участники: Дернов – Марья Гавриловна – Бобров – Змеищев и Бобырев – Софья Александровна – Клаверов – Тараканов. У чиновника есть молодая красивая жена. Любовник жены использует ее в качестве любовницы общего начальника (своего и мужа) и получает посредством этой игры выгоду. Разница в том, что Дернову перспектив это не предоставляет.

Рассмотрим детально «Выгодную женитьбу». Бобров – любовник Марьи Гавриловны – с ее помощью желает «выйти в люди-с», при этом не хочет связывать себя никакими обязательствами, так как «жена в евдаком деле только лишнее бревно-с». Он уговаривает ее выйти замуж за Дернова и «не постоять» перед начальником Змеищевым, потому что так им обоим (Дернову и Боброву. – Г. Г.) «хорошо будет». В итоге после личной встречи с Рыбушкиной Змеищев разрешает свадьбу. Марья Гавриловна выходит замуж за Дернова, при этом у них в доме постоянно бывает Бобров, а последняя пятая сцена в квартире Змеищева, когда туда приходит Марья Гавриловна, содер-

жит только одну реплику: «Ну, вот вы и пришли, душенька...», которая открывает дальнейший ход событий [4, с. 208]. Именно она и разрешает противоречия пьесы. Дернов все-таки женат, но остается без прав, всем руководит его жена, которая не уважает мужа, водит любовника, посещает начальника. Поведение молодой женщины после свадьбы лишь предполагает связь Марьи Гавриловны и Змеищева. А пятая сцена подтверждает эту связь и заставляет читателя/зрителя переосмыслить содержание произведения. Пятая сцена, как писал В. Е. Хализев по другому поводу, вводит «жизнь в надлежащее русло: над всевозможными отклонениями, нарушениями, недоразумениями, бушеванием страстей и своевольных порывов берет верх благой миропорядок» [7, с. 252]. Если, конечно, можно назвать «миропорядком» то, где жена чиновника является любовницей его начальника для того, чтобы помочь своему любовнику. По крайней мере, конфликт снят. Данный конфликт является конфликтом-казусом. Но можно сказать, что конфликт все же выходит за рамки семейно-бытовой коллизии и проецируется на действующие законы общества, показывает быт типичного чиновника. Изображаются отношения между сотрудниками государственного аппарата (начальник – подчиненные), членами семьи (муж – жена), между разными группами населения (чиновники – торговцы). Всего в пяти сценах сатирику на примере обычной ситуации из жизни простого русского чиновника удается изобразить «приметы острых социальных противоречий эпохи» [1, с. 49].

Столкновение интересов в «Недовольных» находится уже не на пересечении разных социальных слоев, а в самой бюрократической системе. Взяв курс на либерализм, правительство начало сокращение кадров. Чиновники, которые еще вчера всем руководили, остались сегодня не у дел. Конфликт состоит в противостоянии отставных чиновников и нового руководства. На наш взгляд, он может быть разрешен волей отдельных людей, что позволяет определить тип конфликта как конфликт-казус. Изначально пьеса носила название «Погребенные заживо». Отстранены от службы – «погребены заживо» – живые, жаждущие деятельности чиновники. Критик Н. Н. Мазуренко писал: «„Погребенные заживо” – живые, всем нам знакомые лица! И, к сожалению, вовсе не погребенные; напротив, здравствуют, живы, здоровы, даже веселы и чужой силой сильны» [5, с. 611–612].

В «Смерти Пазухина» основу конфликта составляет борьба группы людей за деньги – наследство умирающего купца Пазухина: сына Прокофия Ивановича, зятя Фурначева, друга Лобастова, экономки Живоедовой. Все они плетут интриги, заключают сделки, готовы пойти на все – от измены принципам до воровства. В новом обществе деньги являются главной ценностью, целью существования. Описывая столкновение персонажей, автор показывает, как жажда наживы меняет характер людей, влияет на их поступки, в частности на выигравшего борьбу сына: «Да ты совсем, брат, другой человек стал, почтеннейший Прокофий Иваныч!» [6, с. 118].

Исходя из этого, следовало бы определить конфликт произведения как конфликт-казус. Кто получит деньги, зависит только лишь от воли старого Пазухина: если он напишет «духовную», то есть завещание, значит, деньги будут распределены согласно его пожеланиям, нет – все достанется нелюбимому сыну. Читатель не знает до самой смерти Ивана Пазухина, написал ли он завещание, так же, как не знают этого и персонажи, участвующие в погоне за деньгами. После смерти Пазухина выясняется, что завещания нет, противоречия исчезают: единственный законный наследник – сын. Но такая трактовка конфликта не является исчерпывающей. Цель конфликтов-казусов, как считает В. Е. Хализев, «развлечь», а затем «успокоить» читателя. «Событийные же ряды, выявляющие конфликты субстанциальные», воздействуют иначе: «Здесь доминирует писательская установка не на силу впечатления, а на глубину читательского проникновения (вслед за автором) в сложные и противоречивые жизненные пласты. Писатель не столько внушает, сколько вызывает к духовной и, в частности, умственной активности читателя» [7, с. 256]. М. Е. Салтыков-Щедрин полагал, что театр заставляет человека задуматься. Как нам кажется, комедия «Смерть Пазухина» соответствует этому требованию, а конфликт пьесы носит субстанциальный характер, то есть его разрешение возможно только по воле истории, самой жизни, а не силами персонажей. Комедия не столько развлекает и «успокаивает», сколько заставляет размышлять. Конфликт комедии являет собой противоречие между старым и новым порядком. В этой пьесе, написанной еще до реформы, сатирик воплотил свои иллюзорные надежды на то, что устаревшие формы жизни общества начинают обновляться и что скоро пережитки прошлого совсем исчезнут – умрут, как старик Иван Пазухин. Позже сатирик неоднократно признавал, что несколько поторопился «похоронить» «прошлые времена» и поприветствовать новые. Это вполне объяснялось общественным подъемом 1850-х–1860-х гг. Поэтому полагаем, что следует рассматривать конфликт «Смерти Пазухина» как субстанциальный, состоящий в противостоянии старого и нового.

В «Соглашении» противостоят друг другу представители власти – помещики – крестьяне. Либеральные власти находятся в преддверии реформы об отмене крепостного права, помещики изо всех сил сопротивляются, если не явно, так скрыто. Между собой они высказываются против реформы, однако поддерживают ее в присутствии предводителя дворян. Поддержка такого рода отрицательно сказывается на крепостных – их массово продают на фабрики: реформа предоставит им лишь мнимое освобождение, они только меняют одну кабалу на другую. Нарастающее революционное движение заставляет власть прибегнуть к реформам, что не выгодно помещикам. Они единогласно поддерживают предводителя дворянства, на самом же деле категорически отвергают реформу, не собираются следовать ее требованиям и освободить крестьян. Все это создает отрицательный тип помещика-эксплуататора, представителя постепенно вымирающего феодального строя. И такие съезды по-

мещиков происходили по поручению правительства по всей России. Подобная типизация и позволила сатирику спроецировать местное происшествие на территорию всей страны, показать локальный конфликт в более крупном масштабе. В данном случае, очевидно, что конфликт комедии субстанциальный. Противостояние названных групп в вопросе об отмене крепостного права могло разрешиться лишь в ходе истории.

Сочетание субстанциального конфликта с концентрическим сюжетом драматических сцен «Что такое коммерция?» и «Соглашение», комедий «Смерть Пазухина» и «Тени» нестандартно. На наш взгляд, это обусловлено двумя факторами: жанром пьес и темой произведений. Выбирая форму очерков и сцен бытового характера, сатирик, как нам представляется, ставил цель куда большую, чем просто создание «комедии нравов». Он отражал в них действительность своего времени, критиковал уклад современного ему общества. Борьба старого и нового порядка и приближение реформ, изображенные в драматической форме, привели к редкой, но в данном случае выигрышной комбинации конфликта и сюжета, когда отдельные ситуации, показанные в их типичности, приобретают обобщающий характер и историческое значение. Эта особенность присуща и другим драматическим произведениям сатирика, однако в наибольшей степени она проявилась именно в сценах «Что такое коммерция?» и «Соглашение», комедиях «Смерть Пазухина» и «Тени».

Вершиной драматического творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина считается драматическая сатира «Тени». Она обобщает многие замыслы писателя, эскизно реализованные в малых пьесах и нашедшие полноценное развернутое воплощение в комедии. Своеобразие конфликта сатиры еще раз это подтверждает. В пьесе есть несколько частных конфликтов, раскрытие которых способствует развитию основного конфликта [2]. Конфликты Бобырев – Клаверов – Софья, Клаверов – Бобырев – Шалимов, Клаверов – Клара – Тараканов в итоге нацелены на изображение социально-политического кризиса 1860-х гг. Известный литературовед-щедринист Л. Я. Лившиц пишет об используемом сатириком в пьесе приеме отражения, который «группирует подробности так, что они непосредственно связаны действием пьесы с общей картиной. Изображение не распадается на отдельные эпизоды, а концентрируется, образуя единый узел драматической коллизии» [2]. Исследователь также отмечает правдоподобность, психологическую прорисованность ряда бытовых ситуаций, которые в то же время несут в себе глубокий политический смысл, предполагают взаимосвязь обыденной и политической жизни. И с этими утверждениями сложно не согласиться.

Мы уже рассмотрели особенности конфликта Бобырев – Клаверов – Софья, сравнивая его с подобным конфликтом в очерке «Выгодная женитьба». Очевидно, что главный конфликт очерка перешел затем в комедию, где воплотился в полной мере. Следует отметить, что данный конфликт не является просто любовной интригой. Он намного глубже и основывается не столько

на чувствах людей, сколько на социальных ролях, которые выполняют участники этого любовного треугольника, политической обстановке в стране. Конфликт Клаверов – Клара–Тараканов с приездом семьи Бобыревых заменяется на конфликт Клаверов – Софья – Бобырев – Тараканов. Конфликт Клаверов – Бобырев – Шалимов – один из ключевых в произведении, так как именно он в большей степени указывает на действительные противоречия, происходящие в обществе. Лагерь бюрократов борется против либерального лагеря за Бобырева. Для Шалимова он еще человек, личность по сравнению с «ветошью» Таракановым и так далее, для Клаверова Бобырев – лишь элемент системы, средство достижения цели – самосохранения: «Князек сказал правду: та опасность отдаленная, а здесь грозит что-то близкое, почти страшное. Кто ж виноват, что в нас так живо чувство самосохранения?» [6, с. 353]. Все эти конфликты, дополняя друг друга, раскрывают главный конфликт пьесы – противостояние реакционного правительственного бюрократического аппарата и действительно прогрессивного либерального лагеря.

Русская реалистическая литература сосредоточивалась на социально обусловленных противоречиях в жизни людей. Эта особенность была присуща русским «общественным» комедиям: и в «Недоросле», и в «Горе от ума», и в «Ревизоре» невинное, на первый взгляд, противостояние действующих лиц приобретает вид противостояния длительного, устойчивого, которое может разрешить лишь течение времени, ход самой истории. Устойчивое противостояние, назревающее в российском обществе, вызвано кризисом крепостного строя. Конфликт в них – лишь повод высмеять истинные противоречия, неискоренимые за короткий период времени.

Литература:

1. Золотницкий, Д. И. Щедрин-драматург / Д. И. Золотницкий. – Л.: Искусство, 1961. – 213 с.
2. Лившиц, Л. Я. «Вопреки времени»: избранные работы [Электронный ресурс] / Л. Я. Лившиц; [сост. Б. Л. Милявский, Т. Л. Лившиц-Азас]. – Иерусалим; Х.: Филобиблон, 1999. – 400 с. – Режим доступа : <http://www.evliivshits.org/index.php/works/vopreki-remeni/teni.html>.
3. Лотман, Л. М. Драматургия 60–70-х гг. [Электронный ресурс] / Л. М. Лотман // История русской литературы : в 4 т. / [гл. ред. Н. И. Пруцков]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. – Т. 3 : Расцвет реализма. – 1982. – С. 446–494. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl3/rl3-4462.htm>.
4. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин ; [гл. ред. С. А. Макашин]. – М.: Худ. лит., 1965–1977. – Т. 2: Губернские очерки, 1856–1857. – 1965. – 552 с.

5. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин; [гл. ред. С. А. Макашин]. – М.: Худ. лит., 1965–1977. – Т. 3: Невинные рассказы, 1857–1863. – 1965. – 651 с.

6. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин; [гл. ред. С. А. Макашин]. – М.: Худ. лит., 1965–1977. – Т. 4: Произведения, 1857–1865. – 1966. – 598 с.

7. Хализев, В. Е. Теория литературы: [учебник / В. Е. Хализев. – [4-е изд., испр. и доп.]. – М.: Высшая школа, 2005. – 405 с.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В «ЕРШАЛАИМСКИХ ГЛАВАХ» РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

З. А. Дубинец

Институт педагогического образования и менеджмента (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

им. В. И. Вернадского» (Армянск)

Summary. The author considers the «Yershalaim Chapter» of the novel by Mikhail Bulgakov «The Master and Margarita». Facts Aramaic and Greek languages, mock Jerusalem created Y. Whipper show the ancient culture of dialogue. This is not a retreat from writer Evangelical traditions

Исследователи «Мастера и Маргариты» М. Булгакова акцентируют внимание на широте и сложности проблематики данного произведения, в котором, как правило, выделяют три плана, взаимосвязанных друг с другом: реальный, мистический и библейский. Именно библейский план является наиболее противоречивым. Ведь в силу сложившихся обстоятельств для значительной части советских людей роман долгое время оставался едва ли не единственным источником, повествующим о евангельских событиях. Благодаря этому произведению, у читателя появилась возможность приобщиться к древним иудейской, арамейской, греческой и римской культурам. То, что в философии и литературоведении называют диалогом культур, под которым подразумевают не только коммуникацию двух индивидов, но общение человека с текстом. Основные положения идеи диалога культур разработаны М. Бахтиным и нашли свое продолжение в работах В. Библера, который отмечает, что во время диалога культур речь идет о двояком понимании одной и той же вещи, с точки зрения их культуры. То есть в диалоге культур речь идет не о диалоге мнений или представлений, а о диалоге различных культур [3, с. 299].

М. Бахтин считает, что человека можно изучить только через создаваемые им тексты. И каждый такой текст может восприниматься как одна из форм общения культур и является составляющей целой культуры, так как опирается на уже существовавшие до этого тексты. И этот текст результатом своего

появления обязан диалогу, так как он вступает в диалог с каким-либо другим текстом [13, с. 206].

Так что же представляют собой «ершалаимские главы» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»? Это отход писателя от евангельских традиций и оригинальная интерпретация жизни и смерти Иисуса Христа, которая отличается от четырех Евангелий, представленных в Новом Завете?

Или, наоборот, отсутствие авторского вымысла и диалог с более древними текстами? Попробуем в этом разобраться.

Цель статьи – проанализировать «ершалаимские главы» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» с точки зрения диалога культур.

Роман построен на параллелях между событиями в Иерусалиме и в Москве, следовательно, М. Булгаков очень хорошо знал Святое Письмо. Несмотря на это, многие булгаковеды, ссылаясь на различные источники, утверждают об отходе писателя от евангельских традиций. Б. Гаспаров отмечает, что «в романе все происходит не совсем так, а иногда и совсем не так, как в Священном Писании» [7, с. 28]. Его точку зрения разделяет А. Иванов: «Писатель намеренно отходит от евангельского образа Христа. У него Иешуа – одинокий, нищий, безродный бродяга, подкидыш, не помнящий своих родителей, лишенный мессианского величия» [10]. Мнение о том, что М. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» не описывает евангельские события, а по-своему моделирует их, отсюда несовпадения и расхождения, бытует и среди представителей православия. Протоиерей Александр Мень считает, что «Булгаковский Иешуа не имеет почти ничего общего с реальным Иисусом Назарянином. Это мечтатель, наивный бродячий философ, который всех и каждого называет «добрый человек» [2]. Считаем эти точки зрения вполне обоснованными. Ведь роман – своего рода «послание»; он по-своему «говорит», вопрошает и отвечает, несет в себе «весть», которую нужно уметь «услышать» [1, с. 115]. Писатель с первых глав романа пытается донести до советского читателя, до всех разуверившихся в Боге, что Иисус существовал, «просто существовал, и больше ничего... И доказательств никаких не требуется» [4, с. 284]. Именно в этом уверяет Воланд в Москве на Патриарших прудах Берлиоза и Иванушку Бездомного.

В тексте романа М. Булгаков использует два имени Христа. В «московских главах» это Иисус, а в «ершалаимских» писатель употребляет непривычное для славян имя Иешуа Га-Ноцри. В. Лакшин считает, что оно «в сравнении с торжественно-церковным – Иисус, как бы призвано подтвердить подлинность рассказа Булгакова и его независимость от евангельской традиции» [12, с. 302].

Однако это не совсем так. С. А. Ермолинский утверждает, что имя Христа Булгаков взял из Талмуда – многотомного свода правовых и религиозно-этических положений иудаизма. По мнению исследователя, «имя Иешуа тоже возникло оттуда – Иешуа Га-Ноцри («изгой» из Назареи, кажется, так)» [9, с. 626.] Действительно, «Иешуа» – подлинное имя Христа в арамейском

языке; именно так Дева Мария назвала своего Сына. Только означает оно на родном языке Спасителя не «изгой», а «мессия», «спаситель». «Иисус» – версия этого имени в греческом языке, на котором писались Евангелия, и в котором отсутствует звук, соответствующий русскому «ш», арамейскому и на языке иврит – «шин». Используя данное имя, в котором, как отмечает А. Барков, нет ничего «неблагозвучного и плебейского», писатель следует исторической правде.

Что же касается второго имени – «Га-Ноцри», то оно тоже встречается в Талмуде, причем в нескольких написаниях – «Ноцри», «Нозери», «Носри». Слово означает «христианин» и распространено в иврите. «Га» – определенный артикль в данном языке [2].

Этимология слова «ноцри» также неоднозначна. Некоторые исследователи считают, что оно происходит от названия города Назарет в Галилее, где якобы родился Христос. Но историки христианства утверждают, что в новозаветные времена города с таким названием еще не существовало, поэтому имя Га-Ноцри иного происхождения: «Ни имя Назорей, ни прозвание Назореянин ни в коей мере не могут быть связаны с названием города Назарет, который к тому же не упоминается ни у одного автора. Прозвище, которое дали Иисусу – Назорей или Назореянин, означает попросту «чистый», «святой» или даже «отпрыск» – так назывались различные персонажи Библии» [8, с. 20]. Назореями называли живших в пустынных местах иудеев-сектантов, не стригших волосы, не употреблявших вина и питавшихся акридами – скудной вегетарианской пищей. О секте назореев в 1 веке до н.э. упоминается в найденных в 1952 году в Израиле знаменитых рукописях Кумранских пещер

Иешуа у М. Булгакова не просто «философ», в нем есть нечто сверхчеловеческое. И это тоже свидетельствует об отсутствии авторского вымысла в «ершалаимских главах» романа. Во-первых, герой М. Булгакова не делит людей на хороших и плохих, видит в них только истинную, добрую природу и потому никого не винит. Зла нет, считает Иешуа, зло лишено сущности и является лишь отсутствием добра. Во-вторых, Иешуа владеет загадочной силой исцеления, хотя и несколько иной, чем евангельский Христос. Философ исцеляет, возрождает, преображает собеседников своей мыслью, своими словами, своей искренней, правдивой речью: «правду говорить всегда легко» [10]. Вот, что говорит о своем происхождении Иешуа Га-Ноцри на допросе у пятого прокуратора Иудеи всадника Понтийского Пилата «...я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...» [4, с. 287]. Действительно, в евангельские времена Палестина входила в состав Римской империи как провинция Сирии, поэтому Христос по происхождению, как и Его отец, был сирийцем. Упоминание о всей Палестине как о Сирии, а о населявших ее народах – собирательно как о «сирах», то есть, сирийцах, встречается спустя двенадцать веков у Нестора-летописца в «Повести временных лет» [2].

Прозвище другого персонажа – Иуды, предавшего Иисуса, также является предметом исследования. Несмотря на то, что во всех четырех Евангелиях оно одинаково – Искариот, в разных редакциях романа М. Булгакова оно существенно отличается. И это тоже вполне объяснимо. В черновой булгаковской рукописи 1928–1929 г. предатель зовется «Иудой из Кариот», либо просто «Искариотом» [5, с. 222]. В рукописи романа 1932–1934 г. Булгаков уже пишет: «Кто этот из Кериота?» [5, с. 117]. Название города тождественно городу Крийот (Крайот) в Иудее. По иной версии, слово «керийот» имеет значение пригород, следовательно, «иш-кериййот» дословно переводится как «житель пригорода». Иногда значение слова выводят из ейского иш кария «лживый». Возможно, сомнения писателя в существовании данного топонима привели к тому, что в рукописи 1937–1938 гг. М. Булгаков меняет название города на Кериаф [5, с. 423], а в окончательном тексте – на Кириафа [5, с. 34]. Достоверность такого названия подтверждается разными источниками: Кириаф есть имя города на южной границе Иудеи (Ф. Фаррар. «Жизны Иисуса Христа»), «Кириаф – из южных городов колена Иудина к югу от Хеврона» [11, с. 394].

Заслуживает внимания имя еще одного персонажа – Левий Матвей, написанное М. Булгаковым через «в». Это славянский вариант греческого имени Матфей. Ведь в старославянском языке отсутствовал губно-зубной согласный [ф], который произносился лишь в заимствованных словах (первая книга Нового Завета – Евангелие от Матфея).

Город Ершалаим / Ирушалаим (с вариациями в гласных) назывался так с момента основания. Более привычное для нас название Иерусалим – версия греческого языка, устранившая «шин».

Под диалогом культур подразумевают взаимодействие философских начал, людей и предметов [13, с. 206]. Для многих читателей романа, следивших за перемещениями булгаковских персонажей по древнему Ершалаиму, остается загадкой, откуда писатель так хорошо знает топографию столицы Иудеи? Что помогло ему с такой точностью перемещать своих героев по библейскому городу I в. н. э.?

Л. Галинская считает, что это стало возможным, благодаря выпущенному в Москве в 1881 макету Иерусалима и его окрестностей времен Иисуса Христа. Автором этой реконструкции со словесным описанием, созданной на основании более 20 планов, был Юрий Францевич Виппер. Все передвижения героев романа по древнему Ершалаиму прослеживаются по плану Виппера не только в пространственном, но и во временном отношении [6].

Таким образом, обращение к Талмуду, фактам арамейского и греческого языков, макету Иерусалима свидетельствуют не об отходе М. Булгакова от евангельских традиций в «ершалаимских главах» романа «Мастер и Маргарита», а о диалоге писателя с древними культурами.

Литература:

1. Аверинцев, С. С. М. М. Бахтин как философ: сборник статей / С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин; Рос. академия наук, Институт философии. – М. : Наука, 1992. – 256 с.
2. Барков, А. Назорей или Назорянин / А. Барков // Альфред Барков Роман Булгакова Мастер и Маргарита: альтернативное прочтение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookitut.ru/Roman-Bulgakova-Master-i-Margarita-aljternativnoe-prochtenie.17.html#a17.III-M-Gorjkij-prototip-bulgakovskogo-Mastera>
3. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
4. Булгаков, М. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы / М. Булгаков; предисл. В. И. Сахарова. – Мн.: Юнацтва, 1988. – 670 с.
5. Булгаков, М. Великий канцлер / М. Булгаков. – М.: Новости, 1992. – 544 с.
6. Галинская, Л. Ершалаим и его окрестности в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» // Л. Галинская // Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/148107/Galinskaya_-_Nasledie_Mihaila_Bulgakova_v_sovremennyh_tolko
7. Гаспаров, Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита” / Б. М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. – М., 1994. – С. 28–82.
8. Донины, Амброджо. У истоков христианства / Донины Амброджо. – М.: Политиздат, 1989. – 386 с.
9. Ермолинский, С. А. Драматические сочинения / С. А. Ермолинский. – М.: Искусство, 1982, – 703 с
10. Иванов А. Проблема апокатастасиса в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» [Электронный ресурс] / А. Иванов. – Режим доступа: <http://www.ld-magazine.ru/kafedra/issledovaniya/483-problema-apokatastasisa-v-romane-mikhaila-bulgakova-master-i-margarita-statya>
11. Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия архимандрита Никифора. – М., 1891. – Репринтное издание. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1990. – 902 .
12. Лакшин, В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / В. Лакшин // Новый мир. – 1968. – № 6. – С. 301–306.
13. Шабалин, А. Ю. Диалоговая концепция культуры в работах М. Бахтина и В. Библера / А. Ю. Шабалин // Вестник КРСУ. – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 206–207.

ИМЕННАЯ ПРОВОКАЦИЯ, ИЛИ ОСОБЕННОСТИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В РОМАНАХ Л. АНДРЕЕВА И И. ЭРЕНБУРГА

Л. Н. Икитян

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»*

NOMINAL PROVOCATION OR NAMING FEATURES IN THE NOVELS OF L. ANDREYEV AND I. EHRENBURG

L. N. Ikityan

Annotation. The author develops the problem of artistic onomastic in the on the material of the Leonid Andreevs and Ilya Ehrenburg's epic works – the final Andreev's novel a "Satan's Diary" (1919) and the first Ehrenburg's novel "The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and his disciples" (1921). Art nomination of the main characters is regarded as one way of organizing provocative literary text. Anthroponyms Henry Vandergud and Julio Jurenito analyzed according to their semantic meaning and phonetic form.

Художественная провокация – метод оригинальный и многогранный. Одним из способов провокативной текстовой организации является художественная номинация героев, которой, как известно, свойственна весомая смысловая нагрузка. Мы сосредоточимся на особенностях имянаречения у авторов, стоящих несколько особняком в общем литературном процессе прошлого столетия, в романах первой трети XX века – итоговом романе Леонида Андреева «Дневник Сатаны» (1919) и первом романе Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921).

Антропонимы в творческом наследии Андреева и Эренбурга ещё не стали предметом широкой научной рефлексии. Интерес к творчеству этих писателей устойчив, но не масштабен, широкой исследовательской аудитории не присущ. В силу этого многие аспекты поэтики их текстов находятся, что называется, в режиме ожидания. Мы предпринимаем попытку обозначить проблему художественного ономастикона этих авторов, представив ряд своих наблюдений над процессами художественной номинации в отдельных их произведениях в свете провокативной стратегии, не претендуя на полноту исследования.

В полном названии романа И. Эренбурга обозначено много имён, однако акцентным среди них является имя Хулио Хуренито. «Удвоенное» начальное «ху» в этом антропониме производит специфичные звуковые колебания, позволяющие констатировать, что в заглавии одной из величайших книг XX столетия «слышится не очень скрываемый хулиганский мат» [4, с. 347]. Неблагозвучность и проецируемая ею комичность имени этого персонажа позднее была обыграна внимательным читателем Эренбурга – М. Булгако-

вым [8, с. 246]. Дав в своём фельетоне «Как разбился Бузыгин» (1923) имя Хулио-Хуренито председателю месткома, им Булгаков словно передаёт нечто похожее на чих чиновничьего безразличия и посыл на соответствующие буквы. Интересно, что замещающее председателя лицо носит имя Иисус Навин, что, на первый взгляд, намечает бинарность сакрального и профанного, верха и низа, но, понятно, что и Хулио-Хуренито и Иисус Навин – представители одной системы и оба являются её продуктом. Глубокая ирония такого именованья у Булгакова скрыта в осознании нереальности (или весьма малой вероятности) существования в Стране Советов чиновников с такими именами, но изображение их, что называется, в связке, на наш взгляд, также подсказанная Эренбургом деталь. В номинации заглавного героя его романа усматривается сакральная проекция заглавных «Х» имени и фамилии на прозвище Иисуса – Христос (др.-греч. Χριστός – «масло») – помазанник, конечно же, проекция пародийная [см. 7]. Пародированием объясняется и намеренное неблагозвучие имени Хулио Хуренито, несмотря на миссию великой повитухи истории [9, с. 220], возложенную автором на героя. Нечто подобное можно усмотреть у Эренбурга в наречении «неприличной» фамилией заглавного героя другого романа «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» (1927). Первая часть фамилии персонажа имеет значение красный, а вторая толкуется либо как перевод с немецкого (Schwein) – свинья [3, с. 158], либо с идиша (טאגשוויטט) – в первоначальном значении хвост, но в расхожем среди носителей языка далёком от литературного обозначении мужского полового органа [5, с. 16; подроб. 2]. Такое именование героя, подчёркивает, по мнению исследователей, его «промежуточное положение между фольклорным и inferнальным плутами» [6, с. 85]. Однако родственный в своём неблагозвучии принцип художественной номинации Хулио Хуренито и Лазика Ройтшванца всё же не даёт основания ставить этих героев-плутов в один ряд: Хуренито если и плут, то совсем иного ранга.

Итак, при несомненной знаковости звукового облика имени Хулио Хуренито – элемента авторской дразнящей слух читателя провокации – значима также и его семантика. Полное «крестильное» имя героя, мексиканца по происхождению, – Хулио-Мария-Диего-Пабло-Анхелина, где последние три имени находятся в определённой смысловой взаимосвязи: Диего (исп. от Иаков) – учение, доктрина вполне согласуется с обширным философствованием Хулио Хуренито-Учителя (Диего переводится ещё и как преподаватель). При этом герой не претендует на доктринёрство и наставничество, и нюанс некоего самоумаления запечатлён в имени Пабло – малый. Однако нельзя не отметить провидческих характер умозаключений героя, на «вестническую» миссию которого указывает имя Анхелина (ангел с др.-греч. «вестник»).

Наиболее своеобразно в контексте романа Эренбурга «работает» семантика основного имени заглавного героя: Хулио (исп. от Юлиус) означает кудрявый. Это находит подтверждение в портретной характеристике персонажа с его «жёсткими, густыми завитками волос, как у негра» [9, с. 224]. Но важ-

ным фактором в восприятии героя, несущего суровое знание о мире, является видение в нём не ангела, а демона, густые завитки волос которого под шляпой кажутся рожками. Этот нюанс в обрисовке героя, словно наблюдающего за этим миром со стороны, созвучен главной сюжетообразующей линии романа Л. Андреева о вочеловечившемся сатане. В написанном тремя годами ранее «Дневнике Сатаны» изображается появление в этом мире обладателя не кажущихся, а реальных рогов и хвоста. Тщательная маскировка его inferнальной сущности, на наш взгляд, нашла отражение в «человеческом» имени сатаны, доставшемся ему вместе с телом умершего миллиардера Генри Вандергуда. Известно, что Андреев не знал английского языка, написания имени главного героя латиницей не имеется, поэтому каким оно могло бы быть в оригинале – большой вопрос. Сложно с уверенностью утверждать, что работая над онимом этого персонажа, Андреев точно представлял значение слов, входящий в его состав. Поэтому и отчётливо слышимое сочетание, разложимое на слова *wonder* – чудо и *good* – хорошо [см. 10], хотя и соответствует основной коллизии романа, где князь тьмы явил пример чуда преобразования мизантропа-насмешника в провидца судеб человеческих и сострадателя, такая транслитерация имени героя чисто гипотетическая. Понятно, что при наречении автор частично повторял имя прототипа – Альфреда Вандербильта (*Vanderbilt*), к которому добавил слово *good* (хорошо), широко известное всем и, вероятнее всего, одно из немногих знакомых писателю. Полагаемая нами произвольность составления этого имени даёт основание поиграть на созвучиях и предположить, что второй частью фамилии Вандергуд могло бы быть слово *hood* (начальное английское [h] в русской огласовке нередко даёт [г]) – капюшон, колпак, чехол и даже хохолок, что так походит на шляпу-котелок, скрывающую кудри-рожки Хулио Хуренито у Эренбурга.

Имя героя Генри (от Генрих), Андреевым, вероятно, также избиралось по принципу его соотнесённости с английским языком, ведь, будучи одним из наиболее распространённых имён в англоязычном мире, оно в дореволюционной России устойчиво ассоциировалось с представителями английской (ну и сообразно американской) культуры. При этом и значение этого имени – богатый домовладелец, глава в доме, властелин двора – созвучно «статусу» андреевского героя, владельца многомиллиардного состояния.

Степень inferнальности героев Андреева и Эренбурга лишь один из моментов косвенного их касательства. Более существенной выявляется их провокаторская миссия, к изображению которой Андреев и Эренбург подошли довольно своеобразно, давая героям такие имена, что привлекают внимание своим звучанием, а значением (точным фактическим или полагаемым в высокой степени вероятности) побуждают к прямым ассоциациям, предположениям и догадкам. Эстетическую основу провокативного вскрытия этими героями язв общества составляют либо кроющееся до времени чудо преобразования этого мира (Вандергуд/*Wondergood*), либо желание его полного из-

ничтожения, о чём пророчествуют мрачные вестники, посылающие этот мира туда, о чём кричит имя Хулио Хуренито.

Литература:

1. Бурьяк, А. В. Илья Эренбург как сдувшийся пузырь [Электронный ресурс] // Бурьяк А. В. Личный сайт: <http://bouriac.narod.ru>. – Режим доступа: <http://bouriac.narod.ru/PORTRAYS/Ehrenburg.htm>.
2. Векс, М. Жизнь как квеч. Идиш: язык и культура / М. Векс; пер. с англ. А. Фруман. – М.: Текст: Книжники, 2012. – 384 с.
3. Журчева, Т. Роман Ильи Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца» как воплощение трагикомического мироощущения автора / Т. Журчева // Художественный язык литературы 20-х годов XX века. – Самара: Изд-во СГПИ, 2001. – С. 152–168.
4. Кантор, В. К. Метафизика еврейского «нет» в романе Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито» / В. К. Кантор // Русско-еврейская культура / Междунар. исслед. центр рос. и восточноевроп. еврейства; отв. ред. О. В. Будницкий. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 345–371.
5. Львов, А. Мечты Лазика Ройтшванеца / А. Львов. – Одесса. – 1998. – № 4. – С. 15–18.
6. Миленко, В. Д. Еврейский тип в системе образов русского плутовского романа 1920-х годов / В. Д. Миленко // Наукові записки Харківського націон. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. – 2006. – Вип. 4 (48). – С. 79–87.
7. Николаев, Д. Д. Воланд против Хулио Хуренито / Д. Д. Николаев // Вестник МГУ. Филология. – 2006. – № 5.
8. Чудакова, М. О. «И книги, книги...» (М. А. Булгаков) / М. О. Чудакова // «Они питали мою музу...»: книги в жизни и творчестве писателей / сост. С. А. Розанова. – М.: Книга, 1986.
9. Эренбург, И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито : роман / И. Г. Эренбург // И. Г. Эренбург. Собр. соч.: в 8 т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 217–454.
10. Mekhasiuk, S. E. Verbal and stylistic means and methods of emphasizing the expression in the novel of L. Andreyev “Satan’s Diary”/ S. E. Mekhasiuk // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences Scientific journal. – 2015. – № 1–2. – С. 161–164.

О СНЯТЫХ С ТРУПА САПОГАХ: ПУШКИНСКИЙ КОНТЕКСТ НОВЕЛЛЫ СИГИЗМУНДА КРЖИЖАНОВСКОГО «ИГРОКИ»

С. С. Кауров

*КГУ «Специализированная школа-интернат «Мурагер»
Управления образования Карагандинской области» (Караганда, Казахстан)*

ABOUT THE BOOTS PULLED OFF FROM THE CORPSE: PUSKIN'S CONTEXT OF THE NOVEL «PLAYERS» OF SIGIZMUND KRZHIZHANOVSKY

S. S. Kaurov

Summary. The context space of novel «Players» written by Sigizmund Krzhizhanovsky is considered in the article. The author determines Pushkin's sources of artistic imagery in the creative work, their adaptation and interpretation of writer in the conditions of new time.

Новелла «Игроки», входящая в состав сборника Сигизмунда Кржижановского «Мал мала меньше», в свойственной писателю парадоксальной манере описывает игру поэта и бухгалтера в условиях революционного города в штос, главным выигрышем которого являются сапоги: *«Дело в том, что на двоих у них была одна пара сапог, постоянно переходившая, в зависимости от расклада карт, с рук на руки. Точнее: с ног на ноги»* [5, с. 212]. Однажды поэт, в очередной партии выиграв вселенную, отправился за дровами, но по пути был убит. Бухгалтер, отправившись на поиски товарища, увидел поэта, лежащего мертвым на земле, и, недолго думая, стащил с трупа сапоги и натянул их на себя: *«О вселенной, так и оставшейся собственностью поэта, он и не подумал»* [5, с. 215].

По наблюдениям исследователей, сапожная тема оказывается одной из сквозных в русской литературе XIX века: *«В высшей степени реалистичный предмет сумел выразить далёкие от бытовых контекстов темы – от метаскрипции автора до метасуществования героя»* [7, с. 48]. «Пришедшие» в литературу в 1840-х годах в качестве характерной детали «маленького человека», сапоги надолго закрепились в статусе главной вещи литературного гардероба: *«Оглянись кругом, не увидишь ли для забот своих предмета более благородного, чем свои сапоги»* [2, с. 121]. Наиболее разработана тема оказывается в творчестве Гоголя и Достоевского, в новелле же Сигизмунда Кржижановского сапожное повествование отчетливо прочитывается в «пушкинском» контексте темы.

Так, смерть поэта и утрата им сапог как символа происходящей дискриминации ценностей, связанной с образом бухгалтера, без колебаний стягивающего с трупа сапоги, во многом созвучна событиям из повести «Капитанская дочка». Гринев, находящийся в растерянности от произошедших событий в крепости, проходя мимо площади, видит башкирцев, *«которые тесни-*

лись около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных» [8, с. 312]. Высокая ценность для персонажей и Пушкина, и Кржижановского, казалось бы, столь утилитарного предмета гардероба имеет свою национально-культурную основу.

Так, по наблюдениям А. В. Тихомировой, наиболее продуктивными наименованиями обуви в группе лексики и фразеологии выступают лапоть и сапог: *«В языковой традиции они постоянно образуют пару, в которой сапог оценивается положительно, а лапоть отрицательно: кожаную обувь могли себе позволить состоятельные люди, обладающие высоким социальным статусом, а плетеная обувь была показателем принадлежности к бедному, крестьянскому населению»* [11, с. 46].

В фольклоре сапог нередко выступает в качестве обязательного атрибута жениха: *«Каков женишка, таковы и сапожишки»*. Для сапога характерен мотив доминирования, подчинения. Идея богатства, материального достатка для ряда сходных выражений становится ведущей. «Мотив материального благополучия, – пишет исследователь, – становится одним из наиболее ярких в коннотативном спектре сапога. Ситуация смены социального статуса сравнивается с надеванием обуви, обеспечивающей комфорт, удобство: *как в ногу сапог»* [11, с. 47].

В литературе XIX века сапоги продолжают оставаться неким социально-психологическим феноменом представителей самых разных слоев. В повести Ф. М. Достоевского «Бедные люди» Макар Деушкин предается воспоминаниям о сапогах: *«Сапоги новые, например, с таким сладострастием надеваешь – это правда, я ощущал, потому что приятно видеть свою ногу в тонком щегольском сапоге»* [2, с. 89]. Глава первого тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя заканчивается такой картиной: *«Какой-то приехавший из Рязани поручик, большой, по-видимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую. Несколько раз подходил он к постели, с тем чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук»* [1, с. 153]. Герой рассказа А. П. Чехова «Утопленник» на вопрос, почему возникает разница в цене «утопления» в сапогах и без них, прямо заявляет, что *«сапоги составляют самую дорогую часть одежды»* [12, с. 104].

В новелле Кржижановского ситуация революционного города усугубляет положения героев, низвергая высокие идеалы бытия до равнодушного поступка героя, не пожелавшего потерять столь ценный предмет гардероба.

Новелла «Игроки» датирована писателем 1937 годом – годом ширококомаштабного празднования 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина, с именем которого связываются не только отмечаемыми исследователями хрестоматийные «сапожные» тексты – стихотворение «Сапожник» и повесть «Гробовщик», но и, заметим, произведение 1835 года «Воротился ночью мельник»:

Воротился ночью мельник...
 Жёнка, что за сапоги?
 Ах, ты пьяница, бездельник,
 Где ты видишь сапоги?
 Иль мутит тебя лукавый?
 Это вёдра. – Вёдра, право?
 Ни во сне, ни на яву
 Не видал до этих пор
 Я на вёдрах медных шпор [9, с. 239].

В газете «Правда» 8 февраля 1937 года выходит «Шотландская баллада» С. Маршака, сопровождающаяся следующей заметкой: «Шотландская баллада С. Маршака является обработкой старинной шотландской народной песни, которая представляет для нас сейчас особенный интерес, потому что в свое время послужила источником известного стихотворения Пушкина «Воротился ночью мельник» [6, с. 30].

Пушкинский контекст сапожной темы усиливается тем, что поэт ограничился переработкой только второй строфы, связанной именно с сапогами. «Песня утомительна своей длиннотой и повторениями, в которых мало нового. То, что из нее взял Пушкин, едва ли не самое остроумное в ней и не самое характерное», – констатирует комментатор издания трудов поэта, закрепляя, таким образом, неразрывную связь сапожной темы и Пушкина [4, с. 54].

Заметим, что личностное – «пушкинское» – измерение сапоги приобретают еще в 60-х годах XIX века в момент расцвета утилитаризма в отношении литературы и творчества: «Молодое перо! Отселе вы должны себе взять за правило, что сапоги, во всяком случае, лучше Пушкина, потому что без Пушкина очень можно обойтись, а следственно, Пушкин – роскошь и вздор» [3, с. 235]. В новелле Кржижановского тезис художественно подтвержден: действительно, обойтись бухгалтеру без сапог сложнее, нежели без поэта.

Инверсия жизненных ценностей, происходящая в новелле «Игроки», вновь актуализирует вопрос сущности творчества, призвания поэта, столь актуальный на рубеже веков: «Что «сапоги выше Пушкина», – притом действительно выше и священнее, святее его – показала и доказала впервые русская литература вот этого особенного течения и направления... Позвольте: но уже не я и не Каронин сказали, что Лазарь в ранах выше Давида, играющего псалмы на арфе, выше Соломона в его убранстве одежд и что вообще «последний в Царстве Божиим – выше Авраама с его плодущим лоном»... Таким образом, «Пушкин» и «сапоги» далеко не впервые прозвучали во всемирной истории, и выдумала эти слова вовсе не русская литература... Есть вечная истина, когда «сапог» действительно выше Аполлона, играющего «на цитре». Это – пот, страдание, подвиг. Вот Он.

Голгофский Страдалец сказал. *А русская литература вся превратилась в Голгофу от Шлиссельбурга и от Гершельмана...»* [10].

Таким образом, пушкинский контекст новеллы «Игроки» имеет не только собственно литературную основу, но и выходит за рамки творчества Пушкина.

Литература:

1. Гоголь, Н. В. Мертвые души. – Том первый // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1952. – Т. 6. Мертвые души. Том первый. – 1951. – С. 5–247.
2. Достоевский Ф.М. Бедные люди / Ф. М. Достоевский. Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука, 1988. – Т. 1. – 430 с. – С. 31–146.
3. Достоевский, Ф. М. Критики и публицистика. 1861–1864. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 301 с.
4. Каррик, В. О происхождении одного стихотворения Пушкина: («Воротился ночью мельник») / В. О. Каррик // Пушкин и его современники: материалы и исследования / комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. – Пг., 1923. – Вып. 36. – С. 48–58.
5. Кржижановский, С. Неукушенный локоть: собр. соч. / С. Кржижановский; сост. и комм. В. Перельмутера. – СПб.: Симпозиум, 2003. – Т. 3. – 273 с. – С. 212–215.
6. Маршак, С. Собр. соч.: в 8 т. / С. Маршак. – М.: Художественная литература, 1969. – Т. 4. – С. 28–30.
7. Печерская, Т. И. «Сапоги в квадрате»: сапожный сюжет в русской литературе 1840–1870-х годов / Т. И. Печерская // Сюжетология и сюжетография. – 2014. – № 1. – С. 38–49.
8. Пушкин, А. С. Капитанская дочка // А. С. Пушкин. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 6. – С. 258–370.
9. Пушкин, А.С. Сцены из рыцарских времен / А. С. Пушкин. Полн. соб. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 7. Драматические произведения. – 1948. – С. 213–241.
10. Розанов, В. В. С вершины тысячелетней пирамиды (Размышление о ходе русской литературы) / В. В. Розанов. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rus-Rozanov/99.htm> (дата обращения: 25.05.2016).
11. Тихомирова, А. В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда / А. В. Тихомирова // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 1 (21). – С. 43–50.
12. Чехов, А. П. Утопленник: сценка // А. П. Чехов. Полн. соб. соч. и писем: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. – Т. 4. 1976. – С. 103–106.

**ПОРТРЕТНАЯ ЛЕКСИКА
В РАННЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Л. Н. ТОЛСТОГО**

А. А. Алехина, Л. В. Климина

*ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
(Стерлитамак)*

**PORTRAIT LEXIS
IN EARLY ARTISTIC PROSE L. N. TOLSTOY'S**

A. A. Alehina, L. V. Klimina

Summary. The article presents the results of a study of language features portraits of literary characters LN Tolstoy's early period. The author refers to the study of verbal portrait series of the novel "Family Happiness", the story "Two Hussars" and the story "The history of yesterday."

Большинство исследователей, занимающихся изучением портрета литературного героя, на первый план ставят описание его внешности – главной составляющей портрета. Характеристика внешности литературного персонажа создает некий зрительный образ в сознании читателя, который воспринимается как эмоционально, экспрессивно и эстетически значимый объект. На современном этапе развития лингвистической науки особенно важным представляется изучение средств создания словесной характеристики внешности, используемых автором, и механизмов их применения в художественном произведении. Анализ портретных описаний, созданных Л. Н. Толстым в ранних художественных произведениях, представляет интерес для исследования.

Опираясь на проанализированные портретные описания персонажей романа «Семейное счастье», повести «Два гусара» и рассказа «История вчерашнего дня», можно сделать вывод о том, что Л. Н. Толстой через внешний облик героя показывает его внутренний мир. Часто по внешним портретным зарисовкам можно предугадать происхождение или увлечения героя. Например: «Стройная молоденькая цыганочка с кирпично-красным румянцем на коричневом лице» («Два гусара»). Портретная лексика в ранней прозе Толстого может быть стилистически нейтральной (обозначения части тела – нос, рот, глаза, рука, нога) и эмоционально окрашенной («лучистые глаза», «жесточкий рот» и т. д.). При описании портрета литературных героев писатель использует все части речи (прилагательные, существительные, глаголы, причастия, деепричастия и наречия). По нашим наблюдениям, прилагательные являются наиболее употребительными. Именно характеризующие слова указывают на положительную или отрицательную эмоциональную оценку.

В ранней художественной прозе Л.Н. Толстого наиболее выразительными деталями внешности человека являются глаза. Например, в романе «Семейное счастье»: «В глаза посмотрел своим твердым и веселым взглядом..» и «Глаза стали блестящие..». Сравните в рассказе «История вчерашнего дня»:

«черными, полузакрытыми, но энергическими глазами» и «с заспанными глазами». В повести «Два гусара» глаза описываются совсем по-другому: «прямо улыбающимися глазами», «впалыми черными глазами», «с блестящими, глубокими черными глазами, осененными длинными ресницами» и др. В произведениях Толстого имеют место немногочисленные описания волос: «молоды не одним отсутствием морщин и седых волос» («Два гусара»), «больше седых волос» («Семейное счастье»).

Разнообразные душевные движения литературного героя, отраженные в его внешнем облике, делают мысли, чувства, ощущения персонажа видимыми и конкретными. Например, «по усам, голосу и какой-то энергической развязностью в ногах, очевидно, отставной кавалерист» («Семейное счастье»), «с огромным горбатым носом коричневого цвета и впалыми черными глазами» («Два гусара»), «головку с тонким и кругловатым очерком лица, черными, полузакрытыми, но энергическими глазами, с узеньким и острым, острым носиком и с таким ртом» («История вчерашнего дня»). Особое внимание Толстой уделяет описанию лиц, например, в «Семейном счастье»: «Изменил кротко-задумчивое выражение своего лица», «Лицо его вдруг мне показалось старо и неприятно». Сравните с описаниями лиц в рассказе «Два гусара»: «Изнуренное, но веселое лицо», «Стройная молоденькая цыганочка с кирпично-красным румянцем на коричневом лице».

Слова, обозначающие названия одежды, обуви, головных уборов, в основном стилистически нейтральные, но и они могут передавать эмоциональную оценку, главным образом, с помощью специальных суффиксов – «сюртучишко», «платьице». Например, «Оставшись в атласном синем архалуке» («Два гусара»), «В синем фраке с огромным воротником и буфами на плечах, в чулках и башмаках» («Семейное счастье»), «Белое кисейное платьице» («Семейное счастье»). Как бы ни менялся персонаж в произведении, Толстой оставляет своему герою какой-то яркий, характерный именно для него признак. Например, Сергей Михайлович («Семейное счастье») «с мнимосерьезным и равнодушным лицом», «спокойный» и «впалыми черными глазами», а Федор Трубин («Два гусара») «молод не одним отсутствием морщин и седых волос».

В ранней прозе Л. Н. Толстого портретные словесные ряды неразрывно связаны с эмотивными словесными рядами. Писатель, описывая внешность литературных героев, повествует об их чувствах, душевных состояниях. Так, в повести «Семейное счастье» ключевая эмоция – радость персонажей от осуществления в жизни идеала счастья. Однако открывает роман эмоция грусти, которую испытывает героиня и близкие ей люди после смерти матери. Эмоцию грусти образует в тексте прежде всего следующая эмотивная лексика, подчеркивающая портретные детали персонажей: «мрачный», «грустный», «печальный», «не смеялись», «вздохали», «плакали». Например: «У всех были печальные лица, все говорили тихо, как будто боясь разбудить кого-то, не смеялись, вздохали и часто плакали, глядя на меня и в особенности

на маленькую Соню в черном платье». Эмоциональная тональность портретной лексики меняется с появлением главного героя произведения: «всегда веселый», «улыбался», «посмотрел твердым и веселым взглядом», «ласковая, как будто детская, улыбка», «был разговорчив, весел», «добрый, внимательный взгляд ... радостно смутил меня», «веселое лицо», «веселей будет», «весело сбежала вниз по лестнице», «взглядом обласкал, как ребенка». Портретные детали как в структуре образа Маши, так и в структуре образа Сергея Михайловича представлены динамично. Героям свойственны не только эмоции радости, удовольствия, но и чувство горечи, раздражения, грусти.

Портретные словесные ряды переплетаются в ранних художественных произведениях Л. Н. Толстого не только с эмотивными словесными рядами, но и с бытовыми словесными рядами. В этом плане особенно интересна повесть «Два гусара». Главная идея «Двух гусаров» – осуждение практицизма. В тексте этого произведения имеют место описания провинциальной и деревенской русской жизни. В этих описаниях важную роль играют портретные зарисовки героев. Интересно отметить, что в портретных словесных рядах «Двух гусар» доминантами являются слова с положительным значением. Например, выражения «прекрасная наружность», «улыбающиеся глаза» и глагол «улыбался», деепричастие «улыбаясь». Часто в повести «Два гусара» встречаются описания внешности красивых людей. В произведении автор представляет три вида женской красоты: «Граф затмил всех их и танцевал с тремя главными дамами: с большой – богатой, красивой и глупой, с средней – худощавой, не слишком красивой, но прекрасно одевающейся, и с маленькой – некрасивой, но очень умной дамой. Он танцевал и с другими, со всеми хорошенькими, а хорошеньких было много». Однако более частотны в этом произведении Толстого стилистически сниженные портретные словесные ряды, что обусловлено содержанием контекстов. Например: «Он мне зубы разбил, – ворчал Сашка, вытирая одной рукой окровавленный нос, а другой почесывая спину облизывавшегося Блюхера, – он мне зубы разбил. Блюшка, а все он мой граф, и я за него могу пойти в огонь...».

По нашим наблюдениям, писатель, описывая героев повести, обращает внимание на их возраст и темперамент, например: «Улан, молоденький, веселый мальчик...» («Два гусара»). В портретных словесных рядах повести «Два гусара» языковые средства часто употребляются в переносных метафорических значениях. Сравните использование словосочетания «поплыла дальше» в описании танцующей героини: «Когда заиграли плясовую и, дрожа плечами и грудью, прошлась Дуняша и, развернувшись перед графом, поплыла дальше...». Стилистически сниженные портретные словесные ряды в повести «Два гусара» соответствуют ироническому и разговорному характеру контекстов и выполняют задачу раскрытия «диалектики души» героев.

Для передачи особенностей характера героя Л. Н. Толстой прибегает к использованию жестов (жесты приветствия, прощания, "запрещающие" и "позволяющие" жесты и т. д.). Например, по рукопожатию нередко можно уз-

нать о характере человека и его отношении к другим людям. Так, в «Семейном счастье» замечаем жесты Сергея Михайловича, по которым Маша пытается понять его чувства: «Он взял своею большою рукой меня за руку, и пожал так крепко, честно, только что не больно».

Таким образом, изображая портрет персонажа, Л. Н. Толстой уже в ранних прозаических произведениях стремится раскрыть его внутренний мир, показать свое отношение к герою, к его характеру и поступкам. Нередко введением новых деталей в описание своих героев в ходе повествования автор добивается более глубокого раскрытия замысла произведения. В дальнейшем творчестве данное отношение писателя к роли портретных зарисовок в смысловой структуре произведений будет продолжаться и развиваться. В романе "Война и мир" более пятисот действующих лиц, и все они совершенно разные, непохожие друг на друга, но чрезвычайно яркие и реальные.

Литература:

1. Богуславский, В.М. Словарь оценки внешности человека / В. М. Богуславский. – М.: Наука, 2004. – 256 с.
2. Кричевская, Л. И. Портрет героя / Л. И. Кричевская. – М.: Высшая школа, 1984. – 182 с.
3. Храпченко, М. Б. Лев Толстой как художник / М. Б. Храпченко. – М.: Советский писатель, 1963. – 661 с.
4. Климина, Л. В. Анализ текста: лингводидактический аспект: учеб. пособие для студентов филологических специальностей педвуза / Л. В. Климина. – Sterlitaamak: Sterlitaamakskaya gos.ped.akademiya im. Zaynab Biishevoy, 2009. – 209 с.
5. Климина, Л. В. Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие для студентов филологических специальностей вуза / Л. В. Климина. – Sterlitaamak: SF BashGU, 2014. – 103 с.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РАССКАЗА К. Г. ПАУСТОВСКОГО «ПОДАРОК»

Л. В. Климина

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (Sterlitaamak)

THE SEMANTIC SPACE OF STORY K. G. PAUSTOVSKY "PRESENT"

L. V. Klimina

Summary. Currently linguists actively explore the semantic organization of the text. During the work with the text of art modern linguists distinguish the following areas of semantic space: denotative, conceptual and emotive text space. The

article presents an analysis of the semantic space of story K.G. Paustovsky "Present".

В начале нового столетия лингвисты активно изучают семантическую организацию текста, выявляют и описывают составляющие его содержания. Для обозначения содержательной стороны текста в современной филологической науке используется термин «семантическое пространство» [2, с. 50–51]. В формировании семантического пространства текста участвует само словесное литературное произведение, содержащее авторские языковые средства, и читатель, воспринимающий и интерпретирующий текст. Бинарность семантического пространства текста обуславливает его открытость и способность выразить явные (эксплицированные) и неявные (имплицитные) смыслы. Семантическое пространство художественного текста включает следующие текстовые универсалии: «человек», «время», «пространство» [1, с. 53]. Человек, его переживания и духовные искания составляют центр литературного произведения, помимо информации о действительности. Антропоцентризм текста обусловлен центральной позицией человека в облике автора и облике персонажей в семантическом пространстве текста. Человек в тексте изображается во времени и пространстве. Категории «время» и «пространство» обнаруживают знания автора о мире, то есть соотнесены с категорией образа автора в тексте и выполняют конкретизирующую и характерологическую функции. Учитывая значимость категорий «человек», «время», «пространство» в формировании семантики художественного текста, Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин считают необходимым выделить в качестве важнейших следующие сферы семантического пространства: денотативное, концептуальное и эмотивное пространство текста [1, с. 54].

В денотативном содержании рассказа К. Г. Паустовского «Подарок» основным сигналом глобальной ситуации является ключевое слово «подарок», которое вынесено в сильную позицию текста – в позицию заглавия. Семантика этого выражения указывает на тип изображаемой ситуации, в которой ожидается безвозмездная передача чего-либо с целью доставить удовольствие. Первые текстовые фрагменты рассказа – рассуждение о том, что «многое в природе устроено не так, как нам хотелось бы». Это рассуждение и явилось причиной дарения березки.

Каждый раз, когда приближалась осень, начинались разговоры о том, что многое в природе устроено не так, как нам бы хотелось. Зима у нас длинная, затяжная, лето гораздо короче зимы, а осень проходит мгновенно и оставляет впечатление промелькнувшей за окном золотой птицы.

В данном рассказе следующий круг участников ситуации: внук лесника Ваня Малявин, мальчик лет пятнадцати, рассказчик, от лица которого ведется повествование, Рувим, дед мальчика, лесничий, дед Митрий, по прозвищу «Десять процентов». Участники глобальной ситуации связаны определенными отношениями. Ваня принес в подарок рассказчику маленькую, выкопан-

ную с корнем березу, услышав из разговора повествователя с Рувимом, что они жалеют об уходящем лете. Это характеризует мальчика как отзывчивую и чуткую натуру. На этот шаг его надоумил дед, который воплощает в себе народную смекалку и способность находить решение из любой ситуации. Рационализм мышления представляет лесничий, объясняющий причину неудачного желания спасти зеленую березку:

– Это закон, – сказал он. – Закон природы. Если бы деревья не сбрасывали на зиму листья, они бы погибали от многих вещей – от тяжести снега, который нарастал бы на листьях и ломал самые толстые ветки...

В раскрытии глобальной ситуации в разных аспектах участвуют 8 макропропозиций, которые выводятся из всего содержания рассказа:

1. Разговоры и чтение журнала «Вокруг света».
2. Дарение Ваней подарка – березки-двухлетки как памяти о лете.
3. Жизнь березки в самой светлой и теплой комнате.
4. Первый заморозок ночью.
5. Огорчение Вани, Рувима, рассказчика.
6. Объяснение лесничим неудачи спасти «память о лете».
7. Пояснение деда Митрия.
8. Высадка березы в сад, под забор.

Вторая макропропозиция («Дарение Ваней подарка – березки-двухлетки как памяти о лете») является ключевой ситуацией: «Он о лете беспокоится, вот и будет ему на студеную зиму летняя память». Все последующие макропропозиции представляют собой развитие глобальной ситуации. Устройство природы неподвластно человеку:

Комнатная теплота не спасла березу. Через день она облетела вся, как будто не хотела отставать от своих взрослых подруг, осыпавшихся в холодных лесах, рощах, на сырых по осени просторных полянах.

Итак, текстовые смысловые связи объединяют микроситуации, представленные в наборе макропропозиций, в единый текстовый денотат – глобальную ситуацию, которая в самом общем виде задается заголовком текста, а затем интерпретируется в разных текстовых эпизодах. В результате создается целостная картина изображаемого бытия. Образ пространства в рассказе формируют номинации пространственных координат (*осень, зима, лето, ночь*), топонимы и слова, обозначающие объекты и предметы, заполняющие текстовое пространство (*деревня, дедовская сторожка с Урженского озера, светлая и теплая комната у окна, сад*). В рассказе отражено линейное географическое пространство, которое отличается реалистичностью и точностью описания. Для создания образа динамического пространства автор использует предикаты движения, причем наблюдается движение персонажей (*приходил, приносил, прибежал, принес, принесли, поставили, проснулся, оделся, вышел, вернулся, высадили в сад*) и действия явлений и объектов природы (*приближалась, проходит, поднялись, шумели, врывался, хлопал дверью, поселилась, горели темным пурпуром, ссыхался, молодела, пришел, надышал*

холодом, посыпал инеем, захрустел, обрадовались, обмыл лицо, синева сменилась мглой, падали, пожелтели). Сюжетное время в произведении имеет внутреннее развитие, внутреннюю линейную организацию. Темпоральная динамика передается следующими словами: *каждый раз, когда приближалась осень, как-то ночью однажды, в саду поселилась осень.*

В процессе выполнения концептуального анализа рассказа необходимо обратить внимание на его заглавие, выявить ключевые слова, исследовать лексический состав с целью выяснения концептуального смысла произведения и структурирования его концептосферы. Так, заглавие рассказа «Подарок» обозначено номинативным выражением, обычным по форме и ясным в информативном отношении. Данное слово, многократно повторяясь в рассказе, выполняет текстообразующую функцию. К ключевым словам произведения относятся следующие лексемы: *последняя память о лете, выкопанная с корнем береза, летняя память, память о лете.* Ключевые слова группируются в содержательной структуре рассказа вокруг его основной текстовой доминанты *подарок* и раскрывают его смысл.

В концептосфере рассказа подарок-березка – субъект, объектом воздействия которого являются внук лесника Ваня Малявин, Рувим, рассказчик, знакомый лесничий, дед Митрий. Способ воздействия – жизненная сила субъекта. Причина – показать, что ничто не властно над законами природы. Ближайшая периферия – ситуация дарения мальчиком выкопанной березки рассказчику и деду Рувиму. Дальнейшая периферия – размышления участников события о силе природы и неподвластности ее человеческим желанием.

Эмотивное пространство рассказа К. Г. Паустовского «Подарок» формирует эмотивы в репликах повествователя и персонажей: «жалко лета», «весело поглядеть на зеленый лист», «ещё больше об осени жалею», «повеселела, и даже листья у нее уже шумели», «листья осыпались печальным дождем», «все мы были огорчены», «они зимой исстрадались». Основная эмоция произведения – *огорчение от крушения надежды*, которая доминирует по частотности и текстовой значимости. Эту эмоцию образует в тексте, прежде всего, следующая эмотивная лексика: *многое в природе устроено не так, как нам бы хотелось, зима затяжная, лето гораздо короче зимы, покраснел, подарок, беспокоится о лете жалею, были огорчены, усмехнулся, передразнил, исчахнет, исплечется, исстрадались.* Открывает рассказ эмоция печали, которая ненадолго сменяется чувством обретения надежды. Грусть является ключевой эмоцией в создании психологических портретов персонажей. Эмотивные смыслы в структуре образов персонажей характеризуются политональностью. Литературным героям Паустовского свойственны не только эмоции грусти, печали, но и чувство радости:

Мы принесли из сарая ящик, насыпали его доверху землей и пересадили в него маленькую березу. Ящик поставили в самой светлой и теплой комнате у окна, и через весь день опустившиеся ветки березы поднялись, вся она пове-

селела, и даже листья у нее шумели, когда сквозной ветер врывался в комнату и в сердцах хлопал дверью.

Эмоциогенными в рассказе К. Г. Паустовского являются не только фрагменты, изображающие эмоции персонажей. Ключевую эмоциональную роль в произведении выполняют контексты с описанием природы. Пейзажная зарисовка открывает произведение и окрашивает его общей печальной тональностью: *«Каждый раз, когда приближалась осень, начинались разговоры о том, что многое в природе устроено не так, как нам бы хотелось. Зима у нас длинная, затяжная, лето гораздо короче зимы, а осень проходит мгновенно и оставляет впечатление промелькнувшей за окном золотой птицы».* Этот пейзаж вызывает печальные мысли и светлую грусть у персонажей, и вызывает размышления о природе у читателей.

В заключительных эпизодах рассказа утверждается гармония добрых чувств и душевного состояния рассказчика, Рувима, мальчика: *«Березу мы высадили в сад, под забор, а ее желтые листья собрали и засушили между страниц «Вокруг света».* Этим и кончилась наша попытка сохранить зимой память о лете».

Таким образом, лингвистический подход к исследованию содержания художественного произведения небольшого объема является продуктивным, поскольку позволяет грамотно разобраться в образно-смысловой структуре текста и объективно определить авторскую точку зрения.

Литература:

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 496 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
3. Климина, Л. В. Анализ текста: лингводидактический аспект: учеб. пособие для студентов филологических специальностей педвуза / Л. В. Климина. – Стерлитамак: Стерлитамакская гос.пед.академия им. Зайнаб Бишшевой, 2009. - 209 с.
4. Климина, Л. В. Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие для студентов филологических специальностей вуза / Л. В. Климина. – Стерлитамак: СФ БашГУ, 2014. – 103 с.

ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

С. В. Коломиец

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

HYPertextUALITY AS ONE OF SPECIFIC CHARACTERISTICS OF INTERNET ADVERTISING

S. V. Kolomiyets

Summary: Internet communication is the most rapidly developing segment of mass communication nowadays. This paper deals with the phenomenon of Internet advertising. Some attempts to analyze hypertextuality as one of the basic features of Internet advertising are made.

Реклама как важнейший социоэкономический элемент общественной жизни и необходимое средство массовой коммуникации является, с одной стороны, объектом изучения многих наук: философии, социологии, психологии. С другой стороны, в ряду других средств коммуникации она имеет ряд специфических черт, связанных с построением рекламных текстов, и в силу этого становится предметом лингвистических исследований [1, с. 142].

Любой масс-медиа-текст, предлагающий товар или услугу, представляет собой соединение как рекламной, так и более универсальной, информативной функции. Следовательно, «реклама – это форма коммуникации, переводящей качество товара или услуги на язык нужд и запросов потребителя» [7, с. 12]. Рекламный дискурс представляет собой связный вербально-невербальный (поликодовый) текст, призванный реализовать авторскую стратегию – убеждение в сочетании с информацией. Исходя из основных целей рекламы, логично предположить, что ведущими функциями рекламного дискурса являются воздействующая и информативная.

На сегодняшний день можно считать неоспоримым фактом бурный рост Интернет-коммуникации. Появление глобальной сети Интернет можно сравнить с изобретением плуга, колеса и печатного пресса, так как оно повлияло на всё человечество и затронуло все сферы деятельности человека. Учитывая количество пользователей, которое на сегодняшний день приблизительно равно 3,2 миллиардам человек, одним из наиболее перспективных каналов реализации рекламных сообщений становится сеть Интернет. Электронная среда коммуникации обуславливает модификацию и трансформацию традиционных внесетевых рекламных жанров и созданию новых жанров интернет-рекламы. Особенности коммуникации в сети Интернет определяют выбор языковых и визуальных средств, организацию рекламного сообщения.

Л. Ю. Шипицына выделяет следующие медийные характеристики жанров компьютерно-опосредованной коммуникации: гипертекстовая организация,

мультимедийность, интерактивность, синхронность / асинхронность, вариативность количество и эксплицированность коммуникантов [8, с. 28–29].

Таким образом, очевидной и одной из главных отличительных черт интернет-рекламы от внесетевой рекламы выступает её гипертекстовый характер, что находит своё отражение в немногочисленных определениях интернет-рекламы.

Интернет-реклама – гипертекстовое произведение, нацеленное на продвижение товаров и услуг, размещённое в сети Интернет. Отличительными чертами интернет-рекламы можно считать её гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, принцип таргетинга, использование коллаборативной фильтрации (метод, дающий автоматические прогнозы относительно интересов пользователя по собранной информации и построенный на том допущении, что те, кто соглашался с каким-то предложением в прошлом, могут быть склонны согласиться и в будущем), возможность отслеживать эффект рекламного послания, неограниченный объём рекламной информации [3].

Интернет-реклама имеет, как правило, двухступенчатый характер. Первая ступень – внешняя реклама, размещаемая рекламодателем у издателей, – рекламный носитель. Виды этой рекламы: баннеры, текстовые блоки, байрики, минисайты, Interstitials. Такая реклама обычно имеет ссылку непосредственно на сайт рекламодателя (вторая ступень) [6, с. 263].

А. М. Тупикова пишет о том, что «существующий массив исследований по гипертексту предлагает ряд еще не совсем устоявшихся терминов, которые акцентируют те или иные характеристики структуры гипертекстов. Общим при описании структуры является деление на гипертекст (родовое понятие) и единицы низшего порядка (узлы, гипотексты, текстоны модули – видовые понятия). Гиперссылки, обнаруживают различные связи внутри гипертекста с помощью различных семиотических систем» [5, с. 174].

Наиболее широко гипертекст можно определить как текст, состоящий из знаков, образов, смыслов, основанный на многовариантных способах взаимосвязи между фрагментами, осуществляемый с помощью гиперссылок.

Рекламный текст, как и любой другой текст, имеет определенную структурную организацию. Для внесетевых рекламных сообщений характерно наличие в структурной организации текста рекламного сообщения следующих основных компонентов: графической части (иллюстрация, товарные знаки, логотипы и др.); слогана (рекламный призыв, лозунг); основного текста, который может содержать диапазон предлагаемых товаров/услуг, побуждение адресата к действию и др.; реквизитов фирмы (адрес, телефон) [2, с. 33].

В свою очередь, Э. А. Лазарева выделяет такие компоненты интернет-рекламы, как:

- изобразительно-графический компонент (художественно-графический компонент);

- вербальный компонент (информационно-ориентирующие элементы, коммуникативно-призывающие элементы, слоган);
- собственно текст рекламы (адресный блок: имя фирмы, адрес фирмы, предмет рекламы, аргументы в пользу приобретения предмета рекламы);
- метакоммуникативный блок (название адресата, обращение к адресату, призыв к адресату, этикетные компоненты, адресант);
- рекламный образ (рекламная идея + выразительные средства);
- тон рекламного объявления [4, с. 26].

Сравнивая композиционные блоки сетевой и внесетевой рекламы логично предположить то, что гипертекстуальность интернет-рекламы обуславливает не столько изменение организационных блоков текстов рекламных сообщений, сколько изменение в объёме информации, которую может получить переходя по гиперссылкам от одного блока к другому. Если бы вся информация была на бумаге, то она могла бы занять несколько печатных томов.

Интернет-реклама, как относительно недавно появившийся и быстро развивающийся вид коммуникации, представляет огромное поле деятельности для учёных разных областей науки.

Литература:

1. Давыденкова, О. А. Лингвокультурологическая маркированность как фактор воздействия на адресата в английском рекламном дискурсе / О. А. Давыденкова // Менталитет и ментальность: сб. ст. / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово: Изд. Кемер. гос. ун-та, 2003. – Вып. 9. – С. 142–145. – (Серия «Этногерменевтика и этнориторика»).
2. Коломиец, С. В. Дискурс прессы и рекламы как дискурс власти (гендерный аспект): коллективная монография / С. В. Коломиец, В. А. Каменева. – Кемерово, 2013. – 126 с.
3. Кувшинникова, Д. Г. Тексты интернет-рекламы: структура, специфика, эффективность: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. / Д. Г. Кувшинникова. – М., 2014. – 18 с.
4. Лазарева, Э. А. Стилистика рекламы: учеб. пособие / Э. А. Лазарева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 84 с.
5. Тупикова, А. М. Некоторые особенности структуры гипертекста немецкоязычной рекламы товаров для детей / А. М. Тупикова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – Т. 2. – С. 172–178. – (Серия «Филология»).
6. Уразаева, Н. Х. Грамматические особенности частей речи в текстах баннерной интернет-рекламы в социальных сетях / Н. Х. Уразаева // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – 2014. – № 6. – С. 262–268. – (Серия «Филология и Искусствоведение»).
7. Федотова, Л. Н. Социология рекламы / Л. Н. Федотова. – М.: Добросовет, 1999. – 338 с.

8. Шипицына, Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография / Л. Ю. Шипицына. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – 238 с.

СПЕЦИФИКА ФОКАЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ «THE HELP» КЭТРИН СТОКЕТТ

Г. И. Лушникова, Е. В. Герасименко

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского» (Ялта)*

SPECIFICITY OF FOCALIZATION IN THE NOVEL «THE HELP» BY KATHRYN STOCKETT

G. I. Lushnikova, E. V. Gerasimenko

Summary. The article is devoted to the focalization and its main types and characteristics in fiction. The internal focalization of the novel by Kathryn Stockett «The Help» is in the focus of the attention. The analysis demonstrates three focal characters of the novel with their own distinctive features and their own points of view on the events described.

Проблема точки зрения имеет отношение ко всем видам искусства, непосредственно связанным с семантикой, например таким, как художественная литература, изобразительное искусство, театр, кино, хотя, разумеется, в различных видах искусства проблема выражения точки зрения решается по-разному [3]. П. А. Флоренский, сравнивая возможности восприятия в театре и литературе, подчеркивает, что в театре они гораздо более ограничены, нежели в художественной литературе [4]. Это вполне обоснованно, в театре, как и в кино, за зрителя уже сделан выбор в плане актерского состава, декораций, манеры общения и т. д. Что же касается читателя, то у него есть возможность самостоятельно создать образ героя на основе авторского описания, и этот образ, как правило, индивидуален. Каждый читатель создает в своем воображении образ героя, основываясь на описании его поведения в разных ситуациях, его мнении о происходящих событиях, его отношении к другим персонажам: злодеям, добрым, благородным, на мнении других персонажей о нем, если автор его предоставляет, а также из слов самого автора. Исходя из этих данных, можно судить о качествах характера героя. Однако существуют произведения, в которых нет слов автора, он сам как будто не присутствует, а повествование ведется от лица одного из героев, с точки зрения этого героя. У читателя складывается впечатление полного отсутствия автора в произведении и, соответственно, сложно выделить его «голос». И сам автор усложняет задачу, которую он перед собой ставит: он описывает ситуацию и события с

воображаемой им точки зрения одного из героев. Тип данного героя может быть определен разными параметрами – гендерным, возрастным, социальным и другими. Так, повествование может вестись, например, с точки зрения ребенка, старого человека, женщины, мужчины, человека, стоящего на верхней или нижней ступени социальной лестницы и т. д. Таким образом, автор скрывается за маской выдуманного им рассказчика и передает право рассказывать о событиях герою. Тенденция написания произведений со стороны одного из героев, то есть с его точки зрения, все чаще встречается и становится популярной литературной тенденцией.

«Точка зрения» – сложное и объемное понятие, выявляющее способы авторского присутствия в тексте [1]. Данное понятие было впервые использовано еще в 1884 году Г. Джеймсом в его произведении "Искусство романа", однако в качестве научного термина его вводит английский писатель и литературовед П. Лаббок в 1922 году и трактует его как «отношение нарратора к повествуемой истории» [6]. Б. Успенский называет его также «внутренней точкой зрения», потому что всё происходящее описывается как бы от лица конкретного персонажа [2, с.13].

В нарратологии и литературоведении синонимичными терминами являются «точка видения», «фокус наррации» (К. Брукс и Р. П. Уоррен), «повествовательная перспектива», «фокал». Термин «фокализация», от фр. – «фокусирование», впервые был предложен французским литературоведом Ж. Женеттом. Он разграничивает понятия «точка зрения», указывая на ее непосредственную связь с автором, и «фокализацию», что есть способ, форма повествования, что определено свойственно самому описанию, а не истории, которая повествуется, т. е. имеет место ограничение поля» [5].

Ж. Женетт выделяет три типа «фокализации»: «нулевую», «внутреннюю» и «внешнюю». «Нулевая фокализация» – это тип повествования от лица всезнающего автора, который описывает все события и знает о чувствах своих персонажей. Во «внутренней фокализации» повествователь владеет лишь той информацией, которую знает герой. В свою очередь, «внутренняя фокализация» может быть «фиксированной», когда повествователь и есть персонаж, «переменной», когда происходит смещение от одного героя к другому и «множественной», где одно и то же событие повествуется с точки зрения разных персонажей. «Внешняя фокализация» представляет собой повествование, в котором рассказчик говорит меньше, чем знает отдельный персонаж [5].

В современной литературе, как в отечественной, так и зарубежной, популярны романы с внутренней множественной фокализацией, где в одном и том же произведении одни и те же события подаются сквозь призму восприятия разных персонажей: носителей разных культур, полов, представителей разного социального уровня, возрастных групп. Приведем несколько примеров. В романе Эми Тан «The Joy Luck Club» повествование попеременно ведется от лица представительниц разных поколений, которые иммигрировали в

США и по-разному адаптируются к новой этнокультуре. В романе Оксаны Робски «Про любовь/On» одни и те же события описаны сначала от лица женщины, затем те же самые события от лица мужчины. Стефани Майер создает книгу «Twilight», где повествование ведется от лица Беллы Свон, а через несколько лет этот же автор выпускает роман «The Midnight Sun», где описанные ранее события рассказывает возлюбленный Беллы – Эдвард Кален.

Рассмотрим в качестве примера «внутренней множественной» фокализации роман американской писательницы Кэтрин Стокетт «The Help» («Прислуга»), изданный в 2009 году, написанный от первого лица трех фокальных персонажей, то есть автор перепоручает повествование своим главным героиням. Обычно, если в произведении не один фокальный персонаж, смена повествований маркируется. Кэтрин Стокетт проводит четкую границу между рассказчиками-повествователями с помощью глав, каждая из которых называется именем рассказчицы. Роман начинается с главы, повествование в которой ведется от лица Эйбилин – темнокожей прислуги, воспитавшей уже 17 белых детей. Из рассказа Эйбилин читатель узнает о других героях и героинях, включая и двух фокальных персонажей, которыми являются Мисс Скитер, белая леди, недавно окончившая колледж и мечтающая о карьере писательницы, и Минни – темнокожая прислуга, подруга Эйбилин, которую высоко ценят за ее кулинарные способности, но часто лишают работы из-за ее прямолинейности.

Автор романа, передавая слово определенному рассказчику, показывает специфику речи каждого. Каждой героине присуща своя собственная манера повествования, они описывают определенный промежуток времени со своей стороны, смешивая повседневные события со своими собственными внутренними мыслями и воспоминаниями. Языковые особенности речи каждой рассказчицы проявляются на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом.

Фонетические особенности в речи Эйбилин передаются графически – встречается неправильное написание и пропуск букв: «raise you chilluns» [7, с. 2], «be deaf as a doe-nob» [7, с. 7], «bout Law» [7, с. 27], «a young'un» [7, с. 109], «I'm on ask em again» [7, с. 161], «tee-vee» [7, с. 283]. Такие орфографические характеристики переплетаются с морфологическими элементами особенностей южного диалекта, в основном это несоответствие временных грамматических форм: «she would a just shown up», «she gone get him» [7, с. 102]. Эйбилин опускает глагол-связку to be: «he dead» [7, с. 85], «I know you honest» [7, с. 21], «You a smart girl. You a kind girl» [7, с. 92] или использует форму «is» со всеми лицами и числами: «you is kind», «ladies is here» [7, с. 93], «here we is» [7, с. 408]. В отрицательных конструкциях она употребляет форму «ain't»: «there ain't nothing Miss Leefolt scared of more» [7, с. 99], использует двойное отрицание: «I don't mean nothing disrespectful» [7, с. 84]. Также встречаются неправильные формы множественного числа: «mens» [7, с. 101], «womens», «white peoples» [7, с. 102]. Встречается неправильное ис-

пользование вспомогательных глаголов или их отсутствие: «You hear me?» [7, с. 92], «You sleep?» [7, с. 98], «how you doing?» [7, с. 15], «She don't hardly ever have no accidents» [7, с. 96], «she don't reach you» [7, с. 25]. Более того, она использует форму be для передачи прошедшего времени: «I be praying for you» [7, с. 27], «I be hurting» [7, с. 92], «her face be the same shape» [7, с. 2], «she be trying to count it all up» [7, с. 284]. Вместо наречий Эйбилин использует прилагательные, то есть опускается суффикс -ly: «we gone have to be real careful» [7, с. 121]; «he whisper real loud» [7, с. 400].

Однако, несмотря на южный диалект и присущие ему характерные черты, речь Эйбилин не лишена образности, она использует стилистические средства, например, образное сравнение: «She like one a them baby chickens that get confused and follow the ducks around instead» [7, с. 90], которое подчеркивает ее трепетное отношение к своей воспитаннице. У Эйбилин и Минни хорошие дружеские отношения, что подтверждает следующий пример из романа: «As usual, Minny house be like a chicken coop on fire» [7, с. 396]. Эйбилин дорожит своей дружбой с Минни, говоря: «Old lady like me's lucky to have her as a friend» [7, с. 13]. Она восторгается силой своей подруги, описывая ее с помощью гиперболы: «Minny could probably lift this bus over her head if she wanted to» [7, с. 13]. О финансовом положении Эйбилин читатель узнает из слов самой героини, которая использует следующее образное сравнение: «My work shoes so thin, look like they starving to death» [7, с. 16], но она не теряет надежду на светлое будущее и верит во Всевышнего: «Cause that's the way prayer do. It's like electricity, it keeps things going» [7, с. 23]. Безусловно, Эйбилин испытывает страх, соглашаясь на предложение Мисс Скитер участвовать в написании книги об отношениях прислуги и хозяев, и признает, что идея Мисс Скитер слишком смела, что реализовать ее будет практически невозможно: «And Miss Skeeter asking don't I wanna change things, like changing Jackson, Mississippi gone be like changing a light bulb» [7, с. 24]. На основе вышеприведенных примеров, можно сделать вывод о характере Эйбилин, она сдержанна, мудра и откровенна.

Минни отличается от своей подруги по характеру, она резкая, прямолинейная и более эмоциональная. Эйбилин так отзывается о ней: «The problem is Minny got a mouth on her» [7, с. 7]. Ее речь, благодаря ее образованию, более приближена к стандартному английскому, хотя и у неё встречаются элементы южного диалекта. Она не хочет ни вести себя как белокожая леди, чтобы над нею таковые не насмеялись, говоря, что служанка пытается занять место в обществе, к которому она не принадлежит, ни позиционировать себя выше своих, чтобы те, в свою очередь, не презирали ее. Минни, так же, как и Эйбилин, опускает подлежащее, глагол-связку, использует неправильные формы глагола: «Ordered a book in the mail to learn the game, Bridge for the Beginner. Out to call it Bridge for the Brainless» [7, с. 213], «Course I's happy, You happy too. Big house, big yard, husband looking after you» [7, с. 49]. Примерами южного диалекта в речи Минни являются такие морфологические

элементы, как использование «ain't» и двойное отрицание: «she's skinny in all those places I ain't» [7, с. 31], «I ain't burning no chicken» [7, с. 44]. В речи Минни в изобилии присутствует разговорная лексика: «their doodied up home» [7, с. 32], «her Yes-ma'aming, No-ma'aming» [7, с. 39], «there ain't nothing to boo-hoo over» [7, с. 134], «making my life a vacuuming hell» [7, с. 135], «without yacking on the floor» [7, с. 232], «he don't make a stink about it» [7, с. 403], «I crank out a big smile» [7, с. 315], «to peel her off» (134); «I'll fix him a knuckle sandwich» (135); «I potato sack her back to the table» [7, с. 220], «he's chomping on his gums» [7, с. 308]. Она также не стесняется использовать нецензурную лексику: «only six more days of this shit» [7, с. 125], «she didn't take no shit from nobody» [7, с. 309]. В словах Минни часто слышится горькая ирония: «I nursed a worthless pint drinker for twelve years, and when my lazy, life-sucking daddy finally died, I swore to God with tears in my eyes I'd never marry one. And then I did. And now here I am nursing another goddamn drinker. [...] Now I know she's as much a fool as my daddy was and as Leroy is when he gets on the Old Crow, only she doesn't chase me with a frying pan» [7, с. 222].

Третьим фокальным персонажем является Евгения Фелан (Мисс Скитер) – молодая девушка из уважаемой семьи, получившая образование в колледже. В отличие от остальных девушек своего возраста она не ищет серьезных отношений и стремится к своей мечте – стать писательницей. Речь Скитер очень красноречива, ее словарный запас богат, но тот факт, что она родилась и воспитывалась на юге Америки, сказывается на выборе лексических единиц и использовании грамматических форм. Например, она использует сокращенные формы: you all «y'all» [7, с. 148], форму «Missus» называя пожилых уважаемых дам, как «Missus Walters» [7, с. 72] или «Missus Stein» [7, с. 369]. Выбор лексики Скитер обусловлен ее профессией, в ней превалирует литературная и книжная лексика, различные стилистические средства – метафоры, эпитеты, образные сравнения: «wait for her to elucidate» [7, с. 144], «vapid, toothy smile» [7, с. 147], «let parcel of time pass» [7, с. 153], «pass through a leaden gate of confidence» [7, с. 153], «it'd be hot as Hades» [7, с. 238], «dichotomy of love and disdain» [7, с. 258], «this seems to placate her» [7, с. 276].

Мисс Скитер – богатая белая леди, стремящаяся рассказать о чувствах темнокожих прислуг и изменить отношение белых леди к своим горничным, которые доверяют им самое дорогое, что у них есть – воспитание своих детей, однако опасаются заболеваний, распространенных среди темнокожих. Эйбилин и Минни – афро-американки, работающие у белых леди из общества Мисс Скитер, рискуют всем, соглашаясь рассказать свою историю о жизни прислуги, об отношениях между белыми хозяевами и темнокожей прислугой.

Значительную роль в повествовании разных героинь-рассказчиц играет не только речевая характеристика – уровень их грамотности, вокабуляр, синтаксис и пр., но и, главным образом, то, что точки их видения на происходящее отличаются, а соответственно и их реакции на события, поступки.

Попытка белой героини написать книгу о черных – это попытка преодолеть эти отличия, попытка увидеть мир глазами другого, попытка понять другого. В этом и главная функция фокальности – передача, перепоручение автором роли рассказчика одному из персонажей.

Фокальность позволяет читателю самостоятельно создать образ персонажа сквозь призму его собственных мыслей, поступков, слов, отношения к другим героям и сформировать личное отношение к данному персонажу.

Литература:

1. Николаев, А. И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей / А. И. Николаев. – Иваново: ЛИС-ТОС, 2011. – 255 с.
2. Успенский, Б. А. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве / Б. А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 357 с.
3. Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. Курс лекций, прочитанных во ВХУ-ТЕМАСе / П. А. Флоренский. – М.: Прогресс, 1993. – 324 с.
5. Genette, G. Narrative discourse / G. Genette. – Oxford, UK: Basil Blackwell, 1980. – 285 p.
6. Lubbock, P. The Craft of Fiction Text / P. Lubbock. – New York, 1963. – 210 p.
7. Stockett, K. The Help / K. Stockett. – New York: Penguin Books, 2009. – 451 p.

КІНОМИСТЕЦЬКИЙ ПРОСТІР У СПЛЕТІННІ ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ: ВЗАЄМОВПЛИВИ ТА НАСЛІДКИ

В. С. Мандрика, Д. С. Мокренцов

*ФДАОЗ ВО КФУ ім. В. І. Вернадського «Гуманітарно-педагогічна академія
(філіал)» (Ялта)*

CINEMATIC ART SPACE IN THE MIX WITH THE FICTION: INFLUENCES AND CONSEQUENCES

V. S. Mandryka, D. S. Mokrentsov

Summary. The article deals with the determination of influence of cinematography origin on the artistic prose which has adopted the great number of visual art receptions and methods. The phenomenon of early cinemism is analysed and disagreements about its nature depicted the different variations of understanding the terminology, which arose up because of different arts synthesis. The special atten-

tion is focused on the consideration of reasons of co-operation between the cinema and literature.

Літературний процес початку ХХ століття значногопливу зазнав від одного з наймолодших мистецтв, що виникло в кінці ХІХ століття – кінематографу. Водночас, сам кінематограф є синтетичним мистецтвом, маючи власні, саме ним започатковані, художні засоби він «вільно застосовує виразно-образотворчі засоби інших, «старих» мистецтв» [1, с. 209]. Зрозуміло, що гра акторів є запозиченням з театрального мистецтва. Музика створює емоційний фон та темп розвитку подій. Багато спільного знаходимо з графікою, живописом та іншими пластичними мистецтвами. Проте, найтісніше та найрізноманітніше кіномистецтво пов'язане з художньою літературою. І цей зв'язок не є однобічним. Підтвердженням цього факту стала поява нового напрямку – фільмізму.

Першими дослідженнями, що стали знаковими у з'ясуванні природи впливу кіно на літературу, були праці С. М. Ейзенштейна, К. І. Чуковського, В. Б. Шкловського, Г. С. Окунева, М. І. Ромм, Ф. Б. Якубовського, Г. Й. Майка та ін. Подальші кроки осмислення здійснено У. Гуральником, В. Шукшином, О. Пуніною, Я. Левченком, Ю. Пушак, В. Контрашовим, М. Яновським, Я. Цимбал. Роботи згаданих науковців стали джерельною базою для розкриття питання кінематографічного впливу на письменництво.

Актуальність дослідження полягає у осмисленні проявів взаємовпливу двох синтетичних мистецтв. Мета статті – визначити вплив зародження кінематографії на художню прозу.

Кінематографічність літературного твору слід розглядати як історичне поняття, що безперервно змінювалося. Феномен раннього фільмізму, що привертав увагу цілих поколінь учених-літературознавців, досі викликає неоднозначні судження, оцінки та навіть теоретичні визначення деяких понять. Тому, перш ніж досліджувати кінематографізм у літературознавстві, слід вивчити умови і причини взаємодії кінематографу та літератури й обґрунтувати теоретичні засади розуміння термінології, що виникла на основі синтезу аналізованих мистецтв.

На сучасному етапі в кінознавстві виокремлюють три поняття, значення яких помилково ототожнюються: кінематограф, кіномистецтво та кіноіндустрія. Абсолютним синонімом поняття «кінематограф» є кінематографія та сінематограф.

У словнику української мови кінця ХХ століття поняття «кінематографу» пояснюється двома значеннями: перше з них – те саме, що кіноапарат, друге – те саме, що кіномистецтво [2, с. 163]. Кіноапарат – апарат, який застосовується в кінематографії (для знімання чи показу кінофільмів) [2, с. 165]. Кінематографія, в свою чергу, також має два визначення: перше – те саме, що кіномистецтво, друге – галузь культури й промисловості, що виробляє кінофільми та показує їх глядачам [2, с. 163]. З цього визначення стає зрозумілим, що в кінці ХХ століття поняття кінематографії та кінематографу були синонімами лише за однією семою. Кіномистецтво – мистецтво відтворення на екрані за допомогою кінематографа

(апарату – власне уточнення) зображень, які створюють враження живої дійсності [2, с. 166]. Поняття кіноіндустрії в словнику не розглядається.

З плином часу, майже кожне з вказаних понять певним чином змінило своє значення. Кінематограф втратив свою основну сему як апарат, ставши «галуззю культури та економіки, що об'єднує всі види професійної діяльності, пов'язаної з виробництвом, розповсюдженням, зберіганням та демонструванням фільмів, а також навчально-наукову роботу» [3, с. 5]. В поняття кінематографа входять кіномистецтво – вид сучасного образотворчого мистецтва, твори якого створюються за допомогою рухомих зображень, і кіноіндустрія (кінопромисловість) – галузь економіки, яка виробляє кінофільми, спецефекти для кінофільмів, мультиплікацію, і демонструє ці твори для глядачів.

Варто зазначити особливості функціонування терміну «монтаж» у названих вербальному та візуальному видах мистецтвах. Вперше термін застосовано відносно кінематографічного мистецтва: ще у 1917 році радянський режисер і теоретик кіно Лев Кулешов зазначав, що «для того, щоб зробити картину, режисер повинен скомпонувати окремі зняті шматки, розхристані і незв'язні, в одне ціле і зіставити окремі моменти в найбільш вигідній, цільній та ритмічній послідовності, також, як дитина складає з окремих, розкиданих кубиків з літерами ціле слово або фразу». В статті «Мистецтво світотворчості» він доводив, що специфічно кінематографічним «засобом вираження художньої думки є ритмічна зміна окремих нерухомих кадрів або невеликих шматків з виразом руху, тобто те, що технічно називається монтажем. Монтаж в кінематографі те ж, що і композиція фарб в живописі або гармонійна послідовність звуків в музиці» [4, с. 356–358]. Разом з тим, вже його учнями та соратниками пізніше буде показано, що елементи монтажного мислення властиві і літературі, що не можна також зводити монтаж до з'єднання «коротких» шматків.

Проте, існує і протилежний від Кулешового погляд. Одним із основоположників і пропагандистів теорії та практики монтажного кіно вважається С. Ейзенштейн. На його думку, весь «кінематограф – це перш за все монтаж» [5, с. 283]. В 1939 році вийшла в світ стаття «Монтаж 1938», в якій педагог намагався осмислити феномен монтажу. Саме в цій статті науковець стверджував, що «два будь-яких шматки поставленні поряд, неодмінно з'єднуються в нове бачення, що виникло з їх зіставлення <...>. Зіставлення двох монтажних шматків більш схоже не на їх суму, а на твір» [5, с. 295]. Ейзенштейн показує, що принцип зіставлення «працює» не тільки в кіно, а у всіх випадках – від літератури до буденного життя. Значне місце приділяє питанню створення виразних образів, по суті художніх, шляхом відбору та монтажу кадрів. Отже, за Ейзенштейном монтаж – «це не лише склейка кадрів, але й злиття будь-яких елементів, в тому числі, деталей композиції, в самому кадрі» [5, с. 295]. Варто зазначити приклад поданий у статті «Монтаж 1938» після пояснення поняття монтажу: «жінка» + «чорне вбрання» = «вдова» (ментальний образ).

Такої ж думки був представник радянського кінематографу Михайла Ромм, який стверджував, що: «Монтаж являє собою особливий, специфічно кінематог-

рафічний спосіб огляду світу, спосіб розкриття подій. Будучи однією з найважливіших сторін кінематографічного видовища і в багато чому визначаючи метод викладу художнього матеріалу, на сьогодні монтаж знаходиться у специфічному положенні, як би на перехресті. <...> Він властивий не тільки кінематографу, його елементи можна виявити і в прозі, і в поезії, і в живопису» [6, с. 57]. Відтак, перш ніж термін «монтаж» перейшов зі сфери кіно в сферу літератури з ним відбувалися метаморфози, які полягають в абстрагуванні значення. Перше значення монтажу – монтажна склейка, з плином часу, під монтажем стали розуміти також і сукупність використовуваних в кіно художніх прийомів, заснованих на технічних можливостях монтажної склейки. Саме це має на увазі Ромм, коли говорить про монтаж в кіно. Монтажем в літературі позначається «спосіб побудови літературного твору, при якому переважає перервність (дискретність) зображення, його «розбитість» на фрагменти» [7, с. 127].

На сьогодні в літературі слово «монтаж» набуло ще ширшого значення. Ним стали фіксувати ті зіставлення та протиставлення (подібності і контрасти, аналогії і антитези), що не продиктовані логікою зображуваного, але прямо відображають авторський хід думки та асоціації. Композицію, де цей аспект твору активний, прийнято називати «монтажною». Внутрішні, емоційно-сміслові, асоціативні зв'язки між персонажами, подіями, епізодами, деталями виявляються більш важливими, ніж їхні зовнішні, предметні, просторово-часові та причинно-наслідкові «зчеплення». Тобто, з'являється поняття «монтажної композиції», яку в теорії літератури часто називають вільною. Суть вільної (монтажної) форми подієвої композиції пов'язана з порушеннями причинно-наслідкових і часопросторових зв'язків між подіями. Зв'язок між епізодами має частіше асоціативно-емоційний, ніж логічно-смісловий характер. Монтажна композиція характерна для літератури ХХ століття. Цей тип композиції використаний у романі Ю. Янонського «Вершники». Саме в цьому творі сюжетні лінії зв'язуються на асоціативному рівні.

Початки монтажу в будь-якому разі присутні в сюжетних творах, де є вставні розповіді, ліричні відступи, хронологічні перестановки.

У руслі сказаного під монтажем розуміємо своєрідне структурування художнього матеріалу в кіно та літературі, системне поєднання розрізаних смислових елементів у зображально-звукову оповідь. При цьому враховуємо досвід М. Ромма, який не вважає монтаж засобом лише кінематографічним та поділяє думку С. Ейзенштейна про функціонування монтажу в різних видах мистецтва і, власне, монтажу як способу людського мислення, коли «монтажне мислення лежить в основі творчості» [6, с. 56].

Розглядаючи праці С. Ейзенштейна та М. Ромма стає зрозумілим, що основи взаємодії кінематографу та літератури лежать саме в аспекті творення образу обома видами мистецтва. Спільність словесного й екранного образів полягає у методі впливу на читача, що відбувається через створення «зорових, візуальних образів здатних генерувати художні смисли» [8, с. 19].

Саме через визначення візуальності кінематографічного письма викристалізується специфіка використання засобів кіномови в літературному тексті. Під «кіномовою» за В. Кондрашовим, ми розуміємо не лише безпосередньо систему виражально-зображальних засобів мистецтва кіно, що побутує в літературному тексті, а й «комплекс змістово-формальних трансформацій, що відбуваються в мистецтві слова під впливом кіно» [8, с. 20].

Ключовим способом побудови оповіді в кіно, без сумніву, є монтаж. Однак, окрім нього, але на його базі існує широкий спектр не менш дієвих прийомів побудови оповіді чи окремих її елементів, які переймає література.

Таким чином, «монтаж не є одним із способів компіляції матеріалу в кінематографі та літературі, він сам дорівнює способу, є ним за своєю суттю» [8, с. 21]. Тобто, на думку В. Кондрашова, монтаж є принципом побудови і структурування матеріалу в кінематографі й літературі кінематографічного типу. Для увиразнення кінематографічності і побудови наративності з допомогою яких відбувається трансформація літературного тексту, Кондрашов виділяє наступні засоби:

- тло-флешбек – засіб створено з допомогою монтажу, його суть полягає у відхиленні від оповіді в минуле;
- рір-проекція – в літературному творі це може бути перенесення дії в іншу часопросторову площину, поєднуючи в такий спосіб минуле і майбутнє, підсилюючи цим самим вплив на читача, одночасно пояснюючи на матеріалі минулого певний елемент сюжету, пов'язуючи між собою сюжетні лінії;
- поліекран – у художньому тексті використання принципу поліекрана виявляється в змалюванні паралельної діяльності кількох персонажів, які виконують дію у різних часових і просторових координатах. Свою позицію в питанні застосування «кінематографічних» засобів у літературному творі обґрунтовує О. Пуніна в статті «Сценарна конструкція у художньому творі: специфіка, реалізація». Під час аналізу новелістики Г. Шкурупія дослідниця зазначила, що автором новел «робиться спроба словесної подачі формальних прийомів, серед них як формальні, так і технічні засоби» [9, с. 36]. При розгляді основних формальних прийомів, до формальних засобів віднесено: фотографічну інтерпретацію-освітлення; панорамування: горизонтальне; вертикальне; масштаб зображення;

Натомість, до технічних засобів зараховано: прийом наїзду; здійснення крізь серпанок; техніка напливу.

Порівняємо таке бачення техніки напливу із поглядом Я. Цимбал, яка визначає зазначений прийом як «композиційну рамку, коли герой щось читає, переглядає, згадує, тобто традиційну форму «розповіді у розповіді». При цьому дослідниця спирається на досвід Г. Майфета, який досліджував цей прийом, назвавши його «коловим обрамленням», яке «використовує гру плямами часу, але в вищому метафоричному сенсі слова» [10, с. 154].

Першими беззаперечними «кінематографічними» рисами літературних творів є динамічний і складний сюжет, стрімке розгортання подій, трюковість та екзотика. Авторка статті називає кінематограф «стимулом, натхненником і матеріалом» [11, с. 76] для подальшого розвитку прозових творів української літератури.

Отже, кіномистецтво синтезувало в собі «виразно-образотворчі засоби інших, «старих» мистецтв» [1, с. 209]. Зв'язок кінематографу зі словесністю дослідники іменували «взаємовигідним»: перший користувався не тільки «словом у написах, а й запозичував у літератури жанри, теми і сюжети», в свою чергу письменники переймали перш за все динамічність та напруженість сюжету, окрім того, різні візуальні методи та прийоми, які з плином часу набували все нових форм та варіацій.

Зі взаємодії кінематографу і літератури виникло багато «спільної» термінології. До її числа належить поняття «монтаж», що в сучасному літературознавстві трактується по-різному. З одного боку, це «спосіб побудови літературного твору, при якому переважає дискретність зображення, його розбитість на фрагменти [7, с. 127]. Окрім цього, побутує ширше значення слова «монтаж», яким називають зіставлення та протиставлення, що не продиктовані логікою зображеного, але прямо відображають авторський хід думки та асоціації. На основі вказаних ознак, з'являється поняття «монтажної композиції», суть якої пов'язана з порушеннями причинно-наслідкових і часопросторових зв'язків між подіями.

Зміст терміну «кіномова» в художній літературі визначається як узагальнена система змістово-формальних трансформацій і комплекс зображально-виражальних засобів, що тематично, жанрово та за характером творення образу і вираження ідеї співвідносні з принципами й особливостями кіномистецтва.

У зв'язку з поживавленням інтересу до питання впливу кінематографу на літературу набуває актуальності вивчення «фільмізму» як напрямку, що зародився ще на початку ХХ століття. В країнах пострадянського простору особливої уваги заслуговують дослідження Я. Левченко, О. Пуніної, Я Цибал та О. Журенко. Варто зауважити, що дослідження феномену «фільмізму» в словесній творчості спрямовані на виокремлення змістовно-формальних трансформацій тексту (жанр, зміст, форма викладу) та засобів візуалізації.

Література:

1. Гуральник, У. А. Русская литература и советское кино. Экранизация классической прозы как литературоведческая проблема / У. А. Гуральник – М. : Наука, 1968. – 431 с.
2. Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – К. : Наукова думка, 1970–1980. – Т. 4. – 365 с.
3. Закон України «Про кінематографію» : за станом на 13 січ. 1998 р. / Верховна Рада України. – Офіц. вид. – К. : Парлам. вид-во. – 13 с.
4. Кулешов, Л. В. Теория. Критика. Педагогика. / Л. В. Кулешов; отв. ред. и вступ. ст.: Р. Н. Юренев; коммент.: И. Сосновский, Е. Хохлова. – М.: Искусство, 1987. – Т. 1. – 2005 – 447 с.
5. Эйзенштейн, С. М. Избранные произведения: в 6 томах / С. М. Эйзенштейн; гл. ред. С. И. Юткевич. – М. : Искусство, 1964 – 1971. – Т. 2. – 1964. – 568 с.

6. Ромм, М. И. Беседы о кино / М. И. Ромм. – М. : Искусство, 1964. – 170 с.
7. Иванов, В. В. Монтаж как принцип построения в культуре первой половины XX в. / В. В. Иванов // Монтаж. Литература, Искусство, Театр, Кино. – М., 1988. – С. 119–149.
8. Кондрашов, В. Кіномова як специфічна система художніх засобів у літературному тексті (з досвіду українських письменників-шістдесятників) / В. Кондрашов // Питання літературознавства. – 2012. – Вип. 86. – С. 18–25.
9. Пуніна, О. Сценарна конструкція у художньому творі: специфіка, реалізація / О. Пуніна // Донецький вісник наукового товариства ім. Шевченка. – Донецьке від. наук. т-ва ім. Шевченка. – Донецьк: Східний вид. дім. – Т. 27: Літературознавство. – Донецьк: Східний вид. дім, 2009. – С. 31–47.
10. Майфет, Г. Природа новели. Збірка друга / Г. Майфет. – Х.: ДВУ, 1929. – 189 с.
11. Цимбал, Я. 54 кадри на сторінці: кіно і проза 20–30-х років XX століття / Я. Цимбал // Слово і час. – 2002. – № 8. – С. 74–79.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ ЭЛЕКТРОННОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ КАК ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

А. К. Мингажева

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

REPRESENTATION OF ELECTRONIC TOURISTIC GUIDEBOOKS TEXT CATEGORIES AS A POLYCODE TEXT

A. K. Mingazheva

Summary. The article deals with main text categories and their functions in polycode texts. It gives a detailed description of cohesion, continuum, modality and locality categories from the perspective of iconic elements and verbal messages. The given article demonstrates a representation of mentioned categories functions through analyses of polycode text examples taken from electronic touristic guidebooks.

В конце 20 века ставятся задачи о разностороннем изучении языка, включая многообразие его связей с другими семиотическими системами. Этот период знаменуется появлением все большего количества рисунков иллюстраций, фотографий, что предполагает синтез языковых средств коммуникации с неязыковыми и усиливает интерес исследователей к данной проблеме.

В настоящее время в лингвистической науке значительно возрастает интерес к невербальным средствам коммуникации, которые гармонично интегрируются в вербальное сообщение. Для обозначения текстов такого рода было предложено множество терминов, например: «нетрадиционный», «семиоти-

чески осложненный», «видео-вербальный», «составной», «поликодовый», «креолизованный» (Е. Е. Анисимова, В. М. Березин, А. А. Бернацкая, О. В. Пойманова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Р. О. Якобсон). В нашей статье мы будем использовать понятие «поликодовый текст». Отечественный лингвист А. Г. Сонинсформулировал следующее определение данного термина: «текст, построенный на соединении в едином пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [6, с. 115]. В 1974 году Г. В. Ейгер и Л. Юхт отметили, что «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [4, с. 107].

Поликодовый текст, как и вербальный, обладает теми же текстовыми категориями, если рассматривать его с позиции коммуникантов.

В работе И. Р. Гальперина названы десять основных категорий: информативность, членимость, когезия (внутритекстовые связи), континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста. В лингвистической литературе существуют различные точки зрения относительно фундаментальных и факультативных категорий. Например, по мнению С. Г. Ильенко, «ведущими текстовыми свойствами являются целостность, членимость и модальность» [5, с. 366].

По И. Р. Гальперину, континуум – это «определенная последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве, причем развертывание событий протекает не одинаково в разных типах текстов», а когезия – «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [3, с. 87]. «Модальность оказывается категорией, присущей языку в действии, т. е. речи, и поэтому является самой сущностью коммуникативного процесса», – отмечает И. Р. Гальперин [3, с. 113]. При этом в разных типах текстов модальность проявляется с разной степенью очевидности, например, особенно ярко модальность проявляется в поэтических текстах, нежели в научных.

В настоящее время вопрос о текстовых категориях в поликодовом тексте был поднят Е. Е. Анисимовой в работе «Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)».

Согласно точке зрения исследователя, категории вербального текста и поликодового совпадают. Е. Е. Анисимова изучает такие категории как целостность, связность, локативность, темпоральность, модальность. Лингвист утверждает, что целостность поликодового текста достигается через коммуникативную установку адресанта, единой темой, раскрываемой с помощью вербальных, иконических и других паралингвистических компонентов. Связность осуществляется через взаимодействие между вербальными и иконическими элементами, обнаруживается на разных уровнях (содержательном,

языковом, композиционным) и может носить имплицитный и эксплицитный характер.

Е. Е. Анисимова в своей работе отмечает, что наиболее важной текстовой категорией является модальность. На современном этапе развития науки термин не получил четкой трактовки. Исследователь формулирует следующее определение: «Модальность включает разные виды квалификации сообщаемого, в том числе наряду с субъективной объективную оценку содержания текста» [1, с. 30]. Модальность варьируется в зависимости от характера текста, например, в текстах научной направленности доминирует объективная модальность, в художественных – субъективная. Е. Е. Анисимова выделяет следующие типы взаимоотношений вербального и иконического элементов в модальном аспекте [1, с. 32]:

1) Модальность элементов совпадает, вербальный и иконический элементы находятся в отношениях гармонии и баланса.

2) Модальность элементов не совпадает, при этом иконический элемент смягчает или усиливает оценочность вербального сообщения.

3) Модальность вербального и иконического элементов являются контрастными.

Рассмотрим функционирование категорий связности, целостности и модальности на примере, взятом из электронного туристического путеводителя: «VisitLondon.com».

На рисунке 1, представленном ниже, изображена часть электронного туристического путеводителя «Visit London.com», дающая информацию о музеях в Лондоне. Известно, что когезия вербального и невербального компонентов проявляется в семантических связях. Данный пример демонстрирует прямую денотативную соотнесенность – оба компонента обозначают одни и те же явления. Надпись «London museums for kids» (Лондонские музеи для детей) подкрепляется соответствующим иконическим элементом – изображением детей. Эксплицитно выраженная связность данного примера обнаруживается на содержательном уровне сообщения «London museum pass» (единный билет по Лондонским музеям), где изображение известного Лондонского моста символизирует «pass» (проход, единый билет). Представляется интересным отметить то, что нижеследующий отрывок включает четыре иллюстрации, объединенные одной темой (слово «музей» включено в каждую фотографию), именно благодаря этому приему достигается целостность сообщения. Данный пример характеризуется положительной модальной окраской, позитивную атмосферу создают гармоничность изображений и вербального сообщения (например, на первой фотографии запечатлены улыбающиеся туристы).

Рис. 1.

Для туристических путеводителей важной оказывается категория локативности, которая в поликодовых текстах истолковывается как категория, характеризующая пространственные отношения с помощью вербальных и невербальных элементов.

Е. Е. Анисимова выделяет несколько основных видов пространства.

Физико-геометрическое пространство существует как объективная данность. Этому пространству соответствуют как абстрактные, научные представления о данной категории как форме существования материи, так и бытовые представления о ней как протяженности, месте, расположении конкретных предметов.

Историческое пространство выражает пространственные отношения, пространственные реалии, существовавшие в прошлом на определенной исторической стадии развития человечества.

Духовное пространство является пространством «инобытия», недоступным в отличие от названных выше видов пространства для измерения, областью существования не реальных физических объектов, а духовных сущностей.

В последние годы термин «пространство» получил чрезвычайно широкое истолкование и употребление для обозначения различных сущностей. Даже беглый просмотр компьютерных сайтов с этим ключевым словом показывает, что на данном этапе говорят о земном, воздушном, звездном, космическом, галактическом, всемирном, реальном и виртуальном, перцептуальном, физическом, дисковом, векторном, фазовом, открытом, закрытом, римановом, евклидовом, информационном, образовательном, мифологическом, ин-

теллектуальном, интернет-пространстве и т. д.; можно насчитать около 90 различных определений, присоединяемых к слову «пространство».

Категория пространства, или локативности, является доминирующей текстовой категорией электронного туристического путеводителя, так как цель путеводителя – дать точную информацию адресату о туристическом объекте и его местоположении. В зависимости от соотношения иконического и вербального элементов, выделяют два вида структуры путеводителя: вербальный компонент преобладает над иконическим, в этом случае последний несет аддитивную функциональную нагрузку; и иконический компонент доминирует или занимает равное положение вербальному, при этом иконический элемент выполняет рекламную и эстетическую функцию. Следует отметить, что путеводителю может быть присуща разная степень локализации, от описания отдельных улиц до крупных пространственных ареалов.

На языковом уровне категория пространства может быть выражена за счет географических названий, лексических средств (использование глаголов положения в пространстве, лексические единицы с семой «вода», «город», «местность» и т. д.).

Категория пространства может выражаться статично, например изображение природы, видов, и динамично (описание маршрута следования).

Обратимся к следующему примеру (рисунок 2), который включает несколько иллюстраций местности.

Рис. 2.

Данный пример демонстрирует принадлежность к физико-геометрическому пространству, так как изображены реалии современного мира, не имеющие отношения к историческому прошлому или «инобытию». Категория локативности в путеводителях реализуется через визуализацию, а точнее – через роль иконического элемента. В нашем случае, иконический элемент находится в отношениях равенства с вербальным, так как оба компонента дублируют локативную информацию. Все три фотографии визуальны едины благодаря общей теме «город», цветовому решению (используется синеголубая гамма), а также вербальному сообщению. Световые лучи и движение воды на первой фотографии, судно на второй фотографии и поезд на третьей выражают динамичность пространственной категории.

Интересно отметить, что в путеводителях категория локативности тесным образом связана с категорией модальности. Описание местности, как правило, сопровождается положительной окраской за счет прилагательных в превосходной степени, глаголов. В приведенном примере автор использует такие лексические единицы, как *stunning, futuristic, immense illumination, best enjoyed tour, must-visit, impressive*. Такие средства имплицитно выражают побудительную модальность, стимулируют интерес, создают позитивную атмосферу.

Таким образом, рассмотренные категории в поликодовом тексте туристического путеводителя реализуются с помощью различных вербальных и иконических средств, выполняемых ими функций. Благодаря визуальному элементу, происходит углубление и расширение вербального сообщения и усиливается рекламный характер путеводителя.

Литература:

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация / Е. Е. Анисимова. – М., 2003.
2. Большакова, Л. С. О содержании понятия поликодовый текст / Л. С. Большакова // Вестник СамГУ. – 2008. – № 4 (63). – С. 19–24.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 139 с.
4. Ейгер, Г. В. К построению типологии текстов / Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. – Ч. I. – М., 1974. – С. 103–109.
5. Ильенко, С. Г. Русистика: избр. тр. / С. Г. Ильенко. СПб., 2003.
6. Сонин, А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания. – М., 2005. – № 6. – С. 115–123.

ОБРАЗ НОВОЧАСНОГО МЕСІЇ В ТВОРЧОСТІ М. ХВИЛЬОВОГО

Д. С. Мокренцов

ФДАОЗ ВО КФУ ім. В. І. Вернадського «Гуманітарно-педагогічна академія (філіал)» (Ялта)

THE IMAGE OF THE MODERN MESSIAH IN N. KHVYLYOVYI'S WORKS

D. S. Mokrentsov

Summary. Considered the major prophetic ideas. The concept of messianism which is the binder in N. Khvylyovyi's work is depicted. It is constructed as atheist and rational in essence concept with the elements of irrational factors. The utopian-prophetic modality that permeates the early N. Khvylyovyi's novels is also presented. Demonstrated the lapidary way of expressing the author who is going close to biblical style. The sacred myth of man-made world «zagorna commune» is modeled, which according to N. Khvylyovyi is an analogue of the «promised land». The caricaturing images of prophets at the crossroads of comic and intellectualism is also mentioned.

Лідером письменницьких пошуків постреволуційної доби та невтомним пропагандистом нових соціальних обривів слушно вважають М. Хвильового. Дослідник творчості М. Хвильового Г. Грабович вказує на особистісні риси письменника, що мають багато спільного з ознаками пророка: він «притягував, фокусував і перетворював величезну енергію і свого часу, і енергію та інтерпретаційні здібності наступних поколінь» [4, с. 20]. Після смерті образ і особистість М. Хвильового «почали набувати іконного, культового, навіть мітичного вимірів» [4, с. 20].

Сучасне літературознавство визнало, що утопічні ідеї М. Хвильового є одним із атрибутів українського модернізму 1920-х рр., а сам «М. Хвильовий як головний ідеолог українського покоління 20-х років належав до аналітичних письменників-пророків» [7, с. 283]. Своім обов'язком ці талановиті люди мали на меті вивести нужденних до майбутнього «царства» – країни з великими можливостями і перспективами. Він прогнозував, що повинен написати твір особливої ваги: «...я можу бути автором тільки одного твору, який хочу написати через багато років і до якого дійду, очевидно, через етюди, то це вже буде рішуче все» [14, с. 34–35].

Яскраві профетичні ідеї та розгортання тез, що претендують на важливі істини від «екзотичного українця» і «незвичайного чужинця», наповнюють пророчою енергією публічні виступи і памфлети М. Хвильового. Вже навіть назва одного з його циклів «Камо грядеши?» сигналізує про спробу автора передати своїм читачам нову істину, знання, оповиті не так логічним мисленням, як глибокою вірою, інтуїцією. Стиль його памфлетів зазвичай хаотичний, нервовий, а аргументи на користь «нової релігії» видаються

іраціональними, затемненими, яких потрібно дешифрувати, як робили це з віщуванням сомнамбулічних піфій. Йдеться в них як про ідеологію майбутнього, так і про мистецтво: «Ми кличемо до невідомих обривів прекрасного азіатського ренесансу. – Такий дороговказ пропонує письменник у памфлетах «Камо грядеши» – ...Ми знаємо: – важкий наш шлях і велику вагу беремо ми на себе. Зате – це радісний шлях духмяної боротьби, – шлях, що біжить у майбутнє за багряними кінцями нашої геніальної революції» [16, с. 443]. Нерідко М. Хвильовий висловлює сподівання на прихід месії нового мистецтва, потребу в якому він вважав украй важливою, а подекуди сам бере на себе місію деміурга, намагаючись окреслити риси людини майбутнього. Загалом памфлети М. Хвильового дають підстави говорити про втілення своєрідного українського месіанізму. Специфіка такого месіанізму, на думку В. Артюха, полягає в тому, що «твориться він людиною з атеїстичним типом світогляду. Часи ж первинного месіанізму (на зразок польського, який функціонував у межах панівного релігійного типу свідомості) вже пройшли, й тому ідея месіанізму конструюється М. Хвильовим як раціонально-необхідна» [2, с. 220]. Однак ці наміри не заперечували роль іраціональних чинників та інтуїції, які були дуже близькі натурі М. Хвильового.

Однією з найрезонансніших тогочасних мистецьких доктрин М. Хвильового вважають «азійський ренесанс». Є. Маланюк розглядає цю концепцію як віру письменника в українське майбутнє, що вела його майже до українського (він його замаскував «азіатським» псевдонімом) месіанізму [9, с. 26]. Разом з тим Хвильовий-історіософ масштабно «пророкує на місці старої європейської цивілізації, утворення нового культурного організму, тобто четвертого культурно-історичного типу» [2, с. 212].

Слід визнати, що мають рацію дослідники, які вказують на неавтентичність «утопій» у мангеймівському розумінні М. Хвильового, що насправді були результатом рефлексивного конструювання. З літературознавчого погляду цілком переконливою видається думка Я. Поліщука: «...брати його памфлетарій лише за історичний документ своєї епохи не доводиться: надто яскраво, з вибуховою силою втілилася в ньому творча індивідуальність автора, що й донині вражає масштабністю та проникливістю мислення» [11, с. 160].

Поряд з памфлетним вченням Миколи Хвильового, утопічно-пророча модальність пронизує художні твори письменника.

У першій прозовій збірці письменника «Сині етюди» переважають твори, які засвідчують «цілковите прийняття художником своєї неспокійної сучасності як світанку нової щасливої ери» [1, с. 10]. «Цю книгу, – зазначає М. Жулинський, – і читачі, і колеги-письменники зустріли із захопленням. Не могла не схвилювати щира, романтична віра в торжество революційних ідеалів, юний ентузіазм, імпресіоністично-реалістичного самовираження...» [6, с. 17]. Герої «Синіх етюдів» відчувають гордість за причетність до епохи нечуваних перспектив, але поміж ними виокремлюються ті, які претендують

на особливий дар знати більше і бачити далі, що дає їм право кликати інших за собою. Революційний глашатай Хвильового нерідко уподібнюється до пророка («Солонський яр», «Кіт у чоботях»).

Абсолютне злиття нового героя і архетипа пророка засвідчує новела «Легенда». Назва твору зумовила пошук витоків образного світу новели у фольклорі. Л. Пізнюк вбачає в цьому творі народне оповідання про незвичайну подію, ритмічно організоване та композиційно побудоване за зразками героїчного епосу, зокрема українських дум [10, с. 60]. Однак фольклорна стилістика у Хвильового виразно синтезується з біблійною. Твір репрезентує інтенції до створення затребуваного масовими настроями культового героя-лідера.

Лапідарний спосіб вислову М. Хвильового місцями наближається до біблійної стилістики, що особливо помітно у розповіді про Стеньку-юнака, від якого «тремтіли вороги». Спосіб життя молодик вів мандрівний («як вітер»), і де б не з'явся, «одразу дзвеніли повстання». Портрет Стеньки збірний і багатоликий. Основну увагу в переказах приділено вогненності його слова: «Хто слухав Стеньку, той ішов за ним і в огонь, і в воду. Його мова була блискуча, як весняний ранок. Він горів завжди й вабив завжди, наче степові огні в темряві. І як великий пророк, він віщував» [14, с. 197]. У своїх промовах Стенька проявляє себе справжнім оратором, що доцільно користується зрозумілою кожному метафоричною мовою, як-от: «Один крок – і ми в голубій країні, не буде кроку – знову безодня, темна, слизька, як жаба...» [14, с. 197]. Окличні та питальні речі у нього чергуються, причому залишається враження, що звертається він до всіх і до кожного зокрема. Кривава слава і невразливість юнака-буревісника потребували пояснення, і ходили чутки про інфернальність його руйнівних сил. Подейкували, що водиться він із лісовиками-характерниками, або навіть «з нечистою силою» («анцихрист»). Насторожував громаду і той факт, що міг він називати «єдиним богом» звичайну сільську бабу, вільну людину з ножем помсти в руках. Християнська ментальність стала підґрунтям для розколу серед колишніх його тотальних прихильників. Почалася смуга усвідомлення, що «люди відсахнулися від нього», а цей етап є важливим компонентом пророчої стезі, закріпленої біблійною літературою. Серед опонентів Стеньки-пророка появляється людина з екстрасенсними здібностями мольфара – «дід Чорноморець сивий» [14, с. 199]. Він розповів людям, «що наступає кінець юнакові, що лютою смертю помре він» [14, с. 199]. Стенька гостро усвідомлював, що він особисто потрібен для реалізації ідеї, задля якої піднімав народ. Та невдовзі вороги оточили стан бійців і піймали ватажка. Недарма він зажадав привселюдного покарання. В кульмінаційний момент його фактичної саможертви перед натовпом раптом сталось химерне превтілення: «...побачили люди замість юнака буйного голу жінку – красуню, що погордо дивилася поперед себе» [14, с. 200]. Отже, за сюжетом «Легенди», загибель юнака-пророка «опоетизується як наслідок подвигу» [17, с. 7]. Однак є

підстави категоризувати смерть Стеньки типовою приреченістю будь-якого пророка. Лише ціною життя пророка відбувається прищестя нових ідей, навіть за умови позбавлення їх репрезентації в суспільстві вони все-таки корегують поступ через створений історіософський міф. Новаторство Хвильового проявляється в андрогінності трансформованого пророка революційної боротьби відповідно до містики, що має розмаїтий прояв у релігіях багатьох народів (іконографія, міфологічні перекази, зокрема орфічні, ведичні, єгипетські, андаманські).

Тонка грань «божественного начала» та «бісівського прообразу» в людині «майбутнього світу» [8, с. 253] знайде продовження в новелі «Я (Романтика)», де герої дозволяють проникнути у психологію апологетів («вірний вартовий», «вірні агенти», «вірний пес революції») цієї «священної війни», яка дещо змінилась з висоти відстані часу в авторських медитаціях. М. Хвильовий розгортає нежиттєподібну, параболічно-ілюзорну дійсність, із загадковими іменами, нетиповими пейзажними деталями, алюзією на безчасся [14, с. 271]. Головна бінарна опозиція новели полягає в колізії гуманізму і фанатизму. Фанатизм, що вимагає зречення від усього людського, зазвичай необхідний для нав'язування згубної доктрини. За словником В. Даля, фанатизм – «це брутальне, завзяте марновірство замість віри, гноблення інакомислячих ім'ям віри» [5, с. 532]. У «Я (Романтиці)» йдеться не просто про віру, а віру в нову істину її носіїв-атеїстів, які не визнають над собою вищого судді. У новелі М. Хвильового неодноразово наголошується на очікуванні месії, що було іманентною рисою доби та стало передумовою поширення міфу про більшовизм. Але поступово ідея про справедливий лад стає лише засобом абсолютизації карального органу. Показовим є епізод із затриманими, до яких з насмішкою звертається головний герой: «...ви теософи! Шукаєте правди!.. Нової? Так! Так!.. Хто ж це?.. Христос?.. Ні?.. Інший спаситель світу?.. Так! Вас не задовольняє ні Конфуцій, ні Лаотсе, ні Будда, ні Магомет, ні сам чорт!.. Ага, розумію: треба заповнити порожнє місце...» [14, с. 275]. Міфологема рукотворного сакрального світу «загірна комуна», змодельована М. Хвильовим, є своєрідним аналогом «землі обітованої». Концепт «загірна комуна» або ж близький до нього за семантичним наповненням «голуба даль» можна знайти у багатьох творах М. Хвильового. Як зауважила В. Агеєва, голубою «даллю» «марять усі романтичні персонажі письменника» [1, с. 15]. Унікальна відданість мрії цих персонажів оповита рідкісною поетизацією, що контрастує з реаліями, які сигналізують логіці про безнадійність їхнього пристрасного бажання вочевидь побачити реалізацію мрії про країну-фантома. В «Арабесках» герої «чують далекий загірний голос». За Я. Поліщуком, у цій новелі «сучасність... цікавить письменника настільки, наскільки вдається реалізувати на її тлі свої мрії, проектуючи ідеальне минуле, а частіше, звісно, ідилічне майбутнє» [12, с. 157]. У «Силуетах» новим мрійникам сняться пророчі сни, вони неусвідомлено вимовляють слова-символи з книги пророка Даниїла «Мене, мене, текел, упарсин (перес)». Водночас набувають пророчих

рис звичайні агітатори, дар слова у яких відкрила епоха соціальних потрясінь. Однак автор бачить цих речників під особливим кутом зору, як-от: «І як музика польових просторів, ллється ця надзвичайна агітація» [15, с. 205]; «Ходять бояни невідомих комун і співають вечірню молитву, коли жевріє свіча загірного сонця» [14, с. 104].

У «Вступній новелі» М. Хвильовий, попри грайливий наративний тон, залишає кредо романтика революції: «Я вірю в «загірну комуну», і вірю так божевільно, що можна вмерти» [14, с. 35]. Концепт «віри», поряд із концептом «загірна комунa» є іманентним для художнього світу М. Хвильового. Завдяки культу цієї віри М. Хвильовий формує підвалини нового типу світогляду. «Цей світогляд, – зазначає М. Терещенко, – у своїй основі релігійний. На відміну від попередніх релігій, в котрих запорукою всього суцього слугував Бог, центром «нової релігійності» як своєрідного світогляду-віри стає людина, котра свідомо приймає на себе відповідальність за своє життя в цьому світі, що вплине на духовність майбутнього людства – людства ідеальної духовності» [13, с. 6]. Загалом у символічній автобіографії М. Хвильового неважко впізнати нового пророка, який хоча і уникає пафосу, та все ж повсякчас у своїх відвертих монологах навчає свого читача безмежної комуністичної віри. В оповіданні «Лілюлі» серед закодованих ремінісценцій та алюзій трапляється слово «пророк», смислом якого він жонглює на перехресті комічності й інтелектуалізму: «О, новельний Фальстафе! Як М. Сведенборг, віриш у своє призначення пророка!» [14, с. 245]. Новельний Фальстаф – це, безперечно, зібраний образ письменника пореволюційної доби, майстер жанру новели. Власне, і сам М. Хвильовий свято вірить у свою місію – бути пророком «легко-синьої далі». Актуалізація шукання нової релігії у першій третині ХХ ст. не викликає сумніву. Не дивно, що феномен «нової релігійності» **став концептуальним стрижнем багатьох літературних текстів, у тому числі й М. Хвильового.** Доба диктувала М. Хвильовому, як і багатьом іншим письменникам, образи, які виконували «низку релігійних функцій: творення історії, функції жертви, пророка, предтечі національного Месії, месника й міфотворця» [3, с. 103-104].

Отже, спадщина М. Хвильового зберегла нащадкам ряд пророчих візій майбутнього або ж «втраченого раю», ностальгія за яким спонукає нові утопічні ідеї відшукування «синьої далечини», піддані осуду «червоним трибуналом загірної комуни», що монополізував право на пророчі інтенції всіх тогочасних письменників.

Література:

1. Агеєва, В. Микола Хвильовий / Віра Агеєва // Микола Хвильовий. Новели, оповідання. «Повість про санаторійну зону». «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. – К. : Наукова думка, 1995. – С. 5–30.

2. Артюх, В. Тяглисть історії й історія тяглості: українська філософсько-історична думка першої половини ХХ століття : монографія / В'ячеслав Артюх. – Суми: Вид-во СумДУ, 2010. – 266 с.

3. Балаклицький, М. «Нова релігійність» Івана Багряного: монографія / Максим Балаклицький. – К.: Смолоскип, 2005. – 167 с.

4. Грабович, Г. Символічна автобіографія у прозі Миколи Хвильового / Григорій Грабович // Критика. – 2003. – № 6. – С. 20–23.

5. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Владимир Даль. – М.: Гос. изд. ин. и нац. словарей, 1956. – Т. IV. – 684 с.

6. Жулинський, М. Талант, що прагнув до зір / Микола Жулинський // Хвильовий М. Твори: в 2 т. – К.: Дніпро. – Т. 1. – 1990. – С. 5–43.

7. Зборовська, Н. Код української літератури: проект психоісторії новітньої української літератури: монографія / Ніла Зборовська. – К.: Академвидав, 2006. – 504 с.

8. Кудрявцев, М. Достоевський і Винниченко: до проблеми типологічних зв'язків / Микола Кудрявцев // Огієнко і сучасна наука та освіта: збірка наукових праць. – Кам'янець-Подільськ, 2008. – С. 249–267.

9. Маланюк, Є. Книга спостережень / Євген Маланюк. – К.: Атіка, 1995. – 236 с.

10. Пізнюк, Л. Дотичність творчих манер чи наслідування? (аналіз прози Аркадія Любченка та Миколи Хвильового) / Леся Пізнюк // Магістеріум. – К., 2000. – Вип. 4. Літературознавчі студії. – С. 59–63.

11. Поліщук, Я. Голос Командора (Микола Хвильовий) / Ярослав Поліщук // Поліщук Я. Пейзажі людини. – Харків: Акта, 2008. – С. 160–177.

12. Поліщук, Я. Література як геокультурний проект: монографія / Ярослав Поліщук. – К.: Академвидав, 2008. – 304 с.

13. Терещенко, В. Метафізичні інтенції української повісті 20-х років ХХ століття: автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.01.01 / Василь Терещенко. – Х., 2002. – 15 с.

14. Хвильовий, М. Новели, оповідання. «Повість про санаторійну зону». «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети / Микола Хвильовий; вступ. ст., упоряд. і приміт. В. Агеєвої. – К.: Наукова думка, 1995. – 816, [5–30] с.

15. Хвильовий, М. Твори у 5 т. / Микола Хвильовий. – Нью-Йорк: Смолоскип, 1984. – Т. 1. – 438 с.

16. Хвильовий, М. Твори у 2-х т. / Микола Хвильовий; упоряд. М. Жулинський, П. Майдаченко. – К.: Дніпро, 1990. – Т. 2. – 925 с.

17. Цюп'як, І. Поетика повістей Миколи Хвильового: автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.01.01 / Ірина Цюп'як. – Дніпропетровськ, 2002. – 14 с.

**ПАРОДИЯ, СТИЛИЗАЦИЯ, БУРЛЕСК:
К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПОНЯТИЙ**

Н. В. Петрова

ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет» (Иркутск)

**PARODY, STYLIZATION, BURLESQUE:
TO THE DIFFERENTIATION OF THE TERMS**

N. V. Pertova

Summary. In the article the terms *parody*, *stylization* and *burlesque* are considered. The differences between these terms are established.

Пародия – древнейшей вид словотворчества. Полагают, что изобретение пародии относится к V или VI в. до н. э.. По мнению Аристотеля, первое произведение пародирующего типа принадлежит Гегемону из Тазоса (V в. до н. э.). Другие источники приписывают создание первой пародии поэту Гиппонакту (V или VI в. до н. э.), автору известной древнегреческой поэмы-пародии «Война мышей и лягушек». Шуточная эпическая поэма является пародией на героический эпос типа Илиады [4, с. 289].

Далее приведем несколько определений пародии. *Пародия* – поэтическое или прозаическое произведение или жанр, основанный на комическом воспроизведении поэтики и стиля какого-нибудь писателя или отдельного текста [2, с. 307]. *Пародия* (от греч. *parodia* – противопеснь) – вид сатирического произведения, целью которого служит осмеяние литературного направления, жанра, стиля, манеры писателя, отдельного произведения [8, с. 259]. *Пародия* (от греч. *paroidos* = поющий наизнанку) – «подражание, утрированно повторяющее особенности оригинала, выражающее насмешливо-критическое отношение к некоторым героям, идеям, стилистическим особенностям источника при некотором его почитании и даже восхищении его качествами [4, с. 289]. *Пародии* – это перелицовки предшествующих литературных фактов, будь то отдельные произведения или «типовые» явления писательского творчества (жанры, стилевые установки, укорененные художественные приемы) [9, с. 250–251]. *Пародия* – специфическое использование различных языковых средств с целью комического подражания стилю какого-либо писателя или литературного направления [3, с. 313]. *Пародия* (греч. *parodia*, букв. – «перепев», «перепеснь») – подражание художественному произведению, имеющее целью создание комического эффекта [10].

В существующих определениях четко прослеживается связь пародии с первичным текстом, благодаря которой обеспечивается узнаваемость текста-источника. На эту особенность пародии особо обращает внимание И. В. Арнольд, отмечая, что направленность на какое-нибудь известное читателям произведение или ряд произведений или направление и упор на эту соотнесенность является характерным признаком пародии [2, с. 307]. Обновление

произведения за счет внесения различного рода изменений является другой важной особенностью пародий как вторичных текстов. Пародия, таким образом, представляет собой «парадигму подражания и трансформации произведений» [7, с. 64].

Возвращаясь к приведенным ранее определениям пародии, обратим внимание на то, что в одних определениях особо подчеркивается наличие у пародий сатирической формы, в других определениях – юмористической формы. Известно, что существуют пародии двух видов: *юмористическая* и *сатирическая*. *Юмористическая пародия* является комическим подражанием оригинала, доброжелательная и дружеская по отношению к пародируемому автору. Сатирическая пародия противостоит оригиналу, высмеивает и отрицает идейную и эстетическую сущность произведения, автора или литературного направления [8, с. 259].

Отметим, что установка пародий на сатиричность долгое время существовала во времена советского периода. Приведем, к примеру, часть статьи о пародии, размещенной в «Литературной энциклопедии»: «*Пародия* – вид литературной сатиры, сатира на литературный стиль, при помощи которой ведется нападение на классово враждебную идеологию. <...> Она разоблачает враждебный класс, компрометируя его литературу, всю его стилевую систему, или исправляет и очищает литературу своего класса от чуждых влияний или пережитков. В обоих случаях пародия есть вид сатирического разоблачения» [6].

В социалистическом обществе пародия рассматривалась как важное идеологическое оружие. Уже в те времена имела место и пародия, «направленная на отдельные мелкие и более «невинные» недочеты своей литературы». Эта пародия «становится более мягкой, и ее сатирический характер перерастает в юмористический» Она превращается «в эстетское развлекательство», «пародия вырождается до пародии-шутки, близкой к стилизации» [6].

На современном этапе развития общества пародия уже не играет такую «боевую, активную роль в классовой борьбе на литературном фронте» [ЛЭ, URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc._literature/], а скорее, служит средством развлечения, при этом юмористичность пародии выступает на первый план. Таким образом, из двух видов пародий (сатирической и юмористической), широкое распространение начинает получать юмористическая пародия, основным средством которой является невраждебное ироническое подражание осмеиваемому образцу.

Далее определим *пародию* как вторичный текст юмористического характера, созданный на основе первичного текста при участии двух основных механизмов: *сохранения* и *трансформации*.

Пародию следует отличать от *стилизации* и *бурлеска*.

Стилизация определяется как намеренная и явная ориентация автора на ранее бытовавший в художественной словесности стиль, его имитация, воспроизведение его черт и свойств [9, с. 250]. Основное отличие стилизации от

пародии В. Е. Хализев видит в следующем: «Если в стилизациях <...> автор стремится к адекватности воссоздания определенной художественной манеры и от нее не дистанцируется, то свойства пародии определяются отчужденностью писателя от предмета имитации» [9, с. 250]. В «Литературной энциклопедии» имеется сходное разграничение данных понятий: «В противоположность стилизации, подражающей чужому стилю, пародия, своеобразно воспроизводя чужой стиль, дискредитирует, сатирически и комически разоблачает его» [6].

Несмотря на различия между стилизацией и пародией, грань между ними зыбка. По словам Ю. Н. Тынянова: «От стилизации к пародии – один шаг; стилизация, комически мотивированная или подчеркнутая, становится пародией» (Цит. по: [9, с. 250]) .

Бурлеск (фр. *burlesque*, от итал. *burla* – шутка) возник в эпоху Возрождения и распространился в Европе в XVII – начале XVIII века. Бурлеск – это жанр, «комический эффект которого определяется резким контрастом между темой и характером ее речевого изложения: возвышенная тема излагается в бурлеске низким стилем (низкий бурлеск), а низкая тривиальная тема воплощается при помощи высокого стиля (высокий бурлеск)» [1, с. 43].

Модификация первичного текста, связь с первичным текстом и юмористическая направленность бурлеска роднит его с пародией. Некоторые источники бурлеск считают видом пародии. В «Краткой литературной энциклопедии» бурлеск отнесен к жанру «комической *пародийной* поэзии» [5, с. 778]. Согласно данной формулировке, бурлеск – это вид пародии на поэтические произведения. Существует также точка зрения о том, что пародия является видом бурлеска. С. Дентиф, в частности, считает, что термин *бурлеск*, получивший широкое распространение в XVIII веке, стал использоваться для называния любых видов комического письма [11, р. 190]. А. А. Александрова убеждена, что термины «бурлеск» и «пародия» следует разграничивать. Разграничение этих двух понятий она видит в следующем: Текст пародии является комической имитацией первичного текста и соотносится с ним на основе сходства структурно-композиционных, структурно-синтаксических и лексико-семантических свойств. Текст бурлеска является комической имитацией исходного текстотипа. В нем повторяются инвариантные свойства одной из текстотипологических моделей: эпической поэмы, оды, трагедии или рыцарского романа. Комизм текстов пародии и бурлеска основывается на контрасте, который проистекает из их двойственной природы. Комический эффект *пародии* достигается смысловым и ценностным контрастом между воспроизводимыми в ней элементами имитируемого текста и нововведенными элементами, трансформирующими его структурную и смысловую организацию. Комический эффект *бурлеска* достигается резким контрастом между темой и характером ее речевого изложения: возвышенная тема излагается низким стилем (низкий бурлеск) или низкая тривиальная тема излагается высоким стилем (высокий бурлеск) [1, с. 55–56].

После рассмотрения терминов «пародия», «стилизация» и «бурлеск» очевиден вывод о том, что данные термины связаны с понятием вторичных текстов, а, следовательно, и с понятием интертекстуальности. В основе создания пародии, стилизации и бурлеска лежит механизм сохранения и трансформации первичного текста. При общности механизмов создания пародии, стилизации и бурлеска эти термины существенно отличаются друг от друга.

Литература:

1. Александрова, А. А. Категория аппроксимации в имитационных художественных текстах (на материале англоязычных текстов пародии и бурлеска): дис. ... канд. филол. наук: 10.02. 04 / А. А. Александрова. – СПб., 2013. – 186 с.
2. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Боров, Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Ю. Б. Боров. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 575 с.
5. Краткая литературная энциклопедия / под ред. А. А. Суркова: в 9 т. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – 1088 с.
6. Пародия // Литературная энциклопедия. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf./enc._literature/ (дата обращения: 03.04.2016).
7. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М.: ЛКИ, 2008. – 240 с.
8. Тимофеев, Л. И. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
9. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2000. – 398 с.
10. Энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru> (дата обращения: 24.12.2015).
11. Dentith, S. Parody. The New Critical Idiom / S. Dentith. – New York: Routledge, 2000. – 211 p.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЕ

Е. В. Пономарева

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (Ялта)

LITERARY PORTRAIT IN DIARY PROSE

Y. V. Ponomareva

Summary. The paper focuses on the peculiarities of the creative method of the literary portraits included into diaries. The conclusion was drawn that the synthetic nature of literary portrait in diary prose allows to convey the alive feeling of individuality of described people in the form of multifold narration and to achieve another level of artistic generalization. The differences in literary portraits in the diary prose are due to different principles of image creating and personal author's outlook.

Традиции использования того или иного творческого метода в создании портретов в дневниковой прозе тесно переплетаются с веяниями времени, с желанием автора осветить личность в духе современных ему литературных направлений. Общие тенденции развития литературы XX века увеличивают эстетико-познавательные возможности портретных зарисовок в освоении действительности, но вместе с тем присущие портретам в дневниках неразрывность и синкретизм усложняют проблему их [методов] соотнесения и выявления. Так, например, в силу фрагментарного характера приводимых в тексте дневников оценок, бывает сложно определить эстетическую природу отдельных частей обобщённо-целого, хотя каждый компонент портретной характеристики должен восприниматься в художественном синтезе. Задача исследователя усложняется также отсутствием в XX столетии, особенно в начале века, одного определяющего литературного направления, которое обусловило бы выбор писателями единых приёмов и методов. Отсюда – использование авторами различных техник, их тесное взаимопереплетение в повествовательной ткани зарисовок.

Познание живой природы предполагает внимательное всматривание в сущность человека, постижение и отображение всё новых ракурсов индивидуальности. Такое видение проблемы с акцентом на деталях, раскрывающих одновременно и типические проявления личности, во многом предопределены реалистическими тенденциями начала века. Так, просматривается концептуальная близость многих портретов, написанных А. Блоком, И. Бунным, М. Пришвиным и К. Чуковским.

В соответствии с реалистическим методом портреты этих писателей так или иначе соподчинены раскрытию проблемы взаимоотношений человека и мироздания. В таких портретах человек предстает в его биологической, исторической и социальной обусловленности, во всём многообразии своих связей

с окружающим миром. Портретистов волнует то, в чём именно, и как проявляются связи человека с миром, а монументальная личность в своей неповторимости и исключительности несколько смещается с авансцены описания. Таким образом, у читателя появляется возможность получить не вырванное из контекста представление о человеке, а практически исчерпывающую репрезентацию характера, взглядов, привычек, освещённых в разных измерениях и масштабах. Так, у А. Блока создаются портреты Л. Менделеевой и Е. Иванова, у И. Бунина – М. Волошина и В. Маяковского, у М. Пришвина – А. Блока, Ф. Шаляпина, В. Пришвиной и др., у К. Чуковского – А. Блока, И. Репина, М. Горького и др.

Тяготение к реалистической структуре портрета наиболее ярко выражено в дневниковой прозе И. Бунина, М. Пришвина и К. Чуковского.

И. Бунин создаёт насыщенные обстоятельными подробностями портретные зарисовки, сатирически заострённые и часто гротескно изображающие сложную социальную картину общества. Так, перед нами предстаёт целая галерея образов, призванных то «...однообразно, точно читая» [2, с. 11] говорить о несправедливостях старого режима, то возвеличивать «...мощь и красоту рабочего мира», «братски» обнявшихся коммунистов, «грозных» рабочих в кожаных передниках и «мирных пейзажей» – словом, всё, что полагается» [2, с. 39]. При этом у И. Бунина наблюдается обострение колористического видения мира – его портреты наполнены красками и напыщенно-высокими интонациями, подчёркивающими напряжённое социальное положение народа.

В зарисовках И. Бунина проявляется присущая реалистам тенденция изображения «большого через малое», когда портретная характеристика одного человека становится своего рода обобщающим заключением. Так, писатель даёт в дневнике универсальное представление о молодом поколении, ставшем одной из движущих сил большевизма: «...встретил на Поварской мальчишку-солдата, оборванного, тощего, паскудного и вдребезги пьяного» [2, с. 19].

Тяготение к широкому обобщению с элементами символического отражения явлений часто граничит у И. Бунина с прямой, беспощадной, односложной характеристикой: «Маяковского звали в гимназии Идиотом Полифемовичем» [2, с. 28]; «Лучше черти, чем Ленин» [2, с. 28].

Изображая внешность людей, И. Бунин следует традициям классицистов, всячески отыскивая сообразные содержанию яркие краски. Автор использует многочисленные подробности и штрихи, облачая их в форму эпитетов, описательных прилагательных и сравнений: «Двигается медленно, с идиотической тупостью глядя вперёд. На плечах насквозь пропыленная тальма с громадным сальным пятном на спине. Шляпа тоже такая, что смотреть тошно. Грязнейший бумажный воротничок, подпирающий сзади целый вулкан, гнойный фурункул, и толстый старый галстук, выкрашенный красной масляной краской» [2, с. 67]. Лексико-грамматическое членение этого фрагмента

на логические паузы свидетельствует о том, что перед нами ритмизированная проза, в которой пластика слов и их оттенки сближаются в художественное единство с помощью интонации и синтаксиса.

Литературные портреты в дневниковой прозе М. Пришвина также создаются в традиции реалистического метода. В созданных им портретных зарисовках повсеместно прослеживается указание на имеющиеся, но скрытые в человеке возможности и особенности, ждущие своего проявления: «Крюков такой человек, что как завидит только образованного человека, так и сам начинает рассуждать и философствовать, и всё по-своему, а цель – найти общую точку» [3, с. 75]. Подобным образом М. Пришвин характеризует многих своих знакомых, отбирая для описания только им присущие особенности, внося в построение портрета критерий неповторимости.

В портретах М. Пришвина ощущается присущее реалистам восприятие природного мира и человека во всеобъемлющем характере их внутренних связей, когда человек представляется не как сверхсущество, превосносимое над миром природы, а изображается подвластным ему. Такое послабление антропоцентризма, характеризующее реализм начала века, находит своё проявление и в литературных портретах М. Пришвина.

Большинство портретных зарисовок М. Пришвина представляют собой единство различных жизненных начал: душевных, природных, мыслительных и т. д. В качестве иллюстрации приведём описание охотника Осипа Александровича Романова: «Это следопыт совсем как Дерсу. Как и у многих здешних людей, у него тоже есть особенная интеллигентность, свидетельство внутреннего благородства, в речи его почти всегда есть скрытое значение, как у героев Ибсена» [3, с. 275]. Этот и другие рассмотренные нами примеры свидетельствуют также и об особой эстетической незамысловатости М. Пришвина, его простоте, «внелитературности» в сравнении с высокопарным и витиеватым характером декадентской литературы.

Реалистические портреты К. Чуковского отличаются освещением разнообразных проявлений таланта описываемой личности, стремлением раскрыть богатство человека-созидателя во всём его многообразии и целостности. Универсальный характер литературных портретов К. Чуковского определяется тем, что для их построения автор считал необходимым совмещение элементов социологической и психологической эстетики.

Скажем, портрет В. Короленко в дневнике строится исключительно при помощи психологического анализа. К. Чуковский подмечает наиболее яркие черты характера писателя: «Осторожный, умеренный, благожелательный, глуховатый» [4, с. 43]. К ним добавляются особая мечтательность и элегический склад ума («Если человек не мечтатель – Короленко не может полюбить его» [4, с. 34]); доброта («Увидел, что я босиком, предложил мне свои ботинки» [4, с. 43]); забота о близких («Когда Анненский был болен, он спал на полу – возле: – Кто ни придёт, наступит» [4, с. 40]); бесконфликтность и спокойствие («Что меня в нём раздражает – его уравновешенность. Он всё по-

нимает. Он духовный кадет» [4, с. 33]). Картину дополняет запись, в которой даётся представление о глубинных свойствах личности В. Короленко: «Сам он был дивный, юморист, жизнелюб, но где-то под спудом и в нём лежала застарелая русская скука, скука русских изб, русских провинциальных квартир, русских луж и заборов» [4, с. 196].

Реалистические портреты К. Чуковского отличает особая ориентация на воспринимающее сознание читателя, влекущая за собой склонность к передаче собственных впечатлений и к эмоциональному воздействию на читателей. В этом смысле зарисовки автора приближены скорее к этюдам, предполагающим воспроизведение ощущений от увиденного, что само собой свидетельствует о наличии в портретах К. Чуковского импрессионистских элементов.

Кроме того, писатель осознанно не прибегает к художественной обработке многих портретных образов в дневнике и оставляет их «сырыми». Именно в таких зарисовках отчётливее всего проявляется альтернативный характер мышления К. Чуковского, его неповторимый стиль – от иронически-колкого до приветливо-доброжелательного. О наличии в портретах К. Чуковского импрессионистских элементов свидетельствует также уникальная эстетическая форма воспроизведения образа. Автор часто изображает личность в нескольких штрихах, используя при этом эпитеты и не предоставляя читателю подробных иллюстраций или объяснений личностных качеств человека. Получается, К. Чуковский не даёт полных психологических портретов, а лишь указывает на доминанты характеров.

Наряду с реалистическим в дневниковой прозе XX века распространён также портрет символистский. Более других близок к символистскому творческий метод А. Блока, литературная деятельность которого сопряжена с философскими исканиями мира, созданного по законам Красоты.

Для А. Блока, склонного к мистицизму, внутренний мир человека – это, прежде всего, свидетельство общего трагизма и фатальности, постигшей Вселенную, а также конкретное проявление «страшного мира», которому предстоит неизбежная гибель. В портретах А. Блока часто передаются изменения в облике, а во внешности изображаемых людей прочитывается острое отражение тревоги. Тем не менее социально-политические предпосылки этих переживаний намеренно не подчёркиваются, а обозначаются лишь пунктирно. Вот, к примеру, передача поэтом облика М. Терещенко – крупного русского и французского банкира, миллионера, владельца сахарорафинадных заводов: «Затравлен, запуган. Глаза – косят, злые. Тревожит меня – и хорошо и плохо» [1, с. 150].

Многие литературные портреты А. Блока строятся посредством анализа нравственно-эстетической сущности творчества и биографических фактов жизни портретируемых, а также в сопоставлении с психологическим переживанием ими этих событий. Скажем, литературный портрет Ф. Сологуба представлен А. Блоком не статично, а в динамичном соотношении с историей лич-

ной жизни писателя: «Но, всё-таки, Сологуб изменил самому себе, запутался в собственной биографии. Та, которая здесь зовётся Мечтой и Лилит, – в лучшие времена была для Сологуба – смертью-утешительницей, и всё было тогда для него – верно и стройно. Та же, которая здесь полумилая жизнь, – была прежде «бабищей дебелой и безобразной». Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубовски любить Смерть и ненавидеть Жизнь» [1, с. 157]. О том, что автор использует в создании портрета символистский метод, свидетельствует также и тот факт, что А. Блок для раскрытия особенностей внутреннего содержания личности Ф. Сологуба прибегает к литературным ассоциациям из творческого наследия самого портретируемого – в частности, к образу Жизни – «бабищи дебелой и безобразной» из сказки «Пленинная смерть».

Символизму как методу свойственно воссоздание мира в его непостоянстве и мимолётных впечатлениях. Присущая этому направлению разноплановость литературных портретов часто достигается у А. Блока с помощью нагнетания антонимов, относящихся как к обозначению внешних и внутренних качеств людей, так и к оценке их творчества. Используется этот приём, скажем, при создании портрета Ал. Толстого. И если в первой его части, касающейся литературно-критической оценки комедии Ал. Толстого «Насильники», даётся лишь противопоставление сильных и слабых сторон произведения («Хороший замысел, хороший язык, традиции – всё испорчено хулиганством, незрелым отношением к жизни, отсутствием художественной меры» [1, с. 184]), то вторая часть представляет собой конфронтацию противоречивых внутренних черт, характерных для писателя: «...много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта» [1, с. 185].

Или же вот как поэт создаёт литературно-критический портрет Ф. Тютчева: «Откуда же черпал этот уже явный декадент свои вдохновения? Ответ прост. Он, как все, *сильные и слабые, молодые и старые, весёлые и грустные* (курсив наш. – *Е. П.*), – ждал голосов из вечности, был близок к Золотому Веку, терялся мечтой в лучезарности прошлого» [1, с. 33]. На этом примере, помимо использования антонимов, можно выявить характерную импрессионистическому методу пластику языка и выбор эмоционально-образных средств. На стилистическом уровне А. Блок использует лиризм предположений и раздумий, а также непринуждённую естественность простой речи. Синтаксическое оформление портретной зарисовки характеризуется использованием либо нераспространённых, либо сложносочинённых предложений с симметричной последовательностью расставляемых в них ударений. Всё это, плюс уже ранее обозначенный выбор лексических единиц, способствует более эмоциональной и изысканной передаче образа.

Создать портретный образ, соответствующий авторской концепции, помогает А. Блоку применение определённого эпитета, который в дальнейшем становится лейтмотивом. Так, например, эпитетом-лейтмотивом в портрете В. Брюсова становится эпитет «мелкие» или «мелочные» гадости»: «Брюсову

всё ещё не надоело ломаться, актёрствовать, делать *мелкие гадости* (курсив наш. – *Е. П.*) людям, имеющим с ним отношения...» [1, с. 97]; «Последнюю критику Верховский сопровождает обобщениями о Брюсовской *мелочной гадости* (курсив наш. – *Е. П.*), на которую Брюсов способен» [1, с. 98].

Таким образом, литературные портреты в дневниковой прозе писателей XX века характеризуются тесным переплетением элементов различных творческих методов, а определить ведущий бывает порой невозможно в силу маргинального характера самих литературных направлений исследуемой эпохи и авторских предпочтений.

Литература:

1. Блок, А. А. Дневник / А. А. Блок. – М. : Сов. Россия, 1989. – 512 с.
2. Бунин, И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин; предисл. В. П. Кочетов, подгот. текста и примеч. А. К. Бабореко. – М.: Сов. писатель, 1990. – 128 с.
3. Пришвин, М. М. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 8. Дневники 1905–1954 / М. М. Пришвин. – М. : Художественная литература, 1986. – 759 с.
4. Чуковский, К. И. Дневник. 1901–1969: в 2 т. – Т. 1 / К. И. Чуковский. – Л.: Сов. писатель, 1991. – 543 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНФОГРАФИКИ

Н. Н. Посконная, М. В. Гершун

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY INFOGRAPHIC

N. N. Poskonnaya, M. V. Gershun

Summary. The article is devoted to studying the theoretical aspects of the study of infographics as a kind of a creolized text. Discusses the definition of "infographics" from theoretical and practical points of view, described the function of the studied phenomenon.

В настоящее время инфографика подвергается анализу на стыке многих дисциплин – журналистики, рекламы, психологии и в том числе, лингвистики. Возможность анализировать инфографику в терминах лингвистики обусловлена тем, что она является текстом. Так, И. А. Гончар предлагает понимать инфографику как частный случай креолизованного текста [3]. Ю. А. Сорокин определяет креолизованный текст как «текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [6, с. 60]. Под вербальной частью, как отмечает М. Б. Ворошилова, исследователи, как правило, понимают надпись, подпись, вербальный текст.

Под невербальной частью понимаются иллюстрации (рисунок, фотография, карикатура и др.), схемы, таблицы, символические изображения, формулы и прочее [2].

Необходимость осмысления инфографики, выделения ее из ряда текстов, относящихся к креолизованным, вызвана, прежде всего, ее специфической природой, а также знаниями, выработанными практиками инфографики.

Научная литература, касающаяся инфографики, трактует данный термин неодинаково, что обусловлено относительно недавним вхождением термина в научный оборот. Поэтому, чтобы наиболее полно отразить разнообразие взглядов на понятие «инфографика», обратимся как к научным статьям, так и к накопленному практическому материалу.

Некоторые определения, даваемые авторами инфографике, достаточно широки и включают в себя вообще любое сочетание вербальной и визуальной информации. Примерно так ее трактует И. А. Гончар: «Инфографикой можно назвать любое сочетание текста и графики, созданное с намерением изложить ту или иную историю, донести тот или иной факт» [3]. Недостатком данного определения является тот факт, что под него попадают иллюстрации, инфографикой не являющиеся. Так, подавляющее большинство рекламных плакатов сочетают в себе как текст (слоган, контактная информация), так и графику (иллюстрацию, фотографию, рисунок и пр.).

Многие авторы подразумевают под инфографикой графический способ подачи информации. Так о ней пишет Е. А. Баранова [1]. Похожее определение дает Т. В. Соловьева: «Инфографика – это визуальное представление информации, данных и знаний» [10].

Предыдущие определения характеризуют инфографику как средство представления информации, как некий объект или обозначение класса объектов. Немного иное определение инфографике дает В. В. Лаптев: «Инфографика – это область коммуникативного дизайна, в основе которой лежит графическое представление информации, связей, числовых данных и знаний» [8, с. 181]. Данное определение переводит инфографику в разряд области деятельности. Это закономерно – для того, чтобы составить качественную инфографику, необходимо иметь ряд навыков и определенный образ мышления, что обусловило выделение специфической отрасли дизайна.

Практики инфографики склонны определять ее именно в таком ключе. Об этом говорит и Р. Крам, считающий, что точка зрения, согласно которой инфографика и визуализация данных являются синонимами, устарела. Его мнение согласуется с определением, данным В. В. Лаптевым. Основную разницу между новым содержанием понятия «инфографика» и старым Р. Крам описывает следующим образом:

«Теперь под этим термином чаще всего понимают графический дизайн в широком смысле, одновременно включающий в себя визуализацию данных, использование иллюстраций, подготовку текста и изображений. Вся эта информация складывается в цельный сюжет. В таком смысле визуализации

данных как таковые уже не могут считаться полноценной инфографикой, но остаются мощным дизайнерским инструментом и важнейшей составляющей инфографики» [7, с. 37].

Если мы говорим об инфографике и о визуализации данных как ее инструменте, необходимо добавить несколько слов о так называемых уровнях визуализации. И. Доброва выделяет как минимум три уровня визуализации: визуализацию данных, визуализацию информации и визуализацию знаний [5]. Под визуализацией данных понимают визуализацию каких-либо числовых массивов. Как правило, такая визуализация выражена в графиках и диаграммах. Следующий уровень, визуализацию информации, Доброва называет инфографикой в чистом виде, так как она отражает взаимодействия между объектами. Именно этот уровень визуализации позволяет автору инфографики вносить в изображение собственную интерпретацию данных. Максимально субъективна визуализация третьего уровня, визуализация знаний. Для ее создания автору необходимо передать связи между несколькими самостоятельными объектами.

Стоит отметить, что ввиду отсутствия каких-либо структурированных знаний об инфографике и многочисленности ее разночтений, в различных источниках встречаются разные упоминания о визуализации. Чаще всего под визуализацией данных и визуализацией информации понимают нечто синонимичное, хотя все эти уровни можно представить в виде матрешки, так как разработка инфографики может включать в себя все три уровня. В таком случае визуализация данных и визуализация информации не могут являться идентичными понятиями.

Среди специалистов по информационному дизайну существуют разногласия и о том, какой уровень насыщения структурированной информацией должно иметь изображение, чтобы попасть в разряд инфографики. Чтобы охарактеризовать этот вопрос, обратимся к одной из многочисленных классификаций инфографики, которая официально была предложена Э. Тафти [4].

Инфографика бывает простой (или, согласно Тафти, ненасыщенной) и сложной (концентрированной). Разница между этими видами находится в числе параметров (или сторон рассматриваемого объекта), подвергаемых визуализации. В ненасыщенной инфографике число таких параметров минимально и равно одному, реже двум. Обычно такая инфографика является простейшими диаграммами и схемами, наложенными на какое-либо изображение для привлечения внимания.

Для создания концентрированной инфографики необходимо закодировать не менее трех параметров. Концентрированная инфографика позволяет рассмотреть объект, информация о котором визуализируется, детальнее, чем ненасыщенная. Но создание такой инфографики требует высокой компетенции автора, так как визуализация сложных информационных структур требует высоких интеллектуальных затрат.

Спор вокруг этой классификации прост и заключается в признании инфографикой продуктов визуализации одного-двух параметров. Ясно, что такие разногласия возникают ввиду нетвердого представления того, что вообще представляет собой инфографика как явление журналистики, статистики, дизайна и других областей деятельности.

На наш взгляд, сужение понятия «инфографика» до сложноорганизованных изображений не позволяет рассматривать опыт, накопленный ненасыщенной визуализацией. Так как в данной работе мы делаем упор не на инфографику как отрасль дизайна, а как конечный продукт деятельности в рамках этой отрасли, то в дальнейшем будем опираться на определение, данное Т. В. Соловьевой. Однако мы полагаем, что определение понятия инфографики все еще нуждается в уточнении.

Выделим принципиальные отличия инфографики от обычного изображения. Г. А. Никулова формулирует эту разницу таким образом:

«Изображение – это одно из средств коммуникации, играющее важную роль в презентации идей. Заменяя и уточняя многословные тексты, оно способно упростить смысл излагаемого материала и в то же время передать всю необходимую информацию, визуально представляя, обозначая и интегрируя идеи, факты, связи, выводы. Однако существует особая категория изображений, в которых плотность концентрации коммуникативных возможностей выше, чем у прочих – объекты информационной графики (инфографики или ИГ)» [9].

Поясняя эти слова, отметим, что если информация, передаваемая простым изображением, обычно бессистемна, а зависимость ее декодирования от коммуникативных характеристик реципиента достаточно высока, то инфографика не только представляет информацию систематизировано, но и вкуче с ее информационной насыщенностью снижает количество разночтений. Для человеческой коммуникации в принципе характерна ситуация, когда одни и те же слова разные люди, ввиду различий в социокультурном, политическом, возрастном, профессиональном плане, понимают неодинаково. Информационная избыточность инфографики повышает шанс того, что при расшифровке ничего не будет искажено.

Г. А. Никулова выделяет три функции инфографики: иллюстративную, когнитивную и коммуникативную [9]. Кратко охарактеризуем каждую из этих функций.

Иллюстративная функция заключается в оригинальности и привлекательности представления данных. Ввиду компактности визуальных данных инфографики, всю площадь которой чаще всего можно ухватить одним взглядом, восприятие информации становится минимально энергозатратным.

Когнитивная функция выражается в систематизации и структуризации информации инфографикой, что снижает степень разночтений, способствует координации внимания. Чтобы прочитать страницу сложного текста, человеку требуется приложить усилия для того, чтобы выявить связи как между

описанными в тексте объектами, так и между этими связями и уже имеющимися у человека знаниями. Инфографика экономит эти усилия за счет визуализации описываемых взаимодействий. Популярность инфографики в образовательной сфере говорит о том, что инфографика облегчает усваивание базовых элементов научных дисциплин. Кроме того сочетание логических выводов с образными впечатлениями позволяет задействовать в работе оба полушария мозга, что ведет к восприятию наиболее полной и объемной картины. При работе с инфографикой человек использует два метода познания – анализ и синтез. Анализ выражается в вычленении из инфографики какого-либо объекта для более подробного изучения его характеристик. Синтез заключается в формировании связей между представленными объектами.

По мнению Никуловой, коммуникативная функция инфографики заключается в способности инфографики как бы «переключать» в человеке способности работы с информацией. Например, один раздел инфографики, как уже было отмечено, может требовать для понимания применения анализа, а другой – синтеза. Обычный текст не маркирован под такие нужды ввиду невозможности описания словами неосознаваемых моментов, поэтому человек вынужден самостоятельно понимать, как обрабатывать поступающую информацию. Отличительной способностью инфографики является максимальное очищение пути восприятия информации от подобных коммуникативных препятствий.

Также Никулова пишет, что инфографика вовлекает человека в соавторство. Это ощущение «соавторства» возникает из-за активизации аналитических способностей и критического мышления, что вызывает в человеке положительные эмоции.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что инфографика в настоящий момент выделилась в самостоятельную отрасль коммуникативного дизайна. Исследователями инфографики определены ее функции – иллюстративная, когнитивная и коммуникативная, рядом авторов предложены классификации инфографики: по насыщенности (Э. Тафти) и по уровням визуализации (И. Доброва).

Литература:

1. Баранова, Е. А. Все, что Вы должны знать, если хотите развивать инфографику на газетном сайте / Е. А. Баранова. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1435> (дата обращения: 13.06.2016).
2. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения / М. Б. Ворошилова. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyu-tekst-aspekty-izucheniya-1> (дата обращения: 13.06.2016).
3. Гончар, И. А. Вербализация инфографики: специфика текстообразования (на материале видеogramм «Россия в цифрах») / И. А. Гончар. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-infografiki-spetsifika-tekst>

oobrazovaniya-na-materiale-videogramm-rossiya-v-tsifrah (дата обращения: 13.06.2016).

4. Доброва, И. Плотность данных / И. Доброва. – Режим доступа: <http://infographer.ru/plotnost-dannux> (дата обращения: 15.06.2016).

5. Доброва, И. Уровни визуализации / И. Доброва. – Режим доступа: <http://infographer.ru/3dimentions/> (дата обращения: 15.06.2016).

6. Елина, Е. А. Семиотика рекламы / Е. А. Елина. – М.: Дашков и Ко, 2016. – 126 с.

7. Крам, Р. Инфографика. Визуальное представление данных / Р. Крам. – СПб.: Питер, 2015. – 384 с. – С. 31–87.

8. Лаптев, В. В. Инфографика: основные понятия и определения / В. В. Лаптев. – Режим доступа: http://ntv.spbstu.ru/ntv/article/N4.184.2013_26/ (дата обращения: 14.06.2016).

9. Никулова, Г. А. Средства визуальной коммуникации – инфографика и метадаизайн / Г. А. Никулова, А. В. Подобных. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vizualnoy-kommunikatsii-infografika-i-metadizayn> (дата обращения: 14.06.2016).

10. Соловьева, Т. В. Инфографика в медийном и учебном текстах / Т. В. Соловьева. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/infografika-v-mediynom-i-uchebnom-tekstah> (дата обращения: 15.06.2016).

НЕКОМБИНИРОВАННАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ В ТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КИНОРЕЦЕНЗИИ

Н. В. Сабурова

*ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова» (Якутск)*

NON-COMBINED EVALUATIVE SCHEME IN MOVIE REVIEWS

N. V. Saburova

Summary. The paper focuses on combined and non-combined schemes in modern movie reviews with special emphasis on the non-combined one. Through the analysis of various elements of one text the latter is shown to be achieved by means of combining certain elements of explicit and implicit evaluative techniques.

Оценочность – это текстовая категория, в которой выражается негативная или отрицательная позиция автора по отношению к оцениваемому объекту. Категория оценочности универсальна и широко представлена в языковой деятельности. В языке оценочность выражается через ряд как лексических, так и семантических приемов. Существует два вида оценочности – открытая и закрытая, закрытая может выражаться имплицитно и эксплицитно. Особую

роль оценочность приобретает в публицистическом тексте, так как оценочность присутствует в любом его виде, выражая лежащее в его основе смысловое значение, авторскую задачу. Именно публицистика по причине своих функциональных особенностей является жанром практически полностью обусловленным оценочностью. Оценочность в публицистическом тексте обуславливает его с прагматической, семантической, языковой и структурной точки зрения.

В частности в рецензии она приобретает особую роль. В случае с данным типом публицистических текстов оценочность предмета речи возводится в принцип создания текста. Категория оценки является ключевой при написании рецензии. Оценка присутствует на всех уровнях текста: начиная от сбора материала для анализа до выбора лексики и стиля рецензии. В зависимости от лексики определяется характер рецензии. Подготовка рецензии того или иного типа предполагает преодоление трудностей разной степени. Одним из самых сложных видов рецензии является кино- и театральная рецензия. Так, если в рецензии на литературное или изобразительное произведение критик имеет дело только с самим этим произведением, мастерством его автора, то в театре, в кино, на телевидении, в концертной деятельности, кроме автора, участвуют режиссеры, актеры, музыканты, оформители и т. д. В подобных работах перед критиком стоит трудная задача – совместить целенаправленный анализ авторского и режиссерского замысла с характеристикой творческого воплощения. Создание хорошей рецензии на произведения синтетических жанров (театра, кино, исполнительского искусства) всегда определяется профессиональным умением критика оценить все стороны работы [1, с. 262].

В рамках данного исследования мы проанализировали тексты 11 кинокритик, отобранный методом случайной выборки. Для анализа были взяты кинокритик таких англоязычных сайтов, как

www.telegraph.co.uk,
www.imdb.com,
www.filmcomment.com,
www.film.com,
www.washingtonpost.com,
www.darkhorizons.com
www.rogerebert.com,
www.empireonline.com,
www.themovieblog.com и т. д.

При выборе сайтов мы опирались на статью “Top 10 Film Review Websites” Бена Тейлора [38] и на сайт Movie Reviews Query Engine (www.mrqe.com). Среди отобранного материала есть как рецензии кинокритиков, так и любительские рецензии. Отобранные рецензии посвящены фильмам разных жанровых направлений.

С точки зрения способа формирования оценочности, проанализированные тексты можно разделить на две группы: рецензии с некомбинированной оценочностью (тексты, где оценочность выражается эксплицитно или имплицитно) и с комбинированной оценочностью (выраженной двумя способами сразу).

Со структурной точки зрения, рецензии состоят из введения, синопсиса (краткого изложения содержания), анализа и вывода. Автор в кинорецензии обязательно указывает следующие элементы:

- жанр фильма;
- информацию о режиссере и авторе/авторах сценария;
- информацию об актерском составе и персонажах;
- краткое описание сюжета;
- достоинства и недостатки фильма;
- личное впечатление автора о фильме.

Для иллюстрации комбинированного способа выражения оценки в тексте кинорецензии рассмотрим рецензию, озаглавленную “Neighbors”/ “You’ll laugh if you’re young, you’ll laugh if you’re old” (Автор – Jordan Hoffman, сайт www.film.com) [2]. В тексте рецензии, как будет продемонстрировано ниже, эксплицитная оценка проявляется за счет оценочной лексики, а имплицитная при помощи стилистических средств.

Название рецензии дано по названию фильма “Neighbors\Соседи”. Заголовок рецензии выполняет информативную функцию. Подзаголовок “You’ll laugh if you’re young, you’ll laugh if you’re old (Вы будете смеяться, если вы молоды, вы будете смеяться, если вы стары)” [2]³ представляет в предельно сжатой форме оценку фильма, который представляется весьма удачной комедией, способной рассмешить аудиторию всех возрастов. Данная конструкция представляет собой пример прямой или эксплицитной оценочности. Оценочный элемент выражен глаголом “To laugh – смеяться” и подчеркивается с помощью параллельной конструкции “you’ll laugh ..., you’ll laugh...” и антитезой “young (молодой) – old (старый)”. Через подзаголовок автор в имплицитной форме показывает, что фильм понравится зрителям любого возраста.

Рецензия помечена цифрой 8, оценкой, поставленной фильму по десятибалльной шкале. Кинорецензии, как правило, оценивают по 5 или 10 шкале. Такие способы оценивания используются практически всеми изданиями, публикующими рецензии различных видов. Главная задача такой оценки – упростить читателю выбор, своего рода ответ на вопрос “насколько хорош этот фильм?”

Введение состоит из двух первых абзацев, в которых автор дает прямую (эксплицитную) оценку фильму. Одновременно он информирует читателей о том, кто является режиссером, исполнителем главных ролей и сценаристом: “Seth Rogen, Ike Barinholtz and Rose Byrne (исполнители главных ролей), are

³ Здесь и далее перевод наш.

just that good, as are director Nicholas Stoller (режиссер), at his best here, and relative newcomer writers Andrew J. Cohen and Brendan O'Brien (сценаристы)” [2]. Эксплицитная оценка в данном отрывке выражена содержащими оценочную лексику конструкциями “are just good as (также хороши, как и)” и “at his best (в своей лучшей форме)”.

В начале рецензии автор утверждает: “Neighbors” somehow managed to make an audience full of New York City liberals laugh at a rape joke” [2]. Упоминаемые автором rape jokes («шутки об изнасиловании») – это грубые, оскорбительные шутки, которые в большинстве случаев являются совершенно несмешными. Однако, как уверяет автор, в данном случае игра актеров настолько хороша, что они могут позволить себе шутить на подобные темы и шутят настолько хорошо, что «способны рассмешить зал, полный нью-йоркских либералов». Тем самым автор ставит очень высокую оценку актерам: “If that isn’t a work of sorcery I don’t know what is (Если это не магия, то я не знаю, что это)” [2]. Также здесь присутствует большое количество слов с положительным значением “just that good (насколько хорош), at his best (в лучшей форме), sharp (остроумный), clever (умный), it has loads of heart (много тепла)”, часто повторяются слова “joke” (punching up joke, really a joke, a rape joke) и “laugh”. Так как представленный фильм – комедия, подобный выбор слов формирует общую оценочность вводной части. В конце введения дается маленькое заключение: “You’ll laugh if you’re young, you’ll laugh if you’re old”. Эта фраза является точным повторением подзаголовка, которой автор подытоживает предварительную оценку фильма.

Далее следует синопсис (краткое изложение содержания) фильма. Он состоит из трех абзацев, и здесь представлены разные элементы выражения оценочности.

Автор тоже использует рамочную конструкцию: “In Efron, Rogen sees an idealized version of his partying past. In Rogen, Efron sees the defeat of the lame future that awaits” [2] (В Эфроне Роген видит идеализированную версию своего развеселого прошлого. В Рогене, Эфрон видит проигрыш и унылое будущее, ждущее впереди) и антитезу “past – future”. Также он сравнивает главных героев с Койотом и Дорожным бегуном, используя аллюзию на известных мультипликационных персонажей из “Looney Tunes”: “thus begins a Coyote and Roadrunner escalation of hijinks” (и так начинается цепь трюков и розыгрышей в стиле Койота и Дорожного бегуна) [2]. Аллюзия указывает на наличие соперничества между главными героями. Также можно сказать, что аллюзией являются и имена самих актеров Seth Rogen, Zac Efron и Lisa Kudrow: Lisa Kudrow, in a hilarious small role (Лиза Кудроу в эпизодической, но уморительно смешной роли) [2]. Все они стали известными, снимаясь в основном в комедиях, и читатель, увидев их имена, настраивается на определенные жанровые ассоциации. Описывая студентов, поселившихся по соседству с героем Сета Рогена, автор рецензии использует в основном разговорную лексику и сленг: frat (студент, состоящий в братстве), crazy (сумасшед-

ший), *far-fetched* (искусственный), *beer pong-playing* (играющий в бир-понг), *cannabis-huffing* (курящий траву), *shirt-averse group of Type-A bros* (полуголые альфа-братки), *their squealing hotties* (их визжащие красотки), *slo-motion* (слоу-моушн/замедленная съемка), *hip-hop blasting* (громко играющий хип-хоп) *montages*”, что не только помогает сделать атмосферу рецензии менее формальной, но также помогает читателю настроиться на атмосферу фильма. Стоит также отметить, что большое количество параллелизмов в одном предложении создает комический эффект “*far-fetched, pong-playing, cannabis-huffing, shirt-averse, Type-A, slo-motion, hip-hop*” [2].

Затем автор представляет нашему вниманию собственно анализ фильма. Автор рецензии отмечает недостатки фильма – это сценарий и монтаж. Ему кажется, что в сценарии есть некоторые «провалы», что подчеркивается в тексте рецензии графически “*SCENE MISSING (НЕ ХВАТАЕТ КАДРА)*” но затем добавляет “*Luckily, this doesn't matter too much* (к счастью, в данном случае это не так важно)” [2]. Затем он подчеркивает эту мысль метафорой “*it doesn't have to be a Swiss watch of screenwriting craft*” [2] (сценарий не обязан быть подобным швейцарским часам сценаристского искусства), так как в данном случае актерская игра компенсирует все отмеченные недостатки. Он сравнивает Сета Рогена, исполнителя одной из главных ролей, с Кевином Джеймсом (известным и признанным комедийным актером и режиссером), что также является аллюзией. “*But he isn't Kevin James. He's far better* (он намного лучше)” – здесь мы видим эффект обманутого ожидания. Сам фильм автор сравнивает с другим похожим фильмом, при сравнении с которым он также использует эксплицитную оценочную лексику и одновременно сравнивает рецензируемый фильм с другой комедией: “*far superior* (намного превосходит) *entertainment to the thematically similar “This is 40”* (этот фильм намного превосходит сходный с ним тематически «Любовь по-взрослому») [2]. Также фраза содержит градацию, где признак усиления выделен графически: “*range from funny to REALLY stinkin' funny* (варьируется от смешного до **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** отвратно смешного)” [2].

Таким образом, мы продемонстрировали, как элементы эксплицитной оценочности (в виде оценочной лексики) и оценочности имплицитной (выводимой преимущественно на уровне стилистических приемов) формируют комбинированный оценочный план в тексте современной англоязычной кинорецензии.

Литература:

1. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2003. – 432 с.

2. “*Neighbors*” by Jordan Hoffman. Режим доступа: www.film.com (дата обращения: 26.05.2016).

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ КАК ВНУТРИТЕКСТОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМИОТИЧЕСКИХ КОДОВ

Л. Н. Синельникова, Г. И. Лушникова

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского» (Ялта)*

INTERDISCOURSE AS INTERRELATION OF SEMIOTIC CODES IN FICTION

L. N. Sinelnikova, G. I. Lushnikova

Summary. The article is devoted to the phenomenon of interdiscourse realised in fiction. Interaction of different discourses in the texts of literature helps create peculiar variants of intertextual relations. Analysis of Russian and foreign fiction demonstrates different types and resulting functions of these relations.

Дискурсологический подход существенно расширил возможности интерпретации художественных текстов. Появились новые подходы к исследуемому материалу, расширилось представление о диалогичности как онтологическом свойстве текста. Интердискурсивность относится к числу значимых форматов диалогичности, определяющих особенности полифонии художественного текста, возможность создания новой целостности (непрерывности) через гетерогенность.

Художественный дискурс – это моделируемое автором пространство речевой деятельности, интересубъектный коммуникативный процесс, в который включены автор (в разных манифестациях своего Я), текст и читатель. Интердискурсивная коммуникация – это коммуникация вне дискурсивных границ, поскольку само коммуникативное событие описывается средствами разных дискурсов. Интересубъектные отношения в этом случае попадают в пространство пересечения, взаимодействия и взаимопроникновения дискурсов как носителей разных знаний о мире и разных возможностей их текстового представления.

Интердискурсивность – свидетельство непрерывного знакового обмена между разными культурными кодами. Семиотический аспект интердискурсивности основывается на том, что художественный текст взаимодействует со всем пространством культуры, включает её коды, подчиняя их авторскому замыслу. Общекультурная значимость интердискурсивности в том, что эта категория обеспечивает вхождение художественного дискурса в семиосферу [4; 2].

Интердискурсивность как междисциплинарный феномен находится на стадии определения понятия. Одни исследователи считают, что интердискурсивность – это «переключки» дискурсов, оформленная в языковых знаках – синтаксических конструкциях, речевых оборотах, фразеологии, лексических единицах, являющихся носителями исторического, рекламного, кулинарного

и других дискурсов. [1, с. 45–50], другие полагают, что важны не только знаки, но и темы, сюжеты, мотивы [7]. Положение усложняется недоопределённостью отношений между парадигмально связанными понятиями: интердискурсивность, интермедиальность, интертекстуальность.

Интердискурсивность – взаимодействие дискурсов, каждый из которых имеет свой набор институциональных признаков или находится на стадии их формирования. В художественное произведение могут включаться разные по объёму сегменты политического, научного, делового, религиозного, медицинского, кулинарного, юридического, экономического, спортивного, военного и других дискурсов, в том числе тех, которые связаны с формированием новых моделей коммуникации. В составе художественного текста «по воле автора» может происходить перегруппировка признаков и приобретение новой знаковости дискурсивного ввода. Типологическое описание конфигурации интердискурсивных связей требует накопления эмпирического материала и выработки адекватного инструментария анализа. Очевидно, что типы интердискурсивных связей зависят от темы, времени написания произведения, индивидуальных авторских стратегий.

Установка на интердискурсивность может быть прямо заявлена. В предисловии к роману «Прекрасность жизни». Главы из «Романа с газетой», который никогда не будет начат и закончен» [6] Евгений Попов пишет: *«Прекрасность жизни»* *устроена следующим образом: каждая глава включает в себя: 1. Текст, ориентировочная дата написания которого совпадает с нумерацией главы. 2. Газетную цитацию за этот год. 3. Текст, условно датированный первой половиной 80-х годов XX века».* Автор предупреждает, что *«Подбор цитат в «Прекрасности жизни» осуществлён не по расчёту, а по любви»* и что он *«пытался максимально следить за аутентичностью газетных текстов»* и *«не претендует ни на что, кроме художественности».* Газетные тексты графически выделены и тематически согласуются с другими сегментами художественной информации, что не только не исключает подтекст, но немало способствует его формированию.

Другое время – другие темы и новые дискурсивные образования, вливающиеся в интердискурсивный процесс. Так, в «офисном» романе Сергея Минаева «Р.А.Б. Антикризисный роман» [3] рекламный дискурс инкорпорируется во внутреннюю речь героя, представителя среднего класса, менеджера Александра Исаева, которого автор в предисловии называет «героем нашего времени» в «отечественном зоопарке». *«Крыша центра покрыта чёрным рубероидом и чуть вогнута внутрь, что наводит на мысль о гигантской сковородке вок. ... Каждый раз, когда я прохожу мимо, в голове всплывают строчки из рекламы такой сковородки в «Магазине на диване»: Продукты, приготовленные на воке, сохраняют свой натуральный вкус и остаются свежими даже после небольшой термической обработки. Креветки, курица, свинина...».* И далее части рекламного текста возникают неожиданно, вне связи с событийной линией повествования и остаются показателями работы

сознания, подчинённого агрессивному влиянию рекламного дискурса. В пространство интердискурсивности включаются электронные адреса, адреса форумов и сайтов, фрагменты песен на английском языке, цитаты из корпоративного гимна – всё это создаёт мозаику игрового стиля повествования, скрытую ироничность и пародийность.

Интердискурсивные связи – действенный способ передачи мироощущения, восприятия действительности. Комбинирование знаков разных дискурсов – универсальный приём организации современного художественного нарратива.

Ряд источников позволяет выделить два типа интердискурсивных построений. К первому типу относятся произведения, включающие фрагменты других дискурсов, имитирующих реальные коммуникативные сферы на уровне композиции, стилистики, лексических и грамматических показателей. Нередко используется графическое выделение: особый размер шрифта, курсив, особое расположение на странице. В некоторых произведениях интердискурсивность эксплицируется в сильной позиции текста – его заглавии, что настраивает читателя на восприятие как минимум двух семиотических кодов. Примером может служить роман Милорада Павича «Звездная мантия: Астрологический справочник для непосвященных» [5]. Партия астрологического дискурса маркируется и названием глав: *Лев и Рак, Скорпион и Водолей, Овен и Козерог* и т. д.

Автор художественного произведения «дает слово» придуманным субъектам – авторам писем, статей СМИ, политических или научных выступлений, включает астрологические прогнозы, кулинарные рецепты. Создаётся иллюзия документальности и достоверности, поскольку читателю предоставляются доказательства в виде «реальных» документов. Это могут быть вырезки из газеты или журнала, текст письма, научная статья или ее фрагмент, судебный приговор, реклама, объявление, вывеска, банковский счет, чек, рецепт и т. д.

Взаимоотношения художественного текста с текстами-включениями из других дискурсов могут складываться на основе согласования или контраста. Например, в детективе Э. Макбейна «Плата за убийство» (Killer's Pay off) [9] счета, чеки, карты органично вписываются в текст повествования, служат документальным подтверждением детективного расследования. В тексте сказки О. Уайльда «Великан эгоист» (The Selfish Giant) [11] дискурс социальных директив выполняет противоположную функцию. Вывеска «Посторонним вход запрещен» (*Trespassers will be prosecuted*), которую Великан вывешивает на воротах своего замка, контрастирует с традиционно сказочным описанием волшебных событий.

В романе Милорада Павича «Звездная мантия: Астрологический справочник для непосвященных» встречается пример контрастного включения кулинарного дискурса, который вклинивается в описание сцен бомбардировки Югославии войсками НАТО. Приведем фрагмент данного контаминированного повествования: «*Как будто наперекор всему тому, что мне угрожало, я*

начал во время бомбардировок заниматься кулинарией, хотя раньше готовить не умел. Рыбу следовало исключить сразу, потому что Дунай был загрязнен обедненным ураном и ртутью, содержащимися в бомбах. Поэтому я купил на рынке два вида фасоли, белую и желтую, прошлогоднюю. Кроме фасоли взял еще ребра и грудинку, копченые на высоте двадцати метров, потому что чем выше коптильня, тем лучше сало... И вот падают бомбы, воздушные удары НАТО уничтожают нефтеперегонный завод в Панчеве, а я готовлю еду. Фасоль замочил на ночь в воде с мятой. Головку лука и один-два зубчика чеснока обжарил на сковороде, слил мятную воду и налил в кастрюлю свежей воды, добавил к фасоли запеченный красный перец и вышеупомянутые лук с чесноком. А Панчево горит. Положил в кастрюлю грудинку и копченые ребра. Не забыл добавить молотого острого красного перца и немного чая с медом...» [5, с. 75]. Рецепт блюда, приводимый в романе, и детальное описание процесса его приготовления на фоне трагических событий – гибели населенных пунктов – звучит диссонансом, что имеет сильный эффект воздействия на читателя.

Второй тип интердискурсивности художественного текста характеризуется тем, что инородные дискурсы служат основой композиционного построения произведения, неотъемлемой частью сюжета, а также основанием для формирования художественного образа. Так, роман современной английской писательницы Дж. Грин «Глагол любви» (J. Green. *The Love Verb*) [8], основными темами которого являются отношения в семье, преданность и предательство, строится на сочетании художественного и кулинарного дискурсов. В конце каждой главы автор помещает рецепт того или иного блюда: *Tomato Tarts with Puff Pastry*, *Spinach and Chickpea Coconut Curry*, *Pumpkin Gingerbread Trifle* и др. Главная героиня работает шеф-поваром в кафе, и кулинария является делом всей ее жизни. В то же время кулинарные рецепты являются структурно-композиционным стержнем произведения, которое оказывается «двуслойным» и, по сути, включает две книги – семейно-бытовой роман и книгу рецептов.

Нарастает интерес к маргинальным дискурсам. Художественный и кулинарный дискурс сочетаются в романе американской писательницы Дж. Пауэлл «Джули и Джулия. Мой год рискованной кулинарии» (Julie Powell. *Julie and Julia. My Year of Cooking Dangerously*) [10]. Этот роман является своеобразным откликом на мемуарный роман Дж. Чайлд «Моя жизнь во Франции» (Julia Child. *My Life in France*). Дж. Чайлд – автор нескольких кулинарных книг и ведущая кулинарных телевизионных шоу, что не могло не отразиться на художественном стиле ее произведений. Героиня романа Дж. Пауэлл решает за один год приготовить все блюда из книги рецептов Дж. Чайлд и регулярно отчитываться о каждом приготовленном блюде в своем блоге. Кулинарный дискурс в этом произведении является основой сюжета и занимает значительную часть повествования.

Предварительные обобщения могут быть такими: 1) активизация интердискурсивных связей в художественных произведениях, представляющих разные культуры, обусловлена изменениями в картине мира, в мировосприятии и в структуре сознания человека; 2) усложнение конфигурации культурных кодов в значительной степени связано с появлением новых дискурсов, освоением новых моделей коммуникации; 3) техники включения «чужих» дискурсов, степень их текстовой маркированности – проявители особенностей как целых литературных течений (прежде всего – постмодернизма), так и идиостилей; 4) разрастается связь между художественным дискурсом и нехудожественными включениями, что меняет отношения между категориями достоверности и вымысла; 5) увеличивается степень полисемантизма и полифункциональности языковых знаков.

Литература:

1. Иссерс, О. С. Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. – Изд. 2-е, испр. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.
2. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман; предисл. С. М. Даниэля; сост. Р. Г. Григорьева. – СПб.: Академический проект, 2002. – 543 с.
3. Минаев, С. М. Р.А.Б. Антикризисный роман: [роман] / С. М. Минаев. – М.: Астрель, 2012. – 541 с.
4. Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе [Текст]: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Олизько Наталья Сергеевна. – Челябинск, 2009 – 343 с.
5. Павич, М. Звездная мантия: Астрологический справочник для непосвященных: [роман] / М. Павич; пер. с серб. Л. Савельевой. – СПб.: Петроглиф, 2013. – 158 с.
6. Попов, Е. Прекрасность жизни. Главы из «Романа с газетой», который никогда не будет начат и закончен: [роман] / Е. Попов. – М.: Московский рабочий, 1990. – 416 с.
7. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интртекстуальность. Интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М. : URSS, 2009. – 240 с.
8. Green, J. The Love Verb / J. Green. – London : Penguin Group, 2011. – 401 p.
9. McBain, E. Killer's Pay off / E. McBain. – London: Penguin Group, 1988. – 160 p.
10. Powell, J. Julie and Julia. My Year of Cooking Dangerously / J. Powell. – New York; Boston; London, 2009. – 307 p.
11. Wilde, O. Fairy Tales / O. Wilde. – М.: Прогресс, 1979. – 212 с.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

С. М. Трашкова

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»,
(Красноярск)*

THE MAIN APPROACHES TO THE EXAMINATION OF THE TEXT: PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS

S. M. Trashkova

Summary: The article is devoted to the delineation of the competences of linguistic, psychological, comprehensive psycho-linguistic and psycho-linguistic examinations of the text.

Анализ материалов уголовных и гражданских дел позволяет увидеть, что практические работники достаточно часто назначают одновременно или последовательно несколько экспертиз: лингвистическую, психологическую и психолингвистическую, иногда комплексную психолого-лингвистическую экспертизы [1]. На наш взгляд, в назначении такого количества экспертиз нет необходимости, поскольку достаточно, например, назначить комплексную психолого-лингвистическую или психолингвистическую экспертизу, или можно обойтись лишь одной – психологической либо лингвистической экспертизой. Назначение нескольких экспертиз текста в рамках одного дела сопряжено с материальными и временными затратами, с поиском специалистов, обладающих необходимыми знаниями, возможностью их взаимодействия во времени и пространстве при проведении комплексной экспертизы.

Традиционно компетенцией судебной лингвистической экспертизы являются лингвистический, семантико-лингвистический и лингвостилистический анализы языковых и речевых средств текста. В текстах выделяют высказывания, являющиеся элементами исследуемого явления; оценочные высказывания различной направленности; дают толкование и интерпретацию их семантики. Эксперт-лингвист в своем анализе опирается на данные лингвистических словарей, поскольку именно словари выступают в роли авторитетного источника, подтверждающего или опровергающего мнение эксперта [1].

Объектом судебной психологической экспертизы текста является психическая деятельность лица и продукты его психической деятельности (авторские произведения, письма, дневниковые записи, включая тексты, видео-, аудиозаписи, материализованные продукты деятельности) в ситуациях, имеющих юридическое значение. Специфика этого вида экспертизы обусловлена недоступностью психики непосредственному познанию, которое возможно через анализ действий и поступков, являющихся отражением психической деятельности автора. Эксперт-психолог исследует материальные источники,

отражающие информацию о личности автора, его мотивах и намерениях [3, 4].

Предметом рассмотрения и юридической квалификации по уголовному делу могут являться только действия людей, в том числе такая их разновидность, как коммуникативные действия, использующие языковые и другие знаковые средства. Уже из этого следует невозможность оторвать лингвистический анализ от психологического и психолингвистического.

Предметом психолингвистического исследования является изучение психологических аспектов взаимодействия языка и речи, которые в самом общем виде обычно разделены на процессы производства и восприятия речи, понимания языка и его усвоения. Исследование соотношенности процессов порождения и восприятия текстов, их конгруэнтности с психическим и психофизиологическим состоянием людей, включенных в процессы коммуникации, дает возможность установить принадлежность текста тому или иному лицу, выявить личностные особенности автора, определить его эмоциональное состояние, внутреннюю позицию и установки. Психолингвистическая экспертиза исследует речь как форму психической активности, речевую деятельность, психическую деятельность человека в момент речевой коммуникации, процессы производства и восприятия знаков языка. Вопросы языкового воздействия относятся к области психолингвистического исследования – воздействовать на реципиента может только смысл слов, но не их значение. В функционировании же языка встречаются вполне недвусмысленные, индивидуальные и не всегда соответствующие словарным определениям варианты контекстуального употребления лексических единиц. Для их анализа адекватен не узкоспециальный лингвистический подход, а только междисциплинарный психолингвистический.

Психологический анализ для различения понимания в речи важно значение и смысл. Значение – это объективно сложившаяся в ходе истории общества система связи, которая стоит за словом. Это то, что объединяет различных носителей языка в понимании той или иной номинации. Обычно словарные толкования лексем стремятся выразить их значения. Смысл всегда индивидуально-личностен. Он рождается в сознании говорящего и не всегда понятен окружающим. Движение от мысли к слову – это превращение личностного смысла в общепонятное значение. Сама мысль зарождается не от другой мысли, а от различных потребностей человека, от той сферы, которая охватывает все наши влечения, побуждения, эмоции и т. п. Иными словами, за мыслью стоит мотив, т. е. то, ради чего мы говорим. Мотив – первая инстанция в порождении речи. Он же становится последней инстанцией в обратном процессе – процессе восприятия и понимания высказывания, ибо мы стремимся понять не речь и даже не мысль, а то, ради чего высказывает наш собеседник ту или иную мысль, т. е. мотив речи [4].

Поскольку потребность в экспертизах текстов увеличивается, настала необходимость понимания специфики и возможностей каждого вида исследо-

ваний, что должно отразиться в умении юристов-практиков правильно формулировать цель исследования, определять круг вопросов, выносимых на экспертизу, и находить соответствующих специалистов.

Какие специалисты могут быть привлечены в качестве судебных экспертов? Понятно, что при назначении лингвистических экспертиз – это лингвисты, психологических – психологи, психолингвистических – психолингвисты, за неимением которых можно назначать комплексную психолого-лингвистическую экспертизу. Но до недавнего времени в нашей стране не готовили судебных экспертов в области исследования текста. У юристов также отсутствуют четкие представления о возможностях лингвистического и психолингвистического исследования. Это, в свою очередь, затрудняет определение юристами необходимого вида экспертизы, поиск и выбор квалифицированных специалистов. А недостаточная методологическая разработанность экспертных исследований текста затрудняет оценку качества полученного заключения.

При этом важно учитывать специфику интеллекта и ментальности лица, производящего исследование [5], а также наличие нормативных правовых актов, осуществляющих правовое регулирование как информации [6], так и защиты информации [7], учитывая специфику экспертной деятельности вообще, а экспертиз текста в частности.

Некоторые экспертные учреждения и эксперты, рекламирующие себя сведущими в области проведения психологических и лингвистических экспертиз, пытаясь соответствовать современным запросам судопроизводства, на наш взгляд, зачастую «имитируют» психолингвистический анализ. Вместо надлежащего психологического и лингвистического (психолингвистического) исследования они поверхностно соединяют информацию из толковых словарей русского языка с обывательским пониманием и интерпретацией обстоятельств дела. В связи с этим авторы статьи хотели бы привлечь внимание не только юристов к проблеме компетентности экспертов, поиску и выбору квалифицированных специалистов при назначении экспертизы, но и самих экспертов к вопросу об их персональной профессиональной ответственности за качество проводимых исследований.

Литература:

1. Айснер, Л. Ю. Лингвистическая экспертиза текста – предпосылки возникновения и современность / Л. Ю. Айснер, С. В. Бершадская, О. В. Богдан // Современная наука: проблемы и пути их решения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Западно-Сибирский научный центр; Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева. – 2015. – С. 296–300.

2. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пос. / А. Н. Баранов. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009.

3. Кроз, М. В. Актуальные вопросы производства психологической и комплексной психолого-лингвистической экспертиз экстремистских материалов / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова. – М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012.

4. Леонтьев, А. А. О психолингвистической экспертизе / А. А. Леонтьев // Методология современной психолингвистики: сб. статей. – Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 58–70.

5. Интеллект, ментальность и духовность в глобальном мире: колл. монография / В. Ю. Колмаков, А. П. Павлов, Е. В. Володина и др.; отв. ред. В. Ю. Колмаков. – Красноярск, 2008. – Вып. 2. – 228 с.

6. Трашкова, С. М. Основы правового регулирования информации в Российской Федерации / С. М. Трашкова // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2015. – № 17 (17). – С. 19.

7. Трашкова, С. М. Основы правового регулирования защиты информации в Российской Федерации / С. М. Трашкова // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2014. – № 16 (16). – С. 13.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ОДНОКОРЕННЫХ И ОДНОАФФИКСАЛЬНЫХ СИНОНИМОВ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Б. А. АХМАДУЛИНОЙ)**

Е. В. Урядникова

*ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
(Москва)*

**FUNCTIONING OF COGNATE SYNONYMS AND
SYNONYMS WITH THE REPEATING AFFIXES
IN THE POETIC TEXT
(BASED ON THE POETRY OF B. A. AKHMADULINA)**

E. V. Uryadnikova

Summary. The article is dedicated to the synonyms with the repeating roots and affixes in the poetic text. Different functions of these lexical units are investigated on the material of poetry of B. A. Akhmadulina.

В современной лингвистике под термином «синонимы» понимаются различные языковые единицы. Л. А. Новиков отмечает, что «существует узкое (строгое) понимание синонимии как свойства слов, полностью совпадающих в своих значениях, и более широкое её понимание. Первое имеет большую ценность для семантического перифразирования высказываний, второе – для осмысления того, как реально функционируют в нашем языке частично совпадающие по значению лексические единицы, нейтрализуя или противопоставляя свои различия» [10, с. 222].

Д. Н. Шмелёв упоминает о так называемых «контекстно сближаемых словах», иногда обозначающихся различными учёными как «стилистические», «контекстные», «ситуативные» [12, с. 201], «оказиональные», «контекстуально-речевые», «индивидуальные», «авторские» [11, с. 106] синонимы. В таком понимании термин «синонимы» используют А. Н. Гвоздев [4], Г. Я. Сими́на [7]. Д. Н. Шмелёв же, напротив, подчёркивает, что «в таком случае отмечаются не системные отношения, существующие в лексике, но (почти безграничные) возможности использования различных слов в разных целях. Поэтому вряд ли обоснованно видеть в употреблении термина «синоним» применительно к однородным членам предложения, отмечаемым в том или ином тексте, просто «более широкое понимание» синонимии» [12, с. 202]. А. П. Евгеньева неоднократно отмечает некую условность при включении контекстуально связанных слов в число синонимов. Так, она подчёркивает, что, например, в древнерусском письменном языке «в категорию синонимов включались явления, которые только условно могут быть причислены к ним (ни разнодиалектные слова, ни слова-дублеты для обозначения тех или иных новых понятий, не занявшие определённого места в лексической системе языка, синонимами в буквальном смысле не являются)» [5, с. 293].

И действительно, лексемы, не представляющие собой языковые синонимы, безусловно, могут выполнять в тексте ту или иную функцию, служить реализации той или иной авторской задачи, выделяться на фоне других слов и акцентировать на себе внимание читателя, но иметь при этом совершенно разные лексические значения. Такие лексемы разнятся с языковыми синонимами прежде всего в том, что их ряд, кажется, мог бы быть неисчерпаемым в произведении, в то время как парадигма слов, зафиксированных в Словарях синонимов русского языка, имеет более определённые границы. Так, в частности, в Словарях синонимов русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, один из которых вышел в 1970–1971 годах в двух томах, а другой – в 1976 году в одном томе, зафиксированы слова с тождественными или близкими значениями, характеризующиеся при этом различными пометами.

Вслед за Д. Н. Шмелёвым в настоящей статье под термином «синонимы» мы понимаем «слова, относящиеся к той же части речи, значения которых содержат тождественные элементы, различающиеся же элементы устойчиво нейтрализуются в определённых позициях» [12, с. 196]. То есть, другими словами, синонимами являются «слова, противопоставленные лишь по таким семантическим признакам, которые в определённых контекстах становятся несущественными» [12, с. 196].

Ю. А. Гвоздарёв подчёркивает «связь синонимии со словообразовательными морфемами» [3, с. 64]. В однокоренных синонимах различия возникают за счёт разных аффиксов (*измерить* – *смерить* – *вымерить* – *замерить* – *промерить*; *ароматный* – *ароматический*), а в одноаффиксальных синонимах – за счёт корней (*задумать* – *загадать*).

Материалом для нашего анализа функций однокоренных и одноаффиксальных синонимов, зафиксированных в Словарях синонимов русского языка в одном и в двух томах под редакцией А. П. Евгеньевой, послужили поэтические произведения Б. А. Ахмадулиной. Т. В. Алешка в статье «Стихотворения чудный театр...» подчёркивает, что «её стихам присуща особая интонация, глубина образной мысли, изящество слога, обострённая чуткость к звукам и краскам мира. <...> Язык поэзии Ахмадулиной сложен и своеобразен» [1, с. 5, 25].

В её поэтических текстах встречаются однокоренные синонимы, различия между которыми могут возникать за счёт семантики префикса одного из синонимов:

Я пред бумагой не робею
и опишу одну из сред,
когда меня позвал к обеду
сосед-литературовед.

Он обещал мне, что наука,
известная его **уму**,
откроет мне, какая **му́ка**
угодна сердцу моему.

С улыбкой грусти и привета
открыла дверь в тепло и свет
жена литературоведа,
сама литературовед.

<...>

Литературой мы дышали,
когда хозяин вел нас в зал
и говорил о Мандельштаме.
Цветаеву он также знал.

Он оценил их одаренность,
и, некрасива, но **умна**,
познаний тяжкую огромность
делила с ним его жена.

Я думала: Господь вседобрый!
Прости мне **разум**, полный тьмы,
вели, чтобы соблазн съедобный
отвлек от мыслей их **умы**.

<...>

Затем мы занялись обедом.
Я и хозяин пили ром, –

нет, я пила, он этим ведал, –
и все же разразился гром.

<...>

Он, сокрушаясь бесполезно,
стал **разум** мой учить **уму**,
и я ответила любезно:

– Потом, мой друг, когда умру...

1967 (Описание обеда)

В данном тексте, впервые изданном под названием «История одного обеда», встречаются слова с повторяющимися корнями **ум** – **умна** – **разум**, из которых лексемы **ум** – **разум** являются синонимами. В Словаре синонимов русского языка в двух томах под редакцией А. П. Евгеньевой зафиксировано общее значение данных лексем: «Познавательная и мыслительная способность человека» [8, Т. II, с. 613].

За счёт префикса раз- ограничивается сфера употребления лексемы **разум** по сравнению со словом **ум**. Так, «**ум** – основное слово для выражения значения; <...> слово **разум** в качестве обозначения мыслительной способности человека употр. преимущ. в литературной речи» [8, Т. II, с. 613]. «Существительные с преф. раз- <...> называют предмет, в высшей степени обладающий признаками того, что названо <...> мотивирующим словом» [6, с. 230].

Интересно, что в стихотворении лексема **ум** характеризует несколько приземлённые образы соседа лирической героини и его супруги и символизирует лишь интеллектуально-логическое мышление. Слово **разум** участвует в характеристике образа лирической героини, подчёркивает его своеобразие, возвышенность и символизирует не только интеллектуально-логическое мышление, но и творческое начало. Таким образом, в тексте возникает внутренний конфликт, семантическая оппозиция.

Наряду с однокоренными синонимами в поэтических произведениях Б. А. Ахмадулиной употребляются одноаффиксальные синонимы, различия между которыми создаются за счёт использования в них разных корней:

Как мило все было, как странно.

Луна восходила, и Анна
печалилась и говорила:

– Как странно все это, как мило. –

В деревьях вблизи ипподрома –
случайная сень ресторана.

Веселье людей. И природа:
луна, и деревья, и Анна.

Вот мы – **соучастники** сборищ.

Вот Анна – **сообщник** природы,
всего, с чем веки не споришь,

лишь смотришь – мгновенья и годы.

У трав, у луны, у тумана
и малого нет недостатка.

И я понимаю, что Анна –
явленье того же порядка.

1975 (Анне Каландадзе)

В этом стихотворении слова с повторяющимися аффиксами *соучастники* (офиц.-дел.) – *сообщник* представляют собой синонимы. В Словаре синонимов русского языка в двух томах под редакцией А. П. Евгеньевой представлено следующее общее значение данных лексем: «Лицо, совместно с кем-л. участвующее в каком-л. (обычно неблагоприятном, преступном и т. п.) деле» [8, Т. II, с. 473].

Однако слова *соучастники* – *сообщник* за счёт различных корней имеют разные оттенки данного значения. Так, «*соучастник* – наиболее широкое по значению слово, употребляемое по отношению к лицу, участвующему в каком-л., чаще неблагоприятном, деле и реже в деле, содержание которого не имеет ничего предосудительного; слово *сообщник* <...> указывает на участие в неблагоприятном, предосудительном, преступном и т. п. деле» [8, Т. II, с. 473].

В тексте лексема *соучастники* характеризует образы обычных людей, участвующих в различных массовых мероприятиях, корпоративах, а слово *сообщник* имеет отношение непосредственно к адресату данного стихотворения А. П. Каландадзе – грузинской поэтессе, чуждой людским утехам и близкой лишь различным явлениям природы. «В переводах Б. Ахмадулиной издана её книга «Летите, листья» (Тбилиси: Заря Востока, 1959)» [2, с. 614].

Таким образом, в поэтических произведениях Б. А. Ахмадулиной встречаются собственно языковые синонимы, выполняющие в текстах различные функции: такие лексеммы могут создавать или характеризовать художественные образы, при этом имея отношение не столько к одному и тому же, сколько к разным, но сопоставляемым образам, способны организовывать художественное пространство текста, служить средством создания семантической оппозиции и т. д.

Литература:

1. Алешка, Т. В. «Стихотворения чудный театр...» / Т. В. Алешка // Б. Ахмадулина. Стихотворения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 5–28.
2. Ахмадулина, Б. А. Сочинения: в 3-х тт. / Б. А. Ахмадулина. – Т. I. – М.: ПАН: Корона-Принт, 1997. – 632 с.
3. Гвоздарёв, Ю. А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология: учебное пособие / Ю. А. Гвоздарёв. – Ростов н/Д.: МарТ, 2008. – 352 с.

4. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1955. – 463 с.
5. Евгеньева, А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. / А. П. Евгеньева. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 348 с.
6. Русская грамматика: в 2-х т. – Т. I. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
7. Сими́на, Г. Я. Из наблюдений над языком и стилем романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Г. Я. Сими́на // Изучение языка писателя. – Л.: Учпедгиз, 1957. – С. 105–156.
8. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. I, II. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 680 с., 856 с.
9. Словарь синонимов русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 648 с.
10. Современный русский язык: учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 3 изд. / Л. А. Новиков, Л. Г. Зубкова, В. В. Иванов и др.; под общ. ред. Л. А. Новикова. – СПб.: Лань, 2001. – 864 с.
11. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология / М. И. Фомина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2001. – 415 с.
12. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелёв. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПРИЁМ САМОЦИТИРОВАНИЯ В ПРОЗЕ Ч. ПАЛАНИКА

Е. Р. Чемезова

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Ялта)*

INTERTEXTUAL TECHNIQUE OF SELF-CITATION IN PROSE BY CH. PALAHNIUK

K. R. Chemezova

Summary. The article deals with intertextual technique of self-citation in prose by Ch. Palahniuk. Ch. Palahniuk's novel "Beautiful You" is a parody of society of consumption and the classical ideals of beauty. The analysis demonstrates that self-citation is a typical feature of novels by Ch. Palahniuk and a means to create a holistic artistic world in the author's prose.

Интертекстуальность как явление в современной американской литературе интересует многих исследователей, таких, как Д. Епифанова [1], Т. Кириллова [2], Т. Кошелева [3], Г. Лушникова [5], Л. Хатчеон [13] и др. Одним из наиболее популярных американских авторов нашего времени явля-

ется Ч. Паланик, который в своих публицистических работах заявляет, что его произведения интертекстуальны. В одном из интервью автор говорит, что роман «Проклятые» похож на романы Дж. Блум «Ты здесь, Бог? Это Маргарет», С. Кинга «Побег из Шоушенка», Э. Сиболд «Милые кости» и художественный фильм «Клуб Завтрак» [14].

Современная литература обладает такими специфическими чертами, как «использование произведений литературного наследия предшествующих эпох в качестве макета <...> и переосмысливание элементов культуры» [4, с. 5]. Введенный в научную среду Ю. Кристевой и утверждённый Р. Бартом термин «интертекстуальность», прежде всего обозначает взаимосвязь разных текстов культуры, поэтому любой текст является «составляющей культурного текста и включает на разных уровнях большое количество других текстов» [7]. В теории интертекстуальности принципиально исходным понятием является интертекст, обозначаемый как «пространство схождения разных дискурсов» [7], из которых состоит культура и в атмосферу которых, независимо от собственного желания, погружён автор. Именно поэтому интертекстуальность «способствовала переносу внимания <...> от источников и влияния – к всеобъемлющей и несистематичной циркуляции неодинаковости в дискурсе, от случайного развития и эволюции – к гетерогенному тексту, который воспринимается как перемешивание всех возможных фрагментов» [12, с. 77].

Интертекстуальность охватывает поле взаимодействия «своего» и «чужого» текста. Интертекстуальность, которая понимается как диалог культур в рамках одного текста, является не только характерным признаком определённого художественного стиля (в постмодернистской литературе она стала одним из основных художественных средств и обязательной частью художественного дискурса), но и типом художественного мышления, которое соответствует современной культурной ситуации.

Современная американская литература богата всеми формами интертекстуальных связей. Проза Ч. Паланика не является исключением. Начиная с первого романа «Бойцовский клуб», автор использует интертекстуальные отсылки для создания комического эффекта и иронии, а также для образности и краткости, что в полной мере соответствует постмодернистским установкам. Объектом нашего рассмотрения стал роман Ч. Паланика «До самых кончиков» (“Beautiful You”), который является пародией на общество потребления и классические идеалы красоты.

Помимо свойственных постмодернистской литературе интертекстуальных приёмов, Ч. Паланик в романе «До самых кончиков» неоднократно обращается к своим ранним произведениям. Так, автор говорит об обществе потребления, проводя аналогию со своим первым романом «Бойцовский клуб» [8; 18]: «Their brand loyalty crosses all consumer categories. These same ladies now flock to buy the same cologne for their husbands and boyfriends. They all buy the same novels from the same publisher. Microwave ovens, dog food, soap, it didn't

matter» [15, с. 65] – «Их лояльность бренду не знает границ потребительских категорий. Одни и те же дамы теперь покупают тот же самый одеколон для мужей и бойфрендов. Те же книги одного и того же издательства. Микроволновки, собачьи консервы, мыло – да что угодно» [9, с. 149]. Аллюзия на роман «Бойцовский клуб» выражается при помощи упоминания такого продукта, как мыло, которое часто встречается в тексте первого произведения Ч. Паланика.

В произведении «До самых кончиков» встречаются аллюзии на дилогию «Проклятые» и «Обречённые». Главная героиня «До самых кончиков», как и одна из персонажей романа «Проклятые», неоднократно задаёт вопрос «What time is it?» [16, с. 26] – «Который час?» [11, с. 54]. Главный герой романа «До самых кончиков» постоянно занимается благотворительностью и социальной деятельностью: «Every year his charitable foundation alone poured a billion dollars into each of a dozen high-profile causes, fighting hunger, curing disease, promoting women's rights. <...> He ran schools in Pakistan and Afghanistan, where young girls could strive toward a brighter future. He financed the political campaigns that brought female leaders into the highest positions of every nation» [15, с. 25] – «Из года в год его благотворительный фонд жертвовал по миллиарду долларов на каждый из глобальных проектов по борьбе с голодом, онкологией и защитой прав животных. <...> Он основал ряд школ в Пакистане и Афганистане, чтобы дать тамошним девушкам шанс на светлое будущее. Финансировал политические кампании по всему миру, помогая занимать ведущие посты тем женщинам, кто обладал лидерскими качествами» [9, с. 53]. Точно так же и родители главной героини романа «Проклятые» развивают социальные проекты благотворительности: «My parents fund a charity foundation which primarily employs approximately a billion publicists who issue press releases touting my dad's generosity. Yes, they might donate a thousand dollars to build a cinder-block school in Pakistan, but then they'll pay a half million to film a documentary about the school, hold press conferences and media junkets, and make certain the entire world knows what they've accomplished» [16, с. 97] – «Мои родители финансируют благотворительный фонд, который оплачивает целый миллиард пиарщиков – ну а эти пиарщики в каждом пресс-релизе воспевают их щедрость. Может, отец и пожертвует тысячу долларов на строительство в Пакистане школы из шлакобетона, зато потом потратит еще полмиллиона, чтобы снять о школе документальный фильм, провести пресс-конференции и банкеты для журналистов и показать всему миру, что он сделал» [11, с. 42].

Такое стремление к показательной благотворительности также связано с потребительской культурой, которая в итоге оборачивается катастрофой. Нью-Йорк в романе «До самых кончиков» превращается в Ад, который похож на пейзажи из дилогии Ч. Паланика «Проклятые» и «Обречённые»: «The smoke from Yankee Stadium hung over Greater New York like a pall. Blazing dildos shrieked across the sky, and ash fell like black snowflakes. The soot burned

Penny's eyes and throat with its acrid stench. Smut, trickling down, clung to the pink flanks of the Beautiful You building. Enshrouding it. Making the tower look like nothing less than a dark parody of the snowy paradise» [15, с. 95] – «Дым со стадиона гробовым покровом окутал Большое Яблоко. Над головой визжали огненные фаллоимитаторы, валил пеплопад. От сажи щипало в глазах, а в глотке – от кислой вони. Небесная копоть замарала розовые бока штаб-квартиры „До самых кончиков”, обрядила её в чёрный саван, превратила некогда гордую башню в тёмную пародию на снежный рай» [9, с. 230]. Несомненно, это описание Нью-Йорка во многом похоже на описание Ада в романе «Проклятые»: «Clouds of black houseflies hover, buzzing, dense and heavy as black smoke. The Sea of Insects continues to boil in eternal rolling, gnashing chaos, its shimmering, iridescent surface stretching to the horizon. The prickly hillocks of discarded finger- and toenail parings continue to grow and slough in scratchy avalanches. The desert of broken glass crunches underfoot. The noxious Great Ocean of Wasted Sperm continues to spread, engulfing the hellish landscape around it» [16, с. 180] – «Надо мной летают черные мухи и жужжат густыми тучами черного дыма. Море Насекомых кипит вечно голодным хаосом, его мерцающая радужная поверхность тянется до горизонта. Колкие холмы обрезков ногтей растут и осыпаются царапучими лавинами. Под ногами хрустит Долина Битого Стекла. Растекается ядовитый Великий Океан Пролитой Спермы, постепенно поглощая весь адский пейзаж» [11, с. 74].

В своеобразном «Аду», созданном как свалка социального мусора, оказываются героини обоих романов Ч. Паланика. Именно поэтому автор ставит их в условия, в которых предполагается квест, вынуждающий их измениться. Так, в романе «До самых кончиков» Пенни отправляют на обучение к Бабе Седобородке: «Go to her! Learn from her! Then you can fight Maxwell on a level playing field!» [15, с. 64] – «Отправься к ней! Поступи в ученицы, овладей премудростью! И тогда ты сможешь сразиться с Максвеллом его же оружием и на его же поле!» [9, с. 146]. Похожий квест, направленный на самосовершенствование, даётся и Мэдисон, героине романа «Проклятые». Ч. Паланик «вынуждает своих героев пройти с <...> с квестом по сбору трофеев с самых ужасных грешников и столкнуться с самыми опасными демонами» [6].

У Ч. Паланика появление на свет героинь в этих двух романах во многом схоже: родители обеих героинь уже практически отчаялись, не верили в их рождение, обе девочки своим появлением, по мнению их родителей, обязаны чуду. Так рассказывает о рождении Пенни из романа «До самых кончиков» её мать: «Every expert we saw said she'd never have a baby. That's why you [Penny] were such a miracle. <...> You [Penny] were our little gift from God» [15, с. 81] – «Все специалисты, к которым мы обращались, в один голос утверждали: беременность невозможна. Вот почему ты [Пенни] стала настоящим чудом. <...> Ты [Пенни] была подарком Всевышнего» [9, с. 192]. Таким же чудесным было и рождение Мэдисон из романа «Обречённые»: «„He whispered in my ear. He whispered merely the idea of you”. And in doing so I was

conceived. He asked me to name you Madison. <...> He told us that you'd be a great warrior. You'd defeat evil in a terrible battle» [17, с. 288] – «„Он нашептал мне в ухо. Нашептал мне саму идею тебя”. Так я была зачата. „Он попросил назвать тебя Мэдисон. <...> Он сказал, что ты станешь великим воином, победишь зло в ужасной битве”» [10, с. 264].

Еще одна общая черта этих романов заключается в том, что Ч. Паланик даёт обеим героиням власть над миром, в котором они оказываются. Пенни, победив Максвелла, обретает власть над своим царством: «Hers was a power <...>. Her kingdom a realm beyond interpersonal politics» [15, с. 113] – «Её власть незыблема <...>. Её царство куда обширнее сферы межличностных интриг» [9, с. 278]. Точно так же и Мэдисон обретает силу и власть над своими товарищами в Аду, когда она туда попадает: «Behind me, the thunderous troops rush forward to convey me upon their burly, murderous shoulders and carry me, victorious, into the besieged city. My hordes begin to plunder the candy coffers of Hades» [16, с. 211] – «Позади меня гремит моя армия, ей не терпится поднять меня могучими жестокими руками и внести, словно победительницу, в осажденный город. Мои орды возьмутся за конфетные сундуки Гадеса» [11, с. 87]. Такая власть, обретаемая героинями, меняет их. Автор связывает свои произведения, совершенно различные по сюжету, в единое целое, сплетая, используя темы потребления, социума, власти, рождения и самоутверждения.

Использование интертекстуальных приёмов с целью создания образности является характерной чертой творчества Ч. Паланика. В последнем романе на первый план выступает приём самоцитирования. Обращение к самоцитированию делает тексты его романов единым целым и служит способом создания особого художественного мира.

Литература:

1. Епифанова, Д. А. Структурообразующая и смыслообразующая функции аллюзий к творчеству Г. Грасса в романе Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» / Д. А. Епифанова. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4632/1/foreign_lit_2012.pdf (дата обращения: 05.06.2016).
2. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/library/book380.pdf> (дата обращения: 07.06.2016).
3. Кошелева, Т. И. Интертекстуальность в религиозном дискурсе / Т. И. Кошелева. – Режим доступа: <http://www.novsu.ru/file/142198> (дата обращения: 07.06.2016).
4. Лушникова, Г. И. Интертекстуальность художественного произведения / Г. И. Лушникова. – Кемерово: КемГУ, 1995. – 82 с.
5. Лушникова, Г. И. Специфика интертекстуальных отношений в литературной пародии / Г. И. Лушникова // Вестник Челябинского государственного университета, 2008. – Вып. 25. – № 26 (127). – С. 87–91.

6. Лушникова, Г. И. Поэтика антимира в прозе Ч. Паланика / Г. И. Лушникова, Е. Р. Чемезова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-antimira-v-proze-ch-palanika> (дата обращения: 12.06.2016).
7. Модебадзе, И. Теорія інтертекстуальності та сучасні порівняльні дослідження / И. Модебадзе. – Режим доступа: <http://philology.knu.ua/php/3/4/antologia.pdf>. (дата обращения: 02.06.2016).
8. Паланик, Ч. Бойцовский клуб / Ч. Паланик. – М.: АСТ, 2014. – 256 с.
9. Паланик, Ч. До самых кончиков / Ч. Паланик. – М.: АСТ, 2015. – 288 с.
10. Паланик, Ч. Обречённые / Ч. Паланик. – М.: АСТ, 2013. – 350 с.
11. Паланик, Ч. Проклятые / Ч. Паланик. – М.: АСТ, 2012. – 317 с.
12. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М.: УРСС, 2008. – 238 с.
13. Hutcheon, L. Coda, incredulity toward metanarrative. Negotiating Postmodernism and feminisms / L. Hutcheon // *Ambiguous discourse : feminist narratology and British women writers*. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press. – P. 264–301.
14. Murphy, T. Chuck Palahniuk. Soap Star: Interview / T. Murphy. – Режим доступа: <http://nymag.com/news/intelligencer/65901/> (дата обращения: 05.06.2016).
15. Palahniuk, Ch. Beautiful You / Ch. Palahniuk. – Режим доступа: <https://www.skoob.com.br/livro/pdf/beautiful-you/390067/edicao:441451> (дата обращения: 14.06.2016).
16. Palahniuk, Ch. Damned / Ch. Palahniuk. – NY.: Jonathan Cape, 2011. – 257 p.
17. Palahniuk, Ch. Doomed / Ch. Palahniuk. – NY.: Jonathan Cape, 2013. – 336 p.
18. Palahniuk, Ch. Fight Club / Ch. Palahniuk. – NY.: W. W. Norton & Company, 1996. – 208 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МАНИПУЛЯТИВНОСТЬ МЕДИАДИСКУРСА

Е. А. Бармина

*ФБАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

MANIPULATIVENESS OF MASS MEDIA DISCOURSE

E. A. Barmina

Summary. The paper focuses on the impact of ideological factors on the mass media text production. The author analyses different linguistic devices of information manipulation. The problem of changes of the author's point of view in the translation is discussed. It is demonstrated that ideological stands inevitably affect translators' strategy choices.

В условиях современного общества, в котором важнейшей движущей силой является информация и в котором ее производство становится идеологическим проектом, ключевым дискурсом, формирующим концептуальную картину мира человека, становится массмедийный дискурс (или медиадискурс). Медиадискурс – это функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [1].

Сегодня средства массовой информации, помимо своего основного назначения, часто используются в качестве орудия манипулятивного воздействия на сознание людей. Современные средства информационной коммуникации позволяют распространять информацию за считанные секунды по всему миру, в то время как с помощью новейших психотехнологий можно эффективно влиять на эмоции человека, без труда внедрить в народные массы выгодное кому-либо мнение о любом событии. Тексты массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности [2].

Главной функцией массовой коммуникации считается передача информации. Однако выражаемые через язык идеи и установки служат не в качестве зеркального отражения реальной действительности, а как средства, с помощью которых люди пытаются понять и интерпретировать эту действительность. Информация редко бывает полностью нейтральной. В большинстве случаев передача информации сопровождается прямым или завуалированным выражением оценки. Несмотря на тот факт, что одним из основных требований к информационным текстам является их объективность, средства

массовой информации далеки от непредвзятой подачи материала. Любой новостной текст создается на конкретном национальном и культурно-идеологическом фоне. Идеология формирует массмедийный дискурс, а тот, в свою очередь, способствует поддержанию, усилению соответствующей идеологии. Информация в последнее время все больше воспринимается как ресурс, что объясняет ее использование в качестве предмета манипуляции. СМИ представляют собой средство управления сознанием, программирования мыслей и поведения и, как следствие, завоевания и удержания власти.

Широкую популярность сегодня получают проблемы, связанные с использованием языка, направленным на достижение своих тайных целей за счет объекта манипуляции. В качестве основных характеристик манипуляции выделяются: «Неосознанность объектом манипуляции осуществляемого над ним воздействия; воздействие не только на сферу сознательного (разум), но и на сферу бессознательного (инстинкты, эмоции), которая не поддается произвольному контролю; управление отношением объекта манипуляции к предметам и явлениям окружающего мира в нужном для манипулятора русле; достижение манипулятором своих тайных, корыстных целей за счет объекта манипуляции; намеренное искажение фактов окружающей действительности (дезинформация, отбор информации и пр.), создание иллюзий и мифов и т. д.» [4, с. 276]. Таким образом, манипуляцией называют скрытое управление, воздействие, при котором адресат осуществляет цели манипулятора, принимая их за свои собственные, не осознавая оказываемого на него воздействия.

Язык – одновременно средство и общения, и контроля. Слово несет в себе огромный содержательный и эмоциональный заряд. С помощью простой замены или перестановки слов один и тот же факт можно изобразить совершенно по-разному. Эта особенность языка позволяет не только информировать аудиторию, но и манипулировать ее сознанием, трактовать информацию в пользу заинтересованной стороны.

Таким образом, язык выступает орудием идеологической борьбы. Конфликтующие стороны представляют свою идеологизированную версию происходящих событий, что в современном информационном мире получает немедленное распространение. Отсюда разная – порой диаметрально противоположная – точка зрения на одно и то же событие или факт.

Наиболее наглядно это можно проследить на примере перевода текстов массмедийного дискурса. В современном крайне политизированном мире в условиях жесткой информационной войны обычным явлением становится адаптация перевода к господствующим идеологическим нормам. Проблема идеологии тесно связана с управлением обществом и, соответственно, с судьбами практически всех людей планеты. Идеология позволяет обосновать господство в политике и обществе исторически актуализированных субъектов, способствовать их превращению в политическую элиту.

Переводчик как посредник в межъязыковой коммуникации является носителем определенной идеологии, что неизбежно откладывает отпечаток на его работу. Приходится признать, что не бывает нейтральных переводов. Любой перевод предполагает определенные манипуляции с оригиналом, производимые с той или иной целью. А тексты перевода, в свою очередь, оказывают манипуляторское воздействие на культуру переводящего языка, формируя, в числе прочего, восприятие этой культурой культуры языка оригинала [5].

В процессе передачи исходного текста средствами целевого языка перед переводчиком встает проблема сохранения или целенаправленного изменения идеологических установок текста оригинала. Идеологическая заангажированность переводчика может привести к смене точки зрения в тексте перевода.

Наиболее полно и ярко это проявляется в текстах массмедийного дискурса политической направленности, и здесь перевод играет ведущую роль в установлении и удержании политической власти и/или выражении той или иной идеологии. Идеологические установки переводчика будут определять выбор соответствующей переводческой стратегии, что может привести к манипуляции и, как следствие, к появлению в переводе политически неэквивалентных текстов.

Существуют разные способы манипуляции информацией при переводе. Рассмотрим некоторые из них.

1. Выбор лексических единиц, вызывающих определенные ассоциации, отличающиеся от ассоциаций, возникающих у получателей исходного текста. Важнейшую роль в этом играют способы номинации действующего лица. Так, в западной прессе чеченцы, ведущие боевые действия, именуется «повстанцами», «партизанами», «бойцами сопротивления» (rebels, patriots of the Chechen nation, rebel fighters, guerrillas и т. п.), а в русскоязычных СМИ – «боевиками», «террористами» и «бандитами». Для сравнения: ополченцы – separatists (при описании событий на юго-востоке Украины). Здесь выбор лексемы (соответственно в российских и западных СМИ) отражает культурно-идеологическую особенность коммуникантов.

В следующем примере косвенная цитата дает больше возможности для манипуляции информацией, так как в данном случае можно сослаться на точку зрения журналиста:

РИТ: *Владимир Путин рассказал подробности того, как проводилось **присоединение** Крыма к России и как тогдашний президент Украины Виктор Янукович смог бежать из страны. Телеканал Россия-1 показал в эфире промо-ролик с фрагментами интервью Путина, которое войдет в документальный фильм “Крым. Путь на Родину” (euronews.com).*

АПТ: *President Vladimir Putin has revealed what went on behind the Kremlin’s closed doors in the vital hours before last year’s **annexation** of Crimea. In a*

documentary trailer for Russian state-run television, the president describes the moment **he says he gave the secret order to seize the peninsula** (euronews.com).

Обращает на себя внимание выбор слов *to seize* (досл. *захватить*), *annexation* (*насильственное присоединение*) в качестве соответствий для русского слова *присоединение*.

2. **Искажение информации**, связанное с подтасовкой фактов, с некорректными сравнениями и дополнениями.

Гжегож Схетына: *А, может, правильнее говорить, что это Первый Украинский фронт, то есть украинцы, его освобождали? Ведь в тот январский день там были украинские солдаты, это они открывали ворота, и они освобождали лагерь* (svoboda.org).

Здесь мы видим намеренное искажение фактов при переводе названия «Украинский фронт». Территориальный принцип русского названия подменяется национальным в переводе: *Украинский фронт* → *украинские солдаты*.

3. **Изменение оценки** описываемых событий:

РИТ: *Путин участвовал в эксперименте на Ямале* (euronews.com).

УПТ: *Президент Росії вчить журавлів літати* (euronews.com).

АПТ: *Birdman Putin bids to save endangered species* (euronews.com).

ИПТ: *Putin vuelve a mostrar que es un “hombre de acción”* (euronews.com).

На фоне относительно нейтрального информативного русского заголовка резко выделяется английский ироничный заголовок, в котором в имплицитной форме высказывается критичное отношение к действиям президента. За счет игры слов (использования имени персонажа комиксов, обладающего сверхспособностями, и актуализации его первоначального значения – человек-птица) автор дает понять: президенту пора прекратить играть в супергероя и заняться более важными вещами, подобающими его положению. Имплицитная дебитивная модальность прослеживается и в украинском заголовке. Как и в английском варианте, здесь помимо чисто информативной части видна авторская позиция: не нужно учить птицу летать. Испанский заголовок тоже пронизан оценочностью. Словосочетание *hombre de acción* – человек действия, как Путина иронично называют на Западе (*action man* в английском варианте), имплицитно передает все ту же модальность: президент слишком увлекся созданием своего имиджа. Такие действия Владимира Путина рассматриваются на Западе как шаги по созданию культа его личности.

Таким образом, эксплицитные и имплицитные оценки, отражающие дихотомию «свой-чужой», способствуют реализации манипуляторных установок, проявляющихся в выработке требуемого ценностного отношения.

4. Важным средством выражения определенной позиции (в том числе в так называемых «анонимных» материалах) является **избирательная информативность** – стилистический принцип, проявляющийся в субъективной дозировке информации, фактуальной и логической упорядоченности рассматриваемых событий, а также в степени детализации топиков, в которых пред-

ставлено данное событие [3, с. 67]. По сути, это опущения или добавления к оригинальному тексту с целью нивелировать какие-либо аспекты ИТ либо, наоборот, акцентировать внимание на каком-либо высказывании или фрагменте ИТ.

В следующих примерах избирательная информативность проявляется в сообщении только той части информации, которая способствует формированию нужной точки зрения.

РИТ: *“Если это было позволено сделать **косовским албанцам**, если это было позволено сделать во многих частях света, то право нации на самоопределение, закрепленное в соответствующих документах ООН, никто не отменял”* (euronews.com).

АПТ: *“this right was given to **Kosovan people** and other people in different parts of the world, so this right to self-determination which is granted by the UN rules still exists, I guess.”* (euronews.com)

ИПТ: *“Y este derecho fue dado al **pueblo kosovar** y a otras personas en diferentes partes del mundo... porque este derecho de auto-determinación garantizado por la ONU todavía existe, supongo”, ha ironizado* (euronews.com).

В английском и в испанском переводе за счет генерализации значения (Албанцы – people – pueblo), сглаживается проблема жесткого разделения по этнической принадлежности на территории Косова. В западной картине мира есть просто народ Косова (Kosovan people, pueblo Kosovan), что наглядно демонстрирует ориентацию на получателя перевода: на Западе не учитывается мнения сербов в сложившейся на тот момент конфликтной ситуации.

5. На смысл дискурса влияет **категория залога**. Предложения с глаголом-сказуемым в активном залоге указывают на то, что ответственность за описываемое действие лежит на подлежащем, или на субъекте действия. Соответственно пассивные предложения указывают на жертв действия.

РИТ: *В Кирове начинается новый суд над Алексеем Навальным* (euronews.com)

АПТ: *Russian protester faces trial after defying Putin* (euronews.com)

ИПТ: *Navalny, el azote del Kremlin, en el banquillo de los acusados* (euronews.com)

Угол, под которым представлена новость, отличается в русском, английском и испанском вариантах. В русском варианте статьи имя Путина не упоминается вовсе. Идет простая констатация факта, используются клишированные, деперсонифицированные формулировки: *начинается суд; дело закрыто/открыто; обвинения направлены*. В английском варианте статьи имя президента упоминается четыре раза: один раз в заголовке и трижды в самом тексте статьи, причем недвусмысленно дается понять, что дело Навального инициировано Путиным (*President Vladimir Putin has orchestrated the case; part of Putin’s clampdown on dissent*). В испанском заголовке та же идея передается имплицитно посредством метонимии *Kremlin* (Кремль), а в самом тексте статьи эксплицитно: *Alexei Navalny – uno de los más enconados enemigos de*

Vladimir Putin. То есть, в русском, английском и испанском текстах актуализируются разные точки зрения.

Данные примеры иллюстрируют, с одной стороны, выражение стереотипов мышления, присущих той или иной социальной группе, а с другой – способность средств массовой информации формировать определённый образ мышления читательской аудитории (по заказу правящих элит), другими словами, манипулятивность медиадискурса.

Перевод выступает средством контролируемого доступа к информации путем тщательного отбора текстов, подлежащих переводу, либо выборочного перевода фрагментов текстов, а также намеренного искажения фактов при переводе. Все эти переводческие стратегии препятствуют получению объективной информации из перевода. Перевод может служить действенным инструментом информационной политики, а также может использоваться как мощное оружие для ведения информационной войны.

Литература:

1. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т. Г. Добросклонская // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – № 13 (184), вып. 22. – С. 181–187.

2. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т. Г. Добросклонская. – М.: Флинта, 2008. – 264 с.

3. Овсянников, В. В. Глобальная организация стилистического контекста в англоязычном газетном стиле / В. В. Овсянников // Вестник Санкт-Петербургского Университета. – 2001. – С. 67–75.

4. Попова, Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте / Е. С. Попова // Изв. Урал. гос. ун-та. – Екатеринбург, 2002. – № 24. – С. 276–288.

5. Lefevere, A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame / André Lefevere. – London; New York: Routledge, 1992. – 176 p.

ТЕАТРАЛЬНАЯ АФИША И КИНОАФИША КАК ДИСКУРСИВНЫЕ ЖАНРЫ

Л. А. Борботько, Т. Г. Мочалова

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва)

THEATRE POSTER AND FILM POSTER AS DISCURSIVE GENRES

L. A. Borbotko, T. G. Mochalova

Summary: the article covers the analysis of the constitutive attributes of a theatre poster and a film poster as discursive genres. Modelling of posters supposes

their comparison in terms of diachrony. Correlation of the categorical features of both kinds of posters promotes differentiating of these types of poster art.

Исследование посвящено театральной афише и киноафише как дискурсивным жанрам. Целью исследования является рассмотрение и анализ характерологических признаков и составляющих театральной и киноафиши как дискурсивных жанров, а также их сопоставительный анализ.

Теория дискурса является одной из основных и активно развивающихся лингвистических областей. Театральный дискурс, с точки зрения прагмалингвистики, представляет значительный интерес для современной лингвистической науки. Согласно Л. А. Борботько, под театральным дискурсом понимается «речь, произносимая на сцене и рассматриваемая как театральное и социальное действие, воплощенное актерским составом перед зрительской аудиторией в условиях, изначально предложенных драматургом и адаптированных режиссером-постановщиком для последующей реализации на сцене» [1, с. 17–18]. Следовательно, основной характеристикой театрального дискурса является то, что он должен пройти этапы обработки, адаптации и в конечном итоге воплотиться в речи, произносимой актерами перед зрительской аудиторией. Основными составляющими театрального дискурса, помимо игры актеров, текста, проходящего этапы обработки, являются пространство сцены, пространство зрительного зала, освещение, театральные программки, афиши и т. д. Таким образом, можно говорить о создании совокупного коммуникативного пространства театрального дискурса. Последнее представляет собой речевую ситуацию, зону активного взаимодействия коммуникаторов. При этом подобное взаимодействие обусловлено как лингвистически (языковое наполнение, роли персонажей, соответствующие выбранным стратегиям поведения на сцене), так и экстралингвистически (хронотоп театрального действия, конвенции, регулирующие театральную коммуникацию, регламент общения как в рамках социального института театра, так и за его пределами). Помимо конвенциональности, театральное пространство регламентировано и ритуализовано, что позволяет свидетельствовать о квазиреальном характере коммуникации.

В свою очередь, под кинодискурсом понимается «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами» [2, с. 8]. Нелингвистической составляющей кинодискурса является актерская игра, монтаж, звуковые эффекты, особенности съемки, обстановка, обозначенная в фильме, киноафиша и т. д.

Таким образом, кинодискурс являет собой сложное креолизованное образование и предстает перед реципиентом уже в завершенном варианте, тогда как театральный дискурс не является завершенным до самой премьеры спектакля, поскольку театральное действие влияет на зрителя точно так же,

как и эмоции зрительного зала на исполнение произведения. Следовательно, театральный дискурс представляет собой более сложное образование в плане взаимодействия со зрителем, тогда как кинодискурс – в плане технического оснащения.

С появлением театра возникает необходимость в сообщении публике информации о предстоящем театральном действии. Вследствие этого театральная афиша, служащая посредником передачи информации между театральным институтом и зрительской аудиторией, насчитывает ни одно тысячелетие.

Театральные афиши и киноафиши были рассмотрены в диахроническом аспекте для построения их моделей. Анализ практического материала театральных афиш (к спектаклям «A streetcar named desire» 1947 и 2014 г.; «A midsummer night's dream» 1890 и 2013 г., «Romeo and Juliet» 1820 г., 1903 г., 2009 г. и др.) выявил, что большинство плакатов XIX века, как правило, имели полную информацию о предстоящем спектакле. Если на них присутствовал рисунок, то он был выполнен в черно-белой гамме, как и сам текстовый компонент в целом.

На афишах XX века все чаще замечается появление невербального компонента, а также увеличение цветовой палитры красок. Тем не менее наличие вербального элемента является основным и чаще всего занимает большее пространство плаката, чем изображение. Афиши прошлых веков содержат, как правило, подробную информацию о спектакле, включая его название, имя режиссера, состав и роли труппы, название музыкального оркестра, театра, даты показа и т. д.

Со временем художник начинает уделять большее внимание изображению на афише, что связано с развитием типографии. В XXI веке популярность приобретает размещение на афише фотографий актеров или иных элементов, относящихся к сюжету произведения. XXI век также характеризует меньшее количество текстовой информации на афише, так как ее можно узнать в дополнительных источниках (программка спектакля, сайт театра, который указывается на современных афишах).

Единственный вербальный компонент, который всегда присутствует на афишах любого столетия и объединяет их, это название предстоящего действия. На протяжении веков художники выделяют его с помощью различных шрифтов, размеров, красок, пытаясь привлечь зрителя и объявить ему о происходящем действии.

Таким образом, с течением времени большое количество черно-белого текста на театральных афишах сменило цветное изображение с минимальным объемом вербального компонента. С учетом изменений в диахронии была построена модель театральной афиши (рис. 1.)

Рис. 1. Совершенствование модели театральной афиши в диахронии

Обращаясь к следующему предмету исследования – киноафише, отметим, что кинематограф начинает свою историю значительно позже театра, а именно с 1895 года. Вследствие этого, киноафиша, во многом заимствуя структуру у относительно сформировавшейся к тому времени театральной афиши, предстает перед зрителем в более развитом варианте.

Сравнение практического материала киноафиш (к кинофильмам «Anna Karenina» 1935 и 2012 г., «Wuthering heights» 1939 и 2011 г., «Jane Eyre» 1943 г., 2011г. и др.) показало следующие изменения. На невербальном уровне иллюстрации ранних киноафишах выполнялись или с помощью печатных станков, имеющих ограниченный цветовой спектр, или были нарисованы непосредственно художником, использующим яркую цветовую палитру. Тем не менее это были именно рисунки. Возможности XXI века открывают новые графические горизонты, позволяя не только смешивать и сочетать необычные сюжеты, образы, цвета, но и использовать фотографии актеров, сыгравших героев произведения. Заметно улучшается качество печати.

При рассмотрении вербальных компонентов отмечено наличие названия произведения, имен актеров на плакатах XX и XXI веков. Часто, но не всегда, можно заметить имя режиссера, название кинотеатра. Если фильм снимали по книге, то обычно указывают имя автора произведения. Важным отличием является наличие даты показа кино на афишах того столетия, поскольку прокат проходил один раз именно в указанный день. Современный киноплакат отличают ссылки на предыдущие работы режиссера, снявшего настоящий фильм.

В целом содержание вербального компонента киноафиш не сильно варьируется за тот небольшой отрезок времени, что существует кинематограф. Значительные изменения оно перетерпело в процессе формирования теат-

ральной афиши, а киноафиша заимствовала практически конечный вариант вербальных составляющих. Напротив, изменение и улучшение качества невербальных компонентов у обоих видов афиш происходило практически синхронно вместе с развитием технологий. Вследствие этого, следует отметить более четкое и улучшенное качество современной печати, благодаря которой художники плакатов создают настоящие произведения искусства, включающие фотографии загримированных актеров. С учетом изменений в диахроническом аспекте была построена модель киноафиши (рис. 2.).

Рис. 2. Совершенствование модели киноафиши в диахронии

Дальнейший анализ практического материала, основанный на сопоставлении категориальных признаков театральной афиши и киноафиши («Hamlet» 2009 и 1996 г., «Beauty and the Beast» 2010 и 2010 г., «The Great Gatsby» 2015 г., 2013 г. и др.), выявил, что в большинстве случаев к вербальным компонентам театральной афиши относятся название произведения, название театра, имя режиссера и сценариста пьесы. Для современных афиш характерно наличие сайта, электронной почты, а также контактного телефона театра для заказа билетов. Таким образом, располагаясь вне пространства театра, афиша непосредственно отсылает нас к данному институту культуры.

XXI век открывает безграничные возможности перед плакатистами, которые стараются уменьшить количество текстовых элементов и обратить внимание адресата на невербальные составляющие. Чаще всего масштабные списки действующих лиц, состава труппы, имена композиторов, временные

рамки показа и другая конкретная информация о спектакле размещается в театральных программках и на сайте театра.

Стандартный набор вербальных компонентов для киноафиши включает название произведения, перечень 2–4 актеров, играющих главные роли, имя режиссера. Как и современная театральная афиша, киноафиша содержит сайт кинотеатра. Непостоянным является наличие названия кинотеатра, даты начала показа, формата фильма, ссылок на другие работы данного режиссера.

На невербальном уровне было замечено более частое использование рисунков на театральных афишах, в то время как на киноафишах – наличие фотографий. В театре один и тот же спектакль в разное время могут играть несколько составов актеров. Вследствие этого для театральной афиши самым нейтральным вариантом считается использование рисунка в качестве иллюстраций. Тогда как для киноафиши, как составляющего элемента уже завершеного дискурса при показе зрителю, художники, как правило, используют кадры из фильма и фотографии актеров, играющих главные роли.

Невербальные компоненты театральной афиши настоящего столетия, как и киноафиши, отличает насыщенность цветовой гаммы. Возможность использования и сочетания всех оттенков, плавных переходов между ними, наложения одного изображения на другое позволяет воплощать любые замыслы художников.

Таким образом, принимая во внимание все вышесказанное, отметим, несмотря на то, что киноафиша представляет собой более поздний жанр плакатного искусства, и она многое заимствовала у театральной афиши, данные виды плакатов неодинаковы. Различный набор текстовых составляющих, всевозможные вариации графических элементов, игра с цветовой палитрой, техническое развитие печати – все это позволяет разграничивать театральную афишу и киноафишу. Мы можем говорить о них, как о разных направлениях плакатного искусства, обусловленного разным видом дискурса.

Литература:

1. Борботько, Л. А. Авторский метатекст как ориентирующая система в коммуникативном пространстве театрального дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. А. Борботько. – М., 2015. – 197 с.
2. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. Н. Зарецкая. – Челябинск, 2010. – 180 с.
3. Официальный сайт Broadway [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.broadway.com/>, свободный.
4. Официальный сайт Tacoma Little Theatre [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.tacomalittletheatre.com/>, свободный.
5. Официальный сайт The Globe Theatre [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.shakespearesglobe.com/>, свободный.

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОДЕКС В ТЕАТРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Л. А. Борботько

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва)

COMMUNICATION CODE IN THEATRICAL DISCOURSE

L. A. Borbotko

Summary. The article focuses on the analyses of the relevant features of theatrical discourse realized in the specific communication space. The latter is characterized by certain categories such as conventionality and necessity to be implemented according to the certain rituals (laws). Communication code is also considered to be one of the factors that determine the process of theatrical communication.

Современная действительность обязует лингвистов рассматривать различные явления языковой действительности с позиций антропоцентризма, что, в свою очередь, предполагает обязательный учёт прагмалингвистического фактора. Рассмотрение театрального дискурса в призме прагмалингвистики позволяет проанализировать составляющие последнего с учетом его социальной, коммуникативной и культурной обусловленности. Специфичность данного вида дискурса состоит в том, что он обладает своим коммуникативным пространством, в рамках которого осуществляется коммуникация между автором пьесы и зрителем в зале посредством работы режиссера-постановщика и игры актеров на театральной сцене. Таким образом, ключевой целью данного вида коммуникации является максимальное эстетическое воздействие на адресата (зрителя) [2].

Существуя в условиях сценической реальности, театр в то же время стремится не отвлечь зрителя от реальной жизни, но изобразить её посредством художественных средств выразительности. Живо откликаясь на имеющие место в обществе перипетии, театр является одним из наиболее социально востребованных видов искусства.

В то же время театральный дискурс представляет собой особый конструкт институционального типа, ориентированный на зрительскую аудиторию.

Институциональный характер театрального дискурса обусловлен его реализацией в рамках театра как института культуры, ориентированного на распространение духовных ценностей и опирающегося на профессионализацию искусства, где есть создатели произведения и его исполнители. Институт театра нормативен и ритуализован. Строгое следование устоявшимся канонам делает театр одним из наиболее ритуализированных искусств, несмотря на обусловленность социокультурной ситуацией эпохи и чуткую реакцию на все общественные сдвиги, что отмечено в работе Ю. Е. Шур [10]. Ритуализованность театральной коммуникации позволяет предположить, что спектакль воплощен актерской труппой на сцене перед зрительным залом, погружен-

ным в полумрак и отделенным в большинстве случаев рампой. Спектакль имеет временные рамки, определенные режиссером-постановщиком и прописанные в театральной программке. Институциональный и ритуализованный характер театрального дискурса обуславливает функционирование театральной коммуникации в рамках специфического коммуникативного кодекса, который представляет собой «сложную систему принципов, регулирующих речевое поведение обеих сторон в ходе коммуникативного акта» [7, с. 111], о котором речь пойдет в настоящей статье.

Коммуникативный кодекс предполагает, что коммуникативный акт осуществляется в театральном пространстве, которое характеризуется особым речевым поведением участников, специфика которого определяется как «совокупность конвенциональных (осуществляемых в соответствии с принятыми правилами) и неконвенциональных (осуществляемых по собственному произволу) речевых поступков, совершаемых индивидом или группой индивидов» [10, с. 15]. Другими словами, театральный дискурс осуществляется согласно коммуникативной норме или совокупности принятых в обществе ориентиров общения.

Отметим в этой связи мнение В. И. Карасика, определяющего коммуникативную норму как «неоднородное образование, в рамках которого можно выделить коммуникативные ориентиры, свойственные тому или иному типу дискурса и обусловленные жанрово-ситуативными характеристиками общения» [6, с. 25]. При этом каждому типу дискурса, в том числе и театральному, присуща собственная степень прескриптивности коммуникативной нормы, которая зависит от тональности дискурса, что, в свою очередь, обусловлено позициями его участников. Тональность дискурса определяется В. И. Карасиком как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [6, с. 30]. Высокую степень прескриптивности коммуникативной нормы применительно к тональности общения в театральном дискурсе возможно установить, поскольку перед началом каждого спектакля в любом театре имеет место высказывание, призывающее публику как адресата данного сообщения вести себя соответственно требованиям, предъявляемым администрацией театра: «Уважаемые зрители! Просьба отключить ваши мобильные телефоны и не производить фото- и видеосъемку во время спектакля».

Реализация согласно специфическому кодексу позволяет говорить, что отличительной особенностью театральной коммуникации является ее регламентированность. Е. В. Ключев [7, с. 28] подчеркивает, что большинство коммуникативных актов регламентировано, что удобно для их участников. Это актуально и для театрального дискурса.

Коммуникативный кодекс, свойственный для театрального дискурса, определяет ролевые обязанности каждого из коммуникантов до начала процесса коммуникации. Драматург, например, является исходной точкой, автором

информационного сообщения, адресованного изначально режиссеру-постановщику и театральной труппе, а впоследствии – зрителям. Роль режиссера заключается в отборе пьесы для постановки, а также организации представления, осуществляемого актерами на сцене перед зрителями. Актеры, в свою очередь, играют роль посредника – передатчика информации зрителям. Наконец, зрительская аудитория, находящаяся в зале, исполняет роль получателя сообщения. При этом важно отметить, что роль зрителя бессловесна. Знаками одобрения или неодобрения являются аплодисменты и крики «Браво» в случае успеха спектакля или свист и уход из зала в случае провала постановки. Зритель, приходящий в театр, осознает свою роль и готов следовать регламенту, определяющему его поведение. Обозначенный регламент справедливо считать вариацией обратной связи как одного из обязательных элементов любого вида коммуникации, в том числе и в рамках театрального пространства [3, с. 50].

Бессловесность театральной аудитории позволяет характеризовать её как один из типов молчащего наблюдателя (в терминологии В. Н. Бабаяна [1, с. 93]) в силу ярко выраженной условности дискурса – содержание реплик заранее известно актерам, а в некоторых случаях известно и зрителям.

Зритель выступает как множественный наблюдатель за происходящим на сцене. Важно отметить, что зрительская аудитория не является однородной, поскольку восприятие воплощенного на театральной сцене действия может варьироваться в зависимости от различных факторов. В частности, возраст зрителей является важным демографическим фактором, обуславливающим особенности зрительского восприятия и реакции. Например, существуют детские спектакли, направленные на развитие воображения, эрудиции, вкуса, нравственных душевных качеств ребенка.

Иначе говоря, особенности зрительского восприятия происходящего на сцене во многом обусловлены жизненной стратегией конкретного зрителя. Согласно Л. А. Говердовскому [5], жизненное пространство индивида, как и его система ценностных идеалов, сконструированы на основе его жизненной стратегии, характерные особенности которой определяются, с одной стороны, социокультурными параметрами общества, а с другой стороны, социально-психологическими характеристиками самого индивида. При наличии сформированного ценностного идеала можно расставлять приоритеты целей и средств их достижения, что, в свою очередь, превращает жизненную стратегию поведения (зрителя в данном случае) в программу деятельности.

Следовательно, успех или неуспех театрального представления зависит не только от профессионализма и одаренности драматурга, режиссера-постановщика и актеров, но и от различных имплицитных факторов, влияющих на зрительскую аудиторию. Следует принять в расчет такой фактор, как профессионализм театральной труппы, убедительность актерской игры, доступность происходящего для зрительского восприятия. Умение привлечь внимание аудитории к представлению, возбудить интерес и спровоцировать поло-

жительную реакцию близко по характеру программированию личностного поведения. Театральная группа выполняет ряд операций – конкретных действий, обусловленных конечной целью: разрушение «барьера невнимания или барьера неконтактности» [4, с. 18].

Подобные действия имеют fasciniрующий характер, т. е. отражают «действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается» [8, с. 4]. Исходное информационное сообщение характеризуется не только аттрактивностью, но и индуцированностью fascинации в сознании адресата. Согласно утверждению В. И. Карасика, fascинативное восприятие информации предполагает «эмоциональное переживание, эмпатическое слияние», а также ощущение особой значимости информационного сообщения для личности [6, с.10].

Однако, основываясь на этимологии термина, можно определить fascинацию как волшебство, чары, магический эффект. Именно подобная «магическая» сущность феномена обуславливает использование fascинации в театрализованных представлениях с целью формирования у зрительской аудитории соответствующего эмоционального состояния. Как подчеркивает Ю. В. Кнорозов, «искусство собственно и начинается с семантической fascинации, с того момента, когда человек сделал великое открытие возможности выдумки» [8, с. 4]. Однако, несмотря на широкое использование феномена fascинации в области искусства, весь процесс театральной коммуникации не может быть определен как исключительно fascинативный. Одной из задач искусств является создание образа персонажа или ситуации, для чего необходимо выбрать фокусный момент, раскрывающий соответствующую характеристику. Удачный выбор фокусного момента способствует возникновению адекватного представления о персонаже или ситуации, разыгрываемой на театральной сцене, даже если fascинирующие приемы не применялись.

Передача определенного рода закодированной информации, осуществляемая в процессе ритуализованного театрального общения, невозможна без фактора понимания «предмета» коммуникации, т. е. «до какой степени одинаков 'предмет', которым в момент начала коммуникации собираются «пользоваться» коммуниканты» [7, с. 73]. Другими словами, если суть информационного сообщения, получаемого зрительской аудиторией от театрального коллектива, понятна, то вероятность положительного результата коммуникации намного выше. В этом случае происходит «снятие прагматической пресуппозиции, или презумпции» [7, с. 85]. Помимо наличия пресуппозиций, коммуникативный акт имеет в качестве «фона» соответствующий фрейм (сценарий) – подобная речевая ситуация уже имела прецедент, который составляет коммуникативный опыт участников [7, с. 95]. Помимо сценариев речевых ситуаций, большую роль играют так называемые фреймы места, определяемые местом реализации коммуникативного акта (театральная сцена).

Транспонируя сказанное на область театрального дискурса, отметим, что фреймом места является непосредственно театр, а конкретно – пространство

сцены и зрительного зала. Предварительные знания, прецедентный опыт, имеющийся у зрительской аудитории и необходимый для корректного поведения в театре и понимания происходящего на сцене, образуют «коммуникативный фон», в терминологии Е.В. Ключева [7, с. 96]. Фрейм (сценарий), в рамках которого действуют зрители, четко регламентирован и известен заранее. Зрители знают, что в театр нужно попасть до третьего звонка, иначе они не будут допущены в зал. Спектакль длится в течение определенного временного промежутка, также заранее известного и отмеченного в театральной программке. Театральная программка, помимо списка персонажей и актеров, их представляющих, членов театрального коллектива, занятых в спектакле, и краткого содержания пьесы, дает информацию о том, является ли спектакль одноактным или многоактным, т.е. предусмотрен ли антракт.

Помимо возможности покинуть зрительный зал во время перерыва, антракт свидетельствует также о существовании определенного регламента (соответствие категории конвенциональности), согласно которому осуществляется театральная коммуникация. В антракте зрители отдыхают физически, но не отдыхают от действия, поскольку предполагается, что персонажи пьесы и во время антракта продолжают жить своей жизнью.

С прагматической точки зрения, антракт необходим для смены масштабных декораций, затемнения сцены, отдыха актеров или смены актерского состава. Вместе с тем антрактная пауза предоставляет зрителю возможность размышления. Подобное возвращение к действительности заставляет задуматься об увиденном на театральной сцене, судить о работе театрального коллектива, систематизировать впечатления, одобрять или критиковать игру актеров. Современная эпическая драматургия тяготеет к увеличению количества антрактов, вынуждая публику участвовать в спектакле во время подобных «передышек». Однако спектакли, подчиненные особому ритму, создающему своеобразное гипнотическое воздействие на зрителя, напротив, не имеют антрактных пауз.

Таким образом, подводя итог сказанному, отметим, что театральный дискурс, осуществляемый в рамках коммуникативного пространства театра, является ритуализованным, что позволяет говорить о существовании особого кодекса, регулирующего коммуникацию. Обозначенный кодекс, помимо регламентации процесса, определяет его результат: воздействие на зрительскую аудиторию. Даже с учетом непредсказуемости зрительской реакции, ожидания театрального коллектива всегда очевидны – труппа нацелена на успех у зрителя, на понимание предложенной интерпретации произведения.

Литература:

1. Бабаян, В. Н. Диалог в триаде с молчащим наблюдателем: монография / В. Н. Бабаян. – Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2008. – 290 с.

2. Борботько, Л. А. Авторский метатекст как ориентирующая система в коммуникативном пространстве театрального дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. А. Борботько. – М., 2015. – С. 197.

3. Викулова, Л. Г. Основы теории коммуникации: практикум / Л. Г. Викулова, А. И. Шарунов. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад. – 316 с.

4. Войскунский, А. Я говорю, мы говорим... / А. Войскунский // Фасцинация. Коммуникация. Общение: сборник науч.-попул. текстов о фасцинации. – М.: Авторская академия фасцинологии В. Соковнина, 2010. – С. 18–28.

5. Говердовский, Л. А. Методология исследования жизненного пространства личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Философская антропология, философия культуры / Л. А. Говердовский. – Волгоград, 2011. – 20 с.

6. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.

7. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Клюев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.

8. Кнорозов, Ю. В. Об изучении фасцинации / Ю. В. Кнорозов // Фасцинация. Коммуникация. Общение: сборник науч.-попул. текстов о фасцинации. – М.: Авторская академия фасцинологии В. Соковнина, 2010. – С. 4.

9. Шур, Ю. Е. Театральный журнал в России: генезис и типология: дис. ... канд. филол. наук: 05.25.03 / Ю. Е. Шур. – М., 2014. – 208 с.

ПОВЕДЕНИЕ КОММУНИКАНТОВ В ЛЮБОВНОМ ДИСКУРСЕ

Л. Г. Васильев, Э. И. Котелевская

ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет» (Калуга)

COMMUNICANTS' BEHAVIOR IN LOVE DISCOURSE

L. G. Vasilyev, E. I. Kotelevskaya

Summary. The paper focuses on non-verbal and verbal manifestation of participants' actions in love episodes in fiction texts. Communicative strategies and tactics of Actors and Addressees are discussed in detail. Reactions of the latter are both Actor non-verbal- and verbal-activity oriented. Communicative actions of characters are analysed from a monologue point of view.

Настоящая статья является кратким изложением наблюдений над особенностями невербального и вербального поведения персонажей в художественном тексте любовного дискурса (ЛД). В силу разнообразия ЛД, логично предположить, что для описания разных субжанров разные исследовательские методики могут быть в разной степени эффективны. Такие методики

могут конкурировать друг с другом, и эффективность их применения будет во многом прямо пропорциональна семантико-прагматической близости субжанров ЛД.

Например, субжанры Соблазнение и Обольщение, имея ряд общих признаков, будут в большей мере пригодным объектом анализа методики *X*, предусматривающей, например, персуазивный ракурс, а субжанр Признание в любви будет в меньшей мере отвечать параметрам применения такой методики, а в большей степени – параметрам методики *Y*. Иными словами, выбор процедур анализа должен быть подчинен предварительной интроспекции существа и возможностей конкретного субжанра.

Конечно, речь не идет об исключительности применения той или иной методики лишь к некоторому конкретному субжанру и за исключение ее вовсе из спектра исследовательских процедур для другого субжанра. Поэтому рассмотрение, например, невербального ракурса коммуникации, позволяющего понять сущность интенций персонажей, представляется релевантным при анализе текстов любого субжанра ЛД.

Как показывает анализ художественных текстов, акциональные (невербальные) составляющие ЛД составляют весомую часть в интеракции. Их роль неодинакова и может варьироваться от второстепенной, сопровождающей вербальные действия до основной. Само же наличие невербальности опирается, очевидно, на общие совместные знания коммуникантов о принципах поведения в конкретных ситуациях. Иными словами, как при прямом, так и при косвенном невербальном любовном поведении Актор должен полагать, что Адресат правильно распознает его интенции.

Для анализа нами взяты действия участников по отдельности, т. е. задействуется монологический ракурс интеракции; иными словами, перлокутивный эффект рассматривается здесь в его классическом понимании – как некоторая программа, результативность выполнения которой остается за рамками рассмотрения.

Следовательно, трактовка действий как интенциональных реализаторов сопряжена с несколько иной трактовкой стратегий в исследованиях, где объектом является диалог. Проще говоря, если в диалогическом подходе стратегичность сопряжена с «дальней» перспективой перлокутивности и непосредственно связана с ее постоянным мониторингом (поэтому-то стратегии и являются по определению гибким инструментом), то в монологическом подходе стратегичность ориентирована на «ближнюю» перспективу – в только что охарактеризованном ее понимании.

Итак, мы далее рассматриваем стратегии и действия Актора и Адресата по отдельности.

Действия Актора. (А) Стратегия, направленная на расшифровку Адресатом. К числу таких стратегий-интенций можно отнести создание у Адресата впечатления о поведенческой надежности Актора как личности. Например, в русскоязычной культуре положительный образ мужчины сопряжен,

очевидно, с надежностью ('защитник'). Этот образ действен в семейных отношениях – как в не-любовных (отец, брат), так и в любовных (муж). Поскольку выстраивание доминирующих отношений со стороны мужчины часто строится таким образом, чтобы создать у женщины впечатление об искренности создания им отношений, ведущих к браку, мужчина может выбрать названную акциональную стратегию. При этом компоненты данной стратегии будут получать преимущественно демонстративную характеристику. В художественных текстах такая стратегия может эксплицироваться автором или оставаться невербализованной (в нижеследующих примерах ее тактики снабжены значками, соответственно, *э* и *и*).

В качестве примера возьмем коммуникативное поведение А. Курагина, персонажа «Войны и мира» Л. Н. Толстого в эпизодах его встречи с М. Болконской и Н. Ростовой. При этом ЛД предстает в разных субжанрах – Флирта, Обольщения и даже Приставания (мы даем при разборе соответствующие пометы). Реализации стратегии Надежности получают характеристики (тактики) самоуверенности (С-Ув), спокойствия (Спок), настойчивости (Наст), мужественности (Муж), коммуникабельности (Ком). Знаки невербальной коммуникации даются в квадратных скобках.

Тактика самоуверенности:

(а) (С-Ув_э): (Обольщение): *Она только почувствовала нежную руку, твердо взявшую ее...[гаптика]; у него зато была драгоценная для света ... ничем не изменяемая уверенность ...; Он говорил смело ...; такое самоуверенно-нежное выражение было в его ласковом взгляде и улыбке...[кинесика (мимика)];*

(б) (С-Ув_и): (Флирт): *Анатоль молчал [силентивность], покачивал ногой [кинесика (жесты)], весело наблюдая прическу княжны ... [окулесика]; когда после ужина стали расходиться, Анатоль поцеловал руку княжны ... [гаптика].*

Тактика спокойствия:

(а) (Спок_э): (Флирт): *...у него зато была драгоценная для света способность спокойствия ...; В одну из минут неловкого молчания [силентивность], во время которых Анатоль своими выпуклыми глазами спокойно и упорно смотрел на нее ...[окулесика];*

(б) (Спок_и): (Флирт): *покачивая одной отставленной ногой и слегка склонив голову[кинесика (жесты)], молча[силентивность], весело глядел на княжну... [окулесика] Говоря это, он не спускал улыбающихся глаз с лица, с шеи, с оголенных рук Наташи... [окулесика];*

Тактика настойчивости:

(а) (Наст_э): (Приставание): *Когда она отворачивалась[кинесика (жесты)], она боялась, как бы он сзади не взял ее за голую руку[гаптика], не поцеловал бы ее в шею... [гаптика]; Но только что она отвернулась [кинесика (жесты)], она подумала, что он тут сзади так близко от нее [проксемика]...;*

(б) (Наст_И): (Приставание): *Анатоль подвинул Наташе стул и хотел сесть подле [проксемика], но граф, не спускавший глаз с Наташи[окулесика], сел подле нее [проксемика]. Анатоль сел сзади [проксемика] ...; Анатоль пригласил Наташу на вальс и во время вальса он, пожимая ее стан и руку[гаптика] ...; Анатоль ничего не говорил ей[силентивность] и только смотрел на нее [окулесика] ...; В конце первой фигуры он опять пожал ей руку [гаптика]...; Где бы она ни была, с кем бы ни говорила, она чувствовала на себе его взгляд[окулесика] ...; в маленькой диванной ей опять встретился Анатоль [проксемика].*

Тактика коммуникабельности (Ком):

Анатоль весьма охотно отвечал французженке и, улыбаясь, глядя на нее [окулесика], разговаривал с нею про ее отечество ...; и глаза его, смеясь и радуясь, смотрели на княжну Марью[окулесика] ...; когда после ужина стали расходиться, Анатоль поцеловал руку княжны [гаптика]...; (Флирт); Анатоль... подсел к ней [проксемика] и сказал, что давно желал иметь это удовольствие, еще с Нарышкинского бала, на котором он имел удовольствие, которое не забыл, видеть ее ...; сказал он, вдруг обращаясь к ней, как к старой давнишней знакомой ...; Анатоль улыбнулся, как бы ободряя ее ... (Обольщение).

Тактика мужественности (Муж_И):

Анатоль, заложив большой палец правой руки за застегнутую пуговицу мундира, с выгнутой вперед грудью, а назад – спиной...[кинесика (жесты)](Флирт).

Иногда Актер может полагать, что тянущаяся за ним слава соблазнителя не обязательно накладывает отрицательный отпечаток на его имидж.

(Б) Стратегия, амбивалентная для расшифровки Адресатом – здесь выделяется тактика – Демонстрация безразличия (Дем-Безр).

Тактика «Демонстрация безразличия» ('чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей') (Дем-Безр_Э):

<Анатоль> молча, весело глядел на княжну[окулесика], видимо совершенно о ней не думая (Безр_Э) (Флирт)

(В) Скрытая стратегия ОБМАН:

Взгляд же Анатоля, хотя и был устремлен на нее, относился не к ней, а к движениям ножки m-lle Bourienne[окулесика; кинесика], которую он в это время трогал своею ногою [гаптика]под фортепиано (Обман_И) (Флирт)

Действия Адресата. Эти реактивные действия имеют иную направленность, чем у Актора. Однако Адресат-Жертва может не только противиться и негодовать по поводу возможности манипуляций, но и догадываться о них и идти навстречу действиям Актора. При этом действия Адресата могут отвечать определению стратегии (при их осознанности), а могут быть просто реактивными.

Реактивные действия. К ним можно отнести: Душевное беспокойство (Бесп); Стеснительность (Стес) от поведения (а) партнера (б) своего собст-

венного; Недоумение (Нед); Реакция на коммуникабельность (Р-Ком); Тщеславие (Тщесл). Повторим, что такие реакции сложнее описывать в терминах стратегий, ибо: (а) стратегии предполагают в целом равноправное участие в диалоговом общении; (б) стратегии интенциональны, т. е. направлены на изменение поведения партнера. Этого не наблюдается при названных реактивных действиях.

Душевное беспокойство (как реакция на дурную славу):

Наташу странно и приятно поразило то, что не только не было ничего такого страшного в этом человеке, про которого так много рассказывали ...; но почему-то ей тесно и тяжело становилось от его присутствия ... (суб-жанр действий Актора нерелевантен); она чувствовала, что в непонятных словах его был неприличный умысел ...; (Приставание).

Стеснительность от поведения партнера:

... думала она <княжна Марья>, не смея взглянуть на его лицо[окулесика], чувствуя всё тот же взгляд, устремленный на себя[окулесика] (СтесЭ)...; Она сама не знала, как у ней достало смелости (СтесЭ), но она прямо взглянула на приблизившееся к ее близоруким глазам прекрасное лицо[окулесика]...; (Флирт); Ей <Наташе> было это приятно, но почему-то ей тесно и тяжело становилось от его присутствия [проксемика] (ДурСл + СтесИ)...; Когда она не смотрела на него[окулесика], она чувствовала, что он смотрел на ее плечи[окулесика], и она невольно перехватывала его взгляд[окулесика], чтоб он уж лучше смотрел на ее глаза [окулесика] (СтесИ)...; (Приставание).

Стеснительность от собственного поведения:

... она со страхом чувствовала, что между ним и ей совсем нет той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами[субститут проксемики] (СтесЭ)...; И опять она с ужасом чувствовала, что между ним и ею нет никакой преграды [субститут проксемики] (СтесЭ)...; Наташа спросила и покраснела. Ей постоянно казалось, что что-то неприличное она делает, говоря с ним (СтесИ)...; чувство ... страха от отсутствия нравственных преград между ею и им[субститут проксемики] (СтесЭ), охватило ее....

Тщеславие:

чувство тщеславного удовольствия, что она нравится ему (ТщеслЭ), охватило ее....

Реакция на коммуникабельность партнера:

Она, сама не зная как, через пять минут чувствовала себя страшно-близкой[субститут проксемики] к этому человеку (Р-КомИ)....

Недоумение:

Наташа оглядывалась на Элен и на отца, как будто спрашивая их, что такое это значило[окулесика] (НедЭ)...; Позади ее сидел Анатолий [проксемика], и она, чувствуя его близость, испуганно ждала чего-то (НедЭ)...

Реактивные действия Адресата-Жертвы соотносятся как с невербальными, так и с *вербальными действиями* Актора.

К речевым действиям А.Курагина относятся Настойчивость, Комплимент, Намек.

Настойчивость_И:

*...у нас устраивается карусель в костюмах; вам бы надо участвовать в нем: будет очень весело. <...> Пожалуйста, приезжайте, право, а?; Поезжайте, милая графиня, и в залог дайте мне этот цветок...; Вы прелестны... с той минуты, как я увидел вас, я не переставал...; <он> сказал ей, что она *ravissante* {обворожительна} и что он любит ее...; Я говорю, что безумно, безумно влюблен в вас...; – Натали?! – прошептал вопросительно[паралингвистика (фонация)] его голос, и кто-то больно сжимал ее руки[гаптика] (Приставание).*

Комплимент_И:

*{Как она хороша! – сказала Наташа отцу, который вместе с другими встал и сквозь толпу подвигался к актрисе.}– Я не нахожу, глядя на Вас (Компл_И), – сказал Анатоль, следуя за Наташей[проксемика].{Он сказал это в такое время, когда она одна могла его слышать.}– Вы прелестны... (Компл_И); *Vous serez la plus jolie.*(Обольщение)*

Намек_И:

*– Сначала мне мало нравилась, потому что, что делает город приятным, *ce sont les jolies femmes*, {хорошенькие женщины,} не правда ли? Ну а теперь очень нравится, – сказал он, значительно (Намек) глядя на нее (Обольщение).*

Приведенная картина варьирования вербальных и невербальных действий не исчерпывает всего их возможного разнообразия в ЛД; последнее будет обусловлено замыслом автора и спецификой коммуникативной ситуации.

ОЦЕНОЧНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. А. Водяницкая

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва)

Summary: The paper analyzes intellectual discussion. Being a genre of academic discourse, intellectual discussion focuses on exchange of scientific ideas and opinions on the problem under discussion. Evaluative means shape the discussion and help the conference participant to see strong and weak points of his or her linguistic approaches and methods.

Академический дискурс, будучи «принципиально диалогичным» (Сулейманова, 2016), является «личностноориентированным общением» (Хутыз, 2015), целью которого является передача и получение нового знания. В дан-

ной статье рассмотрим научную дискуссию на конференции как составляющую устного академического дискурса и сочетающую элементы фатического и информативного речевого поведения в том смысле, который вкладывала в эти понятия Т. Г. Винокур [1].

Научная дискуссия нередко начинается с вопроса автора о причине выбора той или иной темы исследования. В большинстве случаев докладчики говорят об исследовательском интересе, который был своеобразным двигателем или мотивирующим началом всего исследования. Если говорить о данной работе, она родилась из многочисленных научных дискуссий, обсуждений, мозговых штурмов, которые проходят на научных семинарах кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. Именно на этих семинарах возник *исследовательский интерес* к оценочной составляющей научной дискуссии, поскольку в научных спорах, в согласиях и несогласиях рождается истина. Об этом писал Сократ, к этому призывал Платон. Как справедливо отмечает Ю. В. Иванова, «значение и статус какого-либо научного содержания в подавляющем большинстве случаев оказываются определены полемической средой его бытования: университетскими дискуссиями, реакцией оппонентов и т. д.» (Полемика культура... 2012, с. 6). Как представляется, в академическом дискурсе именно оценочность является двигающей силой, направляющей исследователя к новому знанию.

В самом понятии исследовательского интереса содержится оценочный компонент. Статус понятия *интерес* еще не определен в плане принадлежности к классификационной группе. Так, к примеру, некоторые лингвисты и психологи относят *интерес* к сфере эмоций, тогда как другие – к сфере интеллекта. Считать ли исследовательский интерес явлением исключительно интеллектуальным, или же только эмоциональным? Как представляется, исследовательский интерес совмещает в себе и *emotio*, и *ratio*. Данные нейробиологии в определенной степени подтверждают эту точку зрения: вспомним работу А. Г. Сverdлика, посвященную влиянию эмоций на абстрактное мышление [1].

В ходе вопросно-ответной сессии исследователь может не только более подробно раскрыть суть проблемы, но и получить ценные советы, услышать критику по поводу тех или иных аспектов исследования, вовремя исправиться, встать на правильные *научные рельсы*. Как отмечал И. А. Ильин, «спор удастся только тогда, когда противники движутся по тем же «рельсам» и по-настоящему «сталкиваются». Как представляется, любой университет знает случаи, когда вовремя замеченная ошибка, озвученная критиком в ходе научной дискуссии, устранялась, а сам критик становился научным руководителем докладчика. В этой связи нельзя не вспомнить слова Амвросия Оптинского: «Кто нас корит, тот нам дарит».

В данной статье рассматриваются, главным образом, высказывания докладчиков XLV Международной филологической конференции.

Наблюдение за академической научной дискуссией позволяет делать выводы о высокой степени ее оценочности. С одной стороны, дискуссионты оценивают прослушанный доклад:

Какой отклик получил Ваш доклад! Великолепный доклад, великолепно преподнесли. Свобода разговора, свобода речи. Спасибо за великолепно, информативный, многогранный, интересный, неожиданный доклад, с другой стороны, оцениваются сами вопросы, причем слушатели спрашивают разрешения задать тот или иной вопрос:

– Позвольте/разрешите/если позволите задать... глупый, неинтересный, уточняющий, простой, странный и т. д. вопрос.

Далее следует сам вопрос, который также может содержать оценочные языковые средства.

Как представляется, участники академического дискурса, в силу высокой степени его институциональности, призваны соблюдать максимы вежливости, выделенные Дж. Личем (максима такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии).

В идеальной дискуссии, проходящей в здоровой атмосфере научного поиска, все эти максимы соблюдаются, поскольку в академическом дискурсе их соблюдение является одним из условий функционирования дискурса, или, выражаясь словами П. Серию, его идеологией. Вместе с тем процесс поиска, порождения, представления нового знания нередко связан с сильными эмоциями, в следствие чего дискуссия может перерасти в весьма эмоциональный спор, а поведение ее участников может (порой неожиданно для них самих) перейти из сферы информативного речевого поведения в сферу фатического. Рассмотрим следующую дискуссию.

Доклад о статусе иллокутивных частиц вызвал широкую дискуссию, поскольку докладчик настаивал на своей точке зрения по поводу статуса слова *positive* в сочетаниях *positive discrimination*, *positive difference*, что вызвало реакцию следующего плана:

– Вы передергиваете, Вы настаиваете, что это жестко, а это не жестко.

В данном высказывании сочетаются эмоциональная оценка, содержащаяся в разговорном глаголе *передергивать* (искажать факты) и нормативная оценка, выраженная наречием *жестко*. Как представляется, в слове *жестко* заложена именно нормативная оценка, поскольку докладчик вывел определенные правила употребления исследуемых единиц.

Ведущая секции, кандидат филологических наук, доц., заметив, что докладчик и слушатель могут выйти за рамки максимы согласия, а диалог перешел в сферу фатического, обратилась к ним со следующими словами:

– Позвольте внести свои жалкие доцентские пять копеек в спор профессоров.

Далее последовали высказывания, цель которых была примирить спорящих, вернуть их дискуссию в конструктивное русло. Как представляется,

оценочная метафора *жалкие доцентские пять копеек* институционально обусловлена. С ее помощью руководитель секции не только стремится к максиме скромности, отдавая дань уважения спорящим профессорам, которые в иерархии отношений участников академического дискурса занимают более высокое положение. Прагматическая цель данного высказывания – с помощью юмора разрядить накаляющуюся обстановку. З. Фрейд, например, подчеркивал важность остроты в жизни людей, отмечая, что «новая острота обладает таким же действием, как событие, к которому проявляют величайший интерес. Она передается от одного к другому, как только что полученное известие о победе» [7]. Действительно, слова доцента о пяти копейках можно отнести к своеобразной остроте, причем направленной на самого говорящего – самоирония помогла победить спор, направить его в мирное русло. Следует отметить, что запомнилась из этой дискуссии именно эта шутка, а не суть дискуссии. Причем доцент приводила аргументы, которые примирили профессоров, она смогла показать им, что они стоят на разных позициях, но во многом говорят об одном и том же. Далее из аудитории последовал еще более примиряющий совет:

– *Нужно просто определить: эти интенсификаторы принадлежат к разным классам, или их можно по-тихому сложить в одну кучку.*

В данном фатическом высказывании содержится разговорное оценочное наречие *по-тихому*, а также разговорное словосочетание *в одну кучку*, не характерные для академического дискурса, но в данном случае служащие цели примирить оппонентов.

Нередко дискуссия на конференции может из сферы лингвистики перейти в сферу цивилизационного спора, как это произошло при обсуждении концепта *толерантность* в русской культуре. Мнения дискутантов можно объединить вокруг категории отрицательной оценки обсуждаемого концепта. Наиболее характерными в этой связи были оценки «свой» (для понятий *терпение, терпеливость, смирение*) и «чужой» для понятия толерантности. Рассмотрим некоторые реплики участников конференции:

– *У нас есть такие понятия, как смирение, терпение, терпеливость. Как Вы изучаете его на примере нашей культуры, если он чужероден?*

– *Толерантность не позволяет нам ответить на вопрос: как научиться отличать одно от другого.*

Высокая оценка выступления сопровождалась имплицитной негативной оценкой подходов к данному понятию:

– *Спасибо Вам за обогатительное выступление. Не думаете ли Вы, что мы сталкиваемся с лакунами? Ведь толерантность предполагает наличие определенного дискомфорта. Что-то человек терпит. У нас есть разные слова для этого. Если у человека трудности в жизни, он проявляет смирение. В других случаях проявляется конформизм. Не кажется ли Вам, что здесь есть сложность?*

Ответом на данную реплику прозвучала другая реплика:

– *Мы обогатились бы все, не пользуясь этим размытым и неясным словом толерантность.*

Оценочные прилагательные *размытый* и *неясный* приобретают особый статус в рамках академического дискурса, цель которого – передача знаний, поиск истины. Партиципant академического дискурса (термин О. А. Сулеймановой) стремится в своем высказывании объединить телеологическую оценку (*все бы обогатились* – как представляется, речь идет о духовном и интеллектуальном обогащении, следовательно, в данном контексте с телеологической сочетается интеллектуальная и этическая оценка).

Постепенно проблема понятия *толерантность* включается дискутантами в более широкий круг проблем:

– *Толерантность не сочетается с определениями. Мы можем сказать истинное смирение, но не скажем – истинная толерантность.*

– *Толерантность можно рассмотреть так же, как мы рассматриваем понятия Гуманизм – человеколюбие – человечность – гуманность. Что скрывается за словом гуманность? Соотношение этих слов – непрекращающийся цивилизационный спор.*

Председатель секции завершил эту дискуссию следующим советом докладчику:

– *Вы выслушали несколько замечательных выступлений, которые помогут Вам в дальнейшем исследовании.*

Поскольку председатель секции также высказывался о необходимости изучать *толерантность* как феномен времени, а применительно к русской культуре использовать понятия *терпение, терпеливость, смирение*, он стремился повлиять на исследователя, высказав общую положительную оценку в адрес мнений выступивших в дискуссии участников конференции.

Дискуссия на секции, посвященной методике преподавания иностранных языков, отличалась телеологической направленностью. Докладчики стремились извлечь пользу из каждого выступления, что выражалось в оценках, которые они использовали. Так, докладчику, предложившему включить в работу преподавателя английского языка Instagram, посоветовали:

– *Не все приятное (общая оценка) полезно (телеологическая). Ставьте перед студентами проблемы, они обожают их решать.*

– *А что Вы посоветуете тем, кто не знает, как пользоваться Instagram? Я, например, в соц. сети ни ногой – нет достаточной компетенции.*

В последнем высказывании представлен телеологический аспект, поскольку компетенция напрямую связана с достижением цели – овладев ею, человек приобретает знания, умения, навыки. Как представляется, в русской аудитории понятие *компетенция* используется именно в телеологическом смысле.

Вслед за докладом, посвященном преимуществам системы Moodle, последовала широкая дискуссия, имеющая высокую телеологическую направленность:

– *Для меня Moodle была барьером, но я понимал, что это полезно.*

Мысль докладчика о том, что одним из преимуществ системы Moodle является красивое оформление, вызвала следующую реплику:

– *Красота не должна убивать цель.*

Как представляется, данное высказывание является ярким примером телеологической направленности именно педагогического дискурса. В каждом выступлении специалисты в области методики преподавания стремились выявить полезное, чтобы понять, как в конечном итоге полученные данные работают на результат, как помогают достичь педагогических целей.

Научная дискуссия может привлекать внимание исследователя не только способом вербализации оценочных суждений, но и особенностями слушания партиципантов коммуникации. Как писал Б. Окуджава, «каждый слышит, как он дышит, как он дышит, так и пишет» (Б. Окуджава «Я пишу исторический роман»). Если экстраполировать слова поэта на научную дискуссию, то можно высказать мысль о том, что «каждый участник дискуссии задает вопрос сообразно тому, как он слушает собеседника». «Коммуникативные нормы речевого поведения позволяют говорить о “стилях” (т. е. манере) слушания, так же, как о стилях говорения, потому что полюса “активность/ пассивность”, “внимание/невнимание” соотносятся с разным вербальным содержанием коммуникативного процесса» [1, с. 89, 90]. В этой связи исследователь предлагает рассматривать речевое поведение человека с аксиологических позиций. Т. Г. Винокур приводит контексты из художественной литературы, в которых раскрываются различные типы личностей в зависимости от того, как они слушают – это и дидактический тип, когда человек слушает говорящего с целью в дальнейшем сделать ему замечание не только по существу сказанного, но и по поводу того, *как* он это сказал; представители эгоцентрического типа, наоборот, не слушают собеседника, им важно высказаться самим. Как представляется, в ситуации научной дискуссии эти стили могут проявляться в той или иной степени, причем черты дидактического стиля могут негативно восприниматься в аудитории, где общение происходит “на равных” – например, во время конференции, участники которой – доктора и кандидаты наук. Примером подобного поведения может послужить пример, когда на конференции по литературе после доклада слушатель стала советовать коллеге, как сделать доклад более убедительным. Руководитель секции заметила:

– *Мы здесь никого не учим, правда?*

Вместе с тем, если докладчик чрезмерно увлекается собственной речью, не слушает вопросы и замечания, резко реагирует на конструктивную критику, его выступление может также вызвать отторжение и неприятие вследствие нарушения докладчиком целого ряда максимумов вежливости и несоответствия его речевого поведения нормам и правилам академического дискурса.

Полученные в первом приближении данные позволяют с определенной долей уверенности говорить о том, что категория оценки является направляющей силой научной дискуссии в академическом дискурсе. Проявляется

этот аспект двояко: на вербальном и поведенческом уровнях. Практически в каждом высказывании, в каждом вопросе содержатся языковые средства выражения оценки. В то же время само желание задать вопрос, стремление выяснить для себя точку зрения выступающего, продиктовано, как представляется, тем, что слушающий уже *оценил* – на психологическом уровне – в какой парадигме находится исследователь, как мысли докладчика соотносятся с парадигмой диспутанта, где есть точки соприкосновения идей и воззрений, а в чем они расходятся.

Проанализированные примеры показали, что в научной дискуссии из оценок, суждений и критики рождается новое знание, происходит своеобразное приращение смыслов к тому, что сказал докладчик, поскольку в конечном итоге докладчик обращается ко всем и каждому. Важнейшим при этом является такой аспект, как понимание в академическом дискурсе (Souleimanova 2013). Вариативность жанров устного академического дискурса предполагает их изучение с различных исследовательских позиций, однако точкой отсчета при анализе этих жанров, как представляется, должен стать именно институциональный аспект функционирования данного типа дискурса.

В качестве перспективы исследования видится возможность привлечения дискуссий различных конференций, заседаний круглых столов с целью выявления универсального и специфического в этом интересном и захватывающем дискурсивном жанре.

Литература:

1. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. Вступ. статья. Л. П. Крысина. – Изд. 4-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 176 с.
2. Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время: коллект. моногр. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 495 с.
3. Свердлик, А. Г. Как эмоции влияют на абстрактное мышление и почему математика невероятно точна / А. Г. Свердлик. – М.: URSS, 2016. – 256 с.
4. Сулейманова, О. А. Диалог с Другим в академическом дискурсе / О. А. Сулейманова // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой Международной конференции / под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. – М.: МГПУ: Языки народов мира, 2016. – С. 539–547.
5. Хутыз, И. П. Академический дискурс. Культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний: монография / И. П. Хутыз. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 176 с.
6. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – Минск: Харвест, 2006. – 480 с.

7. Souleimanova, O. A. Linguistic Meta-Language as a Basis for Communication/Understanding: Abstract and Control / O. A. Souleimanova // Understanding by Communication. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 70–79.

**BERLITZ RUSSIA: CULINARY GUIDEBOOK
КАК ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС**

К. А. Врыганова

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет» (Иваново)

**BERLITZ RUSSIA: CULINARY GUIDEBOOK
AS CULINARY DISCOURSE**

K. A. Vryganova.

Summary. The paper focuses on so called culinary discourse. It is one of the ways to understand the culture of the nation. Different aspects of culinary discourse are analyzed.

В свете современных тенденций междисциплинарных исследований изучение дискурса связано не только с лингвистическими, но, в большей степени, с экстралингвистическими особенностями последнего. Тем самым, изучение и погружение в гастрономический дискурс (далее – ГД) позволяет, из-за его соотнесенности с определенной культурной традицией, в полной мере познать и ощутить особенности культуры народа.

На основании критерия «общественно-личное» В. И. Карасик выделяет личностно-ориентированный (персональный) и статусно-ориентированный (институциональный) дискурс. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института [3, с. 6]. Итак, ГД исследуется как жанр институциональной коммуникации т.к. он действует в рамках института кулинарии. Профессор А. В. Олянич из Волгоградского университета определяет ГД (по его терминологии, **глуттонический** – от лат. *gluttonare* «есть, питаться, поглощать пищу») как «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [8, с. 168].

Исследователи из Томска И. Е. Зайцева и Ф. Л. Косицкая характеризуют данный вид дискурса как «сложноорганизованное дискурсивное, многомерное, неоднородное образование. Его коммуникативное пространство – это взаимозависимость, взаимодействие, интеракция законодательного (правового), гастрономического (в области общественного питания и торговли продовольственными товарами), рекламно-гастрономического, ресторанного, научно-гастрономического, академического (учебного) дискурса кулинарного

искусства, гастрономического медиадискурса, коммерческого дискурса, собственно-гастрономического экспертного дискурса. Для ГД характерны полифонические включения, вкрапления исторического, медицинского, энциклопедического, этнографического, социального, туристического дискурсов. Таким образом, его можно отнести к гибридным дискурсам. ГД является также поликодовым дискурсом, поскольку использует вербальный, иконический и графический коды. Для ГД характерны профессионализм, креативность, терминологичность, клишированность, коммуникабельность, изобретательность, любознательность, стремление к саморазвитию, самооценивание, чувство прекрасного, знание и умение сочетать продукты и вкусы» [4, с. 26].

Очевидно, что пища отражает одно из главных условий существования человечества и входит в состав материальной жизни общества, и к тому же данный концепт относится к числу важнейших когнитивно-ментальных областей обыденного сознания и находит многомерное воплощение в языке. В рамках исследований невербальной семиотики выделяется гастика как наука о знаковых и коммуникативных свойствах пищи и напитков, о знаковой природе приемов пищи [5].

В 21 веке интенсифицировались исследования различных аспектов ГД: были проанализированы лингвосемиотические характеристики англоязычного ГД [1], новейшие гастрономы современного английского языка и их структурные и семантические особенности [9], человек сквозь призму кулинарного кода культуры [2], французский ГД и его жанровая палитра [3] и др. [7]. Американские исследователи невербального поведения и общения М. Нэпп и Дж. Холл относят пищу и особенности ее сервировки, запах и внешний вид к невербальным средствам коммуникации окружающего мира [6].

В целом, проведенные исследования показывают, что концепт “Еда”, отражающий национально-культурную специфику представлений о пище, является многомерным ментальным образованием, которое актуализируется через различные языковые средства.

Наряду с путеводителями по разным странам мира, в которые традиционно включалась информация о кухне той или иной страны, появились ряд так называемых «кулинарных» путеводителей. Нами был проанализирован путеводитель «**Russia: Culinary guidebook**», вышедший в 2006 году фирмой Berlitz с целью выявления особенностей представления ГД [10]. Авторы позиционируют этот путеводитель по русской национальной кухне как способ знакомства путешественников-гурманов с её традиционными блюдами и напитками.

Традиционно в структуре ГД выделяются участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [1]. Участники и формулы общения представлены в рубрике *in the restaurant* данного путеводителя. Хронотоп ГД актуализируется в рубрике *Where to eat*. В качестве целей ГД выделяют: 1) передачу опыта или обучение, 2) ознакомление с кулинарной культурой и традициями других народов, 3) оценка какого-либо

рецепта на основании своего опыта, 4) формирование пищевых предпочтений и пищевых доминант (столовый этикет, правила поведения за столом и т. д.) [1]. В данном путеводителе представлена обширная рубрика *Map of Regional Cuisines of Russia*, в которой в качестве прецедентных текстов используются рецепты тех или иных национальных блюд.

Проанализировав рубрики региональных кухонь России, можно прийти к выводу, что структурная характеристика определяется стереотипностью построения кулинарного рецепта, который состоит из интродуктивного и основного блоков, списка ингредиентов, иногда фотографии и объяснения. Обязательными компонентами являются название (заголовок), указание количества ингредиентов и описание процесса приготовления блюда.

Одним из способов познания культуры другого народа является изучение кулинарных предпочтений, гастрономических особенностей, способов приготовления и потребления пищи для понимания специфики языковой картины мира той или иной нации. В этом изучении могут помочь «кулинарные» путеводители, которые в полной мере отражают все особенности существования гастрономического дискурса.

Литература:

1. Земскова, А. Ю. Лингвосемиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 / Земскова Анастасия Юрьевна. – Волгоград, 2009. – 20 с.
2. Капелюшник, Е. В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры / Е. В. Капелюшник // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – № 345.
3. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
4. Косицкая, Ф. Л. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра / Ф. Л. Косицкая, И. Е. Зайцева // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2016. – № 2 (167). – С. 25–30.
5. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М., 2002. – 592 с.
6. Нэпп, М. Невербальное общение / М. Нэпп, Д. Холл. – М., 2014. – 464 с.
7. Олянич, А. В. Гастрономический дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/gastronomicheskiiy-diskurs> (дата обращения: 20.05.2016).
8. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса: монография / А. В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
9. Таганова, Т. А. Гастрономы современного английского языка: структурные и семантические особенности / Т. А. Таганова // Известия высших

учебных заведений. Серия Гуманитарные науки, 2016. – Том 7. – Вып. 1. – С. 38–41

10. Berlitz Russia: Culinary guidebook. – М., 2006. – 224 с.

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В ЖЕНСКОМ МЕМУАРНО-БИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. РАНЕВСКОЙ)**

И. А. Герасименко, Р. М. Мещерская

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (Ялта)

**LINGUISTIC MEANS OF ARTISTIC EXPRESSION IN THE WOMEN'S
BIOGRAPHICAL DISCOURSE
(Based ON the WORKS of F. RANEVSKAYA)**

I. A. Gerasimenko, R. M. Meshcherskaya

Summary. In the folklore heritage of the intellectuals of the twentieth century wit Faina Ranevskaya takes pride of place. Her remarks were the developers of the spiritual life of society, the sharpness of mind – speech which determines the behavior of the studied discursive identity. Left him as a folk heritage influenced the cultural consciousness of her contemporaries and was sought after in our time.

Ф. Раневская как дискурсивная личность демонстрирует широчайший диапазон стилистических и риторических приёмов создания комического и сатирического дискурса, проявляющих Раневскую как сильную языковую личность. Ведущее место среди таких приёмов занимает парадокс и ирония. Ирония обычно содержит в себе отрицание и осмеяние под маской одобрения и согласия за счёт того, что явлению приписываются свойства, которых заведомо у него быть не может [2, с. 34]. Разновидностью иронии выступает самоирония, когда предмет обсуждения не является таковым, каким кажется. Одним из распространённых способов использования иронии в разговорной речи выступает цитация, поскольку она создаёт контраст между «книжностью» языка и обыденностью речевой обстановки. Воспроизведённый «чужой» текст воспринимается не в серьёзном, а в ироническом ключе [3, с. 26]. К цитациям прибегает и Ф. Раневская: «У меня теперь «жизнь в искусстве» – когда читаю жизнь и творчество Станиславского в четырёх томах. Театр? Его нет. Есть пародия на театр» [4, с. 215].

Примером самоиронии Фаины Георгиевны Раневской служат такие цитаты: – Чтобы получить признание – надо, даже необходимо, умереть! – Здоровье? Здоровье, это когда у вас каждый день болит в другом месте. – Я себя чувствую, но плохо [5, с. 119]. Или: на вопрос: «Вы заболели, Фаина Георгиевна?»

евна?» – она отвечала: «Нет, я просто так выгляжу» [5, с. 118]. Другие примеры. – Какая у Вас температура? – Нормальная, комнатная, плюс восемнадцать градусов [5, с. 117]; Я устала симулировать здоровье! [5, с. 118], как подмена лексемы приводит к эффекту самоиронии (ср.: симулировать болезнь).

Сарказм как сатирическое изобличение, язвительная насмешка, высшая степень иронии также задействован в дискурсе Ф. Раневской: Если больной очень хочет жить, врачи бессильны [4, с. 192]; – Ох и трудно сейчас жить честным людям! – пожаловался Раневской один видный товарищ. – Ну а Вам то что? – спросила она [4, с. 56]. Четвёртый раз смотрю этот фильм и должна вам сказать, что сегодня актёры играли как никогда! [4, с. 148]; – Нянька общалась с водой только в крестной купели [4, с. 148]; Ну и лица мне попадают! Не лица, а личное оскорбление! [4, с. 149]; Стараюсь припомнить, встречала ли в кино за 26 лет человекообразных? [4, с. 134]. Известно, что сарказм всегда содержит негативную окраску и указывает на недостаток человека, предмета или явления. Эти характеристики сарказма присутствуют и в вышеозначенных примерах.

Еще один приём, типичный для дискурса Ф. Раневской, – каламбур. Каламбур – шутка, основанная на комическом использовании сходно звучащих, но разных по значению слов, игра слов. В основе каламбуров автора лежит использование омофонов (Моя собака живёт как Сара Бернар, а я как сенбернар [5, с. 118]; лексических омонимов, в том числе и тех, семантика которых выявляется в контексте (85 лет при диабете – не сахар [5, с. 118]; Как великие актёры могли играть с артистами, от которых нечем заразиться, даже насморком? [6, с. 35]; и омонимов, семантика которых выявляется в контексте (Средство от бессонницы: надо считать до трёх. Максимум до полчетвёртого [6, с. 47]).

Языковые средства художественной выразительности Ф. Раневской богаты использованием метафоры (переноса) – семантического преобразования, при котором образ, сформированный относительно одного класса объектов, прилагается к другому классу или конкретному представителю класса. Ср.: Человек с укусным голосом [6, с. 25], Смесь степного колокольчика с гремучей змеей (об актрисе) [5, с. 20]. Ещё со времён Аристотеля метафора рассматривается как сокращённое сравнение, т. е. сравнение, из которого исключены предикаты подобия (похож, напоминает) и компаративные союзы (как, как будто, словно, точно и т. д.). Такое «сокращённое сравнение» и реализуется в идиостиле Ф. Раневской.

Метонимия как оборот речи, при котором происходит замена одного слова другим, смежным по значению, т. е. находящимся непосредственно рядом, имеющим общую границу [7], реализована в следующих примерах: Не могу расстаться с Пушкиным – Пушкин во мне сидит [4, с. 182]; Непостижимый мой Лев Николаевич висит у меня над постелью, и я боюсь его глаз [4, с. 180].

Ф. Раневская также прибегает к сравнениям. Сравнением, как известно, называется образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку. При этом в объекте сравнения выявляются новые, неординарные свойства. Например: Анна Андреевна была бездомной, как собака [5, с. 33]; Я, в силу отпущенного мне дара, пропищала как комар [6, с. 67]; Торговали душой, как пуговицами [4, с. 75]; Птицы дерутся, как актрисы из-за ролей [4, с. 101]. С помощью сравнения Ф. Раневская выделяет и какой-либо один признак, и соотносит друг с другом две параллельные ситуации, которые в дальнейшем ложатся в основу метафорического переноса. Ср.: Когда мне не дают роли в театре, чувствую себя пианистом, которому отрубили руки [4, с. 34]; Сняться в плохом фильме – всё равно что плюнуть в вечность [4, с. 34]; Оптимизм – это недостаток информации [5, с. 121]; Театр – месса в бардаке [5, с. 123]; Роль грубая, плохая и примитивная, как ситцевая баба для чайника [4, с. 120].

Следующим языковым средством художественной выразительности в миниатюрах Ф. Раневской выступает олицетворение (персонификация). Олицетворение – это троп, семантическое преобразование, состоящее в присвоении признака одушевленности объектам неживого мира; однако оно нередко основывается на метафорических и метонимических смещениях значения. Обычно олицетворение возникает за счёт привлечения в общий метафорический контекст «олицетворяющей» детали, благодаря которой переносный смысл реализует себя в отдельных признаках общей картины. Ср.: Стихи [Ахматовой] смолоду вошли в состав моей крови [4, с. 56]; Судьба-шлюха [5, с. 8]; А ведь судьба мне – мачеха! [5, с. 8]; Я не могу есть мясо. Оно ходило, любило, смотрело [4, с. 17]; Деревья – мыслители, а цветы – кокетки [4, с. 177]; Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия [5, с. 11].

Дискурс Ф. Раневской богат на аллюзии (от лат. *allusio* - намёк, шутка) – стилистический приём, намёк на известный исторический, легендарный или бытовой факт, который создаёт в литературном произведении соответствующий обобщённый подтекст [10]. Ср.: Я живу над хлебом и зрелищем (над входом в кинотеатр и местом разгрузки хлебных фургонов) [5, с. 198] – аллюзия на устойчивое выражение хлеба и зрелищ; Ваши жалобы на истерику-погоду понимаю – сама являюсь жертвой климатса нашей планеты [4, с. 143] – намёк на лексему климат; За 53 года выработалась привычка жить на свете [4, с. 143]; Убить в себе червяка тщеславия... [4, с. 155]; Завадский родился не в рубашке, а в енотовой шубе [5, с. 39]; Завадскому дают награды не по заслугам, а по потребностям. У него нет только звания «Мать-героиня» [5, с. 39]; В семье не без режиссёра [5, с. 39]. Уценённый Мейерхольд, вытянутый в длину лилипут – о режиссёре Завадском [5, с. 40].

Произведения дневникового жанра Фаины Георгиевны Раневской наполнены противоречивыми высказываниями, одними из которых являются конъюнктивные конструкции подобного рода. Напр.: Я родилась в семье

бедного нефтепромышленника [5, с. 7]; Я родилась недовыявленной и уйду из жизни недопоказанной. Я недо... [5, с. 15].

К одному из ярких средств художественной выразительности идиостиля Ф. Раневской относятся окказионализмы [7, с. 12]. Ср.: Перпетуум кобеле (о режиссёре Завадском) [5, с. 65] – латинизм в сочетании с авторским неологизмом, образованным по аналогии с Перепетуум мобиле «Вечный двигатель».

Нередко автор анализируемых текстов использует хиазм – стилистическую фигуру размещения. Известно, что хиазм характеризуется зеркальным расположением частей высказывания. Ср.: Почему все дуры такие женщины?! [5, с. 124]; В пустяке труднее обмануть, чем в крупном [4, с. 169]. Обычно хиазм служит для интонационного подчёркивания повторяющихся элементов, сопровождающегося визуальным восприятием. Например: Женщина должна быть достаточно умна для того, чтобы нравиться глупым мужчинам, и достаточно глупа, чтобы нравиться мужчинам умным [6, с. 115]; На голодный желудок русский человек ничего делать и думать не хочет, а на сытый – не может [5, с. 37].

Ф. Раневская прибегает также к синерезису – фигуре речи, обозначающей искусственное сокращение числа слогов. Например: Ну, где же наша Гертруда? (О Завадском, получившем звание Героя Социалистического Труда) [5, с. 40].

Наконец, дискурс Ф. Раневской отличается использованием паронимии. Игра близкими по звуковому облику словами – графическими омонимами, которые одинаково пишутся, но различаются значением и звучанием, представлена в примерах типа: Маленький эрзац-внук спрашивает у Фуфы: – Что ты всё время пьёшь что-то из бутылочки, а потом пицишь «пи-пи-пи»? – Лекарство это, – отвечает Раневская. – Читай: «Принимай после пици» – с ударением на втором слоге [5, с. 110].

В статье определяются возможности дискурсивного подхода в описании языковой личности, позволяющие синтезировать экстралингвистические факторы и языковые манифестации, описывающие разнообразные дискурсивные практики носителей языка в фольклорном наследии интеллигенции XX века, порождающие и проявляющие языковую личность, превращая её в дискурсивную личность.

Литература:

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
2. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

3. Синельникова, Л. Н. Жизнь текста, или Текст жизни. – Луганск: Знание, 2005. – Т. 2. – 392 с.
4. Старичёнок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Старичёнок. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.
5. Стилистика и литературное редактирование: учебник / под ред. проф. В. И. Максимова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2007. – 653 с.
6. Фаина Раневская: «Судьба-шлюха» / авт.- сост. Дмитрий Щеглов. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 208 с.
7. Фаина Раневская: Случаи. Шутки. Афоризмы / сост. Игорь Захаров. – М.: Захаров, 2001. – 155 с.
8. Я, Фаина Раневская... И вздорная, и одинокая: сборник / сост. и лит. обраб. текстов Ю. Крылов. – М.: Астрель: АСТ, 2012. – 201 с.

ТИПОЛОГИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ ПОУЧАЮЩЕГО ДИСКУРСА

Л. А. Дорошенко

СФ РЭУ им. Г. В. Плеханова

О. А. Шутова

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт (Севастополь)

TYPOLOGY OF SPEECH GENRES OF TEACHING DISCOURSE

L. A. Doroshenko, O. A. Shutova

Summary. The article is devoted to the investigation of typology of speech genres of teaching discourse. To the speech genres of teaching discourse we refer instruction, admonition, edification, advice, recommendation, order, sermon, moral admonition and lecture. The structural and semantic, compositional, communicative and pragmatic features of pragmatic subtypes of teaching speech genres are analyzed, their integral and differential characteristics are defined.

Key words: teaching discourse, speech genre, instruction, admonition, edification, advice, recommendation, order, sermon, moral admonition, lecture.

В последнее десятилетие всё больше исследователей обращаются к изучению речевых жанров. Уже существует целый ряд работ таких ученых, как Р. Эккард, Х. Штегер, Э. Ризель, М. Н. Кожина, К. Ф. Седов, Т. В. Анисимова, Т. Г. Винокур, В. В. Дементьев, М. А. Гвенцадзе, А. Г. Баранов и др., которые предлагают свои подходы к типологии речевых жанров. Но проблемой типологии речевых жанров поучающего дискурса еще не занимался никто, чем и определяется *актуальность* данной работы.

Цель нашего исследования – построить классификацию поучающих речевых жанров. Речевыми жанрами поучающего дискурса являются совет, рекомендация, наказ, наставление, поучение, нравоучение, нотация и назидание.

Все они являются директивами и воспринимаются слушающим без критической оценки.

В лингвистической литературе существуют различные подходы к дифференциации директивных текстов: 1) стилистический, 2) функциональный, 3) социолингвистический, 4) интралингвистический и др. Мы же принимаем подход, предложенный В. В. Дементьевым, – коммуникативно-прагматический, где объединяются положительные стороны теории речевых актов (прагматический подход), функциональной стилистики и социолингвистики и считаем, что типологию поучающих речевых жанров необходимо строить, опираясь на следующие признаки:

1. По типу дискурса: институциализированный (статусно-ориентированный) и неинституциализированный (лично-ориентированный): совет врача, психолога, педагога, юриста, агронома – совет друга.

2. Коммуникативное намерение данных жанров речи заключается в побуждении к действию (речевому, физическому, ментальному) либо изменению состояния, целесообразного и полезного, по мнению говорящего для адресата, т. е. основная задача поучающих речевых жанров – это сообщить о том, что является для слушающего наилучшим и полезным.

3. Адресант и адресат играют в коммуникации разные роли: психологические, социальные и коммуникативные. Психологические роли коммуникантов в речевых жанрах поучающего дискурса всегда асимметричны: Родитель – Дитя [1, с. 345–346]. Поэтому данный признак внутри этих жанров является интегральным. Социальные роли могут быть постоянными и переменными. Постоянные роли могут быть статусными (их определяют принадлежность к определенной социальной группе, расе, национальности, возраст и пр.) и позиционные (профессия, образованность, отношения «начальник-подчиненный» и т. д.). Они представляют собой иерархию вертикального взаимоположения коммуникантов: ниже – равный – выше, предполагающее наличие приоритетной позиции адресанта, т. е. позиции превосходства. Но социальные роли могут быть и ситуативными, и приоритетность адресанта здесь базируется на наличии большего объема информации, жизненного опыта. Коммуникативная роль определяется позицией участника данной реальной коммуникативной ситуации: роли говорящего, слушающего, косвенного (вторичного) адресата как активного участника общения и наблюдателя как пассивного участника общения. С точки зрения коммуникативных ролей, следует различать: прямоадресованный поучающий речевой жанр – опосредованный вариант (совет третьему лицу через реального адресата) и адресатоориентированный (прототипический) – адресантоориентированный (аутогенный речевой жанр),

4. Форма реализации речевых жанров поучающего дискурса может быть устная или письменная.

5. Семантический аспект составляет пропозициональное содержание высказывания, характеризующее будущее, целесообразное для адресата, дейст-

вие. Его можно специфицировать по двум параметрам: а) характера – деликатное / обыденное, желательное / нежелательное, б) содержания – речевое, ментальное, физическое [2, с. 34–35].

6. Обстановка общения (обстоятельства) предполагает выделение ее официального, нейтрального и непринужденного типов.

7. Код поучающих речевых жанров, или функциональный стиль общения, может быть научный, официально-деловой, публицистический и разговорно-бытовой.

8. Также при классификации данных жанров речи нужно учитывать прямой и косвенный характер проявления моральности (поучительности), т. к. поучающие жанры «чутко и гибко» отражают все происходящие изменения в общественной жизни, представляя собой «относительно устойчивые формы» (модели) духовной социокультурной деятельности [4, с. 85]. Главной составляющей этой деятельности является мораль, которую С. И. Ожегов трактует как правила нравственности, а также саму нравственность; логический поучительный вывод из чего-нибудь; нравоучение, наставление [3, с. 331]. Предполагается, что моральные суждения содержат этические оценки, хотя «читать мораль» сегодня имеет резко негативную коннотацию. Следует отметить, что степень проявления морали (нравоучения, наставления) по-разному проявлялась в поучающих жанрах речи разных эпох. Так, «устаревшие» поучающие жанры характеризуются большей степенью проявления моральности (поучительности), это такие жанры, как наставление, назидание, поучение, нотация, а в совете и рекомендации мораль завуалирована.

Таким образом, параметры психологическая роль коммуникантов и коммуникативное намерение являются общими (интегральными) для всех речевых жанров поучающего дискурса. Адресант (Родитель) всегда занимает приоритетную позицию, адресат (Дитя) – подчиненную. Цель всех поучающих речевых жанров – побуждение к действию или изменению состояния адресата в его пользу. Остальные признаки являются и интегральными, и дифференциальными в зависимости от того, какие поучающие жанры сопоставляются. Так, совет отличается от наставления тем, что социальные роли в речевом жанре «совет» могут быть и симметричными, и асимметричными, а в жанре «наставление» – только асимметричными; по проявлению поучительности: мораль в совете завуалирована, наставление же дается в прямой форме. Остальные признаки коммуникативной ситуации являются интегральными. Поучающие речевые жанры совет и рекомендация различаются по типу дискурса (институциональный – межличностный); по социальным и коммуникативным ролям (прямой – опосредованный); по коду (совет – это жанр разговорного стиля, рекомендация – книжного).

Итак, поучающие речевые жанры отличаются от других групп директивных речевых жанров степенью проявления поучительности (морализаторства), отсутствием санкций, ситуацией общения (официальной / неофициальной), приоритетностью социальной позиции адресанта, формой реализации

(устной или письменной) и принадлежностью к определенному функциональному стилю, причем последние два признака часто бывают внутри данных речевых жанров интегральными.

Исследование речевых жанров поучающего дискурса представляется нам весьма перспективным. Необходимо провести грань между поучающими жанрами и другими директивами, описать каждый жанр речи поучающего дискурса с точки зрения перечисленных выше признаков, охарактеризовать их с точки зрения диахронического подхода.

Литература:

1. Берн, Э Люди, которые играют в игры. Психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – М.: Эксмо, 2008. – 576 с.
2. Дементьев, В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типологии речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – 212 с. – С. 34–44.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 944 с.
4. Орлова, Н. В. Жанры и тема: об одном основании типологии / Н. В. Орлова // Жанры речи – 3. – Саратов: Колледж, 2002. – 318 с. – С. 83–92.

ВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ УЧАСТНИКОВ СЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА В СИТУАЦИЯХ НЕКООПЕРАТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Ф. И. Карташкова, А. Б. Аббаскулиева

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» (Иваново)

VERBAL BEHAVIOUR OF FAMILY DISCOURSE PARTICIPANTS WITHIN NON-COOPERATIVE COMMUNICATION

F. I. Kartashkova, A. B. Abbaskuliyeva

Summary. The paper is devoted to the description of family discourse participants' behaviour within non-cooperative communication. Lexical and syntactic peculiarities of verbal behaviour of communicators are pointed out. It is shown that pejorative vocabulary is used to express negative emotions or to insult the addressee; repetitions emphasize the expressive utterances of the speaker.

Любой конфликт (политический, социальный, психологический, нравственно-этический, межличностный) объективируется языком; вопрос о вербальной экспликации конфликта требует дальнейшего решения. Прагматин-

гвистический подход к изучению конфликтного дискурса (М. Ю. Сейранян, Е. В. Растишевская, С. М. Емельянов и др.) помещает в центр внимания проблему выбора говорящим языковых единиц и рассмотрение того, как этот выбор сказывается на характере взаимодействия коммуникантов.

В настоящей статье рассматриваются лексические и синтаксические особенности речи участников семейного дискурса в ситуациях некооперативного общения.

К *лексическим* особенностям вербального поведения коммуникантов в некооперативном общении следует отнести частотное употребление инвективной (пейоративной и обценной) лексики, иллокутивной целью которой является оскорбление адресата или выражение крайне негативных эмоций.

Проиллюстрируем сказанное: – *And do you know what you are? You're disgusting! You pathetic, self-deluded little boy! Look at you! Look at you and tell me, how by any stretch of the imagination you can call yourself a man?!* [Дорога перемен, 2008]. Здесь инвективой является номинативная конструкция “self-deluded little boy”, с помощью которой жена называет своего мужа жалким, ни на что не способным мальчишкой. Негативный вектор имеет и косвенный речевой акт, эксплицитированный в предложении “Look at you and tell me, how by any stretch of the imagination you can call yourself a man?!”, иллокутивной целью которого является намеренное унижение мужского достоинства супруга.

Рассмотрим аналогичный эпизод некооперативного общения:

K₁: I just don't understand why you are adversarial.

K₂: I'm just truth telling. Some people are antagonized by the truth.

K₁: Everyone here loves you, dear.

K₂: Oh, you think you can shame me, Charlie?! Blow it out your ass!

[Август: Графство Осейдж, 2013].

Данный фрагмент представляет собой отрезок общения из полилога между несколькими членами семьи. В приведенном же примере участвуют лишь двое коммуникантов (K_1 и K_2), остальные принимают лишь пассивное участие, являясь слушателями. Коммуникант-1, как видно, настроен положительно. Однако коммуникант-2 открыто проявляет языковую агрессию: использует обценную лексику (*Blow it out your ass!*). K_2 использует эмоционально окрашенное междометие “oh”, тем самым выражая своё недовольство и раздражение. В данном случае интенции участников конфликта не совпадают, т. е. один из коммуникантов настроен положительно и не является инициатором ссоры (K_1), в то время как его оппонент (K_2) настроен негативно и проявляет речевую агрессию по отношению к своему собеседнику.

Подобную ситуацию наблюдаем и в следующем фрагменте кинодискурса, где основой не прямой коммуникации служит косвенная номинация, представленная антропонимом *Liberace*: – *Liberace, you better get yourself together. We have to get home and take care of that damn dogs. They probably eaten the drapes right now* [Август: Графство Осейдж, 2013]. Используя косвенное имя,

мать обращается к сыну (который играет на фортепьяно для своей кухни), выражая при этом иронически-презрительное отношение к таланту собственного сына и тем самым унижая его. Привлечение прагматического контекста позволяет говорить о том, что подобное косвенное обращение имеет негативный вектор.

В следующем эпизоде предметом обсуждения между супругами является проблема воспитания дочери: жена (K₁) обвиняет мужа (K₂) в недостаточном внимании к дочери:

K₁: You really haven't been much of a parent lately.

K₂: Look, just cause you and I struggling with this Gordian knot, it doesn't mean that our daught...

K₁: Oh, nice, "Gordian knot"! But her 14-years-old self might view it differently! Might consider it abandonment.

K₂: Oh, come on, she's a little more sophisticated than that, don't you think?

K₁: Pretty fucking sophisticated... precocious little shit.

K₂: I'm not defending her. I'm on your side.

K₁: I'm not blaming her, because I don't expect her to act any differently when her father is such a selfish son of a bitch.

K₂: Barbara!

K₁: Be a father! Help me!

K₂: I am her father, goddamn it!

K₁: Yeah, her father in name only.

K₂: I have not forsook my responsibilities.

K₁: It's "forsaken", big shot.

K₂: No, actually "forsook" is also an acceptable usage.

K₁: Oh, "forsook" you and the horse you rode in on. Grow up! While you're dyeing your hair, the world is falling apart and our kid can't handle it!

K₂: You're so goddamn self-righteous, you know that? [Август: Графство Осейдж, 2013].

В анализируемом фрагменте следует отметить экспрессивность речи коммуникантов: обилие фразеологизмов, устойчивых выражений, повторы междометия "oh", что отражает эмоциональное состояние коммуникантов. K₁ использует обсценное прилагательное "fucking", которое передает эмоциональную реакцию раздражения, а также несколькословную номинацию "precocious little shit", называя так свою дочь; ядерным компонентом данной фразы служит обсценное существительное "shit".

Используя обсценную именную фразу "son of a bitch" по отношению к своему мужу, K₁ выражает возмущение его поведением. Намерением оскорбить супруга объясняется и использование коммуникантом-1 в своей последней реплике данного эпизода выражения "Oh, "forsook" you and the horse you rode in on", которое является эвфемистическим выражением, перифразой ненормативного высказывания "fuck you and the horse you rode in on". Апелля-

тив “big shot” также имеет негативный вектор – он отражает иронию, используя которую K_1 выражает негативный настрой по отношению к своему мужу.

Реагирующее поведение K_2 также отражает языковую агрессию, которую провоцируют нескончаемые обвинения и упреки со стороны жены (K_1): – *You’re thoughtful, Barbara but you’re not open. You’re passionate but you’re hard. You’re a good, decent, funny, wonderful woman and I love you, but... you’re pain in the ass!* [Август: Графство Осейдж, 2013].

Перейдем к **синтаксическим** особенностям вербального поведения участников семейного дискурса в некооперативном общении.

В ситуациях конфликта речь коммуникантов характеризуется частым использованием восклицательных предложений (Blow it out your ass!; You’re pain in the ass!; I am her father, goddamn it!). Использование восклицательных предложений выполняет функцию выражения сильных эмоций (раздражения, недовольства, возмущения и т.д.).

Характерно также использование побудительных предложений, которые эксплицируют директивные речевые акты:

- *I’m not hungry!*
- *Eat! Do what I say! Everyone, do what I say!*
- *No.*
- *Eat it. Mom, eat it!*
- *No! Go to Hell!*
- *Eat the fucking fish!* [Август: Графство Осейдж, 2013].

В ряде случаев коммуниканты не могут сдержать свои эмоции, что приводит к эмоциональному взрыву, которые сменяются состоянием раскаяния. В подобных ситуациях используются экспрессивы, иллокутивной целью которых является выражение психологического состояния говорящего, а именно чувства сожаления:

- *I’m supposed to care about her?!*
- *You’re supposed to care about me, like I care about you.*
- *Like you cared about me when you walked out?*
- *You kicked me out!*
- *You were gone before I asked you to leave.*
- *Don’t give me this shit! I was working, for God’s sake! ... I’m sorry.* [Мачеха, 1998].

Короткие утвердительные предложения убеждают нас в нежелании коммуниканта развивать конфликт:

- *Oh, look, honey, our Charles has got the TV on. This one watches so much TV. It’s rotted his brain.*
- *I... I just...*
- *What was that I caught you watching the other day?*
- *I don’t remem...*
- *You do so remember! Some dumb talk-show about people swapping wives.*
- *I don’t remember* [Август: Графство Осейдж, 2013].

Любопытно отметить паузы, которые выдерживает коммуникант для того, чтобы выделить последующую фразу, придав ей более сильное эмоциональное звучание: *“You’re thoughtful, Barbara but you’re not open. You’re passionate but you’re hard. You’re a good, decent, funny, wonderful woman and I love you, but... you’re pain in the ass!”*.

Повторение слов/фраз одним коммуникантом может оказывать психологическое давление на другого коммуниканта: *“Eat the fish, bitch! Did you eat your fish? Eat your fish, eat your fish, eat your fish, eat your fish!”*.

Синтаксическое своеобразие речи коммуникантов также проявляется в использовании неполных предложений. В условиях непосредственного персонального общения, в частности в ситуациях конфликта, когда коммуниканты испытывают сильные эмоции, такая речь естественна. В связи с этим характерно использование эллиптических предложений: – *Pretty fucking sophisticated... precocious little shit*. В данном примере, как видно, отсутствует подлежащее и сказуемое: **[She is] pretty fucking sophisticated... *[She is] precocious little shit*. Отсутствие одного или нескольких членов предложения не затрудняет общее понимание высказывания, смысл которого понятен из контекста.

Итак, речь участников семейного дискурса в ситуациях некооперативного общения маркирована использованием инвективной (пейоративной и обценной) лексики. В ситуациях конфликта под влиянием эмоций коммуниканты часто используют восклицательные предложения для передачи состояния неудовольствия или раздражения. В речи говорящих также имеют место директивные и экспрессивные речевые акты. Кроме того, выявлены случаи использования повторов, которые усиливают высказывания говорящих или оказывают психологическое давление на адресата.

Литература:

1. Емельянов, С. М. Практикум по конфликтологии – С. М. Емельянов. – СПб., 2009.
2. Растишевская, Е. В. О явлении коммуникативного конфликта / Е. В. Растишевская // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы III Междунар. научн. конфер. – Минск, 2009.
3. Сейранян, М. Ю. Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагмалингвистический аспекты / М. Ю. Сейранян. – М., 2012.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОФИЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА КОМПЬЮТЕРЩИКОВ

Е. В. Костина, Н. Е. Меркулова
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
химико-технологический университет» (Иваново)

SOME SPECIFIC TRAITS OF NONFORMAL DISCOURSE OF PROFESSIONAL COMPUTERS USERS

E. V. Kostina, N. E. Merkulova

В статье рассматриваются некоторые характеристики неофициального англоязычного и русскоязычного компьютерного дискурса. Особое внимание уделяется роли игровых языковых средств, шуткам и анекдотам как артефактам этого вида развлекательного дискурса.

Summary. The article deals with some specific traits of unofficial discourse of English and Russian professional computer users. Much attention is paid to some methods of professional slang creating as well as some language artifacts such as jokes and anecdotes.

Интенсивное развитие информационных технологий (ИТ), как известно, обусловило не только появление и развитие специальной терминологии, но и обширной профессиональной субкультуры, объединяющей как специалистов по информационным технологиям, так и широкий круг пользователей, представителей разных профессий, чья профессиональная или досуговая деятельность связаны с применением компьютера, так называемых компьютерщиков. В этой среде существует довольно большая социопрофессиональная группа, которая не только изобретает оригинальные термины (см., например, историю появления ныне общеизвестного понятия *wiki* [2]), но и формирует «хакерскую» субкультуру, яркой особенностью которой является особый социолект, «компьютерный сленг», т. е. собственный язык.

Продуктивное изучение лингвистических особенностей письменной и устной речевой деятельности специалистов и неспециалистов, связанных с ИТ, позволяет говорить о сформированности не только в виртуальном, но и в реальном коммуникативном пространстве, профессионального дискурса. Последний обладает как универсальными дискурсивными характеристиками [1], так и специфическими, анализу которых мы и посвящаем наше исследование.

Неофициальный компьютерный дискурс, т. е. «социальное взаимодействие» и «ролевое исполнение речевой деятельности» [4] при коммуникации специалистов по ИТ мы, вслед за С. В. Черновой, относим к дискурсу развлекательного типа и понимаем под ним «совокупность тематически и функционально обусловленных текстов со значением развлекательности, направ-

ленных на воздействие на духовную, социальную и эмоциональную сторону слушателей» [4, с. 122]. В нашем случае – пользователей. Коммуникативные стратегии развлекательного дискурса, определенные В. И. Карасиком, как «привлекающая, интригующая, кульминационная и эмпатическая» [1, с. 254], в полной мере проявляются, на наш взгляд, в неофициальном компьютерном дискурсе. Реализации этих стратегий способствует его особое лингвистическое и экстралингвистическое оформление – с учетом времени и ситуации общения, статуса его участников, их языкотворческого потенциала и т. д.

Учитывая историю формирования самих информационных технологий и их метаязыка, нельзя не отметить лингвистическое сходство между англоязычным дискурсом и русскоязычным. Как мы писали ранее [1, 3], последний, особенно на ранних этапах своего развития, был часто двуязычным, а в настоящее время – изобилует транслитерированной лексикой, метафорами, каламбурами и оформляется согласно речевым стратегиям, характерным для оригинального дискурса – англоязычного.

Изначально позиционируя себя как сообщество, которое не следует ничьим правилам, кроме собственных и, создавая свой язык и свою культуру, его представители, как и при решении технических задач, предпочитают нестандартность номинации, языковую необычность (семантическую, фонетическую, орфографическую), экспрессивность выражения. По этой причине важнейшей неотъемлемой чертой анализируемого нами дискурса являются тонкая ирония, юмор, выразительная языковая игра. Отметим, что это совсем не простая интеллектуальная и лингвистическая задача: надо показать не только свою профессиональную состоятельность, но и лингвистическую компетентность, умение выразиться ярко и «скаламбурить».

Как отмечает Эрик Реймонд, специалист по ИТ и исследователь языка компьютерщиков, «корпоративные шутки» (in-jokes) имеют важную социальную роль и помогают определить «своих» и «чужих» (“We are people who laugh at the same things”) [6]. Так, например, один из форумов с анекдотами и комментариями к ним имеет рубрику “Armed and Dangerous” с подзаголовком “Sex, software, politics, and firearms”. Важную смысловую нагрузку имеет и слоган “Life’s simple pleasures”.

На основе материалов специальных англоязычных и русскоязычных сайтов, волонтерских словарей, анкетирования молодых специалистов в области ИТ и студентов, обучающихся по специальностям, связанным с информатикой, нами было проведено изучение основных социолингвистических характеристик официального (на терминологическом уровне) и неофициального (различные социолекты) компьютерного дискурса и выявлены их особенности, связанные с реализацией в них игровых языковых практик, типичных языковых приемов.

Коллекции шуток и анекдотов, размещенные на специальных сайтах и форумах, позволяют изучать их как важные артефакты, существующие в виде афористичных языковых миниатюр, в которых отражаются особые когни-

тивные модели, традиционно используемые этой социальной группой, строгие правила коммуникации, известные только «посвященным», а также принятые в этой среде игровые языковые приемы. Среди наиболее часто применяемых можно назвать метафору, паронимию, омонимию, креативную неологизацию, что особенно часто используется в качестве эксплицитной или имплицитной инвективы (ср.: suits, stupid = non-programmers; black swan, black elephant; slashie, etc) [5].

Анализ русскоязычного дискурса показывает, что он отличается не только вкраплением в русский текст англоязычных элементов, но и большим количеством слов, транслитерированных с английского языка на русский. Богатые флективные возможности русского языка позволяют творчески соединять англоязычные основы с русскими суффиксами (ср: гуглить, дельфист, стрейфиться, софты, гиги, баки, дела и т. д.).

В заключение заметим, что языковая игра широко используется не только ради игры: нестандартные языковые средства, сложные метафоры, аллюзии на прецедентные ситуации, высказывания, имена и т.д. привлекают внимание членов сообщества (пользователей), вовлекают их в процесс распознавания скрытых смыслов высказывания, подтекстов, т. е. в интеллектуальную работу.

Литература:

1. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик // Волгоград: Парадигма. 2014. – С. 248–265.
2. Костина, Е. В. Этимология слова *wiki* и его функционирование в современном английском языке / Е. В. Костина, Н. К. Иванова // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Сборник научных статей. – Иваново: ИГУ, 2013. – 280 с. – С. 95–105.
3. Костина, Е. В. Профессиональный юмор в среде компьютерных специалистов: от термина к анекдоту (на материале английского и русского языков) / Е. В. Костина // Сборник тезисов Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0» (Москва, 13–15 апреля 2016 года). – Москва: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2016. – 956 с. [Электронное издание] – С. 402–405.
4. Чернова, С. В. Коммуникативные стратегии развлекательного дискурса / С. В. Чернова // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания. Материалы Второй научно-практической конференции. – Москва: МГИМО, 2015. – С. 121–125.
5. MacFedris, P. Word Spy. The Word Lover's Guide to Modern Culture / P. MacFedries. – Режим доступа: <http://www.wordspy.com>. (дата обращения: 18.05.2015).
6. Raymond, E. The social utility of Hacker humor/ E.Raymond. – Режим доступа: <http://esr. ibiblio.org/?p=2520> (дата обращения: 18.05.2015).

«КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ» КАК ПРОБЛЕМНЫЙ КОНЦЕПТ

И. В. Кузнецов

*ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный театральный институт»
(Новосибирск)*

«COMMUNICATIVE STRATEGY» AS PROBLEMATIC CONCEPT

I. V. Kuznetsov

Summary. The paper focuses on the topic of “communicative strategy”. Generation of “communicative strategy” concept as a result of intensive using corresponding term is considered. Using of this term in Russian scientific context is shaped. Possible classification of communicative strategies is proposed. Producing heuristic potential of this term as sensual centre of humanities is marked.

Понятие «коммуникативная стратегия», будучи введено в научный оборот Т. ван Дейком [3] в контексте неориторических идей Х. Перельмана, создало термин, вокруг которого сконцентрировалась новая научная парадигма. При этом само понятие, как нередко бывает в подобных случаях, осталось слабо отрефлектированным. Однако срок функционирования новой парадигмы исчисляется уже десятилетиями, и термин «коммуникативная стратегия», используемый не слишком критически, требует более или менее определённого семантического наполнения.

В российской научной традиции имеется несколько более или менее фиксированных трактовок этого термина. Одна из наиболее авторитетных принадлежит В. И. Тюпе, который, развивая и в структурном смысле сближая классическую риторику Аристотеля и неориторику, определяет коммуникативную стратегию как «модальное позиционирование субъекта, объекта и адресата высказывания в рамках конфигурации трёх дискурсообразующих компетенций: креативной (метасубъектной), референтной (метаобъектной) и рецептивной (метаадресатной) [12, с. 73]. Такое определение соответствует поставленной учёным задаче создания «сравнительной риторики», которая с помощью интегрированного инструментария разных школ как раз и направляется на выявление и классификацию наиболее общих в коммуникативной практике человечества стратегий.

Развитие идеи «сравнительной риторики» привело учёного к введению понятия *дискурсной формации*, которое развивает понятие стратегии, выводя его из рамок собственно риторики как теории коммуникации и преломляя в более универсальном социокультурном аспекте. Интерпретируя использование понятия «формация» у М. Фуко и М. Пешё, В. И. Тюпа даёт следующую формулировку: «Дискурсную формацию можно определить как *культурообразующую организацию коммуникативного пространства социальной жизни посредством архитектурной конфигурации инстанций метасубъекта,*

метаобъекта и метаадресата всех дискурсов, возможных в рамках данной формации» [11, с. 97]. Очевидно, что здесь идёт речь о предмете, который фундаментальным образом связан со стратегией речевого взаимодействия, хотя и покрывает более широкую область социальных практик.

Далее, в ряде наших работ рассматривались внутренние принципы эволюции национальной словесности как системы речевой коммуникации [5], [6]. В контексте идеи Д. С. Лихачёва, который высказался о необходимости рассматривать национальную словесность в целом, как «макрообъект», или «макропредмет» [7, с. 5], мы ввели понятие «макродискурс», которое призвано было отразить, с одной стороны, эту самую целостность предмета, с другой – его коммуникативную речевую природу. Мы показали, что эволюция словесности имеет диалектическую основу. Так, в начале русского средневековья, в качестве диалектической противоположности письму, появление которого положило начало этой эволюции, выступила устная народная словесность. Письменной и устной словесности были свойственны разные типы риторики. Отношения этих риторических систем: их размежевание, взаимодействие, модификация – подчинялись некоторым закономерностям, эксплицирование которых и составило главное содержание нашего исследования. Дискурсивный анализ отдельных, наиболее показательных памятников русской книжности позволил выявить такие закономерности. Эти закономерности получили название *макродискурсивных стратегий* [5, с. 78].

Наконец, о диалогических стратегиях, присущих всякому высказыванию, пишет Н. В. Максимова [8]. Её исследования базируются на бахтинской идее диалога как универсального свойства речи, имплицированного во всяком конкретном высказывании. Поэтому в качестве речевой стратегии рассматривается способ отношения к чужому слову, присущий тому или иному высказыванию. «Под коммуникативной стратегией понимается значимая для речевого поведения языковой личности соотнесённость 1) типа позиции в коммуникации (в данном случае позиции по отношению к «чужому» / «другому») и 2) языкового способа представления этой позиции» [8, с. 15].

Очевидно, что охарактеризованные понятия на данном этапе не являются типологическими. Тем не менее они базируются на одном термине: «коммуникативная стратегия». Осознавая это противоречие, мы предлагаем ввести некую – возможно, рабочую и предварительную – иерархию дискурсивных моделей (коммуникативных стратегий). В рамках этой иерархии будут выделяться три уровня: дискурсивные формации, охватывающие весь спектр дискурсивных практик культуры; макродискурсивные стратегии, характеризующие некоторый этап становления национальной литературы; и жанрообразующие стратегии, влияющие на формирование «первичных», по выражению М. М. Бахтина [1, с. 239], речевых жанров.

Представляется, что иерархические различия между этими разновидностями дискурсивных моделей имеются, но они не носят таксономического характера, подобного тому, как жанры воспринимаются разновидностями ли-

тературных родов. Проще говоря, та или иная дискурсивная формация не предполагает, что в её рамках будет функционировать только определённый, жёстко заданный набор макродискурсивных стратегий; точно так же, как та или иная макродискурсивная стратегия не предполагает, что в её рамках возможен лишь определённый набор жанровых стратегий.

Названные дискурсивные модели не просто принадлежат к разным уровням коммуникации (которые относительно друг друга действительно могут быть представлены таксонометрически), но и вычленяются на различных основаниях, то есть с разных (хотя и не конфликтных) методологических позиций. Дискурсивные формации (В. И. Тюпа) – парадигмы общекультурной коммуникации, и основанием для их выделения служит определённый тип ментальности, создающий культурные отношения. При этом в одной культуре может одновременно существовать несколько субкультур, связанных с определёнными стратами, в которых доминируют разные типы ментальности, а значит, эти субкультуры подчиняются правилам разных дискурсивных формаций.

Макродискурсивные стратегии – это доминантные модели, соответствующие той или иной фазе в эволюции словесности, понимаемой именно как макродискурс, то есть макропредмет. Их феноменологический принцип неразрывно связан с представлением о телеологической финитности эволюционирования словесности (как, впрочем, и культуры) в рамках замкнутых циклов. Здесь отправной точкой суждения выступает интуиция магистральной логики литературного процесса и его диахронической стадийности. При этом не приходится предполагать одновременного доминирования (а вернее, – сосуществования, поскольку о субдоминантности здесь речь не идёт) двух или более макродискурсивных стратегий: их смена в составе цикла совершается хотя и не одновременно, однако бесповоротно.

Наконец, жанровые стратегии – это дискурсивные модели построения конкретных высказываний, рассматриваемых как единичные, но классифицируемые предметы. Поскольку всякое высказывание в словесности представляет собой «вторичный», по выражению М. М. Бахтина [1, с. 239], речевой жанр, сложно организованный в дискурсивном отношении, составленный из ряда высказываний «первичных» жанров, вступающих между собой как в синтагматические, так и в парадигматические отношения, то можно говорить о стратегии жанра как целого и о стратегиях первичных жанров. Жанровые стратегии отличаются наиболее чёткой параметризацией; и по мере перехода на уровень текстов первичных высказываний провоцируют стремление к лингвистически скрупuléзному типу дескрипции.

Классификация жанровых стратегий сталкивается с затруднениями, которые связаны а) со «вторичным» характером жанров словесности; б) с отсутствием типологии «первичных» жанров, проблема которой до последнего времени даже не ставилась. Первое затруднение, связанное с необходимостью при классифицировании работать на текстовом уровне, а значит, как

правило, вычленять первичные жанры и определять их доминирующие стратегии, очевидно вытекает из второго. Второе же требует поиска оснований непротиворечивой классификации, позволяющей сопоставить все возможные разновидности высказываний и присущих им текстов.

Ставя вопрос о классификации, мы исходили из того, что понятие «коммуникативная стратегия» как на Западе, так и в России используется не очень критически. Может создаться впечатление, что в нашем взгляде имеющаяся «размытость» содержания понятия является однозначно негативной характеристикой. Однако, с нашей точки зрения, это вовсе не так. В науке нередки случаи, когда интуиция некоего феномена, ещё не схваченного и не оформленного средствами жёсткой логики, заставляла вводить термин почти метафорического свойства, «указывающий» на само существование этого феномена и провоцирующий динамическую организацию вокруг него семантического поля. И это обстоятельство уже становилось предметом научной рефлексии.

Так, ещё в 1970-е годы Ю. А. Шрейдер обратил внимание на то, что, помимо текстов, указывающих на известный денотат, есть и тексты, «для которых обозначаемое начинает существовать только в момент создания самого текста» [13, с. 153]. Исходя из этого, учёный предложил дифференцировать «тексты традиционной семантики» и «тексты, порождающие семантику». Если в первых транслируются концепты, относящиеся к известному денотату, то вторые сами создают фактом своего существования новый денотат.

Это наблюдение очевидно перекликается с мыслью М. М. Бахтина о том, что существуют два направления гуманитарного исследования: «Можно идти <...> к языку автора, языку жанра, направления, эпохи, национальному языку (лингвистика) и, наконец, к потенциальному языку языков (структурализм, глоссематика). Можно двигаться ко второму полюсу – к неповторимому событию текста» [2, с. 285]. Второй из названных путей акцентирует диалогическую событийность текста – высказывания, в котором осуществляется приращение смысла. В связи с идеями Бахтина и Шрейдера нам в своё время приходилось говорить о двух моделях исследования, которые были нами обозначены как «адекватность» и «смыслополагание» [4]: во втором случае как раз нащупываются, проектируются принципиально новые смыслы, для метафорического обозначения которых используются и небывалые прежде термины.

Наконец, М. Н. Эпштейн, опираясь на убеждение в существовании терминов, самостоятельно организующих новый смысл, пришёл даже к созданию продолжающегося «проективного словаря», содержащего реестр такой терминологии. Проективный словарь, как он мыслится и осуществляется учёным, это «порождающий» жанр: «Он содержит термины и понятия, которые *впервые предлагаются* для употребления, т.е. именно посредством словаря вводятся в жизнь и мысль философского сообщества». Он «проектирует будущие дискурсы и тенденции в развитии данной дисциплины, очерчивает

круг ее концептуальных и терминологических возможностей» [9, с. 5]. Ю. С. Степанов ввёл для обозначения таких «точек актуальности», возникающих в научном и социокультурном дискурсе, как места встречи различных повесток, слово *изотемы* [10, с. 9].

Таким образом, концепт «коммуникативная стратегия», будучи до сих пор открытым, незавершённым, с одной стороны, требует упорядочивания находящихся в его поле значений; с другой – остаётся «точкой актуальности», продолжающей инициировать порождение смыслов в гуманитарном дискурсе.

Литература:

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подг. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1979. – С. 237–280.
2. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подг. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1979. – С. 281–307.
3. Дейк, Т. А. ванн. Макростратегии / Т. А. ванн Дейк, В. Кинч // Дейк, Т. А. ванн. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / сост. В. В. Петрова; пер. с англ.; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 41–67.
4. Кузнецов, И. В. Адекватность и смыслополагание: две модели исследования / И. В. Кузнецов // Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / под общ. ред. А. А. Брудного, А. В. Уткина, Е. И. Яцуты. – М.: Смысл, 2006. – С. 69–73.
5. Кузнецов, И. В. Историческая риторика: стратегии русской словесности / И. В. Кузнецов. – М.: РГГУ, 2007. – 320 с.
6. Кузнецов, И. В. Теоретическая история, диалектика и риторика русской литературы / И. В. Кузнецов // Вопросы литературы. – 2011. – № 3. – С. 181–224.
7. Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили / Д. С. Лихачев // АН СССР, Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1973. – 254 с.
8. Максимова, Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия / Н. В. Максимова. – М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 317 с.
9. Проективный философский словарь: новые термины и понятия / Г. И. Бревде, Д. Ю. Гольяноко, С. А. Евстратов; под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003. – 512 с.

10. Степанов, Ю. С. Вступительное слово к конференции 30-31 октября 2006 года / Ю. С. Степанов // Гуманитарная наука сегодня: материалы конференции / под ред. Ю. С. Степанова. – М.; -Калуга: Эйдос, 2006. – С. 9–19.

11. Тюпа, В. И. Актуальность неориторики / В. И. Тюпа // Тюпа, В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 75–99.

12. Тюпа, В. И. Основания сравнительной риторики / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 66–87.

13. Шрейдер, Ю. А. Текст, автор, семантика / Ю. А. Шрейдер // Семиотика и информатика. – Вып. 7. – М., 1976. – С. 154–168.

ОЦЕНКА КАК ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИА-ТЕКСТА

О. Г. Лукошус, А. А. Бузыкина

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва)

EVALUATION AS A CHARACTERISTIC OF MEDIA-TEXT

O. G. Lukoshus, A. A. Buzykina

Summary. This article focuses on the study of the role of evaluative components in the organization of a media text. The research suggests that evaluation is the essential component of the media-text. A given component dominates and accomplishes the following target: to arrest reader's attention, express relation to the object and convey emotions and feelings.

На сегодняшний день масс-медиа нацелены на освоение социального контекста жизни человека, на взаимодействие коммуникативных субъектов и на осознанное оперирование информацией. Задачей масс-медиа является удовлетворение потребности общества в освоении социального контекста, осознании актуальной реальности [3, с. 183].

Коммуникативный проект масс-медийного дискурса заключается в непосредственном воздействии на общественное сознание и на социальную практику. Дискурс масс-медиа, результатом которого является медиа-текст, направлен на вписывание социальной практики человека, динамики мысли, его волю в тексты культуры. Характерными признаками масс-медийного дискурса, а также текста, являются открытость и сфокусированность на социальных фактах и их оценочность [5, с. 18].

Оценка становилась объектом разных исследований разных учёных (см., например, [3], [5], [6]). Разные ученые под оценкой понимают одну из важных сторон интеллектуальной деятельности человека, а также важную характеристику медиа-дискурса, которая выражается в семантической структуре слова в виде оценочного компонента и присутствует в любом тексте, в том

числе и в медиа-тексте. Под оценкой в данном исследовании понимается приписывание объекту характеристики *хорошо / плохо*.

Известно, что в тексте оценка чаще всего является частью общего изложения и связана с дескриптивной стороной текста в целом. В тексте так или иначе компенсируется смысловая неполнота и неоднозначность оценки. Значение оценки восполняется общими для участников общения знаниями и нормами, так как оценка тесно связана с ситуацией общения. При отсутствии такого рода знаний, говорящий дополняет оценку дескриптивными характеристиками объекта. В тексте оценка выражается комбинированно, с помощью языковых и текстовых средств. Необходимо отметить, что способы выражения оценки зависят от стилей текстов [1, с. 218].

В публицистическом стиле, к которому относятся медиа-тексты, оценочность представляется как специфическая стилевая черта, поскольку оценка предмета речи является одним из принципов создания текста. Оценочность речи ярко проявляется в полемике, критике, а также в различных видах оценки освещаемых событий. Для выражения оценки используются различные прилагательные и существительные, различные средства фразеологии, а также экспрессия, например: *гениальное произведение, величие, золотые руки*. Для выражения отрицательной оценки используются такие прилагательные и существительные, как *лживость, трусость, фашистский, террористическая организация, экстремистский*. Оценка может присутствовать как в отдельных микротекстах, так и во всем тексте, и в этом случае оценочные единицы окрашивают весь текст. Таким образом, оценка так или иначе присутствует в любых видах текста, даже если она не выражена эксплицитно [1, с. 220].

В лексическом наполнении медиатекста учитываются социально-культурные установки. Например, в британских и американских СМИ важную роль играет политкорректность. Помимо политкорректности, не маловажную роль играет категория оценки в новостном жанре медиадискурса. Известно, что в англоязычных странах существует запрет на законодательном уровне на выражение оценки в новостных материалах. Тем не менее исследования показывают, что оценка в новостном дискурсе СМИ все же используется, но меняет свой характер и становится опосредованной.

Обратимся к примерам, иллюстрирующим реализацию оценки в статьях и рассмотрим роль и функции оценочных единиц в тексте (Перевод выполнен мной. – А.А.).

Greek officials told Associated Press that Monday's returns could start from the island of Lesbos and involve migrants whose asylum claims were considered inadmissible, including those from Pakistan. – Греческие чиновники поделились с Ассошиэйтед Пресс, что в понедельник с острова Лесбос может начаться возвращение мигрантов, что может привлечь мигрантов из Пакистана, чьи ходатайства о предоставлении убежища были признаны **недопустимыми**. В данном примере оценочность проявляется в оценке освещаемого события, то

есть миграционного кризиса. В данном случае реализуется рациональная отрицательная оценка, выраженная частнооценочным прилагательным *inadmissible*. Рациональность реализуется в возможности судить о предшествующем действии, а отрицательность префиксом *-in*.

In case of severe delays on the way to Dover, make sure you have enough food and water. – В случае **серьезных** задержек на пути в Дувр, убедитесь, что у вас **достаточно** еды и воды: в данном примере присутствует рациональная оценка, выраженная общеоценочными прилагательными *severe* и *enough*, которые, в свою очередь позволяют сделать вывод, что этой оценке предшествовало какое-то действие.

There are serious doubts about this. – Есть **серьезные** сомнения по этому поводу: в данном примере реализуется рациональная оценка, так как присутствует возможность спора и размышления, а также этой оценке предшествует определенное событие. Такой вид оценки выражен общеоценочным прилагательным *serious*.

Most of the migrants there are from Syria, Iraq and Afghanistan, and for weeks they have slept in tents or blankets out in the open with poor sanitation and little food. – Большинство мигрантов приехали из Сирии, Ирака и Афганистана, и около недели они уже спят в палатках или на одеялах под открытым небом, где **царит антисанитария**, а также у них **мало еды**: в данном предложении присутствует эмоциональная оценка, выраженная частнооценочными прилагательными *poor* и *little*. Так как оценка тесно связана с ситуацией общения, читатель обращает внимание на оценку. Согласно рабочему определению оценки, с помощью прилагательных *poor* и *little* условиям жизни мигрантов приписывается характеристика **плохо**.

He estimates that 95 % of Bulgarians support him, describing the migrants as dangerous "terrorists, jihadists and Taliban". – По его оценкам, 95 % болгар поддерживают его, называя мигрантов **опасными "террористами"**, «джихадистами» и **"Талибами"**: в данном примере реализуется эмоциональная оценка за счет использования ассоциативных существительных и прилагательных, которые несут негативную коннотацию (*terrorists, jihadists and Taliban*). Такой вид оценки выражен частнооценочным прилагательным *dangerous* и ассоциативными лексемами.

Valev can be heard insulting the refugees and saying that they came from Syria "to kill us like dogs". – Оскорбляя беженцев и говоря, что они приехали из Сирии, «чтобы убить нас **как собак**», Валев рискует быть услышанным: в данном примере реализуется эмоциональная оценка, так как присутствует сравнение *like dogs*. Такой вид оценки выражен не прилагательным, а экспресивной конструкцией, построенной на ассоциации и сравнении.

Meanwhile, the failure of European leaders to deal with the migrant crisis is seen as "definitive proof that the European Union is a tired, wrinkled old grandmother who has allowed herself to be groped and raped by lustful and predatory men," he says. – Между тем, **неспособность европейских лидеров справиться**

с миграционным кризисом рассматривается как "окончательное доказательство того, что Европейский союз – это усталая, морщинистая старая бабушка, которая позволила себе быть обшуганной и изнасилованной похотливыми и хищными мужчинами", – говорит он: в данном высказывании присутствует эмоциональная оценка, выраженная частнооценочным прилагательным *definitive*. Но с другой стороны, это прилагательное можно отнести к рациональной оценке, так как есть возможность присутствия спора. Также в данном примере присутствует ярко выраженная экспрессивность, построенная на сравнении Европейского союза со старой бабушкой.

Fear of migrants has become a powerful focal point for popular discontent about many unrelated problems, according to Haralan Alexandrov a social anthropologist at the New Bulgarian University, who says Bulgarians are no more or less xenophobic than any other Europeans. – Страх перед мигрантами стал **мощным** фокусом народного недовольства в рамках многих **не связанных с ними** проблем, Харалан Александров, социальный антрополог нового болгарского университета, говорит, что болгары не являются ксенофобами в отличие от других европейцев: в данном случае в тексте присутствует эмоциональная оценка, выраженная частнооценочным прилагательным *powerful* и рациональная оценка, выраженная частнооценочным прилагательным *unrelated*.

Таким образом, масс-медийный дискурс представляет собой многомерное явление. Специфика медиа-дискурса и медиа-текста в частности заключается в преобладании массового адресата. Употребление оценки в текстах СМИ вызвано положительным или отрицательным отношением говорящих к тому или иному событию, а также к участникам этого события. Данные исторические события находят свое отражение в языке благодаря использованию говорящими различных оценочных единиц.

Литература:

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 218–225 с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 4-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 280 с.
3. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т. Г. Добросклонская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 22. – № 13. – С. 181–187.
4. Лукошус, О. Г. Особенности семантической структуры многозначного слова (на примере английского синонимичного ряда *true, loyal, faithful*) / О. Г. Лукошус // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2014. – №1. – С. 53–61.

5. Солганик, Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) / Г. Я. Солганик // Язык современной публицистики: сб. статей. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 13–30.

6. Титова, О. А. О понятии «оценка» и ее семантической интерпретации / О. А. Титова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2009. – № 2. – С. 109–112.

КВЕСТ КАК ОСНОВНОЙ СЦЕНАРИЙ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. НОРТОН)

Е. В. Медведева

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

QUEST AS A MAIN SCENARIO OF FANTASY GENRE (BASED ON THE WORKS BY A. NORTON)

E. V. Medvedeva

Summary. The paper studies the literary genre of fantasy in its connection with mythology. Mythological scenario of quest as well as archetypes of Hero and Journey is used in most fantasy works. The specific features of quest in fantasy genre are: travelling in space (time), having some mission and spiritual transformation of the main hero. The analysis shows that the main stages of quest can be traced in the works by A. Norton.

Фэнтези как явление занимает достаточно большое место в современной культуре, являясь не только одним из самых популярных литературных жанров, но также повлияв на развитие современного кинематографа, живописи, музыки, компьютерных игр и т. д. Как отмечает А. В. Демина, «подобная жанровая универсальность постепенно превращает фэнтези не просто в феномен современной культуры, а в своеобразную культурную систему, функционирующую по собственным законам и обладающую оригинальной философией» [1, с. 326].

Сложный комплексный характер данного явления вызывает многочисленные споры относительно истоков возникновения фэнтези, его жанровой природы и его места в фантастической литературе. Являясь жанром фантастической литературы, фэнтези генетически связано с волшебной сказкой и героическим эпосом, с рыцарским романом и литературой романтизма. Оно использует и обновляет постоянные мифические и сказочные образы, мотивы, сюжеты в сочетании с жизненным материалом истории и современности.

Одним из отличительных признаков фэнтези как жанра является детально разработанный образ Другого мира. Создавая свою собственную целостную картину этого (фантастического) мира, авторы фэнтези опираются на особое мироощущение и миропонимание, которое нередко сопровождается вос-

созданием мифо-синкретических структур мышления [4, с. 295]. Все это дает право исследователям говорить о возможности трактовать фэнтези через миф, рассматривая его как неомифологическую реальность.

Мифологизм фэнтези довольно явный и отражает стремление автора создать свою собственную фантастическую мифологию, основываясь на древних мифологических системах. Модель мира в фэнтези обладает такими свойствами мифологического мышления, как «невыделенность человека из окружающей среды, персонализация добра и зла, очеловечивание природных явлений, отождествление микрокосма и макрокосма, пространственно-временной синкретизм, бинарная логика и пр.»[1, с. 328].

Мифологическое мышление основывается на неких коллективных представлениях или архетипах, обращаясь к которым, авторы фэнтези делают свои модели мира более убедительными. Самыми яркими (и популярными в литературе фэнтези) являются архетипы Героя и Пути. В связи с этим наиболее распространенным сюжетным сценарием становится «квест».

Сам термин «квест» (от англ. *Quest – путь, поиск*) означает такой способ построения сюжета, при котором персонаж путешествует к определенной цели через преодоление различных трудностей. Следует отметить, что мотив путешествия (пути) не является чем-то уникальным, присущим лишь жанру фэнтези, поскольку встречается в литературных произведениях разных жанров, но путешествие героя в фэнтези имеет ряд отличительных особенностей.

Как отмечает Я. В. Королькова, квест в фэнтези определяется тремя главными его составляющими: 1) герой путешествует в пространстве (времени); 2) путешествие героя имеет определенную цель (миссию); 3) в процессе пути предполагается внутреннее, качественное изменение героя [2, с. 213]. При этом путь героя проходит через набор обязательных этапов, его цель носит глобальный, а не личный характер: установление природного равновесия между Добром и Злом, спасение своего мира, определение своего места и предназначения в окружающей действительности. Последнее, в свою очередь, связано с кардинальным изменением мировоззрения героя, это своего рода путь к себе.

Джозеф Кэмпбелл в своем исследовании «Тысячеликий герой» подчеркивает, что «путь мифологического приключения героя обычно является расширением формулы всякого обряда перехода: уединение – инициация – возвращение: которую можно назвать центральным блоком мономифа. Герой отваживается отправиться из мира повседневности в область удивительного и сверхъестественного: там он встречается с фантастическими силами и одерживает решающую победу»[3].

Инициация как испытание имеет целью смену социального или иного статуса, а следовательно предполагает разрушение социальной роли, отказ от культурных функций и отрыв от социальной группы. Все это в мифе предвзрывается призывом, который часто сопровождается предупреждением о смертельной опасности или обещаниями необычайного блага [3]. По своей сути

обряд инициации неразрывно связан с идеей смерти и нового рождения – рождения в новом статусе.

Рассмотрим особенности реализации квеста в произведениях А. Нортон. Все герои анализируемых произведений начинают свое странствие после получения призыва к путешествию, при этом необходимость путешествия определяется различными причинами. Так, в романе «Forerunner Foray» главная героиня вынуждена отправиться в путь сначала по воле своих хозяев, а затем продолжает свое путешествие в ином мире, чтобы спасти себя и своего спутника, в романе «Storm Over Warlock» смертельная опасность угрожает как самому герою, так и его народу и, возможно, всему человечеству в целом. В таких произведениях, как «Elvenblood» и «Flight In Yiktor» начало путешествия обусловлено смертельной опасностью для героев, которые затем становятся ключевыми фигурами в борьбе между Добром и Злом. В повести «Gifts of Asti» путешествие героини вызвано необходимостью возродить жизнь, так как ее собственный мир разрушен врагами, а в романе «Sorceress Of the Witch World» героиня пытается найти помощь, чтобы не позволить Злу нанести вред своему миру.

В некоторых случаях, например в романе «Voodoo Planet», путешествие вызвано просьбой о помощи, подкрепленной обещанием большой выгоды, а затем превращается в ряд испытаний, представляющих смертельную опасность для персонажей. И наконец, странствования главных героев могут начинаться в результате прохождения общепринятого в племени обряда инициации – «Star Born».

Следует отметить, что в начале пути герои фэнтези А. Нортон в основном имеют низкий социальный статус, они слабы, занимают подчиненное (даже рабское) положение или являются изгоями. Выполняя задачи, которые ставятся перед ними квестом, они перерождаются, обретая себя, осознавая свое истинное место и роль в мире, и обретая новых друзей. Одни из них развивают свои магические способности, другие – уверенность в себе, а третьи осознают, что их «инаковость» не является каким-то недостатком, но достоинством, открывающим новые возможности. Таким образом, происходит их инициация в новом качестве, в роли полноценных членов общества.

Важным этапом путешествия, по Дж. Кэмпбеллу, является пребывание героя в ином мире, которое необходимо герою для того, чтобы получить силы для дальнейшего прохождения пути и выполнения своей миссии. Варианты пребывания в ином мире у А. Нортон также несколько различаются друг от друга. В романе «Forerunner Foray» главная героиня оказывается в гробнице вождя, совершив скачок во времени, в теле предводительницы восстания, которая была замурована заживо. Ей удастся выбраться только благодаря своим способностям и поддержке друга.

В свою очередь, в романе «Storm Over Warlock» герои погружаются в особый сон-транс, в котором они должны найти выход из своих кошмаров, чтобы получить помощь мудрых женщин племени Wyverns. В повести «Gifts of

Asti» героиня спускается непосредственно в мир смерти чуждый всему живому, а в романе «Voodoo Planet» герои произведения – команда корабля «Королева Солнца» терпят специально подстроенную катастрофу в дальних лесах и подвергаются воздействию галлюциногенных препаратов, оживляющих их самые причудливые кошмары и т. д. Только пройдя данное испытание, герои могут выполнить свою миссию и вернуться в свой родной мир.

Таким образом, мы видим, что мифологичная основа произведений жанра фэнтези реализуется помимо всего прочего в базовом сценарии сюжета – квесте, при этом основные этапы квеста в мифологии сохраняются в произведениях фэнтези.

Литература:

1. Демина, А. В. Феномен фэнтези: определения и истоки / А. В. Демина // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2012. – № 1 (30). – С. 326–331.
2. Королькова, Я. В. Квест героя фэнтези (на материале цикла романов М. Семеновой о Волкодаве) / Я. В. Королькова // Вестник ТГПУ. – 2012. – 3 (118). – С. 213–217.
3. Кэмпбелл, Джозеф. Тысячеликий герой/ Джозеф Кэмпбелл. – Режим доступа: <http://www.litmir.co/br/?b=110099> (дата обращения: 19.06.2016).
4. Мещерякова, М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX в.: проблемы поэтики / М. И. Мещерякова. – М., 1997.
5. Norton, A. Elvenblood (Halfblood Chronicles - 2) / A. Norton, M. Lackey. – New York: Tom Doherty Associates LLC: Tor Fantasy, 1996. – 352 p.
6. Norton, A. Flight In Yiktor [Electronic resource] / A. Norton. –1986. – Режим доступа: <http://www.e-reading-lib.com/book.php?book=80640> (дата обращения: 15.10.2015).
7. Norton, A. Forerunner Foray / A. Norton. – New York: Ace Books: The Viking Press, Inc., 1973. – 286 p.
8. Norton, A. Gifts of Asti [Electronic resource] / A. Norton. –1973. – Режим доступа: <http://www.bookmate.com/r/#d=jOIMYxvg> (дата обращения: 15.10.2015).
9. Norton, A. Sorceress Of The Witch World [Electronic resource] / A. Norton. – 1968. – Режим доступа: http://aldebaran.ru/author/norton_andre/kniga_sorceress_of_the_witch_world/ (дата обращения: 15.10.2015).
10. Norton, A. Star Born / A. Norton. – New York: Ace Books: The World Publishing Co., 1957. – 190 p.
11. Norton, A. Storm Over Warlock / A. Norton. – New York: Ace Books: The World Publishing Co., 1960. – 193 p.
12. Norton, A. Voodoo Planet [Electronic resource] / A. Norton. – 1959. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/18846/18846-h/18846-h.htm> (дата обращения: 15.10.2015).

ДИСКУРС И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С. Е. Моторная

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

DISCOURSE AND PROFESSIONAL EXPERIENCE IN MODERN SOCIETY

S. Motornaya

Summary. We consider the questions the role of discourse in a successful career in this article. It is emphasized that the development of discursive thought would make the profession is not only successful, but also effective. Efficiency of activity is determined by the ability and human capacity to implement the discursive thinking strategic outlook and future management. Components of the discursive competence of the person are presented.

Успешная профессиональная деятельность основывается на способности человека осуществлять конструктивное общение, в котором не просто отсутствуют конфликты, а существует взаимопонимание и творческое мышление как результат коллективных мыслительных действий, и которое приводит к продуктивному созидающему творческому акту. Для этого важно развивать дискурсивное мышление, которое позволит сделать профессиональную деятельность не только успешной, но и эффективной. Эффективность деятельности определяется возможностью и способностью человека с дискурсивным мышлением осуществлять стратегический прогноз и управление будущим. В связи с этим, вопрос о месте дискурсивного мышления, о его становлении и воплощении в жизнь, в том числе посредством профессиональной деятельности, является актуальным и насущным.

Среди работ современных учёных, посвящённых проблеме теоретических и прикладных аспектов дискурса, можно выделить работы М. Йоргенсена, Л. Филлипс о дискурс-анализе как теоретической и методической основе социальных исследований, Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкова, В. И. Ильина и др. М. Б. Чижевская [1] анализирует культурно-исторические основы формирования западного и российского социально-политического дискурса. рассматривают дискурс с различных точек зрения. А. А. Храпова анализирует текст в системе коммуникативных связей общества, а А. Г. Русанова [2] исследует молодёжный дискурс в свете тезаурусного подхода. К. Ф. Седов [3] в монографии «Дискурс как суггестия» рассматривает модель межличностного общения и скрытые формы воздействия в повседневной коммуникации, такие как, внушение в речи, подсознательные мотивы, определяющие успех или неуспех коммуникативного взаимодействия людей.

Изменяется смысл самого понятия «дискурс», и это связано с развитием сознания личности, с усложнением коммуникационных процессов в социуме. Последнее представляет собой актуальную проблему, является предметом дискуссий, теоретических и практических исследований. Однако в научной литературе роль дискурсивного мышления в профессиональной деятельности и условия формирования дискурсивной компетенции представлены недостаточно. Поэтому цель нашей работы состоит в рассмотрении дискурса и профессиональной деятельности в современном обществе.

Проделанный нами теоретический анализ научной литературы по теме исследования показал, что определение сущности дискурса менялось с ходом истории. Согласно современным научным представлениям, дискурсивное мышление (от лат. *discursus* – рассуждение) представляет собой «форму мыслительного процесса, в котором происходит последовательный перебор различных вариантов решения задачи, чаще всего на основе связного логического рассуждения, где каждый последующий шаг обусловлен результатом предыдущего. Итогом такого мыслительного процесса является умозаключение» [4]. По правильности сделанных выводов мы можем судить о степени развитости у личности абстрактно-логического мышления. Дискурсивное же мышление как его грань обычно противопоставляют свернутому, интуитивному мыслительному процессу.

Применив модель АГОЛМ [5] к исследованию эволюционной изменчивости дискурса как вербально артикулированной формы объективации содержания сознания, мы установили, что происходит развитие сознания от коллективного бессознательного к коллективному сознательному через развитие дискурсивных форм мышления [6].

Источником развития дискурсивного мышления, в соответствии с моделью АГОЛМ, является коммуникация, в которой люди обмениваются личностными смыслами, лежащими в глубине их сознания и отражающими накапливаемый жизненный опыт. Наиболее ярко это проявляется в межкультурной коммуникации. «Анализируя "личностные" отношения, возникающие в результате процесса коммуникации, – писал Георгий Щедровицкий, – отвлекаясь от пространственно-временных условий жизни людей, мы должны поместить людей в особое "пространство" человеческой жизни, в котором происходит "свободное" движение людей; в нём они сталкиваются и взаимодействуют как независимые личности, в нём они относятся друг к другу по поводу производства, потребления и культуры. Это сфера особых, личных и "личностных" отношений. Именно она объединяет блоки системы в одно целое и образует область, без которой не может быть "общества". Все эти отношения накладываются друг на друга, взаимодействуют и, кроме того, преобразуются в новую сеть отношений уже непосредственно между людьми, определяющих качества личности и "личностную" позицию каждого человека» [7, с. 675]. В обществе в условиях дискурса всё ярче проявляются разнообразные процессы в языке, такие, как социальная интеграция, вариатив-

ность, интерференция, дифференциация и др. Поэтому выявление соотношения и механизма взаимодействия факторов лингвистики и факторов социальных становится особенно актуально, так как помогает выбрать эволюционный вектор движения человечества.

Дискурсивное мышление закладывает основы для перехода на новый, более высокий уровень сознания через хаос четвёртого этапа эволюционного развития, где существуют разные степени развития дискурса: от его превосходной степени до полного отсутствия в мышлении его элементов. Как отражение данных процессов и появляется большое число определений дискурса и его сути. Это связано с эволюционными процессами в мировой культуре и со степенью развития и гармонизации сознания автора определения. Господствующим направлением в XX–XXI веках становится постмодернизм, который способствует проявлению мультикультурализма, диалог культур на основе прозрачности и ориентации на духовность и нравственность людей. Появляется определение дискурса как связанного текста «в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессов). Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь» [8, с. 136].

После этого через точку бифуркации должен осуществиться новый этап эволюции. Человечество должно подняться на новую ступень развития, либо исчезнуть в хаосе предыдущего этапа. Поэтому очень важно совершенствовать сознание, дискурсивное мышление и способность к дискурсу в процессе коммуникации, при которой человек мыслит, действует, осуществляет общение так, что не производит вокруг себя вихрей напряжённости, агрессии, раздражения. Далее, на наш взгляд, возникнет этап трансдискурсивности, при котором появится «коллективное сознательное», целостное дискурсивное мышление, отражающее в процессе взаимодействия между людьми всю многообразную, глобальную систему факторов Мироздания.

В нашей современной жизни мы живём в пространстве культуры, которая изменяется по законам эволюции и соответствует четвёртой стадии эволюционного конуса. Сложное состояние мира, в котором мы находимся, заставляет задуматься о путях перехода через точку бифуркации в направлении вектора эволюции и условиях в обществе, которые будут способствовать успешности такого перехода. Проанализируем данные факторы.

Большую часть своей жизни мы проводим в осуществлении профессиональной деятельности и общении. От эффективности профессиональной деятельности зависит наше самочувствие, успех, благосостояние, в конечном счёте счастье. Однако сегодняшние условия осуществления профессиональной деятельности подчинены решению глобальных проблем, стоящих перед планетой. Для их решения нам необходимы коллективные усилия, которые будут продиктованы коллективным дискурсивным мышлением. Готовность к

профессиональной деятельности на психологическом плане подразумевает сегодня не только знания, умения, навыки, получаемые в университете в процессе образования, но и личностные качества, компетенции, включающие умение жить, учиться, работать и осуществлять профессиональную деятельность **вместе**.

Среди компетенций, которые задают образовательные стандарты Российской Федерации, для специальностей технического, экономического, естественнонаучного и других циклов на бакалаврском уровне преобладают компетенции, которые обеспечивают будущему выпускнику способность работать в коллективе, осуществлять научную деятельность по работе над проектом в составе малой группы. Такое сознание, ориентированное на коллективные, согласованные действия, сотрудничество и взаимопомощь, подготавливает переход через точку бифуркации в эволюционном направлении к «коллективному сознательному».

Какие критерии предъявляются к личностным качествам выпускника? Прежде всего, это нравственные качества. Духовно-нравственная высота является показателем эволюционного развития человека. Нравственно-ориентационный компонент в структуре готовности к профессиональной деятельности является основополагающим и дающим всем другим компонентам фундаментальное основание [9]. В современных философско-этических учениях мы находим мысль о том, что собрание людей допустимо, когда оно имеет нравственное последствие. Следовательно, если малая группа собирается, чтобы работать над проектом, то результат её работы должен приносить пользу обществу. А метод работы над проектом должен соответствовать осуществлению созидательного, неразрушительного творчества. В дискурсе проявляются социальные компоненты культуры: нормы, ценности, язык и символы, осуществляется восприятие, передача и обмен информацией. Поэтому он является эффективным средством формирования мировоззрения и коммуникативных воздействий индивидов как членов общества, нравственных установок для студентов, проходящих процесс социализации.

Основной частью проекта, реализовываемого малой группой является создание продукта, который обладает новизной. Поэтому для того, чтобы реализовать цель, стоящую перед группой, необходим соответствующий уровень дискурса, необходимо осуществление творческого процесса в сознании каждого члена команды, работающей над поставленной задачей. Особая роль будет отводиться формированию среды самоорганизации, которая обладает творческим потенциалом «не только по отношению к сфере смысла, но и функционированию социальных факторов, конструированию социальных действий... Вместе с тем дискурс обладает определёнными структурными характеристиками, которые поддаются моделированию, поскольку в дискурсе отражены не только языковые формы высказывания, но и содержится оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, их фоновые знания» [1].

Рассмотрим условия, при которых достигается наиболее эффективная работа группы. В соответствии с законом Паркинсона (жизненный цикл кабинетов), наиболее *оптимальное количество членов* в малой группе, которая является предметом нашего рассмотрения, должно быть пять. С другой стороны, для осуществления эффективного творческого процесса в группе необходимо освоение специальных методов решения творческих задач, таких как мозговой штурм, синектика, метод фокальных объектов, концентрация и др. Наиболее эффективный среди них – метод мозгового штурма – требует соблюдения для состава группы 5–7 (оптимальный состав участников) человек. Отсюда следует, что наиболее эффективной для реализации творческого проекта является малая группа указанного количественного состава.

Для обеспечения эффективной деятельности, согласно закону Хебба-Йеркса-Додсона, необходимо *обеспечение оптимального уровня эмоций*. При оптимуме эмоций за счёт гармонизации мыслительных процессов в левом и правом полушарии коры головного мозга дискурсивное мышление работает в полном объёме. С одной стороны, это позволяет стимулировать эффективность творческой деятельности, с другой – осуществлять эффективную коммуникацию в процессе профессиональной деятельности. Следствием же является чёткое видение командой цели, для которой её собрали, умение сконцентрироваться на ней, и представление методов достижения результата. Оптимальный уровень эмоций позволит достичь результата, осуществить самоорганизацию, мобилизацию жизненных ресурсов для достижения цели при личностном росте каждого члена команды, при сочетании общего и личного успеха.

Правильное распределение участков работы в соответствии с индивидуальными личностными характеристиками, прежде всего темпераментом. Лидер группы должен иметь наиболее ярко выраженные меланхолические черты, которые позволят ему чувствовать особенности каждого члена группы и оптимально распределять обязанности. На втором месте у него должны быть холерические черты, которые дадут способность вести за собой. На третьем – сангвинические черты для обеспечения стабильности работы группы, на последнем – флегматические. Для обеспечения вариативности выполнения работы потребуются люди с выраженным сангвиническим темпераментом, для проведения экспериментальной части – флегматическим. Творческие идеи будут генерироваться ярко выраженным меланхоликом.

Формирование личных качеств членов малой группы: квалификации, инициативности, способности работать в группе, социального поведения, любви к риску. Многие будут зависеть от умения работать в команде, групповой сплочённости, стремления к совершенствованию.

Выделенные условия осуществляют формирование в процессе обучения составляющих дискурсивной компетенции выпускника университета, отражающих дискурсивное мышление: нравственной, коммуникативной, лидерской, творческой, которые, в свою очередь, позволят человеку найти своё ме-

сто в обществе, продемонстрировать свои интеллектуальные и творческие способности, ценностную шкалу и поведенческие нормы, соответствующие эволюционному движению человечества вперёд, в будущее.

Литература:

1. Чижевская, М. Б. Культурно-исторические основы формирования западного и российского социально-политического дискурса / М. Б. Чижевская // Альтернативы регионального развития. – Волгоград, 7–8 октября 2011.

2. Русанова, А. Г. Молодёжный дискурс в свете тезаурусного похода / А. Г. Русанова. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Rusanova/> (дата обращения: 23.07.2015).

3. Седов, К. Ф. Дискурс как суггестия: Наука, Образование, Медицина / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2011. – 336 с.

4. Латино-англо-русский словарь философских терминов. – Режим доступа: // <http://www.philosophy.ru/library/aquino/vocabularium.html> (дата обращения: 23.07.2015).

5. Моторная, С. Е. Современный научный базис психокомпетизации эволюционной изменчивости высшего образования / С. Е. Моторная. – Севастополь: Вебер, 2009. – 452 с.

6. Моторная, С. Е. Формирование коллективного сознательного как необходимое условие эволюционного развития общества / С. Е. Моторная // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2015. – № 3–2 (33–2). – С. 228–233.

7. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995. – 800 с.

8. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136.

9. Motornaya, S. 2014. Role of Spiritual and Moral Perfection of the Beginning of the Person in the Education / S. Motornaya // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 5(13). – С. 222–229.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ УЧЕБНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (УДД)

Н. А. Навроцкая

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
(Ялта)*

THE PECULIARITIES OF THE RESEARCH OF THE EDUCATIONAL DIALOGICAL DISCOURSE (EDD)

N. A. Navrotskaya

Summary: the paper focuses on the conception that the educational dialogical discourse should be studied from different angles. The study of the peculiarities of the educational dialogical discourse (EDD) gives the opportunity to find out how the EDD is organized and constructed that will enable the learners organize spontaneous speaking in different spheres of communication. EDD has a complex structure and all its components should be taken into consideration.

Основные подходы в рамках коммуникативного моделирования дискурса, как утверждает Т. В. Чернышова, связаны главным образом с обобщенным представлением о структуре его концептуальной организации. Она рассматривается в качестве механизма организации знаний человека об окружающем мире, их упорядочения и систематизации, регулирования поведения человека в определенных ситуациях (в процессе труда, отдыха, игры, ритуала и т. д.), создания социальной ориентации участников коммуникации, функционирования основных компонентов дискурса в адекватной интерпретации информации и поведении людей. Здесь познавательный аспект дискурсивных практик смыкается с прагматическим аспектом, где важную роль играют социальные условия взаимодействия коммуникантов [4]. Социолингвистический и лингвокультурологический аспекты дискурса разрабатываются в исследованиях В. И. Карасика [1].

Изучение особенностей учебного диалогического дискурса (УДД) дает возможность выяснить, как организован УДД, а также определить его компоненты, что поможет изучающим иностранный язык организовывать спонтанную речь в различных сферах общения. УДД умеют сложную, многокомпонентную структуру. Цель данной работы – рассмотреть основные понятия УДД.

Язык – неотъемлемая часть человеческого бытия. Мозг человека – уникален, определенные отделы головного мозга регулируют процессы порождения человеческой речи. Следует помнить о выделяемых стадиях развития речи человека: 1) стадия лепетания (примерно в 4 месяца); 2) однословная (в 12 месяцев); 3) двухсловная стадия (после 2-х лет). Но процесс подготовки

происходит, как уже научно доказано, уже в процессе внутриутробного развития.

Психологи утверждают, что освоение языка происходит посредством ассоциации вещей со звуками слов, имитации (т. е. повторении слов) и их закреплении (когда мы, например, хвалим ребёнка).

Лингвисты поддерживают другую точку зрения, что «дети биологически подготовлены к изучению слов и использованию грамматики, поскольку все наши известные языки (их около 5000) являются частями «универсальной грамматики», под которую заранее настроен наш мозг». Эту теорию поддерживает Т. В. Черниговская (доктор филологических и биологических наук, которая долгие годы занимается исследованием человеческого мозга и языка).

Блоки долговременной памяти, насыщение цитатного фонда (имена, глаголы, фразы), вообще идиоматичность языка – это ключевые понятия в процессе понимания особенностей овладения языком, как родным, первым, так и всеми другими языками. Кроме того, нельзя изучать язык вне деятельности, язык не транслируется, он генерируется.

Для овладения родным языком ребенку необходима языковая среда. В одном и психологи, и лингвисты соглашаются полностью, это то, что для «совершенного овладения языком особенно важны первые годы жизни – это критический период для его освоения». Из этого вытекает непреложное правило: чем раньше начнешь осваивать язык, тем легче и лучше он усвоится. Кроме того, от того, в какой языковой среде находится ребенок, зависит качество усваиваемого языка. Ещё древнегреческий философ Платон (427–347 до н. э.) разделил на четыре рода правильность речи: говорить то, что нужно, сколько нужно, перед кем нужно и когда нужно. «То, что нужно» – это то, что на пользу говорящему. Например, в ведической цивилизации каждого человека учили очень внимательно следить за своей речью. Речь обладает очень сильной энергией. По Аюрведе, речь – это проявление Праны. Прана – это жизненная сила, Вселенская энергия. Прана расходуется, когда человек критикует, осуждает, предъявляет претензии и выражается нецензурно. В Бхагават-Гите мы находим утверждение, что аскеза речи заключается в умении говорить правду приятными словами. Если мы кого-то критикуем, то берем на себя негативную карму и плохие качества характера человека. В Библии очень часто встречается эта тема: «Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя». Это связано с качеством речи и должно учитываться в разных жизненных ситуациях на протяжении всей жизни человека.

Под учебным диалогическим дискурсом (УДД) понимается учебный моделируемый диалог, в котором прослеживаются носитель, социум, коммуникация, когнитивные процессы, действительность и культура. Обучение УДД – процесс сложный, ёмкий, многоплановый. Междисциплинарный подход помогает увидеть явления языка и культуры. Кроме того, за основу бе-

руются понятия, которые являются не только лингвистическими, но и общенаучными.

Так, известные всем методы логической организации научного текста могут быть универсальны при моделировании УДД: дедукция (логическое умозаключение от общих суждений к частным или новым общим выводам); индукция (умозаключение от фактов к некоторому общему утверждению); проблемное изложение (формулируется та или иная проблема и предлагается несколько вариантов); аналогия (данный метод логической организации научного текста имеет приблизительный характер). Вышеуказанные методы логической организации научного текста можно применять при моделировании УДД. Это будет положительно сказываться на структуре диалога.

При анализе УДД необходимо рассматривать подход к развитию навыков диалогической речи с учетом исследований в области истории (история развития диалога), философии (отношение разных философов к ведению диалога), психологии (когнитивные процессы, которые задействованы при речевом взаимодействии), конфликтологии (умение анализировать ситуацию, предотвращать конфликт или решать его). Конфликты могут возникать из-за проблем в коммуникации. Обмену информацией могут препятствовать барьеры общения, что связано с недостаточным развитием коммуникативной компетентности участника диалога. Коммуникативная компетентность – это способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми (достаточное взаимопонимание, лучшее понимание ситуации, предмета общения), что приводит к решению проблем и достижению целей с оптимальным расходом ресурсов. Европейский стандарт (CEFR) поясняет, что коммуникативные компетенции – это такие компетенции, которые наделяют человека способностью действовать, используя специфические лингвистические средства [5, с. 9]. Коммуникативная языковая компетенция включает в себя лингвистическую, социолингвистическую и прагматическую составляющие [5, с. 13].

Лингвистические составляющие УДД различаются так, как они классифицированы в Европейском стандарте (CEFR): лексическая компетенция; грамматическая компетенция; семантическая компетенция; фонологическая компетенция; орфографическая компетенция; орфоэпическая компетенция.

Социолингвистическая составляющая УДД включает: лингвистические маркеры социальных связей; формулы вежливого общения; выражения народной мудрости; различия в стилистическом оформлении; диалекты и акценты.

Прагматическая компетенция касается знаний изучающего основ согласно следующим компонентам: организация, структура и оформление («дискурсивная компетенция» сообщений); коммуникативные функции («функциональная компетенция»); согласованность по интеракционной и трансакционной схемам («компетенция проектирования») [5].

Языковые виды деятельности контекстуализируются в следующих сферах общения: общественная, личная, образовательная и профессиональная. Общественная сфера соотносится с обычным социальным взаимодействием. Личная сфера включает отношения в семье и индивидуальные общественные практики. Профессиональная сфера охватывает все, что связано с деятельностью человека и отношений в профессиональной сфере деятельности. Образовательная сфера касается обучения, цель которого получить специфические знания, умения и навыки [5]. При моделировании УДД учитываются различные сферы. Диалоги оказываются возможным классифицировать по четырем основным сферам. Так, например при моделировании диалогов обучающимися по специальности «Гостиничный сервис» основной темой будет та, которая связана со сферой профессионального общения. Обозначим основные темы УДД: «Регистрация в отеле», «Решение проблемных ситуаций», «Предъявление запрашиваемой информации», «Выписка из отеля» и т. д. Профессиональный диалог в сфере гостиничного сервиса – структура сложная и вариативная. Моделирование различных диалогов на практических занятиях, их инсценировка, видеозапись, отработка во время производственной практики помогут будущим специалистам в сфере гостиничного сервиса стать компетентными профессионалами, владеющими навыками грамотного общения на иностранном языке.

Таким образом, при анализе УДД необходимо учитывать все вышеуказанные основополагающие понятия. На последующих этапах необходимо анализировать каждый компонент отдельно для выявления общих и специфических особенностей УДД с целью его успешного моделирования и компетентного применения в различных сферах жизни человека.

Литература:

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 477 с.
2. Руденко, А. М. Культура речи и деловое общение в схемах и таблицах / А. М. Руденко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – 334 с.
4. Чернышова, Т. В. Филологическое исследование медиакommunikации: теоретико-методологические предпосылки и методы анализа текста и дискурса (ретроспектива) / Т. В. Чернышова. – Режим доступа: <http://public.edu.asu.ru/pluginfile.php>
5. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR). – Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/cadre1_en.asp

ЖАНРЫ АНГЛИЙСКОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СЕРЕДИНЫ 19 ВЕКА

М. Ю. Некрасова

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

GENRES OF ENGLISH PUBLICISTIC DISCOURSE OF THE MIDDLE OF THE 19 CENTURY

M. Y. Nekrasova

Summary. The article is devoted to the research of the publicistic discourse of the 19th century. It gives the definition of publicistic discourse and names its main genres, considers the differentiation of public and private discourse and defines functional characteristics of the publicistic discourse of the middle of the 19 c. It also focuses on the genre «the letter to the editor».

Актуальная в наше время полемика о статусе текста, стиля, жанра и дискурса связана с попыткой определить границы вышеупомянутых терминов в меняющейся парадигме. В современной лингвистике термин «дискурс» имеет множество определений и трактуется по-разному. Среди российских лингвистов наиболее популярно определение дискурса Н. Д. Арутюновой как «связного текста в совокупности с экстралингвистическими факторами», то есть «текста, взятого в событийном аспекте» [1, с. 136].

К экстралингвистическим параметрам, которые необходимо учитывать в ходе лингвистического анализа, М. Н. Кожина относит замысел, цель общения, фонд знаний коммуникантов, субъекта и адресата речи [5, с. 28]. В зависимости от внешних условий проявления можно говорить о разных видах дискурса: сфера общения (педагогический/бытовой дискурс), способ общения (письменный/устный дискурс), форма общения (диалогический/монологический дискурс), время общения (дискурс викторианской эпохи). Дискурс понимается не как знаковая система и не как индивидуальная речь, а как своего рода вербализованный посредник между индивидуальной речью и языком-кодом.

Для российского дискурс-анализа характерен интерес к языковым и лингвокогнитивным характеристикам дискурса (В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов и др.), в то время как зарубежные исследователи (Т. Ван Дейк, М. Фуко, Э. Бенвенист и др.) обращают внимание преимущественно на социальные аспекты, обсуждая такие особенности реализации дискурса, как обмен репликами, невербальные действия, гендерные, этнические практики [4, с. 35].

В отечественной лингвистике введению понятия «дискурс» предшествовали исследования функционального стиля как разновидности реализации литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально

значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере. Функциональный стиль как категория социально-историческая реализуется в устной и письменной формах и имеет особенности в лексике, фразеологии, словообразовании, морфологии, синтаксисе, фонетике, в использовании эмоционально-оценочных и экспрессивно-образных средств [8, с. 567].

Можно выделить публичный дискурс – аргументированный и обращенный к широкому кругу и личный (приватный) – основанный на субъективной информации и адресованный непосредственно частному лицу. Наше внимание сосредоточено на исследовании публицистического дискурса, как социального явления и эпистолярия, как проявления личного дискурса.

Классификация эпистолярных жанров организуется по реализуемому в тексте письма функциональному стилю: официально-деловое письмо (письма как деловые документы, отражающие не личные, а официальные отношения); профессионально ориентированное письмо (переписка ученых); публицистическое письмо (письма в газету); художественное письмо (в русле языка художественной литературы, письма путешественников); частное письмо, не предназначенное для публикации (частные деловые письма, дружескую и любовную переписку) создается в русле обиходного стиля [10, с. 135].

Публицистика – это «открытая авторская речь, обращенная к читателю и до предела насыщенная социальной информацией» [3, с. 58]. Особенностью публицистического стиля является подача информации и ее авторское осмысление, специфичность манеры высказывания автора. Следовательно, мы можем понимать публицистический дискурс как совокупность устных или письменных текстов, особым образом стилистически оформленных, наполненных социальной информацией через призму индивидуального восприятия автора в соответствии с его уровнем образования, принадлежностью к определенной эпохе, сословию, политической партии, и другими экстралингвистическими факторами и адресованный определенному лицу или группе лиц, на которых предполагается оказать целевое воздействие.

Выделяют следующие публицистические жанры: информационные (заметка, репортаж, отчет, интервью), аналитические (корреспонденция, статья, обзор, письмо) и художественно-публицистические (очерк, раздумья, зарисовка, фельетон, памфлет).

Г. Я. Солганик обращает внимание две грани публициста – «человек социальный» и «человек частный» [9, с. 75]. В первом случае при обработке информации используется социальный анализ фактов, выражение объективно-субъективного отношения к действительности, четкое обоснование позиции автора. Во втором случае изложение мыслей может исходить из собственного опыта или переживаний.

Публичный дискурс относится к сфере средств массовой информации. Они фактически осуществляют контроль над социумом, отбирая сведения,

придавая одним особый вес и принижая ценность других. В этом заключается информационная и ориентирующая функция дискурса прессы. Его воздействующая функция в том, что часто появление темы статей обусловлено интересами определенной социальной группы, которым выгодна направленность общественного мнения и сознания.

Изучение публицистического дискурса середины XIX века невозможно без уяснения процессов социального, политического, религиозного, философского развития Великобритании.

XIX век в Великобритании, или Викторианскую эпоху принято называть периодом индустриальной революции: создания заводов, фабрик, машин, железных дорог и новых образцов продукции, в том числе книжных публикаций. Политические реформы поднимали статус и самооценку некоторых слоев общества. На политическую сцену выходит средний класс. Возрастает влияние церкви. Протестантизм играет в жизни викторианцев большую роль, чем в прежнюю эпоху. Появляется интерес к религиозной литературе и новый стандарт литературного вкуса, который заключается в неприятии любой грубости. Чтобы не вызвать резонанс, ни один автор не мог позволить себе «назвать все своими именами». Все эти перемены проявляются и в личном, и в публичном дискурсе.

Возникает необходимость интенсивного обмена информацией: желание переписываться было огромным, но, за исключением аристократии, ни один класс не обладал навыками в этой области. К середине XIX века появились многочисленные издания, посвященные искусству правильного написания писем. С присущей Викторианской эпохе образностью Дж. Тэйлор дает своим читателям наставления по поводу методов сбора и обработки информации:

Read, mark, learn and inwardly digest the books that contain the information you require. Gather your facts as bees gather the honey from every flower. /.../ Just as food, you eat becomes blood muscle and bone, and helps to sustain and prolong life, so let the facts you glean become intellectual nourishment and strength [12, с. 26].

Д. В. Крюков обращает внимание на следующие особенности приватного дискурса викторианцев: реализация коммуникативной оси «я – ты», диалогизация, наличие специфической структуры; мозаичность, предполагающая варьирование жанровой и стилистической структуры, – особенность, позволяющая автору наиболее полно реализовать свой творческий замысел; творчество интеллектуальной элиты века было сфокусировано на вопросах философии, политики, культуры, этики, огромное внимание уделялось описаниям внешних и внутренних качеств человека [7, с. 96].

Что касается публицистического дискурса упомянутой эпохи, несомненно, пресса становится более влиятельной: «Газеты обладают силой четвертой власти», «каждый класс имеет свой собственный орган, каждая тема находит свой журнал, у каждого интереса есть свой друг в прессе» [6, с. 118].

Инновационным жанром публицистики этого периода становится освещение международных новостей. Командировка корреспондентов на фронт позволяет печатать отчеты с линии фронта без ожидания официальных правительственных документов.

Например, репортажи Вильяма Рассела из Крыма во время Крымской войны (1853–1856) все больше и больше привлекали внимание читателей:

On the 31st of August the bombardment of the batteries and the ships began in earnest, and the fire on both sides was kept up with great animation. It does not appear, however, that the ships approached nearer than eight cables' length from the batteries, and, although the Russian guns were silenced for a time, the works were repaired in the night. The Aurora frigate opened a heavy fire from behind the tongue of land which partly concealed her from our ships, but she received in return considerable damage from the squadron. The result of the day was, however, less decisive than had been anticipated, probably because the ships were not brought in close enough to effect the destruction of the works [12].

В дальнейшем они были дополнены опубликованными письмами участников событий. Некоторые письма предназначались для редакторов газет, но большинство были частными, переданными для публикации друзьями или родственниками. В плане публицистической значимости можно отметить не только их информативную, но и стимулирующую функцию, которая заключалась в эмоциональной вовлеченности широкой общественности в войну посредством контакта с теми, кто находился на фронте. «Эти частные письма бесценны для тех, кто любит получать факты из первых рук, подлинные фрагменты действительности, свободные от слухов» [2, с. 142].

В таких письмах прослеживается диалогичность. То есть публикуемое газетное сообщение может быть направлено не только от государственных или общественных институтов (власти), но и от любых лиц. Традиционных адресантов: журналистов и репортеров здесь заменяют нетрадиционные – авторы «писем читателей в редакцию». Они выступают как неофициальные источники информации, выражающие свои личные позиции и мнения. Авторами таких писем могут являться представители разных социальных групп.

Sir, – I think it very desirable that you should be furnished with all information received from the seat of war as to the condition of the medical department. To this end I enclose an extract from a letter this day received by me from an officer of rank with the army in the Crimea, for whose truthfulness I vouch, as to the state of the ambulance corps.

His letter bears date «Two miles outside Sebastopol, Oct. 2.» He writes: –

«The much-boasted ambulance corps has not a man or vehicle in this country; the old villain of pensioners got drunk, - those in the hospitals on the brandy provided for cholera patients. The whole corps is a failure. We carried every soul who was wounded – Russian and English – off the field by manual labour, on

stretchers. Where, then, was the ambulance corps? Had we been able to move on once, we should have taken every thing» [13].

Тематика этих писем очень разнообразна. В рамках реакции на военные события в Крыму – это забота о раненых, организация фондов помощи солдатам, указания на просчеты командования, на недостатки армейской формы и положения военных, о вспышках холеры.

С одной стороны, информация о военных событиях подается за счет прототипичных жанров как очерк, репортаж, комментарий, передовая статья, воззвание, декларация. Письма в редакцию соответствуют одному из жанров эпистолярного стиля – жанру бытового письма. Однако письмо читателя в редакцию отличается от делового или дружеского письма тем, что имеет как внутренний, так и внешний адресат.

Таким образом, публичный дискурс эпохи стал доступен разным слоями населения за счет выдвижения качества культуры и повышения уровня образованности. Кроме общей информации, широко освещались события международного масштаба, в том числе военные события. На фоне развития грамотности, эпистолярный жанр получает довольно широкое развитие. На периферии личного и публичного дискурса можно выделить жанр «письма в редакцию», который совмещает признаки публицистики и эпистолярия.

Литература:

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136–137.
2. Ищенко, Н. А. Мифотворчество в военном дискурсе: национальный миф о Крымской войне 1853–1856 годов в литературе Великобритании второй половины XIX века: дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Ищенко. – Симферополь, 2007. – 426 с.
3. Кайда, Л. Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция / Л. Г. Кайда // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г. Я. Солганик. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 58–67.
4. Кожемякин, Е. А. Дискурсные исследования в России и на Западе: опыт сопоставительного исследования / Е. А. Кожемякин // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 35–46.
5. Кожина, М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / М. Н. Кожина. – Пермь, 1968. – 213 с.
6. Косарев, С. И. «The Times» и ее роль в жизни Англии во второй половине XIX века / С. И. Косарев // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 118–121.
7. Крюков. Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Крюков. – Волгоград, 2001. – 238 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. –

М.: Большая рос. энцикл., 1990. – 682 с.

9. Солганик, Г. Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Г. Я. Солганик // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 10. Журналистика. – 2001. – № 3. – С. 74–83.

10. Фесенко, О. П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс / О. П. Фесенко // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 23 (124). – Вып. 24. – С. 132–143.

11. Taylor, J. How To Compose And Write Letters. (With graduated exercises and a course of examination questions) / J.. Taylor. – London, 1886. – 108 p.

12. The Times – London, 1854. – Saturday, November, 25. – P. 6

13. The Times – London, 1854. – Monday, October, 23. – P. 9

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД В ОПИСАНИИ ЯЗЫКА РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ

Е. В. Плисов

*ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова» (Нижний Новгород)*

THE DISCURSIVE DESCRIPTION OF RELIGIOUS LANGUAGE IN MODERN GERMAN STUDIES

E. V. Plisov

Summary. The paper studies different approaches to the interpretation of concepts “language of religion”, “religious discourse”, “linguistics of religious discourse” and the various objects of linguistic analysis in the religious discourse.

Переход к дискурсивному анализу в немецкой германистике тесно связан с осознанием роли контекста в лингвистике текста. Понятие «контекст» всегда занимало заметную позицию в лингвистике и философии языка [13]. Сегодня контекст представлен в лингвистических исследованиях двояко: как законченный в смысловом отношении фрагмент текста, дающий возможность точно установить значение отдельной входящей в него языковой единицы и – шире – как условия употребления данной языковой единицы в речи (языковое окружение, а в широком смысле также ситуация речевого общения). На связующую роль контекстологии указывают В. Дресслер [12] и Э. Лейнфельнер [14], анализируя интердисциплинарные связи лингвистики текста и дискурсивной лингвистики.

В качестве источника возникновения дискурсивной лингвистики выступает теория дискурса М. Фуко, получившая свое развитие в трудах представителей немецкой школы дискурсивного анализа У. Мааса, З. Егера, Ю. Линка и др. Здесь важно упомянуть замечание В.Е. Чернявской, которая указывает

на то, что немецкая школа не оказала существенного влияния на исследования дискурса в России, которые традиционно сосредоточены на «дискурсе по ван Дейку», т. е. на прагматике высказывания, стратегиях порождения и восприятия речи [11, с. 69]. В работах Р. Водак дискурс понимается как социальная практика, которая включает дискурсивные события, реальные ситуации, институты и социальные структуры, а анализ дискурса можно определить как идеологически ориентированный анализ текста [2, с. 286]. По мнению ученых, дискурсивный анализ (макросемантический и одновременно глубинно-семантический) позволяет «сделать прозрачными отношения между функционированием тех или иных языковых средств и форм и соответствующими институциональными структурами» [11, с. 76].

Религиозный дискурс традиционно относят к институциональному социолингвистическому типу дискурса [7, с. 164]. В. И. Карасик выделяет такие компоненты религиозного дискурса, как участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [4, с. 250–251, 266–276]. Ученые выделяют ритуальный характер в качестве одной из ведущих дискурсивных черт, В. И. Карасик относит ритуальный дискурс к прагмалингвистическому типу, отмечая, что ритуализация может быть в разной степени присуща типам дискурса, выделяемым на социолингвистическом основании [4, с. 333–343].

И. Пауль выделяет и описывает такие дискурсивные признаки религиозной (ритуальной) коммуникации, как предоформленность («предструктурированность»), формализованность, неизменяемость литургического последования, перформативность, автокоммуникация, каноничность сообщений, автореференциальный характер высказываний [15]. Примечательно, что аналогичные характеристики выделяются и в отношении ритуальной устной коммуникации (как в богослужебной сфере – во время крещения или венчания, а также частично в литургии, так и во внебогослужебной – в исповеди) [17, с. 1560–1563]. Вместе с тем учеными отмечаются и тенденции к деинституционализации отдельных жанров как компонентов дискурса, в первую очередь, это касается проповеди (см., например, замечание по этому поводу у Ф. Зиммлера при рассмотрении проповеди как типа текста во внебогослужебной ситуации („in einer anderen externen Variablenkonstellation“) [16, с. 685]. С развитием средств массовой коммуникации (проповедь на радио, на телевидении, проповедь по электронной подписке) требуется привлечение достижений коммуникативистики, медиалингвистики, этики коммуникации для подготовки и реализации проповеди. С одной стороны, это способствует рассмотрению проповеди как исключительного, уникального речевого события в инодискурсивной среде и в ряду других массмедийных событий, с другой стороны, – это способствует соответствующей интерпретации проповеди в богослужебной практике. Проповедь в СМИ (см., например, „Wort zum Sonntag“) приобретает характер инсценировки ритуальной коммуникации с ярко выраженным фатическим компонентом [15, с. 2270–2272].

В современных работах предметом изучения становятся также межконфессиональные и межрелигиозные аспекты публичного взаимодействия [6], стереотипы поведения, региональные особенности создания религиозно значимых образов. Ученые рассматривают вопросы прагматической, семантической и онтологической организации религиозного дискурса в аспекте системной реконструкции [10], в том числе библейских текстов.

Анализ эмпирического материала показывает, что религиозный дискурс дает мощные когнитивные и языковые импульсы для дальнейшего изучения закономерностей функционирования прецедентных феноменов, реализующих эпистемический вид прецедентности. Здесь раскрывается когнитивная природа соотношения прецедентных единиц и средств их включения в религиозный дискурс языковой личности. Это указывает на необходимость дальнейшего осмысления научной концепции о корреляции прецедентных феноменов с другими феноменами языковой прецедентности, которые несут онтологически маркированный смысл в рамках их общей парадигмы [3, с. 91–92].

Среди стратегий и тактик религиозного дискурса особое место занимает понятийная категория коммуникативных ролей как однозначно отражающая характер отношений «говорящий – слушающий» в немецкоязычной проповеди [5, с. 56]. Категория коммуникативных ролей предполагает отношения пересечения / непересечения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта. В контексте религиозной коммуникации важно учитывать не только содержание и смысл написанного или устно провозглашаемого текста, но и сам процесс его восприятия, факторы, делающие этот текст привлекательным для аудитории в плане оптимизации его усвоения. В фокусе исследовательского интереса находятся лексические и стилистические аспекты немецкоязычных проповедей [8]. Авторы анализируют повтор как стилистический прием, выполняющий текстообразующую и эмоционально-экспрессивную функции в проповеди как ключевом тексте религиозной коммуникации [9].

В отечественной германистике ученые описывают также разновидности религиозного дискурса, в том числе в конфессиональном и межконфессиональном аспектах, а также взаимодействие религиозного дискурса с другими дискурсами [1] и факторы влияния на формирование и развитие религиозного дискурса в определенную эпоху. Рассматриваются дискуссионные вопросы двустороннего характера религиозного дискурса, который включает дискурс религии и дискурс о религии.

Литература:

1. Белютин, Р. В. Религиозная семантика спортивного дискурса / Р. В. Белютин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3. – С. 127–134.

2. Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Р. Водак // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 286–291.
3. Голубева, Н. А. Синтаксические прецедентные единицы в религиозном дискурсе / Н. А. Голубева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 1. – С. 91–100.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Матвеева, И. В. Ролевые отношения коммуникантов в современной немецкоязычной проповеди / И. В. Матвеева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2013. – № 23. – С. 56–63.
6. Плисов, Е. В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности / Е. В. Плисов. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. – 160 с.
7. Плисов, Е. В. Язык и религия в проблемном поле германистики: научные мероприятия и направления поиска / Е. В. Плисов, Ю. Н. Зинцова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2013. – № 23. – С. 164–168.
8. Прокопьева, Н. Н. Функции оценочной лексики в христианской немецкоязычной проповеди (на материале проповедей Папы Римского Бенедикта XVI) / Н. Н. Прокопьева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2013. – № 23. – С. 64–70.
9. Прокопьева, Н. Н. Повтор как средство выразительности современной немецкоязычной проповеди / Н. Н. Прокопьева, Н. А. Голубева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2014. – № 27. – С. 44–52.
10. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Плисова. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. – 210 с.
11. Чернявская, В. Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа / В. Е. Чернявская // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С. 68–76.
12. Dressler, W. Textlinguistik mit und ohne Kontext: Diskurs versus Text / W. Dressler // Text und Kontext: Theoriemodelle und methodische Verfahren im transdisziplinären Vergleich / hrsg. von O. Panagl und R. Wodak. – Würzburg, 2004. – S. 11–22.
13. Franck, D. Kontext und Kotext / D. Franck // Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. – Bd. 7. Sprachphilosophie. Halbbd. 2. – Berlin; New York, 1995. – S. 1323–1335.
14. Leinfellner, E. Vom Bild ohne Rahmen zum Rahmen ohne Bild – und das Jenseits von Rahmen und Bild: eine Diskussion zu „Text und Kontext“ / E. Leinfellner // Text und Kontext: Theoriemodelle und methodische Verfahren im

transdisziplinären Vergleich / hrsg. von O. Panagl und R. Wodak. – Würzburg, 2004. – S. 267–296.

15. Paul, I. Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache von Religion und Kirche / I. Paul // Rhetorik und Stilistik. Ein internationales Handbuch zur historischen und systematischen Forschung. 2. Halbbd / Hrsg. U. Fix, A. Gardt, J. Knappe. – Berlin; New York: de Gruyter, 2009. – S. 2257–2274.

16. Simmler, F. Textsorten des religiösen und kirchlichen Bereichs / F. Simmler // Text- und Gesprächslinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / hrsg. von K. Brinker. – Berlin; New York: de Gruyter, 2000. – Halbbd. 1. – S. 676–690.

17. Werlen, I. Gespräche im kirchlichen Bereich / I. Werlen // Text- und Gesprächslinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / hrsg. von K. Brinker. – Berlin; New York: de Gruyter, 2000. – Halbbd. 1. – S. 1556–1565.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА

Н. В. Потанова, В. А. Каменева

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

ACTUAL PROBLEMS OF NEWS DISCOURSE RESEARCH

N. V. Potapova, V. A. Kameneva

Summary. The paper focuses on actual investigations of news discourse. The significance of news discourse research is determined by the growing role of mass communications in the modern society. The peculiarities of functional-genre type, structural components, and functions of news are considered in the article.

Новости с текстологических и дискурсивных позиций уже многие десятилетия находятся в центре актуальных объектов научных изысканий как в России, так и во многих странах мира. Изучению данной проблематики посвящено большое количество работ, среди которых отметим исследования М. А. Ковальчуковой, Ю. С. Воротниковой, Л. В. Васильевой, А. А. Кибрик, А. Амзина, И. В. Алещановой, Д. Б. Измаиляна, Н. С. Цыбиковой, Ю. А. Юровой, К. И. Левановой, A. Bell, T. A. van Dijk, C. W. Anderson, M. Zhuikov, H. Gans и др.

Исследователи новостного дискурса относят его к основному типу медиакурса, поскольку новостные сообщения составляют важнейшую часть национального культурно-идеологического контекста.

Как показал обзор научных работ, центральное место по данной проблематике занимают работы по обобщению и анализу терминологического аппарата исследований медийного и новостного дискурса. В лингвистике на-

равне с термином медиадискурс употребляют также дискурс СМИ, дискурс масс-медиа, медийный и масс-медийный дискурс. При этом медиадискурс определяется как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [2, с. 21]; как «комплекс медиатекстов в совокупности с экстралингвистическими особенностями их производства, распространения и восприятия» [8, с. 9]. Под медиатекстами понимаются тексты массовой информации [4, с. 7].

Как было установлено, в современной лингвистике среди исследователей дискурса СМИ нет единой точки зрения относительно структурных компонентов новостного дискурса и их обозначения. Эта проблематика по праву может считаться одной из наиболее дискуссионных в современных исследованиях новостного дискурса.

Первым, кто обратился к анализу структуры новостного дискурса, был Т. ван Дейк. Согласно учению исследователя, новостной дискурс состоит из следующих блоков или категорий: Краткое Содержание (Summary), представленное Заголовком и Вводкой (Headline и Lead); Главное Событие (Main Events); Фон (Context) и Комментарий (Comments) [14]. Последовательность Категорий не является жестко определенной и может изменяться в зависимости от целей и намерений автора сообщения.

Категория Краткое Содержание имеет несколько вариативных обозначений. Например, в трудах М. Ф. Мэллет [7] краткое содержание статьи, графически выделенное и помещенное перед текстом, называется «лид». Согласно Л. М. Майдановой, «сообщение, информирующее о содержании последующих материалов, на которые редакция желает обратить внимание адресата», называется анонсом [9].

В работах А. А. Негрышева композиционные блоки новостного текста представлены ядерным блоком, который содержит главный эпизод (субъекты действия + действие); детализирующим блоком, куда входят обстоятельства действия, место, время; и фоновым блоком, содержащим причину, предысторию события, следствие, результат события [11].

Т. С. Дроняева предлагает выделять следующие композиционные компоненты: ядерный (констатация основного факта), конвенциональный (обозначение времени, места и источника информации), комментирующий (все, что расширяет или оценивает ядерную часть сообщения) [5, с. 308-309].

Обзор научных работ показал, что жанрообразующие признаки новостного дискурса, инкорпорирующего новостные тексты, обладающие отличающимися жанровыми характеристиками, чаще всего попадали и попадают в центр научных исследований. Как правило, исследователи предлагают свои таксономии текстов, выбирая за основу разные жанровые характеристики.

Так, Т. Г. Добросклонская предлагает систему параметров, на основе которых можно составить классификацию всего многообразия медиатекстов:

– по способу производства текста (авторский - коллегиальный);

- по форме создания текста (устная, письменная);
- по форме воспроизведения (устная, письменная);
- по каналу распространения (печать, радио, телевидение, Интернет);
- по функционально-жанровому типу текста (новости, комментарий, публицистика (features), реклама);
- по тематической доминанте (т. е. принадлежности к определенному медиатопику: экономика, спорт, культура) [3, с. 40].

Кроме того, в последнее время начинают появляться работы, материалом которых выступает дискурс новостей, транслируемых электронными СМИ. Внимание исследователей в этой области привлечено к изучению семантико-прагматических особенностей структурных компонентов текста интернет-новостей; языковых средств реализации категории оценки, направленных на выполнение воздействующей функции; роли заголовка и заголовочного комплекса; жанровых характеристик и других аспектов данного явления.

Л. Ю. Иванов предлагает классифицировать интернет-жанры в соответствии с коммуникативной сферой их использования. В связи с этим автор выделяет:

- общеинформационные жанры или жанры новостей (газетные и журнальные статьи, передовые на важнейшую тему дня, обзоры и дайджесты новостей, опросы общественного мнения, интервью, сводки спортивных новостей и комментарии к ним, спецвыпуски, посвященные определенным событиям, прогнозы погоды и т. д.);
- научно-образовательные и специальные информационные жанры (электронные научные и учебные издания – монографии, сборники, отдельные научные статьи, пособия, справочники, интерактивные учебные курсы, интернет-семинары, онлайн-конференции, психологические тесты, электронные словари, в том числе переводные, сборники и архивы научно-технической документации и др.);
- художественно-литературные жанры (отдельные литературные произведения во всем многообразии, электронные книги, объединенные в электронные библиотеки, обзоры, аннотации и рецензии и др.);
- развлекательные жанры (анекдоты, юмористические и эротические рассказы, часто с анимацией, словесные игры, доски объявлений, чаты для виртуального флирта, отдельные юмористические цитаты и их подборки, эпиграфы к сайтам и др.);
- жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение (всевозможные дискуссионные группы, чаты, гостевые книги, письма электронной почты, избранные почтовые рассылки и др.);
- деловые и коммерческие жанры (профессиональные и непрофессиональные коммерческие доски объявлений, информационные письма и тематические журналы по отдельным направлениям бизнеса, биржевые информационные бюллетени, объявления в службах трудоустройства и др.) [6, с. 131–147].

Новостной интернет-дискурс за довольно короткий период существования сумел приобрести собственные черты, отличные от презентаций новостей в других источниках. Как показал анализ, на сегодня вопросы по дифференциации новостного интернет-дискурса стали объектом большого количества научных работ. Многие исследователи сходятся в том, что новостные тексты, размещенные в Интернете, сочетают в себе формально-содержательные особенности печатных медиа-текстов и признаки “сетевого” текста (текста, производимого и функционирующего в Глобальной сети, World Wide Web). К последним относят:

- **гипертекстуальность** - построение текста из отдельных блоков, соединенных гиперссылками, создание разветвленной системы межтекстовых связей;

- **мультимедийность** (интегративность или поликодовость) – объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов (вербальные, невербальные) [12, с. 1476–1478]. Представление вербального текста с графическими элементами, звуком, видео и анимацией;

- **интерактивность** – наличие двусторонней связи с аудиторией. Адресат имеет возможность высказывать свое мнение относительно того или иного сообщения, например, в комментариях;

- **количество** (межличностная, групповая, массовая коммуникация) и **эксплицированность коммуникантов** (участник коммуникации может быть эксплицированный или анонимный) [13, с. 41]. Электронный новостной дискурс относится к массовой коммуникации, т. е. представляет собой общение одного автора со всеми, при этом адресант эксплицирован сетевым адресом;

- **синхронность** – возможность одновременного или почти одновременного создания сообщения и ответной реплики на него. Электронный новостной дискурс асинхронен, то есть не требует присутствия читателя в момент публикации сообщения. Читатель может прочитать новости в любое удобное ему время после их публикации.

К актуальным вопросам современных исследований новостного дискурса также можно отнести изучение содержания и структуры Интернет-новостей.

С точки зрения структуры, электронный новостной дискурс бывает двух типов: Е-новости и Гиперновости. Первые представляют собой точную копию печатной версии, либо в них сохраняется стиль газеты-источника. Последние существуют исключительно в электронном формате и содержат гиперссылки [1].

Не меньший интерес у современных исследователей новостного дискурса вызывает изучение способов организации новостей.

Так, Ю. С. Воротникова выделяет следующие способы организации новостной информации: сетевой, осевой и комбинированный.

При осевом принципе на первой странице находится небольшая статья, своего рода ядро информационного блока, которая рассказывает о каком-либо событии кратким, максимально информативным образом. К ней предла-

гаются гиперссылки на дополнительные материалы (периферию информационного блока), такие как, например, история освещаемого события, комментарии политиков, обозревателей. Данная статья становится «осью» новостного блока.

При сетевой организации отсутствует центральная статья. На первой странице расположен список заголовков к материалам, которые не раскрывают сути публикации, а лишь предлагают информацию по той же теме. Каждая дополнительная статья расширяет знания читателя по определенному событию.

Комбинированный принцип объединяет черты осевого и сетевого способа организации информации. На первой странице предлагаются несколько публикаций с детальным описанием события (осевой принцип) и ссылки на статьи с похожей информацией, размышлениями журналистов и т. п. (т. е. тексты сетевого гипертекста) [1].

Завершает список актуальных вопросов современных исследований новостного дискурса изучение функционального потенциала Интернет-новостей.

Несмотря на расхождения в терминологии и количестве функций основными функциями интернет-новостей признаются информационная или информативная (С. И. Виноградов, Т. Г. Добросклонская, М. М. Назаров; О. В. Платонова; Н. Д. Фомичева; А. Д. Швейцер), и воздействующая. Последняя в интерпретации Т. ван Дейка называется преобразующей, в интерпретации Т. Г. Добросклонской – идеологической и функцией медиации в интерпретации А. А. Негрышева. По мнению А. К. Михальской, функция манипуляции общественным сознанием превалирует над всеми другими функциями масс-медиа [10, с. 23–25].

Информационная функция интернет-новостей заключается в информировании адресата о происходящих событиях и изменениях окружающего мира. Воздействующая функция заключается в воздействии на эмоции и чувства адресата, созданию положительного или негативного отношения к сообщаемой информации.

Таким образом, рассмотренная в статье проблематика является актуальной и вызывает интерес ученых. Среди исследователей новостного дискурса нет единого мнения относительно ряда вопросов, а именно: терминологического аппарата, структурных компонентов, жанровой классификации, а также набора функций данного типа дискурса.

Литература:

1. Воротникова, Ю. С. Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. С. Воротникова. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/public/uzus.html> (дата обращения: 20.06.2016).

2. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 21.

3. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – Режим доступа: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf> (дата обращения: 20.06.2016).

4. Добросклонская, Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения / Т. Г. Добросклонская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика, 2005. – № 2. – С. 7.

5. Дроняева, Т. С. Новости в газете с точки зрения организации текста / Т. С. Дроняева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Часть 2 / отв. ред. М. Н. Володина. – М., 2004. – С. 308–309.

6. Иванов, Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста / Л. Ю. Иванов // Словарь и культура устной речи. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 131–147.

7. Как писать Лид: один путь из множества // Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы. – Режим доступа:

https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=18&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwjD3pTp5tHNAhVDOpoKHLMBTQ4ChAWCD0wBw&url=http%3A%2F%2Fwww.vmurol.com.ua%2Fupload%2FNavchalno_motodichna_robota%2FNavchalno_motodichna_materiali%2FZhurnalistika%2FSpravochnik_dlya_zhurnalistiv.doc&usq=AFQjCNEzNUuxOsWD88kS2FRP2KZD9iNryA&bvm=bv.125801520,d.bGs (дата обращения: 20.06.2016).

8. Кротова, Е. А. Особенности структурной организации новостного дискурса в сети Интернет (на материале англоязычных электронных сообщений): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Кротова. – Барнаул, 2012. – 23 с.

9. Культура русской речи: энциклопед. слов.- справ. / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука. – 2003. – 840 с.

10. Михальская, А. К. Язык российских СМИ как манипулирующая система / А. К. Михальская // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М.: Мгу им. М. В. Ломоносова, 2001. – С. 23–25.

11. Негрышев, А. А. Языковая игра в новостном медиатексте: референциально-прагматический аспект / А. А. Негрышев // Электронный журнал «Медиаскоп». – Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/669> (дата обращения: 20.06.2016).

12. Фаткуллина, Ф. Г. Медиатекст как фактор формирования массового сознания (на примере телевизионной передачи М. Шевченко «В контексте» «Судите сами») / Ф. Г. Фаткуллина, К. В. Андрианова // Вестник Башкирского университета. – № 3 (1). – Т. 17. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – С. 1476–1478.

13. Щипицина, Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография / Л. Ю. Щипицина; Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2009. – 238 с. – Режим доступа: <http://narfu.ru/university/library/books/1148.pdf> (дата обращения: 20.06.2016).

14. Dijk, T. A. van. News as Discourse / T. A. Dijk. – Режим доступа: <http://www.discourses.org/OldBooks/Teun%20A%20van%20Dijk%20-%20News%20as%20Discourse.pdf> (accessed date: 10.06.2016).

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТВИТ-ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ
ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИЙ ТРАДИЦИОННЫХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ)**

Н. В. Рабкина, Д. А. Сосновский

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

**CERTAIN CHARACTERISTICS OF TWIT-DISCOURSE
(BASED ON NEWS-MESSAGES POSTED BY INTERNET-VERSIONS
OF TRADITIONAL AMERICAN MEDIA)**

N. V. Rabkina, D. A. Sosnovsky

Summary. The paper features some peculiarities of the Twitter language. 80 twit-messages posted by the CNN, The New York Times, Wall Street Journal and New York Post were analyzed from the point of view of their linguistic, functional and structural characteristics.

По мнению Д. В. Ольшанского, воздействие виртуального пространства на человеческое сознание приводит к возникновению «мозаично-клипово-мифологического массово-коммуникационного сознания», которое довольствуется «исключительно осколочными сообщениями и фантастическими связями между ними», но при этом вполне успешно функционирует, «порождая и укрепляя иллюзии всеобъемлющего знания о мире и происходящих в нем событиях» [3: с.20]. Апофеозом «осколочного сообщения» можно считать социальную сеть Twitter, в которой возможности коммуникации ограничены 140 символами. Твиттер используется не только как платформа для такого интернет-жанра, как микроблог, но и как форма существования для традиционных СМИ – газет и телеканалов.

Попав в интернет-пространство, новостной медиатекст подвергается существенным изменениям. Он превращается в гипертекст, благодаря чему эксплицируются значимые связи между различными новостными эпизодами. Упрощаются структура и стиль новостного дискурса, который постепенно трансформируется из газетно-публицистического в чисто информационный [1]. Даже в текстах печатной и электронной версий одного и того же издания

исследователи отмечают и чисто стилистические различия, к примеру, на уровне заголовков: стиль печатной публикации выражает отношение и более эмоционален, в то время как стиль интернет-публикации на ту же тему предельно информативен, так как для интернет-издания оперативность важнее образности [4].

Популярность Твиттера объясняется тем, что пользователи отдают предпочтение мобильным средствам коммуникации – устройствам типа i-phone / smart-phone. Благодаря им микрокосм находится на связи с макрокосмом 24 часа в сутки: человека, обитающего в виртуальном пространстве, можно охарактеризовать как *homo mediatus*. Дигитализация информационных потоков привела к тому, что «информация и техника из средства деятельности человека превращается в среду его обитания» [2]. Уничтожается и пространственный зазор между потребителем и новостью, событием в реальном мире и медиасобытием: мир новостей находится на расстоянии одной нажатой кнопки от человека. Мир электронных СМИ неструктурирован и бесформен именно за счет уничтожения временного зазора между событием и новостью: мир новостей реструктурирует сознание потребителя каждый раз, когда он входит в Интернет, за счет постоянного изменения иерархии событий. В результате сущность современного глобального хронотопа сводится к ускорению времени и сжатию пространства.

Однако в силу чисто физических ограничений, неизбежных для портативных устройств (маленький экран, мелкий шрифт, сложности набора текста) происходит минимизация текста, компрессия коммуникации: большой текст неудобно читать и долго печатать. Соответственно различия медиатекста традиционных СМИ и Интернета – не только в использовании технологических преимуществ. Новостной дискурс Твиттера можно считать квинтэссенцией новостного дискурса, концентратом медиасобытия.

Твит-дискурс активно изучается в филологии. Исследуются особенности диалогического взаимодействия (например, такое специфически интернетовское явление, как шум в канале коммуникации в виде «троллинга»); микроблоги политиков и знаменитостей используются как источник материала для построения макета интернет-личности; изучается и то, как твит-дискурс раскрывает экспрессивный и творческий потенциал языка (образование неологизмов, особенности пунктуации и грамматики); разрабатываются различные способы применения Твиттера в преподавании иностранных языков.

В данной работе излагаются некоторые результаты исследования новостных сообщениях средств массовой информации в социальной сети Твиттер: функционирование новостных твит-сообщений с точки зрения их структуры и коммуникативной задачи. В качестве материала были выбраны твит-сообщения, посвященные президентским выборам–2016 в США, опубликованные электронными аналогами таких традиционных американских СМИ, как газеты «The New York Times», «Wall Street Journal», «New York Post» и телеканал CNN, по 20 «твитов» от каждого источника. (Твит – единица ис-

следования, одно новостное сообщение, ограниченное 140 знаками, однако не сводится к одному предложению).

Каждый из 80 твитов мы рассмотрели по следующим 11 параметрам: наличие медиафайла (креолизованность), присутствие цитаты в сообщении, присутствие двоеточия в структуре сообщения, коммуникативный характер сообщения (вопросы, императив), наличие перелинковки (связывание ссылками, оформляется как указание на источник-гиперссылку в конце сообщения, например *via @CNNOpinion*), упоминание персоналии, наличие аббревиатур и сокращений, твит-мнение, географическая привязка, присутствие ссылки на веб-сайт, наличие специфически-политической лексики, наличие экспрессивной лексики.

Изучение «твитов» телеканала CNN показало, что на 12 твитов-цитат приходится 11 твитов с двоеточиями, так как, хотя двоеточие представляет собой наиболее компактный маркер чужой речи, с данной функции может использоваться и глагол: «Hillary Clinton claims Donald Trump wants to "abolish" the VA. Is that true?». Твитов-вопросов оказалось всего три, твитов-мнений – 7. С точки зрения гиперструктуры, твитов с перелинковкой оказалось 4, а содержащих ссылку на веб-сайт – 18. На 20 твитов пришлось 29 упоминаний персоналий (в основном это главные участники президентской гонки – Хиллари Клинтон, Дональд Трамп и Берни Сандерс), однако только 4 твита имели географическую привязку. Каждый твит сопровождался медиафалом (изображение, видео или анимированное gif-изображение). Обнаружились всего 4 аббревиатуры (VA, VP, nukes, Mex.). Твитов с политической лексикой оказалось 10 (*campaign manager, poll, commander in chief* и т. д.), с экспрессивной – 6 (*Hillary Clinton: "Donald Trump's got America all wrong"* и т. д.).

Твиты газеты «The New York Times» обнаруживают всего два с цитатами, одна из которых оформлена двоеточием. Пять твитов содержат вопрос (*Hillary Clinton clinches the nomination. Will Bernie Sanders fight on?*), только 12 можно охарактеризовать как твиты-мнения. Все 20 твитов имеют ссылку на полнотекстовый вариант сообщения или источник, один твит в дополнение к ссылке имеет также перелинковку. Только пять твитов содержат топоним, в девятнадцати имеется персоналия (все те же главные персонажи предвыборной гонки плюс действующий президент США Барак Обама). Ни в одном твите не содержится аббревиатура или сокращение. Твитов с политической лексикой – 14 (*superdelegates, primary live results* и т. д.), с экспрессивной – 4 (К примеру, *President Obama is eager to hit the stump for Hillary Clinton and shred Donald Trump*). Креолизованы всего 10 сообщений.

Среди твитов, опубликованных изданием «Wall Street Journal», отмечено 5 конструкций с двоеточием и 8 с цитатами. Твитов-вопросов не обнаружено, твитов-мнений – 7. На 20 твитов приходится 25 персоналий и 7 топонимов. Все твиты снабжены ссылками на полнотекстовый сайт, один перелинкован. Аббревиатур насчитывается всего четыре (GOP, AP, PAC, LA), примеров политической лексики – 15 (*major party nomination, Democratic primary, a major*

party's nominee и т. д.), экспрессивной – 1 (Trump once *blasted* political donors as establishment tools.) Медиафайлов отмечено всего 6.

Наконец, 13 твитов американского таблоида «New York Post» содержат двоеточия, однако только 4 из них связаны с цитированием прямой речи, остальные двоеточия оформляют источник информации. Твитов-вопросов не отмечено, твитов-мнений – 7. 12 твитов снабжены ссылками, перелинкованы 6. Обнаружены 23 персоналии и 7 географических привязок твита. Аббревиатура на 20 твитов всего одна (U.), примеров политической лексики – 13 (caucuses, left White House staffers, campaign trail и т.д.), экспрессивной – 4 (Clinton apparently has a “Jekyll and Hyde” personality that left White House staffers *scared stiff* of her outbursts). Креолизованы 11 твитов.

Можно сделать следующие выводы. Для политического твит-дискурса не характерны «вопросительные интонации». Публикации СМИ и новостных агентств на английском языке в большинстве своём следуют стандартной модели построения предложений – Subject, Predicate, Object. Интересно, что количество аббревиатур и сокращений не так много, как можно было бы предположить. Также относительно немногочисленна экспрессивная лексика. Примечательно, что новостные сообщения в социальной сети Twitter, написанные от лица СМИ или новостных агентств, как правило, не содержат в себе эмотиконов как средства выражения мнения или эмоции. Оформление ссылок в виде перелинковки количественно уступает традиционному способу. Логично, что твиты телеканала более креолизованы, чем твиты газет. Твиты CNN чаще содержат прямое цитирование. Интересным показался факт, что большое число публикаций были посвящены одному кандидату в президенты. Так, например, 60 % проанализированных сообщений телеканала CNN относились к Дональду Трампу, либо содержали упоминание личности этого кандидата в президенты США. Это, пожалуй, наиболее скандальный персонаж данной предвыборной гонки, его высказывания дают много поводов для эмоциональной реакции, и поэтому читательской аудитории интересно отслеживать новости с его участием по мобильным устройствам.

По сути, твиты традиционных СМИ выполняют не только информативную функцию. Они представляют собой в функциональном плане не что иное, как заголовки статей, однако гипертекстовый формат предоставляет читателю выбор: проследовать по ссылке к оригинальной статье целиком или ограничиться опубликованным в Твиттере «сухим остатком» медиасобытия.

Литература:

1. Воротникова, Ю. С. Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. С. Воротникова. – СПб., 2005. – 212 с.

2. Кутырев, В. А. Пост-пред-гипер-контр-модернизм: концы и начала / В. А. Кутырев // *Вопр. философии*. – 1998. – № 5. – С. 135–144.

3. Ольшанский, Д. В. Психология масс / Д. В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.

4. Шевелева, И. А. Лингвистические особенности дискурса Интернет-СМИ / И. А. Шевелева // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов*. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Вып. 41. – С. 50–54.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Н. А. Савина

РАНХиГС, Ивановский филиал

SOCIOLINGUISTIC PECULIARITIES OF ADVERTISEMENT LANGUAGE

N. A. Savina

Summary. The paper focuses on the conception of sociolinguistic peculiarities of an advertisement text. If we analyze the system of the grammatical means widely employed in the advertisement texts with the help of sociolinguistic methods of research and then see it from the viewpoint of the distribution of these means within the target audience, we can 1) reveal the interdependence between the language of the text and its addressees and 2) investigate the way social and gender-role orientation are reflected in advertisement texts. So we can find out how with the help of the particular language individuals are categorized and particular language means are used to influence different social groups.

Каждый день и на протяжении большей части нашей жизни мы видим и слышим много рекламы. В серии изданий, изучающих предмет, реклама в основном рассматривается как один из аспектов коммуникации, занимающий довольно большое место в нашей повседневной жизни.

Традиционно слово «реклама» используется для обозначения двух различных понятий: 1) реклама как сфера деятельности; 2) реклама как готовый продукт, представляющая собой многоуровневый медийный текст, передаваемый средствами массовой информации в различных формах. [1, с. 104.] Коммерческая потребительская реклама, пожалуй, наиболее заметная ее разновидность в нашем обществе. Реклама также означает «публичное размещение уведомления или запроса о товарах, услугах и т. д.» [Oxford Advanced Learner's Dictionary, 1994].

Мы относим к тексту рекламы все виды печатных, радио- и телевизионных текстов, стилистически разных, но объединенных одной и той же коммуникативной целью.

Современные исследователи полагают, что понятие текста рекламы как определенного типа дискурса очень важно для его анализа, так как это помогает «[...] получить объемное видение описываемого объекта, понять особенности функционирования слов и изображений в массовой коммуникации и раскрыть механизм их влияния на аудиторию в этом тексте» (W. Wolfram). Мы можем поддержать эту точку зрения, цитируя академика Степанова, который утверждал, что «дискурс представляет собой конкретное использование языка для ментального представления и/или создания возможного (альтернативного) мира в истинном логическом и философском значении этого термина» [2, с. 37–45].

Таким образом, текст рекламы представляет собой отдельный тип дискурса, который характеризуется системой своих собственных стилистических, лексических и грамматических особенностей и функционирует в соответствии со своими собственными правилами. В этом контексте специфические грамматические средства, применяемые копирайтерами, и их правильное использование представляется мощным средством психологического воздействия.

Копирайтеры блестяще играют словами, манипулируя ими и даже искажая их повседневные значения. Они нарушают грамматические правила, используют слова вне контекста и даже придумывают новые смыслы. При этом простой и прямой синтаксис предложений используется для того, чтобы привлечь больше внимания и добавить эффекта, а необычные и яркие слова и короткие четкие фразы легко повторить и, конечно же, запомнить. Они наполняют нашу память названиями брендов, слоганами и лозунгами, ритмами и рифмами, обрывками песен или стихов и, конечно, бесконечными повторениями.

В то же время современные исследования показали, что представители различной аудитории не могут быть затронуты рекламой, которая не отвечает их потребностям.

Именно поэтому нельзя не поднять вопрос о социолингвистическом контексте рекламных сообщений. Это то, что мы считаем самым главным в СМИ: язык не может быть отделен от контекста, в котором он создается и передается аудитории. В связи с этим можно выделить две основные проблемы, связанные с исследованием языка, который транслируется через рекламные тексты:

1) Что такое социальные рамки рекламы, и как они влияют на содержание сообщения?

2) Кто является целевой аудиторией для различных типов рекламы, и как эти типы прямо или косвенно формируют сообщения, направленные на ту или иную аудиторию?

Таким образом, если мы проанализируем текст с точки зрения распределения специфических лингвистических средств в рамках целевой аудитории, мы сможем 1) выявить взаимозависимость между языком рекламного текста

и его целевой аудиторией и 2) изучить то, как социальные и гендерные роли отражены в них.

Изучив достаточное для исследования количество рекламных текстов, размещенных в журнальных печатных изданиях, мы пришли к выводу о том, что любой текст рекламы является явно социально-ориентированным. Это означает, что адресаты делятся на категории и в соответствии с этим определенные языковые средства используются для того, чтобы влиять на эти категории и убедить их принять и полюбить тот или иной продукт или услугу, описанные в рекламном предложении.

Основываясь на этом предположении, мы ввели пропорциональную систему целевых групп, содержащую характеристики основных социальных ролей, к которым обращается большинство рекламных текстов в зависимости от пола и социального статуса участников.

Согласно данной системе, женщины условно разделяются на «домохозяйек», «матерей» и «сексуальные объекты».

Мужчины рассматриваются как «работяги», «бизнесмены» и «потребители». Эта классификация, по нашему мнению, подтверждается различием между тремя основными «центрами» человеческой природы, отвечающих за эмоциональную, рациональную или потребляющую составляющую восприятия.

Соответствие, которое мы наблюдаем между типом аудитории и грамматическими и лексическими формами и конструкциями, используемыми в текстах рекламы, направленной на представителей описанных выше групп, на самом деле является в некоторой степени стереотипным подходом, однако его можно успешно применить к большинству рекламных текстов, описывающих большой спектр товаров и услуг.

Проанализировав весь объем рекламных сообщений, подобранных для исследования, мы также сделали следующие общие наблюдения и выводы:

- Большая часть грамматических явлений, характерных для языка рекламы, направлена на оказание воздействия на женскую аудиторию, так как она считается эмоционально наиболее восприимчивой.

- Морфологические средства (такие, как всевозможные усилители (Intensifiers), сравнительная степень прилагательных и причастий (Comparative degree of adjectives and adverbs), причастие первое и второе (Participle I and II), составные слова и экспериментальное использование слов в разного роде контекстах, как правило, являются наиболее эффективными при воздействии на женскую аудиторию, а не мужскую, поскольку большинство из них обращаются к эмоциональным центрам человеческой природы.

Усиливающие прилагательные, такие, как “elegant”, “superb”, “extraordinary” “enchanted”, “discreet”, “sheer”, “intriguing”, “captivating” и т. д. часто встречаются в рекламном тексте:

“Exclusive design...hand-crafted with Swarovski Crystals and Engraved Heart Charms” (Bradford jewelry). Такие фразы не дают четкой картины, а скорее,

обращаются к нашему воображению и стараются добиться эффекта неожиданности и поразить нас.

Характерной чертой «рекламных прилагательных» является то, что они формируют свои сравнительные степени порой даже без основы для сравнения. Это не мешает им, однако, быть одними из наиболее ярких морфологические средств:

“America are benefiting from the same remarkable hydration and protection cream that has produced smoother, softer and healthier feet around the world for decades” (Sante Active).

Использование форм герундия и причастия I, а также причастия II в тексте рекламы сродни роли форм прилагательных. Они сжимают размер текста и позволяют сконцентрировать внимание аудитории на сообщении:

“Actively monitoring and adjusting portfolios based on changing market conditions with one goal: spoiling your grandkids” (ThriveQ).

Имена прилагательные, используемые в тексте рекламного объявления цепочкой, также заменяет ясное и разумное описание продукта. В этом тексте перед началом описания автор рисует красивую картинку для того, чтобы привлечь читателя эмоционально, а затем использует группы прилагательных в качестве одного атрибутива в обоих случаях:

“Sparkling jewel-like effect calls out your lashes in 4 alluring tinted crystal shades” (Revlon).

В тексте рекламного объявления можно также найти ряд неологизмов в виде наречий и прилагательных. Они, как правило, создаются с использованием типичных для прилагательных суффиксов и других морфологические закономерностей. Они не имеют никакого значения в стандартном английском языке. Например, рекламные объявления могут содержать такие слова, как:

“tomatoful”, “teenfresh”, “temptational”, “flavoursome”, “cookability”, “peelability”, “out-door biteables”, “the orangemost drink in the world”, “Ricicles are twicicles as nicicles” и т. д.

Та же тенденция может наблюдаться в связи с существительными в голофрастических конструкциях типа этой, описывающей лекарство:

“Can’t-get-out-of-bed-itis?” (Flex-a-min).

• Мужчины в большинстве случаев, подвержены влиянию синтаксических структур, поскольку логичная организация текста воздействует на их рациональные «центры». Среди этих синтаксических структур мы можем выделить сжатые и информативные повествовательных предложения (Declarative sentences), условные предложения (Conditionals), «рваный» синтаксис (Disrupt syntax) для привлечения особого внимания к фразе, императивные конструкции (Imperative sentences), Инверсия (Inversion), односоставные предложения (One-member sentences) и т. д.

Убедительная сила повествовательных предложений в целом заключается в их форме, что заставляет их звучать как девизы или заявления:

“My world runs on Dynamic Networking” (at&t).

Такая форма предложение создает образ надежной личности, способной открыто заявить о его / ее желаниях.

Как уже было упомянуто выше, все рекламные тексты подразумевают императив, который несет очень сильный эмоциональный призыв и обладает большой силой убеждения. Особый эффект таким объявлениям придают глаголы, связанные по смыслу с выбором, покупкой и обладанием товаром.

“Get extra close shave” (Gillette).

“Have your Harveys with your Christmas” (Harveys).

“Try new Rice Krispies”.

Синтаксис большинства рекламных текстов может быть разобщенным или нарушенным («рваным»), так как его основной целью является не форма, а смысл сообщения в рекламном тексте:

“Jane Clayson, TV journalist. Always on the move with X’ion Spinner. Four wheels, zero effort” (Samsonite).

“You and us. Because global capabilities really are a big deal” (UBS).

Односоставные, в основном, номинативные предложения, часто создают тон гимна и стиль, близкий к возвышенному:

“America the Beautiful.

From the prairies. To the cities. To the oceans Bright with foam, America shows its true colours.

Colours with a strong constitution. Proud colours.

Young colours.

Colours designed for greatness. [...]” (Maybelline).

Инверсия является одним из самых известных синтаксических средств. Обратный порядок слов в данном случае имеет особое значение, поскольку он способствует созданию определенной оппозиции внутри предложения, которое акцентирует внимание адресата на определенной части сообщения:

“Not only will you see more, but LG LCDs also include cutting edge features” (LG).

Этот прием также обращает наше внимание лишь на действие, описанное в тексте рекламы и тем самым сжимает его объем.

Условные положения являются очень хорошо организованными синтаксическими структурами с точки зрения логики. Обычно они создают причинно-следственные связи, которые звучат в тексте рекламы как логические рассуждения, вовлекая адресата в своего рода дискуссию. Такие конструкции, используемые в качестве средства грамматической выразительности, логически и семантически разделяют предложение на две части, в первой из которых представляются некоторые условия, а во второй – предлагается какой-то выход или вывод.

“Your lifestyle is demanding. If you’re “on-the-go” or dieting you may need to support your energy levels” (Hi-Ener-G).

Использование подобных синтаксических конструкций в тексте рекламы как бы подразумевает следующее: “Если вы купите X, то будет такой-то результат”:

“When your radiance gets you noticed, you’ll love the skin you are in” (Olay).

Что касается распределения данных структур по целевым группам, мы сделали выводы, что в рекламных текстах, предназначенных для домохозяек, чаще всего встречаются усилители (в виде прилагательных наречий), прилагательные и наречия в сравнительной степени и цепочки прилагательных.

На целевую группу матерей хорошо воздействуют инфинитивные и индикативные конструкции, а также причастие II.

Основные структуры, встречающиеся в рекламных текстах, предназначенных для сексуальных объектов – это разного рода усилители и цепочки прилагательных, которые также часто используются для этой целевой группы.

В текстах для работяг мы можем наиболее часто наблюдать такое грамматическое явление, как «рваный» синтаксис. Также очень частотны восклицательные предложения.

По статистике на бизнесменов лучше всего воздействуют синтаксические средства, такие, как повествовательная форма предложений, инверсия и условные предложения.

Императивные конструкции являются основным средством воздействия для потребителей. Такие синтаксические структуры, как «рваный» синтаксис и повествовательные предложения также часто встречаются в рекламных текстах, предназначенных для этой целевой группы.

Процент возникновения того или иного грамматического явления в рекламных текстах для той или иной социальной категории означает также возможность выработать так называемые «идеальные формулы», которые смогут оказывать сильное воздействие на большинство представителей любой целевой аудитории и, таким образом, представлять интерес не только для научного изучения, но и для практического применения в процессе создания рекламных текстов.

Литература:

1. Бобров, В. Б. Англо-русский словарь по рекламе и маркетингу / В. Б. Бобров. – М., Политехника, 1999.
2. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. Язык и наука конца 20-го века / Ю. С. Степанов. – М.: РАН. – 1995. – С. 37–45.
3. Wolfram, W. Sociolinguistic Resources / W. Wolfram. – Режим доступа: <http://www.utexas.edu/courses/linguistics/resources/sociolinguistics>

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ: ДИСКУРСИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

О. А. Сулейманова

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва)

ACADEMIC DIALOGUE IN DISCURSIVE PERSPECTIVE

O. A. Suleimanova

Summary. The paper focuses on the academic discourse and offers discourse analysis of academic texts with respect to explicit and implicit representation of *Others*. Typology of discourse means of representing *Others* is offered.

Введение. Академический дискурс по понятным причинам принципиально диалогичен, причем, по-видимому, в большей степени, чем иные виды дискурса [4], что заставляет обратиться к анализу средств такой диалогизации. Особый интерес представляют в данной связи имплицитные способы идентификации некоего *Другого*, с которым ведется непрерывный диалог в академическом дискурсе. Рассмотрим проблемы, связанные с дискурсивной интерпретацией *Другого* в академическом дискурсе: определим, что понимается под академическим дискурсом, под дискурсивным анализом и рассмотрим средства репрезентации *Другого*.

Академический дискурс

В дискурсивном пространстве академического взаимодействия дискурс, вслед за рядом исследователей [5 с. 75, 76], интерпретируется как составляющая часть научного дискурса. Он реализуется в различных жанрах – научная статья, монография, диссертация и др. В данной работе в качестве материала исследования выбран текст монографии по лингвистике [5] – как отмечает С. Х. Карчаева – монографии, статьи, учебники и учебные пособия обладают высоким уровнем дискурсивных связей, тогда как «в научно-информационных, устно-научных и оценочных текстах дискурсивные связи реализуются не так широко» [Карчаева, 1, с. 22].

Дискурсивный анализ (АД)

Дискурсивная парадигма позволяет отрефлексировать взаимоотношения участников коммуникации, а также персонажей за кадром, вовлекая их в коммуникацию и создавая полифонию. АД в данной работе понимается вполне традиционно – как трехфокусная модель и как комбинация трех составляющих – в дискурсивном анализе, как сформулировано во французской школе АД, участвуют три оси анализа – анализ идеологии текста; анализ интенций говорящего и восприятия реципиента (восходящий к психоанализу), и семантики языковых знаков. При этом в фокус АД попадает, в первую очередь, то, что не получает прямой экспликации, что не подлежит интерпретации без опоры на широкий фон (например прецедентные феномены и аллю-

живность) и не вводится через значение языкового знака только. Следует подчеркнуть, что АД академического дискурса неоднократно предпринимался в лингвистической науке, не говоря уже о том, что различные аспекты академического дискурса постоянно находятся в центре внимания лингвистики. Так, при проведении АД академического дискурса внимание уделяется лексикону, причем с учетом коннотативных смыслов; характеристике структуры предложения по активности / пассивности, номинализации, залогу и модальности, теме (профилированию и фону); структуре текста (мена ролей и тому, как отмечены эпизоды дискурса); интертекстуальности и интердискурсивности [5 с. 82]. Как представляется, АД вместе с тем не всегда учитывает семантику языковых единиц и синтаксических структур в полной мере, тогда как системный учет семантики синтаксиса и данных семантического анализа дискурсивных слов типа местоимений и под. позволяет уточнить характер репрезентации *Другого* в дискурсивной перспективе и его роль в академическом диалоге.

Интерпретация *Другого* в традиционном АД

Рассмотрим лингвистическую интерпретацию *Другого* в рамках АД. Начало системного анализа такого персонажа положено в дискурсивной лингвистике, в частности в работах Ж. Отье-Ревю, которая обратила внимание на неоднородность дискурса, связанную с взаимодействием его участников, а именно: говорящего (адресанта / автора / субъекта) и имплицитного *Другого* (который не равен адресату). В ее работах разграничиваются два типа *Другого* персонажа – первый персонаж вводится говорящим через собственную прямую речь *Другого*, когда говорящий выступает «рупором» другого [2 с. 54]. В косвенной речи говорящий выполняет иную роль – он «переводчик», отсылающий к *Другому* как **источнику смысла передаваемого текста** (выделение мое. – **О. С.**). В последнем случае фигура говорящего как бы раздваивается, за ним возникает фигура *Другого*, следящего за используемыми словами, а фрагменты его речи выделяются как синтаксическими структурами, так и параграфемными средствами – кавычками, курсивом, интонацией. Так создается эффект «повсеместного растворенного присутствия *другого* в дискурсе» [2, с. 58]. Ж. Отье-Ревю предлагает типологию таких средств, которые вплетаются в дискурс, управляя им. Рассмотрим типы таких формул, выделяемые в ее работе.

Во-первых, отмечается выделение чужого голоса, где прямо называется *Другой*: *Зеленая фасоль, al dente, как говорят итальянцы* (пример Ж. Отье-Ревю), *выражаясь словами молодого поколения, нужно «забанить» это*. Автор также относит к этой группе языковых средств такие примеры, как *...хорошее основание для генной инженерии, то есть прямого вмешательства в гены* (с чем сложно согласиться – мы полагаем, что пояснение или парафраз трудно признать однозначно вводящими *Другого* без специальной поддержки контекста, например, *как это известно из исследований лаборатории...*). Пример Ж. Отье-Ревю: *Хиазм, которому часто дают вырази-*

тельное имя «уэстерон-постерон» (греч. *второй-первый*) нуждается в специальном комментарии – если отсылкой к другому считать указание на греческий перевод, это не вполне убедительно – ср. более «убедительное» *как сказали бы греки*). В таком случае отсылка представлена в предикате *дают имя*. Данный тип референции к *Другому* представляет интерес, поскольку системно коррелирует с другими отсылками, связанными с типом предиката (см. об этом специально ниже).

Второй тип референции к *Другому* представлен, по мнению Ж. Отье-Ревю, в оборотах, выражающих сомнение, оговорку; поправку, уточнение; призыв к согласию. Данная группа единиц у Ж. Отье-Ревю чрезвычайно разнообразна, ее сложно свести к общему знаменателю, поскольку типы референции слишком различны, и в их основе лежат различные закономерности, которые нуждаются в детализации. Так, отсылка к своим предыдущим словам (назовем ее автореференцией) создает эффект дистанцированности говорящего от своего «предыдущего» *я*, эффект своеобразного диалога с самим собой прежним – *если вы простите мне это выражение* (здесь имеет место также прямая апелляция к адресату, в силу чего создается полифония за счет взаимодействия речевых действий говорящего, прямым включением в коммуникацию говорящего и отсылкой к другому), *я извиняюсь за выражение, я хотел сказать только, что*. Поправка и уточнение не всегда создает фигуру *Другого: или скорее X*. Еще менее очевиден случай с сомнением и оговоркой типа *в некотором смысле, образно выражаясь, не в прямом смысле*. Во всех этих случаях тем не менее выражено отчетливое отношение говорящего к сказанному кем-то и когда-то.

Следующий тип единиц вносит толкование элемента дискурса – *что следует признать противоречием, скачок в сторону (так говорят о лошади...), в том смысле, как это слово понимали всегда, письмо – во всех смыслах...*. Здесь автором также объединены единицы различного типа с точки зрения формы и характера ввода *Другого*: референция к совокупности, пояснение или комментарий.

Еще одна группа единиц включает аллюзии, цитаты, реминисценции и другие интертекстуальные единицы – *как говорят, повторяя выражение x-а, называемое x-ом*; в ее состав также включены разноплановые единицы: как предполагающие косвенно заданную совокупность (*говорят*), так и эксплицитно заданный источник – *называемое X-ом*. Иными словами, здесь не разграничены эксплицитные и имплицитные *Другие*. (Ниже будет показано, что они ведут себя принципиально по-разному.)

Интересен тип автонимного дискурсивного маркера – на нем строится часто ирония, игра слов и риторический дискурс. Например: *ты солгал – я «солгал», как ты говоришь*.

В качестве дискурсивных маркеров автор предлагает интерпретировать также *засловесную и внутрисловесную* область: каламбуры, паремии, игру слов на основе полисемии и др.

Таким образом, представленная Ж. Отье-Ревю типология включает разнообразные единицы, не обосновывая исчерпывающе основания для именно такого выделения типов *Другого*.

Другой в академическом дискурсе

В дискурсивной перспективе принципиально важным оказывается противопоставление имплицитного и эксплицитного актанта. В академическом дискурсе *Другой* может быть эксплицирован – *Ученые / Н. Н. Петров / Автор полагает...*, и в дискурсивной перспективе данная фигура не представляет интереса (ср. провозглашенная в АД «смерть субъекта»). Экспликация *Другого* имеет место также в пассивных структурах типа *Учеными установлено*, где эксплицирован субъект (но не агенс). В обоих случаях *Другой* «создает» свое дискурсивное пространство, переход в которое эксплицитно маркируется говорящим. *Другой* может также вводиться иными способами, ср.: *с точки зрения психолингвистов, согласно тексту М. М. Бахтина*, где *Другой* представлен именной группой, задающей объем множества лиц-участников события или авторов интеллектуального продукта.

Такая совокупность лиц может задаваться фразами типа *по оценкам / мнению, согласно точке зрения* и др., вносящими информацию о продуктах интеллектуальной деятельности лиц и – косвенно – о *Другом*.

Эксплицирован может быть потенциальный агенс / субъект: *Некоторое влияние крито-микенской пластики усердный наблюдатель может найти в эль-грековских фигурах* (Никонов. Всемирный потоп) – в этом случае участник события не выбран, однако задано множество, из которого он может быть выбран.

Возможно также идентифицировать *Другого* через использование инклюзивного *мы*, которое включает потенциального *Другого* в свое дискурсивное пространство. Нулевое (=имплицитное) инклюзивное *мы*, особенно в форме настоящего времени, «приглашает» академическое сообщество к диалогу: *Рассмотрим Х. Посмотрим на то, как вымирали мамонты* (Никонов. Всемирный потоп).

Эксклюзивное *мы*, напротив, не дискурсивно по своей природе, ср.: *Заметим, что речь идет именно о мульти-, а не билингвизме* (Хутыз. Академический дискурс), где речь идет о действии говорящего только. Ср. тж. *Подчеркнем, что в данном случае...*

Нулевой потенциальный *Другой* реконструируется в высказываниях с предикатами потенциальности типа *можно / нужно / следует* и др. При сравнении фраз *я могу ответить* и *можно ответить* отчетливо видно, что во втором случае имеет место включение (потенциального) *Другого* в сферу дискурсивного пространства говорящего, это своего рода «приглашение» к объединению, готовность к сотрудничеству, говорящий не закрывается от другого – напротив, он солидаризируется с ним. *Интересные выводы можно сделать на основе анализа впечатлений студентов...* (Хутыз. Академический дискурс). *Невозможно охватить все эти ..вопросы в одном издании* (Хутыз.

Академический дискурс). *И это уже трудно назвать* случайным совпадением (Никонов. Всемирный потоп).

Имплицитный *Другой* может быть представлен имплицитным субъектом неопределенно-личного предложения: *Так думали до тех пор, пока к пирамиде не приехали геологи*. В таком случае субъект может задаваться обстоятельствами, имплицитными тип множества участников [3, с. 186–195].

Далее, при использовании безличного коррелята модели *В древности считали, что X* – модели типа *считалось, что X* говорящий ограничивается констатацией принадлежности семантического субъекта к классу людей, не сужая область его референции до какого-либо множества. Он «рисует фрагмент некоторой нормативной картины мира, которую разделяет определенный круг лиц и которая включает в себя свойственный ей набор стереотипных ситуаций и суждений» [3, с. 202]. При этом вносится информация о том, что описываемое событие имеет место не в результате проявления волеизъявления отдельного индивида или группы индивида, а благодаря действию некоторого предписывающего закона, некоей общепринятой нормы. В дискурсивной интерпретации семантики данной модели *Другой* репрезентирован «продуктом» деятельности индивида – выработанными нормам и правилами социума. *Среди достоинств академической мобильности отмечается полноценное знакомство с дисциплинами на иностранном языке* (Хутиыз. Академический дискурс).

Еще одна особая синтаксическая структура, участвующая в дискурсивном диалоге, – это риторический вопрос (это отмечается многими исследователями). *...зачем мы публикуем свои научные открытия, какие качества мы хотим освоить...* (Хутиыз. Академический дискурс). Он отличается от вопросно-ответного диалога между равноправными субъектами: адресантом и адресатом в том, что в риторическом вопросе *Другой* имплицитруется, причем часто маскируется как диалог с самим собой, например: *Как решить эту задачу?*, однако апеллирует и к *Другому*, «приглашая» его к беседе или действию.

Инфинитивная модель типа *Если говорить о X* также «приглашает» в собеседники *Другого*, а императив и средства выражения модальности традиционно относятся к дискурсивно-релевантным средствам. *«Лаокоон» оказался единственным холстом, посвященным греческим преданиям (или, если ориентироваться на текст, римской эпической поэзии)*. (Кантор. Эмигрант из Третьего Рима).

Лексическое значение языковых единиц также оказывается дискурсивно-релевантным – например, слово *отнюдь*, где говорящий вступает в полемику с *Другим* – причем неясно, с кем – это может быть автореференция к своим собственным ранее высказанным мнениям (и в этом случае имеем право говорить о присутствии *Другого* – «прежнего» говорящего), либо к точке зрения *Другого* – собеседника. Ср. *Изображен отнюдь не деревянный конь, который, как это явствует из мифов, вкатили, пробив брешь в стене Трои* (Кантор. Эмигрант из Третьего Рима). Фраза *в какой-то степени* также апел-

лирует к другому и предполагает открытость к потенциальной реакции *Другого*. **В какой-то степени это желание справедливости** (Кантор. Эмигрант из Третьего Рима).

Прецедентность и цитации встречаются по понятным причинам в академическом дискурсе чрезвычайно часто: *Центральным положением философии «пограничной ситуации» (пользуясь термином Ясперса) является то, что только через факт безнадежного сопротивления человек возвращает себе утраченную связь с Творцом* (Кантор. Эмигрант из Третьего Рима).

Выводы

Принципиальная особенность академического дискурса состоит в том, что, в отличие от художественного и массмедийного дискурса, в академическом дискурсе противопоставление *Другому* имеет место прежде всего, когда *Другой* принадлежит иному интеллектуальному пространству, он «создал» свое когнитивное пространство: *Н. П. Петров полагает*. Частотны также высказывания вида *В работе Н. П. Петрова отмечается*, где автор работы дистанцирован от результата, и фокус сообщения составляет результат работы, а не личность Петрова. Вместе с тем автор может фокусироваться на диалоге с академическим миром не в прямой, эксплицитной форме, а через имплицитное включение *Другого* в сферу своих концепций, осуществляя естественную связь с научной традицией, защиту своей точки зрения на фоне обязательно иных воззрений – это и делает роль *Другого* чрезвычайно значимой, я бы сказала, что более значимой, чем роль адресата. Дискурсивная парадигма позволяет отрефлексировать взаимоотношения участников коммуникации, а также персонажей за кадром, вовлекая их в коммуникацию и создавая полифонию академического дискурса.

Литература:

1. Карчаева, С. Х. Дискурсивность научного текста: автореферат дис. ... канд. филол. наук / С. Х. Карчаева. – Нальчик, 2010. – 22 с.
2. Отье-Ревю, Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *другого* в дискурсе / Ж. Отье-Ревю // Квадратура смысла. – М., 1998.
3. Сулейманова, О. А. Проблемы русского синтаксиса: безличные предложения / О. А. Сулейманова. – М.: МГУ, 1999.
4. Сулейманова, О. А. Диалог с Другим в академическом дискурсе / О. А. Сулейманова // Диалог культур и культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. – М., 2016. – С. 539–547.
5. Хутыз, И. П. Академический дискурс. Культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний / И. П. Хутыз. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 172 с.

FELICITY/INFELICITY CONDITIONS OF COMPLIMENTING IN ENGLISH

Alina Ferranti

Monterey, California (USA)

Summary. The article regards a compliment as being an etiquette speech formula, functioning in standard communicative situations, as an interpersonal ritual. If the rules of its usage are unknown to communication partners, that might have a dramatic effect on a single act or the whole process of communication.

To function properly in miscellaneous communicative situations, any compliment as a speech act (SA) must satisfy the following conditions. First of all, the author of the compliment must possess preliminary knowledge of general kind or background knowledge. It includes etiquette norms that are determined by national and cultural particulars of this or that linguo-cultural society; generally accepted societal norms or conventions; Politeness and Tact maxims [P. Brown, S. Levinson; R. Lakoff]; Modesty maxims [G. Leech] and the Cooperative Principle [P.H. Grice]. Secondly, one has to have in mind that the given SA is a linguistic phenomenon that is inherent in interpersonal discourse. By producing the compliment, the speaker shortens the distance between the partners making it more intimate. Thirdly, the compliment, its application, functioning, interpretation and felicity rules are restricted by the situation in which it's used. Its successful functioning to a certain degree depends on the context and its being known by the interactants (verbal/nonverbal, communicative and pragmatic, social, sometimes historic, etc) and the communicative situation. The fact that both communicants share the above-mentioned information, that the relevant information is available for both of them is overwhelmingly important.

The communicative failures of complimenting are represented in the dyadic patterns of verbal interaction differently. The reasons for communicative failures of any compliment can be

- 1) violation of the Cooperative Principle
 - a) quality maxim

As P.H. Grice, we refer to irony and metaphor:

"I must say, Barney, you're an oasis of urbanity in a sewer of scientific snobs" [7, p.108].

- b) relevance maxim.
- 2) violation of Politeness Principle:

"Just what makes you so smart?" Hank demanded of Wyman.

"I'd say heredity, environment, and study," Peter replied [7, p.117].

Paralinguistic features of the compliment production, the fact that the speak-

er expresses the illocutionary force of demand violates the addressee's freedom, threatens his 'social face' - i.e. individual's self-esteem.

3) felicity failures are tied to

a) various social positions, statuses and social roles that the communicators play,

b) various perception of reality/life around them,

c) various psychological characteristics:

"I think you've made a conquest," I laughed.

"I'm not flattered."

In his place I should have been more embarrassed and less calm [6, p.65].

The failure of the compliment depends on the way both of the communicators perceive the world and see how the things stand.

4) violation of Sincerity Principle:

"Maybe he's a little amorous," said Craw, in his softest tone, as he rhythmically patted her shoulder. *"You're an attractive woman, Phoebe. Don't you forget that, my dear. You can exert an influence without knowing it."* He affected a paternal sternness. *"Now, have you been flirting with him? A woman like you can flirt without being conscious of the fact"* [4, p.162].

From the general context and the communicative situation in which the speaker and hearer interact we get to know that the compliment addressee isn't so attractive as the author of the compliment points out.

Successful complimenting depends on a number of conditions, which can be of much use in any human interaction. They are background knowledge, frames, societal and cultural norms, conventions, Politeness, Modesty, Cooperation Principles. The interactants should have common contextual and situational knowledge in the process of communication. The reasons for communicative failures of the given SA are 1) violation of the Cooperative Principle; 2) violation of Politeness Principle; 3) various social positions, statuses and social roles that the communicators play, various perception of life around them, various psychological characteristics; 4) violation of Sincerity Principle.

Литература:

1. Brown, P. Politeness. Some universals in language usage / P. Brown, S. C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

2. Grice, H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // *Speech Acts (Syntax and Semantics; ed. by P. Cole, J. Morgan. – Vol. 3. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41–58.*

3. Lakoff, R. T. The logic of politeness: or minding your p's and q's / R. T. Lakoff // *Proceedings of the 9-th regional meeting of the Chicago Linguistics*

Society. – University of Chicago, 1973. – P. 292–305.

4. Lé Carré, J. *The Honorable Schoolboy* / J. Lé Carré. – Toronto, etc.: Bantam Books, 1977. – P. 162.

5. Leech, G. N. *Principles of Pragmatics* / G. N. Leech. – London: Longman, 1983.

6. Maugham, W. S. *The Moon and Sixpence* / W. S. Maugham. – M.: Progress Publishers, 1972. – P. 65.

7. Segal, E. *Doctors* / E. Segal. – Toronto, etc.: Bantam Books, 1989. – P. 108–117.

РЕАЛИЗАЦИЯ МАССОВОЙ ФОБИИ В ДИСКУРСЕ

Г. Г. Слышкин

*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(Москва)*

MASS PHOBIA IMPLEMENTATION IN THE DISCOURSE

G. G. Slyshkin

Summary. The article is concerned with the means of discursive subduedness of thanatophobia. Laughter discourse is shown as the space of mass phobia implementation. Different linguistic techniques of horror defamiliarization are described in detail.

Психологи единодушно относят страх к базисным человеческим эмоциям. Более того, в работах отдельных исследователей страху отводится роль протоэмоции, возникшей ранее всех остальных. На протяжении своего существования общество выработало богатый арсенал средств борьбы со страхом. К числу наиболее эффективных из них следует отнести трансляцию фобий в смеховой дискурс.

Сам процесс вербализации страха ведет к его ослаблению. Согласно закону речевого поглощения эмоций, выраженное в форме связного рассказа эмоциональное переживание поглощается речью и исчезает [7, с. 144]. Данный прием издавна эксплуатируется человеком для уменьшения чувства тревожности. Особенно отчетливо это проявляется в дискурсе наименее защищенных групп населения (ср., например, детские «страшилки» или страсть пожилых людей к пересказу криминальных историй). Однако еще больших успехов в освобождении от фобии человек добивается, не просто вербализуя страшное, а помещая его в комический контекст. «Когда истерик-ипохондрик все время “ноет”: “Вот я скоро умру, тогда будете знать”, – то, вероятнее всего, он действительно в этот момент чувствует “дуновение смерти”, но, сообщаясь с логикой обывателя, отталкивает “идею смерти” от себя путем ее

риторической заниженной повседневной подачи» [4, с. 510–511]. Аналогичным образом функционируют смеховые тексты, основанные на страхе. Карнавальная профанация фобии позволяет освободиться от страха.

Большинство анекдотов может сравнительно безболезненно подвергаться модальной трансформации и рассказываться как правдивые истории. Особенно часто это происходит с анекдотами, основанными на концепте «нелепое». Анекдоты же, доминантой которых является концепт «страх», должны непременно восприниматься коммуникантами как фикциональные тексты. Для них наличие метатекстового ввода (такой фразы, как Давайте я анекдот расскажу или Слушайте, вот хороший анекдот) обязательно. Превращение модальности повествования в реальную ведет к немедленной потере комического эффекта, поскольку он был основан не столько на сюжете, сколько на смеховом статусе жанра. Комедия превращается в трагедию [5; 6].

«Страх существует независимо от культуры и уровня развития народа или отдельных его представителей; единственное, что изменяется – это объекты страха» [3, с. 14]. Концепт «страшное» присутствует в смеховой картине мира каждого этноса. Однако для русскоязычного социума в силу постоянной экстремальности его существования этот концепт оказывается особенно значим и широко представлен. Так, экспериментальные исследования показывают, что понимание русского черного юмора вызывает существенные затруднения у представителей британской лингвокультуры. «Англичанам требуется некоторое усилие, чтобы понять комизм ситуации, в которой обыгрываются убийство, насилие, жестокость» [2, с. 210].

Собственная жизнь и жизнь других людей воспринимаются нормальным человеком как величайшая ценность. В основе большинства конкретных страхов лежит угроза утраты этой ценности, т.е. страх смерти. Именно поэтому тема смерти (как естественной, так и насильственной) наиболее обильно представлена в «черных» анекдотах.

Принципиально значимой характеристикой представления смерти в смеховом дискурсе является избегание ее прямой номинации. Такие слова, как *смерть*, *умирать*, *убивать*, для этих текстов табуированы. Именно иносказание становится инструментом карнавальской профанации смерти. Давая смерти альтернативные обозначения, рассказчик демонстрирует свою власть над ней. В процессе восприятия каждого анекдота данной группы адресат должен осуществить декодирование некоего эвфемизма, получив в итоге практически одну и ту же информацию: персонаж мертв или умрет в ближайшее время. Ниже мы рассмотрим основные способы непрямого обозначения смерти в современном русском анекдоте:

1. Отрицание футуральности. Умирание воспринимается носителем языка как отсутствие будущего. Так, Е. И. Горошко, проанализировав свободные ассоциации больных, находящихся на четвертой стадии развития онкологического заболевания, отметила в качестве их языковой особенности почти полное отсутствие грамматической формы будущего времени [1]. От-

рицание будущего регулярно используется в анекдоте для передачи идеи смерти. Эксплицитному отрицанию могут подвергаться как существительные, так и глаголы с футуральным значением:

– *Доктор, а мне потом можно будет есть сало?*

– *Какое сало?!*

– *Ну, в будущем...*

– *В каком будущем?!*

Еще один пример:

Врач, подойдя к постели больного, рассматривает рентгеновский снимок: «Сколько вам лет больной?» «Да 53 будет». «Не будет...»

Идея отсутствия будущего может передаваться путем использования языковых единиц, значение которых включает сему окончательности действия:

Врач, уезжающий в отпуск, делает обход палаты: «До свидания, Петров. До свидания, Иванов. Прощайте, Сидоров».

В данном примере значение предикатива *прощайте*, употребляемого при окончательном расставании, усиливается за счет контраста с семантически близкой единицей до свидания, внутренняя форма которой подразумевает ожидание новой встречи.

Отсутствие будущего может выражаться также более косвенно – путем отрицания форм деятельности, характеризующихся протяженностью во времени:

– *Скажите, доктор, это серьезно?*

– *Ну, сериалы я бы на вашем месте смотреть не начинал...*

2. Полисемия. Частотным средством апелляции к смерти в смеховой картине мира является также использование полисемантических слов, одно из значений которых связано со смертью. Контекст при этом организован таким образом, чтобы сделать актуальными как моральное (т.е. связанное со смертью), так и неморальное значение. Приведем два примера:

Киллер входит в комнату, где мило беседуют двое новых русских и говорит: «Господа, разрешите, я вас перебью?»

В концлагере дежурный офицер объявляет заключенным: «Сегодня у нас дискотека! Сейчас пулеметчик Ганс прокрутит вам два новых диска!»

В первом примере неморальное значение лексемы *перебивать* – ‘прерывать, не давая договорить’ – актуализируется ситуацией общения (беседа двух человек, в которую вторгается третий), моральное же значение – ‘убить нескольких (одного за другим)’ – номинацией субъекта речи (киллер). Во втором тексте неморальное значение слова *диск* – ‘грампластинка или иной носитель информации (в т.ч. музыки)’ – контекстуально подкрепляется однокоренной лексемой *дискотека*, а моральное значение – ‘магазин ручного пулемета или автомата, вмещающий патроны’ – местом действия (концлагерь) и субъектом действия (пулеметчик).

3. Буквализация значения фразеологизма. Идея смерти может передаваться посредством игры на внутренней форме метафоры, лежащей в основе фразеологизма. Буквальное значение устойчивого выражения актуализируется за счет контекста:

Анна Каренина в юности очень боялась, что ее никто не возьмет за муж. Мать ее утешала: «Не плачь, Аннушка, твой поезд еще придет». (Метафорическое значение выражения *твой поезд еще придет* немортально: 'тебя ждет удача, у тебя впереди счастливое будущее'; буквальное же значение в сочетании с именем Анна Каренина носит смертельный характер: 'тебе предстоит умереть под колесами поезда').

4. Метонимическое ассоциирование. Апелляция к концепту «смерть» может осуществляться путем упоминания объектов, которые так или иначе связаны с ситуацией смерти в реальности. Можно выделить несколько тематических групп подобных ассоциаций:

4.1. Атрибуты погребения. Метонимические отношения «погребение → смерть» регулярно реализуется в русской языковой картине мира (ср. контекстуальные синонимы смерти *гроб, могила, гробовая доска*). Смеховые тексты не менее активно эксплуатируют данную ассоциацию:

– *А Вася дома?*

– *Вася да, а венки уже вынесли.* (Ассоциация «венки → похоронный ритуал → смерть»).

– *Доктор, у меня СПИД!*

– *Принимайте грязи.*

– *А это мне поможет?*

– *Нет, зато к земле привыкнете!* (Ассоциация «земля → погребение → смерть»).

В больничную палату заходит человек со словами: «Кто сдавал вчера анализы?» «Я сдавал», – отвечает больной. «Какой у вас рост?» «Метр шестьдесят пять». Человек поворачивается и уходит. Больной вслед: «Доктор, а как же мои анализы?» «Я – не доктор. Я – плотник». (Ассоциация «плотник → изготовление гроба → погребение → смерть»).

4.2. Элементы медицинского знания. Современный человек регулярно болеет, лечится, проходит обследования, читает медицинскую литературу, воспринимает рекламу лекарственных препаратов. Беседы о здоровье являются значимым элементом повседневного фатического общения. Кругозор среднего носителя языка включает довольно обширную медицинскую информацию. К этому популярному медицинскому знанию обращается анекдот для эвфемистического обозначения смерти. Вместо констатации факта смерти или ее ожидания рассказчиком номинируются симптомы летального состояния:

– *Какая у больного температура?*

– *Нормальная, комнатная, 18 градусов...* (Общеизвестное медицинское знание: «комнатная температура может быть лишь у мертвого тела»).

– *Доктор, а когда меня выпишут?*

– *Когда распрямится ваша кардиограмма* (Общеизвестное медицинское знание: «прямая кардиограмма – показатель остановки сердца, т.е. смерти пациента»).

Используемые в смеховом тексте медицинские показатели могут находиться со смертью не только в симптоматических, но и в причинно-следственных отношениях:

«Если я не ошибаюсь, я поручил вам взять кровь у пациента из шестой палаты?» – говорит врач медсестре. «Да, доктор, я взяла. Ее ровно 5,2 литра». (Общеизвестное медицинское знание: «большая (а тем более полная) кровопотеря ведет к смерти»).

4.3. Мифологические реминисценции. Для актуализации концепта «смерть» в сознании адресата смехового повествования могут использоваться обстоятельства, с которыми сопряжена смерть в мифологическом пространстве. Данная группа метонимических ассоциаций реализуется в смеховой картине мира довольно редко и основывается, в основном, на элементах христианской мифологии:

Пациент приходит в себя после наркоза: «Доктор, операция прошла успешно?» «Я – не доктор, сын мой. Я – апостол Петр». (Общеизвестный мифологический элемент: «апостол Петр – привратник рая и ада; встреча с ним происходит после смерти»).

5. Неполное произнесение слова. Как правило, смерть настигает персонажа анекдота неожиданно. Для создания образа внезапной смерти в смеховой картине мира часто используется прием иконической номинации, состоящий в обрыве высказывания на полуслове:

– *Кукушка, кукушка, сколько мне жить?*

– *Ку!..*

– *А почему так ма?..*

Передача «Что? Где? Когда?». Ведущий: «А вот наш телезритель из Чечни спрашивает – что в черном ящ...»

Подведем некоторые итоги:

1. Смеховая картина мира детально отражает систему ценностей социума. К числу ее доминант относится концепт «страшное».

2. В основе большинства конкретных человеческих страхов лежит страх смерти. В рамках смеховой картины мира регулярно осуществляется профанация смерти путем ее не прямой номинации.

3. Основными способами иносказательного обозначения смерти в смеховых текстах являются отрицание футуральности, использование полисе-

мии, буквализация значения фразеологизма, метонимическое ассоциирование, неполное произнесение слова.

Литература:

1. Горошко, Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е. И. Горошко. – М.; Харьков, 2003.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004.
3. Риман, Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии / Ф. Риман. – М., 1998.
4. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М., 1997.
5. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт «страшное» в смеховой картине мира / Г. Г. Слышкин // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Изд-во «Индрик», 2007. – С. 454–464.
6. Слышкин, Г. Г. «Страшное» как системообразующий концепт смеховой картины мира / Г. Г. Слышкин // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей / Под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград: «Колледж», 2007. – С. 15–26.
7. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В РАЗВИТИИ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

А. А. Дроздова

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

COMPETENCE APPROACH IN THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE SKILLS IN TERMS OF PROFESSIONAL LEARNING

A. A. Drozdova

Summary. Competence approach in the development of communicative skills in context of professional learning is intended on teaching students to orient freely in a foreign environment and also reacting in different linguistic situations adequately. Linguo-cultural aspect presents a great importance in communication. English as a subject of teaching shows a strong resources for the development of professional competence of specialists as professional competence is an integral component of vital competence of personality.

В настоящее время в отечественной педагогике происходит замена парадигмы человека знающего на парадигму «человека, подготовленного к жизнедеятельности», т. е. человека, способного активно и творчески мыслить и действовать, состоявшегося как личность и способный к дальнейшему саморазвитию и самосовершенствованию [1].

Компетентностный подход в развитии коммуникативных умений в условиях профессионального обучения призван научить студентов свободно ориентироваться в иноязычной среде, а также уметь адекватно реагировать в различных языковых ситуациях. В. А. Адольф считает, что процесс профессионального обучения должен быть организован так, чтобы конкретные знания, умения, навыки, приобретенные на учебных занятиях, могли быть использованы для решения широкого круга задач, в том числе для решения задач в процессе будущей профессиональной деятельности [2]. Компетентностный подход к проблеме формирования языковой коммуникативной компетенций, позволяющий усилить практическую ориентацию исследуемого процесса в условиях реализации современных образовательных программ, исследовали В. А. Адольф, В. И. Байденко, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, А. И. Иванов, А. В. Хуторской и др.

Ориентация образовательной системы на компетентностный подход в содержании образования находит свое выражение в области обучения иностранным языкам в формировании межкультурной компетенции как показателя сформированности способности человека эффективно участвовать в иноязычном общении на межкультурном уровне. Специфика целевых и содержательных аспектов иноязычного образования обусловлена тем, что в качестве центрального элемента уровневой модели выступает обучаемый как субъект учебного процесса и как субъект межкультурной коммуникации.

Следствием успешного достижения цели должна появиться широкая общеобразовательная компетенция, что доставляет неотъемлемую часть их коммуникативной компетенции. Существуют такие задачи, которые необходимо решать уже на начальном этапе обучения: повышать мотивацию к успеху; формировать не только познавательные, но и профессиональные мотивы и интересы.

Сегодня английский язык является средством межкультурного общения. Часто участники коммуникации говорят на неродном языке, наполняя его культурными различиями. Поэтому необходимо учитывать и лингвокультурологический аспект в коммуникации.

Сегодня, в связи с расширением межкультурных контактов возрастает потребность общества в специалистах различного профиля, владеющих иностранным языком. Язык – главный выразитель самобытности культуры. Но также он является главным посредником в межкультурном коммуникационном процессе.

Успешная и продуктивная межкультурная коммуникация в рамках профессиональной деятельности предполагает наряду с владением иностранным языком умение адекватно интерпретировать коммуникативное поведение представителя иносоциума, а также готовность участников общения к восприятию другой формы коммуникативного поведения, пониманию его различий и варьирования от культуры к культуре. Стратегия сближения инокультурных знаний направлена на предотвращение не только смысловых, но и культурных сбоев в коммуникации.

Для достижения понимания в межкультурной коммуникации её участники должны не просто владеть грамматикой и лексикой того или иного языка, уметь переводить и вести деловые переговоры, но знать культурный компонент значения слова, реалии чужой культуры.

Таким образом, успешность осуществления межкультурного взаимодействия зависит от учета лингвокультурологического аспекта, что предусматривает изучение особенностей культуры, определяющих специфику общественного и делового поведения партнера, детерминируемого влиянием исторических традиций и обычаев, образа жизни и т. п.

В заключение отметим, что английский язык как предмет преподавания проявляет мощные ресурсы для развития профессиональной компетентности специалистов, поскольку профессиональная компетентность является неотъ-

емлемым компонентом жизненной компетентности личности. Подходя к проблеме формирования коммуникативных умений в условиях неязыкового вуза, преподаватель должен ставить задачу развивать у студентов интеллектуальную, психологическую и социальную готовность к активизации имеющихся у них знаний и ресурсов в ситуации профессионального общения, принимая во внимание, что компетенция – это не только наличие знаний, но и способность их активизировать в профессиональной деятельности, при этом особую важность составляет лингвокультурологический аспект.

Литература:

1. Кавецкий, И. Т. Основы психологии и педагогики / И. Т. Кавецкий, Т. Л. Рыжковская и др. – Минск: Изд-во МИУ, 2010.
2. Адольф, В. А. Развитие профессионального потенциала педагога в условиях обновления образовательной практики / В. А. Адольф, И. Ю. Степанова // Инновации в образовании. – 2011. – № 10. – С. 14–25.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ПЕРЕВОДУ КАК МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ

Е. Н. Ермолаева, А. К. Рыбкина

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

COMPETENCE-BASED APPROACH TO PROFESSIONALLY AND CULTURALLY ORIENTED INTERPRETATION TRAINING

E. N. Ermolaeva, A. K. Rybkina

Summary. The article focuses on the issues of implementation of competence-based approach to professionally-oriented interpretation training for students of higher school. Competence is seen as the ability to apply knowledge, skills and personal qualities to successfully meet the challenges arising from human activities, including activities in a certain area. A training strategy to professionally-oriented interpretation described stage-by-stage by the authors of the article and based on years of their personal teaching experience may well serve as an illustrative example of the formation of competences needed for successful professional activities.

В современном мире, где межкультурная коммуникация приобрела колоссальные масштабы, роль переводческой деятельности невозможно переоценить. Процесс перевода – это акт не только лингвистический, он не сводится

лишь к владению иностранным языком и умению находить соответствующие слова или словосочетания в исходном языке и языке перевода. Переводчику приходится учитывать культурный аспект и прагматически-коммуникативные особенности текста как перевода, так и оригинала. Свободное владение иностранным языком сегодня не означает умения быстро и качественно осуществлять устный перевод на русский или иностранный язык. Это умение требует особых профессиональных лингвистических и экстралингвистических знаний и навыков.

В настоящее время подготовка профессиональных переводчиков в различных сферах деятельности актуальна и востребована как никогда. Дополнительная квалификация «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» дает возможность студентам сочетать свои знания по основной специальности и переводческие навыки в сфере профессиональных интересов, открывая широкие возможности трудоустройства. В требованиях, разработанных Министерством образования Российской Федерации, к уровню практического владения иностранным языком и дополнительной квалификацией «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» указано, что выпускник «должен уметь осуществлять предпереводческий анализ текста; определять цель перевода; уметь выбирать общую стратегию перевода с учетом его цели и типа оригинала; уметь осуществлять письменный (в ограниченном объеме – устный) перевод текстов, относящихся к сфере основной профессиональной деятельности; уметь правильно оформлять текст перевода в соответствии с нормами и узусом, типологией текстов на языке перевода; уметь профессионально пользоваться словарями, справочниками, базами данных и другими источниками дополнительной информации» [2].

Основой новых образовательных программ выступает компетенция, т. е. способность применять знания, умения и личностные качества для успешного решения задач, возникающих в жизнедеятельности человека, в том числе и в деятельности в определенной области. Идеи компетентного подхода в процессе обучения обсуждаются достаточно широко. Компетентный подход к построению новых учебных планов предполагает глубокие системные преобразования во всех составляющих высшего образования. Структура этих компетенций («знать», «уметь», «владеть») реализуется как высококвалифицированная, осмысленная, эффективная, творческая, практическая деятельность.

Обучение профессионально-ориентированному переводу в рамках компетентного подхода предусматривает специально организованную учебную деятельность, где переводческая компетентность формируется в процессе выполнения профессиональных задач, для реализации которых студентам необходимы соответствующие знания и умения. У будущих переводчиков необходимо формировать и развивать не только профессиональные навыки, но и способность их самостоятельно совершенствовать, иметь критическое мышление, формировать креативный подход в решении трудных задач. Пе-

реводчик должен не только хорошо владеть иностранным языком и учитывать особенности и тонкости коммуникации, уметь выбрать правильную стратегию перевода, учитывать все исторические, социальные, культурные и другие экстралингвистические факторы, но также владеть новейшими информационными технологиями, быть эрудированным и грамотным посредником коммуникации.

В этом контексте нельзя не согласиться с мнением Н. Н. Гавриленко, что «переводческая компетентность – понятие, интегрирующее ряд составляющих/компетенций, обусловленных особенностями основных аспектов деятельности переводчика..., таких, как: межкультурная коммуникация в определенной профессиональной сфере деятельности (способность понимать высказывания на иностранном языке и переводить согласно норм родного языка), профессиональная (наличие у переводчика профессиональных знаний, умений и навыков), социальная (использование приемов общения, принятых в данной профессиональной среде, социальная ответственность за результаты) и личностная (наличие соответствующих личных качеств необходимых для выполнения профессиональной деятельности» [1, с. 12].

На основании вышесказанного можно с уверенностью утверждать, что современная компетентностно-ориентированная методика обучения устному переводу должна включать ряд стратегий, нацеленных как на выработку собственно навыка быстрой устной межъязыковой трансляции, так и на формирование личностных, социальных, культурных и профессиональных компетенций будущего переводчика. Формированию данных компетенций способствует решение таких задач, как ознакомление студентов со спецификой переводческой деятельности и особенностями профессии устного переводчика, освоение методологии и опыта работы в ситуациях последовательного и синхронного перевода, расширение знаний по общественно-политическим дисциплинам (экономике, истории, культуре страны родного и изучаемого языка), отработка навыка быстрого переключения на язык перевода при активном использовании полуавтоматической подстановки переводческих соответствий, отработка навыка формального и содержательного сегментирования текста оригинала на единицы перевода, отработка навыка аудирования и одновременного проговаривания перевода и чтения следующего отрезка оригинала, освоение повышенной скорости чтения (около 200 слов в минуту при средней скорости говорения 100 слов в минуту), выработка умения использовать приемы смысловой и языковой компрессии и средства смысловой и формальной когезии текста, изучение систем переводческой скорописи и нотации, отработка техники качественной устной речи и т. п.

Для полномасштабного обучения технике устного перевода необходим постоянный и систематический активный комплексный тренинг отработки переводческих навыков и умений: выполнение упражнений, применяемых в разных школах перевода (тренинг памяти, тренинг переключения с языка на язык, «теневого повтор», «нашептывание», компрессия и развертывание тек-

ста, техника переводческой скорописи, упражнения по мнемотехнике, игровые и шуточные упражнения, микрореферирование, упражнения на замену и трансформацию номинации и т. п.).

По мере освоения студентами такого тренинга необходимо постепенное сокращение доли упражнений на занятии и посвящение второй половины занятия различным видам устного перевода (с живого голоса, в том числе, с приглашением носителей иностранного языка, в записи – аудиоречи, видеосюжеты с субтитрами на иностранном языке и без них). Таким образом, основной объем времени отводится практике последовательного и синхронного одно- и двустороннего перевода связных текстов, поскольку здесь решаются все задачи в комплексе, а упражнения носят характер постоянного сопровождения в начале занятия – в качестве мобилизующего тренинга. Также используется и устный перевод с листа, что способствует быстрой ассимиляции иноязычного текста, быстрой переработке информации средствами родного языка.

Продуктивным способом формирования и развития иноязычной межкультурной компетенции является активное внедрение интерактивных образовательных технологий, таких как, имитационные межкультурно-коммуникативные ситуации и ролевые игры (интервью при посредничестве переводчика, публичное выступление, сопровождаемое последовательным или синхронным переводом, проведение переводческих конференций), разбор предложенных конкретных ситуаций (case study), критическое обсуждение переводческих заданий, организация встреч и мастер-классов с практикующими профессиональными переводчиками. Такие интерактивные формы организации учебного процесса отвечают требованиям межкультурного обучения благодаря своей близости к практике. Они в большей степени, чем традиционные методы обучения, ориентированы на практические требования и изучение практических ситуаций межкультурного общения. Положительным моментом является и то, что они дают возможность организовать учебную деятельность студентов, которая характеризуется: высокой степенью самостоятельности, мышления, сочетаемостью индивидуальных и групповых форм обучения, близостью к реальной профессиональной деятельности.

Метод ролевых игр характеризуется тем, что студенты исполняют роли, которые воссоздают часто повторяющиеся ситуации межкультурного общения. Ролевые игры служат не только созданию творческой, непринужденной атмосферы, закреплению полученных знаний в виде поведенческих коммуникативных навыков в стандартных ситуациях общения, но и содержат конкретные критические случаи в виде проблемных ситуаций, подлежащих разрешению, т. е. способствуют выработке навыков разрешения межкультурных коммуникативных конфликтов. Ролевые игры предъявляют высокие требования, в том числе и к уровню квалификации преподавателя. В обучении профессионально-ориентированному переводу ролевая игра – это метод, при помощи которого в непринужденной форме можно выработать определенные

способности к межкультурной коммуникации, т. е. сформировать у студентов иноязычную межкультурную компетенцию. Их использование, как правило, значительно повышает мотивацию и заинтересованность студентов в овладении переводческими навыками и иностранным языком в целом, как средством своего профессионального и личностного роста, снижает языковой барьер и устраняет психологический барьер во взаимодействии студентов с преподавателем.

Ярким примером таких активных форм обучения может служить организация и проведение пресс-конференций и переводческих микроконференций, требующих серьезной подготовки как со стороны студентов, так и со стороны преподавателя. При подготовке к учебной переводческой конференции студенты выполняют следующую работу: изучают специальную литературу по теме конференции, выполняют поиск аналоговых текстов и готовых глоссариев в сети Интернет, составляют собственный тематический параллельный глоссарий на двух языках (включая родной), готовят сообщения на тему конференции и выбирают себе роль (имя, род деятельности / должность, страну, язык доклада), составляют список новых лексических единиц, используемых в докладе, оформляя их в виде карточек с тем, чтобы раздать их «переводчикам» непосредственно перед началом конференции для поиска эквивалентов. Такая подготовка способствует соблюдению определенных принятых правил при организации мероприятий, этических норм, освоению необходимых языковых фраз и клише, логическому выстраиванию как всего мероприятия, так и собственной речи и перевода. После конференции преподаватель делает анализ перевода каждого студента и всех студентов в целом, а также выясняет мнения студентов относительно степени успешности проведенной конференции.

Текущий контроль умения переводить последовательно и синхронно осуществляется в устной форме на каждом занятии и сопровождается комментариями и объяснениями преподавателя. Промежуточный контроль осуществляется на переводческих конференциях, где студент показывает владение лексикой по предложенным темам конференций, демонстрирует умение переводить устно, работать в переводческой кабине, быстро переключаться с рабочего языка конференции на другие языки. Итоговый контроль осуществляется в виде зачёта или экзамена, на котором студенту предлагается выполнить два вида перевода текстов разной тематики (перевод с листа и последовательный / синхронный перевод (на выбор)). Перевод с листа осуществляется без подготовки. Последовательный и синхронный перевод, выполняемый студентом, записывается на аудионоситель, а затем прослушивается преподавателем и оценивается.

Объектом контроля являются сформированные на занятиях и в результате самостоятельной работы студентов навыки синхронного и последовательного перевода с иностранного на родной язык и наоборот. Во внимание принимаются следующие критерии: адекватность и презентабельность перевода,

разнообразии языковых средств, точность, полнота и логичность перевода, грамотность речи на языке перевода, профессиональное поведение студента-переводчика и соблюдение им переводческой этики.

Все вышеизложенное подтверждает необходимость использования компетентностного подхода при подготовке будущих переводчиков. Тщательный анализ составляющих профессиональной компетентности переводчика позволяет четко представить последовательность формирования необходимых способностей, знаний, умений и навыков при подготовке переводчиков профессионально-ориентированных текстов, а профессионально грамотные действия преподавателя при такой организации и проведении занятий гарантируют успех и результативность учебного процесса.

Литература:

1. Гавриленко, Н. Н. Программа-концепция подготовки переводчиков профессионально ориентированных текстов / Н. Н. Гавриленко. – М.: Научно-техническое общество имени академика С. И. Вавилова, 2011. – 122 с.

2. Государственные требования к минимуму содержания и уровню профессиональной подготовки выпускника для получения дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (третий уровень высшего профессионального образования). – Режим доступа: http://www.dvgu.ru/umu/MO_RF/orders/uchproc/p1435.htm

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИСЕМИЯ КАК ПРОБЛЕМА ОБЩЕНИЯ ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ч. Б. Кожалиева

«Московский городской педагогический университет» (Москва)

kozhalieva.chinara@gmail.com

LANGUAGE POLYSEMY AS A PROBLEM OF COMMUNICATION OF PERSONS WITH DIFFERENT LEVELS OF INTELLECTUAL DEVELOPMENT

Ch. B. Kozhalieva

Аннотация: обсуждается проблема понимания социумом особенностей владения языковыми средствами общения детьми с интеллектуальными / ментальными особенностями развития. Отставание в усвоении многозначности языковых средств, бедность семантического наполнения словаря данной категории детей приводит к искажениям и неправильной интерпретации их сообщений в ситуациях общения с окружающими.

Ключевые слова: полисемия, многозначность языка, общение, интеллектуальные нарушения, ментальные особенности, дети, понимание языковых средств общения, осознание, личностная перцепция.

Abstract: discusses the problem of understanding the society of the features of the possession of language means of communication with children with intellectual / mental characteristics of the development. The lag in the assimilation of the ambiguity of language means, the poverty of the semantic content of a dictionary of this category of children leads to distortions and misinterpretation of communication with society

Key words: polysemy, language polysemy, communication, intellectual disorders, mental disability, children, the understanding of language means communication, awareness, personal perception.

Важность обсуждения проблемы понимания, адекватного восприятия и прежде всего усвоения языковых средств общения, в том числе их семантического наполнения, представляется чрезвычайно актуальной, когда речь идет о детях. В современной ситуации осмысления новой философии образования стержневой становится идея, согласно которой «все дети должны учиться вместе». В обществе активно поддерживается данный концепт. Вместе с тем недостаточно внимания уделяется осмыслению той реальности, что индивидуальные различия детей значительны. Вариативность детской популяции по таким параметрам как личностные и индивидуально-психологические особенности не только не подвергается сомнению, но всячески поддерживается, изучается, а порой подчеркивается всеми участниками образовательных отношений, обществом в целом, а также специалистами разного профиля. Разность мнений специалистов и их рассогласованность в оценке индивидуальных различий у детей оказываются порой непреодолимыми, когда возникает необходимость установить уровень интеллектуального развития ребенка. Еще большие трудности возникают в ситуации принятия родителями факта наличия интеллектуальных нарушений у ребенка. В последние годы сформировалась тенденция к обозначению данной категории детей как «дети с ментальными нарушениями» или «с ментальными особенностями развития», которые нами используются как равнозначные.

Знание установленного факта отклоняющегося от нормативного интеллектуального развития у ребенка логически ведет нас к осознанию наличия специфических закономерностей в формировании структурных компонентов интеллекта. Подробный анализ семантического наполнения понятия «интеллект» и структуры интеллекта не является задачей данного небольшого исследования, не станем здесь обсуждать и вопрос сформированности / несформированности языковых средств общения у детей с интеллектуальными нарушениями. Принимая а priori тот факт, что у детей с особенностями интеллектуального развития, независимо от степени интеллектуальных нару-

шений, есть специфические, присущие структуре дефекта закономерности языкового развития, следует учитывать их возможности усвоения всего многообразия языковых средств общения. Отставание в овладении всеми структурными компонентами речи от нормативного становится очевидным на ранних этапах онтогенеза и имеет тенденцию к все более значительному расхождению у детей с разными вариантами интеллектуального развития / недоразвития по мере усложнения языкового материала.

Акцентируем внимание на проблеме общения детей с разным уровнем интеллектуального развития. Присущий детям с интеллектуальными нарушениями сниженный уровень понимания многозначности языковых средств общения, бедность семантического наполнения лексикона оказывается препятствием для полноценного общения. С другой стороны, стоит задаться вопросом: осознается ли самими детьми данная проблема или она является таковой для других участников общения? Очевидно одно – сложности межличностной перцепции возникают в том числе при недостаточном знании не только личности собеседника, в полном объеме данного понятия, но в большей степени в ситуациях незнания возможностей владения и интерпретации языковых средств общения детьми с интеллектуальными / ментальными нарушениями. Анализ состояния изученности вопроса владения языковыми средствами, их семантической многозначностью для продуктивного общения данной категорией детей показывает ее некоторую проработанность. Вместе с тем на сегодняшний день нет исследований, где формулируется проблема восприятия межличностной перцепции детьми с разным уровнем интеллектуального развития, находящихся в инклюзивной среде.

Подводя итог небольшого эссе, подчеркнем, что актуальным и требующим компетентного подхода является в первую очередь, повышение квалификации специалистов, работающих с детьми в области психологии общения с детьми, имеющими интеллектуальные / ментальные особенности развития. Важно особо отметить что, возможно, назрела необходимость создания специальных языковых средств общения с детьми / лицами с интеллектуальными нарушениями, подобные тем, которые разработаны и с разной степенью успешности применяются для включения в социальную среду детей с расстройствами аутистического спектра, с нарушениями слуха и зрения.

Литература:

1. Кожалиева, Ч. Б. Образ Я в структуре личности умственно отсталых подростков: монография / Ч. Б. Кожалиева. – М.: Буки Веди, 2013. – 144 с.
2. Кожалиева, Ч. Б. Понимание и интерпретация семантики диагностических инструкций детьми с ментальными нарушениями: материалы 18-й и 19-й Международных научно-практических конференций по психологии, философии и педагогике чтения, посвященных 20-летию Международного института чтения им. А. А. Леонтьева и 130-летию Российского психологи-

ческого общества при Московском университете / Ч. Б. Кожалиева // Журнал Международного института чтения им. А. А. Леонтьева, выпуск 12. [Электронный экземпляр]. – М., 2014. – С. 174–175.

3. Кожалиева, Ч. Б. Образовательные возможности как платформа образовательной инклюзии / Ч. Б. Кожалиева, Ю. А. Шулекина // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – Сб. статей. – Ялта: РИО ГПА, 2016. – Вып. 52. – Ч. 3. – С. 335–345.

4. Кожалиева, Ч. Б. Психолого-педагогическая готовность участников образовательных отношений инклюзивных школ к общению с детьми с ОВЗ: материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика» (19–21 мая 2016) / Ч. Б. Кожалиева, Ю. А. Шулекина. – Ялта: Региональный центр высшего образования инвалидов, 2016.

5. Шулекина, Ю. А. Выявление и коррекция нарушений смыслового восприятия речевого высказывания у младших школьников с общим недоразвитием речи: автореферат дис. ... канд. пед. наук / Ю. А. Шулекина. – М.: Изд. МГПУ, 2008.

НЕОБХОДИМОСТЬ ЧТЕНИЯ И ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ КАК ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ УМЕНИЙ ПОНИМАТЬ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ НАУЧНУЮ ИНФОРМАЦИЮ

А. Г. Михайлова

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

THE NECESSITY OF READING AND TRANSLATING ENGLISH TEXTS AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF SKILLS TO UNDERSTAND AND USE SCIENTIFIC INFORMATION

A. G. Mikhaylova

Summary. The availability of engineering and technical personnel to work with the sources of scientific and technical information published in foreign languages is of particular importance nowadays. The necessity of reading and translating English texts is obvious as it allows not only to develop the ability to understand scientific information, but to use it for theoretical analysis of the future research work. The engineer must be able to keep track of what is done and planned in the relevant branch of science and technology.

Интенсивно развивающиеся интеграционные процессы, рост профессиональных и академических обменов, углубление международного сотрудничества стимулировали поступательное развитие иноязычного образования. В этих условиях иностранный язык приобретает статус действенного инстру-

мента формирования интеллектуального потенциала общества, который становится на современном историческом этапе одним из главных ресурсов развития нового государства.

Сформированность у студентов знаний и умений работать иностранной литературой при решении профессиональных задач становится неотъемлемой частью готовности будущих инженеров к профессиональной деятельности. Умение самостоятельно работать с англоязычной литературой становится важной составляющей того разнообразия профессиональных умений и навыков, которыми должен владеть современный инженер. Сформированность знаний и умений работать иностранной литературой предполагает вооружение обучаемых глубокими и всесторонними знаниями, которые составляют необходимую основу для развития высокого профессионализма и обеспечивают мобильность личности в динамически меняющихся условиях жизни.

В контексте продвижения человечества к информационной цивилизации одной из ключевых характеристик, определяющих профессионализм современных специалистов, становится обладание информационным ресурсом и способность к его постоянному пополнению и обновлению. Это требует умения свободно ориентироваться в существующих информационных потоках, находить нужные источники информации, правильно их интерпретировать и использовать результаты этой работы при решении профессиональных задач.

В последние годы особую значимость приобретает готовность инженеров к работе с источниками научно-технической информации, публикуемыми на иностранных языках, что связано с ускорившимися темпами обновления научно-технических знаний и ростом объема публикуемой в мире научно-технической информации. Тем самым, в современных условиях готовность будущих инженеров к работе с иноязычными источниками научно-технической информации позволит им подняться на новую ступень профессионального развития, дополнив свою профессиональную квалификацию информационной и коммуникативной компетенциями.

Методолого-теоретической основой нашего исследования являются:

– теоретические основы подготовки специалистов в инженерном вузе (В. Г. Иванов, А. А. Кайбияйнен, В. В. Кондратьев, Ю. П. Похолков и др.), теория и методика педагогических исследований (Ю. К. Бабанский, М. Н. Скаткин), способы оптимизации учебного процесса (И. Я. Лернер, С. А. Смирнов), положения технологии контекстного (А. А. Вербицкий) и проблемного (И. Я. Лернер, М. И. Махмутов, М. Н. Скаткин) обучения, исследования по использованию информационных технологий в контексте работы с иноязычными текстами (Б. Н. Климзо, И. Г. Захарова, В. Д. Николаева) [1].

Основным критерием, позволяющим отграничить профессионала от узкого специалиста, является, по мнению А. А. Деркача, разнообразие эффективных профессиональных умений и навыков [3]. На наш взгляд, это предпола-

гает умение специалиста совмещать не только несколько видов деятельности, но и выполнять их на одинаково высоком уровне.

На современном этапе общественно-производственных отношений умение инженеров работать с англоязычной литературой становится неотъемлемой составляющей того разнообразия профессиональных умений и навыков, которое отличает профессионала от узкого специалиста. Но современный инженер, работая в более динамичных и жестких условиях, должен уметь самостоятельно, по зарубежным первоисточникам, отслеживать, что делается и планируется в соответствующей отрасли науки и техники.

Данное требование отражено и в нормативных требованиях Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования: инженер должен знать передовой и зарубежный опыт в соответствующей области знаний, достижения зарубежной науки и техники; владеть рациональными приемами поиска и использования научной и технической информации», способностью к восприятию, анализу, обобщению информации, постановке цели и выбору путей её достижения; владеть способностью владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, наличием навыков работы с компьютером как средством управления информацией и способностью работать с информацией в глобальных компьютерных сетях [5, 6, 7].

Ускорившееся обновление научно-технических знаний в мире, заставляющее по-новому взглянуть на понятие «профессионализм» применительно к современным инженерам, происходит на фоне изменений и в самой сфере высшего технического образования, проявляющихся в росте числа вузов. Все это создает ситуацию, при которой многочисленные выпускники начинают сталкиваться со все возрастающими требованиями к их квалификации. При этом меняется сама структура требований, в которой важное место начинает отводиться такому компоненту, как умение самостоятельно работать с зарубежными первоисточниками по профилю специальности.

Как отмечает М. И. Захарова, «практическая ценность чтения на иностранном языке фокусируется в возможностях сравнительно легко, с помощью книги и словаря, добывать актуальную информацию» [4].

В практике работы кафедры «Романская и германская филология» Севастопольского государственного университета (СевГУ) для перевода домашнего чтения используются *аутентичные материалы*, источником которых выступают Интернет и научные издания (например инженерные журналы, материалы научных конференций). Использование именно таких материалов способствует созданию необходимого познавательного настроения студентов, максимально приближает учебную деятельность со спецификой будущей профессиональной деятельности. Результатом такой работы является накопленный теоретический материал по направлению выбранного исследования, что является теоретической частью научно-исследовательской работы.

Чтение текстов на английском языке – один из способов изучения языка. Это важный вид речевой деятельности, направленный на восприятие и понимание письменного текста. Это дает возможность повторно перечитывать части текста при непонимании с целью подробного анализа содержания. Именно чтение, предполагающее анализ, синтез, обобщение, умозаключения и прогнозирование, выполняет значительную воспитательную и образовательную роль.

При обучении иностранному языку чтение занимает одно из главных мест по своей важности и доступности. Чтение может выступать и как средство формирования и контроля смежных речевых умений и языковых навыков и как средство обучения и контроля.

В программе в качестве цели обучения чтению выдвигается развитие у учащихся умений читать тексты с разным уровнем понимания содержащейся в них информации: с пониманием основного содержания (ознакомительное чтение); с полным пониманием содержания (изучающее); с извлечением необходимой значимой информации (поисковое), причем последнее имеет особую важность для будущей научно-исследовательской работы будущего инженера.

Чтение с выборочным извлечением полезной информации направлено на нахождение в тексте теоретической информации для ее последующего исполнения в определенных целях. Эта информация может быть 2 видов: конкретная информация, при этом человек обращается к определенным частям текста; информация о полезности текста. Это чтение с целью получить общее представление о содержании текста и выбрать необходимый источник из нескольких (просмотровое).

Выбор английских текстов для чтения может осуществляться самостоятельно – опытным путем, либо с помощью преподавателя. **Источником текстов на английском языке** могут служить научные тексты по специальности. **Обучение чтению англоязычных текстов следует осуществлять через методы технологии развития критического мышления.**

Критическое мышление (англ. critical thinking) – система мнений, которая используется для анализа событий с формулированием обоснованных выводов и позволяет выносить обоснованные интерпретации, а также правильно применять полученные результаты к ситуациям и проблемам. Цель данной технологии – развитие мыслительных навыков обучающихся, необходимых не только в учебе, но и в обычной жизни (умение принимать взвешенные решения, работать с информацией, анализировать различные стороны явлений).

Отражая интеллектуальную деятельность, научная информация характеризуется логичностью и объективностью. Функция научной прозы – последовательное, систематичное и аргументированное изложение научных концепций и теорий. Условия научной коммуникации порождают тенденцию к традиционности и унификации языковых средств, поэтому научный текст от-

личается от других типов текстов большей регламентированностью, хотя и допускает некоторые индивидуальные отклонения [2, с. 3].

В качестве результатов работы с переводом аутентичных материалов студенты представили накопленный бесценный теоретический материал по теме будущей дипломной работы, а некоторые студенты определились с темой исследовательской работы. Накопленный теоретический материал был отражен в научных докладах, представленных на научно-практической конференции «Recent Achievements and Prospects of Innovations and Technologies», организованной кафедрой Романская и германская филология» СевГУ. В сборнике данной конференции содержатся материалы докладов, рассматривающих теоретические и практические вопросы инновационных технологий, проблемы экологии и защиты окружающей среды, медицины, экономики и педагогики. Приведем примеры научных исследований:

- Voltage Converters 12 V–220 V.
- Wireless Electricity Transfer .
- Bandgap Voltage Reference in CMOS Technology.
- The Principles of the Selection of Perimeter Protection Detectors.
- On-Chip Temperature sensor.
- Laser Method of Control Quality of Objects with Special Shape.
- Noninvasive Glucose Measurement Technologies.
- ЕНАНН 184-Autonomous Aerial Vehicle AAV.
- Methods of Increasing the Reliability of the Security Systems.
- Innovate Tools and techniques for Process Improvement in IT Management.
- Cooling System for Smartphones from FUJITSU.
- Wireless Sensor Network.
- Achievements and Prospects of Robotics.
- The Smart Cities.
- LI-FI Technology.
- IT Specialists and Marketing [8].

Проведенный анализ профессиональных стандартов «Инженер-технолог по производству изделий микроэлектроники», «Инженер в области проектирования и сопровождения интегральных схем и систем на кристалле», «Инженер-технолог в сфере производства наноразмерных полупроводниковых приборов и интегральных схем», «Инженер-конструктор волоконно-оптических систем передачи данных», «Инженер-технолог подготовки технологических сред производства интегральных схем», «Инженер по качеству в радиоэлектронном производстве», «Инженер-конструктор в радиоэлектронном производстве» показал, что среди необходимых трудовых умений выделяются умения определять пути решения технических и технологических проблем, применять новые методы и технологии в области радиотехники, электроники и телекоммуникации, отбирать оптимальные проектные решения на всех этапах проектного процесса, осуществлять методологическое обоснование научного исследования, что, в свою очередь, пред-

полагает сформированность умений читать тексты с разным уровнем понимания содержащейся в них информации.

Благодаря знанию иностранного языка, умению чтения и перевода, студенты имеют возможность расширить кругозор и развить личностные качества и профессиональные умения. Способность будущих специалистов к постоянному обогащению своих знаний и умений, уровень развития их профессионально-значимых личностных качеств, направленность на профессионально-творческое саморазвитие и самореализацию являются доминирующими показателями качества профессионального образования, его целевыми ориентирами.

В заключение следует отметить, что при применении различных стратегий чтения текстов достигается уровень, который стимулирует дальнейшее изучение иностранного языка, создавая стойкую потребность в знаниях языка. Чтение, предполагающее анализ, синтез, обобщение, умозаключения и прогнозирование, выполняет значительную воспитательную и образовательную роль. Умение инженеров работать с англоязычной литературой становится неотъемлемой составляющей профессиональных умений и навыков, что отличает профессионала от узкого специалиста. В качестве основной цели обучения чтению считаем развитие у учащихся умений читать тексты с разным уровнем понимания содержащейся в них информации с извлечением необходимой значимой информации для будущей научно-исследовательской работы.

Литература:

1. Васильев, А. П. Педагогические условия формирования готовности будущих инженеров к работе с ИИНТИ / А. П. Васильев // Дорожно-транспортный комплекс: состояние и перспективы развития: сборник трудов 1 Межрегиональной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2007. – С. 198–207.
2. Гредина, И. В. Перевод в научно-технической деятельности: учебное пособие / И. В. Гредина. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 121 с.
3. Деркач, А. А. Акмеология / А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с.
4. Захарова, М. И. Перевод как форма работы в неязыковом вузе / М. И. Захарова // Актуальные вопросы методики преподавания английского языка: сб. науч. ст. – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет, 2006.
5. "Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 11.04.01 Радиотехника (уровень магистратуры)" (Зарегистрировано в Минюсте России 25.11.2014 N 34915). – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения: 09.06.2016).

6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 210601 Радиоэлектронные системы и комплексы (квалификация (степень) "специалист") (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 23 декабря 2010 г. № 2024). – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения: 09.06.2016).

7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего (профессионального) образования по направлению подготовки 11.03.01 – Радиотехника (квалификация – Бакалавр), утвержденный Приказом Минобрнауки РФ от 22 декабря 2009 г. № 814. – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения 09.06.2016)

8. Recent Achievements and Prospects of Innovations and Technologies: материалы V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, г. Севастополь, 23 мая 2016 г. / под ред. Т. Г. Клепиковой, А. Г. Михайловой и др.; Севастопольский государственный университет. – Севастополь: Резерв, 2016. – 334 с.

СПЕЦИФИКА ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Л. В. Мокренцова

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) (Ялта)*

THE SPECIFICS OF A LINGUODIDACTICS TRAINING OF THE FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS

L. V. Mokrentsova

Summary. The article deals with the essence of teaching and linguodidactics conditions of training the future teacher of foreign language during the educational process. The theoretical foundations in training for foreign language communication are reviewed. The place of the foreign language of training in linguodidactics is justified on the basis of modern pedagogical experience.

В специфике подготовки будущего учителя иностранного языка отражены как общее предназначение учителя в целом, так и подготовка качественно новой личности педагога, что обусловлено системой современных требований к подготовке специалиста в сфере общеобразовательной системы. Что касается инновационного подхода в обучении иностранного языка, то к этому вопросу неоднократно обращались в своих исследованиях В. П. Беспалько, Н. В. Гавриш, И. Ф. Гудзик, К. Л. Крутий, Н. В. Кузьмина, А. В. Мудрик, И. М. Румянцева, И. А. Шаповалова.

Современные исследования в области лингводидактической подготовки будущего учителя иностранного языка свидетельствуют о том, что профессиональные качества являются основополагающими в готовности учителя к педагогической работе, так, можно выделить целую группу наиболее важных качеств, необходимых для формирования педагога, а именно:

- высокие нравственные и гражданские качества;
- педагогическая направленность личности как интегральное качество, включающее в свою подструктуру интерес и склонность к педагогическому труду, любовь к детям и ориентацию на воспитание личности ученика;
- педагогическая подготовленность или профессиональная компетентность, педагогическое творчество;
- педагогические способности, в частности, дидактические, академические, перцептивные, организаторские, экспрессивно-речевые, коммуникативные, рефлексивные, управленческие, волевые, актерские (элементы), суггестивные, проективные, конструктивные, творческие и др. [5].

При подготовке будущих учителей нужно «формировать гибкость мышления, умение диагностировать и прогнозировать развитие учащихся, предвидеть результаты своих действий, умение не только ставить педагогические цели, но и добиваться их оптимальным способом [4, с. 177]. По его мнению, качественно новый подход в подготовке будущих специалистов посредством лингводидактики рассматривает «проблему налаживания интегративных связей как предметов разных циклов, так и внутрипредметных взаимодействий» [4, с. 177].

Для определения лингводидактических условий подготовки будущего учителя иностранного языка следует выявить ряд лингвопедагогических условий, которые способны влиять на эффективную подготовку будущего специалиста. Так, по мнению К. Гуревич, будущий учитель может выполнить своё предназначение только тогда, «когда он обладает определенными профессионально-личностными качествами, или профессиональной пригодностью к избранному труду» [3, с. 93]. Р. Девлетов выделяет следующие компоненты качества подготовки будущего учителя, без которых невозможно обойтись в современной системе образования: «методическая подготовка; лингводидактическая подготовка; лексикографическая подготовка; коммуникативная подготовка, переводческая компетентность и педагогическая подготовка» [4, с. 177].

На современном этапе обучения иностранному языку можно выявить множество вариантов и различных средств подготовки. Всё это способствовало к выделению новых требований к преподавателю, который в процессе обучения должен действовать не по «шаблону», а исходя из наиболее подходящей методической системы, которая соответствует непосредственным условиям обучения в определённом педагогическом процессе.

Педагог должен понимать помимо владения языком, к которому и должен быть подготовлен обучающийся, сам процесс овладения данным языком в

процессе педагогической деятельности, используя все свои умения и достижения для совершенствования при изучении иностранного языка. У современного преподавателя должна быть выработана собственная стратегия подготовки обучающихся в процессе овладения ими иностранного языка с использованием теоретической базы для получения объективности усвоения языка с целью определения наиболее значимых стратегий и форм обучения языку в условиях учебного процесса.

Языковая личность является порталом для речевого общения, при котором теоретические аспекты изучения иностранного языка рассматриваются во взаимосвязи всех трёх научных дисциплин, выделяя наиболее значимую категорию исследования – межкультурную коммуникацию в целом, где «лингводидактика изучает проблемы, связанные с анализом, управлением и моделированием процессов овладения языком» [2, с. 83], а дидактика рассматривает способность к речевому общению как «стратегическую цель обучения, в то время как предметом частной методики является процесс передачи и усвоения (изучения) способности к общению на изучаемом языке с учётом конкретных условий обучения» [2, с. 83].

Если методист занимается подготовкой обучаемого к речевой коммуникации на изучаемом языке, он должен быть сведущим в особенностях подготовки к процессу овладения языком. При всём при этом сама методика не является той дисциплиной, которая занимается непосредственной подготовкой будущего учителя иностранного языка к процессу коммуникации, она лишь является неким посредником между различными областями знаний, среди которой наиболее значимой является дидактика, которая рассматривает «общие закономерности обучения» любому языку.

По мнению Г. Пифо, дидактика должна ответить в современной образовательном процессе на следующие вопросы: «что? (из общего объёма стремительно развиваемых знаний), почему? (с точки зрения важности и ценности содержания обучения для учащихся), зачем? (с учётом потребностей учащихся в период обучения и в дальнейшей деятельности), когда? (применительно к соответствующим условиям обучения, возрастным и индивидуальным особенностям обучаемых) и, наконец, как? (определённым образом спланированные обстоятельства, в которых учащиеся получают доступ к объекту усвоения и возможность овладеть умениями, оценить их, а также практически использовать)» [8, с. 71].

Исходя из этого, напрашивается вывод, что дидактика языка в отличие от лингводидактики, которую интересует лишь «процесс овладения» иностранным языком, занимается непосредственной передачей знаний, умений и навыков в процессе подготовки будущих специалистов. Хотя в современных исследованиях и нет чётких границ между дидактикой и лингводидактикой во время подготовки будущего специалиста и его овладения иностранным языком, тем не менее по мнению немецких учёных К. Бауша и Х. Крума дос-

таточно интересной является их теория овладения языком во время учебного процесса.

Согласно этой теории, обучение иностранному языку призвано «исследовать и дать описание универсальных механизмов усвоения языка в учебных условиях и вывести объективные закономерности процесса обучения языкам, которыми могут воспользоваться дидакты и методисты» [2, с. 83]. Тем не менее данная теория не может быть взята за основу, ведь она изучает не усвоение иностранного языка в результате обучения, а само изучение, это, в свою очередь, свидетельствует о том, что теоретическая значимость не настолько важна без овладения и использования изучаемого языка, а это как раз и является основополагающей категорией лингводидактики.

В современной отечественной науке лингводидактика рассматривается как система готовности к языковому общению, так и непосредственная коммуникация на изучаемом языке. Г. Богин рассматривает лингводидактику как науку о «приобретении» языка, что, в свою очередь, позволяет ему рассматривать всевозможные теории и методики для наиболее эффективной подготовки будущих учителей иностранного языка [1]. В своих исследованиях Г. Богин пытался показать всю значимость лингводидактики, указывая на то, что данная наука изучает овладение любым языком, и не важно, является ли данный язык родным или иностранным. Также он предложил свою лингводидактическую модель при формировании иноязычной языковой личности.

Отечественные учёные, обосновывая основные положения лингводидактики, важное место отводят для изучения непосредственно языку, который способствует развитию языковой личности и формирует её как основу для дальнейшей межкультурной коммуникации. Так, по утверждению Н. Шанского, основной целью обучения языку является моно- и билингвальное описание языка, что позволяет наиболее глубоко и точно рассматривать языковую личность в процессе её обучения. По его мнению монолингвальное описание изучения языка включает в себя:

- анализ в учебных целях каждого уровня языка и его фрагментов;
- лингвистические операции по определению содержания и структуры соответствующего раздела в школьном курсе русского языка;
- языковые заготовки для учебника, учебных пособий и словарей;
- определение и описание в учебных целях минимума теоретических сведений для изучения.

В свою очередь, билингвальное описание языка в учебных целях направлено на анализ сходств и различий языков на различных уровнях и определение роли языка в условиях различного билингвизма [7, с. 4–8]. Тут следует отметить и тот факт, что изучение языка связано непосредственно с речью, которая способствует формированию мировосприятия и ментальных особенностей, благодаря приобщению к культуре и традициям изучаемого языка, что впоследствии приводит к качественно новому воспитанию личности, ведь опыт иноязычного общения заставляет обучающегося глубже вникать в

проблематику не только языковых особенностей но и культурных особенностей носителей данного языка. Тем не менее, при изучении иностранного языка не следует связывать лингводидактику с лингвистикой, ведь для формирования языковой личности лингводидактика включает в себя базис различных дисциплин, связанных между собой одной единственной целью – научить обучаемого не только говорить на иностранном языке, но и понимать значение изучаемого языка в процессе межкультурной коммуникации, иметь собственное представление о культуре и традициях для полного освоения языковой культуры.

Лингводидактика является своего рода методологическим аспектом в теории обучения языку и призвана искать наиболее подходящие методологии при подготовке будущего специалиста. Н. Гальскова и Н. Гез говорят о том, что лингводидактика как наука «призвана осмыслить и описать лингвокогнитивную структуру языковой личности, обосновать условия и закономерности её развития как желаемого результата в процессе преподавания и изучения иностранного языка, а также изучить специфику как объекта усвоения / преподавания (языка, языковой картины мира носителя изучаемого языка), так и взаимодействие всех субъектов этого процесса, природу ошибок (языковых, лингвострановедческих и, более широко, культурологических) и механизм их устранения» [2, с. 88].

При изучении иностранного языка следует помнить, что виды языковой деятельности невозможно рассматривать отдельно друг от друга. По мнению Н. Станкевич, помимо общепринятых методических принципов обучения видов языковой деятельности, важными моментами в обучении иностранному языку являются:

- природность говорения – тут рассматривается приближение диалогов к реальной жизни, «что отражено в лексико-структурной организации псевдокоммуникации». Ведь правильное построение диалогов в учебнике, в реальности не совпадает с построением предложений при описании окружающей действительности;

- упрощение учебных текстов – при подборке текстов для чтения следует их адаптировать на уровень познавательной деятельности обучающихся, с применением этнических и национальных особенностей культуры, чей язык изучается;

- тематическая организация материала – при проведении занятия должна быть ведущая тема, ведь благодаря концентрации на чём-то одном, обучающийся способен оставлять в памяти полученные знания намного лучше, чем, допустим, при изучении нескольких тем одновременно;

- учет коммуникативных стратегий – для формирования умений и навыков следует использовать принцип ситуативности, который способствует отбору и использованию нового учебного материала для интегрированной коммуникации;

– мотивация в учебе – тут следует остановиться на атмосфере в аудитории и роли учителя как руководителя и помощника для усвоения необходимого учебного материала. Преподаватель сам определяет то необходимое для изучения, что чувствует во время занятия, для полноты усвоения обучающимися.

Из этого следует, что «для правильной организации обучения языку как иностранного, необходимо осмыслить структуру и предметное содержание языковой деятельности, психофизиологические механизмы его обеспечения родным и иностранным языками, сущность и особенности его видов, однако не менее важным является практическое воплощение основных принципов обучения видам языковой деятельности, основанное на богатом опыте лингводидактов» [6, с. 46].

Итак, в современной образовательной системе исследования в области лингводидактики свидетельствуют о необходимости создания правильного научного обоснования термина, для эффективного оценивания иноязычного обучения, способствующего формированию языковой личности. Это свидетельствует о том, что лингводидактика должна разрабатывать методологию подготовки будущих специалистов, моделируя специфику содержания образовательного процесса для полного усвоения обучающимися необходимого учебного материала для формирования языковой личности.

Литература:

1. Богин, Г. И. Современная лингводидактика / Г. И. Богин. – Калинин, 1980.
2. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учебное пособие для студентов лингвистических университетов и факультетов иностранных языков высших педагогических учебных заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 6-е изд., стер. – М.: Академия, 2009. – 336 с.
3. Гуревич, К. М. Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы / К. М. Гуревич. – М.: Наука, 1970. – 272 с.
4. Девлетов, Р. Р. Лингвопедагогические условия подготовки будущих учителей начальных классов к проведению словарной работы / Р. Р. Девлетов // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – Т. 27 (66). – № 1, Ч. 1. – 2014 – С. 176–182.
5. Кузьмина, Н. В. Структура коммуникативных способностей учителя / Н. В. Кузьмина. – М., 1993. – 285 с.
6. Станкевич, Н. Види мовленнєвої діяльності в аспекті лінгводидактики / Н. Станкевич // Теорія і практика викладання української мови як іноземної. – 2009. – Вип. 4. – С. 226–237.

7. Шанский, Н. М. Методика преподавания русского языка: достижения и проблемы / Н. М. Шанский // Русский язык в национальной школе. – 1982. – № 6.

8. Piefo, H. E. Kommunikative Didaktik des Englischunterrichts / H. E. Piefo. – Limburg, 1979.

ОЦЕНИВАНИЕ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ МЕТОДИКИ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАДАНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Т. Ю. Осадчая

*Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Ялта)*

TASK-BASED LANGUAGE ASSESSMENT WITHIN THE UNIVERSITY FOREIGN LANGUAGE TEACHING

T. Yu. Osadchaya

Summary. The article focuses on one of the modern approaches to second language learning and teaching – the task-based language teaching approach. It gives a brief explanation of testing / assessment principles within the framework of task-based language assessment and the wider context of task-based language teaching. The methodology of different task types designing is also provided. It is emphasized that assessment methods can become a key motivational drive in the process of second language acquisition.

Одним из сравнительно новых подходов к преподаванию иностранных языков является метод коммуникативных заданий. Он возник и развивается в рамках коммуникативной парадигмы, но творчески переосмысливает ее принципы, исходя из результатов исследований как в области методики преподавания, так и в области психологии обучения.

Как видно из названия метода, в центре внимания преподавателя и студентов находятся коммуникативные задания. Коммуникативным заданием называется такой вид деятельности в процессе обучения иностранному языку, который имеет, во-первых, определенную цель, во-вторых, включает в себя определенное содержание, в-третьих, предполагает получение конкретного результата, в-четвертых, отражает реальную ситуацию, в которой должен быть использован иностранный язык. В программе обучения по данному методу распределение материала по разделам и урокам основывается на выделении различных заданий и видов деятельности, а не на лексико-грамматических темах [10]. Как справедливо замечает О. В. Киндт: «В рамках этого подхода обучение ориентировано на процесс овладения

языком, на то, что происходит в период обучения и какие действия и задания выполняют обучаемые» [1].

Коммуникативное задание – это такое взаимодействие с партнерами по общению на иностранном языке или какой-либо другой вид деятельности учащихся, главная цель которого – использование лексико-грамматических знаний студентов для выражения их мыслей, или, говоря более обобщенно, для получения результата, не связанного с непосредственно речевой деятельностью [9]. Коммуникативные задания рассматриваются как инструмент, который может обеспечить обучающихся всей необходимой информацией для изучения разнообразных тем.

В современной методике иностранный язык как предмет изучения рассматривается не только как набор грамматических правил с сопутствующим набором лексики, которую необходимо запомнить. Язык – это динамический источник создания разнообразных смыслов. Обучение языку рассматривается не только как процесс формирования речевых навыков, но и как процесс социальный (то есть процесс адаптации учащегося в иноязычной культурной среде) и процесс когнитивный (то есть процесс познания: овладения знаниями, умениями, навыками общения на иностранном языке; причем акцент делается на том, что студенты должны «знать как», то есть как выразить свои мысли, а не «знать что», то есть слова, фразы, набор грамматических правил и т. д.) [9].

Итак, метод коммуникативных заданий – это обучение общению через общение на иностранном языке, то есть средства и результат обучения в данном случае совпадают. Цель обучения в рамках данного метода – научить обучающихся выразить любую мысль на иностранном языке. Любые правила, изучаемые на занятиях, должны рассматриваться студентами через призму того, как они могут помочь достичь ту или иную коммуникативную цель общения, адекватно взаимодействовать в различных ситуациях общения с представителями иноязычной культуры.

Метод коммуникативных заданий был предложен М. Лонгом (M. Long) в 80-х годах 20 века, и разные его аспекты были достаточно тщательно разработаны зарубежными методистами: R. Ellis, P. Foster, P. Skehan, Y. Kim, W. T. Littlewood, M. Long, G. Crookes, J. M. Norris, D. Nunan, L. Ortega, P. Robinson, A. Shehadeh, P. Skehan, J. Willis и многие другие. В отечественной науке данный метод изучался с точки зрения использования зарубежного опыта на занятиях по иностранному языку: Е. С. Блик, О. В. Киндт и другие, а также рассматривался с позиций современных тенденций в методологической науке: А. А. Харьковская, Ю. В. Привалова и другие.

Однако система оценивания знаний и умений обучающихся в рамках данного подхода, будучи тщательно разработана зарубежными учеными, не нашла достаточно широкого освещения в отечественной науке. Этим объясняется актуальность нашего исследования.

Известно, что одним из важнейших критериев эффективности любой методики преподавания иностранного языка является ее нацеленность на формирование позитивных мотивов обучающихся, основанных на их личностных и профессиональных потребностях. То есть, только если студенты достаточно мотивированы к изучению языка и культуры, возможно результативное обучение общению на иностранном языке. Мотивами в отечественной педагогике называют «... те побуждения, которыми ученик руководствуется, осуществляя те или иные учебные действия либо учебную деятельность в целом. И чтобы учение возникло, в учебной ситуации должны быть мотивы, движущие ученика к гностической цели – к овладению определенными знаниями и умениями» [2, с. 189].

Исследования показывают, что мотивационная сфера студентов не статична и может изменяться в процессе самого обучения, в случае, если преподавателем создается позитивная атмосфера учебного процесса [5]. Именно поэтому эффективной может называться только та методика преподавания, которая в высшей степени мотивирует обучающихся.

Одним из способов мотивации студентов справедливо считают процесс оценивания их знаний, умений, навыков, отношения к иностранному языку и культуре и ее представителям.

В рамках методики коммуникативных заданий процесс оценивания знаний и умений учащихся строится не на основе лексико-грамматических тем, а вокруг самих коммуникативных заданий. Тестовые задания рассматриваются как средство выявления и оценивания коммуникативной компетентности студентов в ситуациях, где говорящие должны достичь определенных коммуникативных целей.

Основными особенностями оценивания знаний и умений обучающихся в рамках данного подхода являются следующие характеристики.

1. Оценивание рассматривается как средство формирования компетенций студентов. В процессе самого оценивания определяется, каким образом возможно оптимизировать процесс преподавания и обучения.

2. Оценивание призвано предоставить информацию о способности обучающихся использовать иностранный язык в различных ситуативных контекстах.

3. Оценивание является прямым, то есть оно включено в выполнение самого коммуникативного задания. Преподаватель оценивает не только результат выполнения задания, но и способности обучающихся, которые способствовали получению данного результата.

4. Оценивание является аутентичным, то есть задания предусматривают использование иностранного языка в реальных ситуациях общения или приближенных к ним ситуациях [4].

В рамках данной методики ученые предлагают два подхода к составлению тестовых заданий. Первый нацелен на оценивание сформированности всех основных умений студентов, необходимых для успешного общения (выпол-

нения коммуникативного задания) (construct-based assessment); второй основан на оценивании коммуникативного поведения обучающихся в ситуации реального общения (task-based assessment). В рамках первого подхода оцениваются знания и умения студентов, проявляемые через выполнение задания. В рамках второго подхода оценивается умение добиться определенного результата, предлагаемого заданием, используя определенные знания и умения [6]. Некоторые ученые считают, что только соединение обоих подходов может привести к разработке оптимальных тестовых заданий [3]. Отмечается также необходимость учитывать индивидуальные потребности, в том числе профессиональные интересы конкретной группы обучающихся [3]. Имеется в виду, что ситуациями реального общения могут быть ситуации профессионального взаимодействия, если речь идет, например, о предмете «Иностранный язык с профессиональной направленностью» или о подготовке будущих учителей иностранного языка, когда студенты могут выступать в роли педагогов для своих одноклассников.

Существует два способа оценивания. Первый заключается в том, что преподаватель дает тестовое задание студенту, которое он (или она) должны выполнить в реальной жизни, например найти статью по определенной теме на иностранном языке. Преимуществом данного метода является объективность – результат выполнения или невыполнения задания налицо. Второй способ – это оценивание коммуникативного поведения студента в ситуации, приближенной к реальной. Например, взять или дать интервью по хорошо знакомой студентам теме.

Иностранные ученые полагают, что подобный подход смещает акцент учебного процесса с правильности построения и произнесения фразы на иностранном языке на беглость речи студентов.

Итак, каждый преподаватель в рамках методики коммуникативных заданий может создать собственную систему оценивания, используя разные идеи, предлагаемые учеными-методистами, работающими в рамках методики коммуникативных заданий.

М. Лонг и Дж. Норрис предлагают преподавателям проводить предварительный анализ потребностей обучающихся и только потом создавать тестовые задания. То есть для каждой группы студентов тестовые коммуникативные задания будут разными.

Итак, приведем алгоритм создания системы оценивания.

1. В качестве предварительного анализа потребностей группы студентов необходимо определиться с ответами на следующие вопросы: кто будет использовать результаты тестирования и с какой целью; какую информацию должен предоставить тест; каковы конкретные цели оценивания в данной группе; каковы будут последствия проведения тестирования для студентов и преподавателя.

2. В зависимости от результатов предварительного анализа преподавателю необходимо разработать систему оценивания для каждой группы учащихся.

3. На основе разработанной системы преподаватель может создать конкретные тестовые задания, описание которых включает их формат, процесс проведения и критерии оценивания.

4. Следующим шагом является проведение оценивания с параллельным уточнением различных деталей тестового задания.

5. В процессе проведения самого тестирования преподавателю необходимо не только оценить деятельность студентов, но и определить до какой степени само тестовое задание соответствует потребностям данной группы, с одной стороны, и насколько оно эффективно для комплексного оценивания знаний и умений обучающихся – с другой.

6. Заключительным шагом должна стать, по мнению ученых, тщательная проверка самих тестовых заданий. Преподаватель должен ответить на следующие вопросы: предоставляют ли разработанные задания релевантную, достоверную и точную информацию о знаниях и умениях студентов; каковы могут быть последствия проведения подобного оценивания для всех заинтересованных сторон (например, получают ли преподаватель и студенты понимание того, как оптимизировать различные аспекты учебного процесса) [7].

Таким образом, зарубежные учёные рассматривают оценивание знаний и умений студентов в рамках методики коммуникативных заданий а) как важный инструмент мотивации обучающихся; б) как средство для анализа возможностей оптимизации учебного процесса; в) как способ получения достоверной информации об успехах учащихся в овладении иностранным языком [7].

Приведем пример разработки системы оценивания достижений студентов. Тестовые задания были разработаны на основе нескольких параметров: а) сложность языковых средств, которые необходимо использовать тестируемым; б) сложность мыслительной деятельности тестируемых, необходимой для успешного выполнения коммуникативного тестового задания; в) сложность воспринимаемой тестируемыми информации в рамках задания. На основании данных параметров было разработано три типа заданий таким образом:

1-й тип заданий включал все три параметра;

2-й тип заданий включал 2 параметра из трех: задания были с использованием разных комбинаций данных параметров;

3-й тип заданий включал только 1 параметр из трех: задания были с использованием разных параметров.

При этом авторами методики было особо отмечено, что в любом типе заданий студент мог проявить все три когнитивных способности: и выбор сложности языковых средств для выражения своих мыслей, и глубину мыслительной деятельности, и умение адекватно воспринимать всю информацию, представленную в конкретном задании на иностранном языке.

Кроме того, данные задания были распределены на другие три типа: в основном визуально представленные, в основном представленные на слух и смешанные.

Студентам предложили выбрать тип задания, который он (или она) готовы выполнить. Оценивание результатов выполнения тестовых заданий выполнялось по двум критериям: 1) точность выполнения задания (например одним из заданий было заказать пиццу с определенным набором ингредиентов); было предложено оценить деятельность студентов по трем уровням: достаточный/хороший/отличный; 2) использование тестируемыми трех когнитивных способностей на пяти уровнях (от минимально приемлемого до отличного) [8].

Как видно из приведенного примера, зарубежный опыт создания особой системы тестирования в рамках методики коммуникативных заданий может быть полезным каждому преподавателю иностранного языка, который стремится максимально оптимизировать процесс овладения студентами иностранным языком, а также мотивировать студентов к изучению языка.

Литература:

1. Киндт, О. В. Формирование умений в чтении на основе методики коммуникативных заданий / О. В. Киндт // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 3 (93). – С. 50–52.
2. Слостенин, В. А. и др. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; под ред. В. А. Слостенина. – М.: Академия, 2002. – 576 с.
3. Bachman, L. F. Some reflections on task-based language performance assessment / L. F. Bachman // Language Testing. – 2002. – № 19 (4). – P. 453–476.
4. Ellis, R. Task-based language learning and teaching / R. Ellis. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 387 p.
5. Green, C. F. Categorising Motivational Drives in Second Language Acquisition / C. F. Green // Language, Culture and Curriculum. – 1999. – № 12 (3). – P. 265–279.
6. Kim, H. Task-based performance assessment for teachers: Key issues to consider / H. Kim // Columbia University Working Papers in TESOL & Applied Linguistics. – 2004. – № 4 (2). – P. 1–5.
7. Long, M. H. Task-based language teaching and assessment / M. H. Long, J. M. Norris // Byram M. (Ed.) Encyclopedia of language teaching. London: Routledge, 2000. – P. 597–603.
8. Norris, J. M. Examinee abilities and task difficulty in task-based second language performance assessment / J. M. Norris, J. D. Brown, T. Hudson, W. Bonk // Language Testing. – 2002. – № 19 (4). – P. 395–418.

9. Nunan, D. *Task-Based Language Teaching* / D. Nunan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 222 p.

10. Shehadeh, A. *Task-Based Language Assessment: Components, Development, and Implementation* / A. Shehadeh // *The Cambridge Guide to Second Language Assessment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 156–163.

НАУЧНЫЙ АСПЕКТ ЗНАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

С. С. Поволоцкий, А. Г. Михайлова

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

SCIENTIFIC ASPECT OF FOREIGN LANGUAGES LEARNING

S. S. Povolotskiy, A. G. Mikhaylova

Sevastopol State University

Summary. The author explores historical problems in an aspect of science. Historical consciousness, national self-determination or simply searching for important objects is understood by the author as the historical problem. The author proved that despite personal benefits many scientists are motivated to discoveries by just scientific interest. A special role of knowing foreign languages in a science is pointed.

Our world is constantly changing, what means that new jobs, fields of science and even new hobbies will appear as the time goes by. To solve problems which we will face us in future we must not only get knowledge and use it for making money, but also spend it among other people for free. A genuine purpose is to raise up the educational level of our citizens and become the leading force in future discoveries [1, p. 77].

All our civilization is based on three pillars: technological progress, culture and spiritual life. It is clear about technological and spiritual parts, but it is not so easy concerning cultural. Culture is a complex of different ranges of human activities, which, as a rule, are intertwined with each other. They are music and painting, architecture and sculpture, literature and history. This list can be continued for a long time, but let us stop on history, because historical problem has fluttered millions of hearts and has occupied huge amount of brains since the time of civilization`s creation . The relationship between culture and language may be considered as the relation of the whole and its parts. Language can be perceived as a component of culture or the gun culture, especially when it comes to the literary language or the language of folklore. However, the language at the same time is autonomous in relation to culture in general and can be viewed separately from the culture or in comparison with culture as with equal phenomenon [2].

Historical consciousness, national self-determination or simply searching for important objects which were lost as the time passes are understood as the historical problem. The more historical objects are found, the clearer our imagination concerning historical periods is.

Science, which is specialized on excavations, is called archeology. Archaeology can be considered both a social science and a branch of the humanities. It is not only always necessary, but also vital at moments, when researched people did not have written language. Script has been existed for nearly 5000 years and all previous historical age is known only thanks to archeologists.

Many scientists are motivated to discoveries by just scientific interest. It means that every member of expedition must understand each other for co-operation and bigger results. For this point it is important to know at least one foreign language. It led to the strong pulse of learning foreign languages among historians.

Foreign-language information that is being promoted in professional, scientific, everyday life, continuous education encourages constant self-improvement of knowledge of foreign language. Therefore, the problem of organization of independent work in language learning is of particular relevance. Under independent work in the process of learning a foreign language we understand a way of organizing the cognitive, conscious learning activities of everybody. Optimally selected material stimulates interest, activity, intellectual activity. It can be the latest achievements of innovative technologies, scientific discoveries, new inventions, discoveries of Nobel laureates, etc. That is important to the meaning of the job correlated with the personal sense each person's learning. The world wide web is a way of organization of educational and educational information environment, which creates conditions for the organization of independent work in teaching them a foreign language. The sites presented on the Internet, provide the opportunity to participate in communication with other cultures. Emerging virtual reality, becoming as a the new technological, psycho-physiological and socio-cultural way of being human in the world, generates a fundamentally new type of symbolic of human existence, culture, society and the new nature of the communication, including intercultural one.

In conclusion, it is worthy to note enormous role of knowing foreign languages in such difficult field as a science. It can not only help with work with aliens but also with documents, which have not been translated yet. That is why it solves the problem of misunderstanding what leads to great results and career growth. As for modern science, it is important that our experts were in the course of development of world science and technology and do not waste strength and resources on the creation of what already exists in other countries and they should use advanced innovations in the world of science and technology in the development of our economy at the lowest cost. And to be aware of the latest developments from the world of science and technology, you must be able to read articles in the original language.

References:

1. Povolotskiy, S. S. Distance education / S. S. Povolotskiy, A. G. Mikhaylova // Recent Achievements and Prospects of Innovations and Technologies: материалы V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, г. Севастополь, 23 мая 2016 г. / под ред. Т. Г. Клепиковой, А. Г. Михайловой и др.; Севастопольский государственный университет. – Севастополь: Резерв, 2016. – 334 с.
2. Толстой, Н. И. Язык и культура / Н. И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995 – С. 16.

РЕФЛЕКСИВНАЯ ПРАКТИКА: РАЗВИТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

С. В. Ратовская

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»(Ялта)

REFLECTIVE PRACTICE: INITIAL FOREIGN LANGUAGE TEACHER'S LINGUISTIC COMPETENCE DEVELOPMENT

S. V. Ratovskaya

Summary. The peculiarity of the foreign language teacher's training is necessary to devote significant attention to his (her) linguistic competence development. According to the author, the process efficiency depends on the successful implementation of educational innovations, the pedagogical expertise, and reflective practice.

Язык определяет направленность индивидуального и общественного сознания, включен в культуру, и сама культура закодирована в речевом высказывании (тексте). Текст обеспечивает единство общества как живой системы; он же создает атмосферу или взаимопонимания, общности интересов, или отчуждения, непонимания между представителями разных культур. В таком полиэтническом регионе, как Крым, эта проблема особенно актуальна и заключается, на наш взгляд, в обеспечении устойчивого развития общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками. Учитель иностранного языка играет важную роль в формировании личности обучающегося: вырастет ли он (она) открытым человеком, не будет ли бояться людей с другими обычаями, научится ли гордиться и не стыдиться своего культурного наследия (языка), заботиться о своих родных и близких. Создавать благоприятный микроклимат в классе, успешно работать по образовательным программам начального, основного, среднего (полного) общего образования по-

может будущему учителю иностранного языка сформированная лингвистическая компетенция.

Оценивая социально-экономические, политические факторы, которые исторически сложились в Республике Крым, образовательные программы подготовки будущего учителя иностранного языка отражают идею, что формирование лингвистической компетенции представляет собой процесс развития в течение длительного временного периода. Способность к поиску смысла своей речевой деятельности, ее понимание и оценивание является мощным ресурсом, которым должен обладать будущий педагог. Считаем, что в процессе профессионально-педагогической подготовки необходимо уделить значимое внимание рефлексивной практике как методу, который помогает исследовать процесс овладения будущим учителем иностранного языка необходимыми способностями, практическим опытом формирования лингвистически безопасного текста для создания атмосферы взаимопонимания, общности интересов.

Цель статьи: ознакомить читателей с особенностями рефлексивной практики при исследовании процесса развития лингвистической компетенции будущего учителя иностранного языка.

В отличие от учителей других направлений учитель иностранного языка обладает открытым мышлением. Этот особый тип мышления позволяет будущему педагогу «впитывать» в себя культурные ценности других культур. При этом он должен знать, понимать, принимать свою роль не только в приобщении обучающегося к культуре народа изучаемого языка, но и бережном отношении к культурному наследию (родному языку) обучающегося. Будущий учитель должен признавать сходство между культурным разнообразием народов, населяющих данную территорию, уважать и принимать важные различия, с которыми он (она) может столкнуться в своей будущей профессионально-педагогической деятельности.

Лингвистическая компетенция будущего педагога понимается нами как системная совокупность ценностей, взглядов, идей, стратегий, позволяющая формировать такое речевое высказывание (текст), которое при воспроизведении и дальнейшем его восприятии, осмыслении не несет угроз, не наносит вреда автору, реципиенту, другим людям (обучающемуся, их родителям, коллегам), позволяет работать в мультикультурной среде, создать атмосферу взаимопонимания, общности интересов участников образовательного процесса. Такое речевое высказывание называем лингвистически безопасным текстом. Понимание лингвистической безопасности многомерно. Под формированием лингвистически безопасного текста мы понимаем осуществление акта выбора необходимого способа действия с языковым материалом, возможности взять на себя ответственность за результат речевой деятельности. Это означает, что будущий учитель иностранного языка правильно определяет: во-первых, цель формирования безопасного речевого высказывания (что делать?); во-вторых, способы его достижения (как?); в третьих, ус-

тановку на результат (для чего?). В результате этого процесс профессионально-педагогической подготовки становится для студента сознательным.

Развитие лингвистической компетенции будущего учителя иностранного языка рассматриваем как намерение, процесс в системе формирования целого ряда других компетенций: коммуникативной, культурологической, когнитивной. Современная социокультурная ситуация в Крыму предъявляет серьезные требования к профессионально-педагогической подготовке будущего учителя иностранного языка. Анализируя научные труды отечественных ученых А. В. Глузмана, Л. И. Редькиной, Т. В. Шушары, исследующих особенности организации поликультурного образования в Крыму, личный опыт подготовки педагогов для школ Крыма, определяем важные компоненты лингвистической компетенции учителя иностранного языка:

- знания о родном языке обучающихся;
- владение родным, русским и иностранным языками;
- знание и принятие языковой вариативности языков;
- желание и стремление достичь языковой нормы родного, русского и иностранного языков;
- опыт иноязычной речевой деятельности;
- опыт обучения с лицами с различными культурными традициями, обычаями.

Успешное овладение будущим учителем обозначенными компонентами помогает эффективным образом планировать и учитывать сложный процесс развития лингвистической компетенции на различных уровнях профессионально-педагогической подготовки.

Отечественное высшее педагогическое образование испытывает острую потребность в эффективных формах, методах, технологиях обучения. Внедрение образовательных инноваций в процесс подготовки будущего педагога, по мнению инициаторов проектов, способствует эффективности формирования профессиональных компетенций, в том числе лингвистической будущего учителя иностранного языка [3; 4]. При этом предъявляются дополнительные требования к преподавателю высшей школы. Актуальным становится активное включение процесса сотворчества, диалогового взаимодействия преподавателя и студента, студентов между собой, рефлексивных методов обучения. Модернизируется педагогическая практика, которая имеет особое значение в подготовке современного учителя иностранного языка. Помочь эффективно пройти педагогическую практику, грамотно разработать и успешно провести пробные уроки помогают указания преподавателей. Разработанные преподавателями Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте методические рекомендации содержат технологию подготовки, проведения, анализа, самоанализа пробного урока [2].

Приоритетным заданием для преподавателя высшей школы становится разработка методического инструментария для измерения процесса развития

лингвистической компетенции. Получив целостную картину этого процесса, сможем понять, способен ли будущий педагог формировать лингвистически безопасный текст, оградить от лингвистической опасности лиц, которым будет предоставляться та или иная образовательная услуга, а также тех, с которыми он будет взаимодействовать (родители (законные представители) обучающихся, коллеги).

Методом исследования процесса развития лингвистической компетенции может служить педагогическая экспертиза, с помощью которой исследуется позиция личности по отношению к процессу формирования лингвистически безопасного текста. Педагогическая экспертиза рассматривается нами как сложная исследовательская деятельность, технология, которая осуществляется через взаимосвязь содержательной стороны (база знаний об инновационном образовательном процессе, экспертное заключение) с операциональной (методика проведения экспертного исследования, методы обработки данных) [5, с. 19]. В педагогической экспертизе на наличие конфликтогенности речевого высказывания, возможности двусмысленного толкования текста нуждаются и проекты пробных уроков, которые разрабатываются будущими учителями. В процессе развития лингвистической компетенции можно выделить факторы, определяющие специфику речевого взаимодействия, и факторы, определяющие эту специфику.

В качестве одной из методик педагогической экспертизы предлагаем провести рефлексивный анализ исследования данных факторов: действия, поступки, ситуации. Процесс вовлечения студентов к размышлению, осмыслению своего опыта, мыслей, идей называем рефлексивной практикой. Включение рефлексивной практики в процесс подготовки будущего педагога способствует стимулированию активной позиции студента, критическому осмыслению собственного опыта овладения компонентами лингвистической компетенции, созданию благоприятных условий для позитивного развития обучающихся. Рефлексивную практику рекомендуем проводить со студентами в течение всего периода обучения. Исследование ценностей, взглядов, идей, стратегий, позволит студенту определить ценностное, познавательное отношение к мультикультурности, поможет лучше познать себя, определить возможные противоречия, проблемы, не разочароваться в будущей профессии. Благодаря анализу своих предпочтений, будущий учитель сможет перейти на следующую ступень как своего развития, так и непосредственно лингвистической компетенции. Применение рефлексивной практики как способа мышления и средства самопознания поможет раскрыть особенности и возможности образовательной деятельности студента, установить закономерности, связывающие процесс формирования лингвистически безопасного текста и процесс обучения.

В рамках данной статьи предлагаем читателям ознакомиться с вопросником для исследования особенностей развития лингвистической компетенции. Предлагаемые вопросы для рефлексивной практики будущий педагог может

здать себе сам и постараться ответить на них. Организовать как индивидуально, так и в малой группе рефлексивное мышление, используя вопросник, может преподаватель методики преподавания иностранного языка. Это поможет ему определить круг проблем, которые необходимо рассмотреть в рамках преподаваемой дисциплины. Вопросник могут использовать при беседе с будущим учителем и организаторы практики (методисты, учителя-наставники).

Возможные вопросы для рефлексивной практики:

1. Как Вы относитесь к людям, для которых родной язык является отличным от Вашего? Имеете ли таких знакомых, друзей, возможно, родственников?

2. Как Вы относитесь к людям, которые не желают изучать какой-либо иностранный язык? Имеете ли таких знакомых, друзей, родственников?

3. Поддерживаете ли Вы идею о том, что люди не обладают одинаковой способностью к изучению иностранного языка? Объясните свою позицию.

4. Считаете ли Вы, что изучать иностранный язык интереснее в малой группе, которая состоит из обучающихся с различными культурными традициями, обычаями? Имеете ли Вы такой опыт обучения? Если да, какие впечатления это на Вас произвело? Если нет, желали бы принять участие в таком обучении?

5. Стремитесь ли Вы в своем лингвистическом образовании достичь языковой нормы? Если да, какие методы, методики Вы для этого используете? Если нет, то почему?

6. Знакомы ли Вы с языковой вариативностью изучаемого языка? Да, нет (подчеркните). Если да, приведите примеры. Если нет, считаете ли Вы необходимым данное ознакомление?

7. Доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана Валентина Михайловна Власова пишет, что «проблема взаимопонимания и доверия людей друг к другу ... становится ... жизненно важной необходимостью...» [1, с. 313]. Согласны ли Вы с данным высказыванием? Как, по Вашему мнению, способны ли люди достичь взаимопонимания сегодня, в будущем, или это невозможно?

8. Считаете ли Вы, что возможно полное взаимопонимание между носителями разных языков? Да, нет (подчеркните). Объясните свою позицию.

9. Сталкивались ли Вы с непониманием другими Ваших культурных традиций, обычаев? Какое впечатление это на Вас произвело?

10. Необходимо ли человеку владеть лингвистической компетенцией? Да, нет (подчеркните). Объясните свою позицию.

11. Объясните, пожалуйста, что Вы понимаете под лингвистической компетенцией учителя, учителя иностранного языка?

12. В чем заключается особенность формирования лингвистически безопасного текста?

Анализ ответов на предложенные вопросы для рефлексивной практики поможет предотвратить возможные неудачи в педагогической деятельности, принять решения, связанные с особенностями формирования профессиональных компетенций будущего педагога. Вопросник является открытым; разработан для содействия вдумчивого рассмотрения вопроса развития лингвистической компетенции будущего учителя иностранного языка.

Подведя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод, что развитие лингвистической компетенции будущего учителя иностранного языка имеет свои особенности. Они заключаются в необходимости изучения, анализа ценностей, идей, стратегий формирования будущим педагогом лингвистически безопасного текста. В современных социокультурных условиях, модернизации педагогического образования, внедрении образовательных инноваций необходимым становится и разработка методического инструментария для измерения результата обучения. На наш взгляд, рефлексивная практика позволяет исследовать процесс формирования способности студента создать лингвистически безопасный текст, обеспечить максимально полную осознанность развития лингвистической компетенции, условия для позитивного взаимодействия участников образовательного процесса.

Литература:

1. Власова, В. М. Социально-философский анализ сущности человека в историческом контексте / В. М. Власова. – М.: Изд-во МГСУ, 2003. – 320 с.
2. Пирожкова, А. О. Производственная педагогическая практика: методические рекомендации по организации и проведению / А. О. Пирожкова, С. В. Ратовская. – Ялта: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского в г. Ялте, 2016. – 44 с.
3. Ратовская, С. В. Использование образовательных Интернет-ресурсов при обучении теоретической фонетике английского языка / С. В. Ратовская // Проблемы современного педагогического образования: сборник научных трудов. – 2015. – Вып. 46. – Ч. 1. – С. 318–324. – (Серия: Педагогика и психология).
4. Ратовская, С. В. Образовательные инновации при обучении иностранному языку в вузе / С. В. Ратовская // Проблемы современного педагогического образования: сборник научных трудов. – 2015. – Вып. 46. – Ч. 2. – С. 231–237. – (Серия: Педагогика и психология).
5. Ратовская, С. В. Философские измерения педагогической экспертизы образовательных инноваций / С. В. Ратовская // Гуманитарные науки: сборник научных трудов. – 2015. – № 2 (30). – С. 16–24.

КАК МЫ ВЗАИМОДЕЙСТВУЕМ?

Н. Б. Самойленко

ФГБОУ ВПО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)

HOW ARE WE INTERCONNECTED?

N. B. Samoilenko

Summary. The paper focuses on the efficiency and challenges of academic writing teaching for developing students' humanities intercultural competence at Sevastopol State University, Sevastopol, Crimea.

Key words: developing of intercultural competence, writing strategies, specialist of humanities, institution of humanities and pedagogy.

Living Together. How does the world change over the years? How can I communicate so others will understand? Are we different?

"It's not enough to know something;
it's more important to know why and how".
(C. Rodgers, G. Freiburg *Freedom to Learn*)

Today's learners have to navigate the world of work, study, and travel among people of diverse language backgrounds and unfamiliar cultures. Language and intercultural communication skills are considered to be basic skills in our globalizing world. So cultural awareness is also a crucial 21st century skill. Being aware of other cultures and how they influence what people say, do or write is a key factor of critical literacy.

Nowadays, the concept English for Academic Purposes (EAP) has been the major driver for the changes in the English as a Foreign Language (EFL) programme at Sevastopol State University (SSU), Institution of Humanities and Pedagogy (IHP), which is one of the institutions of the SSU. Some successful steps have been made in our university towards incorporating academic writing into general *English for Specific*

At present, the main fields and activities of the Sevastopol State University (SSU), Institution of Humanities and Pedagogy (IHP), are multifaceted and include educational, methodological and scientific activities, as well as international cooperation. Our university offers academic programs at all levels including undergraduate, graduate, post-graduate ones.

The University has always put the importance of shaping intercultural communication with a global extension of education at the forefront and support conducting various international educational and scientific programs.

The language teaching profession's interest in cross-cultural communication has increased during the past few decades. According to Kramsch [5], this development is due to political, educational, and ideological factors.

Further exploration of this aspect may be found in many sources. Intercultural communication has been described by a number of language educators, including Chen, Guo-Ming & Starosta, William J., Stella Ting-Tomey, Cooper, P. J., Calloway-Thomas, C., & Simonds, C. J., William B. Gudykunst, Guo-Ming Chen and William Starosta [1–3].

The primary characteristics of intercultural communication are summarized by James Neuliep. He provides a clear contextual circular model for examining communication within cultural, micro-cultural, environmental, socio-relational, perceptual contexts, and verbal and nonverbal codes, applies the model to the development and maintenance of intercultural relationships, the management of intercultural conflict, intercultural management, intercultural adaptation, culture shock, and intercultural competence [4].

Our research describes an attempt to shift the accent to academic writing in an EL textbook for students. The purpose is to show how general EL course can be taught alongside English academic writing, the place of academic writing in the whole system of textbook materials and show how other tasks contribute to understanding academic writing conventions and developing academic writing skills [5].

The development of English academic writing courses in the universities is a new tendency. The courses are designed to prepare students for careers as international professionals by focusing on the cultural factors that influence communication in international/intercultural relations as well as the rules that proscribe and prescribe behavior.

The students were being asked to publish during their graduate studies, in many cases, especially in the sciences, the need for writing in English for international journals became apparent.

It is generally known that English is now the world language of various spheres of life. To learn how to efficiently write in English means to get excellent opportunities of expressing one's thoughts and ideas in this dominant language and of becoming able to communicate with colleagues and friends throughout the world. *The teachers of universities* interested in introducing and teaching writing courses can receive appropriate training during interactive workshops, long-distance courses and summer schools; they can be offered syllabi of writing courses for their institutions, various printed materials and more specific help and advice either in person or via the Internet. In all these activities, the emphasis is on the training of effective approaches to writing suitable for the educational and cultural context [7].

Currently there are many different programs throughout the country. There are MA writing programs, PhD programs in various disciplines, and the addition of a writing component to reading comprehension courses, which are required at the undergraduate level. However, there are no real standards, no common goals. Most writing instructors come from other fields and have had little training in the teaching of academic writing [6].

The Master first year syllabus has the following main features: it places project work at the centre of the learning; it equips the trainees with the full range of skills necessary for writing the graduation paper; it completes the preparation of the trainees to function as autonomous language learners in their future education and careers; it caters for the needs of both future practitioners and researchers.

The Master first syllabus strives to enable the trainees to approach the most relevant processes of social development, signification and identity formation of the foreign culture(s), so that by communicating about them, they can learn about and compare these processes with what they know of their own, and possibly other, culture(s).

By the end of Master Year 2, trainees will be able to: read a wide range of written materials, including manuals, specialised articles and literary writing, and evaluate them critically for further use in their teaching and research work; make presentations using appropriate register devices and logical structure, highlighting significant points; produce different types of academic writing, including articles, complex reports, summaries, reviews and reports on professional issues, project proposals and research papers; make independent and effective use of all available reference resources and sources to complete their course, research and project papers; acquire trans-cultural values as a result of cross-cultural comparison of different languages and cultures.

We present the course “Teaching Professionalism and Intercultural Communication”, an advanced course for Master students with a strong language background. The course is based on lecturing, reading materials and practical classes. Its objective is to teach the students how to use their knowledge of teaching foreign languages in a professional environment abroad and adapt to intercultural environments at foreign universities.

The course emphasizes culture and explore how culture both influences and reflects communication dynamics. Culture is understood to incorporate regional background, values, world views and associated thought processes; religion, gender, age, status, and social perception; language, and nonverbal communication, among other elements.

Students are expected to demonstrate a critical and informed awareness of cultural content, identity, and relational/procedural issues in their country through class presentations, discussions, and a long paper.

The rationale for the course is that, in the current environment, cross-cultural (or intercultural) communication is inevitable. Without an understanding of the cultural communication imperatives, it is very difficult, if not impossible in some cases, to understand, work with, manage, or influence individuals from another culture. The course involves some theory and proven models, but primarily focuses on practical applications and case studies. We explore how to communicate effectively in a multicultural environment, and how to manage and resolve cross-cultural conflicts.

There are seven course objectives:

1. Understanding the role of communication in culture.
2. Recognizing cultural variability.
3. Familiarizing students with the communication norms, rituals and prescribed/proscribed behaviors of other cultures.
4. Learning about the major barriers to intercultural communication, adjustment to other cultures, and culture shock.
5. Learning how differences in intercultural communication manifest themselves in different professional settings.
6. How culture influences perception and thus the organization of the psyche.
7. Increasing sensitivity to our own cultural background and its impact on how the students communicate, work and interact with people from other cultures.

Students read material, attend class, complete assignments, and participate in class discussions and cases. Students demonstrate their understanding of cross-cultural communication through a presentation, a final exam and a final paper. Students or teams report on specific articles or topics. The final paper is an intercultural communication study of a selected region, country, or culture.

The activities in the workshops help the students develop themselves as participants of international programs or as international students, and an improvement in the quality of their overall writing was also perceived by the participants themselves.

There are some tasks from the text book:

1) Topic: *Teacher Professional Development: It's Not an Event, It's a Process.*

Task 1. Watch video about the Teaching Knowledge Test (TKT) program and finish the sentences:

1. The Teaching Knowledge Test (TKT) is a test of _____.
2. It focuses on different teaching _____.
3. TKT aims to test candidates' knowledge of concepts related to language, language use and the background to and practice of _____.
4. TKT aims to provide an easily accessible test about teaching English to speakers of other languages, which is prepared and delivered to international standards, and could be used by candidates to access further training and enhance _____.
5. TKT is for pre-service teachers and for experienced teachers, for teachers of primary, secondary and _____.
6. This flexible and accessible award will help the teachers to understand: different methodologies for teaching; the 'language of teaching'; the ways in which resources can be used; the key aspects of lesson planning; _____.
7. There is no Pass/Fail. Every candidate receives _____.
8. TKT has _____. Each module consists of a test of _____, lasting 80 minutes, which require you to select the correct answer and mark this _____.

Answers: professional knowledge for English language teachers, teaching methods, lesson planning, resources and classroom management, language teaching and learning; career opportunities, adult learners, classroom management methods for different needs, receives a certificate for each module taken, three core module, 80 objective questions, a computerised answer sheet.

Task 2. Choose the appropriate rules for writing applications.

APPLICATION Does AND DON'Ts

Does	Don't's

1. Submit application materials by the deadlines!
2. Contact the university without using your full name. An email with just a first name, a nickname or no name does not allow a university to check your records and find out if your application has arrived.
3. Ask for basic information easily found on a school's website.
4. Make sure the data provided on all university forms is identical. When names and addresses are translated into roman letters, make sure they are spelled the same way consistently. Students should always use their full name and all information should match that given when taking standardized tests.
5. Get foreign language documents translated into English and certified. Submit both the original document and the certified English translation with your application.
6. Include all your activities - sports, clubs, volunteer opportunities, employment, etc.
7. Briefly explain any award that is not intuitive. How is an admissions counselor supposed to know what "Recipient of the EFA Award" means?
8. Send copies of every award or certificate you have received. Your accomplishments should be noted in the application. A list of awards is better than many sheets of paper.
9. Spell the institution's name wrong. Is it college or University? If adapting the same essay to different schools, don't forget to change the name of the institution each time.
10. Plagiarize or use someone else's language. It is easy to tell when the feel of the one essay varies from the others. Do, however, have an English teacher/counselor review your applications essay(s) for grammatical errors.
11. Write that you think admissions committee want to hear. Do choose a personal subject and write passionately and honestly. Consider writing about your failures as well as your successes. Be concise.
12. Repeat the information included in other parts of the application. Use the essay to tell the admission committee something they already know about you. Don't

use the essay as a second resume.

13. Find out when the universities you are applying to require you to submit financial documents and Affidavit of Support - so they can send you an [-20 in a timely manner to schedule your F-1 student visa application at the US consulate.

14. Assume you qualify for scholarships from every school. Each university in the US has different policies regarding scholarships for international applicants. Find out the policy of a school before you apply so you know what you might be eligible for.

Preliminary results of introducing the new program are presented. It is necessary to discuss some considerations as to the prospects of teaching academic writing, which are potentially applicable to similar intercultural and educational situations.

For this reason there is a necessity of implementation in the system of pedagogical education the special integrated courses and developing of the educational literature which would combine achievements of philosophical, psychology-pedagogical lingo cultural disciplines for improving the preparation of students for intercultural communication.

The main goal of the future projects is to improve the present system of education of the residents and students by creating a Master program in “Foreign Languages and Intercultural communication teaching”, revising relevant curricula, existing relevant modules of teaching courses and approximating them to the European educational standards, developing and implementing training and retraining programs.

References:

1. Communicating Across Cultures. – Stella Ting-Tomey, 1999. – 311 p.
2. Cooper, P. J. Intercultural communication: A text with readings / P. J. Cooper, C. Calloway-Thomas & C. J. Simonds. – 2007. – 300 p.
3. Foundations of Intercultural Communication / Guo-Ming Chen and William Starosta. – 2005. – 340 p.
4. Intercultural Communication: A Contextual Approach (4th ed.) / James Neuliep. – 2009. – 415 p.
5. Kramsch, C. The cultural component of language teaching. Language, Culture and Curriculum / C. Kramsch. – 1995. – P. 83–92.
6. Samojlenko, N. B. Building bridges on the web: using the Internet for cultural studies / N. B. Samojlenko // Scientific Letters of Academic Society of Michal Baludansky. – Slovakia, 2013. – Vol. 1. – №. 1. – S. 82–84.
7. Samojlenko, N. B. Development and implementation of curricula for bilingual education in Ukraine / N. B. Samojlenko // Nauka i Studia. – 2013. – NR15 (83). – S. 33–42.

Литература:

1. Гаврюшина, О. Н. Методы концептуальных исследований / О. Н. Гаврюшина, М. Р. Акимова, Л. Н. Фомина // Этнопсихоллингвистика. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 164 с. – С. 101–120.
2. Иванов, И. И. Понятие концепта / И. И. Иванов. – Режим доступа: <http://www.rambler.ru/html/ivanov/3021> (дата обращения: 20.04.2015).

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ**

Н. А. Сурова

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(Севастополь)*

**LINGUOCULTURAL ASPECT IN LEARNING A FOREIGN
LANGUAGE IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING**

N. A. Surova

Summary. Ignorance of the linguistic and cultural meanings of another language, traditions and modern features of development of different peoples today is the problem of modern education. The purpose of this article is a consideration of linguistic and cultural aspects in learning a foreign language in the process of formation of professional mobility and the allocation of the basic methods to implement a linguistic and cultural approach in the teaching of English in the university. To implement a linguistic and cultural approach to English language training the main are the principles of conformity to culture and developmental education. A foreign language learning as a means of international communication should occur through the formation of communicative linguistic immersion in the foreign language environment of the target language.

Проблема формирования конкурентоспособной личности в социокультурных условиях становится всё более актуальной для современных высших учебных заведений. Актуальным становится и проблема поисков инновационных педагогических технологий, что обуславливается потребностью разработки психолого-педагогических моделей подготовки конкурентоспособных специалистов. В условиях компьютеризации и глобализации информационного пространства специалист, который хочет быть на уровне научно-технических достижений, должен иметь профессиональную мобильность. В её основе лежат такие понятия, как грамотность, образованность и профессиональная компетентность [2].

С развитием культурных и экономических связей между странами и народами возрастает роль изучения иностранных языков. С каждым годом увеличивается спрос на специалистов, владеющих иностранными языками.

Однако специалисты отмечают недостаточный уровень владения иностранными языками выпускниками школ и языковых вузов, а те, кто даже имеют хорошие знания, не всегда могут эффективно применить их в сфере бытовой и профессиональной коммуникации. К этому добавляется незнание лингвокультурологических смыслов другого языка, традиций и современных особенностей развития различных народов.

Значимость лингвокультурологического аспекта связана с тенденцией обновления образовательной системы, с усилением внимания к изучению иностранных языков. Лингвокультурологический аспект в изучении иностранного языка, основанный на лингвокультурологии – науке, занимающейся исследованием исторических и современных языковых фактов через призму духовной культуры, появился в связи с новыми представлениями о языке как явлении культуры.

Проблемы профессионализма и компетентности, определение условий для обеспечения личностно-профессионального развития и достижение профессионального уровня рассмотрены в исследованиях ученых А. А. Деркача, В. Г. Зазыкина, А. А. Бодалева, А. К. Марковой, Н. В. Кузьминой и др. Выделяется два периода в развитии лингвокультурологии: первый период – предпосылки развития науки – труды В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Сепира и др., и второй период – оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований.

Цель данной статьи – рассмотрение лингвокультурологического аспекта в изучении иностранного языка в процессе формирования профессиональной мобильности и выделение основных методов для реализации лингвокультурологического подхода в обучении английскому языку в условиях вуза.

Можно сказать, что разные народы видят мир под своим углом зрения, в призме национального понимания. Человек как представитель определенной этнокультурной общности воспринимает мир в призме родной культуры, которая складывается веками под влиянием многих лингвистических и экстралингвистических факторов – географические и климатические условия проживания народа, его образ жизни, тип хозяйствования, верования, традиции и обычаи, строй языка и т. д. – накладывают отпечаток на систему миропонимания народа, и именно поэтому осмысление окружающей действительности одного народа отличается от другого [3].

Развитие лингвокультурных навыков позволяет развить у учащихся ассоциативную основу для целостного восприятия национальной культуры, несмотря на то, что в процессе образования она предстает в раздробленном виде. Признание существования межкультурных различий позволяет осознать, что у представителей другой культуры свои правила и социальные нормы, стереотипы мышления и поведения, отличающие людей друг от друга.

Поскольку профессиональную мобильность будущего специалиста рассматриваем как личностную характеристику, считаем, что будущий специалист овладевает: открытостью к диалогу; толерантностью в общении, коммуникативными умениями.

Для реализации лингвокультурологического подхода в обучении английскому языку основными считаются принципы культуросообразности и развивающего обучения.

Для достижения этого используются следующие методы:

- поощрение творческого подхода;
- метод проблемных ситуаций и проблемных вопросов;
- исследовательский метод;
- лингвокультурологический анализ характерных для англичан высказываний в определенной профессиональной деятельности;
- метод освоения всех аспектов языка через призму культуры;
- метод приучения, предназначенный для выработки навыков культуры поведения.

Качественные результаты обучения могут быть достигнуты использованием различных видов и методов, среди которых обязательно должны быть интерактивная работа в группе и тренинг практических умений. Восприятие текста, его собственно языкового и культурологического уровня есть творческий процесс "подстановки" индивидуальных отражений элемента под соответствующие слова, в результате чего у разных индивидов возникают совпадающие и вместе с тем частично различающиеся проекции. Взаимосвязь и взаимодействие личностей рождает индивидуальное видение культуры через "призму языка", что ведёт к понятию лингвокультурологической компетенции.

Процесс общения на иностранном языке исследуется не только как процесс передачи и приема информации, но и как регулирование отношений между партнерами, установление различного рода взаимодействия, как способности оценить, проанализировать ситуацию общения, субъективно оценить свой коммуникативный потенциал и принять необходимое решение [1].

Основным компонентом в коммуникативной компетенции считаются коммуникативные умения, которые формируются на основе:

- языковых умений и навыков;
- лингвострановедческих и страноведческих знаний.

Изучение иностранного языка как средства международного общения должно, несомненно, происходить посредством формирования коммуникативно-речевого погружения в иноязычную среду стран изучаемого языка (в рамках изучаемых тем и ситуаций), развития всех составляющих иноязычной коммуникативной компетенции и социокультурного развития в контексте мировой культуры с помощью страноведческого, культуроведческого и лингво-культуроведческого материала. Например, в процессе изучения иностранного языка для экономических специальностей изучается тема "Britain's

Banking and financial institutions”, примером текста может быть «Bank of England»:

Bank of England

The Bank of England was established in 1694 by Act of Parliament and Royal Charter as a commercial bank with private shareholders. It was brought into public ownership when its entire capital stock was acquired by the Government in 1946, although by then it had for many years behaved as a public institution carrying out public functions.

As Britain's central bank, it has important roles in maintaining a stable and efficient monetary and financial framework. Other responsibilities include issuing banknotes in England and Wales. In May 1997 it acquired operational responsibility for setting interest rates. This and other changes are considered the most important institutional and operational changes since nationalization .

В заключение, отметим, что с развитием культурных и экономических связей между странами возрастает и роль изучения иностранного языка, поэтому увеличивается спрос на специалистов, владеющих им. Одним из важнейших направлений развития образования является использование компетентностного подхода, в частности – в развитии лингвокультурологической компетентности как системы знаний о культуре и совокупность специальных умений по оперированию этими знаниями в практической деятельности.

Литература:

1. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справочное пособие / под ред. Е. А. Мастренко. – Минск: Высшая школа, 2001.– С. 224.

2. Сурова, Н. А. Модель формирования профессиональной мобильности будущего специалиста в условиях вуза / Н. А. Сурова // Научные исследования: теоретико-методологические подходы и практические результаты: материалы Международной научно-практической конференции НИЦ «Поволжская научная корпорация» (30 апреля 2016 г.) / Ред. кол.: М. Л. Ньюшенкова, А. А. Бельцер, Ю. А. Кузнецова, О. А. Подкопаев. – Самара: Офорт, 2016. – 297 с. – С. 58–61

3. Хайруллина, Р. Х. Лингвистика межкультурных коммуникаций: курс лекций / Р. Х. Хайруллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2005. – 138 с.

КОМИКС В ЛОГОПЕДИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ И МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Ю. А. Шулекина

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва)

COMICS IN SPEECH THERAPY'S TECHNOLOGIES IN FORMING COHERENT SPEECH OF PRESCHOOLERS AND YOUNGER STUDENTS

J. A. Shulekina

Summary: The paper discusses the specificity of comics as polycode. It is shown, that versions of comics depend on the spatial organization of information in it. The author stresses the importance of comics in speech therapy's technologies for working with preschoolers and younger students.

Современные развивающие технологии в образовании опираются на разные тексты. Среди них и языковые тексты, и тексты, сопровождаемые иллюстрациями, и тексты поликодовой природы. К последним можно отнести комикс.

Комикс по своим внешним характеристикам наиболее близок к традиционному тексту. Однако присутствие истинного текста для комикса необязательно. Так, существует «немой» комикс, в котором сюжет понятен интуитивно. В нем отражены главные признаки смысловой цельности текста – заглавие, членение текста на абзацы, обеспечиваемое модульностью и цифровым маркированием, поэтому логика изложения понятна без дополнительных комментариев. Поэтому комикс является ярчайшим примером поликодового текста [10]. Его поликодовую структуру составляют рисуночный, буквенный, цифровой, модульный коды.

В рамках психолингвистического подхода [6] разработана концепция комиксового текста – сочетание в нем разных кодов решает задачу усилить эффект правильной расшифровки содержания текста читающим через распределение концепта текста в разных кодах. Это свидетельствует о том, что чем больше семиотически разнородных средств закладывается в текст для представления информации, тем ближе к авторскому замыслу читатель его понимает.

По сравнению с традиционным языковым текстом у комикса есть один «неудобный» признак, характерный для всех типов поликодовых текстов, – асимметричность представленной информации. Вместо линейной развертки содержания посредством системы языковых знаков здесь содержание текста опосредуется взаимодействием его кодовых структур, одни из которых могут преобладать и даже подавлять другие в зависимости от контекста. Работают иные, по сравнению с восприятием традиционного текста, механизмы смыслового восприятия во время чтения, иначе включается интегративная работа когнитивных функций при обработке знаковой информации. Таким образом,

успешность понимания поликодового текста зависит от подготовленности дошкольника к восприятию и расшифровке знаково-символических информационных средств. Указанная готовность зачастую оказывается условной.

В зависимости от пространственного расположения кадров в элементарном комиксе различают тексты с горизонтальной (рис. 1), вертикальной (рис. 2) и спиральной организацией (рис. 3). Их лаконичность, понятность, изобразительная простота (в противовес излишней детализации) – все это указывает на то, что комиксы данного типа предназначены для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Существуют общие принципы построения и оформления комикса [11], способствующие его адекватному восприятию и пониманию. Речь идет о его идеальной модели, поскольку итоговый продукт все равно зависит от мастерства автора. К таким принципам можно отнести следующие:

- ✓ каждый комикс начинается и заканчивается, что обеспечивается специфическими графическими средствами;
- ✓ композиция комикса способствует прежде всего рассматриванию, а не чтению;
- ✓ каждый кадр комикса содержит завершенную мысль, аналогичную предложению.
- ✓ распределение сцен комикса (один или несколько кадров) имеет строгую пространственную организацию – по диагонали от верхнего левого угла к нижнему правому углу;
- ✓ динамика действия в комиксе изображается движением объектов слева направо; движение в кадре справа налево означает остановку развития истории;
- ✓ горизонтально и вертикально расположенные кадры влияют на восприятие пространства и времени. Например, горизонтальные кадры вызывают ощущение замедления действия, а вертикальные – вызывают ощущение убыстрения действия;
- ✓ размер каждого кадра имеет значение для передачи продолжительности действия, отраженного в нем;
- ✓ сквозной вертикальный пробел заставляет взгляд скользить вниз по полосе, не задерживаясь на изображении; сквозной горизонтальный пробел, наоборот, способствует правильному восприятию комикса;
- ✓ с помощью кадра без рамок (границ, стенок) в комиксе передается «вневременность» происходящего («замороженность» или символичность действия); аналогичным образом может фиксироваться внимание на абстрактной идее, выполняющей роль вывода или символа;
- ✓ навигация в истории комикса, оформленная графически, способствует восприятию сюжета в 3D формате (одновременно с разных точек зрения – временных, пространственных, дискретных).

ПРО ДЕВОЧКУ МАШУ И КУКЛУ НАТАШУ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

Рис. 1. Комикс в учебно-развивающей литературе (горизонтальная последовательность кадров) [8]

Рис. 2. Комикс в учебно-развивающей литературе (вертикальная последовательность кадров) [8]

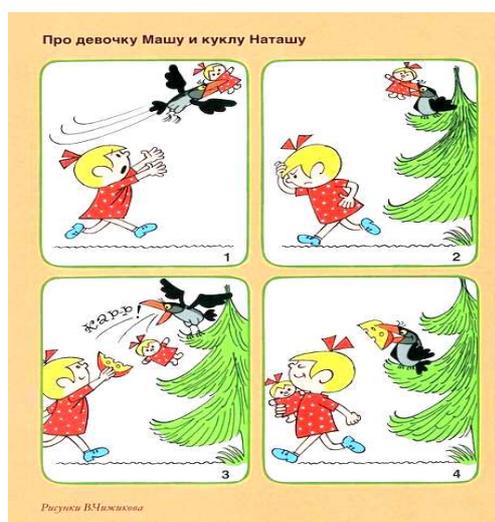

Рис. 3. Комикс в учебно-развивающей литературе (спиральная последовательность кадров) [8]

Перечисленные признаки комикса позволяют ребенку дошкольного и младшего школьного возраста интуитивно следовать по сюжету (следить глазами, осуществлять ментальную обработку просмотренного) без дополнительных комментариев взрослого. Опираясь на заложенные в комикс подсказки, ребенок может отрабатывать необходимые для чтения традиционного текста автоматизмы линейного и объемного слежения, зрительно-моторных координаций, ориентировки на листе и отдельных его фрагментах. Данные автоматизмы являются важнейшими предпосылками для развития связной речи в онтогенезе [3; 9].

Тем не менее комикс еще мало популярен в качестве технологии развития речи и когнитивных функций при работе с детьми старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Именно поэтому эффективность его использования как педагогического средства хорошо известна и пропагандируется пока лишь в междисциплинарных исследованиях [1; 2; 4; 9]. Если такие тексты и встречаются в специальной литературе, предназначенной для специального сопровождения дошкольников с нарушенным речевым развитием, то чаще они представлены в виде привычного линейного текста с элементами поликода или в виде серии сюжетных картин, где важнейшие поликодовые элементы редуцированы и дополняются устно (в учебной или диагностической ситуации).

Между тем, комикс имеет большие преимущества над традиционным текстом в коррекционной работе по формированию связной речи у детей с недоразвитием речевой функции. Некоторые рекомендации представлены в таблице 1.

Рассматривая комикс в качестве эффективного средства развития связной речи дошкольников и младших школьников, особенно имеющих проблемы речевого развития, подчеркнем, что создание дидактических пособий с включением комиксов должно иметь серьезную методологическую базу, опирающуюся на знания об особенностях речевого и когнитивного развития детей.

Таблица 1

**Рекомендации по использованию комикса
в логопедических технологиях**

Трудности детей с речевыми нарушениями	Преимущества комикса как средства реализации логопедических технологий
Низкая мотивация самостоятельной работы с языковым текстом.	Рассматривание картинок комикса значительно повышает интерес ребенка к книге.

Узкий объем восприятия информации на листе, игнорирование деталей, не попадающих в поле зрения ребенка.	Комикс учит ребенка замечать значки, символы, разделители и иные знаково-графические средства выражения смысла истории.
Трудности пространственной ориентировки на листе бумаги.	Различные виды комиксов (рис. 1–3) приучают ребенка к разным форматам восприятия информации в книге.
Слабость линейной развертки сюжета языковыми средствами в рассказе по картинкам.	Комикс дает возможность ребенку пошагово оречевить сюжет, используя доступные для него языковые средства.
Излишняя детализация и/или скудность передачи сюжета в самостоятельном рассказе/пересказе при работе с языковым текстом.	Опора на наглядность в комиксе, содержащего только значимые детали, позволяет удерживать внимание ребенка в заданном сюжетом смысловом поле.
Пропуск, искажение, замены слов при рассказе/пересказе языкового текста. Перифраз.	Рисунки комикса актуализируют связанные с сюжетом слова, что помогает ребенку вспомнить слова с точным значением. Возможна лексическая регламентация посредством представленных в комиксе картинок.
Трудности понимания, запоминания и дальнейшей реализации причинно-следственных отношений в рассказе/пересказе при работе с языковым текстом.	Фиксация последовательного развития сюжета в картинках от начала к концу позволяет ребенку обращаться к разным этапам истории при рассказе или комментировании комикса.

Литература:

1. Астафьева. Е. О. Играем, читаем, пишем: рабочая тетрадь №1 / Е. О. Астафьева.– СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2014. – 40 с.
2. Баряева, Л. Б. Я говорю! Ребенок и мир животных. Упражнения с пиктограммами: рабочая тетрадь для занятий с детьми / Л. Б. Баряева, Е. Т. Логинова, Л. В. Лопатина. – СПб.: ДРОФА, 2007. – 31 с.
3. Валявко, С. М. Пространственные представления в структуре смыслового восприятия речи младших школьников / С. М. Валявко, Ю. А. Шулекина // Системная психология и социология. – 2016. – №1 (17). – С. 30–38.

4. Киселева, Н. Ю. Применение графических средств в логопедической работе с учащимися, осваивающими программу основного общего образования / Н. Ю. Киселева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. – 2014. – № 2 (28). – С. 68–76.

5. Петрова, В.Г. Исследование наглядно-образного мышления дошкольников с общим недоразвитием речи / В. Г. Петрова, Ч. Б. Кожалиева // Проблемы диагностики в современной системе психологического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья. Сборник науч. статей. – Москва, 2010. – С. 122–128.

6. Сонин, А. Г. Комикс: психолингвистический анализ: монография / А. Г. Сонин; под ред. В. А. Пищальниковой. – Барнаул, 1999.

7. Урываев, Ю. В. Речь. Начала системной интеграции: учебное пособие / Ю. В. Урываев, Ю. А. Шулекина. – Ярославль, 2013.

8. Чижиков, В. Про девочку Машу и куклу Наташу / В. Чижиков. – М.: Издательский Дом Мещерякова, 2014.

9. Шулекина, Ю. А. Значение ранних этапов формирования речевых смыслов для развития связной речи ребенка / Ю. А. Шулекина // Профилактика, диагностика и коррекция нарушений развития / под ред. М. И. Лынской, Ю. А. Покровской. – Москва, 2012. – С. 251–260.

10. Шулекина, Ю. А. Параметры оценки языковой и речевой семантики / Ю. А. Шулекина // Современные методы психолого-педагогической диагностики детей с ограниченными возможностями здоровья: проблематика, исследования, квалиметрия. Межвузовский сборник статей / Департамент образования города Москвы, Московский городской педагогический университет (ГБОУ ВПО МГПУ). – Москва, 2012. – С. 9.

11. Режим доступа: http://www.nerv-s.ru/clubs/14_pravila-risovaniya-komiksov.html

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ В УЧЕБНИКЕ
УЧАЩИМИСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ**

Ю. А. Шулекина, А. А. Кузнецова

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва)

**SPECIFICITY OF PERCEPTION OF TEXTBOOK INFORMATION BY
PRIMARY SCHOOL STUDENTS OF SECONDARY SCHOOL**

J. A. Shulekina, A. A. Kuznetsova

Summary: In the article the text of textbook is presented as polycode, explained its polycode structure. Presents the results of a pilot study of the perception the textbook information by younger students. Shown and ranked the most pre-

ferred types of information on the pages of the textbook in younger students when they use a textbook in educational activity.

Современное образование предъявляет высокие требования к подготовке будущих первоклассников, к их включенности в образовательную деятельность, мотивации к обучению. Чтение учебников – неотъемлемый фактор комплексного получения знаний в процессе обучения. Наряду с традиционными языковыми текстами в учебнике обнаруживаются более сложные модификации текстов – схемы, таблицы, кроссворды, пиктографические инструкции и т. п. В связи с этим учебный текст не может оставаться одномодальным (языковым), поскольку современная информация кодифицируется в разнообразных модальностях. Разнообразные по форме презентаций смыслов тексты учебника создают его информационный дискурс [7, с. 103].

Рассматривая материал учебника в качестве сверхтекста или глобального поликода, можно противопоставить его тексту в традиционном понимании. Изначально учебник не предназначен для чтения в удовольствие или досугового чтения, что характерно для художественной литературы и составляющих ее линейных текстов [7, с. 102].

Фактура поликодовых текстов состоит из двух гетерогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей другим знаковым системам, нежели естественный язык) [3, с. 120]. Наряду с традиционными языковыми текстами в учебнике обнаруживаются более сложные модификации текстов – схемы, таблицы, кроссворды, пиктографические инструкции и т. п. В связи с этим учебный текст не может оставаться одномодальным (языковым), поскольку современная информация кодифицируется в разнообразных модальностях [7, с. 102]. Все поликодовые тексты можно разделить на две группы: языковые и речевые. Первая группа средств призвана облегчить понимание изучаемых правил, определений, понятий, норм русского литературного языка (таблицы и схемы по лексике, морфологии, синтаксису, орфографии и пунктуации). Схематическое изображение языкового материала позволяет воспроизводить существенные стороны изучаемых правил, дефиниций, понятий. Главная задача речевой наглядности – «облегчить запоминание конкретного языкового материала, употребление которого вызывает наибольшие трудности при усвоении норм русского литературного языка» [3, с. 120].

Успешность работы с учебником напрямую зависит от умений читающего выполнять эту работу. Только со временем анализ текста становится процедурой, сопровождающей процесс чтения.

Исследуя особенности восприятия детьми информации учебника как поликодового текста, мы выбрали определенные страницы учебника [1], на которых, по нашему мнению, по-разному представлена поликодовая информация. Анализируемым материалом выступили различные виды информации, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Виды информации на странице учебника

Речевой материал	Знаковая система	Графические маркеры	Иллюстративный материал
<ul style="list-style-type: none"> • Художественный текст. • Инструктивный текст. • Слова. • Буквы. • Дидактические задания. 	<ul style="list-style-type: none"> • Значки. • Цифры. 	<ul style="list-style-type: none"> • Точки. • Разделители. • Рамки. 	<ul style="list-style-type: none"> • Иллюстрации.

Испытуемым было предложено посмотреть на страницу учебника и назвать то, что они видят на ней.

В результате нами были получены данные о характере выбора учащимися стимулов на странице учебника. Количественные показатели представлены в таблице 2.

Таблица 2

Предпочитаемые учащимися стимулы на страницах учебника [1: с. 48, 107].

Страница 48			Страница 107	
	Виды информации	Количество выборов	Виды информации	Количество выборов
1.	Иллюстрация	8	Иллюстрация	12
	Текст	5	Текст	5
	Заголовок	2	Заголовок	2
	Значки, точки, дидактические задания	по 1		
2.	Заголовок	6	Заголовок	10
	Иллюстрация	5	Текст	5
	Рамки	5	Иллюстрация	2
	Дидактические задания	3	Значки, цифры	по 1
3.	Рамки	5	Заголовок	8
	Заголовок	4	Дидактические задания	3
	Дидактические задания	3	Значки, текст, иллюстрация	по 2
	Иллюстрация, текст, графические знаки	по 2	Текст, знаки препинания	по 1
	Значки	1		

Более 50 % учащихся предпочтительно видят иллюстративный материал на странице, в 26 % случаев – текст и 11 % учащихся, в первую очередь, обращают внимание на буквы и отдельные слова, выделенные жирным шрифтом. На втором месте по частоте выбираемых видов информации буквы и слова: 32% выбранных со страницы 48 и 52 % со страницы 107. На третьем месте по частоте выбираемых видов информации на странице 48 графические материалы (рамки) – 26 % и выделенный шрифт на странице 107–42 %.

Нами было выявлено, что предпочтения учащиеся отдают иллюстративному материалу, далее – речевому и в меньшей степени – графическим маркерам.

Это значит, что младшие школьники больше внимания уделяют страницам, содержащим в себе иллюстрации и выделенный текст, воспринимая полный объем информации, представленный на странице.

Наряду с выявлением предпочитаемых маркеров на страницах учебника нами были определены области локализации этих маркеров на странице учебника. Локализация предпочитаемых школьниками стимулов на странице учебника схематично изображена на рисунках 1 и 2.

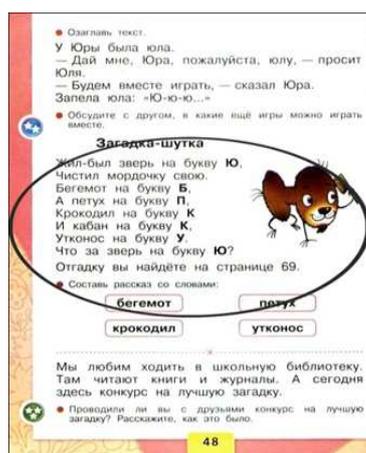

Рис. 1. Область локализации значимой для учащихся информации [1: стр. 48]

Рис. 2. Область локализации значимой для учащихся информации [1: стр. 107]

На основе анализа данных о локализации предпочитаемой младшими школьниками информации на странице учебника можно заключить, что их внимание, в первую очередь, обращено в центр страницы и смещено в сторону иллюстрации, далее перемещается к тексту, расположенному в центре страницы и далее обращено на заголовок, расположенный выше (рисунок 3).

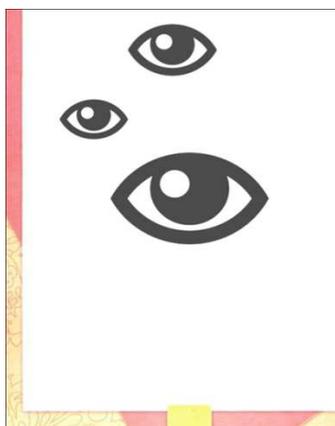

Рис. 3. Зоны значимой для учащихся информации на странице учебника

Нами делается вывод о том, что учащиеся начальной общеобразовательной школы предпочитают выбирать из всего разнообразия видов информации на страницах учебника в большей степени иллюстративную и речевую информацию. Дети также проявляют большую активность при выборе информации, когда рассматривают страницы с большим количеством неречевых информативных знаков, таких, как значки, точки, рамки, разделители.

Полученные нами результаты значимы для разработки учебных пособий для подготовки детей к обучению в начальной школе. Используя в пособиях схожие информационные стимулы, можно подготовить будущих первоклассников ориентироваться на страницах учебника, тем самым повысив эффективность обучения в школе. Подготовленным младшим школьникам не нужно будет привыкать к структуре учебника, и процесс адаптации будет более легким. Это немаловажно в связи современными образовательными условиями, предполагающими совместное обучение детей разных категорий.

Литература:

1. Азбука. 1 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. – Ч. 2 / В. Г. Горецкий, В. А. Кирюшин, Л. А. Виноградская, М. В. Бойкинов. – М.: Просвещение, 2011.
2. Валгина, Н. С. Теория текста. Информативность текста и способы ее повышения / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003.
3. Габидуллина, А. Р. Педагогическая лингвистика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А. Р. Габидуллина. – Горловка: ГГПИИЯ, 2011.

4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования 5-е изд., стереотип / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007.

5. Шулекина, Ю. А. Алгоритмы взаимодействия учителя и ученика при работе с современным учебным текстом / Ю. А. Шулекина // Современные тенденции образования лиц с ОВЗ: материалы науч.-практ. конф., проводимой в рамках мероприятий «Дни науки МГПУ-2014». – Часть 1. – М.: ГБОУ ВПО МГПУ, 2014. – С. 194–199.

6. Шулекина, Ю. А. Современный учебный текст в свете междисциплинарных исследований / Ю. А. Шулекина // Проблемы интеграции и адаптации детей и подростков с ограниченными психофизическими возможностями в социальной среде. Сборник статей. – Москва, 2014. – С. 30–35.

7. Шулекина, Ю. А. Технология обучения первоклассников с особыми образовательными потребностями приемам работы с учебником по русскому языку / Ю. А. Шулекина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. – 2015. – № 3 (33). – С. 102–109.

8. Шулекина, Ю. А. Чтение учебника по русскому языку в начальной школе: традиции и инновации / Ю. А. Шулекина // От истоков к современности 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции: в 5 томах / отв. ред. Д. Б. Богоявленская. – 2015. – С. 278–280.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В МУЛЬТИЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ГОЛОСОВЫХ АССИСТЕНТАХ НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

С. А. Королёва

А. Х. Абдуллин

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

(Севастополь)

*ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный
технический университет»*

(Уфа)

PHONOLOGICAL ASPECT OF MULTILINGUAL INTELLIGENT VOICE ASSISTANTS IN THE CASE OF SPANISH LANGUAGE

S. A. Korolyova

A. Kh. Abdullin

Summary. The paper focuses on the phonological aspect of multilingual intelligent voice assistants in the case of Spanish language. The process of voice recognition is explained. The evaluation experiment of quality recognition of colloquial phrases in Spanish and its dialects is conducted and analyzed. The peculiarities of different Spanish dialects are described.

За несколько прошедших лет развитие мобильных технологий в сочетании с системами искусственного интеллекта подарило миру совершенно новый вид коммуникативного взаимодействия – живое, близкое к естественному общение с голосовыми ассистентами с помощью мобильных устройств. Уже сейчас смартфоны и планшеты с ассистентами Siri, GoogleNow или Cortana позволяют вербализировать желания их владельцев – набрать телефонный номер, узнать погоду, или найти ближайший магазин – а затем произвести необходимое действие или озвучить результат поиска информации. Кроме голосового поиска, ассистенты способны вести непрерывный диалог с пользователем в режиме живой беседы, тонко подстраиваясь и самообучаясь в процессе общения. При изучении иностранного языка на начальных этапах интеллектуальные возможности голосовых ассистентов могут оказаться весьма полезными для ведения несложных диалогов, развития речевой компетенции [2, с. 84].

Голосовые команды пользователя запускают удивительно сложный механизм, сочетающий множество разнообразных технологий по распознаванию речи, ее пониманию и синтезу. Восприятие голосового ассистента как полноценного, пусть даже искусственного, участника диалога слагается из впечатлений пользователя, которые, в свою очередь, обусловлены адекватной реак-

цией ассистента на запросы, релевантностью ответов, скоростью работы и т. д. Ключевую роль здесь играет процесс распознавания речи как границы, отделяющей конкретное речевое высказывание пользователя от его компьютерного представления, пригодного для последующего анализа. Не вдаваясь в технические детали алгоритмов распознавания речи, процесс упрощенно может быть описан следующим образом.

В звуковом фрагменте после шумоподавления выделяется речевой поток, который делится на элементарные речевые сегменты – фреймы – длительностью 10–20 мс. Статистическое сопоставление фреймов с заранее сформированными фонетическими и фонологическими паттернами позволяет оценить речевой сегмент по схожести на звуковом уровне в рамках акустической модели языка. Далее на уровне языковой модели воссоздается наиболее вероятная словесная последовательность. Отмечается, что сложность построения языковой модели во многом зависит от конкретного языка [3, с. 129]. Так, модели для агглютинативных языков, как правило, значительно проще, чем для языков с флективным строем. Для высокофлективных языков приходится использовать гибридные языковые модели, повышающие достоверность оценивания статистических связей между словами. На завершающем этапе распознавания совмещаются данные, полученные от акустических и языковых моделей, и на основании их объединения, создается наиболее вероятная последовательность слов, которая и является конечным результатом распознавания слитной речи. В работе Д. С. Журавского [6] можно ознакомиться с техническими нюансами процесса автоматического распознавания речи.

В настоящее время признается, что лежащая в основе голосовых ассистентов акустическая модель распознавания речи должна включать богатую фонологическую составляющую. С одной стороны, это позволяет сравнительно легко обойти трудности распознавания, связанные с индивидуальными особенностями речи пользователя, а с другой – обуславливает ограниченную пригодность выбранной акустической модели при диалектных вариациях языка. Интересным примером, иллюстрирующим чувствительность голосовых ассистентов к фонологии, является испаноязычная речь пользователей.

Широкое географическое распространение испанского языка и его региональная адаптация обусловили многообразие диалектов и языковых вариантов языка и, как следствие, его гибкую фонетическую и фонологическую вариативность. Простая фраза, произнесенная четко и ясно красивым женским голосом на испанском языке (кастильском) с просьбой показать расписание самолетов, одинаково успешно распознается голосовыми ассистентами (см. рисунок 1). Однако более усложненные варианты показывают худшие результаты.

Предварительно отметим, что для голосовых ассистентов GoogleNow и Siri имеется возможность выбора диалектного варианта испанского языка (см. таблица 1).

а) Распознавание GoogleNow,
точность – 100 %

б) Распознавание Siri,
точность – 100 %

Рис. 1. Реакция голосовых ассистентов на фразу:
“¡Muéstrame el horario del avión para BuenosAires!”
(Покажи мне расписание самолета в Буэнос-Айрес!)

Таблица 1

Поддерживаемые в популярных голосовых ассистентах диалектные варианты испанского языка

Голосовой ассистент	Поддерживаемый вариант испанского языка (по странам)
GoogleNow 5.14	20 вариантов: Испания, Аргентина, Боливия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Эквадор, США, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Пуэрто-Рико, Доминиканская Республика, Уругвай, Венесуэла
Siri в составе iOS 9.3.2	3 варианта: Испания, Мексика, США
Cortana 1.8	Испания

Для оценки качества распознавания речевых фраз на испанском языке и его диалектах авторами был сформирован набор из тестовых аудиофайлов, содержащих 2–4-секундные фрагменты женской речи из новостных выпусков телепередач в Испании, Мексике США, Кубе, и Аргентине. Предпочтение в выборе новостных передач объясняется высокой степенью клишированности речи телеведущих – распространенностью фраз, обладающих устойчивой сочетаемостью [5, с. 107]. Фрагменты подбирались таким образом, чтобы обеспечить равную лексическую сложность фраз и их четкое произношение. Результаты сравнения приведены в таблице 2.

Таблица 2

Качество распознавания фрагментов речи на диалектах испанского языка (усредненные оценки)

Фрагмент речи	Голосовой ассистент		
	Google Now	Siri	Cortana
Новостной выпуск канала Canal 24 Horas (Испания)	73 %	78 %	75 %
Новостинаканале El Canal de las Estrellas (Мексика)	71 %	75 %	62 %
Новости на канале Univisión (США)	71 %	76 %	64 %
Новости на канале TvCubana (Куба)	68 %	64 %	55 %
Новости на канале ElTrece (Аргентина)	64 %	51 %	41 %

Интерпретация результатов очевидна – при способности голосового ассистента учитывать фонетические и фонологические «маркеры» диалекта качество распознавания приближается к уровню распознавания эталонного языка. Неравномерность уровня ошибок для диалектов языка обуславливается различной полнотой применяемых в ассистенте фонологических составляющих акустической модели.

Для Латинской Америки, Канарских островов и Андалусии характерны ряд общих фонетических феноменов [1, с. 22], усложняющих акустическую модель:

– «seseo» (сесео), то есть оглушения межзубных фрикативных согласных, таких, как [c], [z] и [s]. Например: слова *ciervo* (олень) и *siervo* (крепостной) читаются одинаково – как [siervo];

– «yeísmo» (йеизмо) – одинаковое произнесение [y] и [ll]. Например: "*pollo*" (курица) и "*pozo*" (скамья);

- одинаковое произнесение [r] и [l] в конце слога или слова. *Например: amor* – [amóɾ] (любовь), *suerte* – [swelte] (удача);
- Аспирация или потеря [s] в конце слога или слов. *Например: произнесение "cajtaña" вместо "castaña", "las botas" – la' botas (ботинки), "esto" – e'to (это).*

Причины критического уровня ошибок распознавания аргентинского диалекта (не менее 36 %) также лежат на поверхности: «...Фонетические особенности испанского языка в Аргентине очевидны в области произношения гласных (дифтонги, разрывы в случае, когда две гласные образуют контакт), согласных (чередование В/У, произношение групп согласных, дрожащих (вибрантов) и боковых согласных) и своеобразного интонационного рисунка, формируемого извозможных интонационных групп...» [1, с. 5].

Фонологический анализ диалектных вариантов современного испанского языка, приведенный в работе О. В. Мурашкиной [4, с. 8], обобщает следующее:

- диалектные подсистемы, порождающие многообразную аллофоническую вариативность, характеризуются фонологической нестабильностью по сравнению со звучащей речью по норме *español estándar*;
- для диалектной речи имеет место иная структура фонологических оппозиций в сравнении с нормой *español estándar*;
- реализация консонантов в диалектных подсистемах на уровне звучащей речи не имеет четких границ фонологического колебания;
- смешение дифференциальных признаков происходит в коррелятивных сериях фонем, что позволяет квалифицировать их как фонемы нестабильные относительно фонем некоррелятивных серий.

Таким образом, краткий обзор влияния фонологической составляющей в моделях распознавания речи с приведенными выше результатами небольшого эксперимента на примере испанского языка (можно ожидать аналогичной ситуации и для других языков) обнажают одну из проблем мультилингвистических интеллектуальных голосовых ассистентов – разработчики такого рода систем акцентируют свое внимание на языковой норме, упуская вариативность языка, его подвижный, развивающийся характер. Хотя авторы коснулись одного из проявлений взаимодействия пользователя с голосовыми ассистентами, следует понимать, что имеет место и другое – озвучивание программой текста в той речевой норме, которая привычна пользователю. В настоящее время рассмотренные ассистенты, независимо от установленного варианта языка распознавания, осуществляют озвучивание в рамках нормативного варианта языка.

Литература:

1. Баральдо Дель Серро, М. Л. Особенности испанского языка в Аргентине: Лексический, грамматический и фонетический аспекты: автореферат

дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Баральдо Дель Серро. – Белгород, 2015. – Режим доступа: http://dekanat.bsua.edu.ru/f.php//1/disser/case/fileavtoref/fileavtoref/420_ITOG_Avtoreferat_17-04Laura2_1.pdf (дата обращения: 22.06.2016).

2. Королёва, С. А. Повышение качества преподавания испанского языка как второго иностранного в вузе / С. А. Королёва, Ю. А. Топоркова // *Инновационная наука: Международный научный журнал*. – № 2–2016. – Ч. 5. – Уфа: АЭТЭРНА, 2016. – 198 с. – С. 83–85.

3. Мазуренко, И. Л. Компьютерные системы распознавания речи / И. Л. Мазуренко // *Интеллектуальные системы*. – Том 3. – Вып. 1–2. – 1998. – С. 117–133. – Режим доступа: [http://intsys.msu.ru/magazine/archive/v3\(1-2\)/mazurenko.pdf](http://intsys.msu.ru/magazine/archive/v3(1-2)/mazurenko.pdf) (дата обращения: 20.06.2016).

4. Мурашкина, О. В. Фонологическая реализация системы консонантизма нормы “Español Estándar” в диалектных вариантах современного испанского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук. (10.02.15) / О. В. Мурашкина. – Воронежский государственный университет. – Москва: Столичная Рекламная Компания, 2010. – 31 с.

5. Топоркова, Ю. А. Особенности языка испанских печатных средств массовой информации / Ю. А. Топоркова // *Материалы XIV Международной науч.-практ. конф. «Право и проблемы функционирования современного государства»*, г. Махачкала, 17 мая 2015 г. – Махачкала: Апробация, 2015. – С. 107–108.

6. Jurafsky, D. S. *Speech and Language Processing. An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics and Speech Recognition* / Daniel S. Jurafsky, H. Martin James // Prentice Hall, Englewood Cliffs. – New Jersey 07632. – 975 p.

ИЗМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИИ РОДА ГАЛЛИЦИЗМОВ В СВЕТЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АССИМИЛЯЦИИ

А. В. Агеева, Л. Р. Абдуллина

*ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
(Казань)*

CHANGING OF GALLICISMS GENDER CATEGORY IN THE LIGHT OF MORPHOLOGICAL ASSIMILATION

A. V. Ageeva, L. R. Abdullina

Summary. This article analyses the main trends of the morphological adaptation of foreign language vocabulary of French origin in Russian language from the point of view of forming of the category of gender in the language-receptor. The authors identify and classify patterns of changing in the gender category of nouns because of mismatch of the formal indicators the gender determining in the French and Russian language

Одной из важнейших составляющих комплексного процесса ассимиляции иноязычных элементов является их морфологическое освоение, и понятно, что чем больше изоморфизм сравниваемых языков, тем более заметны адаптационные изменения.

При заимствовании иноязычные слова лишаются исконных способов выражения рода. Не проникает в русский язык артикль, который в языке-источнике является основным показателем рода. При этом происходит фонетическое сокращение слова, так как исчезновение артикля ведет к уменьшению объема слова на один слог. Основным критерием распределения имен существительных по родам в языке-рецепторе является морфологический облик, независимо от родовой принадлежности в языке-источнике [7, с. 44–52].

Однако это утверждение не объясняет целого ряда сделанных нами (и предыдущими исследователями галлицизмов) наблюдений касательно распределения по родам имен существительных. Скорее, следует отметить наличие двух противоположных тенденций, всякий раз по-иному определяющих ассимиляционную модель: иноязычное слово стремится сохранить свою исконную природу, язык же, принимающий это слово, навязывает ему свои признаки, подчиняет своей системе.

Смена рода в процессе морфологической ассимиляции есть явление довольно редкое, когда речь идет об именах существительных мужского рода, однако данное явление также было зарегистрировано при анализе французской лексики в русском языке. Ниже мы приведем несколько наиболее продуктивных моделей, чье существование в языке обусловлено, в первую очередь, несовпадением формальных признаков определения рода в русском и французском языках.

1. Исконно русским именам существительным среднего рода характерны основы на твердый или мягкий согласный с флексиями -о/-е. В связи с этим большинство французских имен существительных мужского рода с основой на -eau (-ot) и -é (-er/-ier) переходят в русском языке в разряд несклоняемых существительных среднего рода на -о и -е.

а) В первую очередь, все неодушевленные имена существительные, оформленные в языке-источнике финалью -eau, которые в русском языке меняют род просто в силу отсутствия других вариантов ассимиляции, не имея ни конечного непроизносимого согласного, ни значимых в языке-рецепторе семантических показателей, согласно которым слово могло бы сохранить мужской род: un landeau – ландо, un bureau – бюро, un panneau – панно, un trumeau – трюмо, un chapiteau – шапито, un manteau – манто.

б) Имена существительные, образованные в результате субстантивации страдательных причастий прошедшего времени (*Participe passé*) глаголов 1-го типа спряжения и, как следствие, оканчивающиеся на -é: un consommé – консоме.

с) Имена существительные с суффиксом *-ot* зачастую отбрасывают конечную немую *-t* и оформляются на слова среднего рода на *-o* в русском языке: *un jabot* – жабо, *un d r t* – депо.

М. Калиневич приводится, кроме того, одно существительное данного типа, сменившее род на женский: *un magot* – маго [7, с.49], причем, с нашей точки зрения, данный переход обусловлен исключительно семантическими причинами (обезьяна, ж.р.). Отметим также, что довольно долгое время слово функционировало в русском языке как существительное мужского рода с конечной *-t*: магот [б], однако именно семантический критерий оказался решающим при оформлении рода в данном случае.

д) Конечное *-et* во французском языке характерно только существительным мужского рода, что и обусловило в русском языке функционирование целого ряда имен с финалью *-et*, среди которых как одушевленные: *un cadet* – кадет, *un baronet* – баронет, так и неодушевленные: *un pistolet* – пистолет, *un flageolet* – флажолет, *un sonnet* – сонет, *un paquet* – пакет, *un billet* – билет, *un piquet* – пикет, *un ballet* – балет, *un cabinet* – кабинет, *un tabouret* – табурет, *un bouquet* – букет, *un gilet* – жилет, *un labinet* – лабинет, *un corset* – корсет, *un beret* – берет, буфет, *un parquet* – паркет, *un bracelet* – браслет, *ricochet* – рикошет. Однако небольшое количество имен существительных с суффиксом *-et*, вопреки общей тенденции, отбрасывает конечную *-t*, оформляясь как слова среднего рода на *-e*: *un turet* – тире, *un cabaret* – кабаре.

е) Многочисленная группа существительных, образованных при помощи суффикса *-er (-ier)*, образующего имена сущ. мужского рода, чаще всего одушевленные, также сохраняет род при переходе в русский язык: *un cavalier* – кавалер, *un officier* – офицер, *un courrier* – курьер, *un passager* – пассажир. Ведущую роль здесь играет, разумеется, семантический критерий: все они называют лиц мужского пола того или иного рода занятий. Если же говорить о неодушевленных именах существительных, оформляемых данным суффиксом, то картина резко отличается: в большинстве случаев слова этого типа пополняют группу галлицизмов среднего рода на *-e*, отбрасывая конечную немую *-r*: *un foyer* – фойе, *un atelier* – ателье.

ф) Сложные имена существительные, образованные путем слияния имени и инфинитива глагола 1-го типа спряжения на *-er*: *un blanc-manger* – бланманже, либо глагола и существительного с финальным [e]/[ ]: *un portemonnaie* – портмоне, *un pince-nez* – пенсне.

Из приведенного примера видно, что одной из причин смены категории рода французскими именами существительными может служить и семантическое влияние на них русских слов (пирожное бланманже), однако формальный признак определения рода в русском языке, а именно – финаль-е, играет здесь не последнюю роль.

2. Флексия *-a/-я*, характерная в русском языке для существительных мужского рода, называющих исключительно лиц (папа, дядя, слуга),

совершенно непродуктивна в данном контексте для неодушевленных имен. Скорее, она коррелирует с женским родом (где вполне может быть ударной, ср. толпа, ботва, война) либо средним родом на мягкий согласный с флексией -я (ср. бремя, время, знамя). По этой причине большинство французских имен существительных на -as приобщаются либо к женскому роду с ударным -а и полной парадигмой склонения: un canevas – канва, un taffetas – тафта, либо пополняют категорию несклоняемых имен среднего рода: un bras – бра, un pas – па.

К этой же группе стоит отнести существительные un réséda – резеда, un entrechat – антраша и un emploi – амплуа, которые, пусть и обладая в языке-источнике иными финалями, удачно и полностью вписываются в модель ассимиляции, с точки зрения фонетико-морфологических критериев языка-рецептора.

3. Как неоднократно отмечалось исследователями галлицизмов [1; 3–5; 7], русскому языку в принципе чужды имена существительные с флексиями -и, -у, -ю. Французский язык демонстрирует обратную тенденцию: такая лексика довольно частотна как в силу словообразовательных причин («чистые» финали -i/-u характерны, например, субстантивированным причастиям прошедшего времени глаголов 2-го и 3-го типов спряжений, очень часты у имен прилагательных), так и фонологических, а именно – наличие непроизносимого конечного согласного. Ранее нами описывалась модель, когда немой согласный становится произносимым в языке-рецепторе, обеспечивая принадлежность слова к мужскому роду. Однако снова не будем забывать о масштабных и всеобъемлющих непосредственных языковых контактах, характерных для русско-французских отношений XIX – начала XX столетий, обеспечивающих широкие возможности для устного заимствования, конечным результатом которого является транскрипция, т. е. заимствование слова в его фонетической форме, без оглядки на графику. Рассмотрим возможные варианты.

а) Имена существительные на -i/-is при заимствовании оформляются как несклоняемые существительные среднего рода: un pari – пари, un taxi – такси, un croquis – кроки.

б) Имена существительные на -u также пополняют категорию среднего рода: un menu – меню, un écu – экю, un nu – ню.

с) Имена существительные на -ou/-out: un sou – су, un ragout – рагу, un passé-partout – паспарту.

4. Часть имен существительных на -le/-l пополняет класс существительных женского рода 3-го склонения, т. к. при заимствовании происходит субституция французской среднеязычной фонемы [l] русской фонемой [л’]: un role – роль, un châle – шаль, un duel – дуэль (по аналогии с постель, боль, соль, прель).

5. Существительные на -asque становятся при заимствовании именами женского рода: un casque – каска, un masque – маска. Данная тенденция

обусловлена, по всей вероятности, восприятием носителей русского языка финального [к] как суффикса женского рода -к (краска, опояска, связка).

б. Основная масса имен существительных женского сохраняет род посредством прибавления флексии -а к заимствованной основе. Среди них как одушевленные имена существительные, называющие лиц женского пола: *une dame* – дама, *une sirène* – сирена, так и неодушевленные: *une salle* – зала, *une sphère* – сфера, *une pique* – пика, *une carte* – карта, *une attaque* – атака, *une couronne* – корона, *une dépêche* – депеша, *une phrase* – фраза, *une terrasse* – терраса, *une fabrique* – фабрика, *une scène* – сцена, *une mine* – мина, *une mode* – мода, *une note* – нота, *une méthode* – метода, *une prose* – проза, *une mansarde* – мансарда, *une pompe* – помпа, *une lampe* – лампа, *une soutane* – сутана, *une loge* – ложа. Небольшая часть существительных меняет данную категорию в языке-рецепторе. При этом нивелируется конечное -е и образуется форма с основой на согласный. Этот формальный признак определяет их принадлежность к мужскому роду в русском языке: *une carrière* – карьер, *une marche* – марш, *une uniforme* – униформ, *une manœuvre* – маневр, *une barrière* – барьер, *une vedette* – ведет, *une toilette* – туалет, *une tunique* – тюник и т. д.

Таким образом, при анализе иноязычной лексики французского происхождения можно выявить зачастую противоречивые, с позиции исключительно языка-рецептора, закономерности морфологического оформления лексики, легко объяснимые тем не менее в языке-источнике (суффиксальное оформление существительных того или иного рода, обилие существительных женского рода со значением конкретности, совершенно не характерное для русского языка, семантические показатели и т. п.). Понятно, что процесс морфологической адаптации жестко детерминирован внутриязыковыми причинами, в первую очередь, законами языка-рецептора, но не представляется возможным и умалять роль таких факторов, как интенсивность языковых контактов, количественные характеристики процесса заимствования, количество билингвов в обществе, языковая мода и снобизм, определяющие степень влияния языка-источника.

Литература:

1. Агеева, А. В. Иноязычная лексика французского происхождения в русском языке новейшего периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Агеева. – Казань, 2008.
2. Балалыкина, Э. А. Семантические изменения в пределах заимствованной лексики в русском языке / Э. А. Балалыкина // Ученые записки Казанского университета. – 1998. – Т. 135. – С. 30–39.
3. Бахтина, С. И. Заимствованная лексика в составе тематической группы "Пища и напитки" XVIII – начала XXI вв. (историко-функциональное исследование): дисс. ... канд. филол. наук / С. И. Бахтина. – Казань, 2008.

4. Габдреева, Н. В. История французской лексики в русских разновременных переводах / Н. В. Габдреева. – М.: Ленанд, 2011. – 304 с.

5. Габдреева, Н. В. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода / Н. В. Габдреева, А. В. Агеева, А. Р. Тимиргалеева. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 328 с.

6. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. – Режим доступа: <http://gallicismes.academic.ru> (дата обращения: 17.05.2016).

7. Калиневич, М. М. Заимствования из французского языка в современный русский литературный язык / М. М. Калиневич. – Познань, 1978. – 72 с.

ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫРАЖЕНИЯ ОТКАЗА ОТ ОБЩЕНИЯ

С. Ю. Дашкова

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

GENDER CHARACTERISTICS OF EXPRESSING REFUSAL TO COMMUNICATE

S. Dashkova

Summary. The article is devoted to gender analysis of the ways to express refusal to communicate. The situation of communication refusal is associated with emotional stress, which is especially characteristic of females. It has been shown that women are more likely to use non-verbal means of avoiding intercommunication, while men more often express their refusal by using verbal means.

Для лингвистики понятие «гендер» соотносится с конструируемыми в языке и закрепленными в сознании его носителей качествами и характеристиками поведения, а также с совокупностью атрибутов, которые приписываются мужчинам и женщинам в определённом социокультурном сообществе [5, с. 34]. Понятие «гендер» принято рассматривать «как реально существующую систему межличностного взаимодействия, посредством которого создается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как категориях социального порядка» [4, с. 171].

Гендерные особенности демонстрируются в речевом поведении индивидов и в стереотипах, фиксируемых языком. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы ее языковой социализации [3, с. 5]. Известны определенные характерные черты использования одного и того же набора языковых средств. К примеру, женщины чаще задают вопросы, переспрашивают, демонстрируя заинтересованность беседой. Свое несогласие с мнением оппонента женщина чаще выра-

жает молчанием, а не открытым словесным протестом. Мужчина же стремится доминировать в беседе, свои намерения выражает прямолинейно. Поэтому фразы мужчины лаконичны, содержат минимум информации. Мужчины реже соглашаются с критикой, чаще прибегают к иронии, ссылок на авторитеты, используют меньше речевых средств, выражающих неуверенность, и в результате производят впечатление более компетентных и уверенных в себе. Во время спора женщинам характерны проявления чувств, поэтому в их речи чаще наблюдаются междометия, восклицательные предложения, а также предложения, оканчивающиеся многоточием [6].

Подобные характерные особенности мы можем проследить и в коммуникативном акте отказа от общения. То, как представители полов уходят от общения (вербально или невербально) подчеркивает их гендерную принадлежность.

Отказ от общения, который может привести к коммуникативной неудаче, возможен только в результате взаимодействия нескольких субъектов, которые обмениваются сообщениями. Отказ от общения – это коммуникативный акт, в ходе которого один из собеседников отказывается от вступления в разговор или прерывает его. Отказ от общения понимается по-разному: в философии отказа от общения – это выход из затруднительной ситуации, выполняющий своего рода защитную функцию, способ избежать лжи; в психологии отказ от коммуникации рассматривается как способ защиты от возможного психологического нападения или как средство манипуляции собеседником. В лингвистике исследуется «коммуникативный саботаж», когда отправитель сознательно или бессознательно демонстрирует намерение не вступать в общение, либо прервать его с помощью определенного коммуникативного действия или его значимого отсутствия, а получатель, независимо от адекватности интерпретации посланного сигнала, реагирует на него с помощью обратной связи [1, с. 9].

Изучение вербальных и невербальных средств отказа от общения, используемых представителями полов, позволяет обнаружить черты регулярности в их использовании.

В результате исследования мы обнаружили, что, в процентном соотношении, использование вербальных средств выражения отказа от общения свойственно представителям сильного пола: их высказывания категоричны и, как правило, содержат причину и объяснение отказа. Такое высказывание представляется более убедительным и аргументированным [2, с. 276].

Часто употребляемыми глаголами, выражающими отказ, являются глаголы «*refuser*» (*ne pas accepter ce qui est offert, proposé par quelqu'un* [LAROUSSE]) и «*renoncer*» (*ne plus faire quelque chose* [LAROUSSE]). В меньшей степени употребляется глагол «*abstenir*» (*éviter de faire quelque chose* [LAROUSSE]).

1) Mais, depuis l'entretien de Glenarvan et du chef zélandais, il parut sage de *s'abstenir* [J. Verne. Les Enfants Du Capitaine Grant. – 1986. – P. 1055].

Данный пример демонстрирует обоснованный отказ с указанием причины – вождь новозеландцев рассказал что-то страшное путешественникам, после чего они отказались дальше что-либо предпринимать.

2) ... Il est évident que vous devrez *renoncer* à vos frasques, disait Fairmont. Et on ne discute plus ... Je ne veux pas vous chercher à Saint-Tropez si l'Amérique et le Viêtnam font la paix. (F.S agan. Un peu de soleil dans l'eau froide. – Paris, 2011. – P. 124).

В примере демонстрируется желание манипулировать собеседницей, желание добиться результата. Категоричность усиливается выражением «*и больше не спорим*», которое демонстрирует нежелание продолжать обсуждение.

Следует отметить, что у женщин наблюдается более вежливый характер реплик, хотя и более напористое речевое поведение. В следующем примере:

3) - Ca ne va pas sentir très bon dans ton carrosse. Avec cette foutue guibole, je n'ai pas pu aller jusqu'aux douches ces derniers jours!

- Jules, si l'on dit que l'argent n'a pas d'odeur, pourquoi un peu de misère en aurait-elle? *Arrêtez de discuter et montez!* (Mark Levy. Sept jours pour une éternité. – Paris, 2007. – P. 26)

Собеседница выражает намерение не продолжать дискуссию, используя повелительное наклонение глагола «*arrêter de discuter*». Героиня демонстрирует стремление манипулировать собеседником и использует отказ от общения в качестве средства добиться желаемого результата (собеседник должен сесть в машину).

В процессе коммуникации собеседники обязательно держат во внимании знаки невербального общения, которые помогают лучше понять оппонента, расшифровать его намерения, настроение и чувства. Зная основные способы невербального общения, можно распознать собеседника, ведь невербальные сигналы проявляются бессознательно и оппонент просто не может ими управлять. На невербальном уровне для отказа от общения используется богатый инвентарь средств: жесты, мимика, пантомимика, сигнализирующие о желании прервать общение; интонация, темп речи, паузирование, громкость голоса помогают оформить выражение отказа от общения.

При проведении анализа было замечено, что наиболее употребительным жестом является жест «*secouer la tête*», по которому собеседник однозначно понимает, что оппонент стремится закончить беседу. Рассмотрим пример:

4) Ayrton *remua la tête* en homme décidé à se taire (J. Verne. Les Enfants Du Capitaine Grant, 1986. – P. 1202).

В данном фрагменте использован намеренный отказ: Айртон своим жестом осознанно прерывает коммуникацию.

Невербальные средства общения используются и тогда, когда одного из собеседников не устраивает тема разговора. Уход от нежелательных выяснений отношений с помощью невербальных средств является характерной чертой женского типа коммуникации. Отмечено, что собеседницы чаще прибе-

гают к визуальным или тактильным контактам для отказа от общения, ухода от неприятного разговора.

Например, в приведенной сцене Вилл описывает Маги ситуацию, которая сложилась в городе из-за эпидемии. Но в один момент Маги закрыла ему рот рукой, чтобы не слушать всего этого ужаса. В тексте автор описывает это действие конструкцией «fermer la bouche avec la main».

5) - Tu mens, Will, lui a dit Maggie.

- C'est la vérité, a-t-il répété. La moitié sont nus comme au jour de leur naissance. Croix de bois, croix de fer, si je mens je vais en enfer. J'espère que...

Maggie lui a fermé la bouche avec sa main. (L'année de la grande peste. Journal d'Alice Paynton. – 1665–1666. – P. 52)

Под воздействием эмоций, которым более склонны представительницы слабого пола, героиня прерывает коммуникацию.

Очень часто бессловесные поступки сопровождают высказывания собеседников. Таким образом, словесное воздействие на адресата подкрепляется невербальными действиями и получает адресную направленность. Так в примере:

б) ... vous repasserez plus tard, dis-je en lui fermant la porte au nez, et en me dirigeant vers la bouilloire. (M. Barbery. L'élégance du hérisson. – Paris, 2006. – P. 304). Героиня, не желая беседовать с надоедливой соседкой, предлагает ей зайти позже и закрывает перед ее носом дверь. Подобное действие недвусмысленно демонстрирует отказ от дальнейшего общения и характеризует физическое и эмоциональное состояние героини (усталость и раздраженность после трудной бессонной ночи).

Итак, мы увидели, что в ситуации коммуникации уход от общения имеет гендерную специфику. Анализ гендерной невербальной коммуникации мужского типа показывает, что отказ от общения демонстрируется положением тела и жестами. И вербальные и невербальные поступки представителей мужского пола более категоричны, недвусмысленны и, нередко, грубы.

Женщины, склонные к эмоциональным проявлениям из-за чувства страха, обиды, любовных переживаний, разочарования в партнере, чаще прибегают к невербальным средствам. В таком случае, отказ от общения имеет ненамеренный, спонтанный характер и может быть вызван желанием уйти от конфликта, желанием не вступать в бессмысленный спор и, нередко, инстинктом самосохранения. Таким образом, проявляется своеобразие женской языковой личности.

Литература:

1. Гуляева, М. А. Отказ от общения как составляющая межличностной коммуникации: автореф. дис. ... канд. пед. наук 10.02.19 / М. А. Гуляева. – Волгоград, 2013. – 20 с.

2. Дашкова, С. Ю. Логико-прагматический анализ научной аргументации / С. Ю. Дашкова // Концептуальная систематика аргументации. – Москва: Флинта, 2016. – 588 с.

3. Кирилина, А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике / А. В. Кирилина // Филологические науки. – № 2. – 1998. – С. 51–57.

4. Пушкарева, Н. Л. Гендерные исследования и исторические науки / Н. Л. Пушкарева // Гендерные исследования, 1999. – № 3. – С. 171.

5. Рысева, У. А. Объявление о знакомстве: коммуникативный, гендерный, прагматический аспекты характеристики: дис. ... канд. пед. наук (10.02.01) / У. А. Рысева. – Киров, 2015. – 229 с.

6. Шевелева, Л. В. Гендерный стереотип эмоциональности в речевом поведении субъекта/ Л. В. Шевелева // Доклады Третьей Междунар. конф. «Гендер: язык, культура, коммуникация». – М. – 2003. – 354 с.

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Н. К. Иванова, Р. В. Кузьмина

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет» (Иваново)

ENGLISH NEOLOGISMS AS CREATIVE POTENTIAL OF LANGUAGE IDENTITY

N. K. Ivanova, R. V. Kuzmina

Summary. The paper focuses on the analysis of the new English nonce words formed by means of homonymy and paronymy and registered in e-dictionaries. Their comparison with already existing English words is made, and some typical examples of their creative usage are given. Special attention is paid to the new words used as a pun and wordplay for describing new linguistic reality and English as an international language.

«Неологический бум», который в последнее время привлекает многих исследователей, является одним из важнейших источников для изучения современных языковых процессов, культурных и языковых практик. Электронные волонтерские словари регистрируют большое количество новых слов и новых значений ранее известных лексических единиц, причем последние нередко выступают в роли моделей, по которым «строятся» неологизмы.

Особое место среди лексических новообразований занимают окказионализмы, образованные на основе принципа языковой игры. Основным лингвистическим средством их образования часто являются паронимия и омонимия – явления, достаточно хорошо изученные в современной лингвистике, но еще мало учитываемые при анализе языковой личности, ее языкотворче-

ского потенциала, когнитивных механизмов и особенностей мотивационного уровня ЯЛ. Новые слова являются продуктивным источником пополнения омонимического и паронимического запаса любого языка, а в условиях интенсивных языковых контактов – и образцом для «подражания»: калькирования или заимствования.

Обращение к материалам различных электронных словарей показывает, что практически во всех тематических группах, проанализированным нами [1, 2, 4], новые английские слова составляют пары омонимов на основе фонетического и/или графического сходства, а также пары или даже целые группы паронимов на основе созвучия с уже имеющимися в английском языке лексемами. Заметим, однако, что для неносителя языка паронимическая аттракция и другие средства не всегда являются «прозрачными», поэтому для их анализа необходимо обращение к словарным дефинициям.

Закономерно, что увеличение групп омонимов и паронимов (как и элементов внутри этих групп) расширяет возможности использования их в языковой игре, что и применяется широко в неформальной устной речи молодежи (см., например, окказионализмы, зарегистрированные в словаре Unwords.com, Rice University Dictionary Database, Word Spy, etc. [6,7,8]) – в шутках, каламбурах, анекдотах. Приемы языковой игры также используются копирайтерами и журналистами в многочисленных рекламных слоганах и газетных заголовках. Например: You **can Cannon**; **Dotty** about **dot**. Commerce; **Amazon amazing ambition**; Everlasting LIFFE (London International Financial Futures Exchange [5, с. 179–184].

В нашем исследовании мы исходим из того, что омонимы и паронимы лишь на первый взгляд похожи друг на друга, но при омонимии обычно наблюдается (или сознательно достигается автором неологизма в результате языковой игры) графическое и/или фонетическое совпадение разных по значению слов, а при паронимии – лишь их подобие, так как они обязательно чем-нибудь отличаются в словообразовании. Нельзя не заметить, что в основе слов-паронимов лежит корневой, этимологический признак, а в основе слов-омонимов – обычно только случайное совпадение в написании и/или произношении. Парономазия в отличие от паронимии не носит характера закономерного и регулярного явления, но их объединяет сходство звучания.

Анализ экспериментального корпуса нашего исследования (более 500 лексических единиц) показал, что многие из новых слов созвучны с уже имеющимися в языке лексическими единицами, но это сходство звучания обычно является не полным, т. е. паронимичным.

Так, несколько десятков подобных примеров было найдено в тематической группе «Язык и литература», что вполне закономерно: социолингвистические процессы последнего времени и распространение английского языка по всему миру обусловили трансформационные явления в самом английском языке, появление интерферированной английской речи, т. е. отступление от стандартов классического английского языка. Это вскоре нашло отражение и

в словотворчестве: новообразования тонко и иронично подмечают эти отклонения от нормы – в произношении (например, **blaccent** (n.) – *A manner of speaking in which one sounds like an African-American from "da hood"*), пунктуации (например, **capostrophy** – *Use of disastrous punctuation*), в словоупотреблении (например, **fuzzword** (fūz'wûrd') – (n.) *A word, usually a buzzword, which has no precise meaning even in context*) и т. д.

Словари фиксируют также целый ряд новых названий для самого английского языка, в который, в условиях билингвизма (мультилингвизма), проникают характерные особенности национальных языков. К этой группе можно отнести следующие паронимы со словом English:

Chinglish (adj.) *Of or relating to a language in which both English and Chinese words are used together in order to express a meaning.*

Hinglish - (n.) *Spoken in India, often by those living in metropolitan regions. This language uses interwoven Hindi and English terms that often mean different things to each language or that do not have meaning in the transposed language.*

Singlish - (adj.) *An actual dialect spoken in Singapore, it is a mixture of English and Malay spoken by those living in the region, the influence of more than a century of British occupation [8].*

К этой же группе можно отнести новообразования Menglish, Denglish, Globish Weblish, Greekspeak, netspeak, Collabulary (общий словарь/вокабуляр с помощью которого, веб-пользователи квалифицируют данные, найденные в Интернете), etc [7].

Особенностью этих новых слов-окказионализмов является их своевременное появление в качестве языковой реакции на распространенные социально-культурные явления, например, из области сетевой литературы, появления новых практик письма [1]. Примерами этого из анализируемой выборки являются слова:

Flakespeare (n.) *A person who thinks they are qualified to rewrite someone's work.*

plotician *One who devotes their career to the elimination and repair of plotheoles.*

Кроме паронимов, сходных с известными словами, можно встретить среди английских неологизмов-окказионализмов и омофоны, например,

dribel (n.) *A unit used to express relative difference in power or intensity between two stupid or childish speeches, often relating to drunken speech (cp.: dribble (v.))*

hu (pron.) *A 3rd person gender-neutral pronoun. Its brevity and morphological structure (one open syllable: a consonant + a vowel) make it similar to other 3rd person pronouns – a typical, easily recognizable member of this class: he - she – hu (cp.: hue, hew).*

Сопоставительный анализ окказионализмов из электронных словарей новых слов и давно зарегистрированных в словарях лексем показал, что первые и вторые могут составлять в современном английском языке пары, тройки и

даже группы паронимов на основе частичного созвучия и группы омонимов на основе полного совпадения фонетической и/или графической формы, пополняя паронимические и омонимические поля языка.

Сходство внешней формы, а иногда и близость внутреннего содержания неологизмов и известных слов, позволяет ЯЛ использовать эти лексические единицы в процессе языковой игры, причем не только для создания комического эффекта, но и с целью более лаконичного или экспрессивного выражения мысли, подчеркивания важных в контексте слов или фокусирования внимания на имени собственном, товарном знаке и т. д. Так, интересным феноменом является столь популярное сейчас создание акронимов-омонимов, например: WOMAN, RACE, АСТ, HEAT [3].

Нередко паронимия и омонимия, как распространенные в современном английском языке средства создания языковой игры, помогают, в определенной степени, эстетизировать коммуникативный акт, «играючи» обозначить неприятные или необычные явления, творчески проявить себя отдельному человеку, зарегистрировать в электронном словаре окказионализм от своего имени.

Заметим также, что эти авторские окказионализмы (как анонимов, так и известных журналистов, актеров, политиков и т. д.) быстро распространяются в обществе через электронные СМИ и нередко входят в список слов, часто уточняемых пользователями по он-лайн словарям. Это позволяет не только лингвистам исследовать эти феномены, но и изучать современный английский язык всем, во избежание коммуникативных неудач, для кого он не является родным, лингвистам.

Литература:

1. Иванова, Н. К. Новые практики письма и их отражение в английских неологизмах (по материалам электронного словаря Word Spy) / Н. К. Иванова // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – Том 5. – Вып. 2. – С. 89–94.

2. Иванова, Н. К. Некоторые особенности образования английских неологизмов-окказионализмов (на примере слов из тематической группы «Еда и напитки» словаря «Unwords.com») / Н. К. Иванова, М. В. Избицкая // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. – 2014. – Вып. 6. – С. 30–35.

3. Кузьмина, Р. В. Омонимизация как результат аббревиации / Р. В. Кузьмина // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Том 2. – Вып. 3. – С. 215–218.

4. Кузьмина, Р. В. Полисемия и омонимия как лексические средства языковой игры (на материале русской поэзии и английских анекдотов) / Р. В. Кузьмина // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. – 2014. – Вып. 6. – С. 49–58.

5. Иванова, Н. К. Система письма в английском языке и современный узус: язык, виртуальная коммуникация, реклама: монография / Н. К. Иванова, Р. В. Кузьмина, С. В. Мощева. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. – 238 с.

6. Kemmer, S. The Rice University New Words Database / S. Kemmer. – Режим доступа: <http://www.eologisms.rice.edu> (дата обращения: 16.5.2016).

7. MacFedris, P. Word Spy. The Word Lover's Guide to Modern Culture / P. MacFedries. – Режим доступа: <http://www.wordspy.com> (дата обращения: 18.06.2016).

8. The Unword Dictionary. – Режим доступа: <http://unworddictionary.com> (дата обращения: 22.05.2016).

ПОКАЗАТЕЛИ ИНТЕНСИВНОСТИ В ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ИРОНИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

А. А. Кузьмичева

*ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова» (Ниžний Новгород)*

INTENSITY PARAMETERS IN THE PROSODIC STRUCTURE OF THE IRONY UTTERANCE IN THE GERMAN LANGUAGE

A. A. Kuzmicheva

Summary. The article presents an analyses of the intensity parameters in the prosodic structure of “irony” in the German language, determines integral and differential characteristics of the prosodic structure in the ironic utterance, specifies the intensity range and its relations with emotional subjective attitude of the speaker to the content of the utterance.

На современном этапе развития лингвистики характерным является обращение ученых к исследованию коммуникативного уровня языка. В этой связи интерес представляет категория языковой модальности, которая квалифицируется не только как функционально-семантическая, но и как коммуникативно-прагматическая категория [4] и устанавливает связь высказывания с окружающей действительностью. На многоаспектность и системный характер данной категории указывает взаимодействие субъективно-модальных значений с понятиями эмоциональности, оценочности и др. [7, с. 31]. В настоящем исследовании устанавливается роль просодических средств речевого высказывания в формировании модально-эмоциональной коннотации «ирония» в немецком языке, а также выявление роли динамических характеристик просодической структуры при реализации данного значения. В работе используется термин *модально-эмоциональная коннотация*, под которым понимается субъективное отношение (в том числе и эмоциональное) говоряще-

го к содержанию своего высказывания с учетом объекта речи. «Коннотация, выражая эмоциональные или оценочные оттенки высказываний, представляет собой разновидность прагматической информации, отражающую не сами предметы и явления, а определенное отношение к ним» [5, с. 22].

Модально-эмоциональные коннотации охватывают всю гамму реально существующих в языке субъективно-эмоциональных оттенков отношения говорящего к сообщаемому, таких, как: уверенность, протест, сомнение, удивление, восторг, волнение, ирония. «Ирония, как проявление ситуативное, зависимое от контекста, характеризуется наличием выраженного и скрытого смыслов, связанных отношением противоположности и отрицания представляет особый интерес с акустической и перцептивной точек зрения» [10, с. 115] (здесь и далее перевод наш. – *А. К.*). Проблема средств выражения иронии в немецком языке связана с разнообразием модальных значений и средств их реализации в одном высказывании. К основным средствам реализации субъективной модальности (в том числе иронии), относятся специальные междометия, модальные слова и частицы, порядок слов в предложении, стилистические фигуры [8, с. 30]. Наряду с лексическими и лексико-грамматическими средствами важную роль в выражении субъективной модальности и эмоциональности играют просодические средства: частота основного тона, интенсивность и длительность высказывания. «В речи сочетание лексических и лексико-грамматических средств выражения иронии с контекстом, артикуляцией, просодикой, а также эмоциональным состоянием и субъективным отношением резко увеличивает выразительные возможности говорящего» [9, с. 186]. Однако, в случае отсутствия лексических и лексико-грамматических средств реализации иронии в немецком языке, просодические средства могут выступать самостоятельно. Так, С. С. Гурьева выделяет интонацию в качестве одного из главных средств реализации иронии: «...на грамматическом уровне ирония не обладает специальными синтаксическими и морфологическими средствами, способными выразить скрытый смысл высказывания. Следовательно, смысл ироничного высказывания формируется в результате столкновения и противоборства средств двух языковых уровней – лексического и фонетического» [3, с. 158]. На ведущую роль интонации также указывают И. Р. Гальперин [2, с. 103] и М. П. Брандес [1, с. 125], отмечая, что к основным средствам выражения иронии относятся не только мимика, жесты, средства пунктуации и контекст, но и просодические средства.

С целью исследования роли просодических средств речевого высказывания в формировании модально-эмоциональной коннотации «ирония» в немецком языке и выявления особенностей взаимодействия компонентов просодической структуры (ПС) при реализации данного значения было проведено экспериментально-фонетическое исследование. Основой экспериментального материала послужили записи 108 высказываний, реализованных квазиспонтанно в ироничном (с заданной модально-эмоциональной коннотацией «ирония») и нейтральном (без заданной коннотации) прочтении дикторами:

студентами и преподавателями Института фонетики и речевой коммуникации Университета им. М. Лютера города Халле (Заале) в Германии. Для инструментально-акустического анализа и последующего лингвистического анализа основных параметров речевого сигнала было отобрано 24 реализации вопросительных, восклицательных и повествовательных высказываний, которые были идентифицированы аудиторами как передающие значение иронии в немецком языке. Дикторские реализации обрабатывались с помощью программы PRAAT (v. 5.3), позволяющей проводить полноценное акустическое исследование с одновременной визуализацией сигнала и его параметров.

В ходе исследования было установлено, что наряду с темпоральным и тональным компонентами ПС высказывания с модально-эмоциональной коннотацией «ирония» четкую и устойчивую тенденцию вариативности выполняет динамический компонент.

В результате инструментально-акустического анализа были получены абсолютные цифровые значения следующих динамических характеристик (в Дб.): диапазон интенсивности высказывания; средний показатель интенсивности высказывания; уровень интенсивности ядерного, предъядерного и заядерного слогов; средний уровень интенсивности слога высказывания; максимальный и минимальный пики интенсивности высказывания; коэффициент изрезанности контура интенсивности высказывания (отношение числа пиков ко времени фонационного периода высказывания).

Экспериментально-фонетическое исследование ПС ироничной и нейтральной реализаций было проведено в трех коммуникативных типах высказываний. Каждый коммуникативный тип высказывания (вопросительный, повествовательный и восклицательный) отличается своими особенностями динамического компонента ПС высказывания. Овладение вариативными способностями реализации определенных модально-эмоциональных значений в зависимости от коммуникативного типа высказывания является важным компонентом в формировании профессиональных компетенций студентов, изучающих немецкий язык [6, с. 130].

Ироничные реализации вопросительных высказываний отличаются от нейтральных увеличением всех показателей динамического компонента, кроме минимального пика интенсивности высказывания, который увеличивается во всех нейтральных реализациях вопросительного типа на 3 %. Средняя интенсивность ироничных реализаций высказываний выше, чем в нейтральных на 2,64 %. Показатели интенсивности ядерной, предъядерной и заядерной частей высказывания также увеличиваются в ироничных реализациях. Наиболее заметные расхождения в вопросительных высказываниях наблюдаются в показателе величины диапазона интенсивности, который на 10,27 % выше в ироничных реализациях. Максимальное значение интенсивности в подавляющем большинстве ироничных высказываний зафиксировано в конце предъядерной – начале ядерной частях высказываний, в нейтральных

высказываниях максимальный пик интенсивности смещается в ядерную – начало заядерной части.

Для подавляющего большинства повествовательных высказываний, реализованных иронично характерно увеличение диапазона интенсивности в среднем на 12,79 %, увеличение средней интенсивности высказывания на 1,64 %, а также увеличение показателя интенсивности ядерной и предъядерной и заядерной частей. Максимальный пик интенсивности в нейтральной реализации отмечен на ядерном слоге во всех высказываниях, ироничная же реализация характеризуется смещением пика интенсивности в конец предъядерной – начало ядерной части.

В восклицательных высказываниях наиболее заметные расхождения наблюдаются в показателе диапазона интенсивности высказываний, который в среднем на 18,83 % выше в ироничных высказываниях. Ироничные реализации характеризуются также незначительным увеличением средней интенсивности высказывания (на 2,35 %), ядерной, предъядерной и заядерной частей высказываний. В ироничных реализациях уменьшается только показатель минимального пика интенсивности на 6,59 % по сравнению с нейтральными. Минимальный пик в подавляющем большинстве ироничных реализаций отмечен в предъядерной части, в нейтральных реализациях – в конце ядерной – начале заядерной части.

Таким образом, сопоставительный анализ динамических характеристик высказываний выявил их важную роль в реализации и дифференциации ироничных и нейтральных высказываний. На просодическом уровне значение иронии создается за счет значительного расширения или сужения диапазона интенсивности высказывания, увеличения интенсивности предъядерной, ядерной и заядерной частей высказывания, а также за счет смещения максимальных и минимальных пиков интенсивности высказывания. Контур интенсивности в ироничных высказываниях менее изрезан, чем в нейтральных, что объясняется высоким уровнем интенсивности отдельных сегментов ироничных реализаций, которые поглощают соседние пики, сглаживая контур и делая его более плавным. Ироничная речь характеризуется перепадами – повышением или понижением громкости голоса говорящего на определенных участках, что происходит за счет субъективного отношения и общего эмоционального состояния говорящего. Просодическое оформление модально-эмоционально окрашенных высказываний, способных передавать значение иронии в немецком языке, не зависит от их лексического наполнения. Объем и форма вариативности ПС высказывания, реализующего модально-эмоциональную коннотацию «ирония» в немецком языке, зависит от коммуникативного типа высказывания.

Литература:

1. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1990. – 320 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин // Изд. 6-е. М.: УРСС Эдиториал, 2008 – 144 с.
3. Гурьева, С. С. Иронические сигналы / С. С. Гурьева // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и студентов университета МГЛУ. – Минск, 2001. – С. 156–159.
4. Жарёнова, Н. В. Функционально-прагматическая модель современного немецкого языка Швейцарии / Н. В. Жарёнова // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2–3. – С. 55–58.
5. Кузьмичева, А. А. Просодические средства реализации иронии в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук / А. А. Кузьмичева. – Н. Новгород, 2011. – 194 с.
6. Кузьмичева, А. А. Модально-эмоциональные коннотации и грамматические средства их выражения на занятиях по иностранному языку / А. А. Кузьмичева, С. Н. Саможенов, А. С. Шимичев // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы: материалы чтений памяти профессора А. Т. Кукушкиной. – Ч. 1. – Н. Новгород: НГЛУ, 2014. – С. 125–133
7. Кузьмичева, А. А. Тональный компонент высказывания как просодическое средство реализации иронии в немецком языке / А. А. Кузьмичева, Н. В. Жаренова, С. Н. Саможенов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2015. – № 31. – С. 31–41.
8. Плисов, Е. В. Контексты реализации комического в современном немецком языке: дисс. ... канд. филол. наук / Е. В. Плисов. – Н. Новгород, 1999. – 252 с.
9. Hartung, M. Ironie in der Alltagssprache. Eine gesprächsanalytische Untersuchung / M. Hartung. – Radolfzell: Verlag für Gesprächsforschung, 2002. – 198 S.
10. Kohvakka, H. Ironie und Text: Dissertation / H. Kohvakka. – Frankfurt am Main: Lang, 1997. – 327 S.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНВАРИАНТА И ПРОТОТИПА МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

О. Г. Лукошус

ГАОУ ВО “Московский городской педагогический университет” (Москва)

THE STUDY OF AN INVARIANT AND PROTOTYPE OF POLYSEMANTS

O. G. Lukoshus

Summary. The article focuses on the study of an invariant and prototype of polysemantic words. Several approaches to the interpretation of these phenomena are analyzed. The article suggests that the difference between the invariant and prototype lies among others in the correlating phenomena of polysemy and eurysemy. At the end there suggested a model of the invariant as well as the example of an invariant meaning of the polysemant.

Исследования прототипа и инварианта (или общего значения) многозначных и широкозначных слов находятся в центре внимания исследователей разных стран уже несколько десятилетий. Несмотря на то, что на данный момент не существует единого подхода к определению инварианта / общего значения в семантической структуре полисемантов, учёные сходятся во мнении, что значения многозначного слова объединяются в некоторое семантическое единство благодаря определённым отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (родо-видовые, метафорические, метонимические отношения, отношения функциональной общности), однако именно характер этих отношений, по мнению некоторых авторов, не позволяет усматривать в слове какое-то «общее значение», а его применение для отображения разных явлений действительности расценивать как некое варьирование этого «общего значения» [11, с. 84].

В связи с этим Д. Н. Шмелёв вместо инвариантного подхода к изучению семантики слова предложил *принцип диффузности* значений многозначного слова, который, по его мнению, является решающим фактором, определяющим семантику многозначной лексемы (этот принцип также активно применяется Ю. Д. Апресяном). Контекст может предопределять: а) то, что слово выступает с тем или иным определённым значением; б) то, что в отдельных случаях некоторые из этих значений могут не отграничиваться друг от друга. Именно «неопределённые» примеры функционирования многозначной лексемы демонстрируют реальную семантическую структуру описываемого слова.

Идея диффузности, размытости лексического значения получила новое освещение в американской лингвистике, в частности, в исследованиях американского когнитивного психолога Э. Рош [12], которая в своих исследованиях выдвинула идею прототипа как принципа организации значения в соз-

нании человека. Эта идея затем была перенесена в лингвистическую семантику как прототипная теория значения. Представителями этой концепции являются Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Д. Герартс и многие другие сторонники когнитивного подхода к исследованию языка. В данной теории учитывается компонентный состав значения языковой единицы, что не было характерно для инвариантного подхода к значению. В соответствии с тем, что двумя основными макрокомпонентами лексического значения слова являются денотат и сигнификат, в прототипной теории значения оперируют понятиями «прототипический денотат» и «прототипический сигнификат» [3, с. 167].

Согласно взглядам учёных, работающих в русле когнитивного подхода к языку, идея прототипной семантики заключается в представлении значения слова в виде прототипического каркаса, под которым понимается некоторый набор свойств прототипического денотата. В рамках данного подхода допускается применение слова к другим денотатам, которые разделяют с прототипом часть свойств [3, с. 168].

Подчеркнём, что Э. Рош и другие представители прототипной семантики в своих исследованиях делают акцент на описании самих денотатов, а не значений языковых единиц, что снижает эвристическую ценность данного подхода, и имеет место «подмена» описания значения описанием денотативной ситуации. Как справедливо отмечает О. Н. Селивёрстова, при семантических исследованиях необходимо последовательно разграничивать значение и денотат как принципиально разные явления, и именно данное разграничение важно, чтобы избежать такой подмены [8, с. 36].

Кроме высказанного возражения, толкование прототипа как лучшего / типичного представителя категории вызывает ряд других возражений. Например, Дж. Тейлор замечает, что в данном понимании прототипа не представляется возможным описать те синонимичные языковые единицы, границы употребления которых пересекаются (как в случае с синонимами *tall* и *high*), а также схожие понятия (с трудом можно утверждать, что в основе концепта *птица* лежит прототип *малиновки* или *воробья*) [13, с. 42].

М. Ю. Евтеева замечает, что в подобной трактовке (как лучшего / типичного представителя) значением слова должна была бы считаться привносимая в наиболее частотных случаях употребления информация. На примере глаголов широкой семантики с общим значением *делать* автор убедительно опровергает данный тезис, основываясь на данных дистрибутивного анализа и данных ассоциативного словаря. Так, было показано, что глагол *делать* чаще всего встречается в контексте с неконкретизированными объектами типа *что*, *ничего* и др., где типичным значением выступает «реализация порции действия». Однако, согласно данным ассоциативного словаря, первой реакцией на стимул *делать* были слова типа *дело*, *добро*, *уроки*. В сочетании *делать уроки* глагол вносит информацию о создании объекта, и автор признаёт, что данное значение может быть равнозначно прототипичным первому. Следо-

вательно, прототипичное значение «лучшего представителя» значения слова *делать* не получает своего решения, что говорит о недостаточной полноте предлагаемой Э. Рош и другими учёными трактовки [2, с. 52–53].

Иной подход к определению прототипа соотносит его с инвариантным значением слова. Ср.: прототип как «содержательный инвариант всех лексико-семантических вариантов» [1, с. 117], «содержательный инвариант всех актуальных значений многозначного слова, которому свойственна собираемость, типизация и схематичность», «прототип-инвариант» и «лексический прототип как инвариант» [6, с. 61; 7, с. 7].

Представляется, что явления прототипа и инварианта должны трактоваться как явления разного порядка. Прежде всего, инвариант и прототип рассматриваются с точки зрения их соотношения с коррелирующими явлениями полисемии и широкозначности. Заметим, что инвариант как идеальная надстройка, которая отражает различные свойства языковой единицы [9, с. 37], применим к явлению полисемии. В случае широкозначности инвариант определён в виде самого широкого значения слова [4, с. 12; 6]. Следовательно, он должен объединять общие признаки семантических вариантов, однако, как показывают исследования семантики широкозначных единиц, каждый из его вариантов (прототипов) обладает собственным набором признаков [2, с. 223].

Попытка включить в формулировку инварианта широкозначной единицы все её прототипы представляется невозможной, поскольку в формулировке перечисляются (а не объединяются) явления разного порядка. Например М. Ю. Евтеева доказывает, что для глагола *делать* нерелевантна формулировка инварианта как «реализация создания, преобразования или порции действия», поскольку синонимичные глаголы в одном языке могут характеризоваться идентичным набором прототипов, различаясь по одному из признаков, как, например, широкозначные латышские глаголы *darīt* и *tasīt* различаются по признаку *отсутствие / наличие ориентации на внутреннюю структуру события*. Автор замечает, что формулировки инвариантов для данных глаголов были бы практически одинаковыми, что лишило бы их смысла. Следовательно, инварианты широкозначной и многозначной единицы принципиально различаются. Явление инварианта применимо к исследованию семантической структуры широкозначных и многозначных единиц, в то время, как явление прототипа больше применимо к изучению широкозначности. Инвариант широкозначной единицы можно представить в виде гештальта [2, с. 224; 10, с. 372], в то время как инвариантом многозначной единицы является абстрактная языковая сущность, включающая совокупность семантических компонентов, которые лежат в основе значений, составляющих семантическую структуру многозначного слова, в соответствии с интуицией среднестатистического носителя языка.

В исследовании [5] была предложена модель инвариантного значения для многозначных прилагательных с общим значением *настоящий*. Напри-

мер, для многозначного прилагательного *истинный* модель инвариантного значения имеет следующий вид:

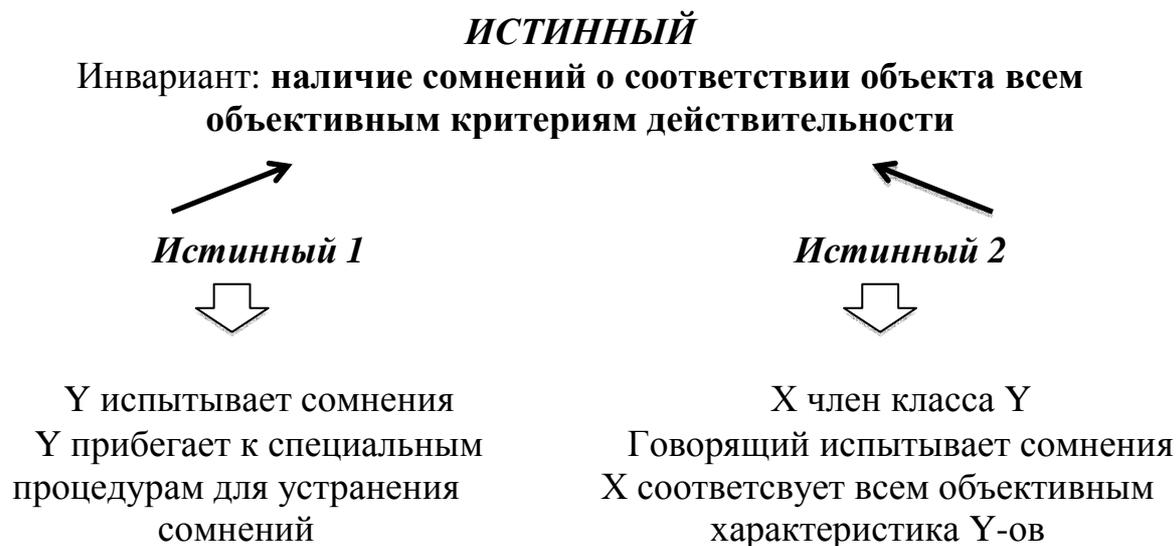

Рис. 1. Модель инвариантного значения прилагательного **истинный**.

Как видно, данная модель включает в себя три уровня: самый нижний уровень представляет уровень языковой действительности и на нём располагается множество возможных денотативных ситуаций (ДС), в которых обнаруживают себя многозначные прилагательные. Средний уровень представлен выделенными в ходе исследования значениями полисемантов и относится к сфере языка. На верхнем уровне манифестируется инвариантное значение полисеманта, поскольку инвариантное значение представляет собой абстракцию, данный уровень относится к сфере внеязыковой действительности [5, с. 20–23].

Ещё раз подчеркнём, что, несмотря на разнообразие исследований прототипа и инварианта, учёные расходятся во мнении о характере соотношения данных явлений. В данной статье разделяется точка зрения, согласно которой прототип и инвариант представляют собой разные сущности, различия между которыми определяются коррелирующими с ними явлениями широкозначности и многозначности.

Литература:

1. Архипов, И. К. Лексические прототипы и явление полисемии / И. К. Архипов // Прототипические и непрототипические единицы в языке: кол. монография / отв. ред. Л. М. Ковалёва; под ред. С. Ю. Богдановой, Т. И. Семёновой. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 101–124.
2. Евтеева, М. Ю. Моделирование семантической структуры глаголов

широкой семантики с общим значением *делать* в естественном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09 / М. Ю. Евтеева. – М.: 2014. – 293 с.

3. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учебник. – Изд. 5-е, испр. и доп. / И. М. Кобозева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 352 с.

4. Колобаев, В. К. О некоторых смежных явлениях в области лексики (К вопросу о соотношении полисемии и широкозначности слова) / В. К. Колобаев // Иностранные языки в школе. – 1983. – № 1. – С. 11–13.

5. Лукошус, О. Г. Проблема выделения инварианта в семантической структуре многозначных прилагательных с общим значением *настоящий*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. Г. Лукошус. – М., 2015. – 24 с.

6. Песина, С. А. Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики / С. А. Песина // Вестник ОГУ. Приложение «Гуманитарные науки». – Омск, 2005 а. – № 2. – С. 57–63.

7. Песина, С. А. Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики: на материале английских существительных: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / С. А. Песина. – СПб.: 2005 б. – 384 с.

8. Селивёрстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селивёрстова. – М.: Языки слав. к-ры, 2004. – 960 с.

9. Солнцев, В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31–42.

10. Шабанова, Т. Д. Семантические мутации в системе предикатов / Т. Д. Шабанова // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура знания. Вторые чтения памяти О. Н. Селивёрстовой. – М.: МГПУ, 2006. – С. 367–379.

11. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелёв. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

12. Rosch, E. Cognitive representation of semantic categories / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology. – 1975. – Vol. 104. – No. 3. – P. 192–233.

13. Taylor, J. R. Prototypes in Cognitive Linguistics / J. R. Taylor // P. Robinson, N. Ellis (eds.). Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition. – London: Routledge, 2008. – P. 39–65.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТОИМЕНЕЙ ВТОРОГО ЛИЦА И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИНОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

И. В. Матвеева

*ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова» (Нижний Новгород)*

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF PRONOMINAL MEANS OF EXPRESSION OF THE SECOND PERSON IN MODERN GERMAN LANGUAGE

I. V. Matveeva

Summary: Acquiring various conceptual meanings based on communicative experience of the subject of speech, pronominal means of expression of the second person in modern German language have a various way of actualization, realizing a reference relation directly and indirectly.

В современной антропоцентрической грамматике особое внимание уделено проблеме коммуникативных ролей, так как они более однозначно характеризуют отношения, устанавливаемые в коммуникативном акте.

Коммуникативный акт как процесс взаимодействия двух и более субъектов не может быть полностью понят без учета функций всех его параметров и, в частности, без учета ориентированности высказывания на типизированного реципиента [12].

Второе лицо в его адресатной референции выступает прежде всего в контексте приветствия, когда устанавливается социальный контакт и определяются отношения между участниками коммуникативного процесса.

С другой стороны, местоимение второго лица может приобретать адресатное значение и в завершении коммуникативного процесса, когда с основным значением могут быть выражены различные пожелания и сформулированы прощальные шаблонные фразы. Обращенности речевого акта способствует сама его структура, которая построена как двухвершинная система, в которой выделяются два участника: отправитель и получатель, адресант и адресат, эмитент и реципиент.

Можно говорить о нескольких случаях, когда в немецком языке местоимение второго лица употребляется в ситуации, когда у автора речевого высказывания отсутствует реальный собеседник. Первые два случая охватывают так называемые «референтные» употребления местоимения второго лица, например:

Steffi, Steffi, du bist wirklich bescheuert; Frühstück im Bett – du bist aber auch wirklich ein Glückspilz! [12, с. 141].

В этом случае отсылка производится к самому автору высказывания как субъекту описываемого им фрагмента собственного опыта или:

In der Zeitungsanzeige: „Wir vermissen deine Liebe, dein Lachen, alles an dir“ [13, с. 14], где местоимение второго лица отсылает к конкретному лицу, выступающему в роли мысленного собеседника автора высказывания. Контекст приведенного фрагмента позволяет определить референта, скрывающегося за местоимением „dein“, „dir“. Родители в память о погибшей дочери опубликовали на страницах газеты письма к ней.

Эмитент может расширить рамки ситуации, мыслимой на линии выделения референта-лица в реальности его существования, включив в нее все возможные реальные референты в качестве непосредственных участников общения. В частности, речь идет о местоимениях второго лица единственного и множественного числа в их неопределенно-адресатном значении:

Betonen Sie Ihren Oberkörper. In hart engen, schlichten Shirts kann Ihr Oberkörper fast zerbrechlich aussehen, und der Unterkörper wirkt breiter [13, с. 7].

Du sprichst Deutsch, du bist neugierig und du möchtest wissen: Was passiert in der jungen Kulturszene in Deutschland? Dann ist «Komma», das Deutschjournal genau das Richtige für dich [11, с. 1].

Второй случай «неопределенно-личного» употребления местоимения второго лица реализуется в высказываниях, отсылающих к человеку вообще как субъекту опытного знания в тех или иных жизненных ситуациях:

Ihr seid doch die, die sich beschweren, wenn euer Partner sich gehen lässt und keinen Wert mehr darauf legt, appetitlich rüberzukommen [13, с. 48].

Как правило, рассмотренные четыре случая употребления местоимения второго лица трактуются в качестве реализации отдельных, достаточно самостоятельных смыслов или значений этого местоимения, существенным образом отличающихся от его «адресатного» значения. В свою очередь, четкое разграничение основного и непрототипических смыслов личного местоимения имеет, видимо, в качестве теоретической основы трактовку личных местоимений, выражающих в речи категорию лица, как собственно лексических единиц, значение которых определяется через функцию отсылки к «выделенной референтной точке» [9, с. 271].

Вместе с тем случаи совместной встречаемости референтного (свойственного устному дискурсу) и нереферентного (свойственного письменному дискурсу) употреблений местоимения «du» являются достаточно распространенными, что, однако, не создает каких-либо затруднений в интерпретации местоимения. Под референтным употреблением местоимения второго лица здесь понимается реализация адресатного значения, под нереферентным – неопределенно-адресатного значения. В качестве иллюстративного примера можно привести следующий фрагмент: (из письма): So! Ich habe geschrieben, Sie (реф.) sind wieder dran, ich freue mich darauf, von Ihnen (нереф.) unterbrochen zu werden [10, с. 88].

Из фрагмента становится очевидным, что адресант Elke Heidenreich состоит в переписке со своим читателем. Референтное местоимение Sie противопоставлено нереферентному местоимению Ihnen. В первом случае имеется в

виду конкретный «экземпляр» человека, во втором случае имеется в виду любой человек, читатель. Мотивированность реализации «неопределенно-референтных» смыслов местоимения «du» (как, впрочем, и любого другого личного местоимения) в письменном дискурсе становится более или менее очевидной, если личные местоимения рассматривать не только как собственно лексические единицы, реализующие в конкретном высказывании функцию отсылки к тем или иным внешним (в прототипе) референтам.

Местоименные значения являются по своей природе промежуточными и совмещают в себе свойства и лексических, и грамматических значений [4, с. 93]. Если же грамматическое значение понимать как указывающее на субъективный опыт человека по отношению к определенной сущности – в отличие от лексического значения, отражающего более или менее объективированный (задаваемый внешними характеристиками) образ данной сущности, то становится очевидным, что собственно грамматическим в значении местоимения является указание не на «внешний референт» («ты/вы», «он/она» и т. д.), а указание на опыт субъекта речи, то есть лица, в речи которого этот знак порождается в качестве материальной (звуковой или графической) репрезентации другого лица – участника либо не-участника речевого акта [8, с. 276].

В качестве значимых факторов, предопределяющих особенности функционирования местоимения второго лица, выступают такие феномены, как включенность/невключенность человеческих объектов в речевую ситуацию, «распределение ролей» со стороны субъекта речи между людьми, входящими в поле его восприятия [3]. Действия субъекта речи («Ich»), направленные на коммуникацию с объектом речи («du») в условиях канонической речевой ситуации, транспонируют кодовые элементы и порождают новые смыслы. В том случае, если объект речи («du») входит в перцептивное пространство говорящего («Ich»), но все же является объектом интерпретации, а не объектом взаимодействия, то говорящий может думать о нем «в третьем лице». Когда же говорящий направлен на взаимодействие с собеседником, он и мысленно называет его «ты/вы» («du»).

Обращение к элементам коммуникативно-познавательного опыта Ego, выступающего в качестве субъекта коммуникативно-речевого взаимодействия со вторым лицом как своеобразным Alter Ego может способствовать выявлению многих имплицитных аспектов (имеющих грамматический характер) значения и смысла местоимения второго лица [1]. В связи с этим можно заметить, что антропоцентрический подход к изучению языка в широком смысле (то есть факт, что все в нем можно изучить с позиций говорящего человека) «обуславливает особенности реализации языком своей коммуникативной функции в рамках отдельных социоектов» [2; 5; 7].

Употребление первого лица в функции номинации реципиента чаще всего можно наблюдать в разговоре между взрослыми и детьми, между врачом и пациентом, между учителем и учеником, между официантом и клиентом,

между полицейским и участниками дорожного движения, между продавцом и покупателем и т. д. [14].

Встречаются случаи перехода функции личных местоимений третьего лица в сферу второго лица, например в общении взрослых с детьми с использованием уменьшительно-ласкательных выражений.

Местоимения с семантикой неопределенности могут утратить свое категориальное значение (обозначение неопределенного лица, выделяемого в рамках ситуации) и могут служить для обозначения собеседника (вместо личного местоимения «du»). Употребление местоимения с семантикой неопределенности для обозначения конкретного в данной ситуации лица позволяет говорящему выразить неодобрение, возмущение, осуждение по отношению к собеседнику, насмешку, язвительную иронию. Способность местоимений с семантикой неопределенности выражать эмоциональную оценку ярко проявляется в устойчивых выражениях «Das ist eine! Das ist jemand! Das ist einer!» [6] Неопределенно-личное местоимение man может обозначать множественного слушающего, встречается в обращении, когда ситуация не позволяет говорящему четко обозначить социальные отношения, следует ли обратиться к реципиенту на du или Sie. Совершенно справедливо учитывать, что «неанакфорический дейксис» является одной из «возможных функций третьего лица».

Таким образом, каждый случай употребления антропоцентрических местоимений для выражения второго лица в высказывании демонстрирует установку говорящего на адресата и выявляет такие особенности функционирования местоимений второго лица и их функциональных синонимов. как личное пространство «я»-субъекта, включенность человеческих объектов в речевой акт.

Литература:

1. Бубер. М. Я и Ты / М. Бубер // Квинтэссенция. Философский альманах. – М.: Политиздат, 1991. – С. 294 – 370.
2. Зинцова, Ю. Н. Социокультурный подход к оценке функционального потенциала текста / Ю. Н. Зинцова, Н. А. Голубева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2015. – Вып. 31. – С. 239–242.
3. Кравченко, А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. – 210 с.
4. Матвеева, И. В. «Миры» лица в коммуникативном пространстве современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук / И. В. Матвеева. – Нижний Новгород, 2009. – 195 с.
5. Прокопьева, Н. Н. Языковая вариативность и проблемы межкультурной коммуникации / Н. Н. Прокопьева // Вестник Нижегородского государ-

ственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2015. – Вып. 30. – С. 195–200.

6. Саможенов, С. Н. Коннотативный аспект просодики немецкого и русского языков / С. Н. Саможенов // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2013. – № 1 (19). – С. 16–25.

7. Текст как социокультурный феномен: монография /А. В. Деркач, Н. А. Каразия, В. В. Кузнецов и др.; под общ. ред. И. Н. Хохловой. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. – 216 с.

8. Хрисонопуло, Е. Ю. Категория лица местоимений и категоризация когнитивного и коммуникативного опыта / Е. Ю. Хрисонопуло // *Studia linguistica cognitiva*. – М.: Гнозис, 2006. – С. 276–293.

9. Ярцева, В. Н. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.

10. Brigitte. *Das Magazin für Frauen*. – Hamburg, 2003. – № 9. – 270 S.

11. Komma. *Das Deutschjournal*. – Moskau: Goethe-Institut, 2004. – № 1. – 28 с.

12. Kordic, S. Personal- und Reflexivpronomina als Träger von Personalität / S. Kordic // *Personalität und Person*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. – S. 125–154.

13. Lisa. *Das junge Magazin*. – Offenburg: Burda Druck GmbH, 2004. – № 32. – 65 S.

14. Winter, U. Zum Problem der Kategorie der Person im Russischen / U. Winter. – München: Verlag Otto Sagner, 1987. – 337 S.

АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. А. Ресенчук

Ю. Ю. Савина

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово)

THE ANALYSIS OF THE USE OF PHRASAL VERBS IN BELLES-LETTERS AND JOURNALISTIC LITERATURE

A. A. Resenchuk

Yu. Yu. Savina

Summary. People, who are learning English, gradually realize difficult understanding of phrasal verbs while reading literature in origin and communicating with native speakers. Practical part of the research is conducted on the basis of several youth magazines and the work of S. Maugham «The Moon and

Sixpence». The frequency level of use of phrasal verbs in fiction and publicist literature was analyzed. Moreover, phrasal verbs were conditionally divided into several groups in accordance with the value of prepositions. The paper discusses phrasal verbs and their peculiarities.

Каждое культурное событие в обществе отражается на языке. Глагол занимает центральное место в грамматике английского языка, обладает важностью для реализации главной коммуникативной функции языка.

Глагол обладает широким спектром разнообразных связей с другими классами слов. Сочетание его с предлогом, наречием – это фразовые глаголы. Они являются видом подобных лексико-грамматических связей. Получив широкое распространение в языке, фразовые глаголы привлекательны для лингвистов.

Многие слова в английском языке играют роли глагола и существительного одновременно, а одно слово имеет множество различных значений. Глагол – это универсальная часть речи и наиболее сложная с грамматической точки зрения.

Фразовые глаголы (глагольные сочетания) – это устойчивые сочетания глагола и наречия, либо глагола и предлога, либо глагола с предлогом и наречием одновременно. В английском языке у большинства глаголов есть особенность изменять смысл в сочетании с определёнными предлогами.

Существует несколько типов классификации фразовых глаголов: переходные, непереходные и смешанные, отличающиеся тем, что переходные требуют прямое дополнение, а непереходные – нет. Глаголы с прямым дополнением также будут разделяемыми, а без – неразделяемыми. Из-за трудности определения, к какому типу фразовый глагол относится, в словарях делаются пометки. Более того, выделяется третий тип фразовых глаголов – фразовые глаголы, состоящие из трех частей [2, с. 107].

Из-за огромного количества фразовых глаголов, они представляют трудность для изучения. Их разбивают на группы по значению предлогов.

1. Предлог «up»: полностью, вверх, увеличение, усиление.
2. Предлог «down»: вниз, понижение, сносить, записывать.
3. Предлог «back»: назад, обратно.
4. Предлог «on»: включать что-то в электросеть, надевать что-либо.
5. Предлог «off»: выключать что-то, а также уходить, уезжать прочь, снимать.
6. Предлог «over»: полностью или покончить с чем-либо.
7. Предлог «out»: полностью, прочь, исчезать, вычеркивать, раздавать, вслух.

В английском языке велико количество сочетаний предлогов с глаголами. В данной работе было проведено исследование и выявили частоту использования фразовых глаголов в различных литературных источниках.

Основная работы проводилась на примерах из романа английского писателя 20 века С. Моэма «Луна и грош». Произведение читалось на двух языках: в оригинале и в переводе на русский Н. Мана и Г. Островского. Все встречающиеся фразовые глаголы были переведены, значения их в русском переводе сопоставлены с их словарными значениями. Всего нами выделено и проанализировано 203 фразовых глагола. Было интересно сравнить использование фразовых глаголов в художественной литературе и публицистической. Для сравнения мы рассмотрели ряд молодежных журналов: “Club”, “Crowd”, “Current”, “Clockwork”. После их прочтения стало понятно, что фразовые глаголы используются в современном английском языке более активно, зачастую заменяя свои простые синонимы. Также велико их разнообразие. Чтобы показать этот факт наглядно, мы использовали несколько отрывков из книги и журналов размером в 10000 печатных знаков. Оказалось, что фразовые глаголы используются в статьях журналов с более высоким уровнем частоты.

Таблица 1

**Частота использования фразовых глаголов на 10000 печатных знаков
[4, p. 1-27; 5, p. 1-16; 6, p. 2-16; 7, p. 3-31; 8, p. 21-222]**

№	The Moon and Sixpence	Club	Crowd	Current	Clock work
1	11	19			
2	16		21		
3	12			26	
4	14				20

Таким образом, фразовые глаголы более употребляемы в современном разговорном, молодежном, публицистическом языке. Они делают речь более экспрессивной и эмоциональной, позволяют сократить речь и выразить себя.

Следующее исследование было проведено с целью выявления самых распространенных глаголов. Всего проанализировано 747 фразовых глаголов.

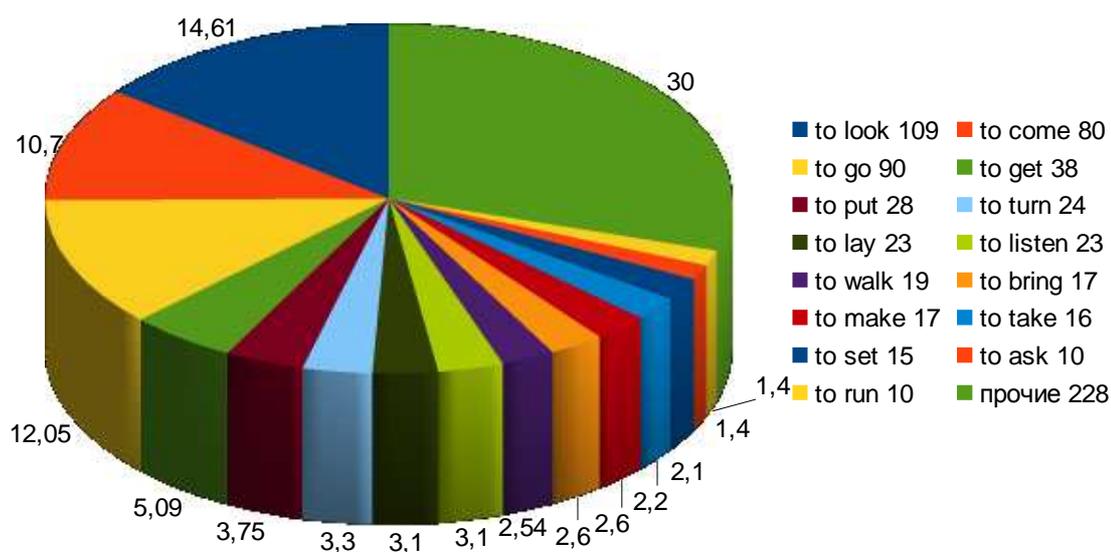

Рис. 1. Рейтинг популярности глаголов

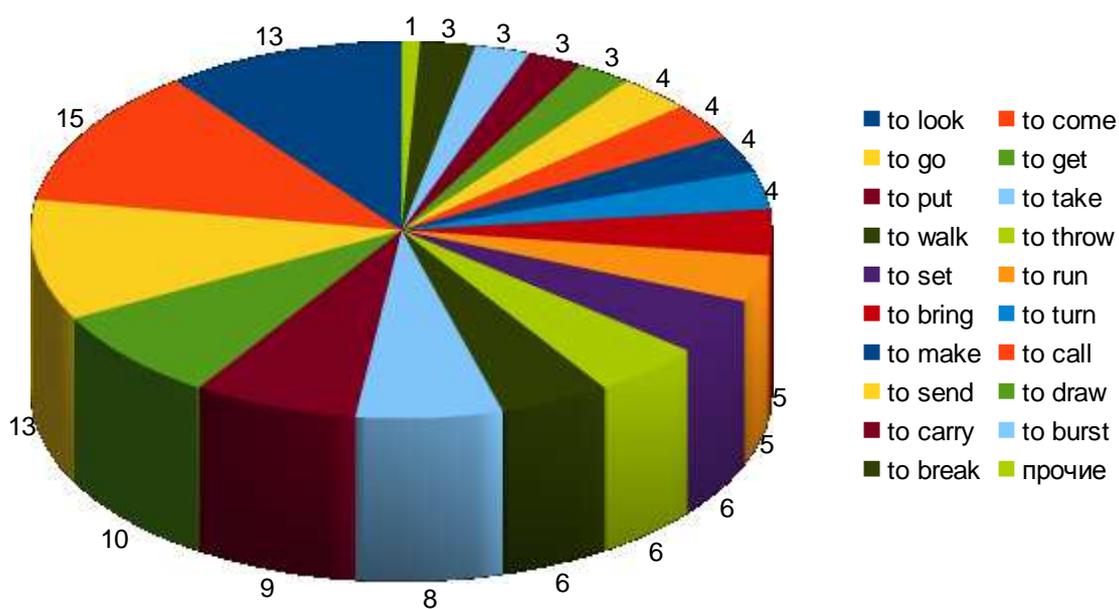

Рис. 2. Рейтинг глаголов по сочетаемости с предлогами

Самыми популярными глаголами можно считать: to come, to look, to go, to get, to put, to take.

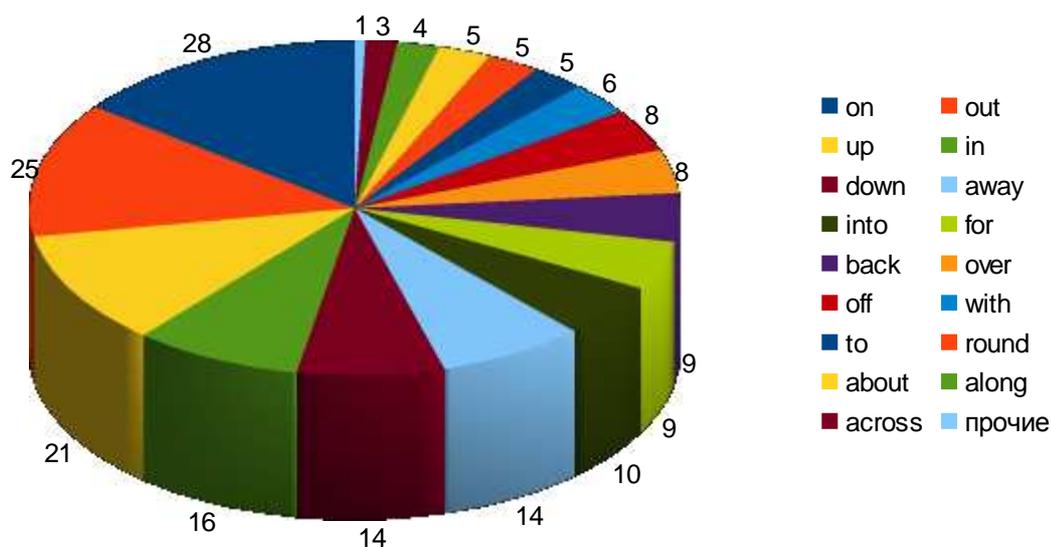

Рис. 3. Рейтинг самых сочетаемых предлогов

Самые популярные предлоги: on, out, up, in, down, away.

В связи с тем, что фразовых глаголов в английском очень много и все сразу сложно выучить, мы их условно разделили на несколько групп в соответствии со значением предлогов. Зная значение предлога, можно догадаться о значении фразового глагола. Все данные были скомпонованы в таблицу.

Таблица 2

Группировка фразовых глаголов по значению предлога [1, с. 205; 8, р. 21-222]

particle	meaning	example
away	<ul style="list-style-type: none"> moving away to a different place; transferring or taking something to a different place; getting rid of or destroying something 	go away - уходить run away - убежать give away - убирать blow away - сдувать throw away - выбрасывать
back	<ul style="list-style-type: none"> returning to a place where you were before; controlling or suppressing something 	come back – вернуться; go back – вернуться назад turn back – обернуться cut back on – сократить hold back – сдерживать
for	<ul style="list-style-type: none"> to state a reason, cause, purpose or aim 	head for – направляться hope for - надеяться try for – добиваться, искать ask for - просить opt for - выбрать

Окончание таблицы 2

particle	meaning	example
from	<ul style="list-style-type: none"> • to talk about source or origins; • separating or preventing 	<p>come from – происходить result from - вытекать hear from – получать известие keep from – воздерживаться</p>
in	<ol style="list-style-type: none"> 1. entering or arriving at a place; 2. being involved and active; 3. remaining somewhere, especially at home 	<p>check in -зарегистрироваться move in – переехать, въехать join in - присоединиться step in – вмешаться, войти eat in – питаться дома stay in – оставаться внутри, дома</p>
on	<ul style="list-style-type: none"> • movement into something or somewhere; • adding or attaching something; • continuing to do something 	<p>get on - ладить call on - призывать put on – надевать, принимать вид try on - примерять carry on – продолжать, выполнять hold on – держаться, упорствовать</p>
out	<ul style="list-style-type: none"> • leaving a place; • excluding, preventing or removing; • locations outside and away from home 	<p>walk out – уходить, бастовать check out – проверить, pull out – выдвигать идею, talk out of – отговорить</p>
off	<ul style="list-style-type: none"> • movement out of or away from something or somewhere; • removing or disposing of something you no longer need or want; • stopping or cancelling something 	<p>get off – сойти, убраться go off – уйти, погаснуть take off – взлететь, оторваться pull off – снять, вытянуть call off – отменять, отвлекать</p>
up	<ul style="list-style-type: none"> • movement from a lower position or place to a higher one; • an increase in size, amount, or intensity; • something in starting or being prepared 	<p>stand up - встать move up - придвигаться grow up - расти speed up – увеличить скорость set up – воздвигать, устанавливать start up – вскакивать, появляться</p>
with	<ul style="list-style-type: none"> • connections, associations, or relationships; • supporting something 	<p>deal with – иметь дело с finish with – порывать, прекратить agree with - уживаться</p>

В результате была изучена теоретическая часть и проведены практические исследования, которые позволили сделать следующие выводы:

1. Глагол занимает центральное место в грамматике английского языка. Фразовые глаголы, относясь к группе составных глаголов, являются важным составляющим глагольной парадигмы английского языка.

2. Фразовые глаголы из-за их разнообразия широко распространены в различных литературных жанрах: художественном и публицистическом. Но роль их в СМИ очень велика. Авторы журнальных статей отдают предпочтение фразовым глаголам из-за их выразительности, экспрессивности и разнообразия.

3. Самыми «популярными» глаголами мы считаем: to come, to look, to go, to get, to put, to take; предлогами: on, out, up, in, down, away. Многие фразовые глаголы получают более частое употребление по сравнению с их односоставными глаголами – синонимами.

4. Знание фразовых глаголов необходимо для общения на английском языке и изучение их на уроках и внеурочной деятельности актуально. Они являются активным источником пополнения словарного запаса.

Таким образом, в данной работе мы рассмотрели фразовые глаголы, их особенности и мотивацию к изучению.

Литература:

1. Англо-русский словарь фразовых глаголов / Ю. В. Момджи, Т. Е. Львова, В. А. Львов. – М.: Айрис Пресс, 2003. – 205 с.
2. Бэр, К. Фразовые глаголы и перспектива их развития / К. Бэр. – Коллинз Паблিশерс, 2005. – 107 с.
3. Сомерсет, М. Луна и Грош / М. Сомерсет, С. Моэм. – Москва: Правда, 1991. – С. 5–202.
4. Clockwork. – 2004. – № 6. – Р. 1–27.
5. Club. – 2003. – № 6. – Р. 1–16.
6. Crowd. – 2003. – № 6. – Р. 2–15.
7. Current. – 2003. – № 4. – Р. 3–31.
8. Somerset, M. The Moon and Sixpence/ M. Somerset, S. Maugham. – Moscow; Progress Publishers, 1988. – Р. 21–222.

Содержание

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	8
<i>Аганова Т. В.</i> Концепт-анализ сознания интеллигенции в произведении А. И. Солженицына «В круге первом».....	8
<i>Буренкова С. В.</i> Отражение социокультурных трансформаций в динамике ключевых концептов культуры (на примере немецкого концепта Sicherheit).....	13
<i>Воркачев С. Г.</i> Российская лингвокультурная концептология: антропологическая лингвистика à la russe.....	18
<i>Головки Е. Б., Гиря А. В.</i> Семантическая структура концепта «цвет».....	25
<i>Гришаева Е. Б.</i> Культурно-специфические характеристики концепта ‘bush’ в языке, сознании и коммуникативном поведении австралийцев.....	32
<i>Груенко С. Е.</i> Концепт «мода» в немецком языковом сознании.....	37
<i>Зинцова Ю. Н.</i> К вопросу о концептуальных исследованиях: ономазиологический и семасиологический аспекты.....	43
<i>Иванова К. З., Федорова К. И.</i> Реализация концепта <i>айылба</i> в якутской эпической поэме «Элэс Боотур».....	48
<i>Коннова М. Н.</i> Концептуализация времени сквозь призму экономических метафор.....	51
<i>Кручинкина Н. Д.</i> Семасиологический путь исследования концептов французской концептосферы.....	57
<i>Максимова Н. В.</i> Культура ассоциирования как концептуальная база контекстного мышления.....	63
<i>Максимова Н. Е.</i> Концепт «дружба» в языковом сознании носителей немецкого, английского и якутского языков.....	68
<i>Наимова Е. А.</i> Концепт «Бог» как фрагмент индивидуальной картины поэтического мира О. Хайяма.....	73

<i>Нефедова Л. А., Балакин С. В.</i> Перспективы концептуальных исследований в дериватологии.....	78
<i>Павлюк Т. П.</i> Концепт 'я' в сравнениях украинской поэзии шестидесятников.....	84
<i>Позняк Л. П.</i> К проблеме художественного концепта.....	90
<i>Прохорова Л. П., Инякина Е. Н.</i> Концепт «сибиряк» в повести Р. Э. Кеннел «Comrade one crutch».....	95
<i>Федянина Л. И., Зайцева Ю. М.</i> Концептуализация России (на примере немецких СМИ).....	98
<i>Шестеркина Н. В.</i> Мифологический концепт как единица лингвокультурологии.....	102
<i>Щербаков К. Ю.</i> Эмоциональные концепты во фразеологии современного английского языка.....	109
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ.....	114
<i>Бершадская С. В., Айснер Л. Ю.</i> Барьеры межкультурной коммуникации.....	114
<i>Бубнова Н. В.</i> Историко-культурное пространство Смоленского края в восприятии жителями столицы.....	117
<i>Дронякина Н. В.</i> Виды этнокультурных словесно-поэтических образов в афро-американской поэзии.....	123
<i>Ерёмин В. В., Ивлева Е. С.</i> Научные и лингвокультурные особенности термина «железо» в немецком языке.....	130
<i>Золотарева С. А.</i> Прецедентные формы трансляции социокультурной информации в контексте межкультурной коммуникации.....	135
<i>Козлова Л. А.</i> Типологические особенности языка в этнокультурном ракурсе.....	141

Колесов И. Ю. Языковая репрезентация пространства в ракурсе культуры.....	147
Кольцова Е. А. Языковой портрет современной английской личности (на материале номинаций XXI века).....	153
Костюченко Т. Я., Ужегова Д. М. Многомерность образа мира.....	158
Ломанов П. В. К истории развития российской культурологической традиции в XIX столетии.....	165
Межова М. В., Осама Бадави Лексические репрезентанты культуры в переводческом поле (учитель или профессор?).....	169
Мельничук Т. А., Андросова Д. А. Языковая репрезентация этнических стереотипов в современном афроамериканском юморе в жанре стендап....	175
Михайлова Е. В. Особенности вербализации денежных единиц в лингвокультурологическом аспекте (на материале англо- и испаноязычных версий Библии).....	181
Нейман С. Ю. Влияние глобализации на языковые процессы с позиций лингвокультурологии.....	186
Позднякова Е. Ю. Когнитивное освоение городского пространства.....	192
Сабирзянова И. В. Перспективы кросскультурного диалога в контексте глобализации.....	198
Соколова Н. С., Ермолаева Е. Н. Когнитивные механизмы трансформации паремий (на материале английского языка).....	203
Старцева Т. В. Наименования ирландских сетовых танцев: сравнительный и лингвокультурологический анализ.....	209
Сулейманова О. А., Богданова А. Лингвогеографическое моделирование образа города: обеспечение безопасности индивида.....	213
Томберг О. В. Лингвокультурные доминанты образа женщины в англосаксонской поэтической традиции.....	218
Топоркова Ю. А., Королёва С. А. Проблема языковой интерференции в мультилингвистическом аспекте.....	222

<i>Трофимова Т. Н.</i> Слово в речи как один из элементов формирования речевой культуры в международном пространстве.....	227
<i>Fedulenkova T. N.</i> Cross-cultural awareness of phraseology in ESP learning...	230
<i>Цебровская Т. А.</i> Этническая предвзятость и лингвокультурология.....	236
ТЕКСТ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД.....	241
<i>Баишкатова Ю. А.</i> Типология деривационных трансформаций текстов по степени их смысловой общности/отдаленности.....	241
<i>Ващенко Д. Ю.</i> Юмористический разговорник как особый тип текста: приемы пародирования в «англо-восточнословацком словаре».....	245
<i>Вишневская Е. М., Чекмаева Н. А.</i> Способы передачи названий оздоровительных комплексов Крыма на английский язык (на примере эргонимов г. Севастополя).....	249
<i>Горбынко Е. Ю.</i> Крымский миф в романе И. Шмелёва «Солнце мёртвых».	253
<i>Клепикова Т. Г.</i> Правовой аспект текстов англоязычных патентных описаний.....	256
<i>Константинова Н. А.</i> Реализация деривационного потенциала глагола в межъязыковом пространстве в процессе обратного перевода.....	261
<i>Коняева Л. А.</i> Способы передачи молодёжного сленга и языковая личность переводчика.....	266
<i>Ланская О. В.</i> Сказочное и традиционное в пространстве дома Л. Н. Толстого.....	270
<i>Петрова Н. Г.</i> Роль лексических регулятивных структур в поэтических текстах символистов (на материале лирики К. Д. Бальмонта и З. Н. Гиппиус).....	276
<i>Рабкина Н. В., Петрова Д. Е.</i> Лексико-семантическое поле «horror» в творчестве Г. Ф. Лавкрафта.....	284
<i>Разумовская В. А.</i> Многоязычие «сильных» текстов литературы: продолжение строительства Вавилонской башни.....	287

<i>Сабирова Л. Д.</i> Проблемы перевода топонимов с языка оригинала на язык пользователя в публичных картографических сервисах.....	293
<i>Сигарева Н. В.</i> Тексты потребительской технической рекламы и прагматика их перевода.....	298
<i>Скидан О. Г.</i> О когнитивно-стилистическом подходе к анализу художественного текста.....	304
<i>Стройков С. А.</i> Анализ структуры гипертекста веб-сайта Гарвардского университета.....	310
ТЕКСТ, КОНТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТ.....	316
<i>Арпентьева М. Р.</i> Ремейк как интертекст: проблемы репродукции и творчества смыслов.....	316
<i>Байко В. А.</i> Интертекстуальность в аспекте современного британского детективного текста.....	324
<i>Герасименко И. А., Анушкина Н. А.</i> Средства экспрессивного синтаксиса в языке произведений В. Платовой.....	329
<i>Горбунова Г. А.</i> Особенности конфликтов в пьесах М. Е. Салтыкова-Щедрина.....	334
<i>Дубинец З. А.</i> Диалог культур в «Ершалаимских главах» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».....	340
<i>Икитян Л. Н.</i> Именная провокация, или особенности имянаречения в романах Л. Андреева и И. Эренбурга.....	345
<i>Кауров С. С.</i> О снятых с трупа сапогах: Пушкинский контекст новеллы Сигизмунда Кржижановского «Игроки».....	349
<i>Алехина А. А., Климина Л. В.</i> Портретная лексика в ранней художественной прозе Л. Н. Толстого.....	353
<i>Климина Л. В.</i> Семантическое пространство рассказа К. Г. Паустовского «Подарок».....	356
<i>Коломиец С. В.</i> Гипертекстуальность как одна из отличительных характеристик интернет-рекламы.....	361

<i>Лушникова Г. И., Герасименко Е. В.</i> Специфика фокализации в романе «The help» Кэтрин Стокетт.....	364
<i>Мандрика В. С., Мокренцов Д. С.</i> Кіномистецький простір у сплетінні художньої літератури: взаємовпливи та наслідки.....	369
<i>Мингажева А. К.</i> Репрезентация текстовых категорий электронного туристического путеводителя как поликодового текста.....	375
<i>Мокренцов Д. С.</i> Образ новочасного месії в творчості М. Хвильового.....	381
<i>Петрова Н. В.</i> Пародия, стилизация, бурлеск: к разграничению понятий...387	
<i>Пономарева Е. В.</i> Литературный портрет в дневниковой прозе.....	391
<i>Посконная Н. Н., Гершун М. В.</i> Теоретические аспекты изучения инфографики.....	396
<i>Сабурова Н. В.</i> Некомбинированная оценочность в тексте англоязычной кинорецензии.....	401
<i>Синельникова Л. Н., Лушникова Г. И.</i> Интердискурсивность как внутритекстовое взаимодействие семиотических кодов.....	406
<i>Трашкова С. М.</i> Основные подходы к экспертизе текста: психологический и лингвистический аспекты.....	411
<i>Урядникова Е. В.</i> Функционирование однокоренных и одноаффиксальных синонимов в поэтическом тексте (на материале поэзии Б. А. Ахмадулиной).....	414
<i>Чемезова Е. Р.</i> Интертекстуальный приём самоцитирования в прозе Ч. Паланика.....	419
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	425
<i>Бармина Е. А.</i> Манипулятивность медиадискурса.....	425
<i>Борботько Л. А., Мочалова Т. Г.</i> Театральная афиша и киноафиша как дискурсивные жанры.....	430
<i>Борботько Л. А.</i> Коммуникативный кодекс в театральном дискурсе.....	436
<i>Васильев Л. Г., Котелевская Э. И.</i> Поведение коммуникантов в любовном дискурсе.....	441

Водяницкая А. А. Оценочная составляющая научной дискуссии в академическом дискурсе.....	446
Врыганова К. А. Berlitz Russia: Culinary guidebook как гастрономический дискурс.....	453
Герасименко И. А., Мещерская Р. М. Языковые средства художественной выразительности в женском мемуарно-биографическом дискурсе (на материале произведений Ф. Раневской).....	456
Дорошенко Л. А., ШUTOва О. А. Типология речевых жанров поучающего дискурса.....	460
Карташкова Ф. И., Аббаскулиева А. Б. Вербальное поведение участников семейного дискурса в ситуациях некооперативного общения.....	463
Костина Е. В., Меркулова Н. Е. Некоторые особенности неофициального дискурса компьютерщиков.....	468
Кузнецов И. В. «Коммуникативная стратегия» как проблемный концепт...	471
Лукошус О. Г., Бузыкина А. А. Оценка как характеристика медиа-текста...	476
Медведева Е. В. Квест как основной сценарий жанра фэнтези (на материале произведений А. Нортон).....	480
Моторная С. Е. Дискурс и профессиональная деятельность в современном обществе.....	484
Навроцкая Н. А. Особенности исследования учебного диалогического дискурса (УДД).....	490
Некрасова М. Ю. Жанры английского публицистического дискурса середины 19 века.....	494
Плисов Е. В. Дискурсивный подход в описании языка религии в современной германистике.....	499
Потапова Н. В., Каменева В. А. Актуальные вопросы современных исследований новостного дискурса.....	503

- Рабкина Н. В., Сосновский Д. А.* Некоторые особенности твит-дискурса (на материале новостных сообщений интернет-версий традиционных американских СМИ).....509
- Савина Н. А.* Социолингвистические особенности языка рекламного текста.....513
- Сулейманова О. А.* Академический диалог: дискурсивная интерпретация..519
- Ferranti Alina.* Felicity/infelicity conditions of Complimenting in English.....525
- Слышкин Г. Г.* Реализация массовой фобии в дискурсе.....527

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ.....533

- Дроздова А. А.* Компетентностный подход в развитии коммуникативных умений в условиях профессионального обучения.....533
- Ермолаева Е. Н., Рыбкина А. К.* Компетентностный подход в обучении устному профессионально-ориентированному переводу как межкультурной трансляции.....535
- Кожалиева Ч. Б.* Языковая полисемия как проблема общения лиц с разным уровнем интеллектуального развития.....540
- Михайлова А. Г.* Необходимость чтения и перевода англоязычных текстов как основы развития умений понимать и использовать научную информацию.....543
- Мокренцова Л. В.* Специфика лингводидактической подготовки будущего учителя иностранного языка.....549
- Осадчая Т. Ю.* Оценивание знаний и умений студентов в рамках методики коммуникативных заданий на занятиях по иностранному языку в вузе.....555
- Povolotskiy S. S., Mikhaylova A. G.* Scientific aspect of foreign languages learning.....561
- Ратовская С. В.* Рефлексивная практика: развитие лингвистической компетенции будущего учителя иностранного языка.....563

Самойленко Н. Б. Как мы взаимодействуем?.....569

Сурова Н. А. Лингвокультурологический аспект в изучении иностранного языка в процессе профессиональной подготовки.....575

Шулекина Ю. А. Комикс в логопедических технологиях развития связной речи дошкольников и младших школьников.....579

Шулекина Ю. А., Кузнецова А. А. Особенности восприятия информации в учебнике учащимися начальных классов общеобразовательной школы.....584

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА.....590

Королёва С. А., Абдуллин А. Х. Фонологический аспект в мультилингвистических интеллектуальных голосовых ассистентах на примере испанского языка.....590

Агеева А. В., Абдуллина Л. Р. Изменения категории рода галлицизмов в свете морфологической ассимиляции.....595

Дашкова С. Ю. Гендерная характеристика выражения отказа от общения.600

Иванова Н. К., Кузьмина Р. В. Английские неологизмы как креативный потенциал языковой личности.....604

Кузьмичева А. А. Показатели интенсивности в просодической структуре иронического высказывания в немецком языке.....608

Лукошус О. Г. Исследование инварианта и прототипа многозначного слова.....613

Матвеева И. В. Особенности функционирования местоимений второго лица и их функциональных синонимов в современном немецком языке.....618

Ресенчук А. А., Савина Ю. Ю. Анализ употребления фразовых глаголов в художественной и публицистической литературе.....622

Научное издание

**КОНЦЕПТ И КУЛЬТУРА
СБОРНИК СТАТЕЙ**

**VI МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КОНЦЕПТ И КУЛЬТУРА»**

(Кемерово – Ялта, 25–27 сентября 2016 г.)

Подписано в печать 01.09.2016 г. Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Уч.-изд. л. 37,08.
Тираж 300 экз. Заказ №
Кемеровский государственный университет.
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

Отпечатано в типографии ООО «ИНТ»: г. Кемерово, пр-т Октябрьский, 28, офис 215
Тел.: (3842) 657-893, 657-889. Сайт: www.v-int.ru, E-mail: typoint@mail.ru